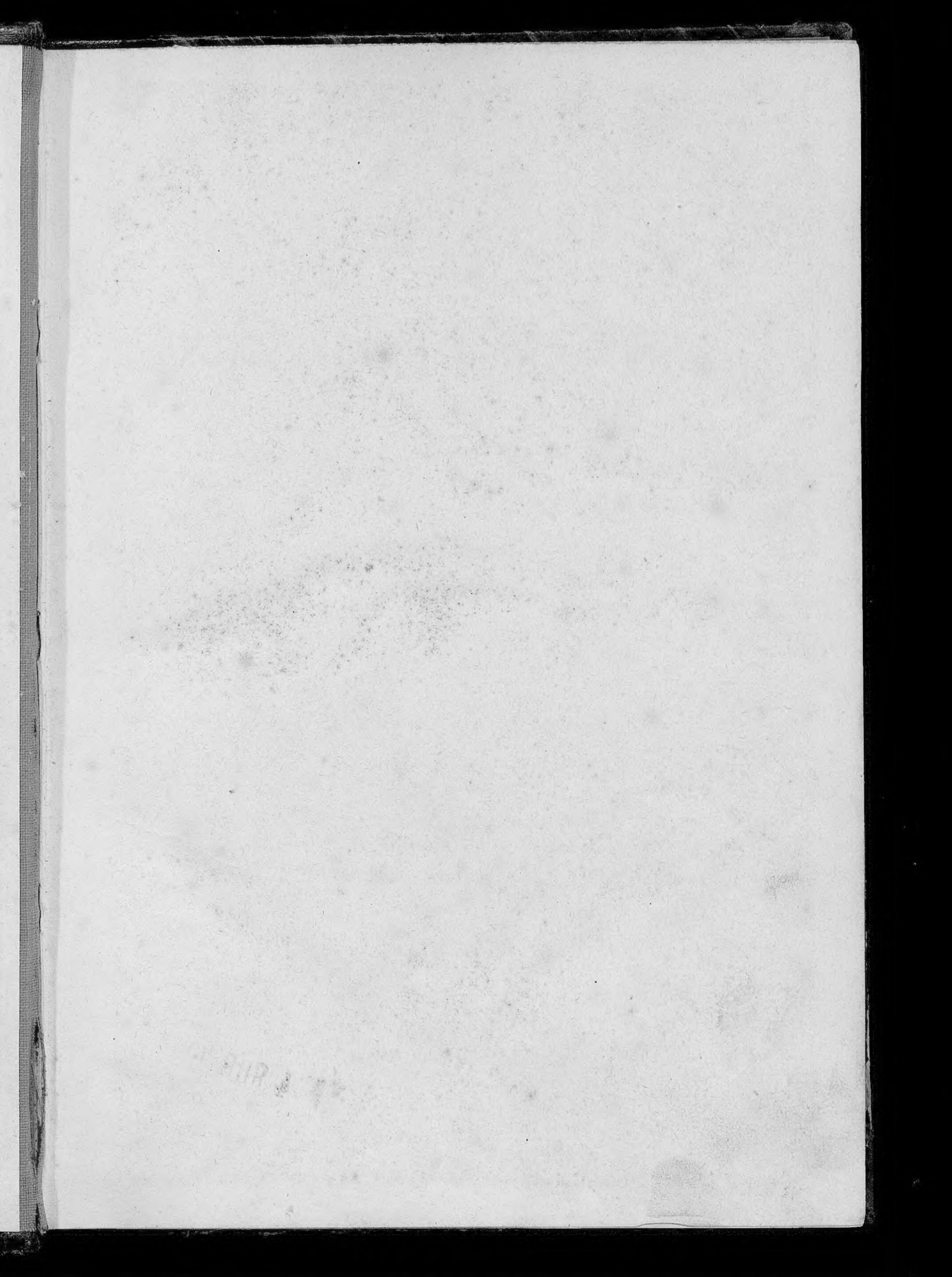
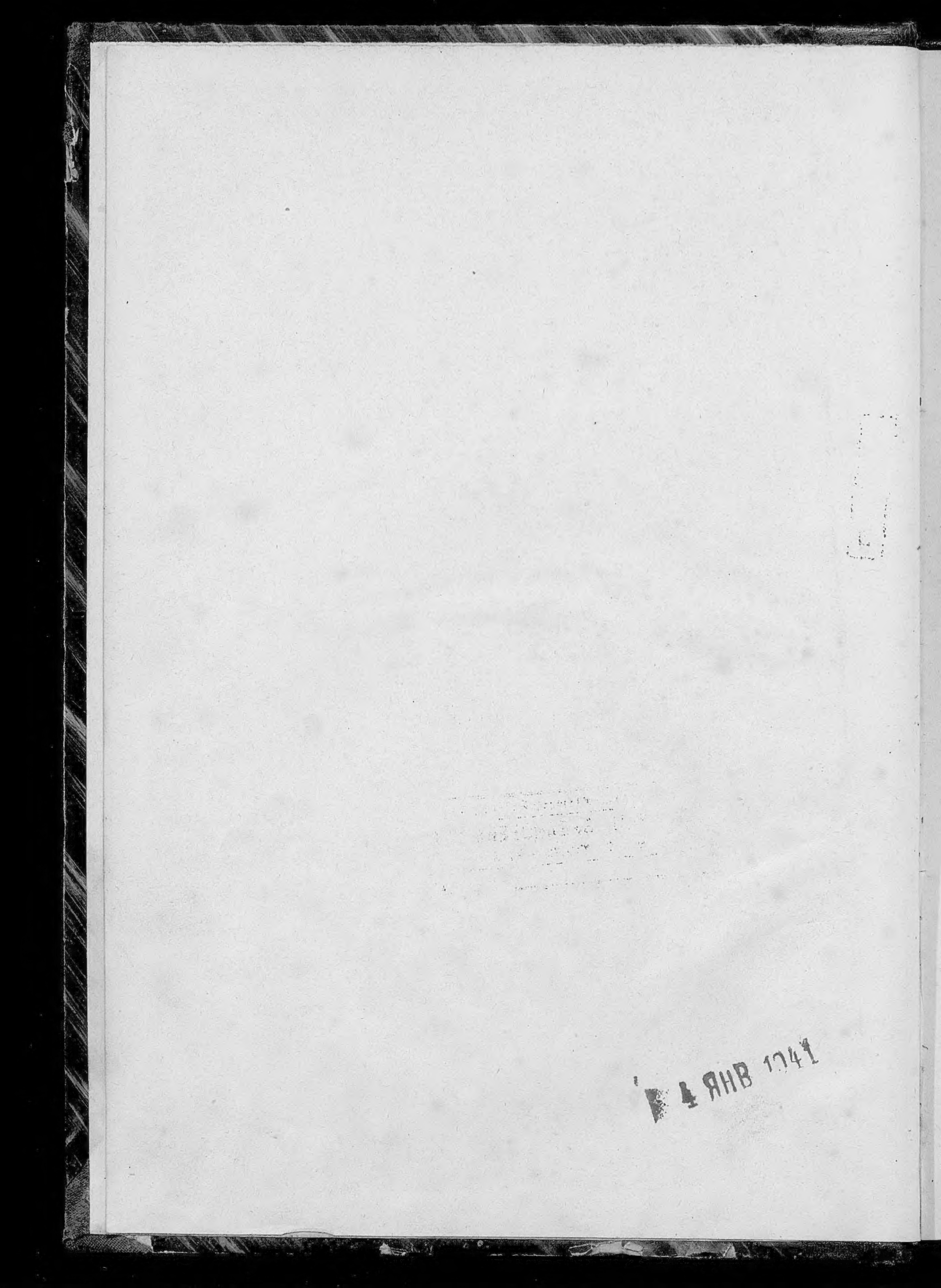
2,50 m

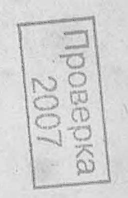

4 ЯНВ 1941

ЗАПИСКИ

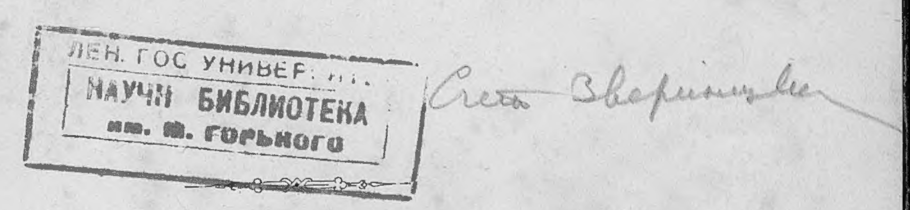
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1891.

По опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета печатать дозволяется.

Деканъ *И. Помяловскій.*

21 августа 1891 г.

С. М. Середонинъ.

Сочиненіе Джильса Флетчера

«OF THE RUSSE COMMON WEALTH»

какъ историческій источникъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1891.

Отцу посвящаю я эту книгу.

*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выпуская въ свѣтъ критическій разборъ извѣстнаго сочиненія Джильса Флетчера «*Of the Russe Common Wealth*», считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о характерѣ и задачахъ моего труда.

Вторая половина XVI вѣка—одна изъ наиболѣе важныхъ и интересныхъ эпохъ русской исторіи; успѣхи на Востокѣ и неудачи на Западѣ, торжество государственнаго единства и монархическаго начала надъ аристократическимъ и зародыши грядущей смуты, преобразованія центральнаго и мѣстнаго управленія, усиленная народная колонизація и начало прикрѣпленія,—вотъ главнѣйшіе вопросы, приковывавшіе къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Безъ правильнаго рѣшенія многихъ изъ нихъ трудно слѣдить дальше за развитіемъ государственной и общественной жизни русскаго народа; нельзя, однако, сказать, чтобы вопросы эти, поднятые въ литературѣ давно, были рѣшены вполнѣ, чтобы на нихъ установились опредѣленные взгляды. Едва ли можно расчитывать на появленіе въ ближайшемъ будущемъ новыхъ документовъ по этой эпохѣ содержанія доселѣ неизвѣстнаго; поэтому дальнѣйшее изученіе ея мнѣ представляется возможнымъ или въ подробной переработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ, хотя бы казавшихся мелкими на первый взглядъ, или въ критической разработкѣ главныхъ источниковъ, въ тщательной провѣркѣ извѣстій, которыми пользовались многіе.

Я избралъ этотъ послѣдній путь; мнѣ казалось, что разборомъ источника, очень богатаго по содержанію своему, очень

хорошо извѣстнаго въ научной литературѣ, я и самъ ближе подойду къ рѣшенію наиболѣе важныхъ вопросовъ интересовавшаго меня времени и, быть можетъ, окажу посильную помощь другимъ, кто долженъ будетъ обратиться къ сочиненію Флетчера.

Иностранныя сочиненія о Россіи вообще занимаютъ не особенно высокое мѣсто среди источниковъ науки. Но позволяю себѣ думать, что нѣтъ надобности доказывать, какое почетное мѣсто среди нихъ принадлежитъ сочиненію Джильса Флетчера; скажу только, что не могу припомнить ни одного самостоятельнаго научнаго труда по русской исторіи XVI вѣка, въ которомъ не встрѣчались бы ссылки на его сочиненіе; одного этого обстоятельства достаточно для оправданія моей работы; провѣрка извѣстій, которыми по частямъ пользовались очень многіе съ самыми разнообразными цѣлями, не могла не привести къ наблюденіямъ и выводамъ, не лишеннымъ интереса. Богатство содержанія сочиненія Флетчера, обиліе затрагиваемыхъ имъ вопросовъ представляли для меня, начинающаго еще только работать, не малое затрудненіе. Но зато съ первыхъ же шаговъ работы я увидѣлъ, что имѣю полную возможность сосредоточиться исключительно на разборѣ извѣстій Флетчера о Россіи, что мнѣ нѣтъ надобности самому разыскивать біографическія данныя объ авторѣ разбираемаго сочиненія, объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ и сопровождавшихъ его пріѣздъ въ Россію. Все это я нашелъ въ литературѣ твердо установленнымъ, благодаря трудамъ Гамеля, Bond'а и, особенно, Толстаго, столь много потрудившагося надъ разработкою сношеній Россіи и Англіи въ указанную эпоху; въ общеизвѣстныхъ трудахъ Соловьева, Костомарова (Очеркъ торговли), Бестужева-Рюмина, недавно Иловайскаго и Мартенса я нашелъ уже повтореніе установленныхъ предъидущими трудами фактовъ; справки въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ убѣдили меня, что архивныя богатства, относящіяся до этихъ сношеній, уже исчерпаны.

Задачей своей я считалъ опредѣлить достоинство какъ всего сочиненія «*Of the Russe Common Wealth*», такъ и отдѣльныхъ сообщеній Флетчера. Я предпослалъ систематическому разбору

извѣстій Флетчера «Введеніе», въ которомъ изложены біографія писателя, содержаніе его сочиненія и общія критическія замѣчанія объ отношеніи автора какъ къ предшествовавшимъ трудамъ, такъ и къ устнымъ сообщеніямъ. Здѣсь же я далъ общій обзоръ англійскихъ извѣстій о Россіи, написанныхъ до появленія книги Флетчера. Большая часть «Введенія» была напечатана мною въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (1885 г., № 12).

Самыя извѣстія я раздѣлилъ на четыре главы: 1) историко-географическія извѣстія; 2) извѣстія о населеніи, его бытѣ внѣшнемъ, соціальномъ и экономическомъ; 3) извѣстія о власти, ея отношеніи къ подданнымъ, къ церкви, къ думѣ боярской, къ собору; 4) извѣстія объ управленіи,—административномъ, церковномъ, судопроизводствѣ, финансовомъ и военномъ (Разборъ извѣстій Флетчера о военныхъ силахъ государства былъ напечатанъ мною въ «Библіографѣ» 1891 г. №№ 2 и 3; въ этой книгѣ перепечатывается съ небольшими измѣненіями). Въ «Заключеніи» я свелъ итоги изслѣдованія и далъ общую характеристику труда Флетчера.

Не ко всѣмъ извѣстіямъ Флетчера я относился съ одинаковымъ вниманіемъ, что зависѣло, какъ отъ достоинства и цѣнности извѣстій, такъ и отъ литературы предмета.

По своей цѣнности извѣстія Флетчера могутъ быть сведены къ тремъ категоріямъ.

Къ первой относятся извѣстія, не имѣющія вовсе никакой цѣны или имѣющія очень малую цѣну для русской науки. Эта категорія извѣстій интересна лишь для характеристики самого Флетчера; оттого я упоминалъ о нихъ, но считалъ совершенно излишнимъ останавливаться на нихъ подробнѣе. Я не разбиралъ его сообщеній о порядкѣ православнаго богослуженія, описаній церковныхъ обрядовъ, потому что увѣренъ, что никогда и не обратится русская наука къ сочиненію Флетчера по этимъ предметамъ; я мимоходомъ указалъ на его отношенія къ православію, нападки какъ на самое вѣроученіе, такъ и на обряды и вообще на религіозную жизнь народа; все это вещи избитыя, давно извѣстныя; мнѣ бы пришлось повторять

то, что сравнительно недавно высказано было Д. В. Цвѣтаевымъ и раньше Л. П. Рущинскимъ.

2) Вторую категорію составляютъ извѣстія, сами по себѣ интересныя, но въ вопросахъ, къ которымъ они относятся, имѣющія значеніе лишь второстепенное. Это очень многочисленная группа извѣстій. При разборѣ такихъ извѣстій я старался опредѣлить, что новаго они вносятъ въ разбираемый вопросъ, какія подробности можно извлечь изъ нихъ. Если въ литературѣ предмета существовало разногласіе, я подвергалъ спорные пункты пересмотру, какъ на основаніи извѣстій Флетчера, такъ и другаго матеріала, которымъ не пользовались еще мои предшественники по разбираемому предмету.

3) Съ особымъ тщаніемъ я отнесся къ тѣмъ извѣстіямъ Флетчера, которыя служатъ главными источниками для рѣшенія затронутыхъ имъ вопросовъ. При разборѣ ихъ я старался найти прежде всего надежный критерій, не позволялъ себѣ только отвергнуть показанія Флетчера, какъ невѣрныя, но, по мѣрѣ силъ, старался дать положительное рѣшеніе дѣла.

Уже изъ вышесказаннаго видно, что сочиненіе мое носитъ характеръ нѣсколько отрывочный; я утѣшаю себя тѣмъ, что этотъ недостатокъ до извѣстной степени былъ неизбѣженъ, разъ я разбиралъ сочиненіе, извѣстія котораго весьма различной цѣнности, разъ затронутые вопросы весьма различно поставлены въ ученой литературѣ. Я бы могъ, конечно, и неважныя извѣстія разобрать такъ же подробно, какъ и наиболѣе интересныя; но это увеличило бы объемъ моей книги, уменьшивъ ея внутреннюю цѣнность; только затруднило бы читателя массою старыхъ, общеизвѣстныхъ фактовъ, въ которыхъ потонули бы извѣстія важныя и характерныя. Еще разъ просматривая сочиненіе Флетчера, осмѣливаюсь думать, что немного найдется сколько-нибудь интересныхъ его указаній, о которыхъ я не упомянулъ бы.

Не на всѣ затронутые вопросы я далъ прямой отвѣтъ; къ нѣкоторымъ извѣстіямъ Флетчера не могъ подыскать указаній изъ другихъ источниковъ; многое, можетъ быть, рѣшилъ слишкомъ поспѣшно и поверхностно; но надѣюсь, что при всѣхъ недостаткахъ работа моя не пропадетъ безслѣдно для будущихъ

изслѣдователей: если не примутъ моихъ выводовъ, то, по крайней мѣрѣ, будутъ осторожнѣе, чѣмъ это дѣлалось часто до сихъ поръ, относиться во многихъ случаяхъ къ даннымъ Флетчера.

Оканчивая свою работу, съ особою признательностью благодарю профессора-наставника моего *Егора Егоровича Замысловскаго* за его сердечное отношеніе ко мнѣ, за его всегдашнюю готовность помочь мнѣ словомъ и дѣломъ, за неоднократныя исправленія моихъ первыхъ опытовъ въ разработкѣ вопросовъ отечественной исторіи. Съ глубочайшею благодарностью вспоминаю указанія и наставленія, которыя мнѣ щедро давалъ впродолженіе моей работы профессоръ-академикъ *Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ. Леониду Николаевичу Майкову* и *Павлу Александровичу Соколовскому* приношу сердечную свою благодарность за ихъ любезное содѣйствіе при занятіяхъ моихъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Навсегда сохраню горячую признательность за дружескую помощь и то участіе, какое принимали въ моемъ трудѣ, профессоръ *Сергѣй Ѳедоровичъ Платоновъ*, не пожалѣвшій своего времени даже при печатаніи моей книги, *Василій Григорьевичъ Дружининъ* и *Николай Дмитріевичъ Чечулинъ*; могу сказать, что, благодаря имъ, самый «трудъ» обратился для меня въ наслажденіе, наиболѣе высокое, какое только доступно человѣку. Особымъ счастьемъ считаю, что мнѣ пришлось работать какъ разъ въ то время, когда среди питомцевъ Петербургскаго Университета особенно оживились занятія исторіей, и память о товарищескихъ бесѣдахъ съ *А. И. Барбашевымъ, Н. М. Бубновымъ, М. А. Дьяконовымъ, И. А. Козеко, А. С. Лаппо-Данилевскимъ, И. И. Симоновымъ, С. Л. Степановымъ, И. А. Шляпкинымъ* и *Е. Ф. Шмурло* буду хранить, какъ лучшій залогъ alma mater.

8 Августа 1891 г.

Сокращенія, допущенныя мною въ названіи немногихъ изданій, обычныя и общепринятыя въ наукѣ:

А. Э.—Акты, собранные въ Библіотекахъ и Архивахъ Рос-

сійской Имперіи Археографическою Экспедиціею Императорско Академіи Наукъ.

А. И.—Акты Историческіе.

Д. А. И.—Дополненія къ Актамъ Историческимъ.

Собр. Гос. Гр. и Д.— Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ.

А. М. Г.—Акты Московскаго Государства.

Флетчера и Горсея всегда цитирую по изданію Bond'а въ сборникѣ «Russia at the close of the sixteenth century»; это лучшее изданіе—перепечатка перваго изданія 1591 г., сдѣланнаго самимъ авторомъ подъ заглавіемъ: «Of the Russe Common Wealth or Manner of Governement by the Russe Emperour commonly called the Emperour of Moscovia with the manners and fashions of the people of that Country. At London. Printed by T. D. for Thomas Chare 1591». 116 листковъ+посвященіе. Bond нѣсколько исправилъ правописаніе Флетчера, придалъ ему большее однообразіе, напр. вмѣсто Samartia, Volodemer, Condora, volgha vologda, vlademir—въ изданіи Бонда напечатано: Sarmatia, Volodemer, Condoria, Volgha, Vologda, Vlademir.

ВВЕДЕНІЕ.

Извѣстно, что въ 1553 году англичане открыли, какъ они выражались, Россію. Это открытіе имъ хотѣлось поставить наравнѣ почти съ Колумбовымъ, но оно служитъ только доказательствомъ скудости ихъ географическихъ познаній. Даже нельзя сказать, что они открыли новый путь въ Россію чрезъ Бѣлое море, потому что путь этотъ былъ уже извѣстенъ западной Европѣ; англичане только первые воспользовались этимъ путемъ для торговыхъ сношеній. Экспедиція, открывшая для англичанъ Россію, снаряжена была «обществомъ купцовъ, искателей открытія странъ, земель, острововъ, государствъ и владѣній, не извѣстныхъ и доселѣ не посѣщаемыхъ морскимъ путемъ». Изъ трехъ кораблей, составлявшихъ эту экспедицію, два принуждены были остановиться на зимовку въ устьѣ рѣчки Арзины (на Лапландскомъ берегу); экипажъ обоихъ кораблей погибъ отъ холода, о которомъ англичане тогда не имѣли понятія. Третій же корабль, «Эдуардъ Благое Предпріятіе», отдѣлившійся во время бури отъ остальныхъ, благополучно бросилъ якорь въ устьѣ Сѣверной Двины, противъ монастыря св. Николая, 24-го августа 1553 года. Начальникомъ этого корабля былъ Ричардъ Чанслоръ.

Мѣстные жители дали знать объ этомъ событіи въ Москву; оттуда было послано Чанслору ласковое приглашеніе пріѣхать, если онъ въ состояніи перенести продолжительный переѣздъ, въ столицу Московскаго государства.

Прибытіе англичанъ было какъ нельзя болѣе кстати. Царь Иванъ Васильевичъ видѣлъ, что русскимъ не достаетъ техническихъ знаній и орудій для успѣшной борьбы съ ихъ западными сосѣдями—шведами, ливонцами, литовцами и поляками; поэтому онъ

старался завязать сношенія съ западною Европой. Но и сосѣднія государства очень хорошо понимали, какъ вредно для нихъ дать усилиться Московскому царю; они ревниво смотрѣли за сношеніями Московскаго государя съ иностранными западными державами и не пропускали иностранцевъ, ѣхавшихъ на службу въ Россію. Понятны удовольствіе и радость Грознаго, когда онъ узналъ, что англичане открыли путь въ Россію, которымъ она можетъ сноситься съ западною Европой, минуя своихъ завистливыхъ сосѣдей. Чанслоръ и его свита были обласканы царемъ въ Москвѣ; англичанамъ не только дозволено было торговать въ Россіи, но и пожалованы были значительныя привилегіи.

По возвращеніи Чанслора въ Англію, тамъ изъ членовъ общества, снарядившаго экспедицію 1553 года, образовалась компанія для торговли съ Россіей. Компанія эта извѣстна подъ названіемъ «Московской»; ей пожалована была монополія на торговлю съ Россіей. Въ Россіи она пользовалась такими привилегіями, какихъ не имѣли другіе иностранцы, торговавшіе тамъ; ей дано было право на безпошлинную торговлю; отведены были дома въ пяти городахъ: у монастыря св. Николая, въ Холмогорахъ, Вологдѣ, Ярославлѣ и Москвѣ; въ другихъ же городахъ она могла имѣть свои конторы; ея агенты и факторы свободно разъѣзжали по всей Россіи, искали путей въ Сибирь, въ Китай, ѣздили съ товарами въ Персію; на агентовъ компаніи московское правительство часто возлагало порученія торговыя и политическія. Не всегда, конечно, дѣла компаніи въ Россіи шли хорошо: Іоаннъ Грозный, разсердившись на что нибудь, клалъ на нее опалу, отбиралъ товары, требовалъ полныхъ пошлинъ (съ половины шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія съ англичанъ брали обыкновенно половинныя пошлины); но въ общемъ компанія получала большую прибыль отъ торговли съ русскими [1]).

---

[1]) Подробности о жизни англичанъ въ Россіи см. у Гамеля: «Англичане въ Россіи въ XVI и XVII ст.» Спб. 1865—69 гг.; также предисловіе Ю. В. Толстаго къ его сборнику «Россія и Англія» (1553—593 гг.). Спб. 1875 г. Въ предисловіи подробно разсказана исторія политическихъ сношеній между двумя государствами. Кромѣ того существуетъ рядъ отдѣльныхъ статей по сношеніямъ Россіи съ Англіей въ XVI в. Ю. В. Толстаго, о Горсеѣ (Отечеств. Зап. 1859 г. № 9), о Флетчерѣ (Библіот. д. Чт. 1861 г. № 1), о Боусѣ (Русс. Вѣст. 1861 г. № 11), Е. Е. Замысловскаго—Очеркъ сношеній Россіи съ Англіей (Др. и Нов. Россія 1876 г., № 6). Въ общихъ трудахъ С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова (Очеркъ торговли), Д. И. Иловайскаго (т. III), вопросъ о сношеніяхъ двухъ государствъ разработанъ довольно подробно и обстоятельно. Документы, относящіеся къ этимъ сношеніямъ, напечатаны въ сборникѣ

лица, служившія агентами и факторами, живали въ Россіи по нѣскольку лѣтъ; многіе изъ нихъ пріѣзжали въ Россію въ молодыхъ лѣтахъ «учениками», а впослѣдствіи становились факторами и даже главными агентами; очень многіе изъ нихъ знали русскій языкъ; знать же условія, порядки и обычаи русской жизни было ихъ обязанностью: убытокъ ставился на счетъ агенту, если причиной его была нераспорядительность или незнаніе агента.

Изъ предыдущаго видно, въ какихъ благопріятныхъ условіяхъ жили англичане въ Россіи, какими преимуществами они пользовались предъ другими иностранцами, оттого англійскія извѣстія о Россіи за вторую половину XVI в. занимаютъ совершенно особое мѣсто среди источниковъ русской исторіи этой эпохи.

Русскіе источники этого времени почти всѣ отрицательно относятся къ дѣятельности Грознаго. Жертвы опричнины, несчастія и неудачи послѣднихъ лѣтъ въ глазахъ каждаго русскаго книжника были явнымъ доказательствомъ жестокаго и дурнаго правленія Іоанна. Для чего проливалось столько крови внутри и извнѣ государства, когда прежде Московское государство процвѣтало и благоденствовало, какъ Израиль въ счастливые дни Соломона. Русскіе отзывы, наиболѣе даже снисходительные къ Іоанну, видятъ въ поступкахъ царя Божіе наказаніе за умноженіе грѣховъ населенія; указывая на заслуги Іоанна предъ государствомъ, просто отказываются объяснить перемѣну въ государѣ «не вѣмъ, како превратися многомудренный его умъ на правъ яръ». Въ нашей исторической литературѣ объясняли этотъ фактъ тѣмъ, что отзывы эти принадлежатъ противной Іоанну партіи: кн. Курбскому и кн. Катыреву-Ростовскому, лѣтописцамъ Новгородскому и Псковскому. Недавно сталъ извѣстенъ Временникъ дьяка Ивана Тимоѳеева, принадлежавшаго къ разряду лицъ, которымъ Іоаннъ особенно покровительствовалъ и въ средѣ которыхъ мы въ правѣ были бы ожидать если не апологіи, то, по крайней мѣрѣ, сочувственнаго отношенія къ Грозному. Между тѣмъ Тимоѳеевъ правленіе Іоанна считаетъ источникомъ всѣхъ бѣдъ, постигшихъ Россію въ смутное время; «отъ умышленія же зѣльныя ярости на своя рабы подвигся толикъ, яко возненавидѣ грады земли своея вся и во гнѣвѣ своемъ раздѣленіемъ раздвоенія едины люди раздѣли и яко двоевѣрны сотвори... всю землю державы своея, яко сѣкирою, наполы нѣкако

Толстаго: Россія и Англія и въ XXXVIII т. Сборника Импер. Русс. Истор. Общества; статейный списокъ посольства Флетчера. Временникъ, VII.

разсѣче. Симъ смяте люди вся, и предъ лицемъ си вмѣсто себе, кромѣ сына своея крове, отъ Измаилтъ иного нѣкоего вѣрна царя поставль... Велможа же царствія своего многи и добромыслимая ему изби, прочихъ же въ чюжевѣрные земли отъ себя изгоняя, и во оныхъ мѣсто отъ окрестныхъ странъ пріѣзжающая къ нему возлюби, и болшими дарованми тѣхъ богатя, отъ нихъ же инѣхъ и въ тайномысліе си пріятова; другихъ художествы врачевные хитрости къ нему примилшихся, извѣтомъ здравія ему своея мудрости раствореніе приносяще, о нихъ же истинѣ рещи, — души его вредъ, тѣлесное паче нездравіе, вкупѣ же съ симъ и ненавидѣніе ему на люди его нанесоша... Увы! все внутренняя его въ руку варваръ быша, и яже о немъ восхотѣ да сотвориша, лишше неглаголю—самъ себѣ навѣтникъ бывъ» [1]).

Любопытно, что и дьякъ Тимоѳеевъ указываетъ на ту же причину гнѣва и немилости Іоанна къ своимъ, какъ и псковскій лѣтописецъ—приближеніе иностранцевъ; «а опослѣди отъ иновѣрцовъ и самъ ума изступи» [2]).

Въ дѣятельности Грознаго была черта, которой русскіе люди не могли ему простить—нелюбовь его къ Россіи, пристрастіе къ иностранцамъ, сказавшіяся и въ стремленіи царя овладѣть берегами Балтійскаго моря вмѣсто популярной въ то время войны съ Крымомъ, и въ домогательствѣ царя жениться на иностранной принцессѣ. Для брака съ отдаленной родственницей Елизаветы Іоаннъ нетолько сносилъ грубое поведеніе англійскаго посла Боуса нетолько ставилъ его въ образецъ своимъ подданнымъ, но даже готовъ былъ поступиться значительными русскими торговыми интересами въ пользу англійскихъ торговцевъ. «Умеръ вашъ англійскій царь», съ негодованіемъ сказалъ Боусу знаменитый дьякъ Андрей Щелкаловъ по смерти Грознаго. «Всѣ мои русскіе воры, я не русскій—мои предки германцы», говорилъ Грозный какому-то иностранному золотыхъ дѣлъ мастеру (20); «очень хорошо, знаю какъ вѣроломно поступали они (мои подданные) съ моими предками... Очень скорблю, потому что вижу себя со всѣхъ сторонъ

---

[1]) О Временникѣ дьяка Ивана Тимоѳеева и личности автора см. С. Ѳ. Платонова: Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII в. Спб. 1888, 128—168 (Дополнительныя данныя о личности Ив. Тимоѳеева см. Н. П. Лихачева «Разрядные дьяки XVI в.», 197 пр. 1). Благодаря любезности С. Ѳ. Платонова, мы имѣли возможность пользоваться отпечатанными уже листами Временника, подготовляемаго имъ къ печати.

[2]) Карамзинъ, пр. IX, 3.

окруженнымъ гнуснѣйшими предателями... я самъ веду свое происхожденіе отъ славнаго рода князей Баварскихъ, я приложу стараніе къ тому, чтобы снова открыть въ моихъ городахъ, Псковѣ и Новгородѣ, первоначальныя училища, въ которыхъ русское юношество обучалось бы латинскому и нѣмецкому языкамъ»—слова Грознаго Таубе и Крузе, по показанію Даніила Принца. Извѣстно также, какъ презрительно отзывался Грозный въ письмѣ своемъ къ Баторію о людяхъ, служившихъ ему вѣрою и правдою до гроба; какъ настойчиво онъ проводилъ легенду о своемъ происхожденіи отъ Прусса, а вѣдь въ зависимость отъ этой легенды поставленъ тотъ непріятный для русскаго самолюбія фактъ, что въ XVII в. русское происхожденіе для служилаго человѣка считалось чѣмъ-то обиднымъ [1]).

Неудивительно, что русскіе люди XVI в., отличавшіеся въ значительной степени высокомѣрнымъ и пренебрежительнымъ отношеніемъ къ другимъ народамъ, платили Іоанну, какъ впослѣдствіи Борису, тою же монетою, что и отразилось на литературныхъ памятникахъ того времени. Мы не должны скрывать отъ себя многихъ недостатковъ нашихъ предковъ XVI в.; и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Іоаннъ, познакомившись ближе съ иностранцами, поддался ихъ вліянію и слишкомъ строго сталъ относиться къ недостаткамъ своего народа. Вотъ почему, по нашему мнѣнію, историкъ не можетъ вполнѣ положиться на русскіе отзывы: во всякомъ случаѣ они грѣшатъ односторонностью, непониманіемъ цѣлей правительства. Въ виду этого, иностранные отзывы для XVI в. получаютъ особое значеніе. Съ перваго взгляда такое положеніе можетъ показиться лишеннымъ всякаго реальнаго значенія, потому что, кто же, какъ не иностранцы ославили Іоанна на весь міръ? Откуда, какъ не изъ иностранныхъ показаній берутъ самыя ужасныя описанія казней этого царя. Кажется, что въ этомъ отношеніи между русскими и иностранными показаніями полное единодушіе, которое должно бы повести къ установленію, наконецъ, опредѣленнаго взгляда на эту эпоху и ея дѣятелей. Но историческая критика должна обратить серьезное вниманіе на то,

[1]) См. «Россія и Англія», 37; Даніилъ Принцъ «Начало и возвышеніе Москвы», переводъ И. А. Тихомирова, М. 1877 г., 22—23; Hist. Russ. Mon. I, № 225: Nolli tuos subditos criminari, nolli calumniari, qualês tu quidem habes, minime mereris, neque enim tu crudelitate tua dignum eorum fide ac charitate praestas, cum tua causa ferrum, globos, flammam contemnant. fortunas, liberos, conjuges, vitam amittant abs te ipsi illi deseruntur—отвѣтъ Баторія.

что Одерборнъ, Гваньини, Таубе и Крузе, Петрей и др. принадлежали къ лагерю политическихъ противниковъ Грознаго и Россіи. Ѳ. И. Успенскимъ убѣдительно выяснена роль, которую играла Польша по отношенію къ Москвѣ XVI в.: она была очагомъ, откуда распространялись самые нелѣпые слухи о русскомъ варварствѣ; полякамъ надо было доказать, что такихъ варваровъ не слѣдуетъ пускать въ Европу; В. Г. Васильевскимъ въ рядѣ статей доказано, съ другой стороны, какимъ тенденціознымъ иногда передѣлкамъ подвергались эти польскія извѣстія въ Германіи: въ 1580 г., напр., изданъ былъ памфлетъ на Грознаго въ Нюренбергѣ. Грозный изображенъ сидящимъ на тронѣ въ чалмѣ; подъ портретомъ стихотворная передѣлка Баторієва письма Грозному, въ которомъ разсказывается, какъ Грозный въ присутствіи сыновей своихъ приказываетъ убить пословъ Польши и Литвы, причемъ кровь брызнула въ лицо самому царю и его дѣтямъ [1]).

Что такіе слухи и извѣстія достигали своей цѣли видно уже изъ того, что одинъ папскій нунцій отказался ѣхать въ Москву по причинѣ fierrezza et barbarie et inumana natura di qual tiranno [2]).

Напротивъ, большая часть иностранцевъ, которые сами лично бывали въ Москвѣ, отзывались иначе, и не прочь были свалить вину на русскій народъ.

Еще Герберштейнъ замѣтилъ: «неизвѣстно, такая ли загрубѣлость народа требуетъ тирана государя, или отъ тираніи князя этотъ народъ сдѣлали такимъ грубымъ и жестокимъ». Дан. Принцъ уже о Грозномъ говоритъ: «жестокость, которую онъ часто совершаетъ на своихъ, имѣетъ ли начало въ природѣ его, или въ низости подданныхъ, я не могу сказать». Ульфельдъ—«дознали мы также, что слухъ о московскомъ царѣ во многихъ мѣстахъ пронесшійся весьма несправедливъ, будто онъ такую строгость и жестокость къ подданнымъ своимъ имѣетъ... ибо они паче упрямы, непослушны и ко всѣмъ порокамъ склонны». Горсей (206)—«этотъ народъ по природѣ своей такъ грубъ и испорченъ, что если бы покойный царь не держалъ ихъ въ такой твердой и суровой рукѣ, то онъ никогда не прожилъ бы такъ долго по причинѣ ихъ измѣнническихъ и коварныхъ поступковъ». То же можно найти у Массы, Тедальди, свѣдѣніями котораго пользовался Поссевинъ и др. [3]).

---

[1]) Ст. Ѳ. И. Успенскаго—Ж. М. Н. Пр. 1885 г. № 8; ст. В.Г. Васильевскаго тамъ же, 1889 г., № 1 и № 2.

[2]) Н. К. М. I, № 156.

[3]) Герберштейнъ, Записки о Московіи (переводъ И. Анонимова), 28; Дан.

Дальше всѣхъ въ этомъ направленіи пошелъ нѣкій Либенауэръ, писавшій по разсказамъ нѣмецкихъ купцовъ, жившихъ тогда въ Россіи, въ томъ числѣ и на основаніи показаній Таубе и Крузе. Онъ писалъ въ 1567 г. нѣмецкимъ князьямъ съ цѣлью убѣдить ихъ, какъ было бы выгодно для христіанъ заключить союзъ съ Москвой противъ турокъ. Либенауэръ, поэтому, выставляетъ на показъ могущество московскаго государя; на слышавшіяся обвиненія Грознаго въ тиранствѣ онъ категорически отвѣчалъ: «Nain er sei khain Tyran noch Veind des Christen» и увѣряетъ, что Іоаннъ донельзя щадитъ христіанскую кровь, указываетъ, какъ снисходительно онъ обошелся съ ливонскими плѣнниками. Въ слѣдующемъ письмѣ онъ говоритъ, однако, уже о жестокостяхъ Грознаго, хотя вполнѣ извиняетъ его тѣмъ, что подданные вынудили его на это. Баварецъ этотъ съ особеннымъ удовольствіемъ разсказываетъ, что русскій царь производитъ свой родъ изъ Баваріи и т. п. [1]).

Любопытно, что подобныя вещи писались отчасти по разсказамъ Таубе и Крузе, писавшихъ впослѣдствіи какъ разъ противное, когда счастье измѣнило Грозному и нечего было уже ожидать отъ него.

Эти соображенія историческая критика должна имѣть въ виду; имѣя столько показаній о жестокости Іоанна, показаній какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, нѣтъ никакой возможности отрицать эту жестокость, стараться обѣлить Іоанна или Годунова впослѣдствіи, только на томъ основаніи, что отзывы принадлежатъ противной партіи. Свидѣтельства посторонних свидѣтелей важны въ томъ отношеніи, что они могутъ помочь разобраться въ вопросѣ, чѣмъ вызваны были такіе поступки правительства; онѣ могутъ показать, что вина лежала не въ одномъ царѣ, и что ошибаются тѣ, которые считаютъ Іоанна человѣкомъ дѣйствовавшимъ безъ сознанія, подъ гнетущимъ вліяніемъ безотчетнаго страха [2]).

Англійскія извѣстія тѣмъ очень выгодны и отличаются отъ всѣхъ другихъ извѣстій этой эпохи, что они занимаютъ, до извѣстной степени, нейтральное положеніе. Политическое могущество Россіи для

Принцъ op. cit. 27; Ульфельдъ (переводъ Е. В. Барсова). Чт. М. Об. Ист. и Др. 1883, № 1, 25. Сказаніе Геркмана и Массы (изд. подъ редакціей Е. Е. Замысловскаго), 13. Пирлингъ «Papes et Tsars, 206—209.

[1]) Г. В. Форстенъ, Акты и письма къ Балтійскому вопросу № 31 и 33.

[2]) Достовѣрность отдѣльныхъ показаній Гваньини, Одреборна, Таубе и Крузе, вполнѣ основательно доказана А. И. Ясинскимъ «Сочиненія кн. Курбскаго», 174 и слѣд., сближеніемъ ихъ показаній съ показаніями Кирилловскаго синодика.

Англіи въ XVI в. нетолько не было страшно, но и прямо выгодно, такъ какъ съ Россіей они вели большой торгъ, Россія сама по себѣ представляла удобный рынокъ для ихъ произведеній; кромѣ того, подъ покровительствомъ русскаго правительства они проникали и въ Среднюю Азію, и въ Персію. Стремленія Грознаго имъ были на руку, осторожная политика Елизаветы отклонила заключеніе тѣснаго союза между Россіей и Англіей. Къ государю, который даровалъ имъ значительныя льготы и выгоды, англичане, конечно, относились съ большимъ сочувствіемъ, чѣмъ къ русскому народу; но во всякомъ случаѣ они подолгу живали среди русскихъ и имѣли возможность лучше и ближе другихъ иностранцевъ изучить Россію XVI в. Если, къ сожалѣнію, въ ихъ первыхъ извѣстіяхъ мало политическихъ фактовъ—только въ сочиненіяхъ Горсея и Флетчера эти факты поставлены на первомъ мѣстѣ—но за то сообщеніемъ данныхъ политическихъ и соціальныхъ они проливаютъ яркій свѣтъ на эту многозначительную эпоху.

Извѣстія англичанъ о Россіи XVI вѣка почти всѣ напечатаны въ собраніи Гаклюйта. Ревностный къ славѣ своихъ соотечественниковъ, этотъ знаменитый собиратель путешествій поставилъ задачей своей жизни сдѣлать извѣстными образованному міру всѣ путешествія, совершенныя когда-либо англичанами. Въ 1589 году Гаклюйтъ уже издалъ большой томъ in folio, но на этомъ онъ не остановился и черезъ 11 лѣтъ издалъ уже три тома in folio подъ заглавіемъ: «Collection of early voyages, travels and discoveries of the English nation». Это второе изданіе значительно подробнѣе перваго въ занимающей насъ части, посвященной путешествіямъ въ Россію и чрезъ Россію. Во второмъ изданіи, сравнительно съ первымъ, опущенъ только дневникъ Николая Чанслора, но опущеніе его, какъ это будетъ видно ниже, не составляетъ потери. Слѣдуетъ замѣтить только, что въ изданіи 1589 года исправнѣе и вѣрнѣе (по замѣчанію Гамеля [1]) напечатаны первыя льготныя грамоты царя Ивана Васильевича, именно титулъ царя; а во второмъ изданіи Гаклюйтъ перепечатывалъ титулъ позднѣйшихъ грамотъ, такъ что во 2-мъ изданіи царь въ началѣ 1554 года титулуется «царемъ Астраханскимъ и правителемъ Сибири». Въ настоящее время неисправность эта не имѣетъ значенія для изслѣдователя, такъ какъ документы, относящіеся до сношенія Россіи съ Англіей, частью перепечатаны, частью впервые напечатаны въ сборникѣ

[1]) Гамель op. cit. 28.

Ю. В. Толстаго (1553—1593 гг.) и въ XXXVIII-мъ томѣ «Сборника Русскаго Историческаго Общества».

Въ 1809 году Гаклюйтовское собраніе было снова перепечатано, такъ что составило уже пять томовъ. Это самое полное и лучшее изданіе, къ тому же наиболѣе доступное, хотя всѣ эти три изданія напечатаны въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ и составляютъ библіографическую рѣдкость.

Но въ этихъ трехъ изданіяхъ былъ существенный пробѣлъ: сочиненіе Горсея «Travels»—самое обширное его сочиненіе—вовсе не было помѣщено, а Флетчеръ напечатанъ съ значительными выпусками. Пробѣлъ этотъ былъ восполненъ Гаклюйтовскимъ обществомъ въ 1856 году; въ этомъ году обществомъ изданы были, подъ редакціей Бонда, сочиненія Флетчера и Горсея безъ выпусковъ. Въ предисловіи къ этому изданію «Russia at the close of the sixteenth century» Бондъ помѣстилъ очеркъ сношеній Россіи съ Англіей въ XVI столѣтіи и біографіи обоихъ авторовъ. Въ приложеніяхъ напечатаны отдѣльныя сочиненія Горсея и бумаги, касающіяся посольствъ Горсея и Флетчера.

Въ собраніи Порчеза (Purchas), продолжателя Гаклюйтовскаго дѣла, много извѣстій начала XVII вѣка, но попадаются и XVI в., которыхъ нѣтъ у Гаклюйта, напримѣръ, замѣтки Мерша.

Собраніе Гаклюйта получаетъ особую важность для русской исторіи тѣмъ, что онъ не ограничился только путешествіями и посольствами, но напечаталъ также и письма, мелкія замѣтки и пр. Кромѣ того, нѣсколько очень интересныхъ англійскихъ писемъ напечатано въ XXXVIII томѣ «Русскаго Историческаго Общества» въ русскомъ переводѣ тогдашняго времени.

Извѣстія объ англійскихъ экспедиціяхъ на сѣверо-востокъ начинаются дневникомъ Ю. Уиллби (стр. 260—263) [1], начальника первой экспедиціи; дневникъ этотъ интересенъ, какъ описаніе перваго плаванія англичанъ по Сѣверному океану; онъ начинается 10-мъ мая 1553 года, а кончается 18-мъ сентября, когда два корабля должны были стать на зимовку въ устьѣ рѣки Арзины; тщетно Уиллби посылалъ людей на развѣдки по всѣмъ направленіямъ; развѣдчики не могли найти никакихъ признаковъ жилья. Весь экипажъ обоихъ кораблей погибъ въ теченіе зимы 1553—1554 годовъ, но самъ Уиллби былъ живъ еще въ январѣ 1554 года.

---

[1]) Гаклюйтовское собраніе мы цитируемъ вездѣ по изданію 1809 г.

Виновникъ отрытія Московіи для Англіи, Ричардъ Чанслоръ составилъ первое описаніе этого невѣдомаго для его согражданъ царства (стр. 263—270). Авторъ начинаетъ съ географіи страны, но она изложена очень неполно; онъ говоритъ только о двухъ рѣкахъ—Сѣверной Двинѣ и Москвѣ, «текущей въ глубь Тартаріи»; называетъ важнѣйшіе города, лежащіе къ сѣверу отъ Москвы—Холмогоры, Пустоозерскъ, Новгородъ, Псковъ, Вологду, Ярославль и Москву. Главные предметы торговли—мѣха, воскъ, медъ, ленъ, конопля, кожи, сало, соль, хмѣль и рыба. Россія изобилуетъ этими предметами. Главный городъ — Москва, которая больше Лондона; но постройки и зданія русскія гораздо хуже англійскихъ: онѣ всѣ деревянныя и очень опасны во время пожара. Царскій дворецъ не составляетъ исключенія, но за то пышность и великолѣпіе царскихъ выходовъ, стола и одежды не имѣютъ себѣ равныхъ и превосходятъ все, что авторъ видѣлъ въ Англіи и Франціи.

Московскій царь ведетъ постоянныя войны и содержитъ огромное войско отъ 200,000 до 300,000 человѣкъ, но содержаніе войска царю ничего не стоитъ, такъ какъ каждый дворянинъ — земледѣльцевъ и торговцевъ царь никогда не беретъ въ солдаты—получаетъ участокъ земли, за что обязанъ по первому требованію явиться на призывъ царя съ лошадью, припасами и фуражемъ. Неприхотливость и суровость жизни русскихъ воиновъ, равно какъ и послушаніе ихъ царю, удивительны: зимой они стоятъ въ полѣ безъ всякихъ палатокъ и прикрытій, питаются только толокномъ и, не смотря на всѣ трудности, не смотря на то, что ничего не получаютъ отъ царя за свою службу, они сами униженно просятъ царя посылать ихъ на войны, и тотъ считается въ наибольшей милости у царя, кого чаще всего посылаютъ. Военной дисциплины и искусства у нихъ вовсе нѣтъ; если же къ ихъ силамъ прибавить просвѣщеніе, то два сильнѣйшіе монарха едва ли могли бы бороться съ ними, а отъ сосѣдей ихъ ничего не осталось бы. Русское судопроизводство значительно разнится отъ англійскаго; въ одномъ отношеніи ихъ порядокъ похваленъ: у нихъ нѣтъ вовсе юристовъ, а каждый самъ ведетъ свое дѣло. Тяжущіеся, въ случаѣ недостатка въ уликахъ, могутъ потребовать поле, но сами рѣдко борются; большею частью нанимаютъ борцовъ; это сословіе очень продажно, и дѣло рѣдко обходится безъ злоупотребленій. Въ другихъ случаяхъ дѣло рѣшается крестнымъ цѣлованіемъ. Къ полю и крестному цѣлованію прибѣгаютъ при недостаткѣ уликъ. Царь самъ занимается рѣшеніемъ дѣлъ; къ сожалѣнію, его часто обманываютъ, не смотря

на строжайшія наказанія такихъ обманщиковъ. Наказанія, налагаемыя на мошенниковъ, легче, чѣмъ въ Англіи: казнятъ только уличенныхъ въ этихъ проступкахъ въ третій разъ. Нищихъ и бѣдныхъ въ странѣ очень много; нѣкоторые изъ нихъ предпочитаютъ жизнь въ тюрьмѣ свободѣ, потому что въ тюрьмѣ они получаютъ даровое пропитаніе, хотя ихъ тамъ сѣкутъ чрезмѣрно. Вообще русскій народъ очень склоненъ къ обману.

Религію русскіе исповѣдуютъ греческую, наполненную неслыханныхъ суевѣрій. Вся служба совершается на русскомъ языкѣ. Они поклоняются образамъ, но не допускаютъ въ церквахъ изваянныхъ изображеній. Причащаются подъ обоими видами; посты соблюдаютъ чрезвычайно строго. Духовныхъ лицъ въ Россіи очень много, особенно чернаго духовенства. Монахамъ принадлежитъ вдвое больше земель, чѣмъ великому князю; монахи ведутъ самый развратный образъ жизни.

Вотъ содержаніе сочиненія Чанслора [1]). Это сочиненіе болѣе извѣстно въ переработкѣ Климента Адамса, составившаго описаніе Московіи на латинскомъ языкѣ, преимущественно со словъ Чанслора. Какъ человѣкъ образованный (онъ былъ учителемъ пажей королевы Маріи Тюдоръ), Адамсъ придалъ своему описанію литературную форму. Онъ разсказываетъ о причинахъ снаряженія экспедиціи 1553 года и сообщаетъ нѣкоторыя біографическія данныя о Ю. Уиллби и Ричардѣ Чанслорѣ; далѣе описывается плаваніе до береговъ Бѣлаго моря, прибытіе Чанслора къ устью Двины и путешествіе его въ Москву. Адамсъ значительно пополнилъ слабый отдѣлъ сочиненія Чанслора — географію Россіи; прибавилъ, между прочимъ, извѣстіе о москвитянахъ-идолопоклонникахъ, поклоняющихся Золотой Бабѣ, о способѣ постройки русскихъ домовъ, о русскихъ одеждахъ и проч. Далѣе Адамсъ позволилъ себѣ сдѣлать измѣненія въ отдѣлѣ о религіи: наставникъ въ царствованіе Маріи не могъ такъ выражаться, какъ посланникъ Эдуарда VI, и Адамсъ исключилъ отзывы о русскомъ суевѣріи, о распущенности духовенства, объ имѣніяхъ монастырей, о возстановленіи которыхъ въ Англіи такъ дѣятельно хлопотала Марія. Вообще сочиненіе Адамса (стр. 270—284) полнѣе и доступнѣе Чанслорова.

Дополненіемъ къ этимъ сочиненіямъ можетъ служить замѣтка Джона Гассе (стр. 285—287) «О монетахъ, вѣсахъ и мѣрахъ,

---

[1]) Извѣстія Чанслора, описаніе Россіи неизвѣстнаго англичанина, Путешествія Дженкисона, Донесенія Рандольфа и Боуса переведены нами и напечатаны въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Росс. 1884 г. № 4.

употребляемыхъ въ Россіи». Русскія монеты, почти исключительно серебряныя, вотъ онѣ: полденьга, деньга, алтынъ и рубль; новгородка равняется двумъ деньгамъ. Вѣсовыхъ мѣръ двѣ: большой фунтъ и малый (гривенка). Пудъ=40 фунтамъ=80 гривенкамъ. Гривенка дѣлится на 48 золотниковъ. Мѣръ длины тоже двѣ: аршинъ и локоть, первый равенъ фламандскому футу, второй—половинѣ англійскаго аршина. Зерна они мѣряютъ на четверти и осьмины; осьмина=полчетверти; напитки—жбанами. Затѣмъ Гассе говоритъ о таможенныхъ пошлинахъ и сборахъ, армяне и турки платятъ десятую деньгу со всѣхъ товаровъ, кромѣ того, за взвѣшиваніе товаровъ платятъ по 2 деньги съ рубля; также берутъ пошлину съ лошадей, которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ равняется 4 деньгамъ съ лошади. Голландцы прежде были освобождены отъ этихъ пошлинъ, но потеряли эту привилегію за дурные поступки; нынѣшнимъ лѣтомъ они добились возстановленія привилегіи, но за это заплатили 30,000 рублей, и кромѣ того, города Рига, Дерптъ и Ревель добровольно подчинились Русскому царю (!). Затѣмъ Гассе перечисляетъ предметы торговли, почти тѣ же самые, что Чанслоръ. Онъ отмѣчаетъ, что самъ царь Московскій ведетъ большую торговлю соболями и воскомъ; изъ городовъ Вологда самый удобный для учрежденія тамъ центральной конторы англичанъ.

Въ письмѣ Киллингворса, отъ 22-го ноября 1555 года (стр. 292—295), заключается отчетъ о прибытіи торговыхъ агентовъ московской компаніи въ Россію, ихъ пріемѣ и переговорахъ съ дьякомъ Висковатымъ объ учрежденіи складочныхъ конторъ.

Въ 1556 г. Стефану Борро, который въ 1553 году былъ помощникомъ Чанслора на кораблѣ «Эдуардъ Благое Предпріятіе», поручено было продолжать розыски морскаго пути въ Китай, то-есть, до устья рѣки Оби, вытекавшей, по тогдашнимъ понятіямъ, изъ Китайскаго озера. Но Борро удалось проникнуть только на 12 лье восточнѣе устья рѣки Печоры; дальше острова Вайгача онъ не могъ плыть, главнымъ образомъ, по причинѣ массы встрѣчнаго льда, противныхъ вѣтровъ и наступавшихъ уже тамъ длинныхъ ночей. Въ слѣдующемъ году онъ же ѣздилъ изъ Холмогоръ къ Вардгузу на поиски кораблей: «Bona Esperanza», «Bona confidentia» и «Philip and Mary». Корабли эти отплыли 20-го іюля 1556 года изъ Россіи и объ участи ихъ ничего не было извѣстно.

Борро велъ дневники обоихъ плаваній. Дневники эти отличаются однимъ характеромъ: авторъ по числамъ и днямъ записываетъ направленіе вѣтра, состояніе погоды, курсъ, встрѣчныя теченія,

бухты, заливы, острова, результаты промѣрки—очень точный и цѣнный географическій матеріалъ; но, кромѣ того, въ обоихъ дневникахъ попадаются данныя о встрѣчахъ съ русскими моряками, ихъ судахъ, отношеніи къ англичанамъ; описаніе приморскихъ городовъ Кегора, Колы, Вардгуза и др., русской торговли въ Лапландіи, споровъ съ датчанами; есть также наблюденія надъ самоѣдами и лопарями. Ко второму дневнику приложенъ довольно длинный рядъ словъ лопарей съ англійскимъ переводомъ. Строго фактическій характеръ, отсутствіе всякой тенденціозности, дѣлаютъ сочиненіе Борро очень цѣннымъ для исторіи сѣверной окраины. (Первый дневникъ стр. 306—316, второй стр. 324—329).

Плававшій вмѣстѣ съ Борро, Рич. Джонсонъ въ своихъ замѣткахъ (стр. 316—318) даетъ живое описаніе самоѣдовъ и ихъ религіозныхъ обрядовъ.

Въ 1568 году Басендину, Вудстоку и Броуну поручены были розыски морскаго пути къ востоку отъ устья Печоры; неизвѣстно, состоялась ли эта экспедиція; по крайней мѣрѣ, извѣстій о ней нѣтъ; сохранилась только инструкція (стр. 420), данная этимъ лицамъ Рандольфомъ; въ основу инструкціи легли свѣдѣнія, добытыя Ст. Борро.

Надежда найти, не смотря на предшествовавшія неудачи, морской путь въ Китай не покидала англичанъ. Въ 1580 году снаряжена была новая экспедиція изъ двухъ кораблей подъ начальствомъ Пета и Джекмана. Экспедиція эта возбудила живѣйшій интересъ въ Англіи и отчасти въ Европѣ, что видно изъ нѣсколькихъ инструкцій, данныхъ Пету и Джекману; такихъ инструкцій составлено было четыре въ Англіи; знаменитый географъ Меркаторъ писалъ по этому поводу Гаклюйту, что путешествіе въ Китай будетъ, безъ сомнѣнія, очень легко и непродолжительно (expeditissima sane par Orientem in Cathaium est navigatio). Но, конечно, экспедиція кончилась неудачей: корабль Пета проникъ немного восточнѣе Вайгача и принужденъ былъ вернуться. Корабль Джекмана пропалъ безъ вѣсти; можно съ большою вѣроятностью утверждать, что онъ добрался до устья Оби, въ которомъ потерпѣлъ крушеніе, а экипажъ его былъ перебитъ самоѣдами [1]). Объ этомъ плаваніи сохранились два дневника: Смита (стр. 502—511) и Ник. Чанслора, сына знаменитаго Рич. Чанслора (первое

[1]) Такъ писали Мершу жители Пустозерска въ 1584 г.; см. Purchase т. III, стр. 804.

изданіе стр. 470). Оба автора находились на кораблѣ Пета; основу обоихъ дневниковъ составляетъ, очевидно, журналъ, веденный на этомъ кораблѣ, и потому они, большею частью, тожественны; только дневникъ Смита обнимаетъ все время плаванія, а Ник. Чанслора — съ 1-го іюля по конецъ сентября. Извѣстія этихъ дневниковъ имѣютъ только географическій интересъ.

Послѣ этой неудачи англичане уже не снаряжали экспедицій для той цѣли; но, тѣмъ не менѣе, продолжались розыски пути къ Оби. Очень интересное письмо четырехъ русскихъ къ Ант. Мершу напечатано у Порчеза, томъ III, 804, въ англійскомъ переводѣ; въ немъ говорится о дорогахъ отъ Печоры до устья Оби и о тѣхъ условіяхъ, на которыхъ авторы письма согласны совершить путешествіе къ Оби. Тутъ же напечатанъ и краткій разсказъ Мерша объ этомъ путешествіи. Московское правительство отнеслось неодобрительно къ попыткѣ англичанъ завязать торговыя сношенія съ сибирскими инородцами, и англичане должны были на время оставить свои попытки.

Одновременно съ розысками морскаго пути въ Китай чрезъ Сѣверный океанъ англичане искали сухопутнаго пути въ тотъ же Китай, Индію и Персію чрезъ русскія владѣнія. Первый, на кого была возложена эта обязанность, былъ Антоній Дженкинсонъ.

Дженкинсонъ былъ человѣкъ бывалый; еще до своего поступленія на службу компаніи онъ много путешествовалъ; онъ побывалъ почти во всѣхъ городахъ Западной Европы, былъ въ Турціи, Греціи, Палестинѣ, Алжирѣ, Триполи и Тунисѣ. Въ его разсказахъ замѣтно стремленіе преувеличивать свои опасности и подвиги. Nemo gloriosior milite. Несомнѣнно, что это былъ очень ловкій и способный агентъ: его очень полюбилъ и дорожилъ имъ Грозный, Ширванскій царь также впослѣдствіи вспоминалъ о немъ. Преувеличиванія подвиговъ немного вредятъ достоинству его записокъ: онѣ интересны не его приключеніями, а тѣми дѣйствительно цѣнными географическими данными, которыя въ нихъ заключаются. Первыя три путешествія описаны Дженкинсономъ въ формѣ дневниковъ. Очевидно, онъ велъ журналы, на основаніи которыхъ впослѣдствіи описывалъ свои странствованія, присоединяя иногда очень обширныя замѣчанія о географическомъ положеніи страны, объ учрежденіяхъ, религіи и нравахъ ея жителей.

Первое путешествіе Дженкинсона изъ Лондона въ Москву (стр. (346—351) заключаетъ въ себѣ описаніе Финмаркена, Лапландіи, пути по Сѣв. Двинѣ и Сухонѣ до Вологды, и почтоваго пути отъ

Вологды до Москвы. Дженкинсонъ выѣхалъ изъ Лондона 12 мая 1557 г., 3-го іюля онъ прибылъ въ Вардгузъ и далѣе плылъ по Ледовитому океану вдоль береговъ Лапландіи; миновавъ мысъ Св. Носъ, онъ вошелъ въ Бѣлое море. У этого мыса лежитъ большой камень, которому владѣльцы проходящихъ мимо судовъ приносятъ въ жертву масло, муку и т. п. Лапландія—высокая страна, круглый годъ покрытая снѣгомъ. Населеніе, наполовину еще языческое; лѣтомъ живетъ близь моря и занимается рыболовствомъ, зимой же удаляется вглубь страны въ лѣса, гдѣ охотится за оленями, медвѣдями, волками, лисицами и др. звѣрями, мясомъ которыхъ лапландцы питаются, а въ шкуры такъ закутываются зимой, что ничего, кромѣ глазъ, не видно. У нихъ нѣтъ иныхъ жилищъ, кромѣ палатокъ, переносимыхъ съ одного мѣста на другое, смотря по времени года. Лапландцы не знаютъ ни ремеслъ, ни искусствъ, кромѣ стрѣльбы, въ которой очень ловки и упражняются ежедневно; женщины стрѣляютъ не хуже мужчинъ.

Изъ Холмогоръ Дженкинсонъ плылъ вверхъ по Двинѣ на русскихъ баркахъ. Барки эти назывались дощаниками и насадами; суда эти, не выше 4 футовъ надъ водой, но могутъ поднять до 200 тоннъ; при попутномъ вѣтрѣ они идутъ на парусахъ; иначе ихъ тащатъ люди бичевой. Только по Сухонѣ около Тотьмы насадамъ трудно ходить, потому что рѣка здѣсь мелка и дно усѣяно каменьями. По берегамъ Двины, ближе къ устью, попадаются алебастровыя скалы; затѣмъ идутъ дѣвственные лѣса, въ которыхъ мѣстное населеніе гонитъ смолу и приготовляетъ бочки. Но вообще вся эта страна отъ Холмогоръ (64°25′) до Вологды (59°11′) очень пустынная: путникъ долженъ запастись всѣми необходимыми припасами на дорогу и имѣть при себѣ топоръ, огниво и котелъ. Изъ Вологды Дженкинсонъ выѣхалъ въ Москву на саняхъ 1 дек.; по дорогѣ устроено 14 ямовъ—почтовыхъ станцій; 25 дек. Дженкинсонъ былъ принятъ Грознымъ. Русскій царь, по словамъ Дженкинсона, очень могуществен: онъ завоевалъ много земель у своихъ сосѣдей, а свой народъ держитъ въ большомъ подчиненіи. О русскихъ Дженкинсонъ отзывается крайне неодобрительно: они, по его словамъ, очень склонны къ пьянству, крайне нетверды въ своихъ словахъ. Жены у нихъ во всемъ повинуются мужьямъ и содержатся взаперти. Описаніемъ одежды, упряжи и вооруженія оканчиваются замѣтки Дженкинсона о русскихъ.

Одновременно съ Дженкинсономъ зиму 1557—1558 года прожилъ въ Москвѣ одинъ неизвѣстный англичанинъ, служившій въ

Аптекарскомъ приказѣ, какъ это видно изъ его «Описанія Россіи». Гамель и Толстой хотятъ въ немъ видѣть Роберта Беста; мнѣ кажется, что оба изслѣдователя не обратили вниманія на письмо Гаутри, въ которомъ тотъ увѣдомляетъ Лана, агента компаніи, о пріѣздѣ Беста въ Вологду 30-го января 1557 года; авторъ же описанія, очевидно, выѣхалъ изъ Англіи 12-го мая 1557 года, вмѣстѣ съ русскимъ посланникомъ Осипомъ Непеемъ, а Бестъ могъ только пріѣхать въ Англію не раньше іюля 1557 года; кромѣ того, во всему описанію видно, что авторъ—новичекъ, только что пріѣхавшій въ Россію.

«Описаніе Россіи» (стр. 351—362) вставлено Гаклюйтомъ между описаніями путешествій Дженкинсона изъ Лондона въ Москву и изъ Москвы въ Бухару. Оно дѣйствительно служитъ дополненіемъ къ краткимъ замѣткамъ Дженкинсона о Россіи и русскихъ.

Авторъ описанія, разсказывая о своемъ пребываніи въ Москвѣ, останавливается преимущественно на церковныхъ и дворцовыхъ церемоніяхъ и обрядахъ: царскіе обѣды и пріемы, водоосвященіе, процессія на вербное воскресенье, пасхальные обычаи описаны очень живо; особенно же интересно описаніе смотра московской артиллеріи. Ежегодно въ декабрѣ царь, по словамъ автора, производитъ смотръ артиллеріи. Для этого на полѣ за Москвой строятъ два дома, наполненные землей; толщина домовъ футовъ 30. Въ назначенный день на полѣ производится пальба, въ присутствіи царя и его свиты, въ эти дома, которые послѣ трехъ залповъ бываютъ разбиты въ дребезги. Передъ пушечною пальбой стрѣляютъ пищальники, числомъ до 5,000; они своими выстрѣлами разбиваютъ поставленныя ледяныя стѣнки.

Авторъ пораженъ могуществомъ и величіемъ Грознаго: «Царь не любитъ забавъ, а все свое удовольствіе полагаетъ въ служеніи Богу и покореніи враговъ, которыхъ у него не мало, но онъ столько же ихъ боится, какъ ястребъ жаворонковъ». Если онъ приказываетъ кому-нибудь идти, тотъ бѣжитъ; если онъ скажетъ гнѣвное слово, то виновный не смѣетъ являться ко двору, пока его не позовутъ.

Митрополитъ пользуется всеобщимъ уваженіемъ; самъ царь въ нѣкоторыхъ случаяхъ уступаетъ ему первенство; духовныя дѣла митрополитъ рѣшаетъ самовластно, онъ даже имѣетъ право казнить. Монаховъ и монахинь очень много, равно какъ богатыхъ монастырей, среди которыхъ особенно замѣчателенъ Троицкій. Монастыри славятся своимъ гостепріимствомъ и помощью, которую

они оказываютъ бѣднымъ; монастыри же ведутъ самую обширную торговлю въ Россіи. Народныхъ учителей въ Россіи вовсе нѣтъ; поэтому народъ живетъ въ полномъ невѣжествѣ. Въ концѣ авторъ описываетъ обряды, соблюдаемые при крещеніи, бракѣ и погребеніи.

Приложеніемъ къ «Описанію Россіи» служитъ перечень русскихъ напитковъ, составленный нѣкіимъ Буллемъ.

Проживъ въ Москвѣ зиму 1557—1558 годовъ, Дженкинсонъ отправился съ царскими грамотами въ Бухару, съ намѣреніемъ пробраться оттуда въ Китай. Въ Москвѣ онъ сѣлъ на судно и плылъ по рѣкамъ Москвѣ, Окѣ и Волгѣ до Астрахани (описаніе этого путешествія стр. 362—375). Онъ перечисляетъ всѣ города, стоявшіе при рѣкахъ на его пути, и указываетъ ихъ достопримѣчательности; совсѣмъ не такъ внимательно Дженкинсонъ отнесся къ рѣкамъ, впадающимъ въ Оку и Волгу: изъ притоковъ Оки, кромѣ, разумѣется, Москвы, не указано ни одного, а изъ притоковъ Волги названы только Ока, Казанка и Кама. Онъ описываетъ землю вятчанъ, черемисовъ и ногайцевъ. Среди послѣднихъ въ это время (1558 г.) былъ ужасный голодъ, много народу умирало, и трупы валялись безъ погребенія. Много ногайцевъ приходило въ Астрахань и просило помощи у русскихъ; но русскіе были рады такому несчастію своихъ злѣйшихъ враговъ и помогали очень неохотно: большую часть прогоняли обратно, а мальчиковъ и дѣвочекъ продавали въ рабство: родители-ногайцы продавали ребенка за кусокъ хлѣба, цѣною въ 6 пенсовъ. Въ Астрахани Дженкинсонъ обратилъ вниманіе на торговлю города; по его отзыву, она ничтожна.

Отсюда онъ уже на морскомъ суднѣ отплылъ въ сообществѣ съ татарскими купцами въ Каспійское море, къ Мангишлаку. Изъ описанія этой части пути видно, что Дженкинсонъ имѣлъ смутное представленіе о Каспійскомъ морѣ; такъ, заливъ Мертвый Култукъ (нынѣ заливъ Цесаревича) онъ считаетъ южнѣйшею частью Каспійскаго моря. Еще сбивчивѣе описаніе пути отъ Мангишлака до Бухары; это тѣмъ болѣе жаль, что Дженкинсонъ единственный европеецъ, побывавшій въ этомъ краѣ въ XVI вѣкѣ, и показанія его о рѣкѣ Оксѣ много даютъ по вопросу о старомъ руслѣ этой рѣки, недавно возбудившему общее вниманіе. Главная ошибка Дженкинсона заключается въ томъ, что онъ шелъ по степи къ востоку отъ Каспійскаго моря, а онъ полагалъ, что идетъ почти параллельно берегу этого моря; поэтому онъ принялъ озеро Сарыкамышъ

за заливъ Каспійскаго моря; а рѣка Оксъ (Аму-Дарья) незадолго еще до его прихода впадала въ этотъ заливъ, то-есть, на самомъ-то дѣлѣ въ Сарыкамышъ. Такимъ образомъ, если показанія Дженкинсона и не подтверждаютъ прямо мнѣнія о впаденіи Аму въ Каспійское море, то онѣ констатируютъ такой любопытный фактъ, какъ соединеніе Аральскаго моря съ озеромъ Сарыкамышемъ. Далѣе Дженкинсонъ говоритъ, что теперь Оксъ впадаетъ въ рѣку Ардокъ, которая течетъ къ сѣверу на протяженіи 1000 м., затѣмъ скрывается подъ землей и протекаетъ такъ еще 500 м., выходитъ изъ-подъ земли и впадаетъ въ озеро Китай. Полагаютъ, что подъ словомъ «Ардокъ» надо разумѣть Аральское море.

Послѣ долгихъ странствованій Дженкинсонъ прибылъ въ Бухару, гдѣ онъ былъ принятъ хорошо, благодаря грамотѣ Грознаго. Здѣсь онъ провелъ зиму 1558—1559 года и собиралъ свѣдѣнія о торговлѣ съ Китаемъ, Индіей и Персіей. По его словамъ, торговля въ Бухарѣ незначительна, хотя сюда собираются караваны изъ Китая, Индіи, Персіи, Россіи и другіе: а главное, что сукна англійскія, важнѣйшій предметъ ихъ торговли, нельзя продавать здѣсь съ выгодой. Изъ Бухары Дженкинсонъ думалъ ѣхать въ Китай или Персію; но войны кочевниковъ съ Ташкентомъ и Кашгаромъ, лежавшими на пути въ Китай, не позволили ему привести въ исполненіе первый планъ, а война между Бухарой и Персіей—второй, и онъ тѣмъ же путемъ вернулся въ Россію, везя съ собою 25 русскихъ, освобожденныхъ имъ изъ рабства, и посланниковъ къ Русскому царю отъ государей Бухары, Балха, Ургенча и другихъ.

Спутникъ Дженкинсона, Рич. Джонсонъ собралъ свѣдѣнія отъ татарскихъ купцовъ о дорогахъ изъ Астрахани до Китая: Астрахань, Сарайчикъ, Бухара, Кашгаръ и Китай — вотъ главные пункты этого пути, для совершенія котораго нужно до 100 дней (стр. 375—376).

Другой англичанинъ Гольмсъ получилъ свѣдѣнія о дорогѣ въ Китай отъ одного пермяка, будто бы бывшаго въ Китаѣ. Этотъ маршрутъ идетъ отъ Двины къ Печорѣ, потомъ къ Оби; до конца онъ не доведенъ (стр. 377).

Второй разъ Дженкинсонъ пріѣхалъ въ Москву, чтобъ оттуда проѣхать въ Персію и разузнать, нельзя ли завести выгодной торговли съ персами. Это путешествіе было совершено въ 1561—1563 гг.; въ описаніи его интересно для русскаго историка только начало, гдѣ упоминается о праздновании второй свадьбы Грознаго и о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя сначала встрѣтилъ Дженкинсонъ

при Московскомъ дворѣ (стр. 384); остальное посвящено странствованіямъ Дженкинсона по Персіи. Разсказъ его, какъ онъ научилъ Грузинскаго царя обратиться за помощью въ Москву, не вполнѣ достовѣренъ, потому что эти цари и раньше обращались въ Москву.

Послѣ Дженкинсона англичане предпринили еще пять путешествій въ Персію (стр. 395—37, 397—406, 437—440, 443—446, 471—486). Обычный маршрутъ ихъ — отъ порта св. Николая до Ярославля, оттуда Волгой до Астрахани и Каспійскимъ моремъ въ Персію. Въ описаніяхъ этихъ путешествій почти вовсе нѣтъ данныхъ о Россіи; исключеніе составляетъ описаніе послѣдняго путешествія въ Персію 1579—1581 гг. (стр. 471—486) Христ. Борро. Въ описаніи пути по Волгѣ онъ разсказываетъ о развалинахъ Увѣка и о караулахъ стрѣльцовъ отъ Царицына до Астрахани. Зиму 1579—1580 гг. Борро провелъ въ Астрахани; очень интересны его разсказы о благосклонномъ отношеніи таможнихъ властей къ англичанамъ и о тревогѣ въ городѣ по случаю появленія вооруженныхъ ногайцевъ предъ Астраханью. 6 марта 1580 г. ногайцы и крымцы въ значительномъ числѣ пришли къ Астрахани. 8-го они прислали вѣстника къ астраханскому воеводѣ со словами, будто они желаютъ его навѣстить. Кн. Троекуровъ велѣлъ отвѣчать, что онъ будетъ радъ принять ихъ и велѣлъ передать имъ большое ядро, говоря, что у него не будетъ недостатка въ подобныхъ бездѣлушкахъ. 9-го пришли вѣсти, что татары рѣшились штурмовать городъ; тогда на подобный случай были приготовлены фашины изъ тростника. 10-го перебѣжали въ Астрахань отъ татаръ двое русскихъ, бывшихъ у нихъ плѣнниками, и двое татарскихъ рабовъ; того же числа донесли о двухъ ногайцахъ, замѣченныхъ въ Астраханскомъ гостиномъ дворѣ, про которыхъ думали, что они шпіоны; но оказалось, что они приходили только розыскивать своихъ бѣглыхъ рабовъ, которыхъ (оба татаре) воевода и приказалъ имъ выдать. 13-го марта ногайцы и крымцы сняли свой лагерь и ушли къ сѣверу въ Ногайскую землю. Эта экспедиція англичанъ была послѣднею; она потерпѣла цѣлый рядъ неудачъ, всѣ товары погибли, и сами путешественники съ большимъ трудомъ добрались до Астрахани, застигнутые ледоходомъ въ устьѣ Волги. Неудача этой экспедиціи заставила Московскую компанію отказаться отъ торговли съ Персіей.

Въ третій пріѣздъ Дженкинсона въ Москву въ 1566 году царь поручилъ ему вести переговоры о тѣсномъ союзѣ съ Елизаветой и о томъ, чтобы, въ случаѣ опасности, одинъ государь могъ найти

убѣжище и помощь во владѣніяхъ другого. Елизавета не хотѣла заключать такого договора съ Русскимъ царемъ и медлила отвѣтомъ. Царь разгнѣвался и конфисковалъ имущество англичанъ въ Россіи. Чтобы смягчить гнѣвъ царя, въ 1568 году былъ посланъ въ Россію Томасъ Рандольфъ, опытный дипломатъ, неоднократно исполнявшій порученія своей государыни. Въ краткомъ описаніи этого посольства (стр. 422—424) нѣтъ значительныхъ новыхъ данныхъ, но есть матеріалъ для сличенія съ донесеніями другихъ пословъ. Почти также, какъ Дженкинсонъ, описываетъ свое путешествіе въ Москву Рандольфъ. На 32-ой день по отплытіи изъ Англіи онъ присталъ къ берегу на рейдѣ св. Николая. Здѣсь онъ посѣтилъ Николаевскій монастырь, въ которомъ, по его словамъ, было около 20 монаховъ; игуменъ привѣтствовалъ Рандольфа, и поднесъ ему 2 большихъ ржаныхъ хлѣба, соленой и свѣжей рыбы, какъ морской, такъ и рѣчной, живаго чернаго барана и т. п. Монастырская церковь довольно красива, но наполнена иконами (!), монахи живутъ въ маленькихъ кельяхъ, сходятся вмѣстѣ къ службѣ и къ трапезѣ. О нихъ, равно какъ и о холмогорцахъ, Рандольфъ отзывается очень неодобрительно, не смотря на то, что они были, по его словамъ, очень внимательны къ англичанамъ; по его словамъ, пьянство главный порокъ русскаго народа. Нижнее теченіе Двины очень красиво, рѣка течетъ между высокими холмами, по берегамъ кое-гдѣ попадаются пастбища и пашни, дальше тянутся безконечные лѣса. Рандольфъ плылъ до Вологды на баркѣ по Двинѣ пять недѣль, такъ какъ барку все время тянули люди. Вологда—большой торговый городъ, гдѣ царемъ построена каменная крѣпость; попадаются и каменныя церкви. Изъ Вологды до Москвы Рандольфъ ѣхалъ на почтовыхъ лошадяхъ; онъ также очень хвалитъ эту мѣстность: очень красивая, ровная, пріятная на взглядъ, хорошо населена, обработана, много луговъ, нивъ, рѣкъ, большихъ и красивыхъ лѣсовъ.

Вмѣстѣ съ Рандольфомъ пріѣхало въ Россію нѣсколько молодыхъ людей изъ любопытства и желанія попутешествовать. Въ числѣ ихъ, вѣроятно, былъ и нѣкто Турбервиль. Между тѣмъ Рандольфъ сначала былъ встрѣченъ очень непріязненно: семнадцать недѣль его не допускали до царя и все это время держали посла и его свиту какъ въ заключеніи, такъ что любознательнымъ молодымъ людямъ пришлось провести время очень не весело, и они, очевидно, не разъ раскаявались, что поѣхали въ Россію. Подобное настроеніе очень замѣтно въ сочиненіи Турбервиля

(стр. 432—437). Написано это сочиненіе стихами, въ формѣ посланій къ тремъ друзьямъ автора. О русскихъ авторъ отзывается чрезвычайно неблагопріятно, это—народъ Бахуса; русскихъ женщинъ онъ обвиняетъ въ кокетствѣ; серьезнѣе его отзывы о почвѣ, полевыхъ работахъ, климатѣ, домашнемъ скотѣ страны и о препровожденіи времени русскихъ. Въ общемъ это сочиненіе представляетъ скорѣе историческій курьезъ, чѣмъ памятникъ, заслуживающій разбора; но англичанамъ, очевидно, это произведеніе понравилось: оно приложено къ запискамъ Герберштейна, въ изданіи Гаклюйтовскаго общества 1851 г. Рандольфу удалось смягчить гнѣвъ царя, но не надолго. Не видя исполненія своихъ желаній, Грозный опять наложилъ опалу на англичанъ. Тогда англійское правительство рѣшило отправить въ Россію опять Дженкинсона, чрезъ посредство котораго начались переговоры о союзѣ. Дженкинсонъ пріѣхалъ въ Россію въ 1571 году. Его долго продержали въ Холмогорахъ по случаю бывшаго въ Россіи тогда мора; наконецъ, почти чрезъ семь мѣсяцевъ, онъ былъ представленъ царю въ Александровской слободѣ; прощальная аудіенція ему дана была въ Старицѣ. Извѣстія Дженкинсона объ этомъ посольствѣ (стр. 452—463) проливаютъ свѣтъ на тайныя сношенія Ивана Грознаго съ Англіей; приводимыя имъ рѣчи Грознаго очень характерны; нельзя только ручаться, на сколько точно Дженкинсонъ передалъ ихъ: замѣтимъ, что въ общемъ его сообщенія подтверждаются офиціальными данными, но все-таки Грозный далеко не такъ былъ доволенъ его отвѣтами, какъ Дженкинсонъ старается это представить.

Не смотря на указанные нами выше нѣкоторые недостатки извѣстій Дженкинсона, имъ принадлежитъ почетное мѣсто среди другихъ иностранныхъ извѣстій о Россіи; особенно важны его географическія данныя, тѣмъ болѣе, что онъ измѣрилъ широты многихъ мѣстностей въ Россіи, Средней Азіи и Персіи; этими измѣреніями онъ оказалъ важную услугу географіи XVI вѣка. Вышеупомянутый Христ. Борро въ приложеніи къ описанію своего путешествія также указываетъ не только широты, но и долготы и отклоненія магнитной стрѣлки главныхъ русскихъ городовъ.

Послѣднимъ посломъ отъ Елизаветы къ Грозному былъ Боусъ, пріѣзжавшій въ Россію въ 1583 году; это былъ человѣкъ строптиваго характера; онъ ссорился съ своими приставами, жаловался царю на его главныхъ совѣтниковъ и даже самому царю невѣжливо возражалъ. Главный интересъ записки Боуса (стр. 516—522)

въ разсказѣ объ отношеніяхъ автора къ царю и о партіяхъ при Московскомъ дворѣ. Самому Грозному Боусъ будто бы въ лицо говорилъ, что его повелительница равна ему, Іоанну, считающему себя выше всѣхъ государей на свѣтѣ. По своему могуществу Елизавета не уступитъ не только Испанскому или Французскому королямъ, но и Германскому императору, которому отецъ ея давалъ субсидіи во время его воінъ съ Франціей. Царь разсердился-было на Боуса, приказалъ ему выйти; но едва посолъ вышелъ, какъ царь сталъ хвалить его своимъ приближеннымъ, говоря, что и самъ онъ желалъ бы имѣть подобныхъ слугъ. Іоаннъ прислалъ къ нему довѣреннѣйшее свое лицо, Богдана Бѣльскаго, который разспрашивалъ его обо всѣхъ непріятностяхъ, причиненныхъ ему въ Россіи Щелкаловымъ и другими; послу назначенъ былъ новый кормъ, гораздо болѣе обильный; Щелкаловъ былъ наказанъ (прибитъ очень сильно), Боусъ добился удовлетворенія всѣхъ своихъ просьбъ, однимъ англичанамъ позволено было пріѣзжать на корабляхъ къ устьямъ сѣверныхъ рѣкъ, какъ вдругъ царь заболѣлъ отъ пресыщенія и внезапно умеръ. Этотъ разсказъ въ общемъ подтверждается статейнымъ спискомъ [1]) посольства Боуса. 14 разъ Грозный принималъ Боуса и этотъ послѣдній постоянно твердилъ одно и то же, чтобъ всѣ гавани отданы въ исключительное пользованіе англійской компаніи. Царь, дѣйствительно, сердился на него, говорилъ ему «большое ты нашего гдрскаго поведенья мало знаешь» или «большое еси неученой человѣкъ, какъ еси къ намъ пришелъ, и ты посольского дѣла ничево не дѣлалъ». Боусъ скрываетъ только тайную пружину своихъ успѣховъ: одержимый тогда уже смертельною болѣзнью, Іоаннъ во что бы то ни стало хотѣлъ осуществить свою давнишнюю мечту заключить самый тѣсный союзъ съ Елизаветой и жениться на одной изъ ея родственницъ. На этомъ-то желаніи царя и игралъ Боусъ, оттого-то такъ много и сходило ему съ рукъ. Но дѣйствительно ли царь далъ согласіе на предоставленіе англичанамъ монополіи по торговлѣ съ Россіей, этого прямо изъ статейнаго списка не видно; но вопросъ этотъ постоянно обсуждался, и можетъ быть царь склонялся и на эту уступку; кончить всѣ эти дѣла долженъ былъ посолъ, котораго Іоаннъ предполагалъ отправить въ Англію вмѣстѣ съ Боусомъ.

Разсказъ Боуса о перемѣнѣ въ его положеніи по смерти Іоанна

---

[1]) Статейный списокъ посольства Боуса см. въ XXXVIII т. Сборника Им. Русс. Ист. Общ., 72—144.

очень интересенъ: онъ такъ же, какъ и Горсей, говоритъ о большихъ волненіяхъ, которыя тогда происходили въ Москвѣ; народное движеніе, въ которомъ участвовало до 20,000 чел., направлено было главнымъ образомъ противъ Богдана Бѣльскаго: на него напали съ такимъ ожесточеніемъ, что онъ принужденъ былъ спасаться въ царскихъ палатахъ, затѣмъ посланъ былъ въ Казань—управлять этимъ городомъ. Андрей Щелкаловъ прямо прислалъ сказать Боусу: «Вашъ англійскій царь умеръ». Очень любопытно указаніе Боуса на значеніе Годунова въ это бурное время. Годуновъ обращался съ Боусомъ и по смерти Іоанна очень вѣжливо и хотѣлъ бы оказать ему больше вниманія и доброты, но до коронаціи царя онъ не имѣлъ значенія: онъ ограничивался пока тѣмъ, что присылалъ Боусу незначительные подарки.

Сохранилось еще описаніе путешествія Сутзсема и Спарка въ 1566 году изъ Холмогоръ въ Новгородъ (стр. 409—414). Англичанамъ хотѣлось найти водный путь отъ Холмогоръ до Новгорода. Сутзсемъ и Спаркъ, посланные на развѣдки, плыли моремъ до устья рѣки Выга, по Выгу почти до самыхъ истоковъ, затѣмъ небольшимъ волокомъ перебрались въ Онежское озеро, а отсюда по рѣкѣ Свири, Ладожскому озеру и рѣкѣ Волхову прибыли въ Новгородъ. Такъ какъ плаваніе по рѣкѣ Выгу оказалось невозможнымъ по причинѣ частыхъ пороговъ и водопадовъ, то къ дневнику Сутзсема и Спарка приложено описаніе пути новгородцевъ къ Сумскому посаду. Англичане искали воднаго пути, но оказалось, что въ этой мѣстности удобнѣе зимній путь. Дневникъ этотъ отличается большою точностью, поименованы всѣ городки и селенія на пути, съ обозначеніемъ разстоянія одного отъ другого.

Въ письмахъ англичанъ изъ Россіи также находятся отрывочныя, но интересныя свѣдѣнія; но письма эти напечатаны далеко не всѣ, и въ англійскихъ архивахъ хранится, конечно, еще много бумагъ, относящихся до торговыхъ сношеній Англіи съ Россіей въ XVI вѣкѣ. Въ письмахъ Гаутри (стр. 337) отъ 31-го января 1557 и Грея (стр. 338) отъ 19-го февраля 1558 года находимъ указаніе цѣнъ нѣкоторыхъ товаровъ, извѣстія о ходѣ затѣянныхъ предпріятій и отзывы о русскихъ рабочихъ. Алькокъ, въ письмѣ отъ 26-го апрѣля 1558 года (стр. 339), извѣщаетъ агентовъ объ арестѣ и отобраніи отъ него имущества въ Польшѣ, чрезъ которую онъ пытался проѣхать въ Англію. Ланъ, главный агентъ, описалъ въ письмѣ 1560 года (стр. 345) способъ рѣшенія московскимъ судомъ тяжбы англичанъ съ купцомъ Ширяемъ-Костромицкимъ; дѣло

это было рѣшено жребіемъ. Въ другомъ своемъ письмѣ 1584 г. Ланъ даетъ краткій очеркъ тридцатилѣтнихъ сношеній Россіи съ Англіей (стр. 523) Мих. Локъ доказывалъ въ 1575 г. (Bond, VIII), что торговля съ Россіей самая выгодная для Англіи, такъ какъ русскимъ требуются, главнымъ образомъ, англійскія фабричныя издѣлія, а русскіе сырые продукты находятъ большой сбытъ на многихъ рынкахъ. Очевидецъ сожженія Москвы татарами въ 1571 году, Ускомбъ описалъ (стр. 452) это событіе въ очень коротенькомъ письмѣ. Подробнѣе и обстоятельнѣе это же событіе описано неизвѣстнымъ англичаниномъ, письмо котораго извлечено изъ Лондонскаго архива и напечатано въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей» 1870 г. № 3, г. Стороженкомъ. Въ письмахъ Симкинсона и Гарланда 1586 года (стр. 573—574) къ доктору Ди содержится приглашеніе этого знаменитаго астролога на службу къ царю Ѳеодору Ивановичу.

Напечатано также нѣсколько совѣтовъ, поданныхъ Московской компаніи опытными людьми: объ установленіи торговли въ Лапландіи (стр. 464), объ удобнѣйшемъ времени отправленія кораблей въ Россію (стр. 513), о неудобствахъ вести торговлю съ Россіей чрезъ Нарву—1576 г. (стр. 468), о посылкѣ торговыхъ кораблей въ Колу (тамъ же). Въ этихъ коротенькихъ замѣткахъ есть указанія на мѣстные промыслы и торговлю.

Здѣсь же должно упомянуть о письмахъ, напечатанныхъ въ XXXVIII т. «Сборника Русскаго Историческаго Общества». Особаго вниманія заслуживаетъ челобитная Онтона Иванова, то-есть, Антона Мерша; изъ этой челобитной видно, какія злоупотребленія позволяли себѣ англичане, торговавшіе въ Россіи, и какъ они сами себя, можно сказать, поѣдали, потому что, разсорившись, обращались къ московскому правительству съ обвиненіями другъ на друга и этимъ самымъ давали опасное оружіе въ руки тѣхъ, которымъ хотѣлось отнять у англичанъ ихъ чрезмѣрныя привилегіи; въ приложенной къ челобитной росписи убытковъ, понесенныхъ Мершемъ, заключается много матеріаловъ для статистики цѣнъ русскихъ и иностранныхъ товаровъ и переводъ русскихъ денегъ на англійскія, испанскія, гамбургскія, французскія и др. (стр. 212 и сл.). Меньше такихъ же данныхъ въ письмѣ Намира (стр. 227) и Горсея (стр. 238).

Отъ Горсея сохранилось много сочиненій о Россіи: 1) Путешествіе сера Горсея; 2) Описаніе коронаціи Ѳеодора Ивановича; 3) Разсказъ о второмъ и третьемъ посольствѣ Горсея отъ Елизаветы къ русскому царю; 4) О причинахъ отправленія Горсея въ

1580 году въ Россію; 5) Письма къ лорду Берлею изъ Россіи; 6) Оправданіе Горсея и пр. [1]). Главное и самое обширное сочиненіе Горсея «Travels» (Путешествія), которое обнимаетъ весь періодъ пребыванія Горсея въ Россіи, за исключеніемъ 1584 года; остальныя сочиненія представляютъ другія редакціи описанія тѣхъ же событій; конечно, описаніе коронаціи Θеодора Ивановича (1584 г.) имѣетъ вполнѣ самостоятельное значеніе. Сличеніе разныхъ редакцій сказаній Горсея обнаруживаетъ значительныя противорѣчія въ извѣстіяхъ этого автора, которыя мы укажемъ въ нашемъ обзорѣ.

«Travels» Горсей писалъ очень продолжительное время—лѣтъ 30; въ предисловіи авторъ обращается къ Вальсингаму, умершему въ 1590 году, какъ къ еще живому лицу, а трудъ оканчивается извѣстіемъ о воцареніи Михаила Θеодоровича. Литературную обработку этой Горсеевой рукописи сдѣлалъ Р. Коттонъ, еще при жизни автора; не смотря на эту обработку, самъ англійскій издатель Горсея признаетъ, что языкъ автора очень плохъ, а мѣстами и вовсе непонятенъ: очевидно, писалъ малограмотный человѣкъ.

«Описаніе коронаціи Θеодора Ивановича» напечатано было еще въ первомъ изданіи Гаклюйтовскаго собранія 1589 года; разсказъ о второмъ и третьемъ посольствѣ конченъ раньше «Travels», потому что онъ заключается извѣстіемъ о смерти Бориса Годунова. Прочія сочиненія написаны частью въ 1591 году (письма къ Берлею), частью немного спустя.

Горсей пріѣхалъ въ Россію молодымъ человѣкомъ въ 1573 г. Ловкій самъ по себѣ, имѣя къ тому же покровителей въ Англіи, онъ сталъ замѣтно выдвигаться къ концу царствованія Грознаго. Въ «Travels» онъ начинаетъ свои извѣстія о Россіи со смерти отца Грознаго—Василія Андреевича. Эта первая ошибка открываетъ рядъ такихъ же и болѣе грубыхъ ошибокъ. Для подтверж-

---

[1]) Всѣ сочиненія Горсея напечатаны въ изданіи Бонда: Russia at the close of XVI cent: 1) «Travels» (стр. 153—266); 2) Описаніе коронаціи Θеодора Іоанновича (The most solemne and magnificent coronacion) прил. № 1, 269 и сл.; 3) Разсказъ о второмъ и третьемъ посольствахъ Горсея, прил. № 2, стр. 288 и слѣд. (A discourse of the second and third imployemente of Mr. Jerome Horsey.); 4) О причинахъ отправленія Горсея въ 1589 г. и о враждѣ къ нему Андрея Щелкалова (A brif collection of the cause of J. Horseys imploiment from. Her Majesty to the Emperor of Russia..., прил. № 2, стр. 338 и сл.; 5) Письма Горсея къ Берлею, прил. № 5, 360; оправданіе Горсея, 368. Біографія Горсея въ предисловіи къ изданію Бонда, (XXVIII и слѣд.; въ прил. № 9, жалобы компаніи на Горсея, 312 и сл.

денія своихъ извѣстій, Горсей ссылается на лѣтопись князя Мстиславскаго, но, по справедливому замѣчанію Ю. В. Толстого, или эта лѣтопись была слишкомъ незначительна, или, что вѣроятнѣе, Горсей не сумѣлъ прочесть ее. Такъ, по Горсею, Іоаннъ Грозный женится 12-ти лѣтъ, вѣнчается на царство послѣ покоренія Казани и Астрахани. Замѣтимъ здѣсь, что въ разсказѣ о царствованіи Грознаго нѣтъ ни одного года. Усилившись на счетъ татаръ, Грозный отнимаетъ отъ Польскаго короля Полоцкъ, Смоленскъ, Дорогобужъ и др. города. Послѣ этого царь собираетъ изъ русскихъ и татаръ огромное войско и съ нимъ вступаетъ въ Ливонію, гдѣ беретъ множество городовъ; при этомъ происходятъ страшныя сцены избіенія и насилія; всѣ дороги въ Ливоніи усѣяны трупами, иногда богато одѣтыми. Наконецъ, царь подступаетъ къ Ревелю, но не смотря на всѣ усилія, не можетъ взять его и долженъ съ потерями отступить. Раздосадованный, подозрѣвающій измѣну, Грозный вступаетъ въ свои владѣнія; въ Нарвѣ убиваетъ и рѣжетъ всѣхъ и все; опустошивъ до тла Нарву, царь идетъ въ Псковъ, но юродивый Никола спасаетъ родной городъ и заставляетъ царя, испуганнаго страшными предсказаніями, удалиться въ Новгородъ. Здѣсь, никѣмъ не стѣсняемый, Іоаннъ избиваетъ до 700 тыс. жителей. Для населенія совсѣмъ опустѣвшаго Новгорода, царь отправляетъ туда всѣхъ встрѣчныхъ жителей по пути до Москвы. Ясно: слышать-то звонъ Горсей слышалъ, а разобрать, откуда онъ—не могъ. Далѣе: «Вся Россія негодуетъ на Грознаго, повсюду сговариваются убить его; но онъ открываетъ всѣ заговоры и для униженія знати назначаетъ на главныя мѣста самыхъ негодныхъ своихъ воиновъ. Между тѣмъ получается извѣстіе о вступленіи крымцевъ въ Россію (Девлетъ-Гирея Горсей называетъ то Sithian-Cam, то Чигалей-Мурза). Разсказъ о сожженіи Москвы не уступаетъ, по яркости красокъ предыдущимъ разсказамъ о Новгородѣ и Ливоніи. Послѣ этого униженія русскихъ, Крымскій ханъ отправляетъ посла, который на торжественной аудіенціи подноситъ царю въ подарокъ отъ хана дрянной ножъ, со словами, что царю больше ничего не остается, какъ перерѣзать себѣ горло. Царь съ отвѣтомъ отправляетъ въ Крымъ Аѳ. Нагого. (159—197)[1]). Опять мы знаемъ, что и Аѳ. Нагой былъ долго посломъ въ Крыму, и ножъ, только золотой, былъ присланъ въ подарокъ изъ Крыма; но оба эти факта относятся ко времени за нѣсколько лѣтъ до сожженія

[1]) Цифры въ скобкахъ указываютъ страницы изданія Бонда «Russia at the close of XVI cent.».

Москвы. И эти несообразности Горсей разсказываетъ съ такимъ апломбомъ, какъ будто онъ самъ присутствовалъ при этомъ: описывается и наружность, и одежда, и дикій голосъ посла, и обморокъ царя; приводятся слова начальника стражи. Іоаннъ, видя всеобщее недовольство своихъ правленіемъ, задумалъ уѣхать въ Англію, а управленіе государствомъ передать въ руки старшаго своего сына, царевича Іоанна. Для болѣе удобнаго исполненія своего плана царь хотѣлъ собрать для сына новую казну. Тогда онъ призываетъ къ себѣ епископовъ и настоятелей болѣе богатыхъ монастырей и говоритъ имъ: «вы, безъ сомнѣнія, знаете, что я намѣренъ вамъ сказать; вамъ хорошо извѣстно, что я истратилъ большую часть своей жизни, силъ и способностей для охраны и защиты своего государства и народа, равно какъ для безопасности и обезпеченія вашего; какимъ замѣшательствамъ и опасностямъ я подвергался, также хорошо извѣстно; вы же только пожинали плоды моей дѣятельности. Поэтому моя казна истощена, ваша—увеличилась; ваша безопасность, миръ и спокойствіе сохранены, а мое положеніе съ каждымъ днемъ становится опаснѣе отъ иноземныхъ и домашнихъ происковъ. Какъ же могу я, да и вы, существовать дальше, если съ вашей стороны не будетъ оказано мнѣ поддержки. Готовность ваша въ данномъ случаѣ будетъ пробнымъ камнемъ вашей вѣрности. Молитвы ваши не имѣютъ силы: вслѣдствіе ли вашей неискренности, вслѣдствіе ли моихъ и народа моего грѣховъ, или вслѣдствіе того и другаго вмѣстѣ? Вы должны дать отъ своихъ избытковъ: души основателей и дарителей монастырей, святыхъ и чудотворцевъ приказываютъ вамъ это ради спасенія вашихъ душъ».

Созванъ былъ соборъ, многіе боялись, что царь хочетъ завладѣть всѣми монастырскими имуществами. Послѣ долгихъ споровъ духовенствомъ составленъ былъ уклончивый отвѣтъ въ выраженіяхъ очень почтительныхъ. У царя были доносчики, черезъ которыхъ онъ зналъ обо всемъ; онъ призвалъ къ себѣ 40 главнѣйшихъ игумновъ и сказалъ имъ: «Я узналъ о вашихъ совѣщаніяхъ и рѣшеніяхъ; вы главные изъ моихъ противниковъ; васъ нетронуло мое изложеніе о народной нуждѣ и о моихъ неудачахъ. Что же мнѣ дѣлать теперь для возмездія вамъ? Дворянство и народъ вопятъ, что вы захватили въ свои руки всѣ богатства страны, что вы торгуете всякими товарами, что вы пожинаете плоды отъ работъ другихъ, что вы имѣете тарханы—не платить податей, не нести военныхъ издержекъ; что вы, устрашая совѣсть лучшихъ

нашихъ подданныхъ, захватили въ свои владѣнья третью часть земель въ государствѣ; вы торгуете душами моего народа, вы проводите жизнь въ лѣности, во всякихъ удовольствіяхъ и похотяхъ; на душахъ вашихъ лежатъ самые отвратительные грѣхи, оттого, можетъ быть, ваши молитвы нисколько не помогаютъ ни мнѣ, ни моему народу. Мнѣ придется отвѣчать передъ Богомъ за то, что я оставилъ васъ жить, а многихъ гораздо болѣе достойныхъ умереть за васъ; да проститъ мнѣ Богъ мое потакательство вамъ. Развѣ папа не убѣждалъ меня дать ему власть надъ вами; развѣ не домогалась того же черезъ перенесеніе митрополичьей каѳедры греческая церковь? Я просилъ васъ помочь тысячамъ моимъ дворянамъ, отъ предковъ которыхъ вы получили свои теперешнія имѣнія; отнявъ ихъ у васъ, я возстановлю общее благосостояніе, примѣръ этому—поступокъ короля Генриха Англійскаго. Ваша казна далеко превосходитъ даже ваши расточительныя потребности. Именемъ всѣхъ святыхъ и чудотворцевъ приказываю вамъ предъявить мнѣ точныя описи вашихъ имуществъ. Дѣло не терпитъ отлагательства. Короли Польши, Швеціи и Даніи соединились противъ меня, мои измѣнники съ Крымскимъ ханомъ; во имя несчастнаго, угнетеннаго народа я прошу васъ помочь, пока еще есть время» (стр. 174—177).

Горсей увѣряетъ, что онъ старался какъ можно ближе къ оригиналу передать эту рѣчь Грознаго. Дѣйствительно, сопоставляя ее съ соборнымъ приговоромъ 1581 г., найдемъ въ этомъ приговорѣ основные мотивы этой рѣчи: «...собрахомся въ преименитомъ градѣ Москвѣ, нѣкоихъ ради церковныхъ вещей и паки же отъ належащаго варварскаго прещенія, отъ Турскаго, и отъ Крымскаго, и отъ Нагаи, и отъ Литовскаго короля, съ ними же совокупившеся ярымъ образомъ Полша, Угры и Нѣмцы Лифлянскіе и другіе Свѣйскіе; сіи вси совокупишася дивіи звѣри, роспылахуся гордостію дмящеся, хотяху потребити православіе: мы же, сихъ ради, съ благочестивымъ царемъ нашимъ поболѣхомъ зѣлне... села и пожни или иная земленая угодья, еже по священнымъ епископьямъ и святымъ монастыремъ въ пустошьяхъ изнуряются, ради пьянственнаго и непотребнаго слабаго житія многообразнѣ, многое же и въ запустѣнія пріидоша, якоже бо по монастыремъ сія запустѣваху, а къ тому отъ мирскихъ живущее прилагаху, нетокмо же по благословеніе винѣ, но и съ ухищреніемъ и тяжею, и прибытка никоего же нѣтъ, но развѣ токмо по монастыремъ въ пустоши изнуряется и на ѣственная и на иные проторы, якоже нетокмо инокъ, но

и монастырскихъ свыше потребъ не подобаетъ творити, и сія убо по монастыремъ въ пустоши и избрахуся паче потребы, и воинственному чину отъ сего оскудѣнья приходитъ веліе» [1]). Однако, духовенство, недовольное подобными предложеніями царя, стало сговариваться со знатью о возстаніи противъ Іоанна. Но Іоаннъ, узнавъ черезъ шпіоновъ объ ихъ замыслахъ, предалъ семерыхъ наиболѣе виновныхъ духовныхъ лицъ страшной казни: одного за другимъ выводятъ ихъ на арену, вокругъ которой сидитъ царь и множество народа, съ другой стороны арены выводятъ на этихъ монаховъ, вооруженныхъ только рогатинами, разъяренныхъ медвѣдей и заставляютъ монаховъ поодиночкѣ бороться съ этими звѣрями. Всѣ они, конечно, погибаютъ. Тогда, будто бы, митрополитъ уговорилъ царя пощадить остальныхъ осужденныхъ отъ такой страшной казни, за что духовенство отдало царю земель на 300 т. руб. (стр. 174—180).

Сравнивая приведенную Горсеемъ рѣчь Грознаго съ соборнымъ приговоромъ 1581 г., мы должны были отмѣтить значительное ихъ сходство, особенно въ тѣхъ частяхъ, гдѣ говорится объ оскудѣніи остальныхъ классовъ общества и царской казны, объ образѣ жизни монаховъ и о причинахъ, принудившихъ царя обратиться къ собору. Соборный приговоръ оканчивается категорическимъ подтвержденіемъ правъ монастырей на земли, находящіяся уже въ ихъ владѣніяхъ: «сице устроихомъ: да елико есть земель и земленыхъ угодей, елико недвижимыхъ вещей, иже есть села и деревни и пожни и сѣнажати, что до него даная и возложенія благословися въ митрополіи и въ епископьяхъ и по монастыремъ, да ничто же претворяется, изъ митропольи и изъ епископіи и изъ монастырей не исходитъ, и вотчины никоторымъ судомъ и тяжбою у митрополита и у владыкъ и у монастырей не емлютъ и не выкупаютъ». Но не смотря на такое категорическое подтвержденіе монастырскихъ правъ, само собою является предположеніе, что такое подтвержденіе правъ не было ли куплено духовенствомъ цѣною нѣкоторыхъ уступокъ, потому что 1) положеніе государства въ началѣ 1581 г. вовсе было не таково, чтобы Іоаннъ сталъ созывать соборъ только ради платоническаго подтвержденія приговора собора 1573 г., 2) въ писцовыхъ книгахъ можно найти нѣсколько указаній на вотчины и помѣстья, которые по указу государя отписаны на него [2]).

[1]) Акт. Э. I. № 308.

[2]) Въ Писцовыхъ книгахъ находимъ цѣлый рядъ указаній на эту мѣру: такая-то вотчина или сельцо, деревня отписана на «государя по государеву

Это позволяетъ думать согласно съ мнѣніемъ пр. Павлова, что Грознымъ произведена была частная секуляризація. Но могло ли духовенство составить заговоръ противъ государя за то, что тотъ отнялъ у монастырей часть ихъ громадныхъ вотчинъ? Утвердительный отвѣтъ на это можетъ дать доктрина Іосифа Волоцкаго, которую онъ рѣшился высказать, недовольный Іоанномъ III: «и ты

цареву и вел. князя Θеодора Ивановича наказу»; слѣд., эта писцовая книга относится уже къ царствованію Θеодора Іоанновича; но такъ какъ въ царствованіе этого государя не только не было принято подобной мѣры, но черезъ нѣсколько времени по вступленіи Θеодора на престолъ правительство отказалось отъ политики Іоанна въ данномъ вопросѣ, сказавшейся въ постановленіяхъ соборовъ 1573 и 1581 гг., то можно допустить, что въ эти первые годы правительство приводило въ исполненіе мѣры, начатыя еще Грознымъ; извѣстно, что переписи земли производились съ довольно большими промежутками. Интересно, что отписывали на государя земли, которыя монастырь далъ въ пожизненое владѣніе какимъ-нибудь лицамъ; напр. отписано на государя сельцо Давыдовское, которое дано монастыремъ въ пожизненное владѣніе княгинѣ Голицыной (Писцовыя книги XVI в., I, 61), сельцо Григорьевское, которымъ владѣлъ на оброкѣ дьякъ Первой Карповъ (тамъ же, 65), вотчины къ селу Черкизову, которыми владѣли конюхъ Никита Сартаковъ, Захарья Тихменевъ, сынъ боярскій Борисъ Беклемишевъ, княгиня Татева, нѣмка Елена Бородавкина (тамъ же, 69), вотчины, которыми владѣли Чемодановы, Головкинъ, дѣти боярскіе Руготинъ и Скобельцынъ, Троицкій слуга Давыдовъ (тамъ же 77), деревня Тимошино, которой владѣлъ Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій (78), вотчина старца Левкѣя Кондратьева, которою тотъ владѣлъ по мѣновой грамотѣ, данной въ монастырь въ 89 году (83), затѣмъ вотчина, которою владѣли дѣти боярскія, а дана имъ изъ монастыря: Лука Карауловъ, Михайло Скобельцынъ, Михайло Самсоновъ, вдова Анна Волынская, Андрей Аничковъ, сытникъ Степанъ Брутковъ, подъячій Иванъ Яковлевъ, старица Лодыгина монастырскіе слуги Степановъ и Борисовъ (84), вотчина, которою владѣли сынъ боярскій Алексѣй Шестаковъ и Троицкаго монастыря серебряный мастеръ (86). Отписаны вотчины, которыя монастырь далъ во владѣніе другимъ лицамъ, причемъ иногда указанъ оброкъ, который эти лица платили въ монастырь, иногда не указанъ позволительно думать, что съ одной стороны правительство въ первые годы, по крайней мѣрѣ, строго слѣдило, за исполненіемъ соборнаго приговора 1581 г., запретившаго богатымъ монастырямъ принимать новые земельные вклады, но съ другой стороны, такъ какъ отписывались иногда земли, занесенные уже за монастыремъ въ предшествовавшую опись въ приправочныя книги и такъ какъ отписаны только тѣ вотчины, которыя монастырь далъ отъ себя другимъ лицамъ на оброкъ, то можно думать, что правительство приказывало отписывать излишнія монастырскія земли, которыми монастырь управлялъ не самъ, а отдавалъ ихъ на оброкъ, что могло служить показателямъ чрезмѣрности монастырскихъ земельныхъ богатствъ.

О секуляризаціи см. Павлова. Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи, 145—149.

убо таковаго царя или князя да непослушаеши, на нечестіе и лукавство приводяща тя, аще мучитъ, аще смертію претитъ»; а вѣдь подъ понятіе царя, который надъ собою «иматъ царствующія скверныя страсти и грѣхи, сребролюбіе же и гнѣвъ, лукавство и неправду, гордость и ярость, злѣйши же всѣхъ невѣріе и хулу», нетрудно было подвести Грознаго, и если Іосифъ Волоцкій, въ виду неблагопріятныхъ отношеній своихъ къ Іоанну III, рѣшился высказать подобную мысль, то едва ли будетъ невѣроятно, чтобы ученики его при болѣе неблагопріятныхъ отношеніяхъ своихъ къ Іоанну IV не вспомнили революціонной доктрины своего учителя [1]).

Слѣдовательно, мы можемъ принять извѣстіе Горсея и объ отобраніи у монастырей части ихъ имущества и о сильномъ недовольствѣ духовенства; но сообщаемыя имъ подробности о смерти семи наиболѣе уважаемыхъ святителей должно отвергнуть, потому что нельзя пріурочить казни духовныхъ лицъ (Корнилія, Өеодорита или Леонида) ни къ 1573, ни къ 1581 г. Очень можетъ быть, что Горсей, слышавшій разсказы о смерти Леонида и др., спуталъ, по своему обыкновенію, эти разныя событія и разсказываетъ ихъ за одно.

Съ того времени, когда Горсей сталъ исполнять политическія и торговыя порученія московскаго правительства, разсказъ его достовѣрнѣе и интереснѣе, но за то онъ ведется о подвигахъ и трудахъ самого Горсея, и къ этому, между прочимъ, присоединяются замѣчанія о Россіи и русскихъ. Въ этой части «Travels» надоѣдаетъ чрезвычайное самохвальство и забывчивость автора; лживость его не только не уменьшается, но возрастаетъ по мѣрѣ приближенія автора къ концу разсказа.

Горсей живо описываетъ свои разговоры съ царемъ о большихъ корабляхъ, построенныхъ Грознымъ въ Вологдѣ, и казнь Бомелія. Въ 1858 году онъ отправился изъ Москвы въ Англію сухимъ путемъ—чрезъ Ливонію, Пруссію, Польшу и Германію; царскую грамоту изъ предосторожности въ Москвѣ вложили въ подорожную бутылку съ водкой; главное порученіе, данное Горсею, состояло въ томъ, чтобы привезти изъ Англіи военныхъ снарядовъ. Горсей успѣшно исполнилъ порученное ему дѣло, за что заслужилъ похвалу царя. Затѣмъ Горсей разсказываетъ о казняхъ нѣкоторыхъ приближенныхъ къ Іоанну лицъ и объ убійствѣ царевича Ивана. Царь, по словамъ Горсея, разсердился на своего старшаго сына за то, что этотъ послѣдній выразилъ сожалѣніе объ иностранцахъ,

---

[1]) М. А. Дьяконовъ «Власть Московскихъ Государей», 95.

которыхъ Грозный незадолго предъ этимъ подвергъ страшному поруганію за то, что царевичъ далъ самовольно грамоту одному дворянину на 5 или 6 почтовыхъ лошадей, и что народъ имѣлъ слишкомъ хорошее, какъ казалось царю, мнѣніе о царевичѣ. Разсердившись, царь ударилъ сына жезломъ по уху, а тотъ принялъ это такъ къ сердцу, что чрезъ три дня скончался отъ горячки. Въ лицѣ царевича Ивана и государство понесло большую потерю: это была надежда благополучія русскихъ, князь мудрый, снисходительный и въ высшей степени храбрый. Царь былъ въ отчаяніи: рвалъ на себѣ волосы и бороду, точно безумный. Успокоившись, царь рѣшился привести въ исполненіе давно задуманный имъ бракъ съ англійскою принцессой, и для этой цѣли онъ отправилъ въ Англію Ѳ. Писемскаго. Писемскій возвратился изъ Англіи съ Боусомъ, которому поручено было продолжать переговоры о женитьбѣ царя. Разсказъ Горсея о поведеніи Боуса не вполнѣ вѣренъ: онъ значительно преувеличиваетъ безтактное поведеніе этого посла.

По словамъ Горсея, Боусъ самъ испортилъ свое дѣло въ Москвѣ, переступивъ должныя границы; онъ требовалъ отъ царя, чтобы престолъ наслѣдовалъ сынъ Іоанна отъ будущей царицы-англичанки, помимо царевичей Ѳеодора и Димитрія. Іоаннъ будто бы соглашался, но это шло въ разрѣзъ съ надеждами Годунова и Богдана Бѣльскаго. Когда съ царемъ во время игры въ шахматы случился обморокъ и во дворцѣ подняли переполохъ, тогда царь и былъ удушенъ (199—201).

Разсказъ этотъ остается, конечно, на совѣсти Горсея; только дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ намекаетъ на такую же смерть Грознаго: «жизнь же яростиваго царя глаголютъ нѣцыи, преже времени ближніе сего зѣлства его ради сокращенія угасиша: Борисъ иже послѣди въ Россіи царь бысть, сложившійся купно зъ двѣма въ тайномысліи о убіеніе его съ настоящимъ того времени царевымъ приближнымъ возлюблюнникомъ нѣкіимъ глаголемымъ Богданомъ Бѣлскимъ» [1]).

Отношеніе Горсея къ царю Іоанну Васильевичу заслуживаетъ полнаго вниманія: Горсей былъ близокъ къ царю, велъ съ нимъ не разъ разговоры, но въ то же время онъ вращался и среди лицъ тогдашней родовой аристократіи, оказывалъ имъ кое-какія услуги и пользовался ихъ благосклонностью и отчасти покровительствомъ. По словамъ Горсея, Грозный былъ красивъ лицемъ, представите-

[1]) Временникъ Ив. Тимоѳеева, 276.

ленъ, съ высокимъ лбомъ, пронзительнымъ голосомъ, настоящій скиоъ—очень находчивый, жестокій, кровожадный, безжалостный, но умный. Онъ завоевалъ Казань, Астрахань, Полоцкъ и Смоленскъ (sic), онъ освободилъ Россію отъ платежа дани крымскимъ татарамъ. Онъ завоевалъ Сибирь; поддерживалъ торговыя сношенія со всѣми народами, отчего не только увеличилъ свои доходы, но обогатилъ и свой народъ. Онъ собралъ законы страны и изложилъ ихъ въ такомъ сжатомъ и понятномъ сводѣ, что каждый въ Россіи можетъ вести дѣло безъ ходатая. Онъ построилъ и великолѣпно украсилъ до 40 каменныхъ церквей, основалъ до 60 монастырей, построилъ до 155 крѣпостей въ разныхъ частяхъ своего государства; устроилъ въ пустыхъ мѣстахъ до 300 ямовъ, въ 1 и 2 версты длиною каждый. Москву обнесъ прекрасной каменной стѣной съ орудіями и т. д. Онъ жестоко обращался съ своими поддаными, но иначе онъ и не могъ бы процарствовать такъ долго, потому что народъ русскій по самой природѣ своей склоненъ къ измѣнамъ и коварству. День смерти Грознаго былъ днемъ радости и избавленія для знати и духовенства; но и въ гробу онъ оставался страшнымъ для своихъ враговъ: проходя мимо его гробницы или произнося его имя [1]), они крестились, боясь какъ бы онъ не воскресъ (206—209). Мы видѣли, что раньше Горсей не скрывалъ жестокихъ поступковъ этого царя, но онъ считалъ нужнымъ указать и на большія заслуги Грознаго передъ Россіей. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ характеристикъ Грознаго—эта самая лестная для него. Изъ русскихъ отзывовъ ближе всего подойдетъ отзывъ хронографа: «Царь Иванъ образомъ нелѣпымъ, очи имѣя сѣры, носъ протягновенъ и покляпъ, возрастомъ великъ бяше, сухо тѣло имѣя, плеща имѣя высоки, груди широки, мышцы толстыя, мужъ чуднаго разсуженія, въ наукѣ книжнаго поученія доволенъ и многорѣчивъ зѣло, ко ополченію дерзостенъ и за свое отечество стоятеленъ, на рабы своя отъ Бога данныя ему жестосердъ велми и на пролитіе крови и на убіеніе дерзостенъ и неумолимъ, множеству народу отъ мала и до велика

[1]) Временникъ Ив. Тимоѳеева, 276: «Но убо и рабы его, велможа вся, отъ зазленія его стуживше, сіи угашеніемъ живота ему оскорбишася тогда печалію не истинною, но въ тайноприкровеніи лстивнѣ, лютость ярости его памятію въ себѣ обновляющемъ, содрогахуся, яко не яти себѣ имъ вѣры уже мнѣти того умерша, ли во снѣ мечтаемо помышляющемъ. И едва яко отъ сна возбнувшемся, въ себѣ имъ пришедшимъ, неприсненіе, по истинну быти разумѣша убо, помалѣ многи нѣкія отъ синглитъ благородныя въ первыхъ, иже мнимыя стопы сѣдины своя помазавше уханми мура, зъ гордостію въ лѣпоту ся облекошася».

при царстве своемъ погуби и многіе грады свои поплѣни и многіе святительскія чины заточи... Той же царь Иванъ многая благая сотвори, воинство велми любяше и требующая ими отъ сокровища своего неоскудно подаваше. Таковой бо бѣ царь Иванъ» [1]).

Но этотъ, наиболѣе сочувственный Іоанну русскій отзывъ, строже относится къ царю, чѣмъ отзывъ Горсея. Послѣдній прямо извиняетъ жестокость и казни царя; онъ считаетъ ихъ вынужденными, актами самообороны. Вотъ на эту сторону извѣстій Горсея и слѣдуетъ обратить особенное вниманіе: онъ нѣсколько разъ говоритъ о заговорахъ, которые составлялись высшимъ сословіемъ на жизнь государя.

Московская знать, которая составляла заговоры въ малолѣтство Грознаго и въ первые годы царствованія Θеодора, очень легко могла сдѣлать подобныя же попытки и въ управленіе Іоанна. На совокупныя дѣйствія московскихъ вельможъ находимъ не совсѣмъ ясныя указанія и въ другихъ памятникахъ: по показанію Гваньини много бояръ, князей и др. лицъ, числомъ до 300, приходило къ Іоанну жаловаться на беззаконныя убійства и злодѣйства опричниковъ; на подобное же намекаютъ слова житія св. Филиппа: «нѣцыи же отъ первыхъ вельможъ и народъ пріидоша къ пастырю своему заступленія ради съ великимъ рыданіемъ, смерть предъ очима имуще и глаголати не могуще, токмо показующе ему мученіе». По донесенію Писемскаго, Елизавета предложила ему слѣдующій вопросъ (въ 1582 г.). «Земля де ваша Русская государство московское по старому ли? и нѣтъ въ вашемъ грдстве въ людехъ какое шатости?» На что посланникъ отвѣчалъ: «Земля наша и гдрство московское, далъ Богъ по старому; а люди у гдря нашего въ гдреве твердой рукѣ, а въ которыхъ людехъ и была шатость, и тѣ люди, вины свои узнавъ, гдрю били челомъ и просили у гдря милости, и гдрь имъ свою милость показалъ. И ныне всѣ люди гдрю служатъ прямо, а гдрь ихъ жалуетъ» [2]). Если до Елизаветы дошли слухи о «шатости» въ московскомъ государствѣ и если посланникъ отвѣчалъ уклончиво, не отрицая самого факта «шатости», то мы въ правѣ предположить, что въ сообщеніяхъ Горсея есть извѣстная доля истины и что Іоаннъ казнилъ не всегда же за вымышленныя преступленія.

Горсей, также какъ Боусъ и русскіе источники, говоритъ о

[1]) Изборникъ Попова, стр. 313.

[2]) Карамзинъ, пр. IX, 190. Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., XXXVIII, 31, 32.

народномъ движеніи тотчасъ по смерти Грознаго (18 апр.); волненіе это скоро было усмирено правительствомъ; во главѣ правленія стали, по завѣщанію Грознаго, Борисъ Годуновъ, кн. Ив. Ѳед. Мстиславскій, кн. Ив. Петровичъ Шуйскій, Никита Романовичъ и Богданъ Бѣльскій; по городу разставлена была стража, новые воеводы отправлены были въ пограничные города, старые отозваны. На 4 мая собрали парламентъ, гдѣ присутствовали духовенство и знать. На этомъ собраніи рѣшены были дѣла относительно улучшеній въ управленіи и назначенъ день царскаго вѣнчанья. 10 іюня происходило царское вѣнчанье; Горсей заранѣе помѣщенъ былъ въ удобномъ мѣстѣ, чтобы онъ могъ видѣть всю церемонію [1]).

Первые шаги новаго правительства были чрезвычайно удачны: взяточники воеводы и судьи были отставлены; назначены новыя лица съ приказаніями творить судъ правдивый, безъ лицепріятія подъ страхомъ суровыхъ наказаній. Помѣстья и денежное жалованье должностнымъ лицамъ были увеличены; пошлины и налоги были понижены, а нѣкоторые и совсѣмъ отмѣнены; безъ достаточныхъ доказательствъ не полагалось никакихъ наказаній; много заключенныхъ, въ томъ числѣ знатныхъ, выпущено на свободу.

Въ общемъ произошла большая перемѣна во всемъ управленіи, и все сдѣлано спокойно, мирно, безъ всякихъ затрудненій для государства или для подданныхъ; и все это достигнуто было, преимущественно, мудростью царицы Ирины.

Подобная перемѣна не могла не стать извѣстной заграницей и внушила сосѣдямъ большее уваженіе къ Россіи (Appendix № 1).

Такъ разсказываетъ Горсей объ этомъ времени въ описаніи коронаціи Ѳеодора Іоанновича, напечатанномъ имъ еще въ Гаклюйтовскомъ первомъ изданіи 1589 г.; въ «Travels» разсказъ объ этомъ же времени нѣсколько разнится: личность Горсея и его заслуги выставлены на первый планъ.

Борисъ Годуновъ здѣсь уже прямо называется «lord-protector»; управленіе съ нимъ раздѣляли: кн. Ив. Мстиславскій, кн. Ив. Вас. Шуйскій и Никита Романовичъ. Горсей подробно описываетъ свое заступничество за несчастнаго Боуса, въ страхѣ ожидавшаго теперь смерти. Горсей даже призванъ былъ вечеромъ въ домъ Бо-

[1]) К. Н. Бестужева-Рюмина «Обзоръ событій отъ смерти Іоанна IV до избранія Михаила Ѳеодоровича Романова», Ж. М. Нар. Пр. 1888. № 8. 49 и сл.; въ примѣчаніяхъ указаны источники, какъ иностранные, такъ и русскіе, сообщающіе о смутахъ въ Москвѣ и посаженіи на престолъ Ѳеодора Іоанновича и о вѣнчаніи его на царство.

*

риса, котораго засталъ играющимъ въ шахматы вмѣстѣ съ кн. Глинскимъ. Годуновъ запретилъ ему говорить много за Боуса, потому что это вооружаетъ многихъ противъ него, Горсея. Скоро послѣ этого Горсей отправленъ былъ въ 1585 г. съ письмомъ царя къ Елизаветѣ; когда онъ вернулся изъ Англіи въ Россію, то засталъ въ Россіи большія перемѣны, и не къ лучшему, какъ онъ и описываетъ это въ «Travels». Богданъ Бѣльскій былъ уже въ ссылкѣ—въ Казани, Петръ Головинъ отправленъ былъ въ ссылку и на дорогѣ умерщвленъ, кн. Ив. Вас. Шуйскій также былъ сосланъ въ помѣстье и на дорогѣ задушенъ, къ всеобщему сожалѣнію, Горсей, къ своему сожалѣнію, видѣлъ, какъ начинаютъ уже ненавидѣть правителя. Однажды Борисъ пригласилъ Горсея на свою потѣху—соколиную охоту. По дорогѣ встрѣтился имъ монахъ, который шепнулъ Борису, чтобъ онъ спѣшилъ домой: не всѣ тѣ друзья, что сопровождаютъ его. Борисъ немедленно же поспѣшилъ тайнымъ ходомъ вернуться домой во дворецъ. Во дворцѣ его ждало уже много лицъ—духовныхъ и свѣтскихъ—все просителей; онъ хотѣлъ было пройти мимо нихъ къ царю, но, по совѣту Горсея, вернулся къ нимъ и, взявъ ихъ просьбы, обѣщалъ представить ихъ царю. «Ты самъ, благородный Борисъ Ѳеодоровичъ, царь, скажи слово и дѣло будетъ сдѣлано», воскликнули просители, и слова эти не непонравились ему, какъ я замѣтилъ: ибо онъ домогался вѣнца» (218—220)

Тогда же, т. е. въ 1586 г., составленъ былъ заговоръ знатью противъ Годунова; тогда же, съ другой стороны, сдѣлана была попытка отравить царевича Димитрія; Никита Романовичъ внезапно лишился языка и чувствъ.

Съ этого времени разсказъ Горсея становится чрезвычайно запутаннымъ, тѣмъ болѣе, что много обстоятельствъ изъ своей жизни за это время онъ хотѣлъ скрыть отъ читателей.

Еще съ 1585 года мы имѣемъ, какъ это сказано выше, нѣсколько редакцій сказаній Горсея. Самая подробная—его «Travels»; но въ ней, вопервыхъ, очень рѣзко бросается въ глаза самохвальство автора. По словамъ автора, онъ оказывалъ чрезвычайныя услуги компаніи, былъ постояннымъ благодѣтелемъ и покровителемъ всѣхъ иностранцевъ, жившихъ въ Москвѣ; не только иностранцы, но и многіе русскіе обязаны полученными ими льготами предстательству его, Горсея. Дѣйствительно, въ 1585—1586 гг. Горсей пользовался большимъ расположеніемъ Бориса Годунова [1]) и выхлопоталъ для

[1]) См. письма Годунова къ Горсею въ сборникѣ «Россія и Англія» №№ 56 и 90.

компаніи очень выгодную льготную грамоту, но не смотря даже на эти его дѣйствительныя заслуги компаніи, онъ пришелся такъ солоно ей, что когда въ 1590 г. въ Лондонѣ узнали о намѣреніи правительства снова отправить Горсея въ Россію, то компанія дѣятельно хлопотала объ отмѣнѣ этого рѣшенія. Изъ поданныхъ по этому случаю компаніей записокъ правительственнымъ лицамъ (Bond, App. III, 312—314) видно, какія мошенническія продѣлки совершалъ Горсей, и какъ недостойно онъ пользовался своимъ значеніемъ при Московскомъ дворѣ, именно: онъ выдалъ векселя новому агенту отъ не существовавшихъ лицъ, пользуясь незнаніемъ этимъ агентомъ русскаго языка, записывалъ уплаченными большія суммы, чѣмъ платилъ въ дѣйствительности; перехватывалъ переписку агента съ компаніей, чтобы та не узнала о продѣлкахъ его, Горсея; онъ не постыдился увѣрить московское правительство, будто новый агентъ сносится съ поляками и литовцами, вслѣдствіе чего гонецъ этого агента подверженъ былъ пыткѣ, и Борисъ сказалъ ему: «Этою пыткой ты обязанъ своимъ соотечественникамъ», то-есть, Горсею. Нѣсколько англичанъ, не признававшихъ власти Горсея, посажено было, по его проискамъ, въ тюрьмы; на одного изъ нихъ надѣты были оковы, и Горсей ежедневно посылалъ слугу своего посмотрѣть, есть ли на немъ оковы; Горсей самовольно подписывался «президентомъ» и самовольно же сталъ во главѣ англійскихъ прикащиковъ въ Россіи; онъ прямо величался предъ иностранцами своимъ могуществомъ: «Кто посадилъ въ тюрьмы Виннигтона, Силка и другихъ, какъ не Еремей Горсей? Какой иноземецъ въ Россіи въ состояніи тягаться съ Горсеемъ? Чья личность, чьи жены и дѣти не во власти Еремея Горсея?» То, что эти обвиненія не голословны, подтверждается уже тѣмъ соображеніемъ, что компанія стала хлопотать о неотправленіи человѣка, оказавшаго ей столько услугъ, какъ хвалится самъ Горсей; далѣе подтвержденіемъ для этихъ обвиненій служитъ поведеніе самого Горсея въ 1588—1589 году. И въ «Travels», и въ «Разсказѣ» [1]) онъ умалчиваетъ объ этихъ годахъ своей жизни, потому что, какъ замѣчаетъ Бондъ, онъ не могъ представить обстоятельствъ въ свою пользу. Въ одной коротенькой замѣткѣ (App. III, 337—341) онъ говоритъ, что, по совѣту вліятельныхъ лицъ въ Англіи, онъ помогалъ доктору Флетчеру въ его переговорахъ съ русскимъ правительствомъ; изъ документовъ же оказывается, что онъ тайно бѣжалъ изъ Англіи, не

[1]) Для сокращенія мы будемъ называть «Discourse of the second and third implоymente»—просто «Разсказомъ».

окончивъ своихъ счетовъ съ компаніей. Англійское правительство просило выдать его Флетчеру для привоза въ Англію, что́ русское правительство исполнило весьма охотно, назвавъ Горсея въ грамотѣ къ Елизаветѣ «воромъ» [1]). Слѣдовательно, въ 1589 году онъ въ Москвѣ потерялъ свой кредитъ. Разсказъ его въ «Travels» объ этомъ времени (1585—1587) полонъ преувеличеній, которыхъ или нѣтъ, или меньше въ болѣе раннихъ редакціяхъ: такъ, въ «Описаніи коронаціи» онъ ничего не говоритъ о подаренныхъ въ 1586 году ему вещахъ, а въ «Разсказѣ» въ день его аудіенціи въ 1586 году ему на квартиру принесенъ былъ обѣдъ отъ царя, состоявшій изъ 100 блюдъ, послѣ ему подарено деньгами 2 тысячи рублей (!); въ «Travels» 100 блюдъ превращаются въ 150, и, вѣроятно, по той же пропорціи 2 тыс. рублей, подаренныхъ Горсею, въ 3 тыс. рублей. Въ «Описаніи коронаціи» Горсей говоритъ только, что для компаніи онъ выхлопоталъ льготную грамоту на торговлю въ Россіи; въ «Разсказѣ»—что сверхъ грамоты, онъ оказалъ компаніи разныя услуги на сумму до 3.700 ливр.; въ «Travels», сверхъ того, онъ приписываетъ себѣ даже окончаніе дѣла Мерша на сумму до 30 тыс. руб., между тѣмъ какъ для улаженія дѣла Мерша и пріѣзжалъ въ Россію Флетчеръ, который и кончилъ это дѣло. Въ разсказѣ Горсея о его послѣдней поѣздкѣ въ Россію мы находимъ не только преувеличиванія, но уже просто несообразности. Не смотря на старанія компаніи, не смотря на неблагопріятный о немъ отзывъ московскаго правительства, Горсей все-таки былъ посланъ въ Россію. Юр. В. Толстой объясняетъ это тѣмъ, что Фр. Вальсингамъ, секретарь королевы по иностраннымъ дѣламъ, охотно пользовался услугами ловкихъ, хотя бы и не совсѣмъ честныхъ агентовъ [2]); къ тому же Вальсингамъ имѣлъ часть въ русской торговлѣ Горсея [3]) и потому имѣлъ личное желаніе отправить туда Горсея для приведенія въ порядокъ счетовъ.

Эту свою поѣздку въ Россію Горсей и въ «Travels», и въ «Разсказѣ» относитъ невѣрно къ 1589—1590 гг., на самомъ дѣлѣ она совершена имъ въ 1590—1591 гг. По «Разсказу», онъ ѣхалъ чрезъ Германію и долженъ былъ сначала заѣхать въ Кельнъ на съѣздъ германскихъ князей, но узнавъ, что этотъ съѣздъ не состоится, онъ прямо проѣхалъ въ Варшаву для переговоровъ съ польскимъ

---

[1]) «Россія и Англія» №№ 61 и 68.

[2]) «Россія и Англія», 48.

[3]) Участіе Вальсингама въ торговлѣ Горсея несомнѣнно изъ письма къ Вальсингаму Никока, у Бонда, XXXIX.

правительствомъ; то же онъ писалъ и къ лорду Берлею въ письмѣ 1591 года; въ «Travels» же разсказывается, что онъ не только побывалъ въ Кельнѣ, гдѣ наблюдалъ изумительное великолѣпіе германскихъ князей, но что оттуда еще проѣхалъ въ Копенгагенъ, все съ порученіями отъ королевы; въ Копенгагенѣ онъ велъ (въ 1590 г.) переговоры съ королемъ Фридрихомъ II, умершимъ еще въ 1588 году! Предположить, что онъ только перепуталъ имена Датскихъ королей, нельзя, потому что тогдашнему королю, Христіану IV, было только 13 лѣтъ, а по разсказу Горсея, король является человѣкомъ вполнѣ самостоятельнымъ и взрослымъ. На датское правительство онъ подѣйствовалъ рѣчью, въ которой доказывалъ, что если король запретъ для англичанъ Зундъ, то англійскіе корабли станутъ проходить изъ Сѣвернаго океана мимо Вардгуза и въ Финскій заливъ, и въ Балтійское море! Въ Польшѣ съ Горсеемъ случались самыя невѣроятныя вещи: въ «Разсказѣ» онъ говоритъ, что извѣстный іезуитъ Ант. Поссевинъ подослалъ на него убійцъ; въ «Travels» вмѣсто этого разсказывается, что при переправѣ чрезъ одну рѣку люди Горсея баграми распороли какую-то «змѣю-крокодила», самъ же Горсей былъ отравленъ запахомъ, распространившимся отъ этой змѣи, и пролежалъ нѣсколько дней опасно больнымъ.

Въ «Разсказѣ» Горсей вѣрно приписываетъ удаленіе свое изъ Москвы въ Ярославль пріѣзду польскаго посольства въ Москву; въ «Travels» польскій посолъ пріѣхалъ еще до Горсея. Въ Москвѣ на жизнь Горсея, по его словамъ, совершенъ былъ цѣлый рядъ покушеній: вода для его кушанья была отравлена, ему присылали отравленные напитки, подкуплена была его кухарка, и онъ знаетъ, кѣмъ и когда, его поваръ и дворецкій умерли отъ яда и т. д. Въ Ярославлѣ однажды ночью онъ былъ разбуженъ стукомъ въ ворота; выйдя онъ увидѣлъ Аѳанасія Нагого, обратившагося къ нему со словами: «О мой добрый другъ, благородный Еремѣй, позволь мнѣ поговорить съ тобою; царевичъ Димитрій умеръ сегодня въ 6-мъ часу; дьяки перерѣзали ему горло; одинъ изъ нихъ признался на пыткѣ, что онъ подосланъ былъ Годуновымъ; царица отравлена и на краю смерти; у нея слѣзаютъ и волоса, и ногти, и кожа. Помоги и дай, Христа ради, какого-нибудь лѣкарства». Горсей далъ ему мази и бальзама (!) (254).

Извѣстіемъ о торжественномъ погребеніи Димитрія оканчиваются собственныя сказанія Горсея о Россіи. Въ 1591 году онъ былъ высланъ изъ Россіи, при чемъ московское правительство за-

явило въ грамотѣ къ Елизаветѣ, чтобъ англійское правительство не присылало впредь Горсея, если оно желаетъ продолженія хорошихъ отношеній между двумя дворами. Впослѣдствіи Горсей присоединилъ въ «Travels» разсказъ о важнѣйшихъ событіяхъ въ Россіи до избранія Михаила Ѳедоровича; разсказъ написанъ со словъ другихъ, крайне неточенъ и потому не стоитъ разбора. Главнымъ сочиненіемъ Горсея «Travels» можно пользоваться очень осторожно. Только зная событія, мы можемъ понять, о чемъ идетъ рѣчь у Горсея; понятно, какъ опасно полагаться на такого рода источникъ во всемъ, что касается подробностей событій; между тѣмъ именно такъ и пользовались иногда Горсеемъ: его разсказами дополнялись сухія сравнительно данныя другихъ источниковъ. Но въ основѣ извѣстій Горсея лежатъ вообще вѣрные факты, иногда въ другихъ источникахъ не встрѣчающіеся.

Съ сочиненіемъ Горсея тѣсно связано знаменитое сочиненіе Флетчера «Of the Russe Common Wealth». Горсей утверждаетъ (стр. 256), что онъ самъ хотѣлъ дать очеркъ географическаго положенія Россіи, учрежденій, религіи и быта русскаго общества, но отказался отъ этого намѣренія въ виду того, что уже сдѣлано Флетчеромъ, котораго онъ, Горсей, снабдилъ всѣми необходимыми матеріалами. Для рѣшенія вопроса о степени зависимости Флетчера отъ Горсея, вопроса, по которому въ нашей литературѣ высказаны различныя мнѣнія, обратимся сначала къ личности автора «Of the Russe Common Wealth» и содержанію этого сочиненія.

Джильсъ Флетчеръ [1]), уроженецъ Кента, въ 1565 г. поступилъ въ Итонскую школу, откуда перешелъ въ Кембриджскій университетъ, гдѣ и получилъ въ 1569 г. степень баккалавра, а въ 1581 г. степень доктора права. До своей поѣздки въ Россію онъ былъ уже посылаемъ въ Шотландію, Германію и Нидерланды. Въ 1588 г. онъ отправленъ былъ въ Россію. Въ 1586 г. англійская компанія получила право на безпошлинную торговлю съ Россіей и на другіе льготы [2]); эту грамоту отвезъ Горсей въ Англію, но тотчасъ же вслѣдъ за его отъѣздомъ начались опять пререканія между компаніей и московскимъ правительствомъ. Если англичане получили столь выгодную грамоту, то этимъ они обязаны были въ значительной степени расположенію къ себѣ Годунова. Однако англичане считали себя невполнѣ удовлетворенными; они продолжали до-

[1]) Біографическія данныя о Флетчерѣ см. Бонда, CXX—CXXVII.
[2]) Сб. Имп. Ист. Общ. XXXVIII, 176.

могаться, чтобъ только имъ однимъ, именно одной московской компаніи предоставлена была монополія на торговлю съ сѣверными портами Россіи. Съ другой стороны возникло дѣло Мерша, которое въ немногихъ словахъ заключалось въ слѣдующемъ:

Прикащики московской компаніи, жившіе въ Россіи, часто плутовали вслѣдствіе того, что дѣятельный надзоръ за ихъ дѣйствіями былъ рѣшительно невозможенъ; они, обыкновенно, вели торгъ и отъ себя, хотя это имъ строго запрещалось. Они брали у русскихъ деньги взаймы отъ имени компаніи, потомъ исчезали, а когда русскіе люди предъявляли свои иски къ компаніи, то новые ея агенты отказывались платить, что и подавало поводъ къ безконечнымъ пререканіямъ. Однимъ изъ такихъ агентовъ былъ Антонъ Мершъ; въ то время, когда Грозный разгнѣвался за что-то на компанію, онъ выпросилъ у царя позволеніе на самостоятельный торгъ въ Астрахани и Сибири; соучастниками его были Горсей и другіе англичане, состоявшіе въ тоже время на службѣ компаніи. Впослѣдствіи въ дѣлахъ Мерша заинтересованъ былъ и дьякъ Андрей Щелкаловъ. Мершъ назанималъ долговъ и у частныхъ лицъ, и у Бориса Годунова, и даже изъ царской казны. Долги эти онъ перевелъ или сдѣлалъ отъ имени компаніи. Когда же иски были представлены ко взысканію, то агенты компаніи увѣряли, что у Антона былъ свой собинной дворъ и что русскіе торговые люди вѣрили ему одному. Англійское правительство, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, приняло сторону московской компаніи и въ этомъ смыслѣ писало въ Москву. Но кромѣ грамоты на имя царя, отправило грамоту отъ имени совѣтниковъ Елизаветы «правымъ и честнѣйшимъ нашимъ прелюбителнымъ, приятелнымъ пріятелемъ гдрю Борису Ѳедоровичу Годунову да Ондрѣю Щелкалову, бояриму думному». Годуновъ, конечно, сильно обидѣлся, что онъ поставленъ на одну доску съ Андреемъ Щелкаловымъ. Московское правительство въ отвѣтной грамотѣ сильно жаловалось на кручины и докуки, которыя ему причиняютъ англійскіе гости (1587 г.) Затѣмъ отправленъ былъ въ Англію гонецъ Романъ Бекманъ со спискомъ долговъ Мерша и съ другими документами, относящимися къ этому дѣлу [1]). Но изъ Англіи по этому же дѣлу отправленъ былъ уже Флетчеръ, который долженъ былъ кончить это дѣло и по прежнему домогаться монополіи для московской компаніи. Но мис-

[1]) Документы по дѣлу Мерша см. Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XXXVIII, 186—246; переписка двухъ дворовъ по этому дѣлу см. «Россія и Англія» №№ 61—65, 68, 69, 73—76.

сія Флетчера встрѣтила гораздо большее препятствій, чѣмъ можно было ожидать, судя по успѣхамъ Горсея.

Борисъ Годуновъ былъ обиженъ англійскимъ правительствомъ; думный дьякъ Андрей Щелкаловъ лично былъ заинтересованъ въ дѣлѣ Мерша и вовсе не былъ расположенъ взыскать съ Мерша всѣ долги. Русское правительство вело тогда дѣятельные переговоры съ цесарскимъ посломъ Варкочемъ о заключеніи союза, т. е. московское правительство склонно было въ 1588 г. сблизиться съ католическими державами. Все это не могло не отразиться на пріемѣ Флетчера, котораго сначала приняли не за посланника, а за гонца. На торжественной аудіенціи Флетчеръ отказался прочитать весь царскій титулъ, находя его слишкомъ длиннымъ сравнительно съ титуломъ своей государыни; конечно, онъ принужденъ былъ уступить и только напрасно раздражилъ московское правительство. Флетчеръ поднесъ царю и Годунову подарки отъ Елизаветы. Подарки эти состояли изъ «поминковъ золотыхъ, и въ полы золотаго, и въ четверть золотаго, и въ деньгу золотаго»; сама Елизавета признала впослѣдствіи, что подарки эти были неудовлетворительны; неудивительно, что подарки эти на другой день возвращены были Флетчеру. Флетчеръ не былъ приглашенъ къ царскому столу; въ стола мѣсто ему объявленъ былъ кормъ [1]).

Флетчеръ жаловался впослѣдствіи въ Англіи, что онъ не былъ допущенъ до переговоровъ съ думой, а велъ ихъ почти исключительно съ А. Щелкаловымъ личнымъ, врагомъ московской компаніи въ этомъ дѣлѣ. Елизавета жаловалась, что Флетчера полгода не допускали до царя, что онъ переговоры долженъ былъ вести главнымъ образомъ съ А. Щелкаловымъ, на разныя злоупотребленія котораго онъ долженъ былъ жаловаться; что Флетчера содержали въ его домѣ, какъ плѣнника, подъ стражею. Результатъ переговоровъ дѣйствительно, былъ не блистательный. Правда, царская грамота 1589 г. прибавляетъ къ прежнимъ правамъ Англичанъ «дорогу во всѣ наши государства, въ Казань, и въ Астрахань, и во всѣ государства за Хвалимское море, чего никоторыхъ земель гостемъ въ нашемъ государствѣ не ведетца», но за то она говоритъ о половинныхъ пошлинахъ, которые должна будетъ платить московская компанія, тогда какъ по грамотѣ 1576 г. она имѣла право на безпошлинную торговлю; кромѣ того, эта гра-

[1]) Къ посольству Флетчера относятся грамоты въ «Россія и Англія» подъ №№: 61—64, 67—74, 76 и 80.

мота снова категорически отказывает англичанамъ въ ихъ домогательствѣ на исключительное право приставать къ сѣвернымъ портамъ. По дѣлу Мерша рѣшено было (и то уже послѣ отпуска Флетчера) «для челобитья и печалованья» Годунова взыскать съ англійскихъ гостей 7,800 р. товарами. Всего же Мершъ долженъ былъ 23,553 р. Товарищъ Мерша Трумбулъ долженъ былъ заплатить 2,500 р.

По возвращеніи отсюда, онъ въ 1591 г. обнародовалъ свое сочиненіе «The Russe Common Wealth», которое и было уничтожено по просьбѣ компаніи, торговавшей съ Россіей. Компанія жаловалась Вил. Сесилю, что она не разъ уже платилась за ошибки англичанъ въ Москвѣ, особенно за то, что они оскорбляли московское правительство или давали поводъ къ подобнымъ обвиненіямъ. Сочиненіе Джильса Флетчера навѣрное навлечетъ на нихъ опалу русскаго правительства, если только книга не будетъ изъята изъ обращенія. Въ этой книгѣ управленіе, военные силы, доходы и способы ихъ взиманія, личности царя, его отца и брата, Бориса Ѳеодоровича Годунова изображены такими жесткими красками, что компанія боится, какъ бы за это не пришлось поплатиться англичанамъ и ихъ имуществу въ Россіи. Въ заключеніи просьбы указаны пункты, наиболѣе оскорбительные для Россіи. Подобное сочиненіе не могло понравиться Елизаветѣ; многое она могла считать за намеки на ея управленіе; если Флетчеръ въ предисловіи заботливо оттѣнялъ русское правленіе отъ англійскаго, «вовсе непохожее на Ваше» (most unlike to your ovn), то это только могло усилить подозрѣніе Елизаветы, неохотно обращавшейся къ парламенту.

По возвращеніи изъ Россіи Флетчеръ занималъ послѣдовательно нѣсколько должностей въ Англіи. Любопытно, что уже въ 1590 г. Флетчеръ предложилъ Берлею написать исторію царствованія Елизаветы. Онъ не только просилъ у Берлея указаній и помощи, но и спрашивалъ его совѣта на счетъ плана подобной исторіи, откуда ему начать, не начать ли ему съ оправданія брака Генриха VIII на Аннѣ Болейнъ или съ царствованія Эдуарда VI? По смерти его брата, лондонскаго епископа, Джильсъ Флетчеръ долженъ былъ, согласно завѣщанію брата, распутывать его дѣла, что вовлекло нашего автора въ долги и только благодаря заступничеству лорда Эссекса онъ не былъ арестованъ. Но эти близкія отношенія къ Эссексу повредили ему значительно въ 1600 году при арестованіи самого Эссекса. Кажется, вина Флетчера состояла въ томъ, что онъ слишкомъ громко приписывалъ опалу Эссекса козням Ралея. Въ 1610 онъ велъ пере-

говоры, какъ уполномоченный восточной компаніи съ датскимъ посланникомъ. Въ 1610 г. онъ умеръ въ Лондонѣ.

Какъ ни скудна фактами эта біографія Флетчера, тѣмъ не менѣе, она даетъ возможность нѣсколько опредѣлить нравственный обликъ этого писателя. Онъ былъ близокъ къ сильнымъ міра сего заискивалъ предъ ними и въ трудныя минуты пользовался ихъ покровительствомъ; онъ предлагалъ свои услуги для того, чтобы прославить Елизавету, для этого просилъ помощи и совѣтовъ у всесильнаго тогда Берлея; онъ предлагалъ начать исторію Елизаветы съ брака ея отца на Аннѣ Болейнъ и брался оправдать этотъ поступокъ Генриха. Во всемъ этомъ, конечно, нѣтъ еще ничего предосудительнаго:—Елизавета была гордостью націи и прославленіе ея—патріотическимъ дѣломъ, оправданіе развода Генриха съ испанкой на второй годъ послѣ нашествія армады болѣе, чѣмъ понятно и законно; но зачѣмъ было обращаться къ Берлею, зачѣмъ было писателю, хорошо владѣвшему перомъ, просить помощи и совѣтовъ у всесильнаго тогда министра? Подобный фактъ даетъ полное основаніе думать, что Флетчеръ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ преслѣдовалъ не одну истину, а что ему далеко не были чужды и чисто житейскіе разсчеты. Можетъ показаться страннымъ, какъ авторъ, заискивавшій у министровъ Елизаветы, написалъ сочиненіе «Of the Russe Common Wealth», гдѣ онъ самымъ рѣзкимъ образомъ возстаетъ противъ абсолютной формы правленія, указываетъ съ особымъ тщаніемъ невыгодныя стороны этого образа правленія. Было приведено мнѣніе, что если просьба московской компаніи была такъ скоро уважена, то потому, что книга Флетчера по своему духу не могла понравиться Елизаветѣ, управлявшей, какъ извѣстно, Англіей почти неограниченно, подобно всѣмъ Тюдорамъ. Въ виду заискивающаго нѣсколько характера Флетчера намъ кажется невѣроятнымъ допустить, чтобы онъ умышленно написалъ и посвятилъ Елизаветѣ книгу, въ которой она могла увидѣть крайне рѣзкія сужденія о пріемахъ управленія, которыхъ держалась сама. Для человѣка, хотѣвшаго быть исторіографомъ, такой пріемъ былъ по меньшей степени рискованнымъ. Скорѣе книга о Россіи предназначена была служить для вящшаго восхваленія Елизаветы и церковной реформы. Тамъ страна безъ истиннаго познанія Бога, безъ писанныхъ законовъ, безъ общественнаго правосудія; тамъ народъ бѣдный, угнетенный; въ Англіи подразумѣвалось какъ разъ противное и потому каждый вѣрноподданный Елизаветы долженъ благодарить небо за ея милостивое правленіе.

Флетчеръ, предлагавшій свои услуги въ 1590 г. Берлею, т. е. какъ разъ когда книга о Россіи была кончена (издана въ 1591 г.), хотѣлъ показать полную противоположность между Россіей и Англіей; мы не думаемъ, чтобъ онъ исключительно руководился свое корыстными разсчетами въ немъ достаточно громко говорила свойственная англичанамъ національная гордость и любовь къ своему; не забудемъ, что и это было временемъ, высшаго подъема англійскаго національнаго духа: на примѣрѣ Россіи Флетчеръ указывалъ, отъ какихъ бѣдъ избавила Англію королева-фея. Понятно, что съ такой точки зрѣнія, чѣмъ мрачнѣе выходило въ описаніи положеніе русскаго народа, тѣмъ болѣе въ блестящемъ видѣ являлись заслуги Елизаветы и ея отца. Россія, союзница Испаніи, исповѣдующая почти одинаковую (съ протестантской точки зрѣнія) съ нею религію, испытывала на себѣ все то отчего избавили Англію Елизавета и ея отецъ. Будущій панегиристъ Елизаветы не поскупился на краски для того, чтобы мрачнѣе нарисовать картину русскаго общества, тѣмъ болѣе, что въ этомъ обществѣ Флетчеръ встрѣтилъ самый рѣзкій отпоръ, какъ мы видѣли ниже, эгоистическимъ англійскимъ стремленіямъ. Общество, которое Флетчеръ презиралъ съ высоты своего англійскаго величія и западноевропейской учености, само надменно смотрѣло на Флетчера, считало его, равно какъ и его націю «нехристями», заставляло подчиняться своимъ суровымъ требованіямъ.

Сочиненіе Флетчера рѣзко отличается отъ другихъ иностранныхъ произведеній того же рода тѣмъ, что нашъ авторъ обнаруживаетъ начитанность, по тому времени большую; изложеніе свое онъ иногда подкрѣпляетъ ссылками на того или другаго писателя. Такимъ образомъ, необходимо прежде всего ознакомиться съ сочиненіями, которыми пользовался Флетчеръ, и какъ онъ ими пользовался.

Флетчеръ указываетъ имена слѣдующихъ авторовъ, трудами которыхъ онъ пользовался: Моисей (Библія) (стр. 2), Іосифъ Флавій (стр. 2), Страбонъ (стр. 2), Берозъ (16), Халкондилъ (93, 94, 95 и 103), Пахимеръ (93 и 94), Никифоръ Григора (103), Бонфиній (16). Кромѣ того Флетчеръ нѣсколько разъ ссылается на какую-то Польскую исторію, the Polonian storie (103), на разныя космографіи и географическія карты Россіи (стр. 99) и на Датскую исторію (18) [1].

[1]) Цифры въ скобкахъ указываютъ страницы изданія Бонда «Russia at the close of XVI cent.», гдѣ находится разбираемое извѣстіе или сообщеніе Флетчера.

Датская исторія, упоминаемая Флетчеромъ, есть Historia Danica Сакса Грамматика, какъ это уже указано Бондомъ, изданная въ XVI в. три раза: 1514 г. въ Парижѣ, 1576 г. во Франкфуртѣ и въ 1584 г. въ Базелѣ. Описывая городъ Ярославль, Флетчеръ отмѣчаетъ, что въ этомъ городѣ (какъ можно догадаться по названію) жилъ Владиміръ, называемый и Ярославомъ, который при посредствѣ Свена Датскаго женился на дочери англійскаго короля Гарольда, какъ это обозначено въ Датской исторіи около 1067 г. У Сакса Грамматика читаемъ: «Cujus (Haraldi) filii duo confestim in Daniam cum sorore migrarunt. Quos Sveno, paterni eorum meriti oblitus... puellamque Ruthenarum regi Waldemaro qui et ipse Jarizlavus a suis est appellatus nuptum dedit [1]). Флетчеръ, по своимъ соображеніямъ, поставилъ годъ, слѣдующій за годомъ Гастингской битвы, и для объясненія двойнаго имени князя предположилъ, что разъ онъ прозывался Ярославомъ, значитъ онъ жилъ въ Ярославлѣ.

Не трудно опредѣлить и на какую Польскую исторію ссылается Флетчеръ. Флетчеръ хотѣлъ узнать, когда русскіе приняли христіанство, но отъ русскихъ онъ не могъ этого узнать, потому что у русскихъ нѣтъ никакихъ лѣтописей (storie) или какихъ-либо другихъ памятниковъ по исторіи церковной или общественной. Единственно, что Флетчеръ могъ узнать отъ русскихъ это, что за 300 лѣтъ былъ заключенъ бракъ между Константинопольскимъ императоромъ и дочерью царя (king) этой страны; сначала было царь отказывался выдать свою дочь за императора, потому что тотъ исповѣдовалъ христіанскую вѣру. Подтвержденіе этого факта Флетчеръ нашелъ у Лаоника Халкондила, сообщающаго о бракѣ императора Іоанна съ дочерью царя Сарматіи; такимъ образомъ это согласно съ разсказомъ русскихъ, что они въ то время еще не исповѣдывали христіанскую религію. Но русскіе, по мнѣнію Флетчера, все же ошибаются относительно времени принятія христіанства; нашъ авторъ вычиталъ во 2-й кн. 3-й гл. Польской исторіи, что около 990 г. Владиміръ, русскій князь, женился на Аннѣ, сестрѣ императоровъ Василія и Константина, а вслѣдъ за этимъ русскіе приняли вѣру и исповѣданіе Христа (102—103).

Мартинъ Кромеръ въ своемъ сочиненіи «De origine et rebus gestis Polonorum» только не во второй книгѣ, третьей главѣ, а въ третьей книгѣ, второй главѣ дважды упоминаетъ объ этомъ

---

[1]) Historia Danica, изд. Müller, 1839 г., 556.

фактѣ, что русскіе приняли христіанство при Василіи и Константинѣ въ 6497 г. (45 стр.). и (стр. 50) что Владиміръ взялъ сестру императоровъ Василія и Константина, и принялъ христіанство [1]). Издатель Флетчера Бондъ и предположилъ, что Флетчеръ пользовалс именно трудомъ Кромера, трудъ Кромера появился въ 1555 г., слѣд. Флетчеръ могъ его читать; кромѣ того вліяніе Кромера на Флетчера замѣтно и въ другихъ мѣстахъ; такъ, для объясненія имени поляковъ, которыхъ русскіе называютъ Ляхами, Флетчеръ предполагаетъ, что родоначальникомъ или первымъ вождемъ этого народа былъ Ляхъ (Laches or Leches), къ этому имени прибавили ро, что значитъ народъ, такъ образовалось названіе поляковъ, т. е. народъ или потомство Ляха (85). Дѣйствительно, Кромеръ даетъ объясненіе этого имени «a Pole quod et planiciem et venationem Slavis significat, vel a conditore de primo duce gentis Lecho sive Lacho, Polacos quasi Polachos, hoc est posteritatem Lachi». Объясненіе Флетчера почти буквальный переводъ словъ Кромера; если же онъ оставилъ безъ вниманія первое объясненіе Кромера, то это оттого, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе русскимъ названіемъ поляковъ—ляхами; а кромѣ того средневѣковая географія, отъ преданій которой Флетчеръ не освободился, всегда производила названіе народовъ отъ имени ихъ мнимыхъ родоначальниковъ.

Флетчеръ полагаетъ (64), что скорѣе славянскій языкъ происходитъ отъ русскаго, чѣмъ русскій—отъ славянскаго, потому что о народѣ, называемомъ Склави (Sclavi) извѣстно, что онъ вышелъ изъ Сарматіи и вслѣдствіе своихъ побѣдъ сталъ называться Славами, т. е. славными, знаменитыми, отъ слова «слава». Впослѣдствіе же, когда славяне были покорены разными народами, итальянцы, ихъ сосѣди, дали этому слову противоположное значеніе и стали склавами (Sclave) называть слугъ и крестьянъ, также какъ готовъ и спрійцевъ по той же причинѣ называли такъ римляне (64). Кромеръ—также: «Russis igitur Slavorum omnium originem nos quoque cum his scriptoribus libenter acceptam referimus», и раньше, что Роксолане послѣ побѣдъ присвоили себѣ имя Slavorū sive Slavinorum nomen a gloria, это имя распространилось до Эльбы и Везера, имя же Роксоланъ осталось на родинѣ, и легко могло измѣниться въ руссіановъ или руссовъ «cujus facilis est flexus in

[1]) De origine et rebus gestis Polonorum, Basileae. 45, 46.

Russianos et Russos» [1]). Флетчеръ, напротивъ, отказывается производить имя «Россія» отъ «Роксоланъ»; «что же касается до догадки, которую я встрѣчалъ у нѣкоторыхъ космографовъ, что русскій народъ заимствовалъ свое имя отъ народа, называемаго роксоланами, и что это одинъ и тотъ же народъ, то догадка эта весьма невѣроятна; и по этимологіи слова и особенно потому, что роксолане жили, по свидѣтельству Страбона (7-я кн. геогр.), между Танаисомъ и Борисѳеномъ, а это совсѣмъ въ сторонѣ отъ Россіи» (1 и 2). Кромеръ же ссылаясь на того же Страбона (тоже 7-я кн.). Птоломея, Плинія и др., указываетъ такъ «Strabo autem ita. Roxani vero magis ad Aquilonem spectâtes inter Tanaim et Boristhenem campestria habitent», причемъ указана также 7-я кн. Страбона [2]). Флетчеръ только разъ и ссылается на Страбона, и вышеприведенное имъ мѣсто есть опять-таки почти переводъ словъ Кромера, отчего можно съ большею достовѣрностью предположить, что въ числѣ нѣкоторыхъ космографовъ онъ разумѣлъ и Кромера; должно замѣтить, что производство названія «Россіи» отъ Роксоланъ находимъ и у Матвѣя Мѣховскаго, у Іовія и въ очень распространенной тогда космографіи Себ. Мюнстера, но фраза Флетчера такъ близка къ словамъ Кромера, что, по всей вѣроятности, онъ главнымъ образомъ имѣлъ здѣсь въ виду Кромера, и такъ какъ нигдѣ больше онъ на Страбона не ссылается, то можно предположить, что и со Страбономъ онъ познакомился по труду Кромера. Также, вѣроятно, Флетчеръ имѣетъ въ виду Кромера, когда говоритъ: «Нѣкоторые думаютъ, что Сарматія получила имя отъ Сармата, котораго Моисей и Іосифъ называютъ Сарматомъ, сыномъ Іектана, племянникомъ Евера, изъ потомства Симова» (2), причемъ на поляхъ дѣлаетъ ссылку: «Gen. 10. Iosep. 1. 1. cap. 14» у Кромера на поляхъ: «Genes. 10, Ioseph. antiqu. lib. 1. cap. 14», въ текстѣ: «quippe qui a Sarmate, quê Moses et Iosephus Asar-

---

[1]) Ibidem, 16 и 17. Corrigendus vero hic est error eorü, qui eos Sclavos sive scilavinos vocât Qui quide etiam in pleraque Procopii et Jornâdis et Blondi exemplaria irrepsit, ab Italis, nisi fallor, quod, i mollius loqui studêt, seepe i pro l praferunt: ut pro flatu fiato; pro placet, piace: sic pro Slavo, Siavo. Nihil autem fore interest apud eos in enunciando sive quis dicat Siavû sive Sciavum c litera interferta. Inde fortassis imperiti, cum Latine loqui vellêt vel scribere non slavû reddidere, sed sclavum: quo nomine nûc quêlibet Servum appellant Itali, cum alii tum Adriatici maris accole ex nomine gentis, cum qua multa bella gessere: quemadmodum Romani olim Getas et Syrós.

[2]) Ibidem. 16.

matê vocant Istri sive jectanis filio et ipso ex Noa sed per Semû filiû descedête, nomen et genus duxerint» [1]).

Однообразіе ссылокъ, близость текста позволяютъ заключить что Флетчеръ подъ польской исторіей разумѣлъ именно: «De origine et rebus gestis Polonorum» Кромера, которое появилось еще въ 1555 г.

Но, всякомъ случаѣ, придется признать, что Флетчеръ пользовался Кромеромъ довольно поверхностно. Онъ отвергаетъ вышеприведенное объясненіе Кромера «Россіи» отъ «Роксоланъ», главнымъ образомъ, потому, что русскіе никогда не жили между Дономъ и Днѣпромъ, т. е., заставъ русскихъ въ предѣлахъ Московскаго государства, онъ, кажется, и не подозрѣвалъ, что историческая жизнь русскаго народа началась въ Приднѣпровьѣ. Если бы онъ прочиталъ Кромера, то онъ не могъ бы не замѣтить этого, равно какъ и неоднократныхъ указаній Кромера на русскія лѣтописи; Флетчеръ же увѣряетъ, какъ мы видѣли выше, что у русскихъ вовсе нѣтъ лѣтописей, что они до такой степени невѣжественны въ своей исторіи, что не знаютъ времени принятія христіанства. Подобное указаніе важно въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ собиралъ Флетчеръ свѣдѣнія о Россіи; приходится признать, что по историческимъ вопросамъ онъ стоитъ гораздо ниже своихъ наиболѣе видныхъ предшественниковъ и современниковъ. Вспомнимъ, какія обширныя выписки изъ русскихъ лѣтописей съумѣлъ сдѣлать Герберштейнъ, какъ, сравнительно, подробно и точно разсказалъ онъ исторію Россіи съ постоянными ссылками на русскія лѣтописи. Короче нѣсколько, но очень обстоятельно изложилъ эту же исторію Даніилъ Принцъ, вѣрныя историческія свѣдѣнія находимъ и у Гейденштейна, Маржерета и др. Горсей, ближайшій спутникъ Флетчера, и тотъ читалъ русскія лѣтописи въ домѣ кн. Мстиславскаго.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Флетчеръ спросилъ объ этомъ вопросѣ кого-либо изъ русскихъ, можетъ быть, даже не одного, и тѣ или не могли дать ему отвѣта, или дали невѣрный отвѣтъ; среди людей простыхъ, торговыхъ историческія свѣдѣнія тогда распространены были еще очень мало. Флетчеръ постарался все-таки удовлетворить своей любознательности и добился, хотя и окольнымъ путемъ—изъ польской хроники; упрекать его за это нельзя, но видно, какими, сравнительно, малознающими людьми онъ былъ окруженъ, или, можетъ быть, онъ не былъ достаточно

[1]) Ibidem, 13.

находчивъ и искусенъ въ обращеніи съ людьми, чтобы съумѣть добыть матеріалы, которые въ то время были весьма доступны иностранцамъ. Ниже мы увидимъ, что его историческія свѣдѣнія о Россіи крайне сбивчивы и заключаютъ въ себѣ такіе промахи и ошибки, которыхъ въ другихъ иностранныхъ сочиненіяхъ о Россіи нѣтъ.

Разъ Флетчеръ пользовался Кромеромъ и не замѣтилъ у него Кіевской Руси и существованія русскихъ лѣтописей, на которыя Кромеръ часто ссылается, то является само собой предположеніе, что онъ не былъ знакомъ и съ «Commentarii Rerum Moscoviticarum» Герберштейна, гдѣ, какъ мы уже указали, русская исторія изложена весьма подробно именно по русскимъ лѣтописямъ. Имени Герберштейна Флетчеръ, дѣйствительно, не называетъ; тѣмъ не менѣе, съ большею достовѣрностью можно утверждать, что Флетчеръ былъ знакомъ съ этимъ сочиненіемъ хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ его. Издатель Флетчера, г. Бондъ полагалъ, что Флетчеръ заимствовалъ у Герберштейна объясненіе имени «самоѣдъ» (97), и что Флетчеръ разумѣетъ Герберштейна, когда опровергаетъ легенду объ идолѣ—Золотой Бабѣ, о чемъ Флетчеръ читалъ въ нѣкоторыхъ описаніяхъ и картахъ этихъ странъ; Герберштейнъ, дѣйствительно, описываетъ Золотую Бабу и изображеніе ея помѣщено на его картѣ. Можно указать и на другія мѣста, прямо заимствованныя Флетчеромъ у Герберштейна. Извѣстное различіе между попавшими въ плѣнъ туркомъ, татариномъ и русскимъ, проведенное Герберштейномъ, сокращенно, но безъ всякихъ измѣненій повторяется Флетчеромъ (89). Описаніе русской зимы у Флетчера—опять-таки не совсѣмъ удачная перефразировка Герберштейнова описанія суровой зимы 1526 г. У Герберштейна: «тогда даже вода, вылитая на воздухѣ, или слюна, выплюнутая изо рта, замерзаетъ прежде, чѣмъ упадетъ на земь. Мы сами видѣли, когда были тамъ въ 1526 г., что вѣтви плодовыхъ деревьевъ совершенно погибли отъ суровой зимы предшествовавшаго года. Въ тотъ годъ зима была такъ жестока, что весьма многихъ курьеровъ (которые у нихъ называются гонцами) находили замерзшими въ повозкахъ. Нѣкоторые мужики изъ окрестныхъ деревень, гнавшіе въ Москву скотъ, связанный веревками, отъ сильнаго холода погибли тогда вмѣстѣ со скотомъ. Кромѣ того, многіе бродяги, которые въ тѣхъ странахъ имѣютъ обыкновеніе блуждать съ медвѣдями, пріученными къ пляскѣ, найдены были мертвыми на дорогахъ. Да и сами медвѣди, подстрекаемые голодомъ, оставивъ

лѣса, рыскали по сосѣднимъ деревнямъ и врывались въ дома; когда испуганные крестьяне убѣгали отъ нихъ, то за воротами погибали отъ стужи [1]). У Флетчера: «Отъ одного взгляда на зиму этой страны пробираетъ холодъ; о рѣзкости воздуха можно судить по слѣдующему: вылитая на воздухѣ капля воды замерзаетъ прежде, чѣмъ упадетъ на земь. Если въ самое суровое время зимы взять въ руку какую-нибудь металлическую вещь (конечно, не въ комнатѣ, гдѣ у русскихъ поставлены печи), то пальцы такъ къ ней примерзаютъ, что, только содравъ кожу, можно отнять руку. Когда выходишь изъ теплой комнаты на холодъ, дыханіе учащается и коченѣетъ. Не только замерзаютъ въ дорогѣ многіе путешественники, но даже на рынкахъ и улицахъ городскихъ, такъ что многихъ путниковъ можно видѣть замерзшими на улицахъ, сидящими мертвыми въ саняхъ. Многіе отмораживаютъ носы, уши, щеки, пальцы и т. п. Часто (когда зима бываетъ особенно жестока) медвѣди и волки стадами выходятъ изъ лѣсовъ, побуждаемые голодомъ, вторгаются въ деревни, поѣдая все, что они могутъ найти; тогда жителямъ приходится бѣжать для спасенія жизни» (5 и 6).

Какіе медвѣди въ суровую зиму выйдутъ изъ берлогъ своихъ и нападутъ на деревню? По описанію Герберштейна ясно—цѣпные медвѣди, Флетчеръ же, опустивъ фразу о вожатыхъ медвѣдей, неудачно сообщилъ этотъ эпизодъ и читатель его книги могъ подумать, что въ Россіи въ суровую зиму деревни подвергаются нападеніямъ хищныхъ звѣрей, предъ которыми жители бѣгутъ изъ своихъ жилищъ.

Далѣе описаніе Москвы и Новгорода заставляетъ насъ предположить заимствованіе изъ сочиненія Герберштейна. Описаніе Москвы у Флетчера, конечно, разнится отъ Герберштейнова описанія, потому что сама Москва за это время значительно измѣнилась; Флетчеръ же, какъ можно было видѣть и раньше, не списывалъ прямо съ того или другаго автора, а пополнялъ свои свѣдѣнія тѣми данными другихъ сочиненій, которыя казались ему подходящими. Такъ, описывая по своимъ впечатлѣніямъ Москву, онъ прибавляетъ, что «число домовъ въ городѣ (какъ я слышалъ) 41,500—по переписи, произведенной царемъ незадолго до сожженія Москвы крымцами» (17). У Герберштейна: «число домовъ въ этомъ городѣ показываютъ едва вѣроятное, ибо намъ говорили, что за шесть лѣтъ до нашего пріѣзда въ Москву, всѣ дома были переписаны по по-

---

[1]) Герберштейнъ, op. cit. 95.

*

велѣнію князя, и что ихъ число превосходило 41,500» [1]). Во-первыхъ странно, чтобы число домовъ въ Москвѣ оставалось одно и то же въ первой и послѣдней четверти XVI в.; во-вторыхъ, въ Московскомъ государствѣ всегда переписывались не дома, а дворы—оба же писателя говорятъ о домахъ; въ-третьихъ, дальше Флетчеръ даетъ дословно то же объясненіе названія слободы Наливайка, какъ и Герберштейнъ: «Со времени же крымской осады и пожара стало много пустыхъ мѣстъ, которыя раньше были застроены, особенно въ южной части Москвы, гдѣ царемъ Василіемъ были построены дома для солдатъ, которымъ онъ далъ привиллегію пить медъ и пиво и въ то время, когда остальные русскіе могутъ пить одну воду, отчего эта новая часть города получила названіе Налей, т. е. наливай (the name of Naloi, that is, skinch or poure in)» (ib.); у Герберштейна: «недалеко отъ города показываются домики и зарѣчныя слободы, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ князь Василій выстроилъ для своихъ тѣлохранителей новый городъ Nali (что на ихъ языкѣ значитъ infunde, Налей), потому что имъ однимъ дана отъ князя воля пить, тогда какъ другимъ русскимъ запрещено пить медъ и пиво, исключая немногихъ дней въ году».

Говоря о Новгородѣ, Флетчеръ приводитъ извѣстную Геродотовскую легенду о скиѳскихъ рабахъ, пріуроченную Герберштейномъ къ Новгороду, съ тою разницею, что по Герберштейну побѣжденные рабы укрылись въ мѣстѣ, которое и называется Холопьимъ городомъ; въ такомъ видѣ легенда должна служить объясненіемъ такого страннаго географическаго наименованія, какъ Холопій-городъ [2]). У Флетчера же конецъ измѣненъ такъ, что рабы побѣжали, а господа въ память побѣды стали чеканить монету, называемую Новгородской деньгою (dingoe Novogrodskoy), съ изображеніемъ всадника съ поднятымъ кнутомъ (18). Опять, какъ только Флетчеръ отступилъ отъ текста Герберштейна, не вѣрно: на новгородскихъ монетахъ не было такого изображенія.

Послѣ приведенныхъ выписокъ можно утверждать, что сочиненіе Герберштейна въ сокращенномъ видѣ было извѣстно Флетчеру.

Флетчеръ ссылается на Бероза, халдейца: «Берозъ, халдеецъ, въ своей пятой книгѣ разсказываетъ, что Нимвродъ (котораго другіе языческіе писатели называютъ Сатурномъ) послалъ Ассира, Меда, Моска и Магога въ Азію для основанія тамъ колоній, и что

[1]) Ibidem, 97;
[2]) Ibidem, 114.

Мосхъ (Moscus) основалъ ихъ какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ» (16) Флетчеру кажется вѣроятнымъ, что отъ этого Моска рѣка, а отъ рѣки городъ получили свое теперешнее имя.

Книга, на которую ссылается Флетчеръ не есть подлинное сочиненіе Бероза; въ 1510 г. издана была книжка подъ заглавіемъ: «Berosus Babilonicus de his qui praecesserunt inundationê terrarū Manetho, Myrsilus, Cato, Metosthenes, Philo Xenophon... Sempronius. Q. Fab. Pictor... Antonini Piji», т. е. сборникъ, заключающій въ себѣ отрывки будто бы изъ сочиненій этихъ авторовъ. Какъ разъ въ V-й книгѣ Бероза (каждая книга въ одну, много въ двѣ страницы) находимъ: «Saturnus (въ IV кн. Нимвродъ названъ Сатурномъ) rex Babilonicus misit principes coloniarû: Assiriû: Medum, Mosciû et Magogû qui regna côdiderût. Assiriû: Medum et Magogum in Asia; Moscus vero et in Asia simul et in Europa». Книга эта и тогда должна была показаться подозрительной знающему и опытному читателю: въ этой же книжкѣ Ной называется также Янусомъ, среди сыновей Ноя показаны и Титаны и Гиганты, и Прометей и Тюисконъ, родоначальникъ германцевъ и сарматовъ. Подъ именемъ Манеѳона помѣщены далѣе весьма странныя синхронистическія таблицы всемірной исторіи, напр., одновременно царствовали: Египетъ, Rhonus—у кельтовъ, Фавнъ—у аборигеновъ, Пандіонъ—у аѳинянъ, Белохъ младшій—у ассирянъ и т. д.

Не дѣлаетъ чести критическому такту Флетчера, что онъ положился въ объясненіи названія Москвы на авторитетъ подобной книжки, тѣмъ болѣе, что современникъ его Мартинъ Кромеръ, сочиненіе котораго Флетчеръ, какъ мы видѣли, имѣлъ въ рукахъ, рѣшительно отвергаетъ подобное словопроизводство и авторитетность въ данномъ случаѣ Бероза. Упомянувъ о писателяхъ, у которыхъ встрѣчаются Модоки, Мосхи и т. п., Кромеръ находитъ, что развѣ названія Moshenorum или Moschinorum или Moshorum болѣе подходитъ къ народу, живущему теперь въ европейской и азіатской Сарматіи, но народъ этотъ издавна уже живетъ здѣсь, этимъ же именемъ сталъ называться недавно, послѣ кн. Ивана Даниловича, собравшаго русскія княжества, что до сихъ поръ русскіе князья охотнѣе называются государями «всея Руси» (totius Russiae); равнымъ образомъ и митрополитъ сначала назывался Кіевскимъ, а потомъ сталъ называться Московскимъ.

Это превосходное, по своему времени, объясненіе, которое разъ навсегда должно было убѣдить тогдашнихъ ученыхъ, что совершенно безполезно искать въ тогдашнихъ москвитянахъ продолженія

древнихъ модоковъ или москвовъ, не было принято Флетчеромъ, ибо, какъ мы уже видѣли и увидимъ еще, онъ не имѣлъ представленія о Кіевской Руси; къ тому же онъ остался вѣренъ преданіямъ средневѣковой географической науки—производить современные народы отъ народовъ классическихъ или библейскихъ. Послѣ изданія «Of the Russe Common Wealth» Флетчеръ издалъ еще сочиненіе о татарахъ; сочиненія этого въ Петербургѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ, но и по заглавію видна основная мысль автора: «Разсужденіе о татарахъ, доказывающее (со всею вѣроятностью), что они израильтяне, т. е. 10 колѣнъ, которыя по плѣненіи Салманассаромъ переселены были въ Мидію» (A discourse concernig the Tartars proving (in all probabilitie) that they are the Israielites, or Ten Tribes vhich benig captivated by Salmanaser, vere transplanted into Media, стр. CXXVI). Флетчеръ ссылается, какъ мы уже видѣли, на сочиненія Страбона и Іосифа Флавія, по одному разу на каждаго, и притомъ въ этихъ мѣстахъ текстъ Флетчера такъ близокъ къ тексту Кромера, что вѣроятнѣе предположить о заимствованіи этихъ ссылокъ у Кромера, чѣмъ предполагать самостоятельное изученіе Флетчеромъ этихъ двухъ авторовъ.

Библія, на которую онъ также ссылается (2), была ему извѣстна, конечно, хорошо; если даже предполагать, что первыя страницы сочиненія написаны подъ сильнымъ вліяніемъ Кромера, то во всякомъ случаѣ тамъ есть ссылка на Библію, которой мы не встрѣтили у Кромера.

На венгерскаго историка Бонфинія [1]) Флетчеръ ссылается одинъ разъ (19); онъ говоритъ, что русскій царствующій домъ имѣетъ прозваніе «Бѣлаго—Beala» и происходитъ отъ венгерской династіи, что кажется весьма вѣроятнымъ, такъ какъ венгерскіе короли давно носили это имя, что можно видѣть у Бонфинія и другихъ историковъ; такъ, около 1059 г. упоминаютъ о Белѣ, который наслѣдовалъ своему брату Андрею, возстановившему въ Венгріи христіанство, отъ котораго они отпали-было вслѣдствіе безбожія и внушеній турецкихъ. Второй, носившій это же имя, назывался Бела Слѣпой; послѣ него еще было нѣсколько королей, носившихъ это же (т. е. Бела) имя (19 и 20). У Бонфинія, конечно, разсказанъ весь этотъ эпизодъ, хотя, конечно, Бонфиній не объясняетъ отступничества венгровъ XI в. турецкими убѣжденіями; хронологи-

[1]) Bonfinius, ум. 1502 г.; итальянецъ, по приглашенію Матвѣя Корвина написалъ исторію Венгріи, которую довелъ до 1495 г.

ческой даты вступленія на престолъ Белы у Бонфинія нѣтъ, но по разсказу его дѣйствительно, выходитъ, что послѣ 12-лѣтняго царствованія Андрея, вступившаго на престолъ въ 1047 г., начались въ Венгріи междоусобія, которыя кончились только смертью Андрея и воцареніемъ брата его, Белы. Не можемъ опять не отмѣтить, какъ сравнительно мало узнавалъ Флетчеръ отъ русскихъ, если очевидное прозваніе «Бѣлый царь» онъ принялъ за родовую фамилію царскаго рода и на основаніи этого построилъ гипотезу о происхожденіи русскихъ царей отъ венгерскихъ; такое толкованіе набрасываетъ тѣнь и на его знаніе русскаго языка. Герберштейнъ тоже зналъ это прозваніе русскаго царя, но онъ располагалъ гораздо лучшими пособіями, чѣмъ Флетчеръ: «нѣкоторые называютъ московскаго государя бѣлымъ царемъ. Я тщательно отъискивалъ причину, почему бы онъ назывался бѣлымъ царемъ, когда прежде никто изъ московскихъ князей не употреблялъ этого титула. Весьма многіе полагали причину царскаго титула въ томъ, что онъ имѣетъ подъ властью царей, но не могли представить никакой причины названію бѣлый. Я же увѣренъ, что московскихъ князей называютъ бѣлыми царями отъ бѣлыхъ шапокъ, какъ теперь персидскій шахъ называется Кизиль-пашей, т. е. красной головой—отъ красной шапки» [1]). Гипотеза же Флетчера, которую онъ считаетъ тѣмъ болѣе вѣроятною, что самъ Іоаннъ Грозный отрицалъ свое русское происхожденіе, служитъ новымъ доказательствомъ уже высказаннаго нами предположенія, что древняя русская исторія была почти неизвѣстна Флетчеру. Изъ сочиненія же Бонфинія Флетчеръ заимствовалъ, конечно, эпизодъ о татарскомъ походѣ на Венгрію, доказывающій ихъ большую ловкость: когда татары напали на Венгрію, въ царствованіе Белы IV [2]), то въ одномъ сраженіи они убили Николая Чашника, венгерскаго канцлера, и, завладѣвъ печатью, бывшею при немъ, взяли городъ, поддѣлавъ граматы, только vice cancellarius Бонфинія превратился у Флетчера въ канцлера. Кромѣ того, наконецъ, Флетчеръ ссылается также на трехъ византійскихъ писателей: Лаоника Халкондила, Георгія Пахимера и Никифора Грегора. Такъ какъ Халкондилъ и Пахимеръ цѣликомъ изданы были въ XVII ст., то слѣдуетъ думать, что Флетчеръ пользовался изданіемъ Іеронима Вольфа. Іер. Вольфъ послѣ изданій Зонары и Хо-

---

[1]) Герберштейнъ op. cit. 29.

[2]) У Флетчера отмѣчено: Белы, четвертаго короля Венгріи (As in their varre against Beala, the fourth king of Hungarie).

ніата, издалъ: «Nicephorae Gregorae Bysantinae historiae libri XI a Theod. Lascari usque ad Andron. Hier. Volfius. Basilea 1562»: недостающее у Грегоры пополнилъ переводомъ Клаузера: «Laonici Chalcocondylae Historia de origine atque rebus Turcarum»... Кромѣ того Вольфъ извлекъ изъ Пахимера дополненія къ Григорѣ [1]).

Несомнѣнно, что начитанностью своею Флетчеръ превосходитъ всѣхъ иностранцевъ XVI и XVII в., писавшихъ о Россіи: ему извѣстны были самыя разнообразныя сочиненія. Но принесла ли такая большая по тому времени начитанность пользу Флетчеру?

Мы видѣли, какъ онъ относился къ прочитанному: это не было рабское отношеніе, простое заимствованіе; Флетчеръ бралъ иногда только часть того или другаго объясненія, иногда опровергалъ мнѣнія прочитанныхъ авторовъ, сопоставлялъ ихъ: къ сожалѣнію, онъ прочиталъ эти сочиненія не всѣ цѣликомъ, а только отрывками. И притомъ именно Кромеръ и Герберштейнъ, два автора, которые могли обстоятельно ознакомить Флетчера съ прошедшимъ Россіи. не были прочитаны цѣликомъ; всѣ же остальные—Берозъ, Византійцы, Бонфиній, Сак. Грамматикъ—содержатъ въ себѣ слишкомъ мало такихъ данныхъ, которыми Флетчеръ могъ бы воспользоваться съ выгодою для себя; вотъ почему, какъ мы увидимъ, историческія и географическія свѣдѣнія Флетчера значительно ниже, чѣмъ свѣдѣнія его нѣкоторыхъ предшественниковъ.

Кромѣ источниковъ печатныхъ и письменныхъ, Флетчеръ многое узнавалъ и изъ своихъ разговоровъ въ Россіи и по личнымъ впечатлѣніямъ. «Я слышалъ», «мнѣ говорили»—подобныя заявленія довольно часто попадаются въ сочиненіи Флетчера. Съ иностранцами, особенно съ англичанами, онъ легко могъ вести разговоры; онъ пріѣзжалъ, главнымъ образомъ, по торговымъ дѣламъ—уладить пререканія общества съ русскимъ правительствомъ; поставить торговлю на болѣе правильныя начала—вотъ цѣль пріѣзда Флетчера, и не удивительно, если онъ многое узналъ изъ личныхъ разговоровъ съ торговавшими въ Россіи англичанами. Напр., Флетчеръ слышалъ отъ торговцевъ, что изъ Россіи было вывезено за нѣсколько лѣтъ мѣховъ на 500.000 р., что въ прежнее время воска вывозилось изъ Россіи болѣе 50.000 пуд., а льна болѣе 100 кораблей (9, 10 и 12).

Нѣсколько разъ Флетчеръ указываетъ и на свои разговоры съ русскими. Но зналъ ли онъ русскій языкъ на столько, чтобы быть

[1]) В. Г. Васильевскаго, ст. Ж. М. Нар. Пр. 1887 г., № 4.

въ состояніи вести разговоры съ русскими? Русскій языкъ не былъ чуждъ ему вполнѣ; ни въ одномъ иностранномъ сочиненіи о Россіи нѣтъ такого количества русскихъ словъ самаго разнообразнаго значенія, какое мы встрѣчаемъ у Флетчера, и должно отдать ему справедливость, что русскія слова, за исключеніемъ очень немногихъ случаевъ, онъ употребляетъ вполнѣ умѣстно, не путая ихъ значенія, и самое правописаніе ихъ, къ тому же, настолько близко къ произношенію, что большаго отъ иностранца и трудно ожидать. Правда, иногда (очень рѣдко) онъ впадаетъ въ забавныя ошибки: volock (волокъ) онъ принимаетъ за названіе рѣки, не разобралъ значеніе слова «бѣлый» (Bela), неправильно толкуетъ «Ярославль», знаменитый, красивый берегъ (18) и т. п.; но эти самыя ошибки, свидѣтельствуя о неполномъ знаніи имъ русскаго языка, съ другой стороны служатъ доказательствомъ, что онъ настолько все-таки владѣлъ русскимъ языкомъ, что считалъ возможнымъ вступать въ разговоры на этомъ языкѣ. Замѣтимъ, однако, что оффиціальные переговоры онъ велъ всегда черезъ толмача, и что знаніе его русскаго языка было во всякомъ случаѣ недостаточное. Вотъ напр: Knazey, Boiarens, Voiavodey, Sina Boiarskey, dyacks, Mousicks, Christianois; chetfird, bulsha prechod, roserade, office of dvoertsava, offices: pusharscoy, strelletskoy, prechase shisivoy nemshoy, tagla, podat, wite, obrokey vochin, pomestnoy, gubnoy staruts, dingoe, alteen, dworaney bulshey, dworaney seredney, strelsey stremaney, prava polskoy, leva polskoy, storeshovoy polskoy; tafia, shepon, caftan, ferris, alkaben, honaratkey, saphian, obrosa, shapka zempska, sargee, slapa zemskoy, oposhen, leitnick, odnoratkey, shube. Имена собственныя: Feoder Ioanowich Methisloskey (Мстиславскій); Ivan Michailowich Glinskoy, Vasilie Ivanowich Suskoy Scopin, Vasilie Ivanowich Suskoy, Feoder Michailovitch, Micheta Romanowich Trowbetskoy, Timophey Romanowich Trowbetskoy, Andriew Gregorowich Curakine, Demetrie Iwanowich Forestine (Хворостининъ)[1]).

---

[1]) Флетчеръ приводитъ одну свою бесѣду съ русскимъ монахомъ: можно даже подумать, что онъ бесѣдовалъ съ епископомъ: «О степени учености монаховъ можно судить по познаніямъ епископовъ (bishops), выдающихся людей изъ всѣхъ монаховъ (that an the chagee men out of all thesy monasteries). Я говорилъ съ однимъ изъ нихъ въ Вологдѣ, гдѣ (чтобы испытать его знанія) я предложилъ ему Библію на русскомъ языкѣ и открылъ первую главу Евангелія св. Матѳія. Онъ началъ бѣгло читать (in verie good order). Я спросилъ его, что именно изъ священнаго писанія онъ прочелъ? Онъ отвѣчалъ, что не можетъ сказать. Сколько евангелистовъ Новаго Завѣта? Отвѣчалъ, что не

Сочиненіе «Of the Russe Common Wealth» раздѣляется на три отдѣла: I) космографія страны (гл. 1—4); II) управленіе, подраздѣляющееся на четыре подотдѣла: 1) государственное устройство (гл. 5—13), 2) судъ (гл. 14), 3) военныя силы (гл. 16 — 20) и 4) церковное устройство (гл. 21—25), и III) экономика или частный бытъ (гл. 26—28).

Въ первомъ отдѣлѣ авторъ опредѣляетъ географическое положеніе страны, ея границы и протяженіе въ длину (больше 4,260 в.) и ширину (больше 4,400 в.); далѣе сообщаетъ свѣдѣнія о ея почвѣ, климатѣ и о важнѣйшихъ рѣкахъ и озерахъ; перечисляетъ естественныя произведенія страны и предметы вывозной торговли, какъ-то: мѣха, воскъ, медъ, сало, кожи, тюленій жиръ, икра, ленъ и конопля, соль, смола, моржовый зубъ, слюда и желѣзо; Флетчеръ указываетъ на сильное пониженіе вывоза, что объясняетъ утратой Нарвскаго порта и невыносимыми поборами правительства; затѣмъ онъ говоритъ о нѣкоторыхъ видахъ животныхъ и растеній, не встрѣчающихся въ Англіи. Перечисленіе главныхъ городовъ и описаніе наружности нѣкоторыхъ изъ нихъ заключаютъ первый отдѣлъ сочиненія.

знаетъ. Сколько же апостоловъ? Думаетъ, что 12. Какимъ образомъ онъ спасется? На что онъ мнѣ отвѣчалъ ученіемъ русской церкви, что онъ не знаетъ, спасется ли онъ или нѣтъ; но если Господу Богу угодно будетъ его пожаловать, то онъ будетъ очень радъ; если же нѣтъ, то нѣтъ никакой возможности спастись. Я спросилъ его, зачѣмъ онъ постригся въ монахи? Онъ отвѣчалъ мнѣ: потому что онъ хотѣлъ спокойно ѣсть свой хлѣбъ. Такова степень учености русскихъ монаховъ; хотя по одному и нельзя судить, но все-таки по невѣжеству этого можно догадываться о степени образованности остальныхъ» (116 — 117). Замѣтимъ прежде всего, что совсѣмъ невѣроятно, чтобы Флетчеръ бесѣдовалъ съ епископомъ вологодскимъ, какъ объ этомъ можно думать, судя по его тексту (What learning there is among their fryers may be knoven by their bishops, that are the choy men out of all their monasteries. (I talked with one of them at the citie of Vologda...). Ни одинъ архіерей не сталъ бы съ нимъ разговаривать, а не то, чтобы читать ему Библію и отвѣчать на подобные вопросы, сколько было евангелистовъ и т. д.? Что касается до самой бесѣды, то и въ ея подлинности можно сомнѣваться. Странно, чтобы монахъ, который, по свидѣтельству Флетчера, бѣгло читалъ, не узналъ первой главы Евангелія; еще страннѣе, чтобы онъ, грамотный, знавшій число апостоловъ, отвѣтившій согласно съ ученіемъ церкви на такой вопросъ, какъ о спасеніи человѣческаго рода, не зналъ числа евангелистовъ и, главное, такъ цинично отвѣтилъ Флетчеру на вопросъ, почему онъ пошелъ въ монастырь; кому другому, а иностранцу русскій монахъ XVI в. никогда бы такъ не отвѣтилъ. Вѣроятнѣе, что Флетчеръ разговаривалъ съ какимъ-нибудь настоятелемъ монастыря, и обѣ стороны не вполнѣ понимали другъ друга.

Въ отдѣлѣ о государственномъ управленіи авторъ сначала говорить о положеніи царствующаго дома; онъ предсказываетъ скорое прекращеніе династіи, такъ какъ у Ѳеодора Ивановича не можетъ быть дѣтей, а на жизнь Димитрія уже дѣлались покушенія (глава 5-я). Потомъ авторъ описываетъ обрядъ коронованія Ѳеодора; при этомъ онъ приводитъ въ правильномъ переводѣ молитвы, читаемыя въ церкви по этому случаю. Замѣчательно, что эта глава Флетчера служитъ какъ бы дополненіемъ «Описанія коронаціи» Горсея; первый говоритъ только о церковной службѣ, а второй— преимущественно о внѣшней сторонѣ празднества (глава 6-я).

Власть русскаго царя абсолютная: ему одному всецѣло принадлежатъ власти законодательная и исполнительная. Высшее совѣщательное учрежденіе—соборъ—нисколько не ограничиваетъ царской власти, такъ какъ въ совѣщаніяхъ собора принимаютъ участіе только члены царской думы и нѣсколько духовныхъ лицъ, но послѣднія приглашаются только для того, чтобы мѣры, принятыя соборомъ, имѣли большій авторитетъ въ глазахъ народа; духовенство на соборѣ всегда соглашается съ рѣшеніями, заранѣе принятыми въ царской думѣ (глава 7-я). Высшее сословіе, дворянство, также не можетъ оказывать противодѣйствія царской власти. Прежде, дѣйствительно, первый классъ этого сословія, удѣльные князья, пользовались въ своихъ округахъ почти неограниченною властью. Но покойный царь низвелъ ихъ на степень холопей; этого онъ достигъ слѣдующими мѣрами: 1) возвышеніемъ низшихъ надъ высшими, чѣмъ онъ возбудилъ между ними раздоры, 2) раздѣленіемъ государства на опричнину и земщину, и 3) замѣной вотчинъ помѣстьями; Годуновы продолжаютъ эту политику. Второй классъ дворянства—бояре, то-есть, царскіе совѣтники. Средній доходъ лица, принадлежащаго къ этимъ двумъ классамъ, около 1,000 рублей дохода съ земли и царское жалованье, никогда не превышающее 700 рублей. Только доходы Годунова простираются до 93,700 рублей да доходы Глинскаго до 40,000 рублей. Третій классъ составляютъ воеводы или дѣти ихъ, сохраняющіе титулъ отцовъ. Четвертый класъ дворянства составляютъ обнищавшіе и захудалые потомки князей. Дворяне имѣютъ право прибавлять къ своему отечеству «вичъ»; за неприсоединеніе этой приставки дворянинъ можетъ требовать безчестья. Второе сословіе—дѣти боярскія, составляющія царскую армію; третье сословіе—крестьяне; сюда принадлежатъ и купцы и ремесленники. Дьяки относятся ко второму сословію (глава 9-я).

Въ административномъ отношеніи Россія дѣлится на четыре части—четверти: посольскую, разрядную, помѣстную и четверть Казанскаго дворца. Изъ вѣдѣнія четвертей изъяты только царскія вотчины, а теперь и нѣкоторыя владѣнія Годунова. Во главѣ каждой четверти стоитъ дьякъ: онъ принимаетъ всѣ жалобы, получаетъ донесенія и дѣла отъ областныхъ правителей, вноситъ эти дѣла въ царскую думу и увѣдомляетъ правителей о послѣдовавшихъ рѣшеніяхъ, равно какъ и о всѣхъ выходящихъ изъ думы распоряженіяхъ. Четверть дѣлится на области; начальникъ области назначается царемъ; кромѣ административной власти, какъ-то: наблюденія за порядкомъ, собиранія воиновъ, собиранія доходовъ государственныхъ, обнародованія указовъ и т. д., ему принадлежитъ и судебная: онъ рѣшаетъ гражданскія дѣла и производитъ слѣдствія по уголовнымъ дѣламъ, которыя всегда рѣшаются въ царской думѣ. Областнымъ начальникамъ подчиняются губные старосты, сотскіе и судьи: первые рѣшаютъ дѣла о самоубійцахъ и арестовываютъ мошенниковъ; судьи и сотскіе рѣшаютъ тяжбы между жителями своего округа. На ихъ рѣшеніе можно жаловаться областному начальнику, на послѣдняго думнымъ дьякамъ, обыкновенно живущимъ въ Москвѣ (глава 10-я). Флетчеръ указываетъ на сильныя злоупотребленія, которыя позволяли себѣ начальники и состоявшіе при нихъ дьяки.

Царскую думу составляютъ бояре, то-есть, совѣтники; этотъ титулъ жалуетъ царь; далеко не всѣ бояре принимаютъ участіе въ совѣщаніяхъ; дѣйствительно участвующіе въ думѣ называются думными боярами. Флетчеръ называетъ 31 члена думы, въ томъ числѣ пять думныхъ дьяковъ. Но Годуновъ рѣшаетъ всѣ дѣла съ пятью-шестью боярами (глава 11-я).

Государственные доходы поступаютъ въ казначейство. Они получаются: 1) изъ Дворцоваго приказа, 2) отъ начальниковъ четвертей и 3) изъ Большаго прихода. Дворцовый приказъ собираетъ доходы съ царскихъ вотчинъ, жители которыхъ платятъ деньгами или натурою; избытокъ припасовъ продается, такъ что всего съ царскихъ вотчинъ получается теперь до 230,000 рублей. Начальники четвертей собираютъ въ подвѣдомственныхъ имъ земляхъ съ жителей тягла и подати—всего на сумму до 400,000 руб. При этомъ Флетчеръ называетъ суммы, платимыя нѣкоторыми городами: такъ Псковъ платитъ 18,000 р., Новгородъ—30,000 р. и т. д. Большой приходъ собираетъ всѣ торговыя пошлины, всего на сумму до 340,000 р.; Москва вноситъ 12,000 р. въ годъ, Смо-

ленскъ—8,000 р., Псковъ—12,000 р. и т. д.; кромѣ того, въ Большой приходъ поступаютъ судебныя пошлины, не израсходованныя деньги изъ другихъ приходовъ, такъ что всего туда поступаетъ до 800,000 р. Итогъ доходовъ въ Московскомъ государствѣ равенъ—1.430,000 р.

Но, не довольствуясь этимъ, Московскіе цари прибѣгаютъ еще къ особымъ мѣрамъ для увеличенія своихъ доходовъ: позволяютъ правителямъ грабить народъ, а потомъ отнимаютъ у нихъ награбленное въ свою казну, присвоиваютъ себѣ монополію на торговлю извѣстными предметами, заставляютъ покупать ихъ товары и продавать имъ не по розничной цѣнѣ, а по той, которую они назначатъ, и т. д. Царь Іоаннъ Васильевичъ для увеличенія своихъ доходовъ отказался отъ престола и посадилъ на царство Симеона, казанскаго царевича, котораго онъ заставилъ объявить недѣйствительными всѣ жалованныя грамоты; затѣмъ, принявъ снова жезлъ правленія, Іоаннъ получилъ большую сумму денегъ за возобновленіе этихъ грамотъ. Флетчеръ говоритъ, что съ нѣкоторыхъ монастырей онъ бралъ по 40, 50 и даже по 100 тысячъ рублей (глава 12-я). Эти послѣднія цифры несообразно велики. Слѣдуетъ замѣтить, что эта (12-я) глава, очень интересная по содержанію, написана Флетчеромъ недостаточно внимательно, мѣстами даже небрежно. Такъ авторъ не отдалъ себѣ отчета, что̀ представляетъ цифра 1.430,000 рублей,—валовой доходъ или чистый? Если валовой, то слѣдовало прибавить къ этой суммѣ доходы, получаемые нѣкоторыми отдѣльными приказами съ ихъ собственныхъ земель, о чемъ (то-есть, о доходахъ нѣкоторыхъ приказовъ) авторъ упоминаетъ; если же показанъ только чистый доходъ, то почему же авторъ считаетъ въ итогѣ полную сумму 230 тысячъ рублей, собираемую съ царскихъ вотчинъ, когда онъ самъ же говоритъ, что за покрытіемъ издержекъ на содержаніе двора и пр. остается только 23 тыс. руб.

Положеніе низшаго сословія въ государствѣ или крестьянъ очень тяжелое: на него главнымъ образомъ падаютъ всѣ сборы, кромѣ того, оно совершенно безправно; дворяне и царскіе солдаты могутъ грабить его безнаказанно; людямъ изъ этого сословія совсѣмъ не позволяютъ учиться, чтобъ они легче переносили свое рабское положеніе (глава 13-я).

Въ главѣ 14-й—о судѣ—Флетчеръ сообщаетъ не много новыхъ данныхъ сравнительно съ тѣмъ, что̀ мы нашли у его предшественниковъ. Любопытно, что, перечисляя способы рѣшенія спор-

ныхъ дѣлъ, гдѣ не достаетъ уликъ, авторъ уже не упоминаетъ о судебномъ полѣ; также интересно сопоставить отзывы Флетчера о русскомъ судопроизводствѣ съ отзывами Чанслора и Горсея: послѣднимъ очень нравилось отсутствіе у русскихъ множества запутанныхъ законовъ, вслѣдствіе чего каждый самъ можетъ вести свое дѣло; Флетчеръ же съ презрѣніемъ говоритъ, что у русскихъ есть только маленькая книжка, содержащая въ себѣ порядокъ судебныхъ процессовъ, а для рѣшенія дѣлъ въ Россіи руководствуются только изустнымъ закономъ (speaking law), то-есть—поясняетъ докторъ права—волей государя или его чиновниковъ.

Численность русской арміи Флетчеръ опредѣляетъ такъ: 15 тысячъ постояннаго коннаго войска, набираемаго изъ дворянъ большихъ, среднихъ и дѣтей боярскихъ. Каждый изъ нихъ получаетъ отъ 100 до 12 рублей въ годъ, а всѣмъ имъ платится только 55 тысячъ рублей въ годъ. Опять недосмотръ автора: если на 15 тысячъ человѣкъ отпускается всего 55 тысячъ рублей, то на каждаго среднимъ числомъ придется не больше 3 рублей съ копѣйками. Цифры жалованья солдатъ отъ 100 до 12 рублей несоразмѣрно велики; онѣ тѣмъ невѣроятнѣе, что на содержаніе 65 тысячъ всадниковъ, собираемыхъ ежегодно на случай нашествія крымцевъ, отпускается правительствомъ только 40 тысячъ рублей; по словамъ Флетчера, избираются московскимъ правительствомъ 110 довѣренныхъ лицъ, на обязанности которыхъ лежитъ содержаніе 65 тысячъ всадниковъ за отпускаемыя правительствомъ 40 тысячъ рублей. Слѣдовательно всѣхъ всадниковъ 80 тысячъ человѣкъ. Пѣхоту составляютъ 12 тысячъ стрѣльцевъ и иноземные наемники (глава 15-я). Затѣмъ Флетчеръ говоритъ о воеводахъ, о раздѣленіи арміи на полки, о наборѣ, вооруженіи и продовольствіи войскъ. Онъ подтверждаетъ общее мнѣніе иностранцевъ о русскомъ войскѣ, что оно гораздо лучше защищается въ крѣпостяхъ, чѣмъ сражается въ открытомъ полѣ (главы 16-я и 17-я).

Въ подотдѣлъ о военныхъ силахъ включены авторомъ главы о русскихъ колоніяхъ и о сосѣднихъ народахъ,—вѣроятно, на томъ основаніи, что первыя завоеваны русскимъ оружіемъ, а съ послѣдними они ведутъ постоянныя войны. Въ послѣднее время русскіе цари значительно увеличили свои владѣнія со всѣхъ сторонъ. Для охраны новыхъ завоеваній, русскіе строятъ тамъ крѣпости, въ которыхъ содержатъ гарнизоны; выселяютъ туземцевъ, а на ихъ мѣсто посылаютъ коренныхъ русскихъ; въ большіе пограничные города—Псковъ, Смоленскъ, Астрахань и Казань—назначаютъ пра-

вителей съ гораздо большими полномочіями, чѣмъ въ областные города внутри государства (глава 18-я). Въ Перми, по рѣкѣ Печорѣ, Сибири русскіе держатъ туземцевъ въ послушаніи, болѣе показывая имъ свое оружіе, чѣмъ употребляя его въ дѣло.

Въ 19-й главѣ Флетчеръ даетъ прекрасное, живое описаніе татаръ; но мы не станемъ останавливаться на этомъ описаніи, такъ какъ оно мало относится до русской исторіи; для насъ интереснѣе глава (20-я)—о пермякахъ, самоѣдахъ и лапландцахъ. Флетчеръ называетъ басней разсказы о Золотой Бабѣ, которой будто поклоняются самоѣды, и изображеніе которой онъ видѣлъ на нѣкоторыхъ картахъ; онъ объясняетъ, что у устья Оби есть скала, которую при помощи воображенія можно принять за статую старой женщины, держащей въ рукахъ ребенка. Названіе «самоѣдъ» Флетчеръ объясняетъ тѣмъ, что на ихъ языкѣ оно значитъ «туземецъ».

4-й подотдѣлъ—церковное управленіе (глава 21—25). Весь этотъ подотдѣлъ сочиненія не имѣетъ значенія: Флетчеръ повторяетъ крайне неблагопріятныя сужденія своихъ предшественниковъ о религіозности русскихъ; образцы этихъ сужденій мы приводили раньше изъ сочиненія Чанслора. Описанія его церковныхъ службъ и обрядовъ, разумѣется, не полны и не имѣютъ для русскихъ историковъ интереса. Замѣчательно, что Флетчеръ невѣрно разсказываетъ объ учрежденіи патріаршества въ Россіи, хотя это важное событіе совершилось какъ разъ въ время его пребыванія въ Москвѣ: именно, онъ говоритъ не объ учежденіи новаго Русскаго патріархата, а о перенесеніи каѳедры Константинопольскаго патріарха въ Москву, и все это дѣло будто бы совершилось по интригамъ Римскаго папы, и потому — предсказываетъ Флетчеръ—теперь произойдутъ раздоры между Русскою и Константинопольскою церквами, такъ какъ греческое духовенство не захочетъ подчиняться патріарху, живущему въ Москвѣ.

Еще въ этомъ отдѣлѣ заслуживаютъ вниманія цифры доходовъ духовныхъ лицъ: патріархъ получаетъ ежегодно до 3 тысячъ рублей, митрополиты и епископы—до 2,500 рублей, епископы—отъ 500—1,000 рублей, хотя нѣкоторые, напримѣръ, митрополитъ Новгородскій, получаютъ отъ 10 до 12 тысячъ рублей; священники получаютъ отъ 30—40 рублей въ годъ. Эти цифры очень сомнительны: невѣроятно, чтобы патріархъ получалъ въ четыре раза меньше Новгородскаго владыки.

Третій отдѣлъ сочиненія Флетчера посвященъ быту русскихъ

(главы 26-я—28-я). Въ этомъ отдѣлѣ заключаются очень интересныя, но и хорошо уже извѣстныя свѣдѣнія. Спачала авторъ разсказываетъ, какъ проводитъ день царь Θеодоръ Ивановичъ, потомъ перечисляетъ всѣ дворцовые чины отъ дворецкаго до истопника (главы 26-я и 27-я).

Послѣдняя (28-я) глава сочиненія посвящена изображенію быта и характера русскаго народа. Авторъ описываетъ наружный видъ русскихъ, ихъ кушанья и одежды (о жилищахъ Флетчеръ говоритъ раньше, въ 19-й главѣ, при описаніи наружнаго вида русскихъ городовъ). Способности у русскихъ посредственныя, и онѣ могли бы совершенствоваться ученіемъ, если бы русскіе перенимали что-нибудь отъ поляковъ и другихъ сосѣдей. Характеръ у нихъ суровый и въ высшей степени жестокій, особенно въ обращеніи съ низшими; человѣческую жизнь они ставятъ ни во что, охотно предаются всякимъ излишествамъ, въ словѣ своемъ не стоятъ. Этимъ неблагопріятнымъ крайне отзывомъ о характерѣ нашихъ предковъ мы кончимъ свое изложеніе главныхъ положеній Флетчера.

Теперь на очереди вопросъ: откуда Флетчеръ добылъ такія богатыя и подробныя свѣдѣнія о Россіи? Нѣтъ сомнѣнія, что, пріѣхавъ въ Россію, Флетчеръ, какъ человѣкъ любознательный и привыкшій уже къ литературной дѣятельности, сталъ записывать свои замѣтки объ этой странѣ, столь не похожей на тѣ, которыя онъ посѣтилъ раньше. Толмачъ, постоянно состоявшій при немъ могъ сообщать Флетчеру русскія имена и названія интересовавшихъ его лицъ и предметовъ. Флетчеръ нѣсколько разъ указываетъ въ своемъ сочиненіи, что онъ разспрашивалъ о такомъ-то предметѣ (напримѣръ, объ инквизиціи въ Россіи), что онъ говорилъ съ такимъ-то лицомъ (напримѣръ, съ монахомъ въ Вологдѣ), что онъ самъ былъ свидѣтелемъ того-то (напримѣръ, его ссылка на чтеніе царскаго титула при его аудіенціи), что съ его слугой говорилъ о томъ-то (о религіозныхъ дѣлахъ) и т. д. Но, конечно, этого было недостаточно: онъ пріѣзжалъ въ Москву въ первый разъ, слѣдовательно, былъ для московскаго правительства человѣкомъ новымъ, которому не только не стали бы сообщать свѣдѣній о домашнихъ дѣлахъ, а скорѣе старались бы скрыть ихъ отъ него. Такъ оно и было: московское правительство очень спѣшило отпускомъ цесарскаго посла Варкоча, чтобы Флетчеръ не засталъ его въ Холмогорахъ; какіе смутные слухи доходили до англійскаго посла, видно изъ того, какъ неточно онъ разсказываетъ даже о

такомъ крупномъ событіи, какъ учрежденіе патріаршества. Очевидно, что самъ Флетчеръ не могъ собрать столь подробныя извѣстія, и несомнѣнно, что кто-то помогъ ему своими свѣдѣніями. Конечно, лицомъ, сообщившимъ Флетчеру свѣдѣнія о Россіи, былъ извѣстный уже намъ Горсей; мы уже приводили выше категорическое утвержденіе объ этомъ Горсея. Академикъ Гамель, вполнѣ принимая это утвержденіе Горсея, говоритъ, что книжка Флетчера составлена со словъ Горсея, также какъ сочиненіе Іовія со словъ Дмитрія Герасимова. Напротивъ того, другой изслѣдователь, Ю. В. Толстой находитъ, что стоитъ прочесть хотя по страницѣ сочиненія Флетчера и сказанія Горсея, чтобы убѣдиться, что Флетчеръ не похититель его литературной собственности: разсказы Горсея напыщены, обидчивы, безграмотны; разсужденія Флетчера, напротивъ, отличаются систематическимъ, точнымъ и сжатымъ изложеніемъ; впрочемъ, Толстой признаетъ безспорнымъ, что Флетчеръ пользовался свѣдѣніями другихъ лицъ, въ томъ числѣ и Горсея.

Мнѣніе академика Гамеля нельзя признать вполнѣ вѣрнымъ, потому что личное участіе Флетчера въ составленіи его книги отрицать нельзя; Флетчеръ вовсе не ограничился только ролью пересказчика чужихъ словъ; не трудно, съ другой стороны, замѣтить, что характеристика обоихъ авторовъ Толстымъ относится къ формѣ ихъ сочиненій, а не къ содержанію.

Кто могъ сообщить Флетчеру цифры доходовъ, сборовъ, жалованья, число войскъ? Толстой говоритъ, что Флетчеръ везъ назадъ въ Англію съ собою нѣсколько англійскихъ купцовъ, въ томъ числѣ Горсея и Мерша, и отъ нихъ отъ всѣхъ онъ могъ узнавать нужныя ему свѣдѣнія; къ тому же самъ Флетчеръ говоритъ, что на обратномъ пути онъ приводилъ въ порядокъ свои замѣтки. Но, во-первыхъ, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ предполагать, чтобъ остальные купцы, кромѣ Горсея, знали эти цифры; изъ всѣхъ изъ нихъ Горсей былъ лицомъ самымъ близкимъ къ московскому правительству и въ частности къ Борису Годунову,—онъ нѣкоторое время состоялъ на русской службѣ; объ остальныхъ же купцахъ мы знаемъ только, что они вели въ Россіи незаконный торгъ, входили въ плутни съ московскими дьяками и подъячими, но отъ этого вѣдь еще далеко до знанія финансоваго и военнаго устройства страны. Во-вторыхъ, Толстой главнымъ отличіемъ извѣстій Флетчера отъ извѣстій Горсея считаетъ точность первыхъ; но мы уже видѣли, что почти всѣ цифры Флетчера съ перваго же взгляда

возбуждають недоразумѣнія у читателя и часто противорѣчать самимъ себѣ; а это гораздо больше въ свойствѣ характера Горсея, чѣмъ Флетчера: при разборѣ извѣстій Горсея мы постоянно встрѣчались съ невѣрными цифрами и датами.

Затѣмъ у обоихъ авторовъ находимъ одинаковые или очень мало разнящіеся разсказы о тѣхъ событіяхъ или вещахъ, о которыхъ они разсказываютъ оба. Таковы, напр., разсказы о постройкѣ Грознымъ крѣпости Иванъ-города противъ Нарвы, о спасеніи Пскова юродивымъ, о присылкѣ крымскимъ ханомъ Грозному ножа (да и вообще весь разсказъ о сожженіи Москвы крымцами въ 1571 г. Флетчера довольно близокъ къ разсказу Горсея) о царѣ Симеонѣ Бекбулатовичѣ, о доходахъ Годунова съ области Ваги, о смерти боярина Никиты Романовича, о покушеніяхъ на жизнь царевича Димитрія, намеки на стремленіе Годунова къ престолу и т. п.; далѣе, ниже мы увидимъ, что иногда то, о чемъ Горсей сообщаетъ, какъ объ единичномъ фактѣ, у Флетчера является уже обобщеніемъ: напр., Горсей говоритъ, что Василій III оставилъ сыну своему государство, раздѣленное на четыре части, Флетчеръ повторяетъ это же о современномъ ему раздѣленіи государства; Горсей говоритъ объ избраніи Ѳеодора Іоанновича соборомъ (parliament), на которомъ присутствовали духовенство и дворянство,—Флетчеръ, говоря о соборахъ, утверждаетъ, что на нихъ бываютъ представители только этихъ двухъ высшихъ сословій; Горсей, разсказывая о ливонскомъ походѣ Грознаго, сообщаетъ, будто русское войско вошло въ Ливонію, раздѣлившись на четыре отряда,—Флетчеръ думаетъ, что русское войско въ походѣ всегда дѣлится на четыре части, четыре полка.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи зависимость Флетчера отъ Горсея, равно и различіе ихъ въ сужденіяхъ, выяснится съ большею подробностью. Вообще можно замѣтить, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сочиненія обоихъ авторовъ соприкасаются, они оказываются очень близкими одно къ другому. Различіе же сказывается въ сужденіяхъ. Если иногда и встрѣчаются различія въ подробностяхъ, называются разныя имена или фамиліи, то это легко объяснимо. Мы уже видѣли выше, что чѣмъ другимъ, а памятью Горсей похвалиться не могъ; въ разныхъ его собственныхъ произведеніяхъ довольно много противорѣчій, и потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Флетчеру онъ могъ сказать одно имя, а самъ написать другое.

Но, конечно, Флетчеръ могъ многіе разсказы услышать самъ,

многое могъ слышать и не отъ одного Горсея; наконецъ, Флетчеръ могъ въ извѣстныхъ случаяхъ сознательно провѣрять Горсея.

Сужденія Флетчера, напротивъ того, вполнѣ самостоятельны. По своему образованію и положенію Флетчеръ стоялъ гораздо выше малограмотнаго Горсея. Между сужденіями можно подмѣтить любопытную разницу, и не въ пользу Флетчера.

Разсказъ Горсея интересенъ между прочимъ своею непосредственностью; онъ не задается цѣлью изобразить то или другое лицо, то или другое положеніе въ извѣстномъ свѣтѣ; нѣтъ, Горсей простой, непосредственный, хотя хвастливый и крайне неточный разсказчикъ. Флетчеръ, напротивъ, задался, какъ намъ кажется, строго опредѣленною мыслью—представить факты именно въ такомъ-то свѣтѣ. Потому у него каждый шагъ Грознаго или Годунова является строго обдуманнымъ. Много иностранцевъ и русскихъ разсказывало о вспыльчивости Грознаго, жертвою которой случайно были первые встрѣчные. По Флетчеру, если Грозный иногда позволялъ себѣ казнить первыхъ встрѣчныхъ, то это онъ дѣлалъ для того, чтобы показать другимъ свою неограниченную власть. Горсею нравится, что русскіе законы при Іоаннѣ изложены были такъ кратко, что каждый самъ могъ вести свое дѣло; Флетчеръ же, какъ мы видѣли, съ презрѣніемъ отзывается о маленькой книжкѣ законовъ.

Конечно, не зная тѣхъ записокъ, которыя были у Горсея и которыя онъ давалъ Флетчеру, мы не имѣемъ права высказываться категорически по вопросу о зависимости Флетчера отъ Горсея, но все-таки считаемъ очень вѣроятнымъ, что главы о дворянствѣ, объ областномъ управленіи, о царской думѣ, о доходахъ, о военныхъ силахъ и о частной жизни царя, то-есть, наиболѣе интересныя и существенныя части всего сочиненія, представляютъ пересказъ извѣстій Горсея. Основаніемъ такого нашего мнѣнія служатъ слѣдующія соображенія: для (9-й) главы о дворянствѣ—то, что Флетчеръ повторяетъ разсужденія Горсея объ отношеніи Грознаго къ дворянству; для (10-й) главы объ областномъ управленіи—то, что основное положеніе этой главы—дѣленіе Россіи на 4 четверти, высказано Горсемъ въ его «Travels» [1]), и то, что положеніе это находится въ прямомъ противорѣчіи съ сообщаемымъ самимъ же Флетчеромъ извѣстіемъ о томъ, что и другіе приказы владѣютъ землями самостоятельно; Флетчеръ не замѣчаетъ этого

[1]) Travels, 157.

*

противорѣчія; очевидно, онъ положился на знаніе Горсея и не продумалъ его сообщеній. Глава 11-я заключаетъ въ себѣ такія свѣдѣнія, которыхъ только что пріѣхавшій посолъ не могъ знать, именно—о дняхъ и часахъ засѣданій думы, объ имени и фамиліи мелкаго чиновника, на обязанности котораго лежало сзывать въ экстренныхъ случаяхъ членовъ думы. О главахъ, посвященныхъ финансамъ (12-й) и числу войскъ (15-й), мы уже говорили; 26-я глава (объ образѣ жизни царя Ѳеодора) могла быть написана только лицомъ, очень близкимъ ко двору, какимъ былъ Горсей: въ этой главѣ сообщается, что дѣлалъ Ѳеодоръ съ самаго утра до вечера, даже объ отношеніяхъ его къ царицѣ. Кромѣ того, мы думаемъ, что 20-я глава (о пермякахъ, самоѣдахъ и лопаряхъ) написана Флетчеромъ, главнымъ образомъ, по разсказамъ Мерша, котораго онъ тоже везъ съ собою въ Англію. Мершъ, какъ мы уже видѣли, велъ торгъ одно время съ Сибирью, посылалъ своихъ людей къ рѣкѣ Оби, и, конечно, отъ него Флетчеръ могъ заимствовать данныя о самоѣдахъ и о Золотой Бабѣ.

То обстоятельство, что Флетчеръ многое заимствовалъ отъ Горсея, не уменьшаетъ его заслуги. Мы видѣли, какъ неясно и сбивчиво разсказываетъ Горсей о своей жизни, и остается только радоваться, что цѣнный матеріалъ, собранный Горсеемъ, попалъ въ руки ученаго автора, который изложилъ его ясно и въ системѣ, хотя и не вездѣ внимательно отнесся къ нему. По количеству матеріаловъ для исторіи управленія, финансовъ и экономическаго быта русскаго народа сочиненіе Флетчера не имѣетъ себѣ равнаго среди другихъ иностранныхъ сочиненій о древней Россіи. Недостатокъ этого сочиненія — тенденціозность и односторонность его автора. Флетчеръ былъ англійскій юристъ, а именно среди этого сословія выработалось понятіе о государствѣ, какъ о договорномъ союзѣ между монархическою властью и народомъ, понятіе, нашедшее себѣ полное выраженіе нѣсколько позже въ «Левіаѳанѣ» Гоббса (род. въ 1588 г., ум. въ 1679). Между тѣмъ, въ древней Руси договорное начало почти вовсе еще отсутствуетъ. Флетчеръ не нашелъ у насъ ничего похожаго на magna charta и отсюда вывелъ заключеніе, основанное, можетъ быть, на ходѣ англійской исторіи, что если монархъ не ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ злоупотребляетъ своею властью, пользуясь ею только для своего личнаго блага и для блага своего семейства. Эта мысль—объ эгоизмѣ государя—становится основнымъ положеніемъ всего сочиненія, освѣщающимъ автору всѣ дѣйствія московскаго правительства: царь призываетъ

на совѣщаніе духовенство, чтобы придать своимъ мѣрамъ больше значенія въ глазахъ народа, суевѣрно преданнаго духовнымъ отцамъ; царь утѣсняетъ и унижаетъ дворянство, чтобъ оно не могло образовать противовѣса его власти; царь позволяетъ дворянству и духовенству грабить простой народъ, чтобы вселить въ сословія вражду другъ къ другу; царь открыто потакаетъ дурному управленію, чтобъ управляемые не имѣли довѣрія къ правителямъ, и чтобы тѣ и другіе не соединились противъ него; царь облагаетъ народъ непомѣрными налогами, чтобы только увеличить свою казну; царь нарочно держитъ свой народъ въ крайнемъ невѣжествѣ, чтобы послѣдній легче переносилъ свое рабство, и т. д. Односторонность автора очевидна: ему совершенно чужда мысль о правѣ обычномъ, на которомъ, главнымъ образомъ, основывался строй Московскаго государства; онъ вовсе не понялъ характера отношеній русскаго народа къ своему правительству.

Неизвѣстный авторъ [1]) въ статьѣ своей обратилъ вниманіе на этотъ пріемъ Флетчера. По его словамъ, это единственный пунктъ, въ которомъ Флетчеръ ошибался, только этого объясненія психологическихъ побужденій московской политики можетъ не принять историкъ. «Знакомый съ феодальными европейскими порядками, гдѣ отношенія сословій уже точнѣе опредѣлились къ тому времени и гдѣ одно сословіе сознательно враждовало съ другимъ, Флетчеръ перенесъ это понятіе и на русскую почву, предполагая и здѣсь найти то же сознательное отношеніе политическихъ силъ государства, и видя униженіе и рабство простаго народа, да и другихъ сословій, онъ объяснилъ ихъ по своимъ привычнымъ политическимъ понятіямъ и предположилъ сознательное, макіавелевское угнетеніе народа изъ политическихъ цѣлей правительства». По мнѣнію автора статьи о такомъ сознательномъ угнетеніи народа нельзя говорить; народъ былъ просто пренебреженъ, и этимъ вполнѣ объясняются тѣ факты угнетенія, которые такъ сильно поражали Флетчера. Зато, по мнѣнію этого автора у Флетчера вовсе нѣтъ не только нелюбви къ Россіи, но даже, напротивъ, въ его сочиненіи видно замѣчательно любящее и человѣческое отношеніе къ народу.

На эту сторону извѣстій Флетчера русской исторической наукѣ давно уже пора обратить серьезное вниманіе. Въ половинѣ XVI столѣтія впервые, можно сказать, сблизились западная и восточная

[1]) Современникъ 1865 г. № 3.

Европы. Обѣ стороны имѣли возможность узнать другъ друга основательно; во взаимныхъ отношеніяхъ ихъ лежитъ зерно теперешнихъ отношеній Западной Европы къ Россіи. Какъ отнеслись западно-европейцы къ русскому народу, чего хотѣли они отъ него, какъ смотрѣли на московское государство, чѣмъ руководились они въ своихъ сужденіяхъ о немъ и русскомъ народѣ? На всѣ вопросы разборъ книги Флетчера можетъ дать удовлетворительные отвѣты. Ни у одного иностранца, писавшаго о Россіи, не проведено такъ ясно и послѣдовательно одностороннее, въ основѣ своей невѣрное, воззрѣніе на государственный строй Россіи, какъ у Флетчера. Изъ всѣхъ нихъ наиболѣе теоретически образованный, представитель самой самолюбивой и самой самоувѣренной націи, онъ приложилъ мѣрку, выработанную западной исторіей въ Россіи. Самоувѣренность его въ сужденіяхъ, ясность и стройность изложенія закрыли даже отъ спеціалистовъ многіе промахи и ошибки содержанія. Критическій разборъ его данныхъ и сужденій является, по нашему мнѣнію, насущной потребностью русской исторической науки.

Только послѣ того, какъ выяснится, на сколько правильно онъ понималъ средства и положеніе московскаго провительства, можно судить о пріемахъ правительства; равно какъ выясненіе цѣлей англійской политики того времени выяснитъ ихъ отношеніе къ русскому народу.

Подобный разборъ тѣмъ болѣе необходимъ, что, какъ сказано выше, богатство содержанія, ясное и систематическое изложеніе давно уже доставили сочиненію Флетчера видное мѣсто среди источниковъ русской исторіи. Смѣло можно утверждать, что ни одинъ иностранецъ не былъ такъ часто цитированъ русскими историками, какъ Флетчеръ. Для IV главы X тома Исторіи Государства Россійскаго (Состояніе Россіи въ концѣ XVI вѣка) «Of the Russe Common Wealth» было главнѣйшимъ источникомъ; въ наше время, конечно, обиліе новыхъ источниковъ, болѣе внимательное изученіе старыхъ уменьшили нѣсколько значеніе сочиненія Флетчера; но и до сихъ поръ ни одно серьезное сочиненіе по исторіи Россіи XVI в. не обходилось безъ ссылокъ на Флетчера; до сихъ поръ на такіе существеннѣйшіе вопросы,—какъ численность вооруженныхъ силъ, количество доходовъ, торговыхъ оборотовъ Московскаго государства,—на такіе вопросы отвѣчаютъ данными Флетчера.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Въ англійскихъ извѣстіяхъ о Россіи, столь подробныхъ во всемъ, что касается до общественной и экономической жизни русскаго народа, существенный пробѣлъ составляетъ почти полное отсутствіе данныхъ по русской исторіи. Видно, что англичане, прилежно изучившіе современный имъ строй Россіи, не находили вовсе нужнымъ познакомиться съ русскою исторіей. Герберштейнъ, Даніилъ Принцъ, Гейденштейнъ [1]) считали своимъ долгомъ познакомить западно-европейскую публику съ прошедшею жизнью русскаго народа; англичане же къ этому вопросу остались совершенно равнодушны; даже къ политическимъ событіямъ, совершавшимся на ихъ глазахъ, они оставались безучастны. Что такое опричнина? почему и для чего она учреждена? изъ-за чего ведется Ливонская война?—вотъ крупнѣйшіе вопросы, которые интересовали тогда многихъ образованныхъ людей Запада, не имѣвшихъ никакого отношенія къ Россіи; англичане же, бывавшіе въ Россіи, ни слова почти о нихъ не говорятъ.

Только уже Горсей, пріѣхавшій въ Россію въ 1573 г., даетъ подробный разсказъ о царствованіи Грознаго; но мы уже видѣли, какъ немного цѣннаго можно извлечь изъ этого многословнаго разсказа.

Равнымъ образомъ и Флетчеръ не считалъ нужнымъ дать своимъ читателямъ очеркъ русской исторіи, что въ его систематическомъ описаніи Россіи составляетъ замѣтный пробѣлъ, особенно потому, что онъ довольно часто ссылается и приводитъ историческіе факты, которые въ такомъ разбросанномъ видѣ должны были оставаться не вполнѣ понятными для англійскихъ читателей.

---

[1]) Герберштейнъ, op. cit., 9 — 33. Даніилъ Принцъ, op. cit., 2 — 16. Гейденштейнъ, Записки о Московской войнѣ, 19 — 24.

Мы уже видѣли отчасти, что сообщенія Флетчера по древнѣйшей русской исторіи ниже всякой критики, несмотря на большую, сравнительно, начитанность нашего автора; причиной этого было неумѣнье или нежеланье Флетчера сойтись съ русскими. Онъ остался въ убѣжденіи, что у русскаго народа нѣтъ ни лѣтописей, ни какихъ-либо памятниковъ исторіи церковной или общественной, такъ что отъ русскихъ нельзя узнать точно, когда они приняли христіанство; русскіе, которыхъ Флетчеръ спрашивалъ объ этомъ, полагали, что это случилось лѣтъ за 300 (до пріѣзда Флетчера); и уже изъ польской исторіи Флетчеръ опредѣлилъ приблизительно дату этого событія—990 г. (102—103). Флетчеръ полагалъ, что русское государство основано 4 братьями: Рюрикомъ, Синеусомъ, Труворомъ и Варивомъ (Varivus); что русскіе никогда не жили между Дономъ и Днѣпромъ (1 и 2); что русскій царствующій домъ происходитъ отъ венгерской династіи Белы (19); что возвышеніе Москвы начинается съ князя Ивана, сына Даніилова, которому Иннокентій IV далъ королевскій титулъ (16); что предки этой династіи владѣли сперва только Владимірскимъ княженіемъ, потомъ уже завоевали Московское (86) и т. п.

Но чѣмъ ближе подходитъ Флетчеръ къ своему времени, тѣмъ меньше онъ дѣлаетъ подобныхъ грубыхъ ошибокъ. Замѣтное усиленіе русскаго государства начинается съ Іоанна III, который присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Новгородъ около 1480 г., и первый изъ русскихъ князей заявилъ притязанія на земли, принадлежащія Литвѣ и Ливоніи. Политику Іоанна продолжалъ и счастливо окончилъ сынъ его Василій, присоединившій къ своимъ владѣніямъ Псковъ, Смоленскъ и др. города. Все это, однако, было потеряно покойнымъ государемъ Иваномъ Васильевичемъ, лѣтъ 8—9 тому назадъ: за Россіей остались только Смоленскъ, Черниговъ, Бѣлгородъ и Витебскъ (Vitobsko; вѣроятно, описка вмѣсто Vobsko—Пскова); въ Ливоніи же у русскихъ не осталось ни одного города. Но зато на востокѣ завоеваны были Казань, Астрахань и Сибирь до рѣки Оби (80—81). Несомнѣнно, что съ этого времени, т. е. о событіяхъ Грознаго, руководителемъ Флетчера является Горсей; Флетчеръ не даетъ систематическаго очерка царствованія Грознаго, какъ Горсей, но по разнымъ случаямъ довольно часто приводитъ факты изъ этого царствованія: тутъ-то и сказывается его зависимость отъ Горсея.

Флетчеръ не вѣрно, также какъ Горсей, разсказываетъ о постройкѣ Грознымъ Иванъ-города противъ Нарвы и о томъ, что

царь приказалъ ослѣпить архитектора въ награду за хорошую постройку (81—82 и 159).

Разсказъ Горсея о спасеніи Пскова юродивымъ Николаемъ Салосомъ (159 и 160) повторяется Флетчеромъ съ незначительными измѣненіями (118). Горсей самъ былъ во Псковѣ и видѣлъ этого юродиваго, ходившаго нагимъ лѣтомъ и зимой, дѣлавшаго много «странныхъ» вещей, пользовавшагося уваженіемъ какъ князя, такъ и народа.

Флетчеръ въ XXI гл. подробнѣе говоритъ о значеніи юродивыхъ въ Россіи, какъ бы замѣнявшихъ собою памфлетную литературу, не стѣснявшихся говорить открыто правду въ лицо сильнымъ міра сего. Какъ примѣръ, Флетчеръ приводитъ Василія Блаженнаго и Николу, спасшаго Псковъ тѣмъ, что предложилъ царю въ постъ кусокъ мяса и угрожалъ ему страшными предзнаменованіями [1]).

Сожженіе Москвы крымцами въ 1571 г. описывается часто со словъ Горсея и Флетчера. По словамъ Горсея, крымскій ханъ (Sithian Emperowr) съ 200.000 войскомъ вторгнулся въ Россію; на встрѣчу ему выступилъ Іоаннъ съ 100.000 войскомъ, къ берегамъ Оки. Однако, крымцы, вслѣдствіе тайныхъ внушеній, отважились перейти рѣку, а царскіе воеводы, стоявшіе здѣсь, не имѣли права вступать въ битву и потому не рискнули сами дать сраженіе крымцамъ. Непріятель, переправившись черезъ Оку, поспѣшилъ прямо къ Москвѣ, гдѣ царь считалъ себя въ полной безопасности. При приближеніи крымцевъ, Іоаннъ бѣжалъ съ 2-мя сыновьями, казной, дворомъ и личной гвардіей въ 20.000 чел. по направленію къ Троицкому монастырю. Крымцы подступили къ самой Москвѣ и зажгли Ивановскую колокольню; какъ разъ въ это время былъ сильнѣйшій вѣтеръ, вслѣдствіе чего загорѣлись и сгорѣли въ теченіе шести часовъ всѣ церкви, дворцы и дома города и предмѣстій на протяженіи 30 миль въ окружности; при этомъ сгорѣло и задохнулось отъ дыма безчисленное множество людей; спаслись только немногіе. Рѣка Москва и рвы около Москвы наполнены были толпами народа, спасавшаго наиболѣе цѣнные предметы.

---

[1]) Въ русскихъ источникахъ блаженный Никола только угрожалъ царю «ужасными словесы»; царь же прежде сіи глаголы ни во что же вмѣнивъ, повелѣ у св. Троицы колоколъ сняти, того же часа паде конь его лучшій по пророчествію святаго, и повѣдаша сіе царю, онъ же узрѣлъ, вскорѣ бѣжа изъ града. Соловьевъ, VI, пр. 91; также Карамзинъ, пр. IX, 297 и 298. Иловайскій, т. III, пр. 47.

Потомъ, въ теченіе 12 мѣсяцевъ, не могли очистить рѣку Москву, не смотря на всѣ усилія. Равнымъ образомъ, долго нельзя было очистить улицы, погреба, подвалы отъ труповъ; долго еще было невозможное зловоніе (165).

Флетчеръ разсказываетъ (85), что въ 1571 г. крымскій ханъ подошелъ съ 200.000 войскомъ къ Москвѣ, не встрѣтивъ никакого сопротивленія, такъ какъ царь сбился съ дороги; но предполагаютъ, что онъ сдѣлалъ это нарочно, потому что онъ не довѣрялъ своей знати и воеводамъ. Города татары не взяли, но зажгли предмѣстья, отчего сгорѣлъ почти весь городъ на протяженіи 30 миль въ окружности; пожаръ продолжался часа 4. Несчастный народъ столпился въ воротахъ, отдаленнѣйшихъ отъ непріятеля, и тѣснился тамъ до того, то въ воротахъ шли въ три ряда, одни надъ другими. Отъ огня и давки погибло, какъ говорили, до 800.000. Затѣмъ оба автора (Горсей подробнѣе) разсказываютъ о присылкѣ ханомъ Грозному въ подарокъ ножа, такъ какъ дескать ему ничего больше не оставалось, какъ зарѣзаться [1]).

Въ этихъ сообщеніяхъ обращаетъ на себя вниманіе обвиненіе московской знати и даже воеводъ, начальствовавшихъ надъ этими войсками, въ томъ, что они были въ извѣстной степени виновниками столь ужаснаго народнаго бѣдствія. Что такое обвиненіе появилось у Горсея и Флетчера,—нисколько неудивительно, потому что въ войскѣ хана, дѣйствительно, были измѣнники—дѣти боярскіе (Кудеяръ Тишинковъ, Окулъ Семеновъ, Юдниковъ и др.), которые убѣдили хана предпринять этотъ набѣгъ и взялись его даже перевезти черезъ Оку; затѣмъ впослѣдствіи, кн. Ив. Ѳед. Мстиславскій открыто призналъ свою вину въ томъ, что онъ навелъ на Россію крымцевъ; этого вполнѣ достаточно, чтобы подобныя же обвиненія появились у Горсея и Флетчера. Обвиненіямъ этимъ рѣшительно вѣритъ Е. А. Бѣловъ, но приводимые противъ него доводы А. И. Ясинскаго достаточно убѣдительны, чтобы категорическимъ образомъ снять съ памяти князей Мстиславскаго, Бѣльскаго, Воротынскаго и др. это позорное пятно. Сознаніе кн. Мстиславскаго, какъ указано Ясинскимъ, нужно было Іоанну, чтобы

---

[1]) Другой варіантъ ходившихъ по этому поводу разсказовъ представляютъ слова Даніила Принца, op. cit., 29: «Въ семьдесятъ пятомъ году Татаринъ, отправивъ посольство, требовалъ снова этой старинной дани, а въ случаѣ неполученія ея страшно грозилъ ему. Московскій же князь, притворяясь очень бѣднымъ, одѣвшись въ самыя плохія одежды и посадивши по обычаю около себя сына, принялъ посла и отказалъ снова въ дани и отлично осмѣялъ».

объяснить выгоднѣе для себя это дѣло Польшѣ и Литвѣ. Упреки, которые дѣлаетъ Е. А. Бѣловъ московскимъ воеводамъ, тоже неосновательны; надо помнить, что кн. Ив. Дм. Бѣльскій самъ задохся отъ дыма въ Москвѣ, кн. Мих. Ив. Воротынскій, герой Казани, въ слѣдующемъ году одержалъ блистательную побѣду надъ крымцами при Лопаснѣ, а кн. Ив. Ѳед. Мстиславскій продолжалъ пользоваться милостями Грознаго и его расположеніемъ до самой смерти этого царя. Обвинять такихъ лицъ, особенно, какъ кн. Мих. Ив. Воротынскій, надо чрезвычайно осторожно[1]).

Что касается до фактической стороны описанія Флетчера, то въ общемъ описаніе его близко и къ другимъ; конечно, эта подробность, что люди шли въ воротахъ въ три, такъ сказать, этажа, забавна, что и указано Е. А. Бѣловымъ. Безъ сомнѣнія, интересъ представляетъ цифра 800.000 погибшихъ. Таубе и Крузе число жертвъ опредѣляютъ въ 120.000, не считая женъ, дѣтей, крестьянъ и другихъ лицъ, сбѣжавшихся отовсюду въ Москву. По

[1]) Карамзинъ изображаетъ это нашествіе такъ, что воеводы поспѣшили занять, какъ обыкновенно, берега Оки, но не успѣли: ханъ обошелъ, и другимъ путемъ приблизился къ Серпухову, гдѣ былъ самъ Іоаннъ съ опричниною; Іоаннъ бѣжалъ; воеводы успѣли подойти къ Москвѣ, но вмѣсто того, чтобы встрѣтить хана въ полѣ, заняли предмѣстья Москвы (IX, 106). По разсказу С. М. Соловьева, ханъ неизвѣстно гдѣ перешелъ Оку и отрѣзалъ Іоанна отъ главнаго войска. Іоаннъ и ушелъ на сѣверъ; воеводы успѣли придти къ Москвѣ раньше хана и заняли ея предмѣстье. С. М. Соловьевъ какъ будто вѣритъ въ измѣну воеводъ и бояръ: «онъ (Іоаннъ) говорилъ объ измѣнѣ, говорилъ, что бояре послали къ хану дѣтей боярскихъ провести его безпрепятственно черезъ Оку; князь Мстиславскій признался послѣ въ приведенной выше грамотѣ, что онъ привелъ хана,» — вотъ все, что мы имѣемъ для объясненія этого дѣла» (VI, 263—264). К. Н. Бестужевъ-Рюминъ говоритъ, что ханъ переправился черезъ Оку такъ, что отрѣзалъ царя, стоявшаго у Серпухова (Русская Исторія. Спб. 1885, т. II, 281). Д. И. Иловайскій изображаетъ дѣло такъ же, какъ Карамзинъ; обвиненіямъ противъ Мстиславскаго и другихъ рѣшительно отказывается вѣрить (Исторія Россіи, III, 278 и пр. 48). Обвиненія Е. А. Бѣлова (Объ историческомъ значеніи русскаго боярства) построены, дѣйствительно, на крайне неудачномъ расположеніи полковъ въ предмѣстьяхъ Москвы; но чтобы судить объ этихъ дѣйствіяхъ воеводъ нужно знать численность войска, которымъ они располагали противъ хана, у котораго minimum было 120.000; ниже мы увидимъ, какія преувеличенно невѣрныя мнѣнія составились о численности русскаго войска XVI в. Разборъ этого мнѣнія А. И. Ясинскимъ—op. cit., 205—210. По польскимъ, напр., вѣдомостямъ русское войско разбито было подъ Калугой, потомъ Бѣльскій, Мстиславскій и Воротынскій вывели противъ хана 50.000 ч.; о недостаточности русскихъ войскъ и о сраженіи ихъ съ татарами говорятъ также Таубе и Крузе (Beiträge, 225).

польскимъ извѣстіямъ изъ Варшавы, написаннымъ по разсказамъ Татарскаго посланника, пріѣхавшаго возвѣстить польскому королю эту славную побѣду, татары убили около 60.000 чел. того и другаго пола, взяли въ плѣнъ тоже около 60.000 человѣкъ, сожгли Москву, куда собралась масса народа, погибшаго отъ дыма, и будто 120 орудій было брошено въ Москву. Большая же часть источниковъ, русскихъ и иностранныхъ, говоритъ о великомъ множествѣ какъ погибшихъ здѣсь людей, такъ и уведенныхъ въ плѣнъ [1]).

Возведеніе на престолъ Симеона Бекбулатовича описано у Горсея и Флетчера иначе, въ иномъ свѣтѣ, не такъ, какъ обыкновенно изображается это событіе нашими историками. Горсей послѣ описанія московскаго пожара 1571 г. сбивчиво разсказываетъ заодно и о раздѣленіи государства на земщину и опричнину и о постав леніи царемъ Симеона Казанскаго. По словамъ Горсея, царь намѣревался тогда бѣжать въ Англію съ своею казною, государство же думалъ поручить своему сыну, царевичу Іоанну, и потому хотѣлъ собрать для него новую казну. Для этого-то царь и возвелъ на престолъ Симеона Казанскаго. Новый царь долженъ былъ отмѣнить всѣ жалованныя грамоты и привиллегіи, данныя городамъ и монастырямъ. Тогда духовенство и города упросили Іоанна Васильевича сѣсть снова на престолъ на условіяхъ, торжественно скрѣпленныхъ соборомъ (parliament). Царь согласился, получилъ богатѣйшіе дары и, кромѣ того, большія суммы за возобновленіе жалованныхъ грамотъ монастырямъ и городамъ (168—170). Несомнѣнно, что Горсей перепуталъ событія 1565 и 1576 гг., соединилъ ихъ вмѣстѣ. Непосредственно вслѣдъ за этими событіями онъ

[1]) Ив. Тимоѳеева: «Земнородныхъ же число бѣ тогда погубленія въ немъ ничимъ же мнѣе, иже на земный Сіонъ Титова древле нашествія»... op. cit., 274. Также Никоновская лѣтопись VII, 313; также Карамзинъ, прим. IX, 356; «promiscua miserorum hominum turba, quam illi secum pecudum more in foedam servitutem abigunt, scribitur a Palatino Russiae ad D. Vice-Cancellarium esse centum et quinquaginta millium. Infinita fere hominum omnis sexus atque aetatis multitudo ferro caesa, igni absumpta et aquis suffocata dicitur. De quibus omnibus propediem multos hic oculatos testes habebimus...» (Hist. Rus. Mon. I, 154). «Che hanno saccheggiato, bruciato, et predato circa 60 leghe in lunghezza, et 45 in larghezza dei beni del Mosco. Che possano aver morti circa m/60 nomini nell'uno, et nell'altro sesso; item fattone circa m/60 dê miglioni prigioni. Che sono giunti sino in Mosca, et bruciata tutta la citta et il Castello nel quale si era ritirata molta gente, che di fumo deve esser morta. Che circa 120 pezzi di artiglieria, non potendola portare, hanno hettato nel fiume di Mosca» (ibidem, № 155).

разсказываетъ о войнѣ съ Стефаномъ Баторіемъ, о казни Владиміра Андреевича, о женитьбѣ Магнуса и т. д. Горсей удивляется подобному странному поступку Грознаго, «онъ могъ бы быть сброшенъ съ сѣдла, если бы это дѣло затянулось нѣсколько дольше». Флетчеръ, въ XII гл. «о царскихъ доходахъ», перечисляетъ, между прочимъ, мѣры, употребляемыя иногда русскими государями для увеличенія своихъ доходовъ и кстати разсказываетъ, какъ странно поступилъ Іоаннъ: онъ отказался отъ престола, посадилъ на тронъ Симеона Казанскаго, но въ концѣ года заставилъ Симеона отмѣнить всѣ льготы, данныя раньше монастырямъ и епископіямъ, которыми они пользовались много столѣтій. Такой поступокъ новаго царя возбудилъ противъ него общее неудовольствіе; тогда Іоаннъ принялъ опять скипетръ правленія, но за возобновленіе грамотъ онъ взялъ съ монастырей большія денежныя суммы: съ одного монастыря онъ бралъ 40.000 р., съ другаго—50.000 р., съ нѣкоторыхъ по 100.000 р. Этимъ поступкомъ (т. е. возведеніемъ на престолъ Симеона) онъ увеличилъ свою казну, а съ другой стороны уменьшилъ дурное мнѣніе о своемъ правленіи, показавъ еще худшее. Надо удивляться странности его поступка: ненавидимый всѣми (что онъ самъ хорошо зналъ), онъ рискнулъ на такое дѣло, какъ посадить на свое сѣдло другаго, который могъ бы съ лошадью ускакать впередъ, пока царь шелъ пѣшкомъ (56—57). Этому разсказу Флетчеръ предпослалъ маленькое разсужденіе, почему русскіе государи позволяютъ своимъ подданнымъ дѣлать вклады въ монастыри; на монастырскія имущества Флетчеръ смотрѣлъ, разумѣется, съ точки зрѣнія протестантства XVI в.

Близость этихъ разсказовъ очевидна; только Флетчеромъ они нѣсколько измѣнены, и не къ выгодѣ Флетчера. Горсей одинаково говоритъ о жалованныхъ грамотахъ духовенству и городамъ, Флетчеръ—только о первыхъ, а при такомъ разсказѣ становится непонятнымъ, почему же эта мѣра Симеона—уничтоженіе льготъ монастырей и епископій—мѣра, по Флетчеру, вполнѣ разумная и необходимая, возбудила неудовольствіе всего народа противъ Симеона? Флетчеръ, къ тому же, такъ много говоритъ о взаимной враждѣ отдѣльныхъ сословій, что, по его словамъ, притѣсненіе духовнаго сословія должно бы вызвать только радость и удовольствіе другихъ сословій.

Мы видѣли (29 и сл.), что въ царствованіе Грознаго произведена была частная секуляризація монастырскихъ имуществъ; мы знаемъ, какія мѣры правительство принимало для борьбы съ на-

копленіемъ монастырскихъ имуществъ; послѣ этого странно читать у Флетчера объясненія, будто московское правительство потому дозволяетъ своимъ подданнымъ дѣлать земельные вклады въ монастыри, что въ монастыряхъ земли лучше сохраняются и отъ нихъ удобнѣе и легче брать, чѣмъ отъ частныхъ лицъ.

Оба, и Горсей и Флетчеръ, возведеніе на престолъ Симеона объясняютъ, главнымъ образомъ, какъ финансовую мѣру. Этотъ дѣйствительно, странный поступокъ Грознаго мало еще выясненъ въ нашей исторической литературѣ. С. М. Соловьевъ ставитъ этотъ фактъ въ зависимость отъ недовѣрія Грознаго къ кн. Ив. Ѳед. Мстиславскому, стоявшему тогда во главѣ земщины. Іоаннъ, не желая сближаться съ земщиной, но не желая оставлять ее въ управленіи лицъ, которымъ онъ не довѣрялъ, поставилъ во главѣ ея человѣка, который по происхожденію былъ выше князей и бояръ и въ то же время не имѣлъ съ ними ничего общаго. Симеонъ, по мнѣнію С. М. Соловьева, процарствовалъ не болѣе двухъ лѣтъ, а затѣмъ получилъ въ управленіе Тверь и Торжокъ. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, разсказывая объ учрежденіи опричнины, замѣчаетъ, что въ 1575 г. во главѣ земства поставленъ былъ съ титуломъ «великаго князя всея Руси» (а послѣ Тверскаго) крещенный подъ именемъ Симеона касимовскій царь Саинъ Булатъ Бекбулатовичъ. Д. И. Иловайскій смотритъ на этотъ поступокъ, какъ на чудачество Грознаго, которое продолжалось около двухъ лѣтъ; Симеонъ даже былъ вѣнчанъ царскимъ вѣнцомъ. Дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ характерно обозначаетъ этотъ поступокъ Грознаго «игрою»: «и предъ лицомъ си вмѣсто себе, кромѣ сына своея крове, отъ Измаилтъ инаго нѣкоего вѣрна царя на время поставль, себе же работѣпно смири, и малую си часть имѣнія достоянія оставль, помалѣ паки все воспріятъ,—тако Божіими людми играя» [1]).

Весьма цѣнными документами въ этомъ вопросѣ являются донесенія англійскаго толмача Даніила Сильвестра объ его свиданіяхъ съ Грознымъ 29 дек. 1575 г. и 29 янв. 1576 г. [2]). Въ первое свиданіе Грозный объявилъ Сильвестру, что онъ передалъ управленіе въ руки иностранца, потому что его подданные постоянно составляютъ заговоры противъ него; поэтому-то онъ и передалъ ихъ въ управленіе другаго, оставивъ у себя всю земскую казну съ

[1]) Соловьевъ, VI, 210 и пр. 94. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, op. cit., 265. Д. И. Иловайскій, op. cit., 281. Временникъ Ивана Тимоѳеева, 271. Только Е. А. Бѣловъ принимаетъ вполнѣ это показаніе Флетчера, op. cit., 115—116.

[2]) Россія и Англія, №№ 39 и 40.

достаточнымъ количествомъ слугъ и земель для своего обезпеченія. Второй разъ царь, угрожая Сильвестру отнять у англичанъ ихъ торговлю съ Россіей и передать ее венеціанцамъ и германцамъ, прямо объявилъ Сильвестру, что хотя онъ и возвелъ другаго въ царское достоинство и тѣмъ обязалъ себя и другихъ, однако же это дѣло не окончательное и что онъ не настолько еще отказался отъ царства, чтобы ему нельзя было, когда будетъ угодно, вновь принять санъ, потому что Симеонъ еще не утвержденъ обрядомъ вѣнчанія и назначенъ не по народному избранію, но лишь по его изволенію. Эти слова Грознаго косвенно могутъ служить подтвержденіемъ какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ показаній, что Симеонъ былъ вѣнчанъ на царство. Отъ англичанъ Грозный не скрывалъ того, что скрывалъ отъ цесаревыхъ пословъ [1]): онъ и раньше домогался заключенія тѣснаго союза съ Елизаветой на случай, если одной изъ договаривающихся сторонъ придется оставить свое государство.

Едва ли поэтому можно смотрѣть на это дѣло, какъ смотрятъ С. М. Соловьевъ и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, только какъ на замѣну главы земщины: раньше былъ Мстиславскій, теперь сталъ Симеонъ. Опричнина была учреждена въ 1565 г., тѣмъ не менѣе Іоаннъ продолжалъ именоваться царемъ и великимъ княземъ всея Руси, въ 1576 г. онъ отказался отъ этого титула, предоставилъ титулъ этотъ Симеону Бекбулатовичу, а самъ сталъ называться только московскимъ. Въ разрядахъ 1576 г. (по Древней Вивліоѳикѣ; въ Синбирскомъ Сборникѣ помѣщены тѣ же разряды, но все, что касается до Ивана Московскаго, выброшено) встрѣчаемъ небывалое указаніе: «Государю князю Ивану Васильевичу и сыну его князю Ивану Ивановичу Московскимъ стояти въ Колугѣ со всѣми людьми. А съ ними на берегу Великого князя Симіона Бекбулатовича всея Русіи Бояре и Воеводы на берегу по полкомъ» [2]). Этимъ разрядомъ много воеводъ осталось недовольно, и они били челомъ государю о «мѣстѣхъ»; разбиралъ эти челобитья государь царь и великій князь съ сыномъ своимъ съ царевичемъ Иваномъ и со всѣми бояры.

Такимъ образомъ этотъ разрядъ даетъ указаніе на время окончанія номинальнаго царствованія Симеона; труднѣе опредѣ-

[1]) Даніилъ Принцъ, op. cit. 29 и 61. Россія и Англія, 177. Гамель, op. cit. 110 и сл.

[2]) Древняя Вивліоѳика, XIV, 293.

лить начало этого царствованія: извѣстная челобитная Иванца Московскаго—отъ 30 окт. 1575 г., но послѣднія грамоты отъ имени «царя и великаго князя всеа Русіи Ивана Васильевича» отъ 1 и 29 декабря 1575 г.; въ первые мѣсяцы 1576 г. всѣ извѣстныя грамоты по 29 мая съ именемъ Симеона, послѣдній разъ «Иванъ Московскій» упоминается въ грамотѣ Іоны, архіепископа Ростовскаго отъ 27 іюня 1576 г.; съ 2 сент. 1576 г. опять по прежнему идутъ грамоты отъ «царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи» [1]).

Слѣдовательно, царствованіе Симеона можно считать мѣсяцевъ пять, не больше. Если онъ и былъ вѣнчанъ, то послѣ 29 янв. 1576 г.; въ іюлѣ 1576 Симеонъ въ разрядахъ опять называется уже только Тверскимъ. Противорѣчіе между датами челобитной Иванца Московскаго и царскими грамотами отъ имени Грознаго по 29 декабря можно объяснить тѣмъ, что Грозный, посадивъ Симеона на престолъ, не сразу вѣнчалъ его и, вѣроятно, не сразу передалъ ему все управленіе.

Намъ кажется, что эти событія 1575 и 1576 гг. очень походятъ на то, что происходило въ Москвѣ въ концѣ 1564 и въ началѣ 1565 г.; но для чего Грознымъ повторены были эти тяжелыя событія, ради чего онъ снова отказывался отъ престола? Горсей и Флетчеръ видятъ въ этомъ фискальную мѣру царя, желавшаго увеличить свою казну; позднѣйшіе иностранцы, Маржеретъ, напр.[2]) объясняли это желаніемъ царя обнаружить своихъ тайныхъ враговъ; но это послѣднее объясненіе, конечно, плодъ разсужденій самого Маржерета, чтобы объяснить то, что съ такимъ трудомъ поддавалось объясненію. Объясненіе Флетчера также невѣрно. Вопросъ о церковныхъ имуществахъ поднимали на соборахъ 1573 и 1581 г.; мы не имѣемъ никакихъ данныхъ предполагать, чтобы въ 1576 г. жалованныя грамоты и тарханы были отмѣнены Симеономъ и потомъ вновь возобновлены Грознымъ. Одна изъ послѣднихъ грамотъ Симеона 2 апр. 1576 г. запрещаетъ посылать крестьянъ Кирилловскаго монастыря къ ямчужному дѣлу, потому что имъ далеко до ямчужнаго двора и потому, что «ихъ Государь Князь Иванъ Васильевичъ Московскій пожаловалъ, отарханилъ Кирилова монастыря вотчину отъ всякихъ податей» [3]). Если бы объясненіе Флетчера было вѣрно, то во второй половинѣ 1576 и въ

[1]) А. И. I, 194; Н. П. Лихачевъ, op. cit., 468–69; А. Э., I, 294 и 295.
[2]) Сказанія Современниковъ, 255.
[3]) А. Э. I, 292.

1577 гг. мы непремѣнно встрѣтили бы хоть нѣсколько подтвержденій монастырскихъ жалованныхъ грамотъ; но этого не видимъ. Напротивъ, въ 1578 г. царь подтверждаетъ прежнюю жалованную грамоту суздальскому епископу, потому что прежняя жалованная грамота сгорѣла, тому два года, «въ Благовѣщеньевъ день», и суздальскіе городовые прикащики стали чинить притѣсненія архіерейскимъ крестьянамъ [1]). Если бы по низведеніи Симеона въ 1576 г. всѣ тархапы были возобновлены, то это подтвержденіе не могло бы имѣть мѣста.

Воцареніе Симеона, вѣроятнѣе, вызвано было событіями въ родѣ событій 1564 г., т. е. въ это время Іоаннъ, имѣлъ причины быть особенно недовольнымъ своими подданными.

Низложеніе же Симеона, отправленіе его въ Тверь, по нашему мнѣнію, было вмѣстѣ примиреніемъ царя съ земщиной. Горсей считаетъ это также концомъ опричнины; Флетчеръ говоритъ, что опричнина продолжалась 7 лѣтъ. Показаніе Флетчера принялъ Карамзинъ, который и отнесъ уничтоженіе опричнины къ 1572 г. [2]); но вовсе не видно, чтобы Флетчеръ и Горсей точно знали годъ учрежденія опричнины. Оба они приписываютъ это учрежденіе отчасти неуспѣхамъ русскаго оружія въ войнѣ съ Польшей и Крымомъ; кромѣ мы, уже видѣли, какъ запутана хронологія Горсеева разсказа, источника Флетчера. Но намъ кажется, что слѣдуетъ допустить, что удаленіе Симеона было вмѣстѣ уничтоженіемъ опричнины; иначе какое же значеніе имѣло это удаленіе что означало принятіе Іоанномъ снова титула «царя и великаго князя всеа Русіи». Съ этого времени слова «опричнина, опричникъ» больше не попадаются въ нашихъ актахъ. С. М. Соловьевъ полагалъ, что опричнина просуществовала до конца дней Іоанна, только потомъ она была переименована во дворъ. Мнѣніе это основано: 1) на слѣдующемъ мѣстѣ рукописной лѣтописи: «которые князи и боляре и вельможи ему годны, называли ихъ опришницами, сирѣчь дворовыми», но рукопись эта, судя по языку,—позднѣйшая, XVII в., 2) на 63-емъ примѣчаніи I тома Актовъ Экспедиціи, гдѣ довольно подробно разобранъ этотъ вопросъ и основательно опровергнуто мнѣніе Карамзина, будто опричнина была уничтожена въ 1572 г.; существованіе опричнины въ послѣдніе годы Іоанна доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что въ разрядахъ 1578 г. города и воеводы

[1]) А. И. I, 200.
[2]) Карамзинъ, IX, 122.

раздѣляются на дворовыхъ и земскихъ, причемъ въ числѣ дворовыхъ воеводъ показаны какъ разъ тѣ лица, которыя въ 1573 г. показаны въ числѣ опричниковъ. Но замѣчаніе относительно дворовыхъ воеводъ не можетъ имѣть силы, потому что «дворовые воеводы» встрѣчаются задолго до опричнины, еще въ XV в.; въ разрядѣ 1556 г. указаны дворовые воеводы: «слуга кн. Мих. Ив. Воротынскій и кн. Дм. Иван. Хилковъ; въ Полоцкомъ походѣ: «въ дворовыхъ воеводахъ: бояринъ Иванъ Петровичъ Яковля кн. Петръ Иван. Горенской» [1]).

Что же касается до земскихъ и дворовыхъ городовъ, то слово «дворовыхъ» могло быть легко употреблено или въ смыслѣ «дворцовыхъ», или какъ отголосокъ недавняго еще времени опричнины.

Только объ этихъ событіяхъ царствованія Грознаго Флетчеръ и говоритъ, но въ IX гл. своего сочиненія онъ даетъ оцѣнку дѣятельности Іоанна. Еще Горсей объяснялъ вражду знати, духовенства и отчасти народа къ Іоанну тѣмъ, что государь этотъ стремится подчинить единой своей власти обширнѣйшее государство, дѣлившееся на нѣсколько царствъ и княжествъ. Такъ же смотрѣлъ на Іоанна и Флетчеръ. Онъ представлялъ себѣ Россію до Іоанна государствомъ въ родѣ Германской имперіи; она была раздроблена на княжества, которыми князья управляли, хотя и въ зависимости отъ московскихъ государей, самостоятельно и обязаны были въ случаѣ войны выставлять опредѣленное число воиновъ. Грозный же не только лишилъ князей ихъ самостоятельности, но и сдѣлалъ ихъ своими холопами (kolophey). Горсей былъ близко знакомъ, судя по его словамъ, съ домомъ князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго; онъ въ домѣ у него читалъ лѣтописи, и неудивительно, что подъ вліяніемъ княжескихъ разсказовъ у него, а за нимъ и у Флетчера, сложилось такое неправильное представленіе о Руси до-Іоанновской. Извѣстно, что даже холопами знатнѣйшіе князья: Бѣльскіе, Мстиславскій, Шуйскій, Воротынскій, называли себя еще въ грамотахъ великому князю Василію Іоанновичу, не говоря уже о томъ, что зависимость этихъ князей выражалась далеко не въ одной военной повинности. Флетчеръ смѣшиваетъ здѣсь, вѣроятно невольно, положеніе этихъ князей въ Москвѣ, гдѣ они должны были жить и гдѣ они играли чисто служебныя роли, и положеніе ихъ въ деревнѣ, въ ихъ на-

---

[1]) Соловьевъ, VI, 210—11 и прим. 95; Др. Вивліѳ. XIII, 254; Витебская Старина, IV, прил. № 3, 38.

слѣдственныхъ вотчинахъ, куда они на время пріѣзжали, но гдѣ они, дѣйствительно, по отношенію къ населенію пользовались владѣльческими правами.

Исходя изъ такого невѣрнаго представленія, Флетчеръ значительно преувеличилъ значеніе дѣятельности Іоанна. Объединеніе Руси приписано, главнымъ образомъ, ему, а на заслуги его предшественниковъ Флетчеръ обратилъ мало вниманія; на присоединеніе Василіемъ Пскова и даже, кажется, Іоанномъ III Новгорода Флетчеръ смотрѣлъ, какъ на завоеванія у Литвы.

Цѣли своей Грозный достигъ слѣдующими тремя мѣрами:

1) Царь искусно посѣялъ вражду между своими знатными тѣмъ, что началъ возвышать и приближать къ себѣ лицъ низшаго сравнительно происхожденія. Недовольные изъ знати стали обвинять въ тайныхъ преступленіяхъ своихъ счастливыхъ соперниковъ, чѣмъ царь и воспользовался для того, чтобы погубить знатнѣйшихъ лицъ. Горсей тоже много говоритъ о взаимномъ недовѣріи лицъ московской знати, но по его словамъ Грозный приближалъ къ себѣ лицъ простаго происхожденія, отчаянныхъ служакъ, готовыхъ на все. По мнѣнію А. И. Маркевича, эти слова Флетчера скорѣе только позднѣйшее заключеніе, выведенное Флетчеромъ изъ факта существованія многочисленныхъ мѣстническихъ ссоръ и незаконнаго иногда возвышенія царскихъ любимцевъ [1]).

Несомнѣнно, что Грозный умѣлъ пользоваться мѣстничествомъ къ своей выгодѣ. Онъ любилъ князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго и съумѣлъ сдѣлать честь его столь высокою, что, по смерти князя Ивана Дмитріевича Бѣльскаго, Мстиславскій занялъ первое мѣсто, чѣмъ, конечно, Грозный нанесъ чувствительный ударъ Рюриковичамъ; Гедиминовичи, имѣвшіе меньшее значеніе въ народѣ, потому и пользовались большимъ расположеніемъ Іоанна. Грозный поставилъ Бориса Годунова выше князя Сицкаго, чѣмъ опять-таки сильно оскорбилъ тогдашнюю аристократію; существуетъ разсказъ о казни князя Хабарова-Симскаго, не хотѣвшаго уступить мѣсто Малютѣ Скуратову; наконецъ, Грозный постановилъ, что родъ отъѣхавшаго понижается на 12 степеней [2]).

Какъ сильно Грозный съумѣлъ понизить родовитость правящаго класса, видно изъ сравненія думы, оставленной Василіемъ III своему сыну, и Грознымъ—своему. Послѣ Василія дума состояла изъ

[1]) А. И. Маркевичъ, «Исторія мѣстничества въ Московскомъ государствѣ въ XV—XVII вѣка», 295.

[2]) А. И. Маркевичъ, op. cit. 288, 297, 307 и 439.

20 бояръ, 1 казначея, 1 окольничаго; по смерти Грознаго — изъ 10 бояръ, 1 окольничаго, 1 крайчаго, 1 казначея и 8 думныхъ дворянъ [1]).

Но изъ этихъ фактовъ нельзя никакъ вывести, чтобы Грозный пользовался мѣстничествомъ, какъ предполагалъ Флетчеръ. Флетчеръ вовсе не понималъ, что такое мѣстничество; родовыя отношенія служилыхъ людей остались ему, какъ и другимъ иностранцамъ, совершенно чуждыми; всѣ иностранцы, не исключая и Флетчера, представляли себѣ русскаго государя, Іоанна Грознаго въ частности, столь всевластнымъ, что имъ и въ голову не приходило, чтобы служилые люди могли, вопреки царскому повелѣнію, спорить изъ за мѣстъ, отказываться отъ службы; мало того,—чтобы царь терпѣливо выслушивалъ ихъ безконечные споры и взаимныя пререканія [2]). Если же царь это дѣлалъ, то потому только, что онъ самъ подстрекалъ ихъ къ подобнымъ жалобамъ, и потому, что обиженные обвиняли своихъ противниковъ въ государственныхъ преступленіяхъ и давали такимъ образомъ царю въ руки оружіе противъ своего же сословія. Такое разсужденіе иностранцевъ, въ томъ числѣ и Флетчера,—совершенно логическое, но привело оно его къ совершенно неправильному толкованію мѣстническихъ счетовъ, потому что отъ вниманія Флетчера совершенно укрылось то обстоятельство, что московскій государь дѣйствительно былъ всевластенъ надъ лицами, «но не надъ порядкомъ и не потому, что у него не было матеріальныхъ средствъ владѣть и порядкомъ, а потому, что въ кругу его политическихъ понятій не было самой идеи о возможности и надобности распоряжаться порядкомъ, какъ лицами [3])».

---

[1]) Владимірскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права, I, 138.

[2]) Ни у одного англичанина нѣтъ указаній на мѣстничество; они полагали, напротивъ, что русскіе никогда никоимъ образомъ не могутъ отказаться отъ службы. «Русскіе не могутъ сказать, какъ говорятъ лѣнивцы въ Англіи: «я найду королевѣ человѣка служить вмѣсто себя или проживать съ друзьями дома, если есть достаточно денегъ». Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно въ здѣшней странѣ; русскіе должны подавать низкія челобитныя о принятіи ихъ на службу; и чѣмъ чаще кто посылается на войны, тѣмъ въ большей милости у князя онъ себя считаетъ» — сообщеніе Ричарда Чанслора. Въ анонимной запискѣ о Московіи: «я думаю, что нѣтъ христіанскаго государя, котораго бы больше боялись и больше любили, чѣмъ этого. Если онъ приказываетъ кому-нибудь изъ бояръ идти, тотъ бѣжитъ» (Чт. Общ. Ист. и Др. Росс. 1884 г., № 4). Ср. Герберштейна, op. cit. 185.

[3]) А. И. Маркевичъ обстоятельно разбираетъ вопросъ, какъ относился къ мѣстничеству Грозный въ виду утвержденія нѣкоторыхъ, будто этотъ царь

2) Второю мѣрою Іоанна было учрежденіе опричнины. Избавившись посредствомъ первой мѣры отъ наиболѣе знатныхъ князей, онъ для истребленія остальныхъ и прибѣгнулъ къ этой мѣрѣ.

Царь раздѣлилъ своихъ подданныхъ на опричныхъ (oppressini), или избранныхъ, и земскихъ (zemskey). Въ опричнину взяты были тѣ изъ знати и дворянства (gentry), которыхъ онъ хотѣлъ защищать и поддерживать, какъ своихъ вѣрноподданныхъ. Въ земщину записано было нисшее сословіе (the base and vulgar sort) съ тѣми изъ знати и дворянства, отъ которыхъ онъ хотѣлъ избавиться, такъ какъ подозрѣвалъ ихъ въ недовольствѣ его управленіемъ и въ заговорахъ противъ него. При этомъ царь постарался, чтобы опричники по численности, личными качествами, имуществомъ, оружіемъ значительно превосходили земскихъ, которые были объявлены внѣ царскаго покровительства, такъ что если опричникъ убивалъ кого-либо изъ земскихъ, то даже нельзя было на него жаловаться ни въ судѣ, ни царю. Опричнина существовала 7 лѣтъ. Учрежденіе ея можно объяснить тѣмъ, что Іоаннъ крайне возбужденъ былъ противъ своей знати и дворянства вслѣдствіе неудачъ своихъ въ войнахъ съ поляками и крымцами. Такимъ образомъ казнены были очень многіе (33—34).

У Флетчера опричнина выяснена лучше, чѣмъ у Горсея, который только мимоходомъ упоминаетъ объ опричнинѣ. Это замѣчаніе объ опричнинѣ не можетъ идти въ сравненіе съ разсказомъ Таубе и Крузе; Флетчеръ дѣлаетъ въ этой небольшой замѣткѣ нѣсколько фактическихъ ошибокъ: онъ считаетъ, что опричники во всѣхъ отношеніяхъ, даже по численности, превосходили земскихъ; какъ будто весь простой народъ попалъ въ земщину; онъ полагаетъ, что опричнина продолжалась 7 лѣтъ, что, какъ мы видѣли, совсѣмъ несправедливо; да и время ея учрежденія едва ли было ему точно извѣстно: значительныя неудачи въ польскихъ и крымскихъ дѣлахъ начались только съ 70-хъ годовъ.

Такъ-же какъ, Флетчеръ, объясняетъ ее Гваньини, который тоже полагаетъ, что она учреждена была для истребленія княжескихъ фамилій, principales familias; истребивъ ихъ, Грозный взялъ обратно власть въ свои руки.

Но, конечно, оба они посмотрѣли на этотъ актъ Грознаго слиш-

относился враждебно къ мѣстничеству, и приходитъ къ заключенію, что Грозный смотрѣлъ на мѣстничество по прежнему. (op. cit. 285). Ключевскій, Боярская Дума, 261.

комъ односторонне; во всякомъ случаѣ опричнина была столько же актомъ нападенія, сколько и самообороны [1]).

3) Затѣмъ, по словамъ Флетчера, Іоаннъ отнялъ у княжатъ ихъ наслѣдственныя земли, кромѣ самой незначительной части; взамѣнъ отнятыхъ онъ далъ имъ другія земли на помѣстномъ правѣ, расположенныя совсѣмъ въ противоположныхъ краяхъ; тамъ княжата не имѣютъ связей съ населеніемъ (34). К. Н. Бестужевъ-Рюминъ сближаетъ это извѣстіе съ приговоромъ 1562 г., ограничившимъ права княжатъ на ихъ вотчины; приговоромъ этимъ служилымъ князьямъ «вотчинъ своихъ не продавати, и не мѣняти, и за дочерьми своими и за сестрами въ приданыя не давати; а которого князя бездѣтна не станетъ, и тѣ вотчины имати на Государя»... Но извѣстіе Флетчера идетъ гораздо далѣе приговора 1562 г., ограничившаго права княжатъ, но не отнимавшаго ни у нихъ, ни даже у ихъ прямыхъ наслѣдниковъ родовыхъ вотчинъ. Приговоръ 1562 г. служитъ только показателемъ поземельной политики Іоанна Грознаго. Нѣсколько примѣровъ отобранія княжескихъ вотчинъ ука-

---

[1]) Соловьевъ, VI, 196—198; такого же взгляда держится К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Русская Исторія, II, 266. По мнѣнію В. О. Ключевскаго (XVII глава «Боярской думы»), опричнина—это высшая государственная полиція, направленная противъ людей правительственнаго класса, но не противъ политическаго положенія всего этого класса. «Истинная причина вражды царя къ боярству заключалась въ томъ, что московскій государь, котораго ходъ исторіи велъ къ демократическому полновластію, долженъ былъ дѣйствовать посредствомъ очень аристократической администраціи; московское государство XVI в. представляло монархію съ государемъ во главѣ, власть котораго ничѣмъ формально не была ограничена, кромѣ практической необходимости дѣлиться ею съ знатными недругами... Ни боярство не умѣло устроиться и устроить государственный порядокъ безъ государевой власти, какой она тогда была, ни государь не зналъ, какъ управиться безъ боярскаго содѣйствія съ своимъ государствомъ въ его новыхъ предѣлахъ... Обѣ стороны попытались раздѣлиться, жить рядомъ, но не вмѣстѣ. Попыткой устроить такое политическое сожительство и была опричнина» (Боярская дума, 348). Владимірскій-Будановъ разсматриваетъ опричнину, какъ одну изъ мѣръ противъ боярства, при томъ наиболѣе неудачную, въ которой ясно обнаружилась неосуществимость и непрактичность идей Грознаго. (Обзоръ русс. права. I, 135). Также Д. И. Иловайскій относится къ опричнинѣ совершенно отрицательно (Исторія Россіи III, 261 и сл.). Напротивъ, Е. А. Бѣловъ присоединяется вполнѣ къ мнѣнію, высказанному Кавелинымъ, что опричнина была первою попыткой создать служебное дворянство и замѣнить имъ родовое вельможество (op. cit., 107). Но опричнина вовсе не исключала мѣстничества, и мѣстническіе счеты бывали между опричниками; см. Маркевичъ op. cit., 290—291.

зано въ завѣщаніи Грознаго: вотчина князя Владиміра Андреевича, князя Михаила Воротынскаго, князей Гундуровыхъ, Пожарскихъ, Тулуповыхъ, Ромодановскихъ, Ковровыхъ, Кривоезерскихъ, Нагаевыхъ, Стародубскихъ, Мезецкаго, Осиповскаго: затѣмъ вотчина кн. Пѣньковыхъ, вотчина Микулинская, Кашинъ, что было за Одоевскимъ, Быково—вотчина кн. Мстиславскаго, кн. Александра Горбатаго, кн. Сицкихъ. Завѣщаніе указываетъ на вотчины кн. Мстиславскаго, Воротынскаго, Глинскаго, въ которыя сыновьямъ Іоанна не вступаться; но князь Михаилъ Ивановичъ Воротынскій послѣ былъ казненъ въ 1573 г., у кн. Мстиславскаго отписаны были на государя вотчины его, два города Веневъ и Епифань; не трогали, кажется, только князя Глинскаго, котораго Флетчеръ считаетъ очень ограниченнымъ человѣкомъ [1]).

Затѣмъ указаны еще случаи мѣны вотчинъ у кн. Засѣкина и кн. Телятевскаго.

Изъ словъ кн. Курбскаго видно, что противная Іоанну сторона тоже прекрасно понимала эту сторону вопроса; говоря о смерти князей Прозоровскихъ и Ушатыхъ, Курбскій замѣчаетъ: «понеже имѣли отчины великія; мню, негли изъ того ихъ погубилъ»; также о казни Воротынскаго и Одоевскаго: «бо еще тѣ княжата были на своихъ удѣлѣхъ, и велія отчины подъ собою имѣли; а колико тысящъ въ нихъ не чту воинства было слугъ ихъ; имъ же онъ зазрѣчи, того ради губилъ» [2]).

Говорить о томъ, что отняты были почти всѣ вотчины у князей, нельзя, но несомнѣнно, что отнято было у князей старинныхъ вотчинъ очень много; взамѣнъ этого имъ давали помѣстья; кромѣ того, при Іоаннѣ, какъ извѣстно, въ отношеніи службы вотчины сравнены были съ помѣстьями, что до извѣстной степени могло ввести въ заблужденіе Флетчера.

Изученіе писцовыхъ книгъ нѣкоторыхъ уѣздовъ, въ которыхъ указаны имена не только настоящихъ, но и прежнихъ владѣльцевъ, даетъ возможность указать еще цѣлый рядъ отобранія княжескихъ вотчинъ. Такъ, въ Московскомъ уѣздѣ изъ 13 помѣстій и вотчинъ, въ которыхъ настоящими или прежними владѣльцами были князья, только 3 вотчины старыхъ: князья Василій Ѳед. Скопинъ-Шуйскій, Иванъ Петровичъ Шуйскій, каждый вла-

---

[1]) Д. А. И. I, № 222; Писцовыя книги XVI в., II, 1537 и 1587; Сказанія кн. Курбскаго. 85 и 87.

[2]) К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, 261. Владимірскій-Будановъ, Христоматія по исторіи русскаго права, вып. III, 31.

дѣетъ вотчиной—«старая его отца вотчина», да и тѣ вотчины въ старыхъ книгахъ не написаны, слѣдовательно, сравнительно недавно поступили во владѣніе Шуйскихъ; да еще кн. Мосальскій владѣетъ старою своею вотчиной [1]).

Затѣмъ: помѣстье кн. Черкасскаго (Семена Ард.), что была вотчина кн. Келмамаева; помѣстье Ивана Васильевича Годунова, что была вотчина кн. Маріи Владим. Воротынской, вотчина Зюзина, что была кн. Юрія Токмакова, вотчина кн. Петра Ив. Буйносова-Ростовскаго, что была кн. Семена Стародубскаго; боярина Никиты Романовича Юрьева, что была за Собакинымъ, а послѣ за кн. Иваномъ Токмаковымъ; за кн. Петромъ Ив. Татевымъ, что отдѣлено ему изъ Михайлова помѣстья Соймонова противъ его старыя коломенскія вотчины; за кн. Вас. Ив. Шуйскимъ, что была вотчина кн. Бориса Васильевича Серебрянаго; за кн. Иваномъ Мих. Глинскимъ—помѣстье Черкасскаго Шелюткова; за Морошкинымъ—вотчина кн. Василія Барпина; за кн. Иваномъ Вас. Сицкимъ, что что была дьяка Пятаго Ильина, т. е. 13 князей владѣльцевъ перемѣнили свои вотчины [2]).

По писцовой книгѣ Коломенскаго уѣзда только за кн. Ноздроватымъ—старая его вотчина, а то: Ламенскій владѣетъ вотчиной кн. Ѳед. Ив. Волконскаго; кн. Мих. Пожарскій — Ѳед. Берсенева; кн. Андр. Палецкій—кн. Михаила Кубенскаго; княгиня Ростовская и кн. Иванъ Токмаковъ—Ивана Петровича Ѳедорова; кн. Ѳед. Ив. Пожарскій—Якова Машурова; кн. Ив. Андр. Звенигородскій—Петра Наумова; кн. Вас. Вас. Мосальскій—Никиты Давыдова; кн. Марія Репнина получила вотчину изъ дворцовыхъ селъ, равно какъ князь Семенъ Коркадиновъ и княг. Дарья Засѣкина.

Въ Коломенскомъ уѣздѣ 12 новыхъ князей владѣльцевъ [3]).

Писцовая книга Вяземскаго уѣзда помѣстныхъ земель показываетъ, какъ часто мѣнялись владѣльцы помѣстій; напр, въ Красносельскомъ стану изъ 21 помѣстья только про одно сказано «старое его помѣстье», затѣмъ въ 2 случаяхъ прежними владѣльцами указаны мужъ и отецъ; при именахъ же остальныхъ владѣльцевъ указаны имена прежнихъ владѣльцевъ, иногда даже (въ 6 случаяхъ) показаны настоящій владѣлецъ, прежній и его предшественникъ. напр.: «за Пятымъ за Семеновымъ сыномъ Панина, что было за

[1]) Писцовыя книги, I, 185 и 209.

[2]) Тамъ же, 122, 125, 139, 175, 176, 180, 182, 213, 257.

[3]) Тамъ же, книга Коломенскаго уѣзда, 375, 376, 377, 440, 451, 469 479, 514 и 546.

Свиридомъ Спиридовымъ, а прежде того было за Василье̂мъ за Кувшиновымъ» [1]).

Можно подумать, что подобныя перемѣщенія были излишни и не вызывались никакими высшими государственными соображеніями; но достаточно познакомиться съ писцовыми книгами болѣе ранняго времени, чтобы убѣдиться въ значительности результатовъ, достигнутыхъ политикой Іоанна.

Курбскій говоритъ о княжатахъ, которые съ собою приводили тысячи человѣкъ на войну; въ Полоцкомъ разрядѣ показано, напр., «княжь Михайловскихъ и княжь Александровскихъ Одоевцовъ и Перемышлянъ 160 чел., а голова у нихъ Василей Ошанинъ, сынъ Ильина», т. е. изъ вотчины кн. Михаила и Александра Ивановичей Воротынскихъ взято было 160 чел. Въ 1571—72 гг. описана была вотчина кн. Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго—Веневъ и Епифань (Веневъ городъ называется Городенскъ на рѣкѣ Веневѣ); Веневъ окруженъ былъ деревянной стѣной съ башнями, на ряду было 2 пищали затинныя, да пищаль турская скорострѣльная; въ Епифани тоже былъ острогъ, сдѣланный тыномъ изъ дубовыхъ бревенъ, съ башнями, съ нѣсколькими пищальми; въ Веневѣ у князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго было 100 стрѣльцовъ, изъ нихъ десятникамъ и затинщикамъ князь платилъ по 1 р. въ годъ жалованья; рядовымъ 25—20 и меньше алт., да по 8 четв. ржи, по 10 четв. овса и по пуду соли человѣку. Въ Епифани у кн. Мстиславскаго стояла сотня пѣшихъ стрѣльцовъ, да полсотни конныхъ стрѣльцовъ [2]).

Писцовая книга Тверскаго уѣзда [3]), которая, по нашему мнѣнію, относится къ пятидесятымъ годамъ XVI в., показываетъ, какъ не упорядочено было землевладѣніе еще въ эти годы. Большинство помѣщиковъ, дѣтей боярскихъ, служатъ царю и великому князю, на ряду съ ними очень многіе служатъ князьямъ Микулинскимъ (до 30 помѣстій); затѣмъ, нѣкоторые служатъ князю Владиміру

[1]) Писцовыя книги, II, Вяземскаго уѣзда, 567 — 822; описаніе Красносельскаго стана, 575 — 596

[2]) Витебская Старина, IV, прил. № 3, 33; Писцовыя книги XVI в., Веневъ съ уѣздомъ, 1537—1581, 1538, 1540; Епифань съ уѣздомъ, 1582—1595, 1588—1591.

[3]) Списокъ съ писцовой книги конца XVI ст. вотчинныхъ, помѣстныхъ, монастырскихъ и черныхъ земель (141—290); но эта книга не можетъ относиться къ концу XVI в., такъ какъ встрѣчаются указанія: «служитъ князю Владиміру Андрѣевичу, Семену Ивановичу Микулинскому, Дмитрію Ивановичу Курлятеву», которые умерли или казнены въ 60-хъ годахъ.

Андреевичу, князю Ивану Өедоровичу Мстиславскому, князю Дм. Иван. Курлятеву, кн. Петру Серебряному, кн. Андр. Дм. Ростовскому, кн. Бор. Дм. Оболенскому, бояриву Мих. Яковлевичу Морозову, кн. Лопатину, кн. Ант. Заборовскому, Өедору Ив. Умному-Колычеву,—и на ряду съ этими такіе владѣльцы, которые никому не служатъ; одинъ сынъ боярскій показанъ въ «попѣхъ», другой «въ холопѣхъ», тверскіе торговые люди—Богданъ да Өома Ивановы Мошковы владѣютъ тоже вотчиной [1]).

Если съ Тверской книгой сравнить позднѣйшія — Вяземскаго уѣзда, Московскаго, Коломенскаго, Каширскаго, какимъ анахронизмомъ покажутся всѣ эти дѣти боярскіе, которые не служатъ никому, или служатъ князьямъ. Разборъ этихъ книгъ, болѣе подробный и обстоятельный, покажетъ во всей полнотѣ большіе успѣхи государственности, достигнутые Іоанномъ. Сѣверо-восточная Русь была объединена уже при его отцѣ, но объединеніе это было далеко не закончено: внутри государства оставались князья, которые владѣли укрѣпленными городами, которымъ служили дѣти боярскіе, у которыхъ были свои сотни стрѣльцовъ. Самое слово «служить» даже для служилаго сословія не значило служить государству и государю; оффиціальный документъ одинаково обозначаетъ этимъ именемъ и службу государю, и службу княгинѣ Микулинской. Послѣ Іоанна Грознаго писцовыя книги, обыкновенно, не считаютъ даже нужнымъ упоминать, кому какой помѣщикъ служитъ, потому что всѣ состояли на государевой службѣ.

Если исторія, въ извѣстной степени, преклоняется передъ Людовикомъ XI, если его считаетъ передовымъ человѣкомъ, замѣча-

---

[1]) О службѣ князьямъ Микулинскимъ: см. 170, 173, 183, 184, 185, 186, 187 190, 192, 193, 209, 210, 272 и др.; Володимеру Ондреевичу: 213, 251; Ивану Өед. Мстиславскому: 268, 269, 272 и др.; Курлятеву: 268, 290; кн. Петру Ивановичу Серебреному—271; кн. Лопатину—170; кн. Андрею Дм. Ростовскому—267; кн. Дѣю-Заборовскому—259 и др. «Княгини Анны княжъ Васильевы Ондрѣевича Микулинскаго, да Ортема Щеглятева, да Истомки Перепечина дер. Матюково... Ортемъ Щеглятевъ въ попѣхъ» (197); «Ивана Клемянтіева сына Савина, тверскаго гостя, дер. Исакова, пог. Гридинъ, пог. Рамень; пашни полполполчети сохи. Ивана въ животѣ не стало, а нынѣча братьи его Богдана да Өеони Ивановыхъ, дѣтей Мошкова Сидорова... Богданъ да Өеоня во Твери торговые люди» (286). Ср. у Н. Д. Чечулина «Города Московскаго государства», 44 и 45: «очень интереснымъ является тотъ фактъ, что жители городовъ Новгородской области, и своеземцы, и городчане, люди тяглые, частью сами обработываютъ землю, частью владѣютъ въ уѣздахъ населенными землями и получаютъ съ живущихъ на нихъ крестьянъ оброкъ».

тельнымъ правителемъ, выведшимъ Францію на новый путь, создателемъ ея могущества, если также исторія смотритъ на Эдуарда IV, Фердинанда Католика, то Іоаннъ Грозный имѣетъ право на подобное же отношеніе. Между тѣмъ большинству русскихъ историковъ онъ до сихъ поръ представляется тираномъ, больнымъ человѣкомъ. Его царствованіе разбирали, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія отношенія его къ боярству, и не могли найти разумныхъ основаній для борьбы съ боярствомъ. Предшественникъ Грознаго умѣлъ, когда было нужно, обходиться безъ участія бояръ, сама по себѣ боярская дума вовсе не имѣла стремленій политическихъ, вовсе не заботилась объ ограниченіи власти царской. Напротивъ, если впослѣдствіи и явились мысли о необходимости договоромъ обезпечить права боярской думы, то эти стремленія и были, главнымъ образомъ, слѣдствіемъ жестокаго, кровожаднаго правленія Іоанна, которое заставило подроставшее поколѣніе подумать и позаботиться объ обезпеченіи своей жизни и своего достоянія. При такомъ взглядѣ идеалъ Грознаго «жаловати сми своихъ холопей вольны, а и казнити ихъ вольны есмы» является конечно, безсодержательнымъ, дѣятельность Грознаго — вредною во всѣхъ отношеніяхъ, а самъ онъ тираномъ, отраженіемъ татарщины [1]).

Въ лучшемъ случаѣ (напр. у Соловьева и Ключевскаго) на мѣры Іоанна смотрятъ, какъ на попытку обойти правящій классъ, дать доступъ свѣжимъ силамъ средняго служилаго класса. Только К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, и особенно Е. А. Бѣловъ выдвинули борьбу не съ боярствомъ, а съ потомствомъ удѣльныхъ князей. С. М. Соловьевъ отрицалъ совсѣмъ связь потомства удѣльныхъ князей съ землями ихъ предковъ; по его словамъ, князья, съѣхавшіеся въ Москвѣ, заѣхали старинные московскіе боярскіе роды, ничѣмъ, кромѣ титула, не отличались отъ остальныхъ членовъ служилаго сословія, и многіе изъ нихъ забываютъ свои наименованія по волостямъ и сохраняютъ только имена, происходящія отъ личныхъ прозвищъ. В. О. Ключевскій обратилъ вниманіе на значеніе княжатъ. Онъ признаетъ вполнѣ справедливыми слова Флетчера, что недавно еще существовали въ Москвѣ лица изъ древняго дворянства, которые владѣли по наслѣдству различными областями съ неограниченной властью и съ правомъ судить и управлять въ своихъ округахъ

[1]) Владимірскій-Будановъ, Обзоръ ист. рус. права I, 135; Иловайскій. Исторія Россіи. III, 330—331.

всѣми дѣлами безъ апелляціи и безъ царскаго контроля. Это все было уничтожено царемъ Иваномъ Васильевичемъ, отцемъ нынѣшняго царя (29); но это не было слѣдствіемъ сознательной политики Грознаго. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, особенно Е. А. Бѣловъ выдвинули этотъ вопросъ — отношеніе [1]) Грознаго къ потомству удѣльныхъ князей. Если этотъ вопросъ выдвинутъ былъ нерѣшительно, то происходитъ это отъ того: 1) что Грозный въ перепискѣ съ Курбскимъ прямо не затрогиваетъ его, а напротивъ, много жалуется на бояръ, и 2) что до сихъ поръ писцовыя книги — этотъ главный источникъ для разбора всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ поземельной политикой правительства, — оставались малодоступными для изслѣдователей русской исторіи.

Пользуясь печатными изданіями нѣкоторыхъ книгъ, мы имѣли возможность показать, какихъ большихъ результатовъ достигъ въ этомъ отношеніи Іоаннъ Грозный. Нѣтъ сомнѣнія, что дальнѣйшія детальныя изслѣдованія представятъ еще болѣе убѣдительныхъ данныхъ по этому вопросу.

Слѣдовательно, результатъ политики Грознаго былъ положительный, и то, что по смерти Грознаго въ боярскихъ кружкахъ зародилась мысль объ обезпеченіи своихъ правъ договоромъ, не ослабляетъ высказаннаго положенія. Всѣ интриги боярскія послѣдующаго времени были неизбѣжной реакціей. Установить новый порядокъ вещей въ Московскомъ государствѣ, установить его мѣрами жестокими, кровавыми и не вызвать реакціи—это было невозможно. Самый же неуспѣхъ этихъ боярскихъ попытокъ, не смотря на крайне удачно сложившіяся для нихъ обстоятельства, служитъ лучшимъ доказательствомъ успѣшности Іоанновой политики. Аристократія Божьей милостію, аристократія, которая помнила, что «до прародителя нашего великаго князя Александра Ярославовича Невскаго на семъ Россійскомъ государствѣ быша прародители мои, и по семъ на суздальской удѣлъ раздѣлишась, неотнятіемъ и не отъ неволи, но по родству, якожъ обыкли большая братья на большая мѣста сѣдати» [2]), эта аристократія потеряла навсегда свое значеніе и слилась съ верхнимъ слоемъ служилаго класса.

Но, быть можетъ, результаты эти достигнуты были Грознымъ случайно. Въ нашей литературѣ существуетъ взглядъ на Грознаго, какъ на больнаго человѣка, страдавшаго маніей преслѣдованія;

---

[1]) Соловьевъ VI, 386; Ключевскій, Боярская Дума, глава XI. Бестужевъ-Рюминъ, II, 258 и сл.; Бѣловъ, Объ историческомъ значеніи боярства.

[2]) Собр. Гос. Гр. и Дог. II, 141.

онъ дѣйствовалъ безсознательно, билъ направо и лѣво, и въ числѣ погибшихъ оказалось много и княжатъ, а другіе княжата успѣли убѣжать, третьи роды прекратились естественною смертью. Грозный жаловался народу на бояръ, обвинялъ ихъ, и въ перепискѣ своей съ Курбскимъ уличалъ ихъ въ томъ, что они съ дьяками и дѣтьми боярскими расхитили царскую казну, не радѣли о службѣ и т. п.

Подобныя обвиненія, направленныя по преимуществу противъ боярства, и были причиной того, что эпизодъ этотъ стали называть борьбой съ боярствомъ. Безъ сомнѣнія, Грозный не открылъ истинной причины, почему ему нужна опричнина; едва ли онъ могъ бы сказать народу, что онъ хочетъ поотнимать вотчины у князей, а такъ какъ съ ихъ стороны можно опасаться сопротивленія, то онъ намѣренъ многихъ изъ нихъ казнить со всѣми ближайшими родственниками. Прямо такъ сказать народу не могъ же Грозный; вмѣсто этого онъ обвиняетъ въ небреженіи государственными интересами, въ нерадѣніи, въ обидахъ православному христіанству бояръ и все служилое сословіе; это было, конечно, дипломатическимъ ходомъ Грознаго, потому что кто же стоялъ во главѣ служилаго сословія и боярства, какъ не знатнѣйшіе и сильнѣйшіе потомки удѣльныхъ князей, кто владѣлъ богатѣйшими вотчинами, какъ не они же, и мыслимо ли было вести борьбу съ ними, какъ владѣтелями вотчинъ, не обостряя своихъ отношеній къ боярской думѣ, которая именно была оплотомъ политическихъ притязаній съѣхавшихся въ Москву князей?

Давно уже обращено вниманіе на тотъ незамѣченный прежними изслѣдователями фактъ, что нѣтъ основаній начинать борьбу съ боярствомъ и съ боярской думой—удаленіемъ Сильвестра и Адашева; конечно, оба эти совѣтника своимъ положеніемъ при царѣ подрывали значеніе боярской думы, а избранная рада, о которой говоритъ Курбскій, уничтожала значеніе боярской думы и была предшественницей опричнины [1]).

[1]) Курбскій объ избранной радѣ говоритъ такъ, что едва ли ее можно отождествлять съ боярской думой: во главѣ ея стоятъ Сильвестръ и Адашевъ, они собираютъ къ нему совѣтниковъ, «мужей разумныхъ и совершенныхъ, въ старости маститѣй сущихъ: другихъ же, аще и въ среднемъ вѣку, такожъ предобрыхъ и храбрыхъ, и тѣхъ и оныхъ въ военныхъ и земскихъ вещахъ по всему искусныхъ... и нарицались тогда оные совѣтницы у него избранная рада» (Сказанія, 10). И названіе ея, и роль Сильвестра и Адашева указываютъ на то, что въ ней принимали участіе далеко не всѣ бояре; избранная рада, очень можетъ быть, то же, что впослѣдствіи ближняя дума.

Правленіе боярское кончилось еще въ 1547 г.; сначала царь сталъ управлять, опираясь на избранную раду, въ которой преобладали князья, а потомъ, придя въ возрастъ, когда онъ могъ править государствомъ самостоятельно, онъ убѣдился, что его интересы и интересы избранной рады очень расходятся, что онъ долженъ искать себѣ опоры въ среднемъ служиломъ классѣ. Такая перемѣна не могла совершиться легко; недавніе друзья, отстраненные отъ власти, поневолѣ должны были сдѣлаться врагами.

Если Грозный придавалъ такое большое значеніе вотчинамъ, очевидно, онъ понималъ, чего хотѣлъ и гдѣ, такъ сказать, таились корни значенія княжеской аристократіи: «князю Андрею Михайловичу Курбскому, восхотѣвшему своимъ измѣннымъ обычаемъ быти Ярославскому владыцѣ». Обвиненіе едва ли справедливое, но доказывающее, что стремленіе княжатъ сохранить свои владѣльческія права были поняты Грознымъ.

Мы такъ подчеркнули отношеніе Грознаго къ княжатамъ потому, что, по извѣстіямъ нашего писателя, единственной цѣлью политики Грознаго и было именно стремленіе отнять у князей ихъ преимущество. Такое объясненіе одностороннее: права княжатъ тѣсно соединены были съ правами бояръ, Грозный, конечно, велъ борьбу и съ боярствомъ; наконецъ, нѣкоторыя мѣры Грознаго были дѣломъ самообороны, а не нападенія. Значеніе сложившагося строя, обычая въ Москвѣ Флетчеромъ было не понято; личность царя осталась ему не вполнѣ извѣстной, такъ какъ онъ судилъ о немъ по разсказамъ другихъ лицъ, и многое, въ чемъ Флетчеръ видитъ систему управленія, объясняется гораздо проще раздражительностью, гнѣвомъ царя.

Но несомнѣнная заслуга извѣстій Флетчера, что онъ выдвинулъ отношеніе Грознаго къ удѣльнымъ князьямъ.

Важною заслугою Флетчера въ этомъ вопросѣ его спокойное, объективное отношеніе къ Грозному. Онъ указалъ значеніе дѣятельности этого государя. Онъ воздалъ должное уму и энергіи Іоанна (32), но онъ былъ далекъ отъ того, чтобы въ силу исторической необходимости оправдывать поступки Грознаго. Не можемъ не привести заключительныхъ словъ объ Іоаннѣ С. М. Соловьева: «Но если, съ одной стороны, странно желаніе нѣкоторыхъ отнять у Іоанна значеніе важнаго, самостоятельнаго дѣятеля въ нашей исторіи; если, съ другой стороны, странно выставлять Іоанна героемъ въ началѣ его поприща и человѣкомъ постыдно робкимъ въ концѣ; то болѣе чѣмъ странно желаніе нѣкоторыхъ оправдать Іоанна,

болѣе чѣмъ странно смѣшеніе историческаго объясненія явленій съ нравственнымъ ихъ оправданіемъ. Характеръ, способъ дѣйствій Іоанновыхъ исторически объясняются борьбою стараго съ новымъ, событіями, происходившими вь малолѣтство царя, во время его болѣзни и послѣ; но могутъ ли они нравственно быть оправданы этою борьбою, этими событіями?» [1]).

Слѣдствіемъ Іоанновыхъ мѣръ, раздѣленія государства въ особенности, Флетчеръ считалъ внутренній расколъ въ русскомъ обществѣ, взаимную ненависть сословій и отдѣльныхъ лицъ. Способъ дѣйствій Грознаго породилъ такія враждебныя отношенія, которыя могутъ исчезнуть развѣ только въ пламени междоусобной войны (34). На это указывалъ Горсей (173), указывали и другіе иностранцы [2]).

Подобныя указанія находимъ и въ нѣкоторыхъ русскихъ произведеніяхъ о смутѣ. Дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ особенно рельефно высказывается: «и симъ (раздѣленіемъ государства) земли всей великъ расколъ сотвори и усомнѣватися всѣмъ въ мысляхъ своихъ о бываемомъ..., всю землю державы своея, яко сѣкирою наполы нѣкако разсѣче и смяте люди вся». Но интереснѣе, какъ это уже указано В. О. Ключевскимъ, что и у русскихъ публицистовъ XVI в., кн. Курбскаго и въ Валаамской Бесѣдѣ, можно найти предсказанія грядущей смуты. В. О. Ключевскій не берется рѣшить, говорило ли здѣсь разгоряченное тревогами времени воображеніе писателей, или

[1]) Соловьевъ, VI, 393.

[2]) На слухахъ и разсказахъ о внутреннихъ безпорядкахъ въ Москвѣ основаны были грандіозные планы Баторія; по смерти Грознаго, Баторій получилъ отъ посла своего Сапѣги и отъ другихъ лицъ извѣстіе о смутахъ въ Москвѣ, составилъ и предложилъ папѣ черезъ посредство Поссевина грандіозный планъ: овладѣть Московскимъ государствомъ, побѣдоносно пройти до предѣловъ Грузіи, Черкасъ и Персіи и заключить такимъ образомъ турокъ въ желѣзное кольце, послѣ чего нетрудно будетъ изгнать турокъ изъ Европы. Для осуществленія этого плана Баторій просилъ поддержки святаго престола. Курія и Поссевинъ догадались, конечно, что турки были только предлогомъ, а на самомъ дѣлѣ имѣлось въ виду овладѣть Москвой. Поэтому Поссевинъ въ своей запискѣ возражалъ противъ плана, находя, что осуществить его далеко не такъ легко, какъ кажется. Эта любопытнѣйшая записка Поссевина потеряна, но сохранилось возраженіе на нее, написанное Замойскимъ. По словамъ Замойскаго, завоеваніе Москвы будетъ просто военной прогулкой: одного страха, внушаемаго польскимъ именемъ, достаточно будетъ, можетъ быть, для того, чтобы овладѣть страной, истощенной уже войной, преданной анархіи; война не продолжится больше двухъ лѣтъ; см. Pierling, Papes et Tsars (Projets militaires de Bathory, особенно 385 стр.).

они дѣйствительно предчувствовали наступавшія бѣдствія, видя соціальную рознь и взаимную вражду общественныхъ классовъ? Князь Курбскій восклицаетъ: «Не губи къ тому себя и дому твоего! Аще рече Давидъ: любяй неправду, ненавидитъ свою душу,—кольми паче кровьми христіанскими оплывающіи исчезнутъ вскорѣ со всѣмъ домомъ!» Въ Валаамской Бесѣдѣ читаемъ: и сего ради при послѣднемъ времени начнутъ люди напрасными бѣдами спасатися, и по мѣстамъ за таковые грѣхи начнутъ быть глады и морове частые, и многіе всякіе трусы и потопы, и междуусобныя брани и войны, и всяко въ мірѣ, начнутъ гибнути грады и стѣснятся, и смятенія будутъ въ царствахъ велики и ужасти и будутъ никимъ гонимы волости и села пустѣютъ домы христіанскіе, люди начнутъ всяко убывати, и земля начнетъ пространнѣе быти, а людей будетъ меньши, и тѣмъ достаяньемъ людямъ будетъ на пространной земли жити негдѣ. Царіе на степенѣхъ царскихъ невозмогутъ держатись и почасту премѣнится за свою царскую простоту и за иноческіе грѣхи и за мірское невоздержаніе...» [1])

Главный интересъ сообщеній Флетчера о временахъ ц. Өеодора заключается въ отношеніи его къ Годунову. Показанія Флетчера въ данномъ случаѣ очень важны: онъ былъ въ Москвѣ въ 1588—89 г., книгу издалъ до смерти царевича Димитрія; большинство же извѣстій о проискахъ Годунова, объ убіеніи его агентами Димитрія появилось уже значительно позже событія 15 мая 1591 г. Обвиненія, сыпавшіяся отовсюду на голову Годунова, можно объяснять ходившими тогда по государству сплетнями. Мы увидимъ, что и о времени ц. Өеодора Флетчеръ во многомъ слѣдуетъ Горсею, сокращенно передаетъ довольно интересные разсказы Горсея о роли, которую уже съ 1586 г. игралъ Годуновъ въ Москвѣ. Но это не умаляетъ цѣнности сообщеній Флетчера.

Горсей эту часть своихъ воспоминаній писалъ уже послѣ своего отъѣзда въ 1591 г. изъ Россіи, т. е. по смерти Димитрія; воспоминанія его доведены до восшествія на престолъ Михаила Өеодоровича, слѣдовательно и его можно заподозрить, не писалъ ли и онъ, Горсей, подъ впечатлѣніемъ событій смутнаго времени, разговоровъ и слуховъ, широко распространенныхъ и на Западѣ? Но если Флетчеръ, хоть сжато, но повторяетъ сущность Горсеевыхъ разсказовъ, то мы имѣемъ право придавать этимъ послѣднимъ большее значеніе и силу.

---

[1]) Бесѣда преп. Сергія и Германа валаамскихъ чудотворцевъ. Изданіе В. Гр. Дружинина и М. А. Дьяконова, 9. Сказанія кн. Курбскаго, 217.

Положеніе дома Рюриковичей не укрылось отъ взора Флетчера. Этотъ домъ, который онъ называетъ домомъ Белы, находится теперь въ такомъ же положеніи, какъ и многія знаменитѣйшія династіи христіанскаго міра, имѣющія своими представителями одно, два лица. Дѣйствительно, въ 1589 г. угасъ домъ Валуа, а домъ Тюдоровъ имѣлъ единственной представительницей безплодную Елизавету. Такъ и царствующая въ Москвѣ династія состоитъ изъ ц. Θеодора Іоанновича и его супруги; дѣтей у царя уже нельзя ожидать, судя по его сложенію и безплодію его супруги. У царя есть братъ, ребенокъ лѣтъ шести — семи, отъ котораго только и можно ждать продолженія царскаго рода (21).

Царь Θеодоръ Іоанновичъ малаго роста, нѣсколько приземистъ и толстоватъ, болѣзненнаго тѣлосложенія, наклоненъ къ водяной; имѣетъ ястребиный носъ, походку нетвердую, вслѣдствіе слабости въ членахъ, тяжелъ и недѣятеленъ, обыкновенно улыбается, почти всегда смѣется. Простоватъ и слабоуменъ, но очень вѣжливъ, добродушенъ, спокоенъ, милостивъ, вовсе не воинственъ, а чрезвычайно преданъ набожности (144). «Царь же Θедоръ возрастомъ малъ бѣ, образъ постничества нося, смиреніемъ обложенъ, о душевней вещи попеченіе имѣя, на молитвѣ всегда предстоя, и нищимъ требующая подая, о мирскихъ ни о чемъ попеченія имѣя, токмо о душевномъ спасеніи», по словамъ русскаго хронографа, очень близкаго къ характеристикѣ Флетчера. Характеристика царя Θеодора Флетчеромъ — едва ли не самая лучшая. Она подтверждается во всѣхъ своихъ частяхъ показаніями Горсея, Сапѣги, Поссевина и др. Только эти послѣдніе отказываютъ Θеодору совсѣмъ въ умѣ: «rationis vero vel parum, vel ut ex aliorum sermone, diligentique etiam mea ipsius aminadversione, cognovi, prorsus nihil habet; Горсей, описывая свои аудіенціи у царя, замѣчаетъ, что царь мало говорилъ, имѣлъ довольный видъ, и что канцлеръ (т. е. думный дьякъ) Андр. Щелкаловъ шепталъ ему въ ухо (221); а на другой, послѣдней аудіенціи, царь началъ на него кричать, крестился и говорилъ, что онъ никогда не давалъ повода Горсею оскорблять его» (253, также 257). Слѣдуетъ замѣтить, что въ этотъ пріѣздъ Горсей былъ очень дурно принятъ московскимъ правительствомъ и съ своей стороны остался недоволенъ оказаннымъ ему пріемомъ. Раньше Горсей отзывался о Θеодорѣ гораздо лучше (напр., при описаніи своей аудіенціи въ 1584 г., стр. 271). Равнымъ образомъ и Поссевинъ только впослѣдствіи говорилъ, что умственное ничтожество Θеодора переходитъ въ

идіотизмъ; такъ же отзывался о Θеодорѣ и Баторіи. Любопытно, что раньше Поссевинъ, когда самъ былъ въ Москвѣ и когда онъ, можетъ быть, не терялъ еще надежды на обращеніе русскихъ въ католичество при помощи Грознаго и его сыновей, совсѣмъ иначе отзывался о Θеодорѣ. Очевидно, въ Москвѣ его увѣрили, что Θеодоръ оттого не выходитъ къ иноземнымъ посламъ, что у него уже есть борода, которой нѣтъ у его старшаго брата. Напротивъ, архіеп. Гнѣзненскій въ своей рѣчи о Θеодорѣ отзывался гораздо лучше въ 1587 г., когда шелъ вопросъ объ избраніи Θеодора на польско-литовскій престолъ: «Maximam ipsi injuriam ab iis fieri, a quibus diceretur, parum sanae et integrae mentis esse...[1]). Очевидно, что въ этихъ отзывахъ есть преувеличеніе то въ ту, то въ другую сторону. Свидѣтельство Флетчера, изображающее Θеодора человѣкомъ простоватымъ и слабоумнымъ, ближе, кажется, всѣхъ къ истинѣ. Что Θеодоръ не способенъ былъ къ управленію, это лучше всего подтверждается многими фактами его царствованія, но нѣтъ никакой надобности преувеличивать умственное ничтожество этого государя. Слабость царя, естественно, выдвигала царицу Ирину. По свидѣтельству Флетчера Ирина, женщина очень милостивая, вмѣшивалась въ управленіе государственными дѣлами и въ нѣкоторыхъ случаяхъ вела себя совершенно самостоятельно: она торжественно давала прощеніе преступникамъ, не упоминая даже царскаго имени (28 и 29). Горсей въ первомъ своемъ произведеніи также многое говоритъ о

---

[1]) А. И. Поповъ, Изборникъ, 313. Донесеніе Сапѣги. Hist. Russ. Mon. II, № 3; тамъ же № 7: il Principe moderno e di eta di 24 anni di natura molto mite. Non e bellicoso, anzi tutto volto alla pace et alla devozione, che sta taloro tutto il giorno in Chiesa. Отзывы о царѣ Θеодорѣ указаны К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ въ примѣчаніяхъ 1, 2, 3 и 4 въ статьѣ «Обзоръ событій отъ смерти Іоанна IV» (Ж. М. Н. Пр. 1888 г. № 7); также въ примѣчаніи 57 III тома Исторіи Россіи Д. И. Иловайскаго.

Въ Архангельскомъ соборѣ сохранился портретъ царя Θеодора Іоанновича, см. Попова (Труды и лѣтописи Общ. Ист. и Древн. Росс., ч. V, кн. I. 164): «Самое лице царя худощавое, смуглое, продолговатое; носъ довольно длинный съ горбиною; лобъ высокій съ морщинами и взлызинами; брови тонкія дугою; на головѣ волосы курчеватые, орѣховаго цвѣта, короткіе, какъ будто остриженные; глаза большіе на выкатѣ; вокругъ головы сдѣланъ темной краской отводъ, изображающій вѣнецъ, съ какими обыкновенно пишутъ святыхъ; лице и волосы очерчиваются описью; усъ малый, прямой и небольшая борода.» Въ «Историческомъ описаніи одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ» помѣщенъ снимокъ съ портрета Θеодора Іоановича, хранящагося въ кунсткамерѣ Академіи Наукъ: лице царя безъ бороды; такое же изображеніе царя на снимкѣ съ царь-пушки.

значительной дѣятельности царицы Ирины. Описывая перемѣну къ лучшему, которая настала въ Московскомъ государствѣ тотчасъ вслѣдъ за смертью Грознаго, онъ приписываетъ ее главнымъ образомъ мудрости царицы Ирины (277). Намъ неизвѣстно грамотъ за это время отъ имени царицы Ирины, но нѣсколько грамотъ подтверждаютъ сообщеніе Горсея и Флетчера о значительной роли царицы въ это царствованіе, напр.: «Била мнѣ челомъ жена моя царица и великая княгиня Ирина, чтобъ намъ пожаловати... и язъ Царь и Великій Князь... *со своею Царицею и Великою Княгинею Ириною,* пожаловалъ васъ»... или въ 1588 г. жалованная грамота Переяславскимъ рыболовамъ начинается «Се язъ Царь и В. Кн. Өедоръ Ивановичъ всеа Русіи со своею Царицею и Вел. Княгинею Ириною, пожаловали есмя»; а подъ самый конецъ царствованія Өеодора въ 1597 г. двѣ грамоты начинаются даже такъ: Божіею милостію, мы великій государь царь и вел. князь Өедоръ Ивановичь, всея Русіи самодержецъ, и наша царица и великая княгиня Ирина... Доносилъ до нашего царскаго величества... [1]).

Такихъ грамотъ при предшествовавшихъ государяхъ не бывало; слѣдовательно, царица Ирина, дѣйствительно, принимала значительное, даже оффиціальное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, не говоря уже о ея негласномъ вліяніи.

Такъ какъ царь бездѣтенъ и нельзя предполагать, что у него будутъ дѣти, то надежда на продолженіе династіи заключается въ малолѣтнемъ царевичѣ Димитріи. Флетчеръ ошибся немного: у Өеодора Іоанновича родилась дочь Өеодосія въ 1592 г.; черезъ годъ она скончалась.

О Димитріи, имени котораго Флетчеръ не сообщаетъ, онъ говоритъ, что этотъ царевичъ живетъ въ отдаленіи отъ Москвы подъ надзоромъ своей матери и ея родственниковъ, Нагихъ. Флетчеръ слышалъ, что сдѣлана была попытка погубить царевича со стороны тѣхъ, которые мѣтятъ на престолъ, если царь умретъ, не оставивъ потомства. Кормилица Димитрія, попробовавшая кушанья царевича, тотчасъ же умерла (22). Горсей также разсказываетъ, что открытъ былъ умыселъ отравить царевича Дими-

[1]) А. И. I, 219; А. Э. I, 341; Д. А. И. I, 143 и др. О невмѣшательствѣ Өеодора въ управленіе дѣлами единогласно говорятъ иностранныя и русскія свидѣтельства. Только патріархъ Іовъ въ «Повѣсти о честнѣмъ житіи царя Өеодора Ивановича» изображаетъ его активнымъ дѣятелемъ государственной политики, но произведеніе это слишкомъ пристрастно, чтобы этому свидѣтельству можно придавать цѣну; см. С. Ө. Платонова, op. cit., 82—86.

*

трія, его мать и родныхъ, содержимыхъ въ Угличѣ (266). Ни Флетчеръ, ни Горсей не называютъ имени Годунова, но нѣтъ сомнѣнія, что оба именно его имѣли въ виду; такъ это мѣсто понято было и въ Англіи; московская компанія въ жалобѣ своей на книгу Флетчера указала на этотъ пунктъ и на то, что Флетчеръ очевидно разумѣетъ здѣсь Бориса Годунова (353). Флетчеръ сообщая объ этомъ, осторожно прибавляетъ, «какъ я слышалъ». Несомнѣнно, что тогда уже въ Москвѣ ходили слухи о покушеніяхъ Бориса на жизнь Димитрія: возможное прекращеніе династіи чувствовалось, какъ мы видѣли, многими въ Москвѣ; заговоръ 1586 г., во главѣ котораго стоялъ митр. Діонисій, безъ сомнѣнія, образовался отчасти подъ вліяніемъ толковъ о возможномъ прекращеніи династіи. Но насколько эти слухи соотвѣтствовали дѣйствительности, не было ли это местью Годунову со стороны обойденныхъ имъ князей и знатнѣйшихъ бояръ? Обвиненія какъ въ отравленіи членовъ царской семьи, такъ и вообще въ неестественной ихъ смерти, были весьма распространены въ древнемъ русскомъ обществѣ. Герберштейнъ слышалъ, что бояре отравили великую княгиню Елену, Грозный обвинялъ своихъ враговъ въ смерти Анастасіи Романовны, Горсей и Тимоѳеевъ обвиняли Годунова и Бѣльскаго въ смерти Грознаго и т. д.; впослѣдствіи приверженцы Василія Ивановича Шуйскаго распустили молву, что поляки бьютъ царя въ 1606 г.; приверженцы Милославскихъ увѣряли, что Нарышкины извели царевича Іоанна Алексѣевича. О попыткахъ отравить Димитрія раньше его убійства говорятъ русскіе лѣтописцы, хотя не всѣ. Но, напр., подробности, сообщаемой Флетчеромъ о смерти кормилицы Димитрія, не находимъ въ русскихъ литературныхъ памятникахъ даже позднѣйшаго времени, а между тѣмъ подобный фактъ былъ слишкомъ крупный, чтобы противники Годунова впослѣдствіи умолчали о немъ [1]).

---

[1]) С. Ѳ. Платоновымъ указано, что въ самомъ слѣдственномъ дѣлѣ о смерти царевича Димитрія есть ясные намеки на то, что, по представленію Нагихъ, царевича портили до его смерти помощью какой-то «женочки уродливой», ходившей къ царевичу «для потѣхи»; что подтвердилъ и самозванецъ въ одной изъ своихъ грамотъ: «измѣнники посылали многихъ воровъ и велѣли портити насъ и губити»; С. Ѳ. Платоновъ и предполагаетъ, что «эти заявленія о порчѣ были зерномъ легенды объ ядѣ», см. «Древнерусскія сказанія и повѣсти», 22; о попыткахъ Бориса отравить Димитрія говоритъ и Повѣсть 1606 г. (тамъ же, 20), произведеніе не только пристрастное къ Шуйскимъ, но даже оффиціознаго происхожденія.

Извѣстіе, не точное въ подробностяхъ, всегда является изслѣдователю сомнительнымъ. Но Годуновъ, по словамъ Флетчера, употребилъ противъ Димитрія еще одну мѣру: онъ запретилъ поминать Димитрія на эктеніяхъ на томъ основаніи, что Димитрій родился отъ шестаго брака и слѣдовательно былъ незаконнымъ сыномъ (129). Не знаемъ, насколько это достовѣрно; но что Борисъ старался отстранить Димитрія, видно изъ слѣдующаго: когда въ 1587 г. по смерти Баторія, въ Москвѣ хлопотали объ избраніи Ѳеодора на польско-литовскій престолъ, то отправляемымъ посламъ велѣно было отвѣчать на случай, если паны станутъ просить на государство Димитрія: «это дѣло не сходное: царевичъ еще молодъ, всего четырехъ лѣтъ, а вамъ чего лучше, какъ быть подъ царскою рукою въ оборонѣ». Кандидатура Димитрія, такъ сказать, и не допускалась. Равнымъ образомъ до Флетчера дошли слухи о жестокости малолѣтняго Димитрія, будто онъ находитъ удовольствіе смотрѣть, какъ убиваютъ домашній скотъ, будто онъ самъ бьетъ палкой куръ и гусей, пока не убьетъ ихъ (22). Такіе же или имъ подобные разсказы находимъ и у позднѣйшихъ иностранцевъ, напр., у Буссова, Петрея и русскихъ авторовъ [1]).

Изъ этого можно вывести, во-первыхъ, что Димитрій былъ предметомъ самыхъ оживленныхъ толковъ въ Москвѣ, и, во-вторыхъ, что тогда уже (въ 1588 и 1589 годахъ) въ Москвѣ обвиняли Бориса въ попыткахъ ядомъ отстранить Димитрія; выводъ Е. А. Бѣлова, что легенда о ядѣ явилась позднѣе, опровергается этимъ сообщеніемъ Флетчера [2]).

Если клевреты Годунова распускали слухи о жестокосердіи царевича, во всемъ похожаго на своего отца, то съ другой стороны противная партія разсказывала объ опасностяхъ, которымъ подвергалась жизнь Димитрія, и не щадила Годунова; она готова была

---

[1]) Соловьевъ, VII, 258—259; ср. также, VIII (изд. 2-ое), 97. Карамзинъ, пр. X, 224. Мартинъ Беръ пишетъ: «Въ то же время Годуновъ приказалъ наблюдать внимательно за всѣми словами и забавами юнагоДимитрія; вскорѣ замѣтили въ царевичѣ отцовское жестокосердіе; однажды онъ велѣлъ своимъ товарищамъ, молодымъ дворянамъ, сдѣлать изъ снѣгу нѣсколько изображеній, назвалъ ихъ именами извѣстныхъ бояръ, поставилъ рядомъ и началъ рубить: одному отсѣкъ голову, другому отбилъ руку, ногу, иного прокололъ насквозь, приговаривая: «это такой-то бояринъ, такой-то князь: такъ имъ будетъ въ мое царствованіе.»—Объ этомъ же говоритъ Авраамій Палицынъ: «часто въ дѣтскихъ глумленіяхъ глаголетъ и дѣйствуетъ нелѣпая, о ближайшихъ брата си, паче же о семъ Борисѣ (Сказанія современниковъ, 12 и прим. 6).

[2]) Е. А. Бѣлова, Ж. М. Нар. Пр. 1873, № 8.

поставить ему въ вину и то, въ чемъ онъ, можетъ быть, не былъ виновенъ. Флетчеръ разсказываетъ вкратцѣ о предшествовавшей его пріѣзду борьбѣ Годунова съ врагами. Но онъ не совсѣмъ ясно различаетъ значеніе этой борьбы. По его мнѣнію, это была борьба, завѣщанная Грознымъ, — борьба съ знатными княжескими фамиліями.

Въ царствованіе Θеодора борьба эта, по его словамъ, продолжалась, и Годуновы, ставшіе ближайшими царскими родственниками, старались уничтожить или отстранить знатнѣйшія фамиліи. С. М. Соловьевымъ превосходно выяснено иное нѣсколько значеніе этой борьбы: въ борьбѣ за регентство должны были выставиться не могущественнѣйшіе только роды боярскіе, но и будущія династіи [1]). Эта борьба имѣла совсѣмъ не то значеніе, что борьба во время Грознаго, и Флетчеръ не разобралъ этого дѣла вполнѣ потому, что для него Годуновъ и правительство московское были уже синонимами, и онъ не оттѣнилъ вполнѣ, какъ слѣдуетъ, что Мстиславскіе и Шуйскіе пострадали не какъ враги государства, а какъ личные враги Годунова, не хотѣвшіе уступить ему мѣста. Флетчеръ говоритъ о постриженіи въ монахи Ивана Θедоровича Мстиславскаго, предположительно приписываетъ Годунову смерть боярина Никиты Романовича отъ яда и обвиняетъ уже прямо Годуновыхъ въ отстраненіи князя Андрея Куракина, Петра Головина (котораго они кинули въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ), князя Василія Юрьевича Голицына, князя Андрея Ивановича Шуйскаго, славившагося своимъ умомъ. «Прошлымъ годомъ убитъ былъ въ монастырѣ князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, мужъ великой доблести, который отразилъ нападеніе Баторія на Псковъ. Предполагаютъ также, что царевъ дядя, Никита Романовичъ, умеръ отъ яда или чего-нибудь подобнаго» (35—36).

Горсей объ этихъ событіяхъ говоритъ въ своихъ «Travels» далеко не такъ точно. Онъ за одно сообщаетъ объ удаленіи Богдана Бѣльскаго и о смерти Петра Головина и кн. Ив. Вас. Шуйскаго (218—219) и намекаетъ на насильственную же смерть Никиты Романовича (226). Русскіе лѣтописцы называютъ Головиныхъ, кн. Воротынскихъ, кн. Татевыхъ, кн. Урусовыхъ, Быкасовыхъ и другихъ, пострадавшихъ въ это время. О князьяхъ Куракинѣ и Голицынѣ не упоминаютъ вовсе; только Лопухинская книга называетъ также Голицыныхъ, какъ соучастниковъ Шуйскихъ,

[1]) Соловьевъ, VII, 227.

и здѣсь едва-ли «Голицыны» не описка вмѣсто «Головины». О кн. Андреѣ Куракинѣ, которому сказано было боярство въ день Ѳеодорова вѣнчанія, извѣстно, что онъ прожилъ все царствованіе Ѳеодора и упоминается въ боярскомъ спискѣ 1598 г. Въ разрядахъ царствованія Ѳеодора и Бориса вовсе не встрѣчается имени Андрея Петровича Куракина; умеръ онъ въ 1615 году, слѣдовательно, за это время онъ находился въ опалѣ; дядя его, Григорій Андр. Куракинъ, умершій въ 1595 г., довольно часто упоминается въ разрядахъ: въ 1587 г. онъ назначенъ былъ въ Разбойный приказъ, въ 1588 г. былъ у государя и т. д. Бояринъ кн. Василій Юрьевичъ Голицынъ умеръ въ 1584 г. или въ 1585 г. воеводой въ Смоленскѣ; двумъ его сыновьямъ скоро сказано было боярство: Василію—въ 1591 г., Ивану—въ 1592 г. Поэтому едва-ли справедливо считать, что Борисъ преслѣдовалъ этотъ родъ.

Хотя Флетчеръ и Горсей приписываютъ Годунову смерть Никиты Романовича Юрьева, однако русскіе источники объ этомъ молчатъ, что, по совершенно справедливому замѣчанію С. М. Соловьева, доказываетъ неосновательность слуховъ объ отравленіи, такъ какъ наши лѣтописцы любили приписывать Годунову преступленія такого рода [1]). О князѣ Шуйскомъ — Иванѣ Петро-

[1]) Карамзинъ X, пр. 59, 60—выписка изъ Латухинской Степенной книги: «въ лѣто 7093 К. Ив. Мстиславскій съ Борисомъ Годуновымъ велію любовь между собою имѣша и о дѣлахъ государскихъ зѣло радѣша, и назва князь Иванъ Бориса сыномъ, а Борисъ его назва отцемъ себѣ. Никита же Романовичъ ко Господу отыде. Врагъ же и ратникъ Дьяволъ положи вражду между боляръ; начаша говорити К. Ивану Шуйскіе, да Воротынскіе, да Голицыны (Н. М. Карамзинъ предполагаетъ, что здѣсь Голицыны описка вмѣсто Головиныхъ) и иные бояре и служивые люди и чернь московская, чтобы онъ, съ ними соединяся, извелъ Бориса. Онъ же много отрицался, но и по волѣ ихъ хотя угодное сотворити имъ, умысли въ дому своемъ пиръ сотворить, и Бориса призвавъ, тогда его и убити». Въ другихъ лѣтописяхъ (см. Никон. Лѣт. VIII, 7) ни слова о заговорѣ Мстиславскаго; сказано только, что онъ съ Шуйскими и другими враждовалъ Годунову, а Годуновъ имъ: «надѣясь на присвоеніе царское, и ихъ осиливаніе; К. Ив. Ѳед. Мстиславскаго поима и сосла его въ Кириловъ монастырь, тамъ же и постригоша его; а Воротынскихъ и Головиныхъ и иныхъ многихъ поима и по городомъ разосла» и т. д. С. М. Соловьевъ (VII, 232 и сл.) смерть Никиты Романовича относитъ къ 1586 г.; извѣстіе Флетчера объ его отравленіи Соловьевъ считаетъ невѣрнымъ, потому что объ этомъ молчатъ русскіе лѣтописцы, которые любили приписывать Годунову подобныя преступленія (прим. 77), разсказъ Латухинской книги признаетъ заслуживающимъ довѣрія. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, излагая дѣло такъ же и принимая показаніе

вичѣ, Флетчеръ прямо говоритъ, что онъ былъ убитъ въ монастырѣ, въ которомъ былъ засаженъ. Смерть эта, по опредѣленію Флетчера, должна быть отнесена къ 1587 или къ 1588 г. (35), такъ какъ онъ говоритъ «прошлымъ годомъ» (this last year), а онъ былъ въ Москвѣ въ 1588 — 89 гг., а писалъ свое сочиненіе на возвратномъ пути.

О насильственной смерти двухъ князей Шуйскихъ — Ивана Петровича и Андрея Ивановича—извѣстій нѣсколько: по Никоновской лѣтописи, оба они были удавлены, по Морозовскому лѣтописцу, «повелѣ на Бѣлѣезерѣ кн. Ивана Петровича мученически скончати», по Псковскому — «удуши (Борисъ) сѣномъ». С. М. Соловьевъ не рѣшается, однако, вѣрить показанію лѣтописцевъ объ участи кн. Шуйскихъ, но въ виду существованія нѣсколькихъ показаній едва-ли можно отрицать этотъ фактъ [1]).

Дѣло несчастной вдовы Магнуса, Маріи Владиміровны, еще болѣе убѣждало Горсея и Флетчера въ томъ, что Годуновъ прокладывалъ себѣ дорогу къ престолу. Годуновъ поручилъ Горсею убѣдить Марію Владиміровну вернуться въ Россію. Она жила тогда въ Ригѣ почти въ бѣдности, получая небольшое жалованье отъ польскаго короля. Горсей пріѣхалъ въ Ригу и только съ дозволенія кардинала Радзивила, губернатора Ливоніи, большого охотника до дамскаго общества, получилъ позволеніе видѣться съ вдовствующей герцогиней. Горсей, войдя къ ней (замѣтимъ, что по обычной своей неточности онъ называетъ ее Еленой, Llona) въ комнату, засталъ ее причесывающею свою дочь, дѣвочку лѣтъ девяти. На вопросъ, что ему угодно, Горсей отвѣчалъ, что желаетъ переговорить съ ней наединѣ; Марія Владиміровна сперва строго отвѣчала,

---

Латухинской книги, относитъ смерть Никиты Романовича Юрьева и постриженіе Мстиславскаго — къ 1585 г. (Ж. М. Нар. Пр. 1888 г. № 7, 53); по изложенію же С. М. Соловьева, Михаилъ Головинъ бѣжалъ изъ своей Медынской вотчины въ Литву послѣ опалы, постигшей Мстиславскаго и его родичей, а между тѣмъ отправленнымъ къ Баторію въ началѣ 1585 г. посламъ Троекурову и Безнину наказано было уговорить московскихъ отъѣзжчиковъ вернуться въ отечество, за исключеніемъ этого Головина, распускавшаго въ Польшѣ слухи, будто населеніе Москвы съ радостью приметъ Баторія (Соловьевъ, VII, 246 и сл.). Потому не вѣрнѣе-ли будетъ отнести смерть Никиты Романовича къ послѣднимъ мѣсяцамъ 1584 года; тогда же умеръ и Василій Юрьевичъ Голицынъ. (Въ послужномъ спискѣ Бояръ—Древ. Вивліоѳ. XX, 61,—показаны умершими въ 7093 г.: Никита Романовичъ, В. Юр. Голицынъ, П. И. Головинъ).

[1]) Карамзинъ, X, пр. 148; Соловьевъ VII, 235.

что не знаетъ Горсея; но, отпустивъ дочь, стала слушать Горсея. «У меня немного времени, началъ Горсей, для переговоровъ съ вами, дайте мнѣ обѣщаніе сохранить въ тайнѣ нашъ разговоръ»; она молчала, онъ продолжалъ: «царь Θеодоръ Ивановичъ узналъ о положеніи, въ которомъ вы живете съ дочерью; онъ желалъ бы, чтобы вы возвратились на родину, гдѣ вы будете жить согласно вашему рожденію и положенію, и Борисъ Θеодоровичъ, съ своей стороны, свидѣтельствуя вамъ свое почтеніе, проситъ васъ о томъ же.» «Но, сказала она, ни они не знаютъ меня, ни я ихъ, однако ваша рѣчь и наружность заставляютъ меня вѣрить больше, чѣмъ позволяетъ разсудокъ». Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ какого-то лейтенанта. Марія Владиміровна заплакала, но успѣла пожелать еще разъ увидѣться съ Горсеемъ. Между тѣмъ, кардиналъ, которому все было разсказано, спрашивалъ Горсея, чѣмъ онъ такъ огорчилъ королеву, позволилъ ему еще разъ видѣться съ ней, но не быть съ ней слишкомъ смѣлымъ. При вторичномъ свиданіи она призналась Горсею, что ее держатъ, какъ плѣнницу, что жалованье ея не свыше тысячи талеровъ. «Въ вашихъ рукахъ возможность избавиться отъ этого», замѣтилъ Горсей. «Два обстоятельства смущаютъ меня, продолжала королева, трудность побѣга и кромѣ того, знаю, какъ въ Москвѣ поступаютъ съ вдовами царицами: ихъ запираютъ въ монастырь, я лучше предпочту смерть». «Но ваше положеніе во многомъ разнится отъ другихъ, время, къ тому же, многое измѣнило, теперь никого не принуждаютъ къ этому, у кого есть дѣти», — завѣрялъ ее Горсей; Марія Владиміровна поддалась его завѣреніямъ, Горсей оставилъ 100 венгерскихъ дукатовъ и обѣщалъ черезъ семь недѣль доставить еще 400; на прощанье королева пожала ему руку.

Объ успѣшномъ результатѣ переговоровъ Горсей поспѣшилъ извѣстить московское правительство; королеву съ дочерью удалось похитить; погоня за ними была, но слишкомъ поздняя. Сначала съ Маріей Владиміровной обращались въ Москвѣ очень хорошо, но потомъ ее съ дочерью помѣстили въ дѣвичій монастырь, причемъ она будто бы съ горечью раскаявалась, зачѣмъ повѣрила Горсею; и Горсей много раскаявался въ томъ, что выполнилъ это порученіе (210—213).

Флетчеръ (22) считаетъ Марію Владиміровну имѣющею право на престолъ; только онъ принимаетъ ее за сестру Іоанна, тетку Θеодора, вдову Магнуса. Она, по словамъ Флетчера, завлечена была обратно въ Россію тѣми, кому ближе къ сердцу наслѣдованіе

престола, чѣмъ ея судьба. Какъ только она вернулась въ Россію, ее съ дочерью заключили въ монастырь, гдѣ ея дочь и умерла прошлый годъ, когда Флетчеръ былъ въ Москвѣ, отъ неестественной болѣзни, какъ предполагаютъ.

Извѣстно, что Марія Владиміровна скончалась послѣ 1609 г.; дочь ея Евдокія умерла въ 1589 г., дѣйствительно, какъ разъ въ бытность Флетчера въ Москвѣ.

Дѣло это, конечно, должно было еще болѣе убѣдить Горсея и Флетчера въ систематическомъ устраненіи Годуновымъ опасныхъ претендентовъ на тронъ. Для чего нужно было вызывать несчастную вдову съ ребенкомъ въ Россію? Зачѣмъ съ ней такъ жестоко поступили, и почему такъ особенно благопріятно складывались для Годунова обстоятельства?

Невольно является подозрѣніе, что Годуновъ виновникъ смерти отдаленной родственницы Θеодора. Но едва-ли основательно обвинять въ этомъ Годунова; въ его защиту прежде всего говоритъ то обстоятельство, что умерла дочь Маріи Владиміровны, а сама она пережила Бориса. Мать имѣла правъ, во всякомъ случаѣ, не меньше, если не больше своей дочери, а ее оставили въ живыхъ. Если же Годуновъ озаботился вызвать Марію Владиміровну изъ Ливоніи, гдѣ она жила насчетъ польскаго короля, то вѣроятнѣе предположить, что онъ руководился въ данномъ случаѣ скорѣе государственными соображеніями, чѣмъ своими собственными. Вопервыхъ, просто было неприлично, что родственница русскаго царя живетъ на чужбинѣ чуть не въ нищетѣ; во-вторыхъ, и опасно было оставлять при тогдашнихъ отношеніяхъ къ Польшѣ въ рукахъ поляковъ лицъ, имѣвшихъ все-таки нѣкоторое право на наслѣдованіе русскаго престола. Если Марію Владиміровну заключили потомъ въ монастырь, вопреки обѣщанію, то въ данномъ случаѣ ея судьба была не лучше, но и не хуже судьбы всѣхъ тогдашнихъ царицъ и родственницъ царскихъ. Съ точки зрѣнія московскаго правительства это вовсе не было даже наказаніемъ, а обычнымъ порядкомъ.

Въ 1588 г. царь пожаловалъ селомъ Лежневымъ съ деревнями, «что было то село и деревни въ нашихъ дворцовыхъ селѣхъ, княжь Володимерову дочь Ондреевича, короля Арцы Магнуса Хрестьяновича королеву старицу Марθу». Дьякъ Тимоθеевъ, котораго нерасположеніе къ Годунову очень замѣтно въ его трудѣ, объ этомъ поступкѣ Годунова отзывается очень похвально: «Феодоръ въ пресвѣтлыя своея державы дни, по смерти мужа ея, отъ тамо сущаго

нечестія приведе во свѣтъ сего благочестія, изыскавъ ю, въ своего паки наслѣдіе отчество на первое благоразуміе изведъ, съ прижившею ея тамо дщерью жъ. И по воли ея ону во мнишеска облекъ и въ лаврѣ общей нѣкоей близъ своего обыкшаго царскаго путешествія, по своему ихъ достоянію удовливъ, посади, въ оградѣ словесныхъ овецъ и водворитися купно инокинь состадуяся; и ту назираше ю, утѣша частѣ своимъ святопришествіемъ, удовляя потребами, сродство незабытми храня и отча ей недостатки исполняя даже до дне смерти своея. Дщерь же тоя помалѣ премѣнися на будущее, святымъ крещеніемъ оглашена по чину родителну» [1]).

Съ точки зрѣнія Горсея и Флетчера заключеніе въ монастырь, конечно, было тяжкимъ наказаніемъ, съ русской же точки — старица Марѳа и не могла желать ничего лучшаго: не говоря уже о вдовѣ царевича Ивана Ивановича, царица Ирина по смерти мужа отказалась отъ вѣнца и удалилась въ монастырь, гдѣ и приняла монашескій чинъ.

По словамъ Флетчера, въ его время Годуновы не дѣлали даже разницы между своимъ достояніемъ и царскимъ; все поступающее въ царскую казну они считали уже своею собственностью (49). На смѣшеніе доходовъ государственныхъ и Годуновыхъ указываетъ любопытная грамота 1591 г.: старецъ Троицкаго монастыря Варсонофій билъ челомъ государю: «и намъ бы пожаловати ихъ, велѣти, въ руги мѣсто, дати изъ нашего Конюшеннаго Приказу, изъ доходовъ слуги нашего и конюшего и боярина Бориса Ѳедоровича Годунова...» и царь пожаловалъ ихъ просимымъ лугомъ [2]).

Конечно, въ это время правительство и Годуновы были синонимами, и Годуновы свободно распоряжались царскою казною.

Изъ разбора этихъ данныхъ можно придти къ такому заключенію, что въ Москвѣ тогда уже много болтали о стремленіяхъ Годунова и о томъ, что въ дѣйствіяхъ своихъ онъ ничѣмъ не стѣснялся, ни передъ чѣмъ не останавливался. Сколько въ этихъ разговорахъ было правды, сколько лжи, — трудно сказать. Флетчеръ и особенно Горсей, близко наблюдавшій Годунова, утверждаютъ, что уже тогда вѣнецъ былъ цѣлью Годунова. Въ распоряженіи у Флетчера были данныя сомнительнаго характера; борьба Годунова

---

[1]) А. Э. I, 340. Временникъ Ивана Тимоѳеева, 287.
[2]) А. И. I, 229.

съ Шуйскими и Мстиславскимъ изложена совсѣмъ въ неправильномъ свѣтѣ, равно какъ и дѣло Маріи Владиміровны; ни смерть Никиты Романовича Юрьева, ни смерть кн. Голицына отъ руки Годунова не подтверждаются другими показаніями. Пріѣхавъ въ Москву, Флетчеръ попалъ въ круговоротъ слуховъ, сплетенъ.

Флетчеръ былъ въ Москвѣ какъ разъ въ то время, когда митрополитъ Іовъ возведенъ былъ въ санъ патріарха. Но и объ этомъ столь важномъ событіи онъ передаетъ крайне неточно.

Флетчеръ очень много говоритъ о сношеніяхъ Москвы съ католическими державами, Австріей и Испаніей, и думаетъ, что сношенія эти имѣли цѣлью—изгнаніе турокъ изъ Европы. Дѣйствительно, въ сношеніяхъ Москвы съ Римомъ и Цесаремъ объ изгнаніи турокъ рѣчь шла не разъ; но Флетчеръ не говоритъ, вѣроятно по тому, что не знаетъ, что близкія отношенія Москвы и Австріи въ его время объяснялись одинаковостью интересовъ обоихъ государствъ въ Польшѣ; о томъ, какъ непріятно было московскому правительству избраніе въ польскіе короли Сигизмунда, о томъ, что оно поддерживало кандидатуру эрцгерцога Максимиліана,—объ этомъ Флетчеръ упоминаетъ мимоходомъ, но за то учрежденіе патріаршества объясняетъ интригою римской куріи (104—106). По его словамъ, патр. Іеремія (котораго онъ называетъ Іеронимомъ, Hieronomo) константинопольскій перенесъ въ это время свою каѳедру на островъ Sio, Хіосъ, по принужденію турокъ (можетъ быть, титулъ «вселенскій» Флетчеръ понялъ такъ); тогда Іеремія отправился къ римскому папѣ и отъ него пріѣхалъ въ Москву, чтобы убѣдить русскихъ соединиться съ римскою церковью; но не успѣвъ въ этомъ, завелъ переговоры о своемъ отказѣ отъ патріаршества и перенесеніи каѳедры въ Москву. Царь крайне охотно согласился на это, и 25 января 1588 г. (sic) Іеремія торжественно отказался отъ своего сана патріарха константинопольскаго и хіосскаго и передалъ этотъ санъ московскому митрополиту. И, пожалуй, это произведетъ раздоръ въ восточной церкви, такъ какъ греческое духовенство не захочетъ повиноваться патріарху, живущему въ Москвѣ.

Русскіе, дѣйствительно, желали, чтобъ Іеремія остался у нихъ, но это оказалось невозможнымъ осуществить; тѣмъ не менѣе, Флетчеръ принялъ, какъ указано Н. Каптеревымъ, желанія за совершившійся фактъ [1]).

---

[1]) Н. Каптеревъ, Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII ст., 53.

II.

Описаніе современной ему Россіи Флетчеръ начинаетъ съ географіи страны. Когда съ конца XV столѣтія оживились сношенія Московскаго государства съ Западною Европой, тогда же въ западной литературѣ появились первыя по времени географическія описанія Московіи [1]). Эти небольшія описанія при скудости нашихъ отечественныхъ источниковъ за то же время имѣютъ значительную цѣнность и для русской исторической науки. Классическій трудъ барона Герберштейна, заключающій въ себѣ подробнѣйшее и обстоятельное описаніе Московскаго государства по областямъ, съ указаніемъ населенныхъ мѣстъ, качества почвы, рѣкъ и ихъ притоковъ, условій судоходства по нимъ и т. п., достойнымъ образомъ завершаетъ первую эпоху иностранныхъ описаній Московскаго государства. Этимъ трудомъ географическое положеніе Московскаго государства настолько было выяснено въ западной литературѣ, что позднѣйшіе иностранные писатели о Россіи останавливались по преимуществу на условіяхъ политической и общественной жизни русскаго народа; географическія же описанія, которыми обыкновенно начинается всякое мало-мальски подробное сочиненіе о Россіи, служили необходимымъ введеніемъ, потому что въ западномъ обществѣ понятія объ отдаленной Московіи были еще слишкомъ сбивчивы и мало распространены, чтобы авторъ сочиненія могъ рѣшиться выбросить краткій географическій обзоръ тогдашней Россіи. Понятно, что подобныя географическія описанія не могутъ имѣть большой цѣнности для русской науки; ихъ значеніе—въ наукѣ западной, поскольку они вносили въ тогдашнюю географическую литературу новыя и достовѣрныя свѣдѣнія о Россіи; и это тѣмъ болѣе, что съ половины XVI вѣка число дошедшихъ до насъ отечественныхъ извѣстій возрастаетъ замѣтно съ каждымъ десятилѣтіемъ: отъ второй половины этого вѣка мы имѣемъ массу разнообразнѣйшихъ актовъ, имѣемъ достаточно писцовыхъ книгъ, заключающихъ въ себѣ статистическія описанія разныхъ городовъ и уѣздовъ; имѣемъ даже общія обозрѣнія Московскаго государства—завѣщаніе Грознаго, книгу Б. Чертежа (начала XVII в.). Если для того, чтобы составить карту Россіи начала XVI в., необходимо положить въ

[1]) Барбаро, Контарини, Іовій, Мѣховскій и др.

основаніе данныя Герберштейна, провѣренныя и дополненныя современными русскими извѣстіями, то уже для составленія карты Россіи послѣдней четверти того же вѣка можно основываться исключительно на данныхъ русскихъ архивовъ, дополняя ихъ кое-гдѣ иностранными показаніями. Вотъ почему географическія данныя Герберштейна и вызвали такой обстоятельнѣйшій критическій разборъ, какой представленъ Е. Е. Замысловскимъ въ его капитальномъ трудѣ «Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи»; послѣ появленія этого труда было бы совершенно излишнимъ подвергать такому же подробному разбору извѣстія географическія послѣдующихъ иностранцевъ, въ томъ числѣ и извѣстія Флетчера. Очевидно, что для русской исторической науки значительнѣйшая часть его географическихъ извѣстій не имѣетъ цѣны; оцѣнка этихъ извѣстій необходима только для полноты сужденія о «Of the Russe Common Wealth» и его авторѣ, насколько онъ стоялъ на высотѣ тогдашнихъ научныхъ знаній, насколько онъ зналъ тогдашнюю Россію. Въ виду этого вышеупомянутое капитальное изслѣдованіе Е. Е. Замысловскаго получаетъ особую для насъ цѣнность: въ этомъ сочиненіи подведенъ итогъ западно-европейскимъ свѣдѣніямъ о Россіи; опираясь на это изслѣдованіе, нетрудно опредѣлить, что новаго вноситъ Флетчеръ въ общее достояніе науки, вызваны-ли эти новыя извѣстія перемѣнившимися условіями русской жизни, или болѣе точнымъ знаніемъ страны; съ другой же стороны—легко видѣть, въ чемъ нашъ авторъ уступаетъ своимъ предшественникамъ.

Россія, называвшаяся прежде Сарматіей, получила свое теперешнее названіе отъ раздѣленія своего на мелкія, другъ отъ друга независимыя княжества: «Русь на ихъ языкѣ значитъ раздѣлить, расчленить» (for Russe in that tongue doth signifie asmuch as te parte or to divide, стр. 1); мы уже видѣли, что Флетчеръ отвергъ встрѣчавшееся ему въ тогдашнихъ сочиненіяхъ производство слова «Россія» отъ слова «Роксалане», отвергъ это производство такъ рѣшительно, между прочимъ, и потому, что имѣлъ слишкомъ смутныя представленія о древней русской исторіи. Производство «Россіи» отъ корня «росъ — раздѣлить» слѣдуетъ признать общепринятымъ въ литературѣ XVI вѣка, впервые предложенными Герберштейномъ [1]), Въ прежнія времена, до своего раз-

[1]) Такое же толкованіе слова «Россія» предложено Герберштейномъ со словъ русскихъ, см. Е. Е. Замысловскаго «Герберштейнъ и его историко-гео-

дѣленія (т. е. до Рюрика и его братьевъ), страна называлась Сарматіей и раздѣлялась на двѣ части—Бѣлую и Черную. Бѣлая Сарматія лежала къ сѣверу, это—теперешнія области: Двина, Вага, Устюгъ, Вологда, Каргополь, Новгородъ Великій; Черная Сарматія лежала къ югу по направленію къ Эвксинскому Понту или Черному морю, т. е. княжества Владимірское, Московское, Рязанское и др. (2). У Лаоника Халкондила Флетчеръ могъ встрѣтить такое же раздѣленіе Сарматіи: южную, Черную, и сѣверную, Бѣлую [1]).

Объясненіе названія «Сарматія» Флетчеръ не даетъ; но отвергаетъ встрѣченное имъ, вѣроятно, у Кромера объясненіе, что Сарматія получила свое названіе отъ нѣкоего Сармата или Асармата, сына Іектана, племянника Евера. Флетчеръ полагаетъ, что эта догадка явилась только вслѣдствіе близости именъ; на самомъ же дѣлѣ Іектаново потомство жило близъ рѣки Евфрата, и мало вѣроятія, чтобы Асарматъ основалъ колоніи такъ далеко (2).

Границы Россіи Флетчеръ указываетъ очень неопредѣленно. На сѣверѣ Россія граничитъ Лапландіей и Сѣвернымъ океаномъ, на югѣ—съ крымскими татарами, на востокѣ—съ ногайскими татарами, которымъ принадлежитъ вся земля на востокъ отъ Волги по направленію къ Каспійскому морю; на западѣ и юго-западѣ—съ Литвой, Ливоніей и Польшей (2); Флетчеръ прибавляетъ, что на сѣверѣ, за Колой и Печенгой, къ Вардгузу, граница точно не проведена, такъ какъ владѣнія Россіи, Швеціи и Даніи тамъ перемѣшаны. Границы указаны очень неопредѣленно и невѣрно: даже западная граница, которая должна бы быть болѣе извѣстной Флетчеру, и та проведена крайне неточно: вовсе не показано, чтобы Россія граничила на западѣ со Швеціей; показаны, какъ пограничныя съ Россіей земли, Польша и Ливонія, между тѣмъ какъ слѣдовало или указать Польшу, какъ сосѣднее государство, или Ливонію, какъ пограничную съ Россіей, область. Восточная граница Россіи проведена не лучше западной. Показавъ Волгу и землю ногаевъ восточною нашею границей и перечисляя дальше об-

графическія извѣстія о Россіи», 397; такое же объясненіе слова Россія дали у насъ Даніилу Принцу, op. cit., 1. Производство имени «Россія отъ Роксоланъ» встрѣчается также у Іовія и въ космографіи Себастіана Мюнстера, см. Е. Е. Замысловскій, op. cit., 380; также въ статьѣ его же о этой космографіи въ «Ж. М. Нар. Пр.» 1880 г. № 9.

[1]) См. Laonici Chalcondylae, боннское изданіе 1843 г., 131. Дѣленіе Россіи на Красную, Черную и Бѣлую есть и на извѣстной картѣ фра-Мауро, см. въ вышеприведенной статьѣ Е. Е. Замысловскаго.

ласти, завоеванныя русскими государями, въ томъ числѣ Сибирь, Казань, Астрахань, Флетчеръ этимъ самымъ какъ бы даетъ понять читателю, что раньше онъ говорилъ о границахъ Россіи, а не русскаго государства; но такого объясненія—именно, что онъ хотѣлъ дать границы Россіи, какъ страны, населенной русскимъ народомъ,—допустить нельзя, потому имъ вовсе не очерчены границы русскаго племени, не говоря уже о томъ, что ни изъ одного мѣста его сочиненія не видно, чтобы онъ зналъ о существованіи западной Россіи.

Въ главѣ XIX (Сосѣди Россіи, The borderers of Russia) Флетчеръ указываетъ только на три народа, пограничные съ русскими: татаръ, поляковъ, которыхъ русскіе называютъ также лехами, и шведовъ (85); но здѣсь не упомянуты ни литовцы, ни нѣмцы ливонскіе.

Очевидно, что онъ не имѣлъ яснаго представленія о предметѣ, о которомъ говоритъ, и его опредѣленіе границъ не можетъ даже идти въ сравненіе съ такимъ же указаніемъ Герберштейна, который указываетъ и предѣлы Московскаго государства и предѣлы Русіи, т. е. границы русскаго народа [1]).

Давъ такое неточное очертаніе предѣловъ Россіи, Флетчеръ, само собой разумѣется, не могъ дать отвѣта на вопросъ, который очень интересовалъ тогдашнихъ ученыхъ и на который еще не было удовлетворительнаго отвѣта. Это вопросъ о пространствѣ, за-

[1]) Е. Е. Замысловскій, op. cit., 396: «Руссія граничитъ съ сарматскими горами недалеко отъ Кракова, и прежде простиралась по теченію Тираса, который туземцы называютъ Днѣстромъ, до Евксинскаго Понта и до рѣки Борисѳена». «Нынѣ между устьями обѣихъ рѣкъ находятся пустыни. Если все подыматься по Борисѳену, то придемъ къ городу Черкасамъ, лежащему на западъ, а оттуда къ весьма древнему городу Кіеву, нѣкогда столицѣ Руссіи; тамъ же за Борисѳеномъ лежитъ область Сѣверская, еще обитаемая; если отъ нея идти прямо на востокъ, то встрѣтите истоки Танаиса. Потомъ надобно проѣхать длинный путь по теченію Танаиса до сліянія рѣкъ Оки и Ра, и, наконецъ, перейдя рѣку Ра (миновать) очень длинный путь, (чтобы достигнуть) Сѣвернаго моря; затѣмъ (русская граница) возвращается оттуда назадъ (направляется на югъ), мимо народовъ, подвластныхъ королю Швеціи, около самой Финляндіи и Ливонскаго залива, черезъ Ливонію, Самогитію, Мазовію къ Польшѣ и, наконецъ, оканчивается Сарматскими горами». Границы Московіи (тамъ же, 400 и сл.): «р. Полна отдѣляетъ владѣнія московскаго государя отъ Финляндіи, р. Нарова—отъ ливонскихъ владѣній, селенія Corsula между Полоцкомъ и Опочкой, Смоленскъ, р. Борисоенъ—граница между владѣніями короля польскаго и великаго князя московскаго, р. Сура раздѣляетъ владѣнія царей московскаго и казанскаго».

нимаемомъ Россіей. Матвѣй Мѣховскій опредѣлилъ протяженіе Россіи съ запада на востокъ въ 500 нѣмецкихъ миль или въ 2.500 русскихъ верстъ; по Герберштейну, это протяженіе равнялось только 330 или 380 милямъ; Тьеполо далъ 1.800 итальянскихъ миль въ длину отъ запада къ востоку и 1.600 ит. миль въ ширину отъ устья Дона до устья Сѣв. Двины.

Писавшій о Россіи Руджіеро полагалъ, что Россія въ длину имѣетъ 3.000 ит. миль, въ ширину даже 5.100 ит. миль (итальянская миля въ пять разъ меньше нѣмецкой) [1].

Дженкинсонъ, Христофоръ Борро и другіе англичане произвели уже измѣренія географическихъ долготъ и широтъ разныхъ мѣстностей Россіи; измѣренія эти не всегда были точны, но, во всякомъ случаѣ, они давали полную возможность опредѣлить пространство Россіи гораздо точнѣе и вѣрнѣе предъидущихъ опредѣленій [2]. Флетчеръ, однако, не воспользовался подобными измѣреніями, а вмѣсто этого далъ протяженія очень далекія отъ истины: отъ сѣвера къ югу (отъ Колы до Астрахани) протяженіе Россіи— 4.260 верстъ, отъ запада къ востоку (отъ Нарвы до Сибири) — 4.400 верстъ. Флетчеръ оговаривается, что направленіе отъ Колы къ Астрахани склоняется нѣсколько къ востоку, но за то владѣнія русскаго царя простираются далеко къ сѣверу за Колу къ Вардгузу (3) [3].

Цифры эти слишкомъ велики и ошибочнѣе данныхъ Мѣховскаго и Герберштейна; слѣдовательно, Флетчеръ нисколько не подвинулъ рѣшенія этого вопроса и не только не воспользовался, но и не зналъ даже измѣреній своихъ предшественниковъ, которые

---

[1]) Е. Е. Замысловскій, op. cit., 362—363. Hist. Russ. Mon. I. №№ 135 и 148.

[2]) Широты, опредѣленныя Дженкинсономъ: Москва—55°10′, Новгородъ Великій—58°26′, Новгородъ Нижній—56°33′, Холмогоры—64°10′, Вологда—59°11′, Казань — 55°33′, Астрахань — 47°9′; широта 64°54′. Христофоръ Борро, кромѣ широтъ, которыя нѣсколько разнятся отъ вычисленій Дженкинсона, приложилъ и рядъ долготъ: Михаилъ Архангелъ — 42° 30′, Холмогоры—42°15′, Тотьма—40°45′, Вологда—40° и 39°36′, Свіяжскъ—31°, Тетюши—28°29′, Астрахань—29°36′ и 26°35′.

[3]) Флетчеръ оговаривается (3), что направленіе отъ Колы на Астрахань не прямо съ сѣвера на югъ, а нѣсколько на юго-востокъ; но прибавляетъ что владѣнія русскаго царя простираются за Колу по рѣкѣ Tromschua, текущей на протяженіи 1.000 верстъ, далеко за Печенгой, около Вардгуза. Русскую версту Флетчеръ опредѣляетъ равною 3/4 англійской мили; по счету русскихъ верста равняется 1.000 шагамъ (4).

8

широту Колы опредѣлили въ 65°48′ (вмѣсто 68°53′), Астрахани—въ 41°10′ (вмѣсто 46°21′), т. е. дуга между параллелями Колы и Астрахани равняется всего 22°32′ (а по ихъ измѣреніямъ равнялась 19°38′) или около 2.300 верстъ вмѣсто 4.260 верстъ, данныхъ Флетчеромъ.

Также неточно опредѣлилъ Флетчеръ въ другомъ мѣстѣ разстояніе отъ устья Двины до южной украины Московскаго государства, до границы съ землями крымскихъ татаръ. Отъ устья Двины до Вологды Флетчеръ полагалъ 1.700 верстъ, да отъ Вологды къ Москвѣ до украины тоже 1.700 верстъ.

Дженкинсонъ считалъ отъ устья Двины до Москвы только 1.457 верстъ, по другимъ англійскимъ измѣреніямъ — 1.465 и 1.520 верстъ, по книгѣ Большаго Чертежа—1.460 верстъ [1]); еще грубѣе ошибка полагать, что отъ Вологды до Крымской украины было также 1.700 верстъ; вѣдь въ то время уже Тула, Веневъ, Епифань были украинными городами, да и самъ Флетчеръ зналъ, что Рязань самая юго-восточная область Россіи (5).

Какихъ-либо замѣчаній объ устройствѣ поверхности Восточной Европы Флетчеръ не дѣлаетъ.

Равнымъ образомъ и замѣчанія по гидрографіи лишены въ общемъ интереса. Флетчеръ замѣчаетъ, что Россія прекрасно орошена; перечисляетъ главнѣйшія русскія рѣки: Волгу (Volgha), Днѣпръ (Boristhenes nov called Neper), Донъ (Tanais or Don), Сѣверную Двину (Duyna), при впаденіи которой въ море находятся высокія алебастровыя скалы (единственныя возвышенности въ Россіи, которыя отмѣчали иностранцы; ни холмовъ Московской области, ни Валдайской возвышенности они какъ-то совсѣмъ не замѣчали), Западную Двину (Duna), Онегу (Onega), Сухону (Suchana, Sukhona), Оку (Ocka), Москву (Moskua), Вычегду (Wichida), Колу (river of Cola) и др. По какому-то недоразумѣнію, р. Вычегда показана у Флетчера, какъ притокъ Волги. Интереснѣе его другая крупная ошибка, на которую обратилъ вниманіе покойный Ильинскій. Флетчеръ говоритъ, что рѣка Онега, впадающая въ

---

[1]) Въ примѣчаніи 11 къ «Московіи» Джона Мильтона Ю. В. Толстымъ сведены разныя показанія о разстояніи между Св. Николаемъ и Москвой; здѣсь указаны три англійскихъ измѣренія: одно—Дженкинсона, другое—напечатанное у Гаклюйта и третье—найденное въ бумагахъ лорда Берлея; по первому — все это разстояніе равняется 1.457 верстамъ, по второму — 1.520 верстъ, по третьему — 1.465 верстъ; по книгѣ Большаго Чертежа — 1.460 верстъ.

Соловецкій заливъ въ 90 верстахъ отъ порта Св. Николая, выше города Каргополя встрѣчается (meeteth with the river Volock) съ рѣкою Волокомъ, которая впадаетъ въ Финскій заливъ у города Ямы, такъ что можно водою проѣхать отъ порта Св. Николая въ Финскій заливъ и дальше—черезъ Зундъ, что и было сдѣлано русскими (7). Покойный Ильинскій прекрасно истолковалъ эту ошибку Флетчера [1]). Найдя въ писцовой книгѣ заонежской половины 1582 г. указанія на «нѣметцкой волочекъ» въ Покровскомъ погостѣ на рѣкѣ Вытегрѣ, Ильинскій и предположилъ, что Флетчеръ принялъ Волокъ за названіе рѣки, впадающей въ Финскій заливъ. Изъ указаній же Флетчера, что этотъ волокъ встрѣчается съ рѣкою Онегой выше Каргополя, Ильинскій вывелъ заключеніе, что нѣмецкій волочекъ начинался на р. Вытегрѣ, а оканчивался у озера Лача, отстоящаго въ 3 верстахъ отъ Каргополя; всего протяженіемъ этотъ волокъ былъ около 40 тогдашнихъ верстъ; этотъ торговый путь шелъ по Онегѣ только до пристани Маркомусы, затѣмъ опять волокомъ до Шемховской пристани на р. Емцѣ, притокѣ Сѣверной Двины. Возможно, что товары везли какъ этимъ путемъ, такъ и рѣкою Онегою до впаденія ея въ море.

Флетчеръ, во всякомъ случаѣ, своей ошибкой далъ возможность опредѣлить точно важный торговый путь. Мы уже видѣли [2]), что англичане усиленно искали воднаго пути, по которому можно было бы отправлять товары отъ мѣста ихъ пристанища къ Финскому заливу и Новгороду. Очевидно, что какъ самые поиски такого воднаго пути, такъ и результаты этихъ поисковъ остались для Флетчера неизвѣстными; а слово «волокъ» онъ принялъ за названіе русской рѣки.

Также малоцѣнны извѣстія Флетчера о климатѣ и почвѣ страны.

Климатическія условія Россіи поражали всѣхъ иностранцевъ, по преимуществу, суровостью зимы. Отзывъ Флетчера не отличается ни новизною, ни даже оригинальностью; мы уже видѣли, что Флетчеръ описываетъ русскую зиму словами Герберштейна и притомъ не совсѣмъ удачно. Е. Е. Замысловскій, разбирая извѣстія Герберштейна по этому вопросу, подробно остановился на вопросѣ, можно-ли говорить о значительной разницѣ въ температурахъ XVI и настоящаго столѣтій, какъ полагалъ Рулье, думавшій, что мѣст-

[1]) Ж. Мин. Нар. Пр. 1876, № 6.

[2]) См. 23 стр.

ность древней Москвы имѣла совсѣмъ другой климатъ сравнительно съ настоящимъ. Единственной причиной, которая могла бы значительно измѣнить климатъ въ этихъ мѣстахъ, можно считать лѣсоистребленіе; конечно, въ XVI вѣкѣ гораздо большая площадь находилась подъ лѣсами; но Е. Е. Замысловскій, на основаніи разбора наиболѣе авторитетныхъ мнѣній, полагаетъ, что на среднюю годовую температуру мѣстности лѣсъ не оказываетъ сколько-нибудь замѣтнаго вліянія [1]).

Также поверхностно и только въ общихъ чертахъ говоритъ Флетчеръ о качествѣ почвы въ Россіи. П. А. Соколовскій по извѣстіямъ иностранцевъ далъ характеристику русской почвы XVI в.; по его мнѣнію, она отличалась производительностью, которая можетъ показаться теперь почти невѣроятной. Область Владимірская, Нижегородская, особенно мѣстности по берегамъ Оки давали отъ 20 — 30 зеренъ; Ярославская область была одною изъ плодороднѣйшихъ. Рязанская земля превосходила плодородіемъ всѣ остальныя: лошади не могли проѣхать черезъ густыя нивы. Для рѣшенія этого въ высшей степени интереснаго и важнаго вопроса показанія Герберштейна являются единственнымъ источникомъ. Писцовыя книги XVI и XVII вѣковъ опредѣляютъ землю доброю, середнею, худою и даже добрехудою, но, какъ это указано А. С. Лаппо-Данилевскимъ, мѣриломъ доброкачественности земли была доходность ея, опредѣляемая притомъ не сравненіемъ земель всего государства, а сравненіемъ доходности земель лишь въ предѣлахъ одной области и даже одного уѣзда, такъ что суглинокъ въ нечерноземной полосѣ показывался «доброю» землею, какъ и черноземъ въ черноземной полосѣ [2]).

Герберштейнъ далъ характеристику почвы каждой области тогдашней Россіи, и его данныя были провѣрены и дополнены Е. Е. Замысловскимъ по разнымъ геологическимъ и сельско-хозяйственнымъ изданіямъ [3]). Флетчеръ ограничивается такими замѣчаніями, что въ общемъ почва Россіи песчана, что плодород-

---

[1]) Е. Е. Замысловскій, op. cit., XXII глава.

[2]) А. С. Лаппо-Данилевскій, Организація прямаго обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій, 222—224. П. А. Соколовскій, Очеркъ экономическаго быта земледѣльческаго населенія Россіи и колонизаціи юго-восточныхъ степей предъ крѣпостнымъ правомъ, 1.

[3]) Е. Е. Замысловскаго, op. cit., глава XX. Данныя Герберштейна о почвѣ провѣрены и дополнены главнымъ образомъ по почвенной картѣ Европейской Россіи съ объяснительнымъ текстомъ.

нымъ пространствомъ можно считать земли отъ Вологды до Крымской украйны и отъ Рязани къ Смоленску и Новгороду. Къ сѣверу и сѣверу-востоку лежатъ страны, гдѣ земли не обрабатываются вслѣдствіе крайней суровости климата; къ юго-востоку, почва хотя и очень плодородна, но не населена вовсе, такъ какъ крымскіе татары ни сами не живутъ, ни позволяютъ русскимъ селиться тамъ (4).

Такая характеристика русской почвы слишкомъ неопредѣленна, чтобы она могла имѣть какое-либо значеніе. Если Флетчеръ хотѣлъ указать наиболѣе плодородныя земли, то непонятно, почему онъ подводитъ подъ одну категорію такія плодородныя земли, какими были въ XVI вѣкѣ рязанскія и сѣверскія, и такія неплодородныя, какими были новгородскія? Если же Флетчеръ хотѣлъ опредѣлить границы пространства, гдѣ населеніе занимается земледѣліемъ, то невѣрно было исключать области, лежавшія выше Вологды по Сухонѣ и Двинѣ.

Что касается до произведеній царства растительнаго, животнаго и минеральнаго, то они у Флетчера (глава III), какъ, впрочемъ, и у большинства иностранцевъ, перепутаны. Онъ перечисляетъ произведенія Россіи, останавливаясь, преимущественно, на тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣли торговое значеніе.

1) На первомъ мѣстѣ поставлены плоды: яблоки, груши, сливы, вишни, дыни, огурцы, арбузы, ягоды и т. п.

2) Во-вторыхъ—хлѣбные злаки: пшеница, рожь, ячмень, овесъ, горохъ, греча, просо.

3) Затѣмъ слѣдуютъ предметы торговли: мѣха, медъ и воскъ, сало и кожи, ворвань, икра, пенька и ленъ, соль, деготь, рыбьи зубы (клыки моржа), слюда, желѣзо, селитра.

Наконецъ, онъ указываетъ на такіе виды млекопитающихъ, птицъ и рыбъ, которые не встрѣчаются въ Англіи.

Почти въ такомъ же порядкѣ перечисляетъ предметы произведеній русской природы Маржеретъ [1]), но онъ не останавливается на этомъ такъ подробно, какъ это дѣлаетъ Флетчеръ. Англичане вели съ Россіей столь обширную торговлю, богатства вновь открытаго края настолько ихъ интересовали, что нисколько неудивительны обстоятельность и подробность Флетчера въ данномъ случаѣ: Ричардъ Чанслоръ, Джонъ Гассе съ особенною подробностью останавливались именно на этихъ же предметахъ.

---

[1]) Сказанія современниковъ, 273 и сл.

Столь обстоятельное, однако, перечисленіе произведеній русской природы уже само по себѣ имѣетъ большую цѣну. По таможеннымъ грамотамъ того времени можно узнать предметы внутренней торговли: рожь, ячмень, овесъ, солодъ, конопля, макъ, пшено, горохъ, заспа, греча, толокно, рыба сухая, хмель, вощина, орѣхъ, рѣпа, чеснокъ, лукъ, ягоды, клюква, брусника, душица, зола, листъ яблонный, яблоко, слива, сѣно, дрова, лѣсъ, зола, деготь, кожи, рогатый скотъ, свиньи, бараны; бѣлка, соболь, куница, бобръ, осетръ, стерлядь, бѣлуга, семга, лосось, снгъ, лодога, лещь, бѣлая рыба и др. [1]). Въ писцовыхъ книгахъ также указаны подробно предметы внутренней торговли, а наиболѣе полное и обстоятельное исчисленіе русскихъ произведеній, шедшихъ за-границу, находимъ въ Торговой книгѣ [2]); дополнивъ ими списокъ предметовъ, указанныхъ въ таможенныхъ грамотахъ, мы получимъ всѣ произведенія растительнаго, животнаго и ископаемаго міровъ тогдашней Россіи.

Торговая книга указываетъ 54 вида товаровъ, шедшихъ за границу; большая часть ихъ указана и Флетчеромъ, и притомъ наиболѣе цѣнные предметы; изъ значительныхъ предметовъ пропущены: канатная пряжа (Флетчеръ говоритъ объ отпускѣ льна и конопли: тутъ онъ, можетъ быть, подразумѣвалъ и канатную пряжу), масло, клей, зола и мыло.

Переходимъ къ частному разбору. Изъ предметовъ растительнаго міра Флетчеръ подробнѣе останавливается, конечно, на хлѣбныхъ злакахъ.

Хлѣба въ Россіи такъ много, что пшеница иногда продается по два алтына четверть, которая равняется почти тремъ англійскимъ бушелямъ (8). Уже самое опредѣленіе четверти весьма важно; оно вмѣстѣ съ данными другихъ источниковъ дало возможность В. О. Ключевскому придти къ заключенію, что во второй половинѣ XVI вѣка ходячей хлѣбной мѣрой была четверть въ четыре старыхъ пуда или $4^2/_3$ нынѣшнихъ пуда [3]). Неудачно только Флетчеръ выбралъ пшеницу для того, чтобы показать, насколько дешевъ хлѣбъ въ Россіи, потому что пшеница не играла большой

[1]) А. Э. I, 331, 332, 335 и др.

[2]) Торговая книга, время составленія которой издатель относитъ къ 1575—1610 гг., цитируется нами по «Запискамъ отдѣленія русской и славянской археологіи Императорскаго Археологическаго Общества», т. I. Спб. 1851 г.

[3]) В. О. Ключевскій, Русскій рубль XVI—XVIII вв., 10.

роли въ народномъ хозяйствѣ и, слѣдовательно, на рынкѣ. Свою ошибку Флетчеръ нѣсколько исправляетъ, опредѣляя московскую дороговизну, какъ время, когда, напр., пшеница и рожь продаются по 13 алтынъ четверть. Но даже эта дороговизна происходитъ, по мнѣнію Флетчера, не столько отъ дѣйствительнаго недостатка въ хлѣбѣ, сколько отъ алчности дворянства, скупающаго хлѣбъ. Такое же обвиненіе на землевладѣльцевъ возводитъ Авраамій Палицынъ, который во 2-й главѣ своего сказанія говоритъ, что въ смуту народъ, между прочимъ, питался и старымъ хлѣбомъ, который былъ спрятанъ владѣльцами еще во время голода при царѣ Борисѣ: «гумна же препаполнены одоней и копенъ и взородовъ и до четырехънадесятъ лѣтъ, отнелѣже смятеніе бысть во всей русской земли» [1]). Объясненіе это все-таки остается одностороннимъ, потому что при тогдашнихъ путяхъ сообщенія и при неустройствѣ вообще торговыхъ сношеній, хлѣбный рынокъ отличался крайнею неустойчивостью: достаточно было случиться неурожаю гдѣ-либо, чтобы тамъ быстро поднялись хлѣбныя цѣны.

Цѣна четверти хлѣба (пшеницы или ржи, едва-ли въ то время была замѣтная разница между цѣною этихъ хлѣбовъ) въ 2 алтына для 80-хъ годовъ XVI в. кажется слишкомъ низка; вѣроятно, Флетчеру кто-нибудь умышленно сказалъ столь низкую цѣну, чтобы больше его поразить.

Герберштейнъ даетъ для своего времени еще болѣе низкую цѣну; въ его время, конечно, хлѣбъ стоилъ еще дешевле, или деньги стоили еще дороже. «Въ Вологдѣ—пишетъ Герберштейнъ—была такая дороговизна хлѣба, что одна мѣра, употребляющаяся у нихъ, продавалась по 14 денегъ, тогда какъ въ другое время въ Московіи она обыкновенно продается по 4, 5 и 6 денегъ». Въ примѣчаніяхъ Карамзина находимъ такія указанія: подъ 1561 г.: «Того же лѣта было сухо: яровой хлѣбъ не родился, присохъ бездождіемъ, и куплена отъ того слѣтья рожь по 16 ден., овесъ по 12 ден., а жито по 20 ден., а пшеницу по 11 ден.»; подъ 1570 г.: «Грѣхъ ради нашихъ бысть гладъ во всю русскую землю: рожь купили на Москвѣ по 60 алт., а на Вологдѣ по рублю, и по всѣмъ городамъ также; а на Устюгѣ по 18 алт., а на Холмогорахъ по 20 алт., и много людей померло со гладу; а овесъ купили по 12 алтынъ, а ячменю по 20 алт., а пшеницу по 30 алт.»; о голодѣ во время пребыванія Флетчера: «Гладъ бысть въ Новѣгородѣ и по

[1]) С. Ѳ. Платоновъ, Древнерусскія сказанія и повѣсти, 177.

селамъ; ржи купили четверку по 20 алт.; а по селомъ купить было не добыть».

В. О. Ключевскимъ по одному хронографу указана цѣна хлѣба еще болѣе дешевая, чѣмъ у Флетчера; именно хронографъ этотъ, говоря о голодѣ, начавшемся въ московской землѣ съ 1601 года, замѣчаетъ, что до этого голода хлѣбъ покупали по $4^{1}/_{2}$ и 5 денегъ; но всѣ нормальныя цѣны, пріуроченныя къ извѣстному мѣсту и времени, по изслѣдованію В. О. Ключевскаго, выше дешевыхъ цѣнъ Герберштейна, Флетчера и хронографа. Такъ, въ 1576 г. Вологодскій Корниліевъ Комельскій монастырь купилъ четверть пшеницы за 4 алтына, въ 1577 г. онъ же заплатилъ за четверть ржи и четверть пшеницы 10 алт., за 3 четв. ржи заплатилъ 10 алтынъ. Флетчеръ говоритъ, что въ его пріѣздъ четверть пшеницы или ржи стоила по 13 алт., т. е. 78 ден.; въ Бѣлозерскомъ краѣ она стоила уже въ 1587 г. 14 алт.; въ Новгородскомъ краѣ въ 1589 г. 20 алт. [1]).

Однимъ словомъ, Флетчеръ дѣйствительно далъ слишкомъ низкія цѣны. Только въ Перми и сѣверныхъ частяхъ Россіи хлѣба не хватаетъ для населенія, и оно принуждено питаться хлѣбомъ изъ корня, называемаго «vaghnoy», смѣшаннаго съ еловой корой. По словамъ Традесканта, на сѣверѣ сѣяли рожь въ іюлѣ, пшеницу въ іюнѣ; поспѣвали онѣ къ августу или сентябрю слѣдующаго года; овесъ же, ячмень и горохъ сѣяли тамъ въ маѣ, собирали уже въ началѣ августа или даже въ концѣ іюля [2]).

Ленъ и конопля тогда составляли также одну изъ наиболѣе значительныхъ статей русскаго отпуска. По словамъ Флетчера (12), въ прежнее время отправляли Нарвскимъ портомъ до 100 кораблей, нагруженныхъ исключительно этимъ товаромъ. Насколько эти цифры достовѣрны и почему во время Флетчера эта торговля упала, мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ. Льномъ славится больше всего Псковская область, коноплей — Смоленскъ, Дорогобужъ и Вязьма.

Объ изобиліи льна во Псковѣ, равно какъ Новгородѣ, Вологдѣ, Ярославлѣ, говорятъ и другіе иностранцы—Барберини, Ульфельдъ, Ричардъ Чанслоръ; во Псковѣ былъ даже особый гостиный льняной дворъ, въ которомъ былъ 81 амбаръ. О значительной

---

[1]) Герберштейнъ, op. cit., 121. Карамзинъ, пр. IX, 95, и пр. X, 356. Русскій рубль, 28.

[2]) Гамель, op. cit., 139.

культурѣ конопли въ предѣлахъ Смоленской области можно судить по указанію Торговой книги, что «сѣменнаго масла бочка селедовка стоитъ 6 р. 20 алт. Въ смоленской бочкѣ полторы селедовки; а на Москвѣ купятъ смоленскую бочку масла по 2 р. 25 алт.» [1]). Смола доставлялась также преимущественно изъ Двинской и Смоленской областей (13).

Лѣсные, смоляные и поташные заводы въ то время при обиліи лѣсовъ разсѣяны были по всему государству. Въ области Двинской и Смоленской, какъ наиболѣе лѣсистыхъ, эти промыслы были особенно развиты, въ Двинской тѣмъ болѣе, что съ развитіемъ морской заграничной торговли на смолу (смольчугу) явился большой спросъ со стороны иностранныхъ корабельщиковъ.

Изъ царства животнаго Флетчеръ останавливается (14) на нѣкоторыхъ видахъ, которые въ Англіи не встрѣчаются, какъ-то: лось, олень, дикая лошадь, медвѣдь, россомаха, рысь, боберъ, соболь, куница, черная и бурая лисица (blacke and dunne fax), бѣлый медвѣдь, горностай, бѣлка, векша. Но Флетчеръ ограничивается только перечисленіемъ этихъ видовъ; если же иногда и дѣлаетъ кое-какія замѣчанія о русскихъ лошадяхъ, овцахъ, то замѣчанія эти не представляютъ ничего новаго и интереснаго.

Болѣе цѣнными являются сообщенія Флетчера о тѣхъ произведеніяхъ животнаго царства, которыя служили предметомъ торговли. Такими предметами, по сообщенію Флетчера, были: мѣха, кожи, сало и ворвань, рыбьи зубы, т. е. клыки моржа.

1) У Флетчера перечислены почти всѣ виды русскихъ мѣховъ: лисицы разныхъ цвѣтовъ (въ томъ числѣ и бѣлая лисица, т. е. песецъ), соболь, рысь, куница, горностай, бѣлка, медвѣдь, россомаха и боберъ. Сопоставляя эти извѣстія Флетчера съ извѣстіями Герберштейна по тому же вопросу, разобранными Е. Е. Замысловскимъ, видимъ, какъ замѣтно уже тогда съуживалась область распространенія пушныхъ звѣрей въ Европейской Россіи. По свидѣтельству Герберштейна, черныя лисицы водились въ изобиліи въ Двинской области, въ Важской области ловились лисицы всѣхъ другихъ цвѣтовъ; по Флетчеру, лучшіе мѣха черныхъ и красныхъ лисицъ доставлялись изъ Сибири, другихъ цвѣтовъ—изъ Печорской области. О мѣстообитаніи бобра Герберштейнъ ничего не говоритъ потому, вѣроятно, что, судя по нашимъ актамъ, бобры ловились тогда

---

[1]) Торговая книга въ З. О. Ар. I, 134; Чт. Общ. Ист. и Древн., 1884, № 4; Н. Д. Чечулинъ, Города Московскаго государства, 134.

даже въ центральныхъ уѣздахъ Московскаго государства; Флетчеръ уже отмѣчаетъ, что лучшіе бобры ловятся на Мурманскомъ берегу около города Колы. Лоси, шкуры которыхъ тоже служили важною статьей отпуска, по Флетчеру, встрѣчаются, главнымъ образомъ, въ областяхъ Ростовской, Новгородской, Муромской, Пермской по рѣкѣ Вычегдѣ; въ прежнее же время лоси обитали во всей Европѣ. О соболяхъ оба автора, Герберштейнъ и Флетчеръ, говорятъ одинаково, равно какъ и о куницахъ и другихъ звѣряхъ [1]).

Если область распространенія пушныхъ звѣрей и сокращалась, то во всякомъ случаѣ, сравнительно съ нынѣшнею, она и въ концѣ XVI вѣка оставалось еще очень значительною. Завоеваніе Казани и Сибири еще увеличили богатства Россіи пушнымъ товаромъ.

2) Изъ кожъ, по показанію Флетчера, продавались: лосиныя, яловичьи и козлиныя. Торговая книга почему-то ничего не говоритъ о козьихъ кожахъ; Антонъ Мершъ писалъ въ своей челобитной царю Θедору Іоанновичу, что онъ долженъ былъ послать во Францію 300 козлиныхъ кожъ; въ XVII вѣкѣ козлиныя кожи также были предметомъ вывоза [2]).

3) О говяжьемъ салѣ Торговая книга говоритъ очень подробно; она даетъ наставленіе, какъ надобно чередить сало на нѣмецкій обычай. Флетчеръ сообщаетъ, что въ Россіи сала очень много, потому что Россія страна очень удобная для скотоводства; а съ другой стороны, жители мало употребляютъ скота въ пищу по причинѣ частыхъ постовъ; также мало идетъ сала на освѣщеніе, потому что люди побогаче употребляютъ восковыя свѣчи, а бѣдные довольствуются лучинами. Лучшее сало добывается въ областяхъ Смоленской, Ярославской, Угличской, Новгородской, Вологодской, Тверской и Городецкой. Ричардъ Чанслоръ, Джонъ Гассе и другіе англичане также указывали на Ярославскую, Вологодскую и Новгородскую области, какъ особенно богатыя саломъ.

4) Ворванью собственно назывался тюленій жиръ; но подъ этимъ названіемъ разумѣлись и китовое, и моржевое и бѣлужье сало. Флетчеръ даетъ очень хорошее описаніе ловли тюленей.

Ловцы, которые образуютъ обыкновенно артели лодокъ въ 5—6, къ концу лѣта отправляются къ Кошкину носу, гдѣ оставляютъ

---

[1]) Е. Е. Замысловскій, op. cit., 289 и сл.; Н. И. Костомаровъ, Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII вв. Спб. 1889 г., 287 и слѣд.

[2]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ. XXXVIII, 219; Н. И. Костомаровъ, op. cit., 314.

свои лодки до весны. Когда солнце повернетъ къ веснѣ, а ледъ въ заливѣ еще не таетъ, они наскоро приходятъ туда. Вытащивъ свои лодки, ловцы употребляютъ ихъ вмѣсто домовъ.

Первые, которые находятъ звѣря, зажигаютъ вѣху и тѣмъ даютъ знать остальнымъ. Тогда остальные собираются къ указанному мѣсту, окружаютъ тюленей, грѣющихся на солнцѣ, числомъ обыкновенно тысячи 4—5, и убиваютъ ихъ палками. Если ударить тюленя въ носъ, то онъ скоро издыхаетъ; если же въ бокъ или по спинѣ, то онъ хватаетъ зубами палку и тащитъ ее къ землѣ съ такою силой, что промахнувшемуся приходится кричать о помощи товарищамъ. Обыкновенно тюлени, когда увидятъ себя окруженными, собираются въ кучу и стараются проломить ледъ, отчего ледъ, дѣйствительно, часто опускается, вода выступаетъ на футъ и больше поверхъ льда. Перебивши тюленей, ловцы дѣлятъ добычу поровну на каждую лодку. Содравши съ побитыхъ тюленей кожу съ приставшимъ къ ней жиромъ, ловцы уходятъ къ берегу, гдѣ вырываютъ ямы сажени въ полторы глубиною; въ эти ямы они бросаютъ жиръ и раскаленные камни для растопки жира. Лучшая и чистѣйшая ворвань продается и идетъ на смазыванье шерсти для суконъ, худшая (краснаго цвѣта) продается для выдѣлки мыла (11 и 12). Торговая книга совѣтуетъ такое сало разсѣчь на мелкіе куски и класть въ котлы и топить «не великимъ жаромъ», накрывъ котелъ досками, и по желобу черезъ сито пропускать сало въ чаны [1]).

5) Моржъ принадлежалъ къ числу животныхъ, о которыхъ, средневѣковая географія, не имѣя точныхъ данныхъ, разсказывала небылицы. Первыя и точныя свѣдѣнія о ловлѣ моржей находятся уже въ разсказѣ Отера Альфреду Великому; но ясное и лишенное всякихъ натяжекъ описаніе Отера замѣнилось въ средніе вѣка фантастическими разсказами о видѣ и ловлѣ этого животнаго. Отголосокъ этихъ басень о моржѣ представляетъ разсказъ о немъ Адамса Климента: «въ прилегающемъ морѣ живетъ звѣрь, котораго называютъ моржъ; онъ отъискиваетъ себѣ пищу на скалахъ, поднимаясь туда съ помощью зубовъ». Флетчеръ продолжаетъ считать моржа рыбой: «рыба, снабженная такими зубами, называется моржемъ и ловится около Печоры» (13). Отчасти онъ былъ введенъ въ заблужденіе русскимъ названіемъ клыковъ моржа «рыбій зубъ» [2]).

---

[1]) З. А. О. I, 130. Н. И. Костомаровъ, op. cit. § 10 и сл.

[2]) Торговая книга не упоминаетъ о рыбьемъ зубѣ, вѣроятно, потому,

6) О птицахъ Флетчеръ не даетъ сколько нибудь интересныхъ данныхъ; онъ только называетъ ястребовъ, орловъ, кречетовъ, соколовъ, коршуновъ, лебедей, цапли и т. д.

Онъ указываетъ на обиліе въ странѣ меда и воска. Сравнительно съ временемъ Герберштейна видно, что область пчеловодства значительно расширилась съ увеличеніемъ предѣловъ государства. Называя тѣ же области, славившіяся по пчеловодству, что и Герберштейнъ, Флетчеръ на первомъ мѣстѣ ставитъ Мордву и Кадомъ, о которыхъ Герберштейнъ и не говоритъ. О развитіи бортничества въ тѣхъ мѣстахъ и хорошемъ медѣ оттуда мы имѣемъ нѣсколько указаній и въ нашихъ актахъ [1]).

7) Изобиліе рыбы въ русскихъ водахъ отмѣчено Флетчеромъ, такъ-же какъ и другими иностранцами. Онъ называетъ бѣлугу, осетра, стерлядь и севрюгу—четыре самыя важныя породы волжской рыбы, бѣлорыбицу и семгу—породы сѣверныхъ рѣкъ, и переславскихъ сельдей. Самыми важными городами по рыбной ловлѣ Флетчеръ считаетъ: Ярославль, Бѣлоозеро, Новгородъ, Астрахань и Казань. О рыбныхъ богатствахъ Астрахани писалъ еще Дженкинсонъ: «воздухъ въ Астрахани въ высшей степени зараженъ, я думаю, массой рыбы (преимущественно осетровъ), которою только и живутъ обитатели; въ мясѣ и хлѣбѣ здѣсь большой недостатокъ. Жители развѣшиваютъ для сушки рыбу на улицахъ и въ домахъ, чтобы запастись ею, отчего здѣсь къ ихъ же мученію такая масса мухъ, какой я никогда нигдѣ не видѣлъ».

По выраженію царской грамоты: «слухъ государя царя и великаго князя дошелъ, что въ Астрахани рыбные ловцы и торговые люди налавливаютъ въ учюгахъ рыбы много, да той рыбы не остряпываютъ и не просаливаютъ и не распродаютъ, а мечютъ деи многую рыбу на песку и ѣдятъ тое рыбы свиньи и собаки, а досталная деи рыба изгніетъ валяясь, и отъ того деи духъ людямъ тяжелъ».

Значительность рыболовства въ другихъ названныхъ Флетчеромъ городахъ подтверждается многочисленными грамотами,

---

какъ и указываетъ Флетчеръ, что товаръ этого рода шелъ главнымъ образомъ, па востокъ; ср. Н. И. Веселовскаго «Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей», 158.

[1]) Даже въ разрядѣ Полоцкаго похода сказано: «муромская мордва и бортники». Витебская Старина, IV, прил. 37.

указывающими на рыбныя ловли въ этихъ городахъ или около нихъ [1]).

Флетчеръ дѣлаетъ только ошибку, когда полагаетъ, будто рыболовствомъ у насъ занимались лишь лѣтомъ, а зимой развозили наловленную рыбу.

Икра, по словамъ Флетчера, подтверждаемымъ челобитной Мерша, уже XVI вѣкѣ была также значительной статьей отпуска, хотя Торговая книга и не упоминаетъ о ней.

О предметахъ царства ископаемыхъ Флетчеръ говоритъ обстоятельнѣе многихъ иностранцевъ.

Минеральныя богатства Россіи, сокрытыя тогда въ нѣдрахъ ея, почти совсѣмъ ускользнули отъ вниманія иностранцевъ, что и не удивительно; нѣкоторые изъ нихъ полагали, что въ Россіи руды нѣтъ вовсе или почти нѣтъ. Маржеретъ оказался въ данномъ случаѣ самымъ дальновиднымъ изъ нихъ: «въ Россіи нѣтъ никакихъ минераловъ, исключая желѣза, очень мягкаго; впрочемъ, я не сомнѣваюсь, чтобы въ столь обширной странѣ не было другихъ рудъ: недостаетъ только людей, искусныхъ въ горномъ дѣлѣ». Русскіе же уже въ концѣ XV вѣка писали о минеральныхъ богатствахъ своей страны. Въ 1482 г. Іоаннъ III просилъ венгерскаго короля Матвѣя Корвина прислать горныхъ мастеровъ, искусныхъ въ добываніи руды золотой и серебряной, также въ отдѣленіи металла отъ земли. «У насъ есть серебро и золото», велѣлъ онъ сказать королю, «но мы не умѣемъ чистить руды. Услужи намъ, и тебѣ услужимъ всѣмъ, что находится въ нашемъ государствѣ».

Въ 1491 году найдена была на Цыльмѣ руда мѣдная и серебряная [2]).

---

[1]) А. Э. I: 265, 300, 332, 324, 327, 328, 339. А. И. I: 162, 184, 193, 223, 230; Д. А. И. I, 132 и т. д. Н. И. Костомаровъ, op. cit., 272 и сл.

[2]) Е. Е. Замысловскаго, op. cit., XXVIII глава посвящена иностраннымъ извѣстіямъ до Герберштейна и самого Герберштейна о предметахъ царства ископаемаго. Іовій писалъ, что у москвитянъ нѣтъ ни золотыхъ, ни серебряныхъ рудниковъ, никакихъ болѣе благородныхъ металловъ, кромѣ желѣза, равно какъ и драгоцѣнныхъ камней. Герберштейнъ, однако, узналъ, что изъ Югорской страны привозятъ въ Москву драгоцѣнные камни. Металлическія издѣлія привозились въ Россію изъ за границы, монета перечеканивалась изъ иностранной; въ жалованной грамотѣ Якову Строганову 1568 года (Д. А. И. I, 119) велѣно было ему искать росолъ, руду серебряную или мѣденую, но какъ видно изъ послѣдующихъ грамотъ Строгановымъ, росолъ они нашли, а руды, вѣроятно, нѣтъ (тамъ же, 120 и 121). Очевидно, найденныя въ 1491 году руды не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ.

Флетчеръ говоритъ только о соли, слюдѣ, желѣзѣ, сѣрѣ и селитрѣ.

Соли въ Россіи очень много; лучшая соль добывается въ Старой Руссѣ; въ Астрахани соль сама осаждается пластами изъ морской воды. Кромѣ того, соль добывается въ Перми, по Вычегдѣ, въ Тотьмѣ, Кинешмѣ, Соловкахъ и другихъ мѣстахъ, и притомъ все изъ соляныхъ копей, за исключеніемъ Соловокъ, лежащихъ близь моря.

Это сообщеніе Флетчера сравнительно съ другими иностранными наиболѣе точное: имъ указаны всѣ главнѣйшія мѣста добычи соли. О богатствахъ Старой Руссы говорятъ многія иностранныя и русскія показанія; добыча ея началась только въ XVI вѣкѣ, въ XVII в. она снабжала солью уже весь сѣверозападный край Россіи. Астраханскія соляныя богатства были еще значительнѣе; Флетчеръ говоритъ объ этой добычѣ недостаточно опредѣленно: читатель его могъ бы подумать, что она добывается прямо изъ моря, а не изъ соляныхъ озеръ. Еще Контарини въ концѣ XV вѣка замѣтилъ, что недалеко отъ Астрахани есть соляное озеро, столь обширное, что добываемой изъ него соли достаточно бы было для продовольствія большей части вселенной. Оно снабжаетъ превосходною солью почти всѣ Россійскія владѣнія [1]).

Въ Пермской землѣ были извѣстныя солеварни Строгановыхъ, имъ же принадлежали солеварни по Вычегдѣ; Флетчеръ ошибочно считаетъ эту соль за каменную. Тотемская соль въ XVII вѣкѣ считалась лучшею по качеству. На варницы Соловецкаго монастыря, какъ и вообще на соляныя варницы Сѣвернаго края, тоже можно найти много указаній. Флетчеръ говоритъ еще о добычѣ соли въ

вслѣдствіе отсутствія искусныхъ мастеровъ. Позднѣйшіе иностранцы—Тьеполо, Барберини и Даніилъ Принцъ — повторяютъ поэтому извѣстія Іовія; извѣстіе Маржерета, op. cit., 275. Сводъ какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ извѣстій за XVI и XVII вѣкъ о предметахъ царства ископаемыхъ у Н. И. Костомарова, op. cit., 211—231.

[1]) О добычѣ и качествахъ соли старорусской, тотемской и нижегородской см. Н. И. Костомаровъ, op. cit., по даннымъ XVII вѣка; объ огромной добычѣ старорусской соли и большихъ доходахъ отъ этой добычи уже упоминаютъ какъ Гейденштейнъ (op. cit., 171 и 172), такъ и авторъ дневника послѣдняго похода Баторія, 16 и др.; въ актахъ XVI вѣка она не разъ, конечно, упоминается, напр. А. И. I, 282; объ астраханской соли и торговлѣ ею—А. Э. I, 322, А. И. I, 193 и др.; пермской соли—Д. А. И. I, 117 и др.; о варницахъ Соловецкаго монастыря по берегу Сѣв. Океана—А. Э. I, 268 и 300; о варницахъ по Унѣ и Неноксѣ—А. Э. I, 299. ИзвѣстіеКонтарини объ астраханской соли у Е. Е. Замысловскаго, op. cit., 312.

Оконѣ, Бомбаси и Неноксѣ (Ocona, Bombascy and Nonokcs); вѣроятно, онъ имѣетъ въ виду варницы по рѣкамъ Унѣ и Неноксѣ; въ грамотѣ Николаевскому Корѣльскому монастырю читаемъ: «да у нихъ же де монастырской промыслъ въ Унѣ и въ Неноксѣ, росольные вытки въ варницахъ и дворѣ... варятъ соль». Наконецъ, около Нижняго, слѣдовательно, недалеко отъ Кинешмы, тоже существовали старинныя соляныя копи.

Слюда, которая до конца XVII вѣка замѣняла стекла въ окнахъ, также была предметомъ заграничнаго вывоза. Стекла тогда и въ Западной Европѣ были невысокаго качества; Флетчеръ, по крайней мѣрѣ, отдаетъ преимущество слюдѣ передъ стекломъ и рогомъ: она чище и прозрачнѣе, не трескается, какъ стекло, и не горитъ какъ рогъ. Добывалась слюда, по Флетчеру, въ Корельской области и по рѣкѣ Двинѣ въ Сѣверному морю. Дѣйствительно, главное добываніе слюды сосредоточено было въ Керецкой волости Соловецкаго монастыря [1]).

Металлы Россія получала изъ за границы. Тѣмъ не менѣе желѣзныя руды Россіи тогда уже стали извѣстны европейцамъ. Еще Герберштейнъ указалъ, что желѣзо добывалось около Серпухова. Барберини отмѣчаетъ городъ Каширу, въ окрестностяхъ котораго находилась желѣзная руда. Флетчеръ говоритъ, что русское желѣзо ломко; но его весьма много добывается въ Корельской области, Каргополѣ и Устюгѣ Желѣзномъ (очевидно, ошибка—вмѣсто Устюжны Желѣзопольской [2]). Торговая книга говоритъ о желѣзѣ укладовъ: Новгородскаго, Тихвинскаго и Корельскаго. Странно, что Флетчеръ не зналъ о добываніи желѣза по рѣкѣ Вычегдѣ и къ востоку отъ нея, потому что въ 1569 году англичанамъ позволено было устроить желѣзный заводъ въ нынѣшнемъ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, и самъ онъ снова хлопоталъ въ Москвѣ и получилъ дозволеніе англійскимъ гостямъ поставить дворъ, «гдѣ мѣсто присмотрятъ на той рѣкѣ».

Наконецъ, объ изготовленіи селитры Флетчеръ говоритъ, что это дѣлается во многихъ мѣстахъ, напр. въ Угличѣ, Ярославлѣ и Устюгѣ; сѣры же добывается немного по Волгѣ, и то русскіе не

---

[1]) О слюдѣ у Н. И Костомарова, op. cit., 230; Торговая книга: слюду окончичную купятъ обрѣски и емлютъ въ свѣтлую слюду, а красную жгутъ (134); Даніилъ Принцъ о слюдѣ же говоритъ: «въ областяхъ Псковской и Новгородской находится камень, удобно раскалываемый, изъ котораго обыкновенно дѣлаютъ окна, также до удивленія прозрачные свѣтильники (фонар и)» op. cit., 69.

[2]) З. А. О. I, 136; Гамель, op. cit., 90 и 91. Временникъ VIII, 28.

умѣютъ ее очищать. Сѣра даже продавалась русскими заграницу, но какъ мало было ея въ Россіи сравнительно съ потребностями государства видно изъ того, что воскъ позволено было обмѣнивать только на сѣру, селитру и порохъ. Селитра (ямчуга) приготовлялась во многихъ мѣстахъ, не возить «къ ямчюжному двору уголья и дрова» было одною изъ льготъ, которыя обыкновенно жаловались монастырямъ и другимъ тарханщикамъ [1]).

Также неясны извѣстія Флетчера по географіи политической. Онъ дѣлитъ Россію на слѣдующія области: Владимірскую, Московскую, Нижегородскую, Псковскую, Смоленскую, Новгородскую (Novogrod velica or Novograd of the low countrey), Ростовскую, Ярославскую, Бѣлозерскую, Рязанскую (Rezan), Двинскую, Каргопольскую, Мещерскую, Важскую, Устюжскую и Галичскую. Въ перечисленныхъ областяхъ (shires) населеніе коренное русское; въ слѣдующихъ, присоединенныхъ къ государству позднѣе, населеніе не коренное русское (the people, though they be not natural Russes): Тверской, Югорской, Пермской, Вятской, Булгарской, Черниговской, Удорской, Обдорской, Кондійской и большей части Сибири; и, въ третьихъ, царства Казанское и Астраханское, завоеванныя только недавно (2 и 3).

Въ XVI вѣкѣ оффиціальнаго дѣленія на области не было, за исключеніемъ развѣ только Новгородской и Псковской областей болѣе сохранившихъ свое первоначальное единство; въ сознаніи народномъ, однако, сохранилось еще дѣленіе удѣльное; но Флетчеръ въ перечисленіи областей руководился, вѣроятно, царскимъ титуломъ, который ему былъ извѣстенъ (25) [2]). Только этимъ и можно объ-

---

[1]) Герберштейнъ писалъ, что недалеко отъ Бѣлаго озера, на разстояніи полета стрѣлы, есть озеро, производящее сѣру. «Большое количество ея, въ видѣ сверху плавающей пѣны, уносится текущею изъ этого озера рѣкою. Однако, по невѣжеству народа, тамъ изъ нея не дѣлается никакого употребленія». Е. Е. Замысловскій, op. cit., 315.

[2]) Титулъ царя Ѳеодора Іоанновича, взятый нами для провѣрки титула, помѣщеннаго Флетчеромъ (25), въ грамотѣ царя королевѣ Елизаветѣ отъ 1589 г. (Временникъ, VIII, Ст. Спис., 44): «Мы Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Руссіи, Владимерскій, Московскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астараханскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифлянскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Обладатель и иныхъ многихъ земель Государь и Самодержецъ». Титулъ, помѣщенный

яснить, что въ число областей попали земли: Югорская, Обдорская, Кондійская, Удорская и Болгарская. Земли, упоминаемыя въ титулѣ, Флетчеръ размѣстилъ въ своемъ порядкѣ, весьма неудачно выдѣливъ сначала земли съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, потому что Тверская и Черниговская земли попали во второй разрядъ земель, въ которыхъ населеніе, «хотя и не коренное русское, однако повинуется русскому царю, управляется законами его страны, платитъ налоги и подати, какъ и коренные русскіе»; затѣмъ Флетчеръ выбросилъ въ своемъ перечисленіи Лифляндскую землю и Полоцкую, потому что зналъ (81), что въ Лифляндіи нѣтъ уже болѣе русскихъ владѣній; прибавилъ отъ себя земли: Двинскую, Важскую, Устюжскую, Каргопольскую, Мещерскую и Галичскую, въ титулѣ неупоминаемыя, но ему извѣстныя.

Флетчеръ полагалъ, какъ мы увидимъ ниже, что Россія дѣлится въ административномъ отношеніи на эти области; народными названіями онъ, очевидно, былъ введенъ въ заблужденіе.

Главнѣйшими русскими городами Флетчеръ считаетъ слѣдующіе (16): Москву, Новгородъ, Ростовъ, Владиміръ, Псковъ, Смоленскъ, Ярославль, Переяславль, Нижній Новгородъ, Вологду, Устюгъ, Холмогоры, Казань, Астрахань, Каргополь и Коломну. Но только объ очень немногихъ изъ этихъ городовъ Флетчеръ дѣлаетъ кое-какія замѣчанія, да и то неимѣющія значенія.

Единственное его показаніе, которое могло бы заслуживать разбора, это его указаніе на число домовъ Москвы. Такъ какъ писцовой книги Москвы за XVI вѣкъ не сохранилось, то показаніе Флетчера могло бы имѣть большой интересъ. Но мы уже приводили выше доказательства того, что число домовъ Москвы, показанное Флетчеромъ, вполнѣ совпадающее съ числомъ Герберштейна, по всей вѣроятности, заимствовано Флетчеромъ у послѣдняго [1]). Замѣ-

---

у Флетчера (25): Theodore Ivanowich, by the grace of God great lord and emperour of all Russia, great duke of Volodemer Mosko, and Novograd, king of Cazan, king of Astracan, lord of Plesco, and great duke of Smolensko, of Twerria, Joughoria, Permia, Vâdska, Bulghoria, and others, lord and great duke of Novograd of the Low Countrie, of Chernigo, Rezan, Polotskoy, Rostove Jaruslaveley, Bealozera, Liefland, Oudoria, Obdoria, and Condensa, commander. of all Siberia, and of the north partes, and lord of many other conntries etc, Въ титулѣ этомъ Флетчеръ не понялъ только того, что «Novograd of the Low Countrie» есть «Нижній Новгородъ», потому что выше (2) онъ говоритъ «Новгородъ Великій или Низовскіе страны».

[1]) Относительно этого числа, которое повторяется и иностранцами XVII вѣка (см. Е. Е. Замысловскій, op. cit., 457), возбуждаетъ нѣкоторое сомнѣніе срав-

чанія, дѣлаемыя Флетчеромъ о Новгородѣ и Ярославлѣ, мы также указывали [1])

Объ остальныхъ городахъ онъ вскользь замѣчаетъ, что въ нихъ нѣтъ ничего достойнаго упоминанія, кромѣ развѣ того, что во многихъ изъ нихъ стѣны въ развалинахъ, что доказываетъ упадокъ русскаго народа подъ теперешнимъ управленіемъ. Лучше всего укрѣплены Псковъ, Смоленскъ, Казань и Астрахань, какъ города пограничные (18). Замѣчаніе это тенденціозно и несогласно съ дѣйствительностью. Были въ то время города, укрѣпленія которыхъ находились въ состояніи разрушенія, напр. Можайскъ [2]). Но именно съ самаго начала царствованія Θеодора Іоанновича правительство приняло энергическія мѣры по постройкѣ новыхъ городовъ и по возобновленію укрѣпленій старыхъ. Въ 1584 г. построенъ Архангельскъ, въ 1586—Самара, Уфа, Царевъ на Кокшангѣ, Бѣлый городъ вокругъ Москвы, каменный городъ въ Астрахани, не говоря уже о постройкахъ позднѣйшаго времени.

Въ описаніи наружнаго вида городовъ и ландшафта страны Флетчеръ сообщаетъ интересныя наблюденія; онъ вынесъ нѣсколько иное впечатлѣніе, чѣмъ большинство иностранцевъ [3]).

Такъ, въ описаніи весенняго и лѣтняго пейзажа русской природы Флетчеръ совершенно оригиналенъ; «лѣса (большею частью еловые и березовые) такъ свѣжи, такъ прохладны, луга и пастбища такъ

неніе Москвы съ Новгородомъ, дѣлаемое многими иностранцами половины XVI вѣка; по ихъ словамъ, Новгородъ или очень немногимъ уступалъ Москвѣ или даже величиною превосходилъ Москву, а между тѣмъ по разрядному разметному списку 1545 г. (А. Э. I, 205) въ Новгородѣ тяглыхъ дворовъ—4.400, бѣлыхъ дворовъ—253, «опричь Чюдинцовы улицы и церковныхъ дворовъ», т. е. всего меньше 5.000 дворовъ. Поссевинъ полагаетъ, что въ Москвѣ жителей обоего пола всѣхъ возрастовъ не болѣе 30,000 чел. «Id vero de Mosci Regia, quae (ut dixi) Moscua est, certum est; triginta hominum milia, pueris, sexuque utroque numerato, hoc tempore non censeri». Moscovia, изд. 1587; Улфельдъ считаетъ, что ханъ сжегъ въ Москвѣ до 40,000 домовъ (Чт. Общ. Ист. и Древ. 1883 № 1, 13).

[1]) См. выше, 45, 52 и 57 стр. настоящаго труда.

[2]) Н. Д. Чечулинъ «Города Московскаго государства», 189.

[3]) Описаніе городскихъ стѣнъ и укрѣпленій см. Ласковскаго; «Матеріалы для исторіи инженернаго искуства въ Россіи»; укрѣпленій Пскова—Н. Ильинскаго, «Историческое описаніе Пскова»; Смоленска у П. Никитина «Исторія Смоленска»; Казани у прот. Заринскаго «Очерки древней Казани». Лѣтопись В.-Устюжская подъ 1582 г. отмѣчаетъ, что городъ Устюгъ укрѣпленъ вновь, и башни снабжены орудіями.

зелены и травянисты, такое разнообразіе въ цвѣтахъ, такое пѣніе птицъ (особенно соловьевъ, поющихъ здѣсь лучше, чѣмъ гдѣ-либо), что едва-ли можно найти страну, гдѣ пріятнѣе было бы путешествовать» (6).

Обыкновенно иностранцы, какъ разъ напротивъ, хвалятъ путешествіе по Россіи зимою, когда на малорослыхъ, но крѣпкихъ лошадяхъ имъ можно было дѣлать верстъ по 200 въ сутки безъ труда. Путешествіе же лѣтомъ и весною, когда имъ приходилось проѣзжать по дремучимъ лѣсамъ, переправляться черезъ безчисленныя рѣки по наскоро сдѣланнымъ мостамъ, ночевать подъ открытымъ небомъ, иногда подъ дождемъ,—тогда путешествіе обращалось въ пытку. Англичане меньше жалуются на трудности пути; это объясняется тѣмъ, что они ѣздили почти всегда водой до самой Вологды и уже только отъ Вологды до Москвы ѣхали горой; но и здѣсь они ѣхали по большой торговой дорогѣ и потому не испытывали тѣхъ трудностей, которымъ подвергались путники, пріѣзжавшіе въ Москву черезъ Смоленскъ или черезъ Псковъ.

Дженкинсонъ и Рандольфъ жаловались только на пустынность мѣстности, среди которой протекала Сѣверная Двина; но такъ какъ съ 1553 г. много уже пословъ проѣхало этой дорогой, то очевидно, что мѣстныя власти приспособились къ этимъ проѣздамъ настолько, что путешественники не терпѣли ни въ чемъ недостатка [1]).

Въ городахъ улицы вымощены были обтесанными еловыми и сосновыми бревнами. Деревянные дома, выстроенные изъ того же матеріала, очень удобны по здѣшнему климату; такъ, по замѣчанію

---

[1]) Затрудненія, которыя приходилось испытывать путешественникамъ, ѣхавшимъ въ Россію съ Запада, рельефнѣе всего описаны Антоніемъ Поссевиномъ и его спутникомъ Компаномъ (см. Ant. Possevini, Missio Moscovitica, 11, 12 и 61). Самъ Поссевинъ въ донесеніи своемъ ордену писалъ: «путь по лѣсамъ невозможно описать: вѣтви сплетались до такой степени, что приходилось повсюду очищать дорогу топорами; повозки же часто приходилось тащить руками, часто даже на плечахъ, и въ концѣ дня уставшимъ путникамъ приходилось ночевать на влажной подъ дождемъ землѣ. По словамъ его спутника Компана: «страна эта не изъ счастливыхъ, малонаселенная, повсюду обширныя пустыни, дѣвственные лѣса; особенно непріятно поражаетъ она путниковъ, ни малѣйшаго разнообразія не представляетъ она при своемъ необозримомъ протяженіи; кончается день, приходится ночевать на голой землѣ, гдѣ застанетъ ночь.» Изъ ряда вонъ выходящимъ тягостямъ въ пути подвергся Ульфельдъ, но это объясняется тѣмъ, что ему пришлось ѣхать въ Москву черезъ Псковъ и Новгородъ какъ разъ послѣ опустошительнаго похода Іоанна на Новгородъ въ 1570 г. Отзывы иностранцевъ о путешествіи по Россіи см. также у В. О. Ключевскаго, Сказанія иностранцевъ, 226.

Флетчера, они теплѣе и суше каменныхъ; лѣстницы въ этихъ домахъ снаружи, какъ въ шотландскихъ постройкахъ; громадное неудобство этихъ построекъ—небезопасность ихъ отъ пожаровъ, которые здѣсь особенно опустошительны. Со словъ Климента Адамса можно сдѣлать кое-какія дополненія: напр., форма русскихъ домовъ того времени всегда была четырехъ-угольная, окна узенькія, крыши домовъ покрывались сверху дранью и т. д. Дженкинсонъ, дѣлая точно такое же описаніе русскаго дома, прибавляетъ, что на крыши домовъ русскіе кладутъ землю для предохраненія отъ пожара. Конечно, русскія постройки производили всегда не очень выгодное впечатлѣніе на иностранцевъ. «Не буду описывать ни этихъ строеній ни крѣпостей русскихъ; у насъ, въ Англіи онѣ во всѣхъ отношеніяхъ лучше», замѣчаетъ еще Рич. Чанслоръ [1]).

Географическій очеркъ Московскаго государства является, такимъ образомъ, у Флетчера довольно слабымъ. Обстоятельны и хороши только его сообщенія о предметахъ торговли. Въ описаніи сѣверныхъ береговъ Россіи (XX глава «О пермякахъ, самоѣдахъ и лопаряхъ») Флетчеръ даетъ больше новаго, и эти его сообщенія заслуживаютъ вниманія. Свѣдѣнія о Сѣверномъ Океанѣ въ западно-европейской географіи XVI вѣка были чрезвычайно скудны. Не только въ Германіи, но даже въ Скандинавіи лучшіе географы имѣли совершенно превратное понятіе объ этомъ океанѣ. Туда помѣстили они классическихъ Сциллу и Харибду, тамъ жили удивительные народы и обитали страшныя животныя. По Герберштейну, столь осторожному и чуждому обыкновенно всякихъ басенъ писателю, на сѣверо-востокѣ Россіи обиталъ народъ лукоморцы, который умираетъ ежегодно каждую зиму съ 27 ноября по 24 апрѣля; народъ этотъ поклоняется идолу—Золотой Бабѣ. Это—изображеніе старухи, держащей въ утробѣ сына, и тамъ же видѣнъ другой ребенокъ,—говорятъ, ея внукъ. Этотъ идолъ стоитъ у устьевъ Оби. Извѣстіе Герберштейна о Золотой Бабѣ повторилъ Кл. Адамсъ въ своемъ описаніи Московіи. Дальше жили люди еще болѣе удивительные: «у однихъ все тѣло поросло волосами, у другихъ собачьи головы, у иныхъ совершенно нѣтъ шеи, на мѣстѣ головы грудь, нѣтъ ногъ, а длинныя руки. Есть въ рѣкѣ Тахнинѣ одна рыба съ головою, глазами, носомъ, ртомъ, руками, ногами и пр.—по виду совершенный человѣкъ, однако, безъ всякаго голоса; она, какъ и другія рыбы, доставляетъ пріятную

[1]) Чт. Общ. Истор. и Древн. 1884, № 4; такое же описаніе русскихъ построекъ и бревенчатой мостовой у Традесканта, см. Гамель, прим. къ 139 стр.

пищу». Герберштейнъ, по крайней мѣрѣ, осторожно прибавляетъ, что многое въ этомъ сообщенiи русскаго дорожника ему кажется баснословнымъ и едва-ли вѣроятнымъ; Олай Магнусъ, скандинавскiй писатель XVI вѣка, о ловлѣ моржа повторяетъ баснословiя Альберта Великаго. На картахъ XVI вѣка сѣверныя очертанiя Европы сдѣланы чрезвычайно неопредѣленно: берегъ изображали, обыкновенно, въ видѣ почти прямой; параллельно берегу Европы тянется полоса земли, такъ что Сѣверный Океанъ имѣетъ видъ какъ бы пролива. Даже изображенiя Скандинавiи и Бѣлаго моря были совершенно неправильны. На картѣ 1532 г. Гренландiя представлена соединенною съ Норвегiей около Вардгуза. Приводя этотъ фактъ, проф. Норденшильдъ высказываетъ удивленiе, какъ, при тогдашнемъ распредѣленiи моря и суши, могла зародиться мысль о сѣверномъ проходѣ. Между тѣмъ одинъ англичанинъ, долго жившiй въ Севильѣ, уже въ 1527 г. приглашалъ желающихъ къ открытiямъ и изыскапiямъ въ полярныхъ странахъ. Мнѣнiе о возможности проѣзда основывалось на древнихъ преданiяхъ объ одномъ громадномъ морѣ, окружающемъ Азiю, Европу и Африку. Только въ 1539 г. появилась болѣе вѣрная карта сѣвера шведскаго епископа Олая Магнуса, на которой сѣвернымъ предѣламъ Скандинавiи даны были болѣе или менѣе правильныя очертанiя.

Неудивительно, что природа и животныя Сѣвера внушали первымъ полярнымъ мореплавателямъ почти паническiй страхъ: бѣлые медвѣди прогнали голландцевъ съ одного острова; Стефанъ Борро повернулъ, увидѣвши въ первый разъ кита, изъ боязни, какъ бы китъ не опрокинулъ его судна.

При такомъ жалкомъ, можно сказать, уровнѣ знанiй о полярныхъ странахъ англiйскiя извѣстiя, а за ними голландскiя внесли массу новыхъ, чрезвычайно интересныхъ данныхъ въ географическую науку.

Мы уже видѣли, что Герберштейнъ, приводя баснословные разсказы о Лукоморьѣ и лукоморцахъ, ссылается на русскiй дорожникъ. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ русскихъ рукописныхъ сборникахъ находятся эти и имъ подобныя легенды; но русскiе же мореходцы явились руководителями западно-европейцевъ въ сѣверныхъ моряхъ.

Стефанъ Борро въ своемъ дневникѣ указываетъ, что ежегодно много русскихъ отправляются къ Печорѣ для ловли рыбы и моржа. Борро, которому поручено было искать воднаго пути въ Восточную Азiю по Сѣверному Океану, плылъ за ними. Но англичане на своемъ

суднѣ не успѣвали за небольшими русскими суднами, которыя отъ устья Колы доплывали до Печоры при попутномъ вѣтрѣ въ 7—8 сутокъ. Одинъ изъ русскихъ промышленниковъ, Гаврило, привѣтствовалъ англичанъ, снабжалъ ихъ хлѣбомъ и т. п.; онъ обѣщалъ предупреждать англичанъ о меляхъ и сдержалъ свое слово: очевидно, русскіе моряки хорошо знали эти воды. Англійское судно, однако, постоянно отставало отъ русскихъ; тогда Гаврило спускалъ свой парусъ и поджидалъ англичанъ; такъ они доѣхали до устья Печоры. Голландцы видѣли на Новой Землѣ русскихъ промышленниковъ, которые доѣзжали не только до Оби, но, вѣроятно, и до Енисея, такъ какъ не разъ упоминаемая рѣка Gilissy [2]), впадающая въ море за Обью, есть рѣка Енисей.

Эти показанія Стефана Борро, равно какъ и другихъ лицъ, свидѣтельствуютъ, по замѣчанію проф. Норденшильда, что суда, употреблявшіяся русскими и финнами, не были плохи въ сравненіи съ европейскими. Кромѣ того, по мнѣнію того же профессора, это свидѣтельствуетъ и о томъ, что въ половинѣ XVI вѣка существовало довольно развитое русское или русско-финское мореходство между Бѣлымъ моремъ, Печорою, Вайгачемъ и Новою Землею; что эти мореплаватели достигали также и до Оби. Замѣтимъ только, что въ англійскихъ извѣстіяхъ не находимъ какихъ-либо указаній

---

[1]) X глава труда Е. Е. Замысловскаго посвящена характеристикѣ географическихъ знаній XVI вѣка, XIII глава—извѣстіямъ о сѣверныхъ странахъ. На берегахъ Ледовитаго Океана помѣщали огнедышащія горы; здѣсь же помѣщали чистилище; здѣсь же жили Пигмеи, здѣсь же была Харибда. Герберштейнъ, op. cit., 126. Лукоморье Герберштейна, по толкованію Е. Е. Замысловскаго, простиралось по правой сторонѣ Оби, къ сѣверу отъ устьевъ Иртыша (418). Нѣсколько подобныхъ картъ собраны въ изданіяхъ Сантарема и Жомара. Академикомъ Гамелемъ, «Англичане въ Россіи», 215 прим. 2, перечислены всѣ названія, нанесенныя на карту Массы, которая была составлена, главнымъ образомъ, по чертежу, полученному Массой въ Москвѣ; нечего и говорить, что эта карта гораздо подробнѣе иностранныхъ. Норденшильдъ, «Плаваніе Веги», II, 46.

[2]) Gilissy названіе, близкое къ слову «Енисей». Иначе Енисей въ XVI в. назывался еще Ислендь рѣка, на которую находимъ любопытное указаніе въ статейномъ спискѣ посольства Боуса (Сб. Имп. Ист. Общ. XXXVIII, 94). Боусъ домогался, чтобы къ устьямъ русскихъ сѣверныхъ рѣкъ позволено было приставать только кораблямъ Московской компаніи; въ королевниномъ прошеніи написаны слѣдующія рѣки: Двинскія устья, Обь, Варзуга, Печора, Кола, Мезень, Печенга, Соловки, Ислендь и Шамская; по этому поводу выписаны, между прочимъ, были пристанища морскія: «Обь рѣка близко Сибири»... «Ислендь рѣка за Обью».

на финское мореходство: какъ англичане, такъ и голландцы говорятъ только о русскихъ мореходцахъ. Описаніе Борро важно и потому, что оно съ небольшими измѣненіями даетъ вѣрное понятіе о тогдашнемъ состояніи судостроенія въ этихъ водахъ, такъ какъ съ того времени оно не сдѣлало значительныхъ успѣховъ. Весьма обстоятельное описаніе русскихъ лодокъ, плававшихъ по Двинѣ и Сѣверному морю, даетъ Традескантъ, бывшій на сѣверѣ Россіи въ 1618 г. Онъ различаетъ 5 родовъ лодокъ: ладьи, поднимающія отъ 60 до 80 тоннъ, небольшіе боты, человѣкъ на 8, на 9; лодки, сооруженныя изъ одного дерева, хотя иногда онѣ имѣютъ 25—30 футовъ въ длину и 7 фут. въ ширину, эти лодки употребляются преимущественно на тюленьихъ промыслахъ; плоскодонныя барки изъ необыкновенно толстыхъ бревенъ; наконецъ, суда, назначенныя для плаванія по рѣкѣ важныхъ особъ [1]).

Флетчеръ, который пріѣзжалъ въ Россію по дѣлу Антона Мерша, торговавшаго одно время съ Сибирью, могъ отъ него многое узнать, какъ и отъ другихъ англичанъ, объ этихъ странахъ, которыя для большинства оставались почти совсѣмъ неизвѣстными. Флетчеръ говоритъ, что онъ разговаривалъ съ нѣсколькими самоѣдами, разспрашивалъ ихъ объ ихъ религіи; самоѣдовъ и пермяковъ онъ считаетъ народами татарскаго происхожденія (from the Tartar kind), судя по ихъ наружности. О пермякахъ онъ ограничивается

---

[1]) Норденшильдъ, op. cit., 216; также о плаваніи русскихъ по Сѣверному Океану см. Гамеля «Англичане въ Россіи», главы IX и X. Еще въ концѣ царствованія Грознаго русскіе промышленники увѣряли англичанина Черри, что за Обью море не замерзаетъ (which they expresse in the Russe tongue: Za Obu reciu moria teupla. (185); на Матвѣевомъ острову голландцы въ 1594 г. нашли большой деревянный крестъ съ надписью: «Лѣта 7083 поставилъ крестъ — Береза да Θедоръ Павловъ сынъ Моло — подписалъ рлішко (?)» На верхней перекладинѣ стоитъ: «Царъ—Славѣ», а по бокамъ двухъ нижнихъ «Іисусъ Христосъ Ни—ка». Надпись эту списалъ Линшотенъ (190, прим. 1). Академикъ Гамель приводитъ доказательства, изъ которыхъ можно видѣть что русскіе, можетъ быть, еще въ XVI в. знали уже о томъ, что Новая Земля двойной островъ, раздѣленный проливомъ, которымъ они и пользовались; на картѣ Массы къ сѣверу отъ Новой Земли показанъ проливъ съ надписью «Matsei of tsar», т. е. Матвѣевъ шаръ; по сказанію пустозерцевъ, плывя моремъ къ Оби, проѣзжаешь три острова Вайгачъ, Новую Землю, и Матвѣеву землю; указывали Мершу и другой путь—между Новой Землею и Матюшинымъ шаромъ. Впослѣдствіи же эти названія Матвѣевъ или Матюшинъ шаръ замѣнилось названіемъ «Маточкинъ Шаръ», между тѣмъ какъ первое прямо указываетъ, что въ XVI вѣкѣ этотъ проливъ открытъ былъ нѣкіимъ Матвѣемъ, Матюхой, подобно тому, какъ Костинъ шаръ, нанесенный тоже уже на карту Массы, указываетъ на открытіе его Константиномъ (207—210).

замѣчаніемъ, что этотъ народъ издавна здѣсь живетъ, что онъ теперь подвластенъ русскимъ, что онъ промышляетъ звѣриными мѣхами. Сравнительно съ герберштейновыми извѣстіями о Перми, сообщенія Флетчера не даютъ ничего новаго [1]).

Названіе самоѣдовъ (Somoyt) по толкованію русскихъ осталось за этимъ народомъ оттого, что они пожирали другъ друга; что русскимъ кажется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, потому что самоѣды и до сихъ поръ ѣдятъ какое угодно сырое мясо. Въ Сборникѣ Соловецкой библіотеки находимъ такое указаніе: «на восточной странѣ за Югорскою землею, надъ моремъ живутъ люди, Самоѣдь зовомы, монгоцзѣи. А ядь ихъ мясо оленіе да рыба, да межи собою другъ друга ѣдятъ. А гость къ нимъ откуда пріидетъ, и они дѣти свои заколаютъ и гостей тѣмъ кормятъ. А который гость у нихъ умретъ, и они того съѣдаютъ, а въ землю не хоронятъ, и своихъ также». Но самоѣды говорятъ, что они называются Само (Samoie), т. е. туземцы, такъ какъ они издревле живутъ въ этихъ мѣстахъ и никогда не мѣняли своего мѣстожительства. Подобное объясненіе имени «самоѣдъ» можетъ быть допустимо; вѣроятнѣе предположить, какъ это сдѣлано Небольсинымъ, что «самоѣдъ» есть ославяненное Самоди, а потомъ уже изъ самаго слова возникли разсказы о людоѣдахъ этого племени [2]). Флетчеръ говоритъ, что самоѣды подвластны русскому царю; несомнѣнно, что въ XVI в. нѣкоторыя племена самоѣдовъ (Канинскія, Тунскія, Пустозерскія) платили дань московскому правительству, но англичане (Рич. Джонсонъ) упоминаютъ и о дикихъ самоѣдахъ на островѣ Вайгачѣ, которые даже не позволяли русскимъ высаживаться къ нимъ съ моря: всѣхъ попадавшихъ къ нимъ иностранцевъ они убивали.

О религіи самоѣдовъ Флетчеръ замѣчаетъ, что изъ разговоровъ съ ними онъ убѣдился, что они признаютъ единаго Бога [3]), но представляютъ его такими предметами, отъ которыхъ они имѣютъ наибольшую пользу; поэтому они почитаютъ то солнце, то оленя, то лося и т. п. «Что же касается до Златой Бабы (Slata Baba), или золотаго идола (о чемъ я читалъ въ нѣкоторыхъ описаніяхъ этой страны и видѣлъ на картахъ), который, спрашиваемый жрецами, даетъ самоѣдамъ предсказанія насчетъ успѣха или исхода пред-

[1]) Герберштейнъ, op. cit., 129.

[2]) Ѳирсовъ «Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ», 30. Тамъ же, 33 прим. 33—приведены наиболѣе общепринятыя толкованія этого имени.

[3]) Это божество называлось «Тявуй-Нумъ», см. Ѳирсовъ, op. cit., 35.

пріятіи, я узналъ, что это просто басня. Только въ области Обдорской къ морю, недалеко отъ устья Оби, есть скала, которую при помощи воображенія можно принять за оборванную старуху съ ребенкомъ на рукахъ (въ родѣ того, какъ скала у Нордкапа имѣетъ видъ монаха); здѣсь собираются Обдорскіе самоѣды, такъ какъ это мѣсто очень удобно для рыбной ловли; и иногда они (по своему обычаю) совершаютъ разныя заклинанія и чародѣйства насчетъ удачнаго или дурнаго исхода путешествія, ловли, охоты и т. п.» (99). Какъ мы уже указывали, Флетчеръ здѣсь, вѣроятнѣе всего, имѣетъ въ виду сочиненіе и карту Герберштейна и, можетъ быть, Клим. Адамса; его данныя представляютъ несомнѣнно значительный шагъ впередъ. Такими точными данными Флетчеръ обязанъ, кажется, Антону Мершу, который въ 1584 г. отправилъ нѣсколько пустозерцевъ—человѣкъ двадцать—къ Оби. Они согласились сдѣлать это путешествіе за 50 рублей; они накупили Мершу на 1.000 рублей мѣховъ и потомъ разсказывали Мершу, какія рыбы водятся въ Оби: осетры, стерляди, чиръ, нельма и др.; а сиговъ и лоховъ нѣтъ; они совершили это путешествіе изъ Пустозерска вверхъ по Печорѣ, потомъ по Уссѣ и по предположенію Гамеля, Ельцомъ, затѣмъ горой до Оби; потомъ они увѣряли Мерша, что проплыть отъ Вайгача до устья Оби очень легко.

Самоѣды, по описанію Флетчера, всѣ черноволосые, безбородые по самой природѣ. Мужчины и женщины одѣваются одинаково въ тюленьи шкуры, шерстью вверхъ; верхнее платье спускается до колѣнъ. Отличить женщину отъ мужчины можно по клоку волосъ, который у женщинъ опускается на уши. Они ведутъ дикій образъ жизни, переходя съ одного мѣста страны на другое; у нихъ нѣтъ ни домовъ, ни земель, составлявшихъ чью либо собственность; каждою толпою самоѣдовъ руководитъ ихъ жрецъ.

Сравнивая это Флетчерово описаніе самоѣдовъ съ нынѣшними замѣтками объ этомъ народѣ, можно подмѣтить кое-какіе успѣхи, хотя и очень медленные, въ ихъ жизни и обстановкѣ [1]).

На сѣверѣ Россіи за Корелой лежитъ Лапландія, которая тянется отъ Нордкапа на юго-востокъ до Святаго Носа (Sweetnesse or Holie Nose, the English men—Capegrace), на протяженіи 345 верстъ; отъ Святаго носа до Кандалакши (Candelok) черезъ Варзугу (т. е. въ ширину страны) верстъ 90; вся страна эта покрыта либо озерами, либо горами, которыя близь моря называются тундрой

[1]) Норденшильдъ, op. cit. I, 81—83 и др. Замѣтимъ только, что самоѣдскими ордами управляли князьки.

(Tondro), потому что онѣ всѣ изъ очень твердыхъ, неровныхъ скалъ; но во внутренности страны много лѣсовъ, растущихъ по скатамъ холмовъ, между которыми лежатъ озера.

Дженкинсонъ считалъ всю Лапландію возвышенностью; онъ самъ не былъ въ Лапландіи, видѣлъ только ея скалистый берегъ и не зналъ еще внутренняго устройства поверхности этого полуострова; съ того времени англичане нѣсколько разъ посѣщали Мурманскій берегъ и вели тамъ мѣновую торговлю [1]). Объясненіе названія «тундры» ошибочно у Флетчера. Онъ слышалъ, что страна, прилегающая къ Сѣверному океану, называется такъ, и перенесъ это названіе на лапландскія скалы въ родѣ того, какъ «волокъ» онъ принялъ за названіе рѣки.

О лопаряхъ Флетчеръ замѣчаетъ, что они подвластны какъ русскому государю, такъ и датскому и шведскому королямъ.

Дѣйствительно граница на Сѣверѣ въ то время еще не была установлена между тремя соприкасавшимися здѣсь государствами. Для улаженія этого дѣла, между прочимъ, пріѣзжалъ въ Россію Яковъ Ульфельдъ, но недоразумѣнія продолжались. Такъ, напр., Елизавета жаловалась царю, что ея подданнымъ запрещено торговать датскимъ королемъ въ Кегорѣ и Печенгѣ, и спрашивала царя, чьи это земли. Іоаннъ отвѣчалъ, что датскій король вчинаетъ новое дѣло, что объ этихъ земляхъ никогда спора не было. Но на дѣлѣ пререканія происходили часто, да иначе и быть не могло, такъ какъ границы проведены были приблизительно: «въ возстановленіи древнихъ границъ полагаемся на Бога и на совѣсть короля Магнуса», сказано въ договорѣ Новгорода со Швеціей 1326 года;

---

[1]) Гамель, op. cit., 109: «въ 1574 году было также прислано компанейскихъ Англичанъ на лапландскій берегъ для мѣновой торговли. Тамъ зимовали: Роджеръ Личъ, Джемсъ Алдей, Христофоръ Кольтъ и виноторговецъ Адамъ Тонсталь; съ ними былъ еще мальчикъ». О горахъ по берегу Сѣвернаго Океана встрѣчаемъ указаніе и у кн. Курбскаго: «до Корелы (еже есть Филя сидитъ на великихъ горахъ, подлѣ Студенаго моря)» Сказанія кн. Курбскаго, 89. Герберштейнъ также (op. cit., 179) приводитъ любопытное свидѣтельство о высокихъ горахъ въ этой мѣстности: «вышеупомянутые послы московскаго государя разсказывали также, что они видѣли въ этихъ странахъ (рѣчь идетъ о лопаряхъ) высочайшія горы, подобно Этнѣ, постоянно извергающія пламя, и что въ самой Норвегіи многія горы разрушились отъ постояннаго горѣнія. Нѣкоторые, увлекшись этимъ, ложно утверждаютъ, что тамъ находится чистилищный огонь». Е. Е. Замысловскій (op. cit. 119) впрочемъ полагаетъ, что подъ этими высочайшими горами слѣдуетъ разумѣть горы Норвегіи, «такъ какъ онѣ значительно выше горъ русской Лапландіи и имѣютъ вершины, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ».

точнѣе граница между Россіей и Швеціей опредѣлена была только по случаю Тявзинскаго договора 1596 г., по которому Швеціи уступлена была часть Лапландіи [1]).

Происхожденіе названія «лопарь» Флетчеръ объясняетъ тѣмъ, что народъ этотъ получилъ свое прозваніе отъ короткой, отрывистой рѣчи; объясненіе это, конечно, внушено ему русскими. По словамъ Флетчера, русскіе дѣлили лопарей такъ: на лопарей Новреманскихъ (Nowremanskoy Lapary, that is, the Norvegian Lapary),—потому что они исповѣдуютъ датскую религію, а у русскихъ датчане и норвежцы считаются за одинъ народъ,—и дикихъ лопарей, язычниковъ (100).

Слово «Nowremanskoy» вовсе не равносильно слову «норвежскій», какъ полагаетъ Флетчеръ. Въ русскихъ памятникахъ, какъ XVI, такъ и предъидущихъ вѣковъ, всегда встрѣчаешь раздѣленіе на лопь лѣшую и лопь дикую, или лопари горные и лопари стадные. Первые назывались на своемъ языкѣ Tre-fennae (Терскій берегъ), вторые Cre-fennae. Лопь дикая жила на Мурманскомъ берегу и потому, можетъ быть, называлась Мурманской лопью; Флетчеръ могъ легко перепутать и назвать Мурманскую лопь или дикую—крещеною, «Nowremanskoy», а лѣшую лопь назвать дикою [2]).

Сообщенія Флетчера о лопаряхъ не отличаются особенной новизной. Дикую лопь онъ считаетъ коснѣющей во мракѣ язычества: это несовсѣмъ вѣрно. Тамъ тогда основано было нѣсколько монастырей, и знаменитый въ исторіи сѣвернаго края Печенгскій монастырь началъ уже свою просвѣтительную дѣятельность среди дикой лопи. Конечно, большинство народа оставалось еще язычниками; даже и въ томъ случаѣ, если нѣкоторые и переходили въ христіанство, то долго не могли отвыкнуть отъ языческихъ обрядовъ и обычаевъ. Вотъ какъ русскіе памятники изображаютъ сѣ-

---

[1]) Сб. Имп. Русс. Ист. Общ. XXXVIII, 8—12. Е. Огородниковъ, «Мурманскій и Терскій берега по книгѣ Большаго Чертежа», 10 и 11, граница въ 1596 г. проведена была такъ: «во владѣніи королевско-шведскомъ остается все, что находится по лѣвой или западной сторонѣ границы съ тремя лапландскими деревнями: Мансельме, Кидкеярви и Колеярви въ Кемскомъ и Торнеоскомъ Лапмаркѣ; отъ Юваре же граница простиралась до Сѣвернаго моря черезъ середину озера Енаре и между заливами Варенгомъ и Неогдемомъ» (тамъ же).

[2]) Е. Огородниковъ, op. cit., 14. Гамель, op. cit., 21: «Лапландцы Мурманскаго моря», о крещеніи которыхъ говорится подъ 1538 г. въ лѣтописи. Лербергъ, Изслѣдованія, 173—слово лопь встрѣчается въ русскихъ памятникахъ съ конца XIV в.

верное поморье и ея жителей: лопари, чудь, ямъ, корела находились «въ самомъ поганомъ идолобѣсіи, яко звѣри дикіи, почитаху бѣсовъ, кланяхуся дѣлу рукъ человѣческихъ, и боготворяху гады и нощные нетопыри и иныя ползущія животныя, ядяху всяко нечисто и скверное; а жилища своя имяху по гористымъ и блатнымъ и непроходимымъ мѣстамъ, разсѣяны единъ отъ другаго верстъ по сту и больши;... въ чащахъ лѣса селитву имуще, дивіихъ звѣрей ловитву дѣло творяще, мясо же въ си наполняху и тѣмъ питающеся... чревомъ Бога мнятъ; имъ же бо кто когда чрево насытитъ, тогда они Бога си поставляше; аще стрѣлою ловъ обрящетъ, въ тотъ день стрѣлѣ поклонятся, аще иногда каменіемъ звѣря убіетъ, каменя почитаетъ; и аще палицею поразитъ ловимое, палица боготворитъ, и тако неразумніи бози мнози по вся дни перемѣняеми» [1]). Флетчеръ подтверждаетъ, что ни одинъ народъ не занимается столько волшебствомъ и чародѣйствомъ, какъ лопари; но считаетъ нужнымъ опровергнуть дикую басню, будто лопари своими нашептываніями могутъ производить попутный вѣтеръ для своихъ друзей и противный для своихъ враговъ. Лопари живутъ, главнымъ образомъ, охотою; они чрезвычайно искусные стрѣлки, хлѣба у нихъ нѣтъ, питаются почти исключительно рыбою и дичью. Флетчеръ подтверждаетъ извѣстіе Герберштейна о томъ, что лопари мало по малу отвыкаютъ отъ своей дикости; по его словамъ, они, наловивъ рыбу, жиръ и мѣха, продаютъ русскимъ, датчанамъ, норвежцамъ и англичанамъ въ обмѣнъ на сукна и т. п. Ежегодно въ Колѣ на Петровъ день происходитъ ярмарка [2]).

---

[1]) Николаевскій, «Русская проповѣдь въ XV и XVI в.». Ж. Мин. Нар. Пр. 1868 № 4. Что выраженія эти не особенно преувеличены, видно изъ сравненія съ посланіемъ Новгородскаго архіепископа Макарія (1534 г.) въ Водскую пятину. (Д. А. И. I, 28). Ричардъ Джонсонъ, спутникъ Стефана Борро, писалъ, что въ Лапландіи обитаютъ два племени—лапландцы и финны. Финны дикій народъ, который не знаетъ Бога; живутъ въ палаткахъ, сдѣланныхъ изъ оленьихъ шкуръ; постояннаго мѣстожительства у нихъ нѣтъ; живутъ ордами, человѣкъ въ 100; одѣваются въ олепьи шкуры; ничего не пьютъ, кромѣ воды; хлѣба не ѣдятъ, а только рыбу, и всегда сырую. Ихъ сосѣди, лапландцы, очень походятъ на нихъ, но подвластны съ недавняго времени русскимъ и увѣряютъ, что вѣруютъ въ русскаго Бога.

[2]) Ср. Горсей, 199. Любопытный отзывъ о лопи у кн. Курбскаго: «Люди зѣло просты и кротцы и отнюдь всякаго лукавства неискусны, ко спасенному же пути тщаливы и охочи зѣло» (Сказанія, 115).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

По описанію Флетчера, русскіе—народъ высокаго роста, полный, съ длинными окладистыми бородами. Дородность и окладистая борода, по ихъ понятіямъ, составляетъ красоту человѣка. Цвѣтъ лица темный, болѣзненный и притомъ у женщинъ значительно хуже, чѣмъ у мужчинъ. Это происходитъ, по мнѣнію Флетчера, отъ двухъ причинъ: 1) отъ пищи, по преимуществу растительной, и 2) отъ значительной разницы комнатной и внѣшней температуры. Женщины, чтобы скрыть дурной цвѣтъ лица, бѣлятся и румянятся. Русскіе, въ общемъ, вялы и недѣятельны; но они очень способны переносить и зной и морозъ. На другихъ иностранцевъ, бывавшихъ въ Москвѣ, русскіе производили впечатлѣніе народа сильнаго, крѣпкаго, способнаго переносить какіе угодно труды. «Обитатели этой страны очень сильны и способны перетерпѣть всякія неудобства, лишенія, усталость и невзгоды». Маржеретъ увѣряетъ своихъ читателей, что многіе изъ русскихъ доживаютъ до 80—120 лѣтъ и только въ старости знакомы съ болѣзнями. Врачебныя пособія употребляютъ только царь и нѣкоторые важнѣйшіе вельможи, а простолюдины считаютъ даже нечистыми многія лекарственныя вещи: пилюли принимаютъ очень неохотно, промывательное же, мускусъ, выхухоль и другія подобныя средства ненавидятъ. Чувствуя себя нездоровыми, они обыкновенно выпиваютъ хорошую чару вина, всыпавъ въ нее зарядъ ружейнаго пороха, или смѣшавъ напитокъ съ толченымъ чеснокомъ, и немедленно идутъ въ баню, гдѣ въ нестерпимомъ жару потѣютъ часа два или три. Такъ лечится простой народъ во всѣхъ болѣзняхъ [1]).

---

[1]) Tiepolo, Hist. Russ. Mon. I, 168; Сказанія современниковъ, 270. Извѣстія англичанъ, 29. Тоже сообщаетъ Поссевинъ, прибавляя, что святая вода и обѣты—средства, къ которымъ чаще всего только и обращаются больные. Moscovia по изданію 1587 г., 5.

Всѣхъ иностранцевъ поражала эта способность русскаго человѣка переходить отъ крайняго жара къ крайнему холоду. Они съ удивленіемъ разсказывали объ обычаѣ русскихъ послѣ водоосвященія раздѣваться и на страшномъ иногда морозѣ бросаться въ прорубь, равно какъ бросать туда своихъ дѣтей. Флетчеръ также съ удивленіемъ отмѣчаетъ (147), что иногда можно видѣть русскихъ, выскакивающихъ на крайнемъ морозѣ изъ бани голыми и бросающихся въ проруби.

Докторовъ и лекарей въ то время въ Московскомъ государствѣ почти не было, если не считать тѣхъ двухъ, которые обыкновенно жили при царскомъ дворѣ; народное здравіе во всякомъ случаѣ тогда дѣйствительно было не ниже теперешняго. Въ судебныхъ поземельныхъ дѣлахъ судьи обыкновенно спрашивали старожильцевъ, и во многихъ мѣстностяхъ тяжущіяся стороны выставляли такихъ старожильцевъ, которые заявляли судьямъ, что они помнятъ за 60, 70, 80, 90, 100 и даже 110 лѣтъ [1]). Дородность русскую Флетчеръ приписываетъ тому, что русскіе больше питаются пищей растительной, чѣмъ животной. Наблюденіе, не лишенное основательности: при строгомъ соблюденіи постовъ даже у лицъ зажиточныхъ классовъ растительная пища играла видную роль въ питаніи. Всякіе пироги: пряженые, кислые, подовые со всевозможными начинками, пирожки, оладьи, караваи, курники, сырники сопровождали обыкновенно каждое мясное блюдо на царскомъ столѣ [2]).

Для того, чтобы нагляднѣе представить своимъ читателямъ русскую одежду, Флетчеръ даетъ описаніе одежды русскаго боярина съ головы до ногъ.

На голову, волосы которой плотно выстригаютъ (если только бояринъ не въ опалѣ), надѣвается тафья (taffia), покрывающая

---

[1]) Ѳедотова-Чеховскаго, «Акты, относящіеся до гражданской расправы древней Руси», стр. 36, 46, 53, 71 и 173 и др.

[2]) А. И. II, 356: «Роспись царскимъ кушаньямъ». Маржеретъ, 268—269: «Сидячая жизнь производитъ въ нихъ непомѣрную тучность, которою они, впрочемъ, гордятся: человѣка съ огромнымъ брюхомъ народъ наиболѣе уважаетъ, называя его дородный человѣкъ. Эти господа не любятъ ходить: лѣтомъ ѣздятъ верхомъ, а зимою въ саняхъ, и никогда пѣшкомъ не прогуливаются»; «русскій, если онъ человѣкъ съ достоинствомъ, никогда не выходитъ изъ дому пѣшкомъ, но всегда зимой въ саняхъ, лѣтомъ верхомъ на лошади; въ саняхъ онъ садится на коверъ или на шкуру бѣлаго медвѣдя; сани везетъ лошадь, покрытая хвостиками лисицъ и волковъ; мальчуганъ, сидя на спинѣ ея, правитъ; слуги стоятъ на запяткахъ саней». Дженкинсонъ, Чт. Общ. Ист. и Др. 1884, № 4, 36.

только макушку; тафья богато вышита и украшена драгоцѣнными камнями. Поверхъ тафьи надѣвается высокая шапка изъ мѣха чернобурой лисицы съ длинной тульей на подобіе персидской или вавилонской шапки (очевидно, горлатная шапка). Вокругъ шеи (всегда неприкрытой) виситъ ожерелье изъ жемчуга или драгоцѣнныхъ камней, въ три, четыре пальца шириной. Поверхъ рубашки (которая очень красиво (curiously) вышивается, потому что въ лѣтнее время дома она служитъ и верхнимъ платьемъ) надѣвается зипунъ (shepon), сшитый изъ шелка, застегиваемый на пуговицы и доходящій до колѣнъ; затѣмъ кафтанъ (caftan)—узкое затянутое платье, перепоясанное персидскимъ кушакомъ, за который вѣшаютъ ножъ и ложку [1]). (Такой кафтанъ надѣвался въ дорогу и назывался «чуга»). Кафтанъ — обыкновенно изъ золотой парчи—спускается до лодыжекъ. Поверхъ кафтана накидывается широкое платье, подбитое мѣхомъ, обшитое золотымъ галуномъ,—ферязь (ferris), и наконецъ, охабень (alkaben) — изъ камлота или подобной матеріи, длинное платье съ рукавами и воротникомъ, усыпаннымъ драгоцѣнными каменьями.

При выходѣ изъ дома, поверхъ всего этого (можетъ показаться, что одеждъ слишкомъ много, но надо помнить, что онѣ очень легки) надѣваютъ еще однорядку, платье въ родѣ охабня, только безъ воротника; однорядка дѣлается обыкновенно изъ тонкаго сукна верблюжьей шерсти. Обувью служатъ сапоги (въ которыхъ засунуты онучи (linnen folles) вмѣсто носковъ)—изъ персидской кожи, сафьяна, отороченные жемчугомъ. Шаровары (upper stocks) большей частью тоже изъ золотой парчи. Выйдя изъ дому, бояринъ садится верхомъ на лошадь, хотя бы ему нужно было пройти до сосѣдняго дома, но таковъ уже обычай, одинаково обязательный и для бояръ и дѣтей боярскихъ.

Одежда дѣтей боярскихъ совершенно такого же образца; она отличается только качествомъ матеріи, но и они стараются имѣть кафтанъ изъ парчи; остальное—изъ сукна или шелка.

Благородныя женщины, боярыни (called chyna boiarshena) носятъ на головѣ тафтяныя повязки, обыкновенно краснаго цвѣта; поверхъ нея—повязку на лбу, убрусъ (obrosa), бѣлаго цвѣта; сверхъ убруса надѣвается земская шапка (shapka zempska), сдѣланная на подобіе чепца изъ парчи съ дорогою мѣховою опушкою, унизанная жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Впрочемъ, съ недавняго

[1]) Н. И. Костомаровъ, «Очеркъ домашней жизни и нравовъ».

времени боярыни перестали украшать камнями свои шапки, потому что жены дьяковъ и торговыхъ людей переняли у нихъ эту моду.

Въ уши просовываются серьги (sargee), дюйма въ два, изъ золота съ рубинами, сапфирами и т. под. камнями. Лѣтомъ женщины, выходя изъ дома, обыкновенно надѣваютъ косынки изъ тонкаго бѣлаго полотна, завязываемыя кистями подъ подбородкомъ. Косынка эта также усыпается жемчугомъ и т. п. Выходя изъ дома въ дождливую погоду, онѣ надѣваютъ земскія шляпы (stapa zemskoy) бѣлаго цвѣта съ цвѣтными повязками. На шеѣ носятъ ожерелье въ три или четыре пальца шириной, съ дорогимъ жемчугомъ и каменьями. Верхнее женское одѣяніе—опашень, большею частью изъ ярко красной матеріи, съ просторными широкими рукавами, доходящими до полу; опашень застегивается спереди золотыми или, по крайней мѣрѣ, серебряными вызолоченными пуговицами, величиною почти въ грецкій орѣхъ. Къ воротнику опашня пришивается еще другой воротникъ—изъ дорогаго мѣха, доходящій почти до половины спины. Подъ опашень надѣвается лѣтникъ (leitnik), узкое спереди платье съ большими широкими рукавами, рукавчики которыхъ (по локоть) дѣлаются изъ парчи; подъ лѣтникомъ земская ферязь—широкая одежда съ пуговицами почти до самыхъ ногъ [1]). На сгибахъ рукъ носятъ прекрасныя запястья, пальца въ два шириной, съ жемчугомъ и каменьями. Сапожки онѣ носятъ изъ бѣлой, желтой, голубой и вообще цвѣтной кожи, окаймленные жемчугомъ.

Таково одѣяніе знатной женщины въ Россіи, когда она хочетъ показаться въ наилучшемъ видѣ. Платья дворянскихъ женъ отличаются тоже только качествомъ матеріи, но совсѣмъ на такой же образецъ.

Мужики и ихъ жены одѣваются бѣдно. Одежда крестьянина изъ однорядки—бѣлаго или синяго сукна, шубы зимой, шапки и сапоговъ. У бѣднѣйшихъ—однорядки изъ яловичьихъ кожъ, лѣтомъ же крестьяне ходятъ въ рубашкахъ и сапогахъ. Крестьянскія женщины, когда онѣ наряжаются, надѣваютъ красное или синее платье, а подъ нимъ теплую мѣховую шубу зимою; лѣтомъ же только двѣ рубахи—одну поверхъ другой: такъ онѣ ходятъ и дома и на улицѣ. На головѣ носятъ шапки цвѣтной матеріи, у нѣкоторыхъ даже изъ бархата или парчи; впрочемъ, большая часть ихъ носитъ косынки. Безъ серебряныхъ или изъ какого-либо другаго

[1]) Названія «земская ферязь» не встрѣчается, а попадаются въ нашихъ описаніяхъ «женскія ферязи».

металла серегъ и безъ креста на шеѣ нельзя увидѣть ни одной женщины въ Россіи (147—150).

Это прекрасное описаніе русской одежды XVI вѣка не только оставляетъ за собою подобныя же описанія, встрѣчающіяся у другихъ иностранцевъ, но можетъ служить хорошимъ пособіемъ для объясненія разныхъ частей одежды, встрѣчающихся въ нашихъ памятникахъ.

Обыкновенно иностранцы мимоходомъ только описываютъ русскую одежду въ общихъ выраженіяхъ [1]); Флетчеръ же точно называетъ каждую отдѣльную часть тогдашней русской одежды. Въ сохранившихся описаніяхъ одеждъ Іоанна Грознаго, Ѳеодора Іоанновича и Бориса Годунова перечислены: разные кушаки, чулки свѣтлозеленаго сафьяна, чеботы желтые, ферязи бархатныя,—«бархатъ

[1]) Дженкинсонъ (Чт. Общ. Истор. и Древн. 1884, № 4, 35): «одѣваются русскіе такъ: верхнее платье изъ парчи, шелка или сукна, длиною до ногъ, застегивается оно большимъ числомъ серебряныхъ пуговицъ или шелковыми лентами на петляхъ, рукава очень длинны, и все платье топорщится. Подъ этимъ другое длинное платье, застегиваемое шелковыми пуговицами, съ высокимъ стоячимъ воротникомъ, нѣсколькихъ цвѣтовъ; это платье шьется аккуратно. Затѣмъ рубашка, очень красивая, краснаго шелка, иногда шитая золотомъ, съ воротникомъ, усыпаннымъ жемчугомъ. Подъ рубашкой порты изъ холста, на ногахъ пара носокъ и сапоги изъ красной или желтой кожи. На головѣ носятъ бѣлый колпакъ съ пуговицами изъ серебра, золота или жемчуга и другихъ камней, подъ колпакомъ шапка изъ чернобурой лисицы, расширяющаяся кверху». Маржеретъ о мужской одеждѣ мимоходомъ говоритъ раза два (277, 288), останавливаясь нѣсколько подробнѣе на верхнемъ платьѣ; о женскомъ платьѣ сообщаетъ: «онѣ носятъ длинное платье, равно широкое и вверху и внизу, обыкновенно изъ алой матеріи, или изъ тонкаго краснаго сукна; на это платье надѣваютъ другое, изъ какой-нибудь шелковой матеріи, съ большими рукавами, шириною болѣе 3 футовъ парижскихъ; рукава же перваго платья обшиты парчею до самаго локтя. Голову покрываютъ шляпою, унизанною жемчугомъ, а бездѣтныя или дѣвицы—черною лисьею, похожею на шапку, надѣваемую боярами при посольскихъ пріемахъ. Сверхъ того всѣ носятъ жемчужныя ожерелья, шириною добрыхъ четыре пальца, и очень длинныя серьги; обуваются въ сапожки сафьянные, красные или желтые, на каблукахъ, вышиною въ три пальца, подкованныхъ, какъ сапоги польскіе или венгерскіе» (268). Даніилъ Принцъ (op. cit., 63) почти такъ же описываетъ женскую одежду, но прибавляетъ кое-что о головныхъ уборахъ: «у женъ великаго князя и другихъ бояръ даже до третьяго года послѣ совершенія брака, или до тѣхъ поръ, пока не родятъ въ первый разъ, привѣшаны къ ушамъ цѣпочки изъ золота, или жемчуга, и головы покрыты какими-то особыми повязками, которыя называютъ киками»; онъ же о крестьянской одеждѣ отмѣчаетъ (71), что они «одѣваются въ толстѣйшее сукно и сами себѣ дѣлаютъ обувь изъ древесной коры (лапти), чтобы только не нуждаться въ работѣ сапожниковъ».

червчатъ Венедицкій на бѣли», унизанныя разнообразнѣйшими каменьями, ферязи суконныя, шелковыя; однорядки суконныя—«однорядка лундышь сизова; на ней кружево золото нѣмецкое зубчатое, на вороту и на прорѣхахъ 12 завязокъ плоскихъ съ лопатками; шолкъ червчатъ съ золотомъ; кисти прѣйскіе; ворворки (шарики на тесьмахъ) серебряны, на литовское дѣло»; опашни скорлатные, бархатные, шерстяные ходильные;— «опашень обьярь бѣла, на немъ кружево нѣмецкое золото съ полосами съ коваными, въ середкахъ 3 веревочки серебряны, на вороту и на прорѣхахъ 26 петель золоты; кисти прѣйскіе, ворворки низаны жемчугомъ, подложены бязью; подпушенъ отласомъ чермнымъ»; кафтаны бархатные, «камка Венедицкая», атласные, суконные; «кафтанъ турской бархатъ Венедицкой, на золотой землѣ шолкъ червчатъ, съ петлею золотою; подложенъ отласомъ зеленымъ» [1]).

Это описаніе царской одежды; боярская была, конечно, попроще; по одной старинной описи XVII в. или конца XVI в. (по опредѣленію П. Саввантова) можно составить понятіе о боярской одеждѣ; въ этой описи упомянуты изъ мужскаго платья: 4 охабня изуѳные (т. е. шерстяные) вишневые и крапивный; 3 однорядки—малиновая и вишневая, 14 ферязей—камчатныхъ, тафтяныхъ, дорогильныхъ (шелковыхъ), на горностаяхъ, на пупкахъ собольихъ, хрептахъ бѣльихъ; епанчи, 10 шапокъ бархатныхъ: червчатаго лимоннаго, малиноваго цвѣтовъ, суконныхъ—дымчатыхъ и т. п., мужскія ожерелья и т. д. Изъ женской одежды въ этомъ же описаніи указаны: шубки, опашни скорлатный и ходильные, лѣтники

[1]) П. Саввантовъ, «Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора», 11—21. Также И. Е. Забѣлинъ, Домашній бытъ русскихъ царицъ, въ приложеніи «Описи платья и всякой казны времени царей Ѳедора Ив., Бориса Годунова, Василья Шуйскаго». Женскихъ платьевъ въ этой описи перечислено очень много: однихъ лѣтниковъ царевны Ксеніи описано 72; Временникъ, VII,—опись имущества Іоанна Грознаго. Какія узорчатыя матеріи употреблялись иногда для царскихъ, одеждъ, видно между прочимъ изъ подарковъ, поднесенныхъ Ѳеодору Іоанновичу персидскимъ посломъ Ази Хосровымъ: «бархатъ на золотой землѣ, а на немъ жены съ младенцы бархачены розными шолки, а поверхъ ихъ люди крылаты, а въ рукахъ у нихъ кабы ковчежцы шолковы, а противъ младенцовъ дѣвы стоячія съ ковчежцы, да деревье большое, по немъ аксамичено золотомъ, а ветье шолкъ зеленъ. А посолъ Ази Хосровъ про тотъ бархатъ сказалъ, что по немъ Пречистая Богородица со младенцы, а надъ нимъ ангилы со звѣздою. А подписи пѣтъ» (Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей I, 195); ср. описаніе царскихъ платьевъ англичанами Въ Чт. Общ. Ист. и Др. 1884, № 4, 21.

атласны, объяринные, тафтяные; тѣлогрѣи и мелкія украшенія. Въ завѣщаніи княгини Авдотьи Ивановны Пронской 1565 г. упомянуты: лѣтникъ камчатъ червьчатъ, лѣтникъ зеленъ отласенъ, лѣтникъ рудожелта камка, лѣтникъ коранъ, лѣтникъ зелена камка, лѣтникъ дороги червчаты, шубка белоголуба, кортель куней, ѳерезь отласъ на золоте, шапка съ кружевомъ, «а кружево сажено жемчюгомъ» и т. п. Наиболѣе точныя данныя о домашнемъ инвентарѣ служилаго человѣка даетъ «Опись и продажа съ публичнаго торга оставшагося имѣнія по убіеніи народомъ обвиненнаго въ измѣнѣ Михаила Татищева во 116 году». Начало этой описи утрачено и потому платье перечислено не все; указаны однако 4 ферязи, невысокаго достоинства; одна оцѣнена въ 3 рубля, остальныя—ниже; 2 охабня, 2 армяка, 1 чуга, «камка шелкъ зеленъ съ серебромъ, большой узоръ развода, въ разводѣ копыта большіи, шелкъ алъ, подпушка дороги алы, подкладка нагой цвѣтъ, нашивка кляпыши серебряны въ 5 мѣстѣхъ, цѣна 15 рублей; 6 кафтановъ, цѣною отъ 12 р.—1 р. 26 алт. 3 д.; 2 полукафтанья, одно 6 рубл., другое—40 алт.; 2 зипуна, въ 2 рубл. и въ 5 алт.; 5 кушаковъ, отъ 4 рубл. до 6 ден.; 7 шапокъ, отъ 10 р. до 1 рубля; 2 колпака, въ 9 алт. и въ гривну; тафья, 10 алт.; штаны черлены, сукно стамедъ, цѣна 25 алт. и т. д. [1]).

Конечно, въ этихъ описаніяхъ, равно какъ и въ другихъ актахъ встрѣчаются наименованія одеждъ, которыя Флетчеромъ не указаны: торлопъ, кортелъ, тѣлогрѣя, армякъ, сарафанъ, но, вопервыхъ, перечисленныхъ имъ одеждъ вполнѣ достаточно для того, чтобы по нимъ составить ясное представленіе о русскомъ платьѣ XVI вѣка, а главное, Флетчеромъ указано, въ какомъ порядкѣ эти одежды надѣваются одна на другую; для Н. И. Костомарова показанія Флетчера и Олеарія были въ этомъ отношеніи главными пособіями. Другіе иностранцы, описывая въ общихъ чертахъ нарядныя платья придворныхъ, добавляютъ, что у себя дома русскіе довольствуются самыми простыми одеждами [2]).

---

[1]) Саввантовъ, op. cit., прил. VI; Акты Ѳедотова-Чеховскаго, I, 82; Временникъ, VII; Н. И. Костомаровъ, Очеркъ домашней жизни и нравовъ, IX.

[2]) Даніилъ Принцъ, op. cit, 53; Маржеретъ, Сказанія современниковъ, 268 и др. Поссевинъ увѣряетъ, что женщины не бѣдныя, принадлежащія къ дворянскому сословію (honestae), ходятъ, обыкновенно, дома въ трехъ одеждахъ, болѣе легкихъ или тяжелыхъ, смотря по времени года. «Tertia igitur Joannis filii uxor simplici veste induta, quoniam uterum gerebat, neque ad se quemquam aditurum putabat, forte super scamno decumbens invisitur a Magno Duce Moscoviae; cui statim assurgens, nihil tamen animum illius emollivit».

*

Если Флетчеръ не говоритъ о времяпрепровожденіи русскихъ, то за то онъ очень обстоятельно описываетъ день царя Θеодора Іоанновича, и эта (XXVI) глава принадлежитъ къ лучшимъ главамъ сочиненія [1]).

Царь встаетъ около четырехъ часовъ утра; одѣвшись и умывшись, онъ принимаетъ прежде всего своего духовника (otetz duhouna), который крестомъ благословляетъ царя. Затѣмъ крестовый дьякъ (chresby dyack) вноситъ въ комнату икону святаго наступающаго дня; эта икона ставится между другихъ иконъ, которыхъ въ комнатѣ такъ много, что съ трудомъ можно найти для нея свободное мѣсто; передъ иконами теплятся лампады и восковыя свѣчи. Царь крестится и усердно молится иконѣ святаго наступающаго дня, называя по имени этого святаго вмѣстѣ съ Богородицей, св. Николаемъ и нѣкоторыми другими святыми, которыхъ онъ особенно чтитъ. Молитва эта продолжается около четверти часа. Кажется, что Флетчеръ здѣсь нѣсколько перепуталъ: вѣроятнѣе, что царь изъ своей спальни шелъ въ крестовую комнату, которая, дѣйствительно, такъ была наполнена образами, какъ описываетъ Флетчеръ [2]). Послѣ этого опять входитъ въ комнату духовникъ со святой водою, которою онъ кропитъ икону и царя. Святую воду ежедневно присылаютъ изъ монастырей, какъ близкихъ къ столицѣ, такъ и отдаленныхъ [3]).

По окончаніи этихъ молитвъ, царь посылаетъ спросить о здоровьѣ царицы, а немного спустя идетъ самъ на свиданіе съ ней, потому что обыкновенно царица обѣдаетъ и живетъ въ своихъ отдѣльныхъ покояхъ.

Затѣмъ они вмѣстѣ вдвоемъ идутъ въ домовую церковь, гдѣ слушаютъ заутреню, продолжающуюся около часа. Изъ церкви

Op. cit., 18. По указанію описи имущества Татищева, зипунъ купилъ за $2^1/_2$ р. кн. Андрей Горчаковъ, штаны черлены, сукно стамедъ, цѣна 25 алт., взялъ бояринъ кн. Андр. Петр. Куракинъ за 30 алт.

[1]) Этой главой Флетчера превосходно воспользовался, не называя, впрочемъ, Флетчера, И. Е. Забѣлинъ для IV главы («Обрядъ государевой жизни, комнатной и выходной») своего сочиненія «Домашній бытъ русскихъ царей XVI—XVII вв.», дополняя Флетчера другими данными.

[2]) Описаніе крестовой комнаты см. Забѣлинъ, op. cit., ч. I, 202—209.

[3]) Д. А. И. I, 131. 2-го сент. пожаловалъ государь ключаря и дьякона Ростовскаго Успенскаго собора за то, что они пріѣзжали съ святою водою, окт. 6... отъ Смоленскаго владыки; окт. 9, дано попу Суздальскаго Покровскаго дѣвичьяго монастыря; окт. 10 — Можайскому Никольскому попу Ивану. 16 окт.—Муромскимъ священникамъ и дьякону и т. д.

царь возвращается въ свои покои и располагается въ большой комнатѣ, гдѣ его привѣтствуютъ всѣ бояре и знать; въ это время царь спрашиваетъ тѣхъ изъ нихъ, съ кѣмъ имѣетъ надобность поговорить.

Около 9 часовъ утра царь отправляется въ другую кремлевскую церковь, гдѣ слушаетъ обѣдню, продолжающуюся часа два; въ продолженіе обѣдни царь разговариваетъ со своими боярами и другими начальными людьми; равнымъ образомъ и члены боярской думы говорятъ между собой, какъ будто они находятся въ залѣ совѣта [1]). По окончаніи обѣдни, царь возвращается домой и отдыхаетъ до обѣда [2]). Обѣдъ подается царю такъ: поваръ отвѣдываетъ всякое блюдо въ присутствіи дворецкаго или его уполномоченнаго; затѣмъ жильцы (shilshey) несутъ блюдо къ царскому столу, предшествуемые дворецкимъ. Здѣсь блюдо принимаетъ кравчій (crastnoy), который даетъ каждое блюдо отвѣдать особому лицу и тогда уже ставитъ предъ царемъ. Записка о царскомъ дворѣ, конечно, точнѣе рисуетъ картину царскаго стола: сначала ключники съ дворецкимъ ставятъ столъ въ сѣняхъ, затѣмъ они же приносятъ кушанья на этотъ столъ и отвѣдываютъ его предъ дворецкимъ, тотъ пробуетъ самъ и даетъ стольникамъ (а не жильцамъ) нести къ государю; у стольника принимаетъ блюдо кравчій, отвѣдываетъ и ставитъ предъ государя [3]). Число блюдъ доходитъ до 70 въ обыкновенное время; въ особыхъ же случаяхъ оно бываетъ значительно больше. Блюда приносятся по два, по три заразъ, чтобы царь могъ кушать ихъ горячими: сначала подаютъ печенья, потомъ жареное, потомъ похлебки [4]).

По росписи царскимъ кушаньямъ число блюдъ очень велико, иногда (напр., въ великоденскій мясоѣдъ) 40 съ небольшимъ, въ другіе дни—больше. Сначала подавались разные хлѣбцы, калачи «перепеча, а въ ней 6 лопатокъ муки крупичатые, 30 яицъ»; затѣмъ слѣдуютъ собственно ѣствы: лебеди, груди бараньи, утки, говядина, языкъ,—«верченые» куры, всякія грудинки, спинки, ло-

---

[1]) Разговоры русскихъ въ церквахъ всегда удивляли иностранцевъ (см. Л. П. Рущинскій, Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вв., 42 и 45); еще Стоглавъ въ очень сильныхъ выраженіяхъ осуждаетъ этотъ обычай.

[2]) Болѣе дѣятельные цари, чѣмъ Ѳеодоръ, предоставившій все управленіе Борису Годунову, занимались въ это время дѣловой бесѣдой съ боярами.

[3]) А. И. II, 355.

[4]) А. И. II, 356; также Забѣлинъ, op. cit., 318. Н. И. Костомаровъ, Очеркъ домашней жизни, X.

патки, плечики въ перемежку съ караваями, пирогами и пирожками; затѣмъ слѣдуютъ: «ухи куричьи чорные», «бѣлые», лапши,— опять съ пирогами и караваями; затѣмъ разнообразные оладьи, караваи; затѣмъ опять мясныя блюда: куры, колбасы, кишки, желудки, щи и, наконецъ, оладьи и пироги столовые, кисель, сыръ «губчатой», «горшечикъ молока вареного, а въ него полчети ведра молока прѣснаго». Въ постные дни: сначала также калачи и хлѣбцы, потомъ ѣствы — всевозможныя рыбныя блюда, наконецъ, разсольники.

Флетчеръ говоритъ, что приправой служитъ преимущественно чеснокъ и соль; по этому описанію видно, что употреблялись въ кушаньяхъ: шафранъ, гвоздика, корица, перецъ, сало, чабръ, уксусъ, изюмъ, лимонъ и т. п.

Въ этой же палатѣ стоитъ столъ съ драгоцѣнной посудой [1]) и съ поставцомъ, наполненнымъ льдомъ и снѣгомъ, гдѣ держатъ медъ, назначенный для обѣда; чашникъ (Флетчеръ его называетъ «taster», т. е. тотъ, кто долженъ отвѣдывать, пробовать) держитъ кубокъ во все время обѣда и подноситъ царю, когда царь прикажетъ; «а чашникъ, какъ поднесетъ пить государю, самъ отольетъ въ ковшъ и выпьетъ, потомъ поднесетъ и государю». Флетчеръ прибавляетъ, что въ этой же палатѣ стоитъ столъ, за которымъ сидятъ важнѣйшія изъ придворныхъ лицъ и царскій духовникъ, а послѣ обѣда оставшіяся блюда разсылаются тѣмъ лицамъ, къ которымъ царь особенно благоволитъ, что ими и принимается, какъ знакъ особой милости. Обѣдать у государя было особымъ почетомъ для бояръ; разряды упоминаютъ, что тогда-то обѣдали такія-то лица, и едва ли всякой день кто-нибудь обѣдалъ у государя. Въ 1588—89 г. у государя обѣдали: 21 сент. въ селѣ Тайнинскомъ бояринъ Иванъ Вас. Годуновъ, и окольничій кн. П. Сем. Лобановъ; 26 окт. бояре — кн. Тим. Ром. Трубецкой и кн. Дм. Ив. Хворостининъ; 31 апр.— Иверскіе послы и кн. Ѳ. Ив. Мстиславскій, Бор. Ѳед. Годуновъ, Ѳед. Ник. Романовъ, кн. Ив. Вас. Сицкій, Ив. Ив. Сабуровъ и кн. П. Ив. Лобановъ; 13 ноября — обѣдали: владыка, кн. Ѳед. Ив. Мстиславскій и кн. Гр. Андр. Куракинъ; 20 ноября—архіепископы и епископы: новгородскій, ростовскій, смоленскій, рязанскій, коломенскій и бояре: Дм. Ив. Годуновъ, Ст. Вас. Годуновъ, кн. Ив. Вас. Сицкій и окольн. П. Лобановъ и т. д. Въ большіе праздники, напр., 25 дек., 25 сент. (память св. Сергія) у государя обѣдалъ

---

[1]) Описаніе стола царя Ѳеодора во Временникѣ, VII, 40—46.

митрополитъ, впослѣдствіи патріархъ; послѣ обѣда царь дарилъ митрополита 10 аршинами венеціанской камки, по 10 алт. аршинъ, и кубкомъ, «орѣхъ индѣйской окованъ серебромъ», за кубокъ митрополиту давали 9 руб. деньгами [1]). Разсылка блюдъ производилась, дѣйствительно, такъ, какъ описываетъ Флетчеръ. Этимъ обычаемъ — разсылать блюда, конечно, и объясняется столь большое число блюдъ, приготовляемыхъ для царскаго стола [2]).

Послѣ обѣда царь, какъ и всѣ русскіе, часа три отдыхаетъ, спитъ. Отдохнувши, царь идетъ къ вечернѣ, а затѣмъ остальное время до ужина проводитъ вмѣстѣ съ царицей въ разнообразныхъ забавахъ; смотритъ шутовъ и карликовъ, того и другого пола, которые кувыркаются передъ нимъ и поютъ пѣсни на русскій ладъ. Это самая любимая царская потѣха. О русскомъ пѣніи одинъ англичанинъ отозвался довольно пренебрежительно: «во время обѣда пришло шесть пѣвцовъ, которые стали посреди залы, лицемъ къ царю, и принимались три раза пѣть; ихъ пѣсни и голоса мало или почти вовсе не услаждали нашихъ ушей».

Эти извѣстія Флетчера драгоцѣнны, потому что не сохранилось отъ времени царя Ѳеодора указаній на подобныя забавы и увеселенія царской семьи. И. Е. Забѣлинымъ въ его классическомъ трудѣ съ большимъ трудомъ собраны указанія иностранцевъ, равно какъ и расходныхъ книгъ, на существованіе шутовъ, бахарей, слѣпыхъ старцевъ при дворѣ Грознаго, затѣмъ во время смуты и при дворѣ царей XVII в. Къ сожалѣнію, Флетчеръ не останавливается подробнѣе на этихъ увеселеніяхъ [3]).

Другая любимая забава царя — бой съ медвѣдями, которыхъ нарочно для этого ловятъ и держатъ въ клѣтяхъ. Бой этотъ происходитъ такъ: бойца вводятъ въ кругъ, огороженный со всѣхъ сторонъ; выпущенный медвѣдь идетъ на бойца съ открытою пастью; если боецъ дастъ промахъ, то медвѣдь подходитъ къ нему, и тогда жизнь бойца въ большой опасности; но медвѣдь, обыкновенно, слишкомъ яростенъ, что много помогаетъ охотнику: нападая на человѣка, медвѣдь становится на заднія лапы и съ ревомъ и открытою пастью приближается къ нему; и если теперь

---

[1]) Синбирскій Сборникъ, 95—109. Д. А. И. I, 131.

[2]) И. Е. Забѣлинъ op. cit., 318.

[3]) И. Е. Забѣлинъ о царскихъ развлеченіяхъ говоритъ въ 1-й части своего труда, 319—323, но подробнѣе останавливается на этомъ вопросѣ во 2-й части, V главѣ «Дворцовыя забавы, увеселенія и зрѣлища»; о шутахъ Грознаго, Ѳеодора и смутнаго времени—419—421.

охотнику удастся всадить рогатину въ грудь медвѣдя между передними лапами и утвердить другой конецъ рогатины у своихъ ногъ и держать ее такъ, то обыкновенно боецъ убиваетъ этимъ сразу медвѣдя. Но часто случается, что охотникъ промахивается, и тогда медвѣдь убиваетъ его или растерзываетъ зубами. Если боецъ сражался хорошо, то его ведутъ къ дверямъ царскаго погреба и онъ выпиваетъ тамъ за здоровье государя.

Это послѣднее замѣчаніе Флетчера не совсѣмъ вѣрно, потому что въ расходной книгѣ находимъ нѣсколько указаній на то, что такому-то дано 3 января: «за камку добрую 5 рублевъ денегъ, да сукно доброе, цѣна два рубля, да изъ Большого прихода 10 руб. денегъ; а пожаловалъ его государь за то, что тѣшилъ онъ государя, закололъ предъ государемъ медвѣдя»...; 11 мая: охотнику Юрію Глазову дано сукно въ два рубля за то, что, когда государь на царицыны имянины тѣшился «медвѣди, и волки, и лисицами», то его, Глазова, медвѣдь ободралъ; 20 февраля Молвенинову дано матеріи на 10 руб. за то, что «на потѣхѣ государя тѣшилъ, привелъ медвѣдя съ хлѣбомъ да съ солью въ саадакѣ и съ дикими медвѣдями своего медвѣдя спущалъ»; 23 августа дана награда за то, что тѣшили государя въ Тайнинскомъ соколомъ.

Иногда царь занимается до ужина разсматриваніемъ работъ своихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, портныхъ, швей и живописцевъ. По сказанію Горсея, разсматривать драгоцѣнности своей казны, особенно дорогіе камни, — было любимымъ удовольствіемъ Грознаго подъ конецъ его жизни. По той же расходной книгѣ видно, что выдавалось годовое жалованье, между прочимъ, казеннымъ портнымъ, скорнякамъ, шапочникамъ, золотошвеямъ, серебрянымъ мастерамъ и т. п.; или, напр., дана награда—сукно въ два рубля да столько же деньгами—Поснику Ростовцу за то, что «писалъ онъ съ чюдотворного Пречистыя образа въ Смоленску образъ» (30 сент. [1]).

Послѣ ужина царь, помолившись опять съ своимъ духовникомъ, отходитъ спать.

Въ дополненіе къ этой главѣ въ слѣдующей (XXVII) Флетчеръ даетъ перечисленіе лицъ, составляющихъ царскій дворъ:

1) Конюшій бояринъ (boiaren conesheva) или смотритель (overseer) надъ лошадьми, но не начальникъ конницы, не magister equitum.

Въ настоящее время эту должность занимаетъ Борисъ Θеодоровичъ Годуновъ.

[1]) Соловьевъ VII, 374—375; Забѣлинъ, op. cit., II, 462—471; Д. А. И. I, 131.

2) Дворецкій (stewarde of houshold) — Григорій Васильевичъ Годуновъ.

3) Казначей, хранящій царскія деньги, камки, посуду и т. п.— Степанъ Васильевичъ Годуновъ.

Невѣрное замѣчаніе, потому что казначеемъ въ это время былъ Иванъ Васильевичъ Троханіотовъ, который велъ переговоры съ Флетчеромъ.

4) Контролеръ—Андрей Петровичъ Клешнинъ (Clesinine). По спискамъ этого времени Клешнинъ былъ окольничимъ; вѣроятно, что ни Горсей, ни Флетчеръ, не понимая этого слова, придали должности окольничаго значеніе контролера; можетъ быть, потому, что Клешнинъ ѣздилъ въ Угличъ посмотрѣть, какъ живетъ тамъ царевичъ Димитрій.

5) Постельничій, chamberlaine — Истома Безобразовъ (Estoma Bisabroza Pastelnicshay; Флетчеръ, кажется, принимаетъ «Postelnichay» за фамилію Безобразова).

6) Крайчіе (taster) — Θеодоръ Александровичъ и Иванъ Васильевичъ Годуновъ. Крайчимъ въ это время былъ Александръ Никитичъ Романовъ; Иванъ же Васильевичъ Годуновъ еще при восшествіи Θеодора на престолъ назначенъ бояриномъ. Словомъ «taster» Флетчеръ переводитъ и «крайчій» и «чашникъ». Очень можетъ быть, что кто-нибудь изъ младшихъ Годуновыхъ исполнялъ должность чашника [1]).

7) Гонцы (harbengers), во главѣ которыхъ стоятъ три знатныхъ человѣка и нѣсколько дворянъ, исполняющихъ эту обязанность подъ ихъ начальствомъ. Такъ какъ затѣмъ Флетчеръ называетъ жильцовъ и стряпчихъ, то, очевидно, что подъ гонцами должно разумѣть стольниковъ, которые, какъ извѣстно, часто были посылаемы съ разными порученіями, отчего Флетчеръ и назвалъ ихъ гонцами. Что касается до того, что во главѣ ихъ стояли три человѣка (noblemen), а остальные были подъ ихъ начальствомъ, то это можетъ быть объяснено тѣмъ, что въ спискѣ стольниковъ стояли въ началѣ болѣе знатныя фамиліи. Когда у государя бывали обѣды, то двумъ стольникамъ приказываемо было «въ столы смотрѣть», одному—въ большой столъ, другому—въ кривой столъ, т. е. они наблюдали за порядкомъ обѣда. Въ 1588 и 1589 гг. обязанность эту исполняли,—въ большой столъ смотрѣли: кн. Андр. Андр. Телятевскій, кн. Ив. Ник. Одоевскій; въ кривой столъ смо-

---

[1]) Списокъ этихъ чиновъ см. Древн. Вивліоθика, XX.

трѣли: Алекс. Ром. Плещѣевъ, кн. Вас. Иван. Гвоздевъ Прінмковъ (одинъ разъ отказался, но за это битъ батоги, безъ суда, и выданъ головой кн. Одоевскому) и Петръ Ник. Шереметевъ [1]).

Эти 7 должностей считаются главными, затѣмъ слѣдуютъ:

Жильцы стряпчіе (shilsey strapsey), которыхъ около 200, все—дворяне; ихъ обязанность жить и сторожить царскую особу и его покои. Разумѣется, Флетчеръ перепуталъ въ одно: стряпчихъ и жильцовъ. Уже въ спискѣ 1577 г. указано: 2 стряпчихъ съ платьемъ, 6 стряпчихъ съ чеботы и 31 жилецъ. Стряпчіе считались значительно выше жильцовъ. Въ 1588 г. царь велѣлъ сѣсть за столъ постельничему Истомѣ Осиповичу Безобразову и стряпчему Елизарію Григорьевичу Шершавину Старово. Послѣдній билъ челомъ: «Истома постельничей съ путемъ, а я, холопъ твой Елизарей, стряпчей съ ключемъ; и мнѣ, государь, для тово ниже Истомы сидеть невмѣсно, хотя Истома меня, холопа твоего, твоею милостью честнѣя путемъ».

Обязанности этихъ лицъ Флетчеръ объясняетъ такъ: постельничій съ двумя, тремя спитъ въ комнатѣ, сосѣдней съ царской спальней; въ слѣдующей комнатѣ шестеро другихъ лицъ, пользующихся наибольшимъ довѣріемъ, въ третьей комнатѣ нѣсколько дворянъ изъ числа 200 жильцевъ (shilsey strapsey) по сорока человѣкъ каждую ночь. По запискѣ о царскомъ дворѣ, къ ночи всѣ стольники, стряпчіе и жильцы собираются въ царскихъ покояхъ и ночуютъ тамъ; а на постельномъ крыльцѣ караулятъ: стольникъ, стряпчій и пять жильцовъ; всею этою службою распоряжается постельничій [2]).

Флетчеръ считаетъ стряпчихъ и жильцовъ около 200. Въ спискѣ 1587 г. (можетъ быть, неполномъ), какъ мы уже видѣли, стряпчихъ только 8, жильцовъ — 31; но эти чины только еще формируются, какъ это указано В. О. Ключевскимъ: на соборѣ 1566 г. классъ военно-служилыхъ людей распадался на 3 статьи, на соборѣ 1598 г. этотъ же классъ распадается на стольниковъ, дворянъ, стряпчихъ, головъ стрѣлецкихъ и выборъ изъ городовъ. Поэтому неудивительно, если число стряпчихъ и жильцовъ послѣ 1577 г. замѣтно возрасло; по списку 1616 г. стряпчихъ, напр., числилось уже 53, стольниковъ 116 вмѣсто 26 по списку 1577 г.; къ сожалѣ-

---

[1]) Симбирскій Сборникъ, 95—109.

[2]) Акты Московскаго государства I, 26; Симбирскій Сборникъ, 100; А. И. II, 355.

нію, списокъ 1616 г. безъ конца, и потому число жильцовъ не показано.

Къ царскому дворцу принадлежатъ также 2.000 стрѣльцовъ, охраняющихъ дворецъ извнѣ днемъ и ночью. Въ другомъ мѣстѣ Флетчеръ называетъ этихъ стрѣльцовъ стремянными. Когда Іоаннъ Грозный отправлялся въ 1578 г. въ походъ, то въ числѣ войскъ показаны въ разрядѣ и 2.000 стрѣльцовъ его двора. По Флетчеру, 500 человѣкъ каждую ночь стерегутъ дворецъ; по запискѣ—только 100 чел. [1]).

Какъ и очень многіе другіе иностранцы, Флетчеръ останавливается на положеніи русской женщины и подробно говоритъ (XXIV глава) о заключеніи брака. Но описаніе Флетчеромъ обрядовъ, сопровождающихъ заключеніе брака, не представляетъ чего-либо интереснаго, тѣмъ болѣе, что предметъ этотъ описанъ очень многими иностранцами, да кромѣ того мы имѣемъ очень хорошее описаніе свадебнаго чина и начала XVI в.,—чинъ свадьбы вел. кн. Василія Іоанновича съ княжной Еленой Глинской и особенно чинъ свадьбы кн. Андрея Ивановича—и извѣстное описаніе Котошихина, отъ второй половины XVII в. Не останавливаясь, поэтому, подробно на словахъ Флетчера, отмѣтимъ нѣкоторыя его ошибки, а, съ другой стороны, тѣ черты, которыхъ въ другихъ описаніяхъ не встрѣчается [2]).

Флетчеръ ошибочно полагаетъ, что накануне дня вѣнчанія невѣста съ своею матерью отправляются въ домъ жениха, гдѣ невѣста и проводитъ ночь, но причемъ женихъ не только не видится съ нею, но даже и не встрѣчаетъ ее. Такъ какъ Флетчеръ говоритъ, что невѣста туда отправляется въ колымагѣ (collimago) или саняхъ вмѣстѣ съ подвѣнечнымъ платьемъ и брачной кроватью, то очевидно, что посылку части приданаго на домъ жениха онъ принялъ за переѣздъ невѣсты въ домъ жениха. Изъ церкви, по его понятіямъ, женихъ и невѣста направлялись не въ собственный домъ, а въ домъ отца жениха и только уже на третій день переѣзжали къ себѣ.

Во время самаго бракосочетанія Флетчеръ отмѣчаетъ, что не-

---

[1]) В. О. Ключевскій, Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси («Русская Мысль», 1891 г., № 1). Акты Московск. Госуд. I, 108; Древняя Вивліоѳика, XIV.

[2]) О брачныхъ обрядахъ см. въ XX главѣ «Очерка домашней жизни» Н. И. Костомарова; разряды свадебъ напечатаны въ XIII части Древней Вивліоѳики.

вѣста кланяется въ ноги жениху (бьетъ челомъ по его обуви) въ знакъ своего подчиненія или послушанія, а тотъ накрываетъ ее при этомъ краемъ своего платья въ знакъ своего долга любить и защищать ее. Затѣмъ родня (чинъ) невѣсты также кланяется жениху, и наоборотъ, чинъ жениха—невѣстѣ, въ знакъ родства и любви между двумя родами. Кромѣ того, въ церкви женихова родня передаетъ каравай священнику, который, съ своей стороны, даетъ его невѣстиной роднѣ, и тѣ ѣдятъ тутъ же отъ этого каравая какъ въ знакъ дружбы между двумя родами, такъ и въ знакъ того, что точно исполнятъ свои обязательства относительно приданаго. Н. И. Костомаровымъ указано уже на то, что въ другихъ описаніяхъ этого не встрѣчается; въ царскихъ свадьбахъ этого обычая и не могло быть, по его мнѣнію, такъ какъ тамъ не было и рѣчи о равенствѣ двухъ родовъ; да и при вѣнчаніи обыкновенныхъ людей было не въ обычаѣ, чтобы родители присутствовали въ церкви до конца [1]).

Такъ какъ въ то время караваи носились всегда въ церковь, такъ какъ, съ другой стороны, существовалъ обычай угощать ѣдой передъ отправленіемъ въ церковь, то Флетчеръ легко могъ перепутать это.

О положеніи женщины Флетчеръ кратко замѣчаетъ, что большинство русскихъ смотритъ на своихъ женъ, какъ на рабынь; что только женщины высшаго класса пользуются большимъ, повидимости по крайней мѣрѣ, почтеніемъ со стороны мужей; что недовольный своей женой мужъ можетъ постричься въ монахи.

II.

Для насъ должны быть интереснѣе отзывы Флетчера о нравственныхъ качествахъ и умственныхъ способностяхъ русскаго народа. Давно уже замѣчено, что иностранцы почти единогласно отзываются крайне неодобрительно о русскомъ народѣ. Еще Герберштейнъ далъ очень рѣзкій отзывъ о русскихъ, о москвичахъ въ частности, которые, по его словамъ, испортили новго-

---

[1]) Н. И. Костомаровъ, op. cit., 244. Описаніе свадебныхъ обрядовъ неизвѣстнымъ англичаниномъ (Чт. Общ. Ист. и Др. 1884, № 4, 26—28) значительно интереснѣе, чѣмъ описаніе Флетчера.

родцевъ и псковичей, въ прежнее время отличавшихся большимъ благородствомъ и правдивостью. Рѣзкій отзывъ Герберштейна находитъ подтвержденіе въ отзывахъ многихъ иностранцевъ, побывавшихъ по дѣламъ въ Москвѣ. Датчанинъ Ульфельдъ писалъ, что русскіе фальшивы, невѣрны, хитры, крѣпко держатся своихъ взглядовъ, склонны ко всяческому злу, пускаютъ въ ходъ силу вмѣсто разума и совершенно отреклись отъ всего, что называется добромъ и добродѣтелью; даже русскіе бояре въ своихъ рѣчахъ не соблюдаютъ никакого порядка, бросаются туда и сюда, говорятъ наобумъ, что имъ придетъ въ голову; другихъ слушать не желаютъ, перебиваютъ чужую рѣчь; упираются на томъ, что разъ сказали, и нѣтъ возможности ихъ сдвинуть съ мѣста; если чужія слова имъ не по сердцу, они называютъ ихъ ложными, не относящимися къ дѣлу. «Народъ московскій по природѣ гордъ и надмененъ; такъ какъ своего князя они предпочитаютъ всѣмъ государямъ, то и себя считаютъ выше всѣхъ другихъ народовъ. Нерѣдко, преступая предѣлы истины, чрезвычайно превозносятъ все свое и этимъ хвастовствомъ и тщеславіемъ думаютъ придать много достоинства своему князю. Къ сладострастію москвитяне очень склонны; нерѣдко оскверняютъ себя прелюбодѣяніемъ, блудомъ и проклятымъ содомскимъ грѣхомъ... если бы они были хотя нѣсколько людьми образованными и если бы имъ была по сердцу жизнь болѣе человѣческая, то они съ небольшими издержками могли бы жить пышно»,—отзывъ Даніила Принца. Барберини, который пріѣзжалъ въ Москву по своимъ торговымъ дѣламъ, нашелъ, что русскіе люди очень корыстолюбивы и безсовѣстны, даже вельможи. Гейденштейнъ, безпристрастнѣе многихъ наблюдавшій нашихъ предковъ XVI в., находитъ нужнымъ отмѣтить въ характерѣ русскихъ вѣрность къ князю, крайнюю выносливость при всякаго рода трудахъ и презрѣніе къ смерти; но замѣчаетъ при этомъ, что русскіе любострастны, лживы, чрезвычайно изворотливы во всякаго рода обманахъ и козняхъ; «но, можетъ быть, столько же способны къ быстрому усвоенію и добрыхъ художествъ, если бы кто наставилъ ихъ въ таковыхъ». Маржеретъ, близко стоявшій къ русскимъ, нашелъ, что, не взирая на изобиліе и дешевизну съѣстныхъ припасовъ, простой народъ довольствуется очень немногимъ; иначе онъ не могъ бы удовлетворить издержкамъ, ибо не знаетъ никакой промышленности, весьма лѣнивъ, работы не любитъ и такъ преданъ пьянству, какъ нельзя болѣе... Всѣ безъ различія, мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки, заражены порокомъ

пьянства, самаго неумѣреннаго». Нѣкоторые иностранцы (Поссевинъ, Кобенцель) хвалятъ русскихъ за ихъ благочестіе. Маржеретъ прибавляетъ, что «невѣжество народа есть мать его благочестія; онъ ненавидитъ науки, особенно латинскій языкъ; не знаетъ ни школъ, ни университетовъ. Одни священники наставляютъ юношество чтенію и письму, чѣмъ немногіе, впрочемъ, занимаются». То же явленіе—отсутствіе учебныхъ заведеній—отмѣчаетъ и Поссевинъ, утверждая, что въ Московскомъ государствѣ нѣтъ ни коллегій, ни академій, но существуютъ только школы, гдѣ учатъ читать и писать; читаютъ изъ Евангелія, Апостольскихъ дѣяній, лѣтописей, твореній св. отецъ (Іоанна Златоустаго по преимуществу). Каждый, кто пожелалъ бы учиться большему, навлекъ бы на себя подозрѣніе и наказаніе. Поссевинъ объясняетъ это тѣмъ, что московскіе государи держатъ насильно своихъ подданныхъ внутри государства и не пускаютъ ихъ за-границу изъ-за боязни, что болѣе просвѣщенныхъ и образованныхъ подданныхъ трудно будетъ держать въ такомъ подчиненіи, въ какомъ ихъ держатъ теперь. Равнымъ образомъ Поссевинъ указываетъ на отсутствіе у русскихъ чувства чести, потому что у нихъ вовсе не считается позорнымъ быть наказаннымъ тѣлесно; подобнымъ наказаніямъ подвергаются даже знатнѣйшія лица и послѣ наказанія еще благодарятъ великаго князя. Отзывы англичанъ, бывавшихъ въ Россіи до Флетчера, совершенно въ этомъ же родѣ: «пить—пріятнѣйшее для нихъ (русскихъ) дѣло. Они болтуны и великіе лжецы, безъ всякаго правдоподобія въ своихъ словахъ, льстецы и лицемѣры»,—отзывъ Дженкинсона; такъ же отзывались о русскихъ Рандольфъ, Горсей и другіе англичане [1]).

Въ общемъ однако они не отказываютъ русскому народу ни въ природныхъ способностяхъ, ни въ прилежаніи; они находятъ, что подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, угнетенія, эти способности народъ направилъ въ отрицательную сторону, а съ другой стороны, свойственное русскимъ необычайное самомнѣніе и мѣры правительства удерживаютъ его отъ заимствованія у народовъ западныхъ. Отзывы нашего писателя совершенно въ такомъ же родѣ: только, какъ протестантъ, онъ еще безотраднѣе смотритъ на нравственную сторону русской жизни; писатели католики умилялись, по крайней мѣрѣ, глубокой и искренней религіозности тогдашнихъ

[1]) Герберштейнъ, op. cit., 98; Ульфельдъ, op. cit., 32—33; Даніилъ Принцъ, op. cit., 67—68; Маржеретъ, op. cit., 253; Поссевинъ, op. cit., 3; Гейденштейнъ, op. cit., 31; Барберини, Библ. ин. пис.; Извѣстія англичанъ о Россіи, 34 и 92.

русскихъ. По словамъ Флетчера (63), русскій народъ могъ бы, если бы хотѣлъ, научиться многому отъ поляковъ и другихъ сосѣдей, но русскіе отказываются вслѣдствіе своего самомнѣнія учиться чему-нибудь у другихъ народовъ, глубоко убѣжденные, что свое есть самое лучшее, частью же и потому, что правители считаютъ болѣе удобнымъ для себя держать свой народъ въ невѣжествѣ; учатся только читать и писать, да и то очень немногіе; а это тѣмъ пагубнѣе, что замѣтно отражается на народномъ характерѣ: народъ, терпя отъ высшихъ суровое и жестокое обращеніе, самъ становится жестокимъ по отношенію къ другимъ, особенно низшимъ себя. Оттого и наблюдается такое явленіе, что крестьянинъ, ползающій, какъ собака, у ногъ дворянина, становится невыносимымъ тираномъ, когда сила на его сторонѣ; потому-то въ странѣ такъ много случаевъ грабежа и убійствъ; человѣческая жизнь считается ни по чемъ: людей грабятъ даже на улицахъ городовъ; если поздно идти по улицѣ, тогда уже ни на какой крикъ никто не выйдетъ изъ дому для подачи помощи. Нечего и говорить, прибавляетъ Флетчеръ, о страшныхъ убійствахъ, случающихся здѣсь: почти нельзя повѣрить, чтобы подобныя вещи могли происходить между христіанами. Невоздержность русскихъ, нетвердость ихъ въ словѣ не имѣютъ равныхъ себѣ ни въ какихъ другихъ христіанскихъ государствахъ. Польскій посолъ Сапѣга точно также доносилъ, что въ Москвѣ частые пожары; виновники ихъ, безъ сомнѣнія, разбойники, которыми здѣсь все наполнено. Олеарій, наблюдавшій Москву уже въ половинѣ XVII ст., дословно почти подтверждаетъ это показаніе Флетчера: «ни одинъ домохозяинъ не рѣшится высунуть голову изъ окна, а тѣмъ болѣе выйти изъ дома на помощь человѣку, подвергшемуся нападенію ночныхъ разбойниковъ, боясь, что послѣдніе и съ нимъ сдѣлаютъ то же, или еще хуже, подожгутъ его домъ»; а Маржеретъ даетъ и вполнѣ правдоподобное объясненіе этому явленію: бояре и дворяне держали у себя по домамъ много холопей, которыхъ они, однако, плохо кормили; холопы эти, сговорившись съ ночными сторожами, выходили по ночамъ на улицу и грабили прохожихъ [1]).

[1]) В. О. Ключевскій, Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ, 203. Соловьевъ, VII, 244. «Господа должны людей своихъ жаловать, кормить, поить, одѣвать, въ теплѣ держать, во всякомъ покоѣ и благоденствіи; а если держать у себя людей не по силѣ, не по доходу, не довольствовать ихъ ѣдою, питьемъ или одеждою, или держать не рукодѣльныхъ, которые сами

Если отъ сужденій иностранцевъ мы обратимся къ сужденіямъ о русскомъ обществѣ русскихъ же писателей, то мы встрѣтимся съ подобными же отзывами. Многіе русскіе книжники, описывая великую разруху Московскаго государства, задавались вопросомъ, гдѣ причина этой разрухи; сопоставленіе подобныхъ отзывовъ русскихъ писателей съ отзывомъ Флетчера тѣмъ любопытнѣе, что онъ на основаніи своихъ наблюденій надъ русскимъ обществомъ предсказалъ смуту, а наши писатели объясняли происхожденіе смуты предыдущимъ состояніемъ русскаго общества.

Неоднократно уже цитированный Иванъ Тимоѳеевъ по своимъ сужденіямъ очень близокъ къ Флетчеру. Съ тѣхъ поръ, какъ московскіе государи стали измѣнять древніе обычаи и установленія, и въ подданныхъ стало уменьшаться чувство повиновенія; государи (намекъ на Грознаго и Бориса) стали преклонять свой слухъ словамъ доносчиковъ, — московскіе люди стали робки и «на кождой часъ измѣнуеми и словопревратни удобь и всяко неутвержени ни въ чемъ, въ дѣлѣхъ же и словесѣхъ нестоятельни, по всему вертяхуся, яко коло, и другъ другомъ защищающееся въ находящихъ». Указывая на то же явленіе, что и Флетчеръ,— на невѣрность русскихъ своему слову,—Тимоѳеевъ, однако, даетъ совершенно противоположное объясненіе, чѣмъ Флетчеръ; не застой въ своихъ обычаяхъ, а напротивъ, подражанія иностранцамъ были причиною столь гибельной для Россіи перемѣны нравовъ.

Авторъ «Инаго Сказанія» считаетъ, что смута произошла отъ того, что люди обратились на злодѣянія, беззаконія и прогнѣвали Бога.

Повѣсть о видѣніи, написанная прот. Терентіемъ, влагаетъ въ уста Господа такой отвѣтъ на просьбы Богоматери пощадить православный народъ: «зѣло стужаютъ Ми злобами своими и лукавыми нравы: понеже бо церковь Мою оскверниша злыми своими праздными бесѣдами и Мнѣ ругатели бываютъ; вземше убо отъ скверныхъ языкъ мерзкія ихъ обычаи и нравы, брады свои постригаютъ и содомская дѣла творятъ, и неправедный судъ судятъ, и правымъ убо насилуютъ, и грабятъ чюжая имѣнія, и многая иная скверная ихъ дѣла творятъ». Когда же Богоматерь и всѣ предстоящіе Господу продолжали моленіе о православныхъ, то Господь

ничего не умѣютъ промыслить: такимъ слугамъ по неволѣ со слезами, и лгать, и красть, и развратничать, мущинамъ разбивать и красть и въ корчмѣ пить». Наставленіе Домостроя, по Соловьеву, VII, 215.

вторично отвѣчалъ имъ: «Не рѣхъ ли вамъ, яко нѣсть истины во царѣ же, и въ патріарсѣ, ни во всемъ священномъ чину, ни во всемъ народѣ Моемъ, новѣмъ Израили». Это видѣніе служитъ прекраснымъ показателемъ тогдашняго настроенія умовъ, возвышавшагося до сознанія, «яко нѣсть истины»; это не былъ обманъ или только риторическая фигура, потому что въ подобномъ случаѣ, по замѣчанію С. Θ. Платонова, авторъ рисковалъ бы слишкомъ многимъ.

Равнымъ образомъ и авторъ «Плача о плѣненіи Московскаго государства» причиною смуты считаетъ грѣхи монарховъ и грѣхи всего народа. Монархи уклонились отъ православія и снизошли до волшебства и чарованія, окружили себя пагубными совѣтниками, стали жестоки, и народъ отъ головы до ногъ покрылся неисцѣльными грѣхами, «къ сему жъ отъ великихъ и благородныхъ, отъ премудрыхъ и до простыхъ, вкратцѣ реку, отъ главы и до ногу всѣ неисцѣлными струпы обязашася». Неизвѣстный авторъ «Повѣсти о нѣкоей брани» почти буквально, какъ Флетчеръ, говоритъ: «аще не огнемъ и мечемъ, инѣмъ ничимъ же могутъ очиститися таковыя грѣхи» (ср. Флетчеръ, 34). На недостатокъ единства въ русскомъ обществѣ указывали, какъ мы уже видѣли, и дьякъ Ив. Тимоѳеевъ и Валаамская Бесѣда и другіе писатели [1].

Тѣмъ не менѣе, на основаніи этихъ, хотя бы и согласныхъ показаній, еще нельзя безусловно осуждать людей того времени. Мы должны прежде всего дать себѣ отчетъ въ томъ: эти люди конца XVI в. сравнительно съ предками своими ушли-ли дальше назадъ, или можетъ быть, не смотря на всѣ свои недостатки, они нѣсколько, хоть въ немногомъ подвинулись впередъ? Можетъ быть, прогрессъ въ одномъ, болѣе важномъ, сопровождался пониженіемъ въ чемъ-либо другомъ, второстепенномъ. Иностранныя показанія въ этомъ случаѣ не могутъ имѣть рѣшающаго значенія. Иностранцы не знали, что такое были русскіе до нихъ; они сравнивали только чужое съ своимъ и конечно, въ чужомъ глазу видѣли очень много сучковъ и, замѣчая презрительное къ себѣ отношеніе русскаго народа, платили ему тою же монетою. Мы сейчасъ увидимъ, что не одинъ русскій народъ былъ виноватъ въ столь враждебныхъ отношеніяхъ.

Русскіе писатели дали свои отзывы подъ вліяніемъ событій смуты, причиной которой для нихъ былъ гнѣвъ Божій. Почему же

[1]) С. Θ. Платоновъ, Древнерусскія сказанія и повѣсти, 48, 59—60, 102—105, 117, 133 и 136.

онъ палъ на русскую землю? Объясненія наши книжники искали въ состояніи современнаго имъ общества и, конечно, находили таковое; подъ перомъ этихъ строгихъ моралистовъ нравственное состояніе русскаго общества развѣ немногимъ оказывалось лучше, чѣмъ жителей Содома и Гоморры; но мы полагаться на эти сужденія не можемъ. Если же мы отъ сужденій обратимся къ фактамъ, то можемъ сдѣлать наблюденія надъ фактами, какъ будто противорѣчащими другъ другу. Съ одной стороны не трудно указать факты, крайне мрачно рисующіе нравственность тогдашняго общества.

Отъ этого времени до насъ дошли мировыя записи по уголовнымъ дѣламъ, даже объ убійствѣ, ясно свидѣтельствующія, что общество еще мало дорожило человѣческою жизнію, что оно еще не доросло до сознанія преступленія, какъ нарушенія нравственности общественной. По писцовымъ книгамъ того времени можно прослѣдить, какъ быстро возрастало нищенство, а вмѣстѣ съ нимъ, конечно, и небезопасность на дорогахъ. Въ самой Москвѣ въ 1595 г составленъ былъ, напр., заговоръ съ цѣлью зажечь городъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и разграбить казну. И ногаи, и крымскіе татары, и персы получали въ царствованіе Θеодора отъ правительства дозволеніе покупать «нѣметцкой полонъ» [1]). Обычнымъ процентомъ, взимаемымъ по ссудамъ, было 20% годовыхъ. Къ услугамъ гадателей и гадальщицъ обращались передовые умы вѣка: Грозный, Борисъ, Василій Шуйскій. Любопытнѣйшее дѣло о смерти крымскаго царевича Муратъ-Гирея въ Астрахани можетъ служить показателемъ того, какъ правительство оффиціально признало вѣдуновъ и повѣрило ихъ показаніямъ, даннымъ подъ ужасной пыткой, что они испортили и выпили кровь у царевича и его приближенныхъ. О нетвердости русскихъ въ своемъ словѣ можно судить по позднѣйшимъ событіямъ смутнаго времени; въ смуту дѣйствовало поколѣніе, которое Флетчеръ наблюдалъ въ Москвѣ.

[1]) А. Ю., 270 и 271 (Соловьевъ, VII, 170—171); Н. Д. Чечулинъ, Города Московскаго государства, 331; авторъ даже думаетъ, что нищенство, если не возникло, то, по крайней мѣрѣ, достигло сколько нибудь значительнаго развитія всего только во второй половинѣ XVI вѣка; однако, уже Ричардъ Чанслоръ замѣтилъ: «число бѣдныхъ здѣсь очень велико, и живутъ они самымъ нищенскимъ образомъ». Въ «Памятникахъ дипломатическихъ и торговыхъ сношеній московской Руси съ Персіей» много указаній на покупку персами въ Россіи нѣмцевъ, напр., въ грамотѣ 1591 г.: «отпустили есмя съ Москвы кизылбашскаго посла Ази Хосрова, а съ нимъ дворянъ и съ людьми ихъ тритцать три души, да имъ же ослободили есмя въ дороге ку-

Но, съ другой стороны, можно указать и рядъ фактовъ противоположнаго характера. Тѣ же иностранцы удивляются вѣрности, которую питаютъ русскіе къ своему государю и правительству. Англичане, плававшіе по Сѣверному океану, не могли нахвалиться предупредительностью, чтобы не сказать болѣе, русскихъ мореходовъ, и это вѣдь безъ всякаго приказанія правительства. Сохранились записи крестьянъ, которыми они обязываются воздерживаться отъ пьянства, отъ бранныхъ словъ и отъ работы въ праздничные дни; есть указанія и на то, что при вѣрномъ обезпеченіи довольствовались иногда самымъ незначительнымъ процентомъ на капиталъ, равно какъ и на обычай отпускать по духовной холопей на волю, прощать должникамъ ихъ долги. Судя по весьма значительному числу книгъ, хранившихся въ монастыряхъ и церквахъ, можно думать о значительной любознательности нашихъ предковъ XVI в. [1]).

Разбирая по статейнымъ спискамъ поведеніе русскихъ людей того времени, невольно приходишь къ заключенію, что у этихъ людей были вполнѣ опредѣленныя понятія о чести и достоинствѣ, только выражавшіяся въ иныхъ, а не въ общепринятыхъ формахъ.

Григорій Микулинъ, отправленный съ товарищемъ своимъ, Иваномъ Зиновьевымъ, въ Англію къ Елизаветѣ царемъ Борисомъ, никогда не позволялъ себѣ жаловаться на то, что онъ терпѣлъ въ чемъ-нибудь недостатокъ или нужду; онъ заявлялъ: «одно ему прискорбно: живетъ онъ въ Англіи долго, а до сихъ поръ не видѣлъ очей Елизаветы и не можетъ править посольства своего государя». Елизаветѣ на аудіенціи онъ говоритъ, что если на морѣ и была имъ «нужа», то теперь, увидѣвъ ея очи, онъ всю «тоѣ нужу» забылъ. Пригласили его на совѣщаніе въ домъ лорда Кипера, — онъ наотрѣзъ отказался: готовъ ѣхать куда угодно на королевнинъ дворъ, но на дому у боярина говорить о царскихъ дѣлахъ не можетъ; поведеніе другихъ посланниковъ ему не примѣръ,

---

пить неметцкаго полону тритцать душъ» (стр. 204), также Соловьевъ, VII, 166); о заговорѣ поджечь Москву и дѣлѣ царевича — Соловьевъ, VII, 375—376.

[1]) Извѣстія англичанъ, 6—7; 22; Гейденштейнъ, 26; Н. Д. Чечулинъ, Города Московскаго государства, 150: приведенъ расчетъ, по которому возобновленіе сгорѣвшей мельницы будетъ стоить 292 р., а вымалывать она можетъ на 4—6 р. въ годъ, потому что неудобно расположена; Н. Д. Чечулинъ, Нѣсколько данныхъ о книгахъ по городамъ Московскаго государства въ XVI вѣкѣ.

они дѣлаютъ, какъ знаютъ, а ему, посланнику великаго государя, царя и великаго князя, Бориса Ѳеодоровича, всея Русіи самодержца и многихъ государствъ государя и обладателя, надъ великими, славными государями государя,—ѣхать на боярской домъ нельзя. Конечно, желаніе пословъ было уважено, переговоры велись въ Лондонѣ на казенномъ дворѣ. Приглашаютъ пословъ посмотрѣть на въѣздъ Елизаветы въ Лондонъ, они соглашаются съ тѣмъ, чтобъ имъ не было ни въ чемъ безчестья, чтобы тамъ, гдѣ они будутъ, не было никакихъ другихъ иноземцевъ. Смотрѣли они королевнину потѣху, «какъ передъ нею бился, съѣзжаясь межъ себя, князи, і боярские дѣти и дворяне въ полныхъ доспѣсехъ на аргамацехъ и на жеребцехъ древцы», и опять отмѣчаютъ, что въ это время въ палатѣ королевской не было никакихъ другихъ пословъ; были только послы «Барбарѣйскаго царя», но тѣ стояли на дворѣ, подъ навѣсомъ, вмѣстѣ съ «рядовыми людьми». Потомъ ихъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ лордъ-мэръ лондонскій, и приставъ ихъ предупредилъ, что за этимъ обѣдомъ председательствуетъ всегда самъ лордъ-мэръ, и всегда всѣ послы уступали ему на этотъ день первенство. Но наши послы опять ему отвѣтили, что послы другихъ государствъ имъ не образецъ, и на обѣдѣ у лорда-мэра не были. Послѣ обѣда у самой королевы Григорій Микулинъ почтилъ ее опять своеобразно: королева, по окончаніи обѣда, умыла себѣ руки и приказала подать и Григорію сосудъ съ водой, но Григорій билъ ей челомъ на ея жалованьѣ, а рукъ не умылъ, потому что государь его называетъ королеву Елизавету своей сестрой, потому ему, холопу государеву, не приходится умывать рукъ въ ея присутствіи. Также на отпускѣ, когда королева приказала поставить стулъ ближе къ себѣ и пригласила Григорія сѣсть, то онъ опять билъ ей челомъ, но стулъ отодвинулъ на сажень и сѣлъ. Когда же на этомъ отпускѣ она не приказала ему челобитья къ царю, а сказала, что завтра съ грамотами пришлетъ къ нему своего секретаря, и когда послѣ этого ея вельможи повели было Григорія подчивать «овощи і вины», то Григорій за овощи не пошелъ и жаловался, для чего и которымъ обычаемъ то учинилось. Тогда немедленно же пришли сказать отъ королевы, что то былъ не отпускъ, а отпускъ будетъ послѣ. На этомъ отпускѣ Елизавета увѣряла Микулина, что у нея и въ мысляхъ не было давать тогда имъ отпускъ, «мнѣ де и то какъ учинится, что къ люб-ному моему брату к в-му гдрю вашему и его ц. вел-ву не подлинно наказавъ и челобитья не приказавъ, васъ отпустити».

Живя въ Лондонѣ, послы вовсе не запирались отъ людей; они только зорко слѣдили, чтобы не было какой порухи царскому имени; они пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы внушить иностранцамъ самое высокое представленіе о силѣ и могуществѣ своего государя. Они приглашали, напр., на службу въ Москву навѣстившихъ ихъ трехъ князей изъ Цесарской земли; отъ нихъ старались узнать, въ какихъ нынѣ отношеніяхъ Цесарь и Турецкій Султанъ, чего можно ожидать въ будущемъ, кто помогаетъ Цесарю? Спрашивали также про своего соотечественника, дьяка Аѳанасія Власьева, какъ онъ былъ у Цесаря и какъ отпущенъ? и очевидно, очень польщены были отвѣтомъ этихъ князей германскихъ, что Власьевъ отпущенъ былъ съ такою честью, съ какой никогда никто еще не былъ отпускаемъ, и что самъ Власьевъ «ославился во всей Цесарской области, в ыныхъ окрестныхъ государствахъ своимъ великимъ разумомъ». Лорда Сесиля младшаго они, наивно конечно, увѣряли, что шахъ персидскій только и держится, что помощью русскаго царя; Сесилю же они внушали, будто ногаи доставляютъ въ царское войско до 130.000 чел.; то же они говорили шотландскому послу, отъ котораго старательно вывѣдывали объ европейскихъ дѣлахъ и взаимныхъ отношеніяхъ государствъ.

Разумѣется, многіе поступки Микулина и Зиновьева должны были показаться англичанамъ странными, грубыми, варварскими; конечно, послѣ отправки Микулина англичане много смѣялись надъ этими «варварами»; конечно, поведеніе русскихъ въ Лондонѣ можно объяснять ихъ надменностью, высокомѣріемъ, грубостью; можно говорить, что они ни съ кѣмъ не хотѣли знаться, что они считали себя выше всѣхъ; но это совсѣмъ несправедливо. О себѣ они вовсе не заботятся; только бы справить государево дѣло, и какъ бы царское имя гдѣ не потерпѣло ущерба. Въ этомъ они дѣйствительно не уступали ни на іоту и заставляли иностранцевъ уступать себѣ. Честь государева была для нихъ синонимомъ чести государства, ихъ собственной чести; никакими пріемами, никакими угощеніями и потѣхами ихъ нельзя было отвлечь отъ главной цѣли ихъ пріѣзда [1]).

Въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ мы видимъ какъ наклонности противообщественныя, порочныя, такъ и задатки многаго хорошаго, и для того, чтобы имѣть право высказать сужденіе объ

[1]) Статейный списокъ посольства Григорія Микулина въ XXXVIII т. Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ., 315—363, 322, 326, 329, 330—332, 336—337, 358.

этомъ обществѣ, необходимо, повторяемъ, разсмотрѣть, что представляло оно сравнительно съ предшествующими поколѣніями, и не было ли какихъ причинъ, особенно пагубно влiявшихъ на народную нравственность къ концу XVI в. По словамъ Флетчера, русское общество страдало особенно склонностью къ насилію, невоздержностью, особенно въ винѣ, и крайнимъ самомнѣніемъ, почти исключавшимъ самую возможность прогресса въ русскомъ обществѣ.

Склонность къ насилію, взаимное недовѣріе иностранцы и русскіе писатели объясняютъ согласно—жестокимъ правленіемъ Грознаго и коварными поступками Годунова.

Дурное управленіе—объясненіе общее у нашихъ, равно какъ и у иностранныхъ писателей. Въ этихъ словахъ, конечно, должно видѣть намеки на Грознаго и отчасти на Бориса. Что дурное управленіе дурно вліяетъ на общественную нравственность — это безспорно, и потому, конечно, управленіе Грознаго не только неспособно было водворить въ государствѣ спокойствіе и порядокъ, а напротивъ, оно было причиной того, что въ молодомъ обществѣ, еще не воспитанномъ въ чувствѣ законности, еще не привыкшемъ сдерживаться, слишкомъ уважавшемъ физическую силу, развились противообщественныя наклонности. Слыша отъ царя, земнаго владыки, постоянныя обвиненія боярства, духовенства, приказныхъ людей во всевозможныхъ преступленіяхъ и неправдахъ, что долженъ былъ подумать простой народъ, еще не вышедшій вполнѣ изъ патріархальнаго быта, привыкшій уважать боярина за его знатное происхожденіе? Народъ чувствовалъ на себѣ, что бояре и приказные люди дурно управляли, онъ видѣлъ, что царь хочетъ измѣнить подобный порядокъ,—и народъ проникался чувствомъ недовѣрія и ненависти къ боярству и дьякамъ; мало того, царь даже призывалъ народъ стать судьею между нимъ, царемъ, и боярствомъ; поэтому С. М. Соловьевымъ очень мѣтко указано, какъ во время Грознаго поднялось значеніе средняго класса: тотчасъ по смерти видимъ народное движеніе, направленное противъ нѣкоторыхъ бояръ; въ распрѣ Годунова съ Шуйскими торговые люди опять-таки играютъ значительную роль. Съ другой стороны, этотъ же царь для борьбы съ князьями и боярами и приказными выбралъ средство, которое, пожалуй, было хуже зла, вызвавшаго его,—опричнину; на общественную нравственность опричнина, конечно, имѣла самое пагубное вліяніе: она пріучала къ страшнымъ казнямъ, къ самымъ произвольнымъ дѣйствіямъ общество, въ которомъ чувство законности и безъ того было развито чрезвычайно слабо. Къ этому при-

соединилась еще тягостная война, время которой, само собой, не благопріятствовало дальнѣйшему нравственному усовершенствованію русскаго народа; затѣмъ,—правленіе Бориса Годунова, которому пришлось выдержать сильную борьбу съ знатными соперниками; неудивительно послѣ всего этого, что къ концу XVI в. уровень общественной нравственности значительно понизился [1]).

Затѣмъ, иностранцы второй половины XVI в. сильно жалуются на крайне распространенный въ то время порокъ русскаго народа—на пьянство; между тѣмъ, иностранцы XV в. отзываются о русскихъ какъ о народѣ весьма трезвомъ, указываютъ на запрещеніе простонародью варить вино, за исключеніемъ немногихъ дней въ году. Запрещеніе это сохраняло свою силу и въ концѣ XVI в., но въ половинѣ этого вѣка, сначала въ немногихъ городахъ, стали появляться кабаки, а въ концѣ вѣка организуется уже спеціальное учрежденіе—Новая Четь, предметъ вѣдѣнія которой, главнымъ образомъ, кабацкіе и питейные сборы. Флетчеръ говоритъ, что люди пропивали въ кабакахъ будто даже 20 — 40 р., пропивали все до того, что выходили оттуда нагими; мало того, по его словамъ, пока они тамъ, ихъ нельзя вызывать оттуда, чтобы не препятствовать сбору доходовъ (58). Дженкинсонъ также говоритъ о мужчинахъ и женщинахъ, пропивающихъ все свое достояніе, пропивающихъ своихъ дѣтей въ кабакахъ. «Бога ради, государь, и пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ, потщися и промысли о своей отчинѣ о Великомъ Новѣгородѣ, что ся нынѣ въ ней чинитъ: въ корчмахъ безпрестанно души погибаютъ, безъ покаянія и безъ причастія, въ домѣхъ и на путехъ и на торжищахъ убійства и грабленія, во градѣ и по погостамъ, великіе учинились, прохода и проѣзду нѣтъ...» Такъ писалъ архіеп. Ѳеодосій Іоанну Грозному; когда Борисъ вступилъ на престолъ, на первыхъ же порахъ, желая какъ можно больше прельстить новыхъ подданныхъ своимъ управленіемъ, онъ приказалъ закрыть кабаки въ Новгородѣ и мотивировалъ эту мѣру тѣмъ, что отъ двухъ новгородскихъ кабаковъ всѣмъ жителямъ была «нужа, тѣснота, убытки и оскудѣнье». Развивавшееся пьянство влекло за собою и другія преступленія: грабежъ, разбой особенно. Слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи уровень общественной нравственности понизился [2]).

Иностранцы много говорятъ о крайнемъ самомнѣніи русскихъ.

---

[1]) Соловьевъ VI, 395 (оцѣнка дѣятельности Грознаго) и VII, 234.
[2]) Извѣстія англичанъ о Россіи, 34—35; Д. А. И. I, 41 и 146.

Это тоже вѣрно, и къ концу XVI в. русское самомнѣніе достигло своего апогея. Въ настоящее время достаточно уже выяснено, почему у русскихъ образовалось столь высокое мнѣніе о себѣ и своей странѣ. Идея о томъ, что Москва—третій Римъ, что русскій народъ—новый Израиль, что русскому государству принадлежитъ первое мѣсто въ семьѣ христіанскихъ народовъ, прочно засѣла въ русскомъ обществѣ, и нужно было, дѣйствительно, страшное потрясеніе, чтобы нѣсколько пробудить убаюканное успѣхами русское общество [1]).

Флетчеръ, какъ и нѣкоторые другіе иностранцы, говоритъ, что русскіе были до того горды, что уже не хотѣли ничего заимствовать отъ своихъ сосѣдей, да къ тому же правительство и не позволяло имъ учиться у западныхъ сосѣдей.

Относительно этого положенія мы видѣли, что русскіе отзывы прямо противоположны иностраннымъ: перемѣну къ худшему они и объясняютъ не чѣмъ инымъ, какъ заимствованіемъ, подражаніемъ иностранцамъ. Истина, думаемъ, находится по срединѣ. Несомнѣнно, что впродолженіе всего XVI вѣка, особенно во второй его половинѣ, иностранное вліяніе довольно сильно проникаетъ въ Москву. У Горсея есть (220—222) любопытный разсказъ о томъ, какое сильное впечатлѣніе произвели въ Москвѣ его подарки, особенно часы и органъ: будто самъ Борисъ провелъ цѣлый часъ въ разсматриваніи привезенныхъ Горсеемъ подарковъ, будто слуги Горсея, игравшіе на привезенныхъ имъ инструментахъ, допущены были туда, куда самъ Горсей не имѣлъ входа,—очевидный намекъ на покои самой царицы. Барберини, отозвавшійся такъ неблагосклонно о русскихъ, считаетъ все-таки своимъ долгомъ засвидѣтельствовать о значительномъ движеніи русскаго народа впередъ: русскіе искусно дѣлаютъ разныя вещи, завели книгопечатаніе, дѣланіе бумаги, льютъ пушки, колокола, дѣлаютъ пищали, такимъ образомъ, они мало-по-малу замѣтно подвигаются впередъ.

[1]) Въ сочиненіи Н. Каптерева «Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII ст.» превосходно выяснено, подъ вліяніемъ какихъ причинъ образовалось у русскихъ необыкновенно высокое мнѣніе о роли Руси: не невѣжество, не самомнѣніе, а глубокая религіозность была причиной этого; вѣря, что Москва—третій Римъ, что четвертому Риму не быть, русскіе убѣждены были, что потому они заняли столь высокое мѣсто, что одни они сохранили въ чистотѣ христіанскую вѣру, что если они утеряютъ истинное православіе, то оно погибнетъ навсегда, настанетъ царство Антихриста, и страшная отвѣтственность за это падетъ на русскій народъ (11—25).

Равнымъ образомъ и Маржеретъ, упоминая, что дуэль между русскими—неслыханное дѣло, замѣчаетъ: «справедливо и то, что русскіе не любятъ придираться къ словамъ; они очень просты въ обхожденіи и всякому говорятъ ты, а прежде были еще проще. Если имъ случается слышать что-либо сомнительное или несправедливое, то вмѣсто словъ: ваше мнѣніе, или: извините, или другихъ учтивыхъ выраженій, они отвѣчаютъ наотрѣзъ: ты лжешь. Такъ говорилъ даже слуга своему господину. Самъ Іоаннъ Васильевичъ, названный мучителемъ, не гнѣвался за подобныя грубости. Но теперь, познакомясь съ иностранцами, русскіе отвыкаютъ отъ подобной дерзости въ разговорѣ, бывшей обыкновенною лѣтъ за 20 или 30». «Не буду говорить о пристрастіи къ иноземнымъ обычаямъ и одеждамъ...» прибавляетъ другой иностранный наблюдатель русской жизни [1]).

Слѣдовательно, несправедливо увѣреніе Флетчера, что русскіе не хотятъ ничему учиться у своихъ сосѣдей; напротивъ, западное вліяніе довольно сильно стало проникать въ Московское государство со времени Іоанна Грознаго, и само русское общество легко поддавалось этому вліянію, способно было воспринимать не только его внѣшнюю, но и внутреннюю сторону. Флетчеръ, такъ же какъ и Поссевинъ, увѣряетъ (63), что само правительство старается держать свой народъ во тьмѣ варварства и невѣжества, чтобы было легче имъ управлять. Флетчеръ и Поссевинъ основываютъ свое заключеніе на томъ, что какъ въѣздъ въ Россію, такъ и выѣздъ изъ Россіи были въ то время очень затруднены и иностранцамъ и, особенно, русскимъ: то и другое допускается только по особой царской грамотѣ. Флетчеръ прибавляетъ, что русскіе такъ враждебно относятся къ иностранцамъ, что въ бытность его въ Москвѣ между ними происходили совѣщанія о томъ, чтобы дозволить иностранцамъ торговать только въ пограничныхъ городахъ и осторожнѣе пропускать ихъ во внутреннія области Россіи (63).

Эти сообщенія Флетчера требуютъ болѣе обстоятельнаго разбора какъ въ виду важности этого вопроса—объ отношеніяхъ Московской Руси къ Западной Европѣ, такъ и потому, что замкнутость нашихъ предковъ XVI, начала XVII вѣковъ стала чуть-ли не общимъ мѣстомъ въ нашей исторической литературѣ.

---

[1]) Барберини; Маржеретъ, Сказ. соврем., 296—97; Мартинъ Беръ, тамъ же, 37—38.

Во все время правленія Іоанна забота объ установленіи сношеній съ Западной Европой, о приглашеніи оттуда людей знающихъ искусныхъ, была одною изъ главныхъ заботъ правительства. По смерти Грознаго Борисъ Годуновъ, какъ только сталъ правителемъ государства, еще дѣятельнѣе принялся за расширеніе заграничныхъ сношеній. Вызывались всякіе художники, доктора, военные; они играли значительную роль при дворѣ, значеніе ихъ возбуждало уже неудовольствіе русскихъ, они имѣли уже свои церкви въ Москвѣ. Съ другой стороны, русскіе торговые люди ѣздили и въ Бухару, и въ Персію, въ Каффу и Азовъ, въ Варшаву и Познань; купцы, напр., московскіе, новгородскіе, псковскіе, смоленскіе, бѣльскіе, торопецкіе, вяземскіе и всѣхъ городовъ били челомъ царю Θеодору, что въ Польшѣ и Литвѣ ихъ обижаютъ и берутъ съ нихъ большіе поборы. Мы имѣемъ цѣлый рядъ договоровъ XVI вѣка, которыми правительство стремилось обезпечить за русскими людьми и право свободнаго пропуска и право торговли въ западныхъ государствахъ; упоминаются отдѣльные случаи посылки русскихъ торговыхъ людей въ Лондонъ, Антверпенъ и другіе города [1]).

Но какъ сами западные народы отнеслись къ этому стремленію русскаго народа приблизиться къ общему достоянію цивилизаціи? Перомъ своихъ посланниковъ и торговцевъ, бывавшихъ въ Москвѣ, пользовавшихся русскимъ гостепріимствомъ, они распускали басни о варварствѣ и невѣжествѣ этого народа.

Они видѣли и сами понимали желаніе московскаго правительства приблизиться къ Западной Европѣ, они могли бы, съ другой стороны, понять, что народъ, исторической судьбою отброшенный отъ своихъ болѣе счастливыхъ сосѣдей, находившійся въ постоянномъ общеніи съ народами азіатскими, вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы, послуживъ для Европы какъ бы оплотомъ; во время этой многовѣковой борьбы русскій народъ предоставленъ былъ своимъ силамъ, не имѣлъ предъ собою никакого образца и естественно отсталъ отъ своихъ западныхъ сосѣдей, для которыхъ онъ былъ барьеромъ, заслонявшимъ ихъ отъ кочевыхъ народовъ.

Отношенія къ Москвѣ Польши, Ливоніи, Швеціи и Даніи достаточно извѣстны, чтобы стоило объ этомъ распространяться Какъ бы предчувствуя свою гибель, желая отвратить или по край-

[1]) Соловьевъ VII, 286, 345—346; Россія и Англія, №№ 10 и 14; Дженкинсонъ видѣлъ русскихъ торговцевъ въ Бухарѣ (51); Сбор. Им. Русс. Ист. Общ. XXXVIII, 270—271, ср. напр., Памятники дипл. снош. I. 1109.

ней мѣрѣ отсрочить время сведенія старыхъ счетовъ, эти государства стремились замкнуть Московское государство въ желѣзное кольцо и не пропускать туда людей, которые могли бы быть полезны Москвѣ. Польша, какъ это уже указано, была въ XVI в. и позже мѣстомъ, откуда распространялись самыя нелѣпыя свѣдѣнія о русскомъ народѣ, Польша шла даже противъ стремленія римской куріи втянуть Москву въ общехристіанскій союзъ противъ Турціи,—даже противъ пропаганды въ Москвѣ католической религіи. Царь Ѳеодоръ находился въ мирѣ со всѣми своими западными сосѣдями, а между тѣмъ писалъ Елизаветѣ, отправляя къ ней грамоту съ ея же подданнымъ, чтобы Елизавета поскорѣе дала ему отвѣтъ чрезъ Горсея же, потому что никто «изъ нашихъ подданныхъ не можетъ проѣхать чрезъ столько государствъ: наши прежніе гонцы и толмачъ были во многихъ мѣстахъ худо принимаемы и задерживаемы». Пріѣхавшій въ 1599 г. докторъ Ульзъ (Вилисъ) объяснялъ въ посольскомъ приказѣ, что потому онъ не взялъ съ собою докторскихъ книгъ и лекарствъ, чтобы имѣть возможность сказываться въ дорогѣ торговымъ человѣкомъ, «насъ, докторовъ, к Москве нигдѣ не пропускаютъ».

Польша на сухопутной дорогѣ, Швеція и Данія на морской, зорко слѣдили за всѣми, проѣзжавшими въ Московское государство. Англичане должны были вооружать свои корабли, съ торговыми кораблями отправлять и военные корабли; какъ въ Балтійскомъ морѣ, такъ и въ Сѣверномъ Океанѣ имъ пришлось выдержать нѣсколько удачныхъ битвъ съ шведскими и датскими кораблями.

При такихъ условіяхъ для русскихъ оставался одинъ надежный путь: на англійскихъ корабляхъ въ Англію, а оттуда можно было бы пробираться во Францію, Нидерланды, Испанію и другія государства. Но и на этомъ пути русскіе встрѣтили препятствіе тамъ, гдѣ всего менѣе могли ожидать его.

Перечитывая документы о сношеніяхъ Англіи и Россіи, можно изумиться той настойчивости, съ которою англійское правительство преслѣдовало интересы московской компаніи. Въ своихъ столь многочисленныхъ грамотахъ Елизавета постоянно пишетъ Грозному и потомъ Ѳеодору Іоанновичу о дѣлахъ компаніи. Общество это получило въ Англіи монополію на торговлю съ Россіей; Елизавета проситъ царя не пускать въ Россію даже англичанъ, не принадлежащихъ къ компаніи, немедленно высылать изъ Россіи лицъ, прежде состоявшихъ на службѣ компаніи. Послѣ потери русскими Нарвы къ устьямъ Двины вслѣдъ за англійскими кораблями потянулись нидерландскіе,

французскіе и иные; въ Россію стали пріѣзжать иноземцы изъ Гамбурга, Любека и англичане, не принадлежавшіе къ компаніи. Что же дѣлаетъ англійское правительство? Начиная съ посольства Боуса (1583—1584 г.), оно настойчиво требуетъ спачала отъ Грознаго, потомъ отъ Ѳеодора, чтобы всѣ порты Сѣвернаго океана отъ Вардгуза до Оби (предусмотрительно включено было даже устье Ыслендь-рѣки, т.-е. Енисея) закрыты были для всѣхъ судовъ, кромѣ судовъ московской компаніи; требованія эти постоянно мотивировались тѣми, будто бы, огромными издержками, которыя понесла московская компанія какъ до открытія этого пути, такъ и въ первое время пользованія имъ. Тщетно московское правительство указывало на невозможность исполненія этихъ требованій и на то, что московская компанія, платя всего половинныя пошлины, когда съ остальныхъ берутъ полныя, достаточно вознаграждена, англійское правительство настойчиво домогалось своего. «Что писано къ намъ въ твоей грамотѣ, что твои люди могутъ привозить намъ великое количество и даже съ излишкомъ тѣхъ товаровъ, какіе намъ надобны, и чтобы мы не дозволяли и не допускали пріѣзжать въ наше государство торговать товарами никого изъ твоей земли, кромѣ тѣхъ, кто пріѣдетъ съ твоими грамотами; и намъ давать такія повелѣнія для твоей земли непригоже; кто бы ни былъ или кто бы изъ какой земли ни пріѣхалъ въ наше государство, тому можно и повольно торговать товарами; и обязывать насъ въ томъ, чтобы мы въ своемъ государствѣ не дозволяли другимъ торговлю товарами — непригоже. Въ этомъ дѣлѣ прошеніе къ тебѣ твоихъ гостей неразумно; они хотѣли забрать всѣ прибытки для себя однихъ, и не хотятъ никого иного допускать приходить въ наши пристанища, а это была бы для нашего государства помѣха; это статья неподходящая. Довольно будетъ и той нашей милости для тѣхъ гостей, о которыхъ будешь посылать намъ свои грамоты, чтобы намъ велѣть брать съ нихъ половинную пошлину».

Русское правительство жаловалось также англійскому, что «нѣмцы разныхъ земель», англичане, французы, нидерландцы и другіе иноземцы бьютъ челомъ на московскую компанію и ихъ людей, что эти послѣдніе не пропускаютъ жалобщиковъ въ Россію, «заказываютъ, а мимо себя инымъ гостемъ съ товары ѣздити не велятъ, и мы тому і вѣрити не хотимъ, а толко такъ какъ намъ бьютъ челомъ на твоихъ гостей, а твои будетъ гости всякимъ иноземцомъ грозятъ и приеѣзжать къ нашему къ морскому пристанищу не велятъ; і то твоихъ гостей правда-ли, что за наше за такое великое

жалованье, а такъ иноземцовъ отгашиваютъ, і тоѣ Божью дорогу, окіянъ море какъ мочно перенятн и упять і затворить: твоихъ гостей къ пристанищу къ морскому приѣдетъ человѣкъ пять, шесть на пяти, на шести кораблѣхъ і въ силахъ что на десяти кораблѣхъ во всякое лѣто, а пятидесяти и ста кораблей пропущати не хотятъ».

Затѣмъ англійское правительство требовало, чтобы изъ Россіи были высланы всѣ англичане, не состоящіе на службѣ компаніи, даже тѣ, которые поступили на русскую службу; но и на это русское правительство отвѣтило: «что касается тѣхъ людей твоего вел-ва, которые отдали себя нашему правительству въ подданство, мы думаемъ, что намъ не слѣдуетъ допускать ихъ отправки» [1]).

Эти переговоры тѣмъ цѣнны, что они показываютъ, какъ относились англичане къ русскимъ того времени. По ихъ понятіямъ, это народъ варварскій, который имъ, въ частности московской компаніи, получившей въ Англіи монополію на торговлю съ Россіей, очень выгодно эксплоатировать и держать какъ можно дальше отъ образованныхъ народовъ.

Мы уже видѣли, какъ дерзко велъ себя Боусъ, какія требованія предъявлялъ онъ ослабѣвавшему Іоанну. Самъ Флетчеръ, не смотря на приведенныя выше царскія грамоты, возобновилъ въ Москвѣ ходатайство о монополіи для московской компаніи въ еще болѣе рѣзкомъ видѣ: «чтобъ англичанинъ никаковъ и иные иноземцы не ѣздили торговать въ его государеву землю, по сю сторону Варгава (т. е. Вардгуза), ни къ которому пристанищу, къ Двинскому устью, и къ Ругодиву и въ Новгородъ безъ королевнины проѣзжіе грамоты и ослобоженья; а будетъ кто учнетъ ѣздити къ тѣмъ мѣстамъ, а не тѣхъ гостей товарищи, и Государево бъ Величество съ ихъ кораблей и изъ животовъ велѣлъ половину имати на себя, а другую половину на гостей». На такое требованіе Флетчеру боярами данъ былъ такой отвѣтъ, что это дѣло не статочное; бояре даже высказываютъ сомнѣніе, чтобы Елизавета могла приказать подобное требованіе: «да чаять того съ тобою и Елисаветъ Королевна о томъ не прикажетъ, а толко приказала то Елисаветъ Королевна къ Государю нашему, и то она нелюбье свое объявляетъ Царскому Величеству, что о такомъ дѣлѣ съ тобою приказываетъ»; ни въ какомъ государствѣ не ведется, «чтобы изъ чужія земли въ которомъ государствѣ указывали тор-

---

[1]) Россія и Англія, № 57. Сб. Ист. Общ. XXXVIII, 183

говлю, которымъ людемъ въ которое государство ходити и которымъ не ходити и заказъ чинити».

Флетчеръ такъ много говоритъ о недостаткѣ законности въ русскомъ обществѣ, о беззаконіяхъ опричнины; но англичане въ Россіи добились того, что они взяты были въ вѣдѣнье опричнины, а самъ Флетчеръ предъявилъ такое требованіе: если кто-нибудь изъ русскихъ долженъ будетъ англійскимъ гостямъ, то англійскій прикащикъ имѣлъ бы право ѣхать за нимъ и взять у него имущество. Бояре опять дали ему отвѣтъ: на то судъ и управа, а не сыскавъ, животы у нихъ какъ имати безъ сыску? [1]).

Очевидно, у англичанъ, и у Флетчера въ томъ числѣ, была для себя одна мѣрка, а для русскихъ совсѣмъ другая.

Даровавъ англичанамъ большія торговыя льготы, Грозный выговорилъ такія же права и для русскихъ торговыхъ людей въ Англіи. Англійское правительство, конечно, не могло прямо отказать въ этомъ царю и въ заключенныхъ договорахъ соглашалось на этотъ пунктъ. Но, какъ видно изъ представленій Гарарда, главы московской компаніи, В. Сесилю, это вовсе не входило въ ихъ планы. Гарардъ предлагалъ Сесилю разрѣшить этотъ пунктъ въ томъ смыслѣ, что русскимъ позволяется торговать въ Англіи только для самого царя, но «ни въ какомъ другомъ отношеніи».

Грозный однажды отправилъ въ Англію и другія страны двухъ торговыхъ людей, Степана Твердикова и Ѳедота Погорѣлова. Елизавета писала впослѣдствіи, что она надѣется, что царь остался доволенъ пріемомъ, оказаннымъ его торговцамъ. Но Іоаннъ впослѣдствіи оправдывалъ свою опалу на англичанъ именно тѣмъ, между прочимъ, что его гостей держали въ Англіи «безчестно» и не дали имъ «поволнову торгу». Подъ конецъ царствованія Іоанна вопросъ этотъ снова былъ поднятъ, потому что въ 1585 г. Елизавета писала уже Ѳеодору: «что же касается просьбы въ письмѣ вашего пресв-ва, чтобы ваши подданные могли свободно безъ всякаго препятствія вести торговлю въ нашихъ королевствахъ и странахъ, то, хотя сіе противно привиллегіямъ, пожалованнымъ нашими предшественниками, королями Англіи, извѣстному обществу купцовъ для поощренія ихъ ревности къ розысканію новыхъ странъ; но дабы ваше прес-во уразумѣли, сколь мы желаемъ сдѣлать вамъ угодное, мы даемъ такое позволеніе, что всѣмъ вашимъ купцамъ, которые природные ваши подданные, разрѣшается привозить въ

[1]) Статейный списокъ посольства Флетчера (Временникъ, VIII) 30 и 31.

наши королевства и вывозить изъ нихъ всѣ товары, дозволимые къ привозу и вывозу подданнымъ всякаго государя, связаннаго съ нами тѣснѣйшимъ союзомъ; съ тѣмъ однако жъ, чтобъ они подъ именемъ своихъ не возили чужихъ товаровъ, и не употребляли иныхъ прикащиковъ, какъ тѣхъ, которые природные ваши подданные». Ясно, что дозволеніе дано было неохотно, дано по смерти Грознаго, когда въ виду крайне неудачнаго исхода посольствъ Боуса, англичане имѣли основаніе бояться перерыва дружественныхъ сношеній между двумя дворами; да и въ этомъ дозволеніи есть ограниченіе, которое тогда уничтожало самое дозволеніе: русскіе торговцы могли употреблять въ Англіи только русскихъ же прикащиковъ. Царь Ѳеодоръ тогда же отвѣчалъ Елизаветѣ, что напрасно она писала такъ много о такомъ неважномъ дѣлѣ, напрасно она печалуется на русскихъ купцовъ, что они не ѣздили въ Англію, «купцы наши какъ въ прошлое время въ твою землю не ѣздили, такъ и послѣ въ томъ не будутъ имѣть нужды» [1]). Изъ этого отвѣта царя Ѳеодора видно, что русскіе торговые люди того времени не воспользовались тѣми правами, которыя были выговорены для нихъ правительствомъ; но думаемъ, что это происходило не отъ того, что само же русское правительство не пускало ихъ, а потому, что, съ одной стороны, имъ дѣлали всякаго рода помѣхи и зацѣпки, а съ другой стороны,—свойственныя русскому торговому люду косность, нежеланіе ѣхать за море, путешествіе по которому въ то время было еще довольно опаснымъ.

Сношенія съ Англіей не ограничивались одними торговыми дѣлами; московское правительство желало быть въ сношеніяхъ со всѣми европейскими государствами; но его пословъ и гонцовъ задерживали въ Польшѣ, и вотъ оно обращается къ англійскому правительству съ просьбою пропускать въ иныя государства русскихъ гонцовъ, опять-таки имѣя въ виду, что англичанамъ позволялось проѣзжать черезъ Россію и въ Бухару, и въ Персію, чего не позволялось другимъ иностранцамъ. Елизавета черезъ Писемскаго соглашалась на это только съ тѣмъ, чтобы не посылать черезъ ея государство пословъ къ тѣмъ государямъ, которые съ нею «не въ докончанье и не въ одной вѣре», на что бояре основательно и отвѣтили Боусу, что вѣра не имѣетъ отношенія къ дружбѣ, что есть государи, союзные Россіи, хотя исповѣдуютъ и другую вѣру, какъ, напр., и сама Елизавета. На требованіе объя-

[1]) Россія и Англія, №№ 55 и 57.

вить, какіе же государи въ дружбѣ съ Елизаветой, Боусъ отвѣчалъ, что это—короли Даніи и Швеціи; «недругъ королеве цесарь, а ишпанскій король другъ таковъ, что на денгу въ торгу дружбы такіе купить много, а Датцкой другъ таковъ гдры нашей, каковъ самъ себѣ подвязошной другъ любительной и подвяску послала къ нему королевна, то ужъ всѣхъ любѣе тотъ, къ кому подвязку гдрня наша пришлетъ, а и Свѣиской гдрне нашей другъ»; когда же бояре заявили Боусу, что царь хочетъ отправить съ нимъ гонца къ Генриху, королю французскому, потому что къ Колѣ пришли французскіе гости и привезли письмо отъ французскаго короля къ государю, то Боусъ отвѣчалъ, что повезти гонца онъ повезетъ, но не знаетъ, пропуститъ-ли его королева; а въ слѣдующій разъ заявилъ, что половина французской земли отложилась отъ короля и просила о помощи у Елизаветы, и та дала имъ помощь, и теперь они стоятъ противъ короля [1]).

Такимъ образомъ выходило, что англійское правительство предлагало русскому сноситься черезъ него съ Швеціей и Даніей, т.-е. съ государствами, для сношеній съ которыми не было надобности ни въ какомъ посредничествѣ.

Не московское правительство держало своихъ подданныхъ за китайскою стѣною, а тѣ народы, съ которыми пришлось столкнуться русскимъ, старались всячески держать ихъ въ черномъ тѣлѣ; одни (Польша, Данія, Швеція) изъ-за политическихъ расчетовъ, другіе — изъ-за экономическихъ расчетовъ, чтобы владѣть безъ соперниковъ выгоднымъ для сбыта своихъ произведеній рынкомъ.

Этимъ отношеніемъ иностранцевъ къ русскимъ многое объясняется.

Народъ, отставшій въ умственномъ развитіи и, какъ обыкновенно думаютъ, въ нравственномъ отношеніи, столкнулся съ цивилизованными народами: они, по его мнѣнію, должны были дать то, что ему недоставало. Каковъ ни былъ въ то время русскій народъ, онъ сознавалъ за собою и свои заслуги, и право на дальнѣйшее самостоятельное развитіе: онъ одинъ безъ всякой помощи вынесъ на себѣ тяжелую, многовѣковую борьбу, во время которой онъ долженъ былъ замкнуться въ самого себя; тогда-то, предоставленный самъ себѣ, онъ выработалъ свой кодексъ понятій, своеобразный конечно. Едва онъ выбился на свободу, какъ уви-

[1]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., XXXVIII т., 99—101, 118.

дѣлъ, что единовѣрные и единоплеменные ему народы подпали подъ иго рабства, еще болѣе злѣйшаго; эти народы уже обратились къ нему за помощью, обратились съ самыми льстивыми заявленіями.

Въ то же самое время онъ столкнулся и съ западными народами, которые не хотѣли знать ни его исторіи, ни его заслугъ, которые готовы были смотрѣть на него почти такъ же, какъ на дикарей Новаго Свѣта: держать его вдали отъ просвѣщенія и эксплоатировать его въ торговыхъ сношеніяхъ.

Византійцы,—прежніе учителя русскихъ, расточали по ихъ адресу лесть, именовали московскаго царя «самодержавнымъ, единымъ правымъ государемъ, солнцемъ христіанскимъ, сіяющимъ на востокѣ и сѣверѣ и озаряющимъ всю подсолнечную»; въ 1586 г. антіохійскій патріархъ писалъ: «солнце же наше въ нынѣшніе дни—ваша царская милость», въ 1589 г. патріархъ Іеремія отзывался о царѣ Ѳеодорѣ, что онъ «во всей подсолнечной единъ благочестивъ царь» [1]); съ другой стороны русскіе видѣли, что народы Запада смотрятъ на нихъ съ худо скрываемымъ презрѣніемъ, въ сношеніяхъ съ ними думаютъ исключительно о своихъ выгодахъ.

Сознавая свои заслуги, русскіе платили иностранцамъ тѣмъ же; русскіе того времени вовсе не хотѣли играть роли низшихъ, а хотѣли быть наравнѣ со всѣми остальными народами и, конечно, съ своей точки зрѣнія, они были совершенно правы.

Тоже самое придется сказать и о грубости русскихъ того времени. Флетчеръ, какъ и другіе, такъ много говоритъ о томъ, что у русскихъ нѣтъ понятія о чести, что они жестоки, крайне неумѣренны и въ словѣ своемъ не стоятъ и до того лживы, что этимъ внушаютъ даже презрѣніе къ себѣ татарамъ: оттого татары будто не принимаютъ христіанства.

Все это, какъ мы видѣли, справедливо, но справедливо только до извѣстной степени. Какъ въ сношеніяхъ съ иностранцами русскіе держали себя самостоятельно, отстаивали свои торговые и промышленные интересы, точно также и въ частной жизни и государственной они выработали свой особый кодексъ понятій, отличный, конечно, отъ западно-европейскаго, что совершенно понятно, разъ мы будемъ помнить, что русскій народъ развивался самостоятельно, внѣ общенія съ народами Запада.

[1]) М. А. Дьяконовъ, Власть московскихъ государей, 86—90.

И мы не имѣемъ никакого права упрекать нашихъ предковъ въ томъ, что, столкнувшись съ Западомъ, они не захотѣли промѣнять сейчасъ же свое на чужое; они не прочь были взять отъ народовъ западныхъ то, въ чемъ нуждались; но въ то же время они вѣрили горячо и искренно, что только они одни хранятъ истинное христіанство, а у всѣхъ другихъ народовъ оно искажено. Вѣря въ это, они и отстаивали свою духовную культуру.

Къ тому же Флетчеръ, какъ и другіе иностранцы, судилъ по людямъ, съ которыми ему приходилось имѣть либо торговыя, либо дѣловыя сношенія. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ собесѣдники естественно изображали изъ себя два враждебныхъ лагеря: обмануть противника при этомъ считалось дѣломъ не только позволительнымъ, но и должнымъ, особенно въ политическихъ сношеніяхъ, и, конечно, это не было достояніемъ исключительно уже русскаго общества конца XVI в.

По тѣмъ людямъ, съ которыми Флетчеръ и окружавшіе его англичане имѣли сношенія, онъ и составилъ себѣ понятіе о русскомъ народѣ; ближе, сравнительно, онъ наблюдалъ тогдашнее столичное населеніе, въ нравственномъ отношеніи стоявшее, думаемъ, значительно ниже остальной массы населенія, которая осталась почти неизвѣстна Флетчеру. Онъ подчеркнулъ противообщественныя, порочныя наклонности русскаго общества—это вполнѣ понятно и, главное, для русской исторической науки далеко не излишне: то поколѣніе, которое наблюдалъ Флетчеръ, жило и дѣйствовало въ смуту. Многія явленія этой интереснѣйшей эпохи только и могутъ быть поняты подъ условіемъ допущенія значительнаго нравственнаго и, какъ увидимъ ниже, экономическаго паденія русскаго общества.

Но самое окончаніе смуты показало, что пороки эти гнѣздились на тѣлѣ, а не въ душѣ русскаго народа, что при всѣхъ своихъ порокахъ народъ этотъ обладалъ всѣми необходимыми задатками для государственной и общественной жизни. Флетчеръ былъ правъ, когда сказалъ, что взаимная вражда русскихъ можетъ исчезнуть только въ пламени междоусобной войны.

Это междоусобіе было необходимо, чтобы дать всѣмъ противообщественнымъ наклонностямъ русскаго общества проявиться съ надлежащей силой и вызвать, съ другой стороны, наружу лучшія силы русскаго народа.

Отзывъ Флетчера о религіи русскихъ не можетъ быть для насъ интересенъ. Д. В. Цвѣтаевъ совершенно вѣрно характери-

зуетъ сочиненія тогдашнихъ протестантовъ о русской церкви и православномъ ученіи, когда говоритъ, что «даже авторы, сравнительно безпристрастные, не представляли объективнаго изложенія видѣннаго и слышаннаго: характеръ вѣроисповѣдной и національной субъективности отражался въ ихъ описаніяхъ, разсказахъ и особенно въ сужденіяхъ, такъ что мы чаще читаемъ здѣсь какъ бы исповѣдь иностранца, гдѣ раскрывается духъ страны или націи и характеръ среды, къ которой принадлежалъ авторъ, нежели получаемъ правильное понятіе о предметѣ» [1]).

Флетчеръ не принадлежитъ даже къ числу «сравнительно безпристрастныхъ писателей». Онъ былъ, какъ мы видѣли, братомъ епископа, вращался въ Англіи среди духовенства, наконецъ, онъ писалъ тогда, когда отношенія къ католикамъ въ Англіи особенно обострились, поэтому неудивительно, что онъ съ особенной силой обрушился на православіе въ тѣхъ пунктахъ его ученія, гдѣ оно сходно съ католичествомъ, гдѣ оно расходится съ протестантствомъ. Заблужденіями православнаго ученія (Флетчеръ насчитываетъ 13 главныхъ заблужденій нашего ученія) выставлены: признаніе авторитета священнаго писанія, признаніе безусловнаго авторитета церкви въ дѣлѣ истолкованія священнаго писанія, ученіе объ исхожденіи Святаго Духа, о заступничествѣ святыхъ, объ оправданіи вѣрою и добрыми дѣлами, о неизвѣстности исхода послѣдняго суда, признаніе *трехъ* (sic) таинствъ: крещенія, причащенія и міропомазанія и т. д.

Конечно, пребываніе иностранцевъ—протестантовъ въ Россіи не обходилось безъ того, чтобы нѣкоторые изъ русскихъ не увлеклись ихъ ученіемъ. Д. В. Цвѣтаевымъ указаны случаи протестантской пропаганды въ половинѣ XVI в.; сначала она какъ будто сдѣлала нѣкоторые успѣхи, особенно въ областяхъ, смежныхъ съ Литвой и Ливоніей. Но авторъ полагаетъ, что подъ конецъ царствованія Грознаго отношенія русскихъ къ протестантству измѣнились къ худшему [2]). Флетчеръ разсказываетъ о какомъ-то рус-

---

[1]) Д. В. Цвѣтаевъ, Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій, 690. Л. П. Рущинскій такъ характеризуетъ Флетчера: «Какъ лютеранинъ, да еще англичанинъ, онъ съ высокомѣріемъ и презрѣніемъ относится къ вѣрованіямъ и религіознымъ обычаяхъ русскихъ; онъ жесткою рукою касается самыхъ чувствительныхъ струнъ религіознаго чувства и благочестія православнаго христіанина» (Религіозный бытъ, 16—17).

[2]) Д. В. Цвѣтаевъ, op. cit., 538—540, 582—583.

*

скомъ, имѣвшемъ разговоръ объ образахъ съ его слугою: русскій выражалъ надежду, что Богъ современемъ просвѣтитъ Россію, какъ онъ просвѣтилъ Англію [1]).

III.

Неоднократно дѣлаемыя попытки раздѣлить населеніе московскаго государства на сословія оказались настолько безуспѣшными, что въ недавнее время однимъ изъ наиболѣе компетентныхъ въ данномъ вопросѣ судей, М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ высказано было, что Московское государство есть государство безсословное, такъ какъ это государство есть государство національное, этнографически однородное и, наконецъ, безусловно монархическое. Населеніе же раздѣляется не на сословія, а на классы, которые различаются не правами, а обязанностями своими по отношенію къ государству: одни служатъ государству лично, другіе—уплатою денегъ въ пользу его; первые образуютъ служилый классъ, вторые—тяглый.

Но и эти два класса не представляли изъ себя что-либо замкнутое; переходъ изъ одного въ другой былъ вполнѣ возможенъ и въ дѣйствительности случался, а такіе разряды лицъ, какъ-то: стрѣльцы, пушкари, воротники, были звеньями, естественно соединявшими оба класса [2]).

Такое раздѣленіе далось нашей исторической наукѣ не безъ продолжительнаго труда, и главное затрудненіе состояло, да, думаемъ, отчасти состоитъ и до сихъ поръ въ томъ, что положеніе сына тогда строго обусловливалось положеніемъ отца; чѣмъ былъ отецъ, тѣмъ въ большинствѣ случаевъ былъ и сынъ его; исключенія бывали, но самою рѣдкостью своею онѣ только подтверждали общія правила. Оттого внимательный иностранецъ имѣлъ

[1]) Любопытно еще одно указаніе, сдѣланное Флетчеромъ мимоходомъ, что русскіе вовсе не употребляютъ при церковной службѣ нѣкоторыхъ книгъ Ветхаго завѣта, напр., Исхода, Второзаконія, Чиселъ, Левитъ. Флетчеръ объяснялъ это тѣмъ, что русскіе вообще придаютъ мало значенія книгамъ Ветхаго завѣта. Дѣйствительно, этихъ книгъ совсѣмъ не было при церквахъ и монастыряхъ (см. списокъ книгъ у Н. Д. Чечулина, Нѣсколько данныхъ о книгахъ).

[2]) Владимірскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права, I, 93 и 98.

полное право говорить о сословіяхъ въ Россіи и даже считать ихъ замкнутыми. Конечно, боярство—чинъ, который сказывается лицу. Но много-ли въ XVI в. было бояръ, отцы которыхъ не сидѣли въ боярской думѣ, а сыновья, старшіе по крайней мѣрѣ, также не были боярами? Бывали примѣры, что дѣти боярскіе попадали въ холопы, какъ бывали и обратные примѣры, но повторяемъ, что такіе случаи бывали рѣдко.

Иностранцы, наблюдавшіе русскую жизнь того времени, обходятъ этотъ вопросъ; они говорятъ о людяхъ знатныхъ, военныхъ, духовенствѣ, простомъ народѣ; но, употребляя эти названія, не придаютъ имъ строго опредѣленнаго, юридическаго значенія. Флетчеръ не обошелъ этого вопроса: въ IX гл. (32—39) онъ дѣлитъ населеніе русскаго государства на три степени или сословія (the degrees of persons or estates of Russia). Замѣтимъ, что Флетчеръ наблюдалъ русское общество въ весьма интересное для этого время. По мнѣнію В. О. Ключевскаго, во второй половинѣ XVI в. только еще начали складываться различные чины государства, «полную табель которыхъ можно составить по памятникамъ первой половины XVII вѣка». Наблюденія надъ составомъ лицъ, бывшихъ на соборѣ 1566 г. и соборѣ 1598 г., привели В. О. Ключевскаго къ положенію, что служебная дворянская іерархія начала вырабатываться въ царствованіе Грознаго, а дѣленія торговыхъ людей—при его сынѣ [1]).

Слѣдовательно, въ бытность самого Флетчера въ Россіи и другихъ англичанъ, свѣдѣніями которыхъ онъ пользовался, дѣленіе по разрядамъ только-что еще начинало входить въ жизнь, еще не установилось, и потому едва-ли могло быть усвоено правильно иностранцами. Но при неопредѣленности еще правоваго дѣленія съ одной стороны, при великомъ, однако, неравенствѣ состояній—съ другой стороны, дѣленіе соціальное получало преобладающее, почти оффиціальное значеніе. Когда правительство перечисляетъ разряды лицъ, у которыхъ могли быть холопы, оно такъ называетъ общественныя классы: «служатъ въ холопствѣ у бояръ и у князей, и у думныхъ, и у приказныхъ людей, и у дѣтей боярскихъ, и у всякихъ служилыхъ людей, и у гостей и у всякихъ торговыхъ людей» [2]).

Флетчеръ и подмѣтилъ существованіе разныхъ состояній насе-

---

[1]) В. О. Ключевскій, Составъ представительства на земскихъ соборахъ. («Русская Мысль» 1890 г. № 1, 151—157).

[2]) Владимірскій-Будановъ, Хрестоматія, III, 90.

ленія; крупнымъ недостаткомъ его извѣстій по этому вопросу является то, что и здѣсь онъ не отрѣшился отъ своей мѣрки; напротивъ, сословное дѣленіе Англіи онъ попытался цѣликомъ перенести на русскую почву и такимъ путемъ раздѣлилъ населеніе Московскаго государства на три сословія: 1) знать, nobilitie, соотвѣтствующая англійскому перству; 2) дѣти боярскіе, англійское gentry, и 3) мужики, англійскіе commons.[1]).

I. Первая степень подраздѣляется на четыре разряда: 1) князья удѣльные; прежде, до Іоанна IV, они пользовались большими правами, теперь же потеряли все, кромѣ расположенія народнаго, что, однако, можетъ при удобныхъ обстоятельствахъ возстановить ихъ значеніе; 2) бояре—лица, носящія званіе царскихъ совѣтниковъ; 3) воеводы, т.-е. лица, бывавшія начальниками (генералами) на войнѣ; они сохраняютъ этотъ титулъ и по окончаніи военныхъ дѣйствій и передаютъ его своему потомству; 4) князья—потомки младшихъ братьевъ главныхъ фамилій.

1) Хотя С. М. Соловьевъ и указывалъ, что со времени Грознаго «князь» мало-по-малу уступаетъ первое мѣсто «боярину», тогда какъ въ прежнихъ грамотахъ названія князей всегда стояли выше названія бояръ, Флетчеръ ставитъ, однако, потомство удѣльныхъ князей выше боярскихъ родовъ. Въ памятникахъ времени Ѳеодора замѣтно колебаніе: напр., въ приведенномъ выше приговорѣ «бояре» стоятъ выше «князей», но другая грамота 1589 г. начинается такъ: «Въ Государя Царя и Вел. Князя отчину, въ княжіе отчины и въ боярскіе, и въ городы по городомъ». Еще интереснѣе назначеніе въ Смоленскъ въ 1588 г. воеводъ: первымъ воеводою назначенъ былъ кн. Мих. Петр. Катыревъ-Ростовскій, вторымъ—бояринъ кн. Ѳед. Дмитр. Шестуновъ, и грамоты отъ царя писались въ Смоленскъ такъ: «Отъ Царя и Великого Князя Ѳеодора Ивановича всея Русіи въ нашу отчину въ Смоленескъ, воеводѣ нашему князю Михаилу Петровичю Катыреву-Ростовскому, да боярину нашему и воеводѣ князю Ѳеодору Дмитріевичю Шестунову съ товарищи»[2]); слѣдовательно, въ царствованіе Ѳеодора боярство не всегда еще могло покрыть знатность рода, и Флетчеръ имѣлъ полное основаніе считать знатнѣйшія княжескія фамиліи выше бояръ.

---

[1]) Духовенство въ этой главѣ Флетчеръ не выдѣляетъ въ особое сословіе.

[2]) Симбирскій Сборникъ, 96; Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи, I, 1047; Соловьевъ. VII, 8—9.

Флетчеръ указываетъ 9 фамилій, составляющихъ аристократію Московскаго государства: 1) кн. Мстиславскіе, 2) Глинскіе, 3) Шуйскіе, 4) Трубецкіе (Huletskoy), 5) Булгаковы-Голицыны (Bulgaloy, nor called Guletchey), 6) Воротынскіе (Vorallinskoy), 7) Одоевскіе (Ogdoesky), 8) Телятевскіе (Telletskoy) и 9) Татевы.

По поводу этого списка, равно какъ и списка бояръ (46—47) А. И. Маркевичемъ замѣчено, что развѣ только первыя два-три мѣста княжескихъ фамилій указаны вѣрно. Въ спискѣ княжескихъ фамилій Флетчеръ не упоминаетъ вовсе кн. Катырева-Ростовскаго и отодвигаетъ князей Воротынскихъ, вслѣдствіе ихъ молодости, слишкомъ далеко. Бояръ же Флетчеръ размѣстилъ такъ: 1) кн. Ѳеодоръ Иван. Мстиславскій, 2) кн. Ив. Мих. Глинскій, 3) кн. Вас. Ив. (вмѣсто Ѳедоровичъ) Скопинъ-Шуйскій, 4) кн. Вас. Ив. Шуйскій, 5) кн. Ѳедоръ Михайловичъ, (очевидно Трубецкой), 6) кн. Никита Ром. Трубецкой, 7) кн. Тим. Ром. Трубецкой, 8) кн. Андр. Григ. Куракинъ (вмѣсто Григ. Андр. Куракинъ), 9) кн. Дм. Ив. Хворостининъ, 10) кн. Ѳед. Ив. Хворостининъ, 11) Богд. Ив. (вмѣсто Юрьевичъ) Сабуровъ, 12) кн. Ив. Вас., (очевидно Сицкій), 13) кн. Ѳед. Дмитр. Шестуновъ, 14) кн. Ѳед. Мих. Троекуровъ. Дальше идутъ бояре, не имѣющіе княжескаго титула; по этому самому списокъ Флетчера, по мнѣнію А. И. Маркевича, и не имѣетъ вовсе мѣстническаго порядка; многіе бояре не—князья были знатнѣе бояръ-князей, Флетчеръ же сначала помѣстилъ всѣхъ бояръ князей, а потомъ бояръ не-князей, сдѣлавши исключеніе только для боярина Сабурова; даже Борисъ Годуновъ у Флетчера помѣщенъ на 17-мъ мѣстѣ [1]).

Замѣчанія о представителяхъ княжескихъ фамилій также не всегда точны. Представителями рода князей Булгаковыхъ Флетчеръ считаетъ только пятерыхъ Голицыныхъ, забывая о князьяхъ Куракиныхъ; представителями рода Шуйскихъ названы 4 брата, и не указаны Скопины-Шуйскіе; о Трубецкихъ сказано, что ихъ только четверо, тогда какъ на лицо тогда ихъ было значительно больше; но, конечно, Флетчеру трудно было знать всѣхъ подроставшихъ княжатъ. Его замѣчанія, что русскія княжескія фамиліи на пути къ вымиранію, совершенно оправдались по отношенію къ пяти изъ десяти указанныхъ имъ фамилій; скоро угасли: родъ князя Владиміра Андреевича Старицкаго, роды князей Мстиславскихъ, Глинскихъ, Шуйскихъ и Воротынскихъ [2]).

---

[1]) А. И. Маркевичъ, op. cit., 303—308.

[2]) Петровъ, Исторія родовъ русскаго дворянства.

2) Второй разрядъ составляютъ лица, не принадлежащія къ родовой аристократіи, но которымъ царь жалуетъ званіе своихъ совѣтниковъ: это—бояре (Boiarens). Въ XI гл. Флетчеръ прибавляетъ, что царь жалуетъ это званіе чаще за знатность происхожденія, чѣмъ за заслуги; слѣдовательно, Флетчеръ понималъ, что разъ боярство каждому лицу жалуется, оно не можетъ быть разсматриваемо, какъ наслѣдственное состояніе.

3) Третьимъ разрядомъ высшей московской знати Флетчеръ считаетъ воеводъ и увѣряетъ читателей, что и это званіе переходитъ наслѣдственно отъ отца къ сыну. Можно допустить, что лицо, разъ бывшее въ походѣ воеводой, сохраняло послѣ этого навсегда почетное прозваніе, какъ въ обществѣ, такъ, пожалуй, и въ оффиціальныхъ сношеніяхъ. Кн. Курбскій напр., въ 1556 г. по спискамъ значился только сыномъ боярскимъ, въ этомъ году ни въ какомъ походѣ не участвовалъ; однако Іоаннъ Грозный по одному дѣлу пишетъ новгородскимъ дьякамъ: «а воевода нашъ кн. Андрѣй Михайловичъ Курбской намъ сказывалъ»... [1]).

Но подобное выдѣленіе воеводъ во всякомъ случаѣ примѣнялось въ мирное время къ очень немногимъ лицамъ. Въ посланіи своемъ царскому войску въ Свіяжскъ митрополитъ Макарій пишетъ князьямъ, боярамъ, воеводамъ, дѣтямъ боярскимъ и всѣмъ воинскимъ людямъ; но въ своей прощальной грамотѣ митрополитъ обращается къ боярамъ, князьямъ, дѣтямъ боярскимъ, гостямъ и т. д. Въ царствованіе Ѳеодора, когда воеводское управленіе получаетъ болѣе широкое примѣненіе и вводится во многихъ городахъ, это званіе должно было получить большее распространеніе и, можетъ быть, сколько можно судить по памятникамъ, входитъ въ употребленіе въ смыслѣ обозначенія почетнаго положенія въ обществѣ. Маржеретъ говоритъ, что въ военное время царь назначаетъ воеводами бояръ и окольничихъ, въ мирное же время даетъ это званіе думнымъ и московскимъ дворянамъ. Хронографъ XVII в. опредѣляетъ начальныхъ людей Московскаго государства такъ: «начальницы же Московскаго государства, князья, и боляре, и воеводы, вкупе все православное христіанство». Слѣдовательно, это слово получало такое же значеніе, какъ въ просторѣчіи слово «бояринъ», которое означало далеко не однихъ только дѣйствительныхъ бояръ. Для людей служилыхъ, какъ вѣрно опредѣлилъ Маржеретъ, воеводство было весьма высокою степенью, приближавшею ихъ къ аристокра-

[1]) А. И. Ясинскій, op. cit., 48.

тіи: даже для такого извѣстнаго думнаго дьяка, какъ Сапунъ Абрамовъ, кончить свою служебную карьеру на воеводствѣ въ одномъ незначительномъ городкѣ было, по тогдашнимъ понятіямъ, повышеніемъ [1]).

Допуская что слово воевода во время Флетчера уже начинало обозначать извѣстное, весьма высокое положеніе въ обществѣ, мы не имѣемъ никакого права допускать, что званіе это передавалось потомственно [2]). Эти три высшіе разряда пользовались, по словамъ Флетчера, правомъ на «вичъ» и могли требовать безчестья въ случаѣ несоблюденія этого наименованія.

Царскія грамоты къ боярамъ, воеводамъ, даже дворянамъ писались съ «вичемъ», дьякамъ, хотя бы даже думнымъ, безъ отчества. Когда въ актахъ хотя бы мимоходомъ упоминается имя боярина, или когда онъ отъ своего имени дастъ какую-либо грамоту, то всегда пишется его имя и отчество съ вичемъ, напр., «заплатити ему тѣ деньги въ государеву казну въ Приказѣ Большаго Приходу боярину князю Ивану Васильевичу Ситцкому, «отъ боярина и дворецкаго отъ Григорія Васильевича Годунова»; о дьякахъ же говорится такъ: «діяки Сава Фроловъ да Семейка Емельяновъ дали на откупъ»..., «привозити къ намъ къ Москвѣ, въ четверть дьяка нашего Андрея Щелкалова»... Даже къ такимъ не особенно высокимъ служилымъ лицамъ, какъ, напр., Мих. Протопопову, назначенному приставомъ при англійскомъ послѣ Боусѣ, грамоты писались иногда съ «вичемъ», иногда же совсѣмъ безъ отчества; когда имена дворянъ и дѣтей боярскихъ упоминаются въ актахъ, то—обыкновенно безъ отчества, напр., «въ стрѣчю англійскаго посла Еремѣя Боуса въ Ярославль съ колымагою посланъ князь Григорей Бельской», а память дана «князю Григорью Петровичу Бельскому». Въ писцовыхъ книгахъ имена бояръ всегда съ «вичемъ», князей и дѣтей боярскихъ съ отчествомъ на «овъ» [3]).

Въ разрядахъ бояре и воеводы упоминаются всегда почти съ «вичемъ», дѣти боярскіе—головы, намѣстники безъ отчества и съ отчествомъ, но безъ «вича», и притомъ молодые князья, занимавшіе

---

[1]) А. И. I, 159 и 172; Сказанія современниковъ, 278; Изборникъ Ан. Н. Попова, 281—285; Н. П. Лихачева, Разрядные дьяки, 496.

[2]) Воеводы передовой рати по соединеніи съ главными силами теряли это почетное названіе: «и тѣмъ воеводамъ быти въ дворянѣхъ», Спнб. Сборн. разрядъ 1583 г.

[3]) А. Э. I, 331, 337, 338, 342. Сборн. Имп. Ист. Общ. XXXVIII, 76—76. Писцовыя книги XVI в. II, 510, 1271, 1307, 1537, 1538 и др.

придворныя должности, хотя бы и знатныхъ фамилій, тоже пишутся безъ отчества, напр., «за государемъ ѣздити: кн. Петръ Горбатой, кн. Иванъ Шуйской, Ѳедоръ Басмановъ, кн. Тимофѣй Телятевской», и др. или «головы въ становыхъ сторожахъ изъ спальниковъ, кн. Иванъ кн. Андрѣевъ сынъ Шуйского, кн. Иванъ кн. Юрьевъ сынъ Голицынъ, кн. Александръ кн. Богдановъ сынъ Трубетцкого, кн. Иванъ кн. Юрьевъ сынъ Хохолковъ Ростовского» и т. д. Изъ этого можно видѣть, что правомъ на «вичъ» пользовались лица служилыя, за исключеніемъ дьяковъ, и, во-вторыхъ, только имена лицъ, занимавшихъ должности бояръ, окольничихъ, воеводъ и равныхъ имъ, писались всегда съ отчествомъ на «вичъ» [1]).

4) Послѣднимъ разрядомъ аристократіи Флетчеръ считаетъ князей, происходящихъ отъ младшихъ братьевъ князей удѣльныхъ Эти князья на самомъ дѣлѣ ничѣмъ не отличались отъ дѣтей боярскихъ и уступали многимъ дворянамъ или выборнымъ дѣтямъ боярскимъ; но, конечно, они пользовались въ обществѣ привиллегированнымъ положеніемъ, что можно прослѣдить и по правительственнымъ актамъ второй половины XVI вѣка. Такъ полоцкій же разрядъ ставитъ на первомъ мѣстѣ князей, напр., «князи и дѣти боярскіе». Писцовыя книги также обозначаютъ: «станъ Большей Микулинъ, а въ немъ селы и деревни и починки и пустоши и селища за князми и за дѣтми боярскими въ помѣстьяхъ», или «въ Городцкомъ же стану бояръ и князей и дѣтей боярскихъ вотчины и купли» [2]).

Хотя потомки захудалыхъ родовъ и опустились въ XVI в. до того, что по имущественному и служебному положенію ни чѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ дѣтей боярскихъ, но среди народа, въ обществѣ тогдашнемъ, да и въ глазахъ правительственныхъ лицъ они стояли, безъ сомнѣнія, выше ихъ. Поэтому со стороны Флетчера было вполнѣ естественнымъ включить подобныхъ лицъ въ московскую аристократію.

II. Второе сословіе, сословіе, соотвѣтствующее англійскому gentry, составлялъ многочисленный классъ дѣтей боярскихъ.

Въ XV главѣ своего сочиненія Флетчеръ подробно говоритъ объ этомъ классѣ, составлявшемъ главный контингентъ русскаго войска; тамъ же онъ дѣлитъ этотъ классъ на три разряда: 1) дворяне большіе, 2) дворяне середніе и 3) дѣти боярскіе. Такое же

[1]) Витебская старина, IV, прилож. № 3; Синбирскій Сборникъ.

[2]) Витебская старина, тамъ же; Писцовыя книги, 1, 335 и 662.

дѣленіе служилаго класса мы видимъ на соборѣ 1566 г., гдѣ присутствовали дворяне первой статьи, дворяне и дѣти боярскіе другой статьи и Луцкіе и Торопецкіе помѣщики.

На соборѣ 1598 г. служилый классъ раздѣлялся уже, какъ это указано В. О. Ключевскимъ, на гораздо большее число разрядовъ: стольниковъ, дворянъ, стряпчихъ, стрѣлецкихъ головъ, жильцовъ и выборъ изъ городовъ. Сообщеніе Флетчера вполнѣ подтверждаетъ вышеприведенное замѣчаніе В. О. Ключевскаго, что во второй половинѣ XVI вѣка только еще начали складываться отдѣльные разряды лицъ служилаго класса [1]).

Ко второму же сословію Флетчеръ относитъ и дьяковъ. Н. П. Лихачевъ полагаетъ, что слова Котошихина: «Дьяки: и тѣ дьяки во дьяцы бываютъ пожалованы изъ дворянъ московскихъ и изъ городовыхъ, и изъ гостей, и исъ подьячихъ», вполнѣ имѣютъ силу и для дьяковъ XVI вѣка, большинство которыхъ происходило изъ служилаго класса: дьяки Полуехтовы и Мамырины происходили изъ ярославскихъ и ростовскихъ вотчинниковъ. Дѣти верейскаго вотчинника Митрофана Карачарова были видными дьками въ Москвѣ; такого же происхожденія были, по мнѣнію Н. П. Лихачева, Тетерины—изъ Суздаля, Маклоковы изъ Юрьева, Мясные изъ Тулы, Еремѣевы изъ Пскова, Воробьевы, Раковы, Мишурины, Щелкаловы—москвичи. Григорій Дмитріевичъ Загрязскій сталъ титуловаться дьякомъ послѣ продолжительной службы сыномъ боярскимъ и дворяниномъ. Извѣстные дьяки Лихачевы тоже служилаго происхожденія. Дьякъ Елизаръ Вылузгинъ породнился съ такимъ знатнымъ домомъ, какъ Шереметевы [2]).

На основаніи всего этого Н. П. Лихачевъ считаетъ крайне преувеличеннымъ пренебрежительный отзывъ князя Андрея Мих. Курбскаго о «писаряхъ» Русскихъ.

III. Все остальное населеніе составляетъ третье сословіе, куда входятъ купцы, ремесленники и наконецъ сельскіе жители—крестьяне. Въ другомъ мѣстѣ Флетчеромъ совершенно правильно употреблено названіе торговаго человѣка, «a market man».

Слѣдуетъ замѣтить, что это дѣленіе населенія по сословіямъ не вездѣ выдержано Флетчеромъ; въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія (36, 29 и 89) подъ словомъ «nobilitie» Флетчеръ разумѣетъ не одну аристократію, а весь служилый классъ, дворянство.

---

[1]) Собр. гос. грам. и догов. I, 192. «Русская Мысль», 1891 г. № 1, 136.
[2]) Н. П. Лихачевъ, op. cit., 137 и сл.

Въ VIII гл., о засѣданіяхъ собора, Флетчеръ различаетъ три сословія: духовенство, дворянство и горожанъ или народъ вообще.

Экономическое положеніе лицъ, составлявшихъ московскую аристократію, Флетчеръ опредѣляетъ такъ: лица эти получаютъ дохода съ своихъ земель около 1.000 рублей въ годъ и денежнаго жалованья не свыше 700 р.

Попытку опредѣлить имущественное положеніе боярскаго класса сдѣлалъ Н. Хлѣбниковъ. За неимѣніемъ точныхъ данныхъ по этому вопросу онъ воспользовался поручными записями, которыя Іоаннъ Грозный бралъ съ своихъ бояръ: съ князя Ивана Ѳед. Мстиславскаго въ 20.000 рубляхъ, съ кн. Ив. Дм. Бѣльскаго—10.000 руб., съ кн. Александра Ив. Воротынскаго—15.000 р., Ивана Вас. Шереметева—10.000 р., Ивана Петр. Яковлева—10.000 р.; Алек. Алек. Салтыкова—5.000 р., Вас. Сем. Серебрянаго—24.000 р., кн. Мих. Ив. Воротынскаго—15.000 р., Ив. Петр. Охлябинина—2.000 р., Зах. Ив. Плещеева—4.000 р. [1]).

Мы думаемъ, что записи эти имѣютъ извѣстное отношеніе къ состоянію того или другаго боярина, потому что первое мѣсто по мѣстническимъ понятіямъ того времени несомнѣнно принадлежало князю Ив. Дм. Бѣльскому, однако съ него взята была запись только въ 10.000 рубляхъ, тогда какъ съ князя Серебрянаго 24.000 р., съ Мстиславскаго—20.000 и т. д.; поэтому можемъ допустить съ нѣкоторою вѣроятностью, что сумма, которую должны были внести поручители въ случаѣ бѣгства подозрѣваемаго лица, назначалась сообразно съ его состояніемъ. Если это такъ, то знатнѣйшіе княжескіе роды при Іоаннѣ еще располагали довольно большими имуществами, но послѣ Іоанна владѣнія князей значительно уменьшились; а боярскія владѣнія и тогда не были особенно велики, если Морозовы, Ѳедоровы, Репнины, Одоевскіе ручались только въ суммахъ отъ 7.000—2.000 рубл. Н. Хлѣбниковъ полагаетъ, что главное богатство тогда заключалось въ земляхъ, и что имѣнія будто приносили тогда 20%, основываясь на томъ, что въ XVI в. ссуды выдавались изъ 20%, а въ договорахъ о займѣ часто говорится: «а за ростъ пахати». Но кто можетъ поручиться, что заимодавецъ оцѣнивалъ землю слишкомъ низко; съ другой стороны мы уже приводили изъ книги Н. Д. Чечулина вполнѣ убѣдительный примѣръ, что въ тогдашней Руси въ вѣр-

[1]) Н. Хлѣбниковъ, О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи, 21—26.

ныхъ предпріятіяхъ довольствовались гораздо меньшимъ процентомъ. Но даже при такомъ расчетѣ Хлѣбниковъ пришелъ къ выводу о незначительности боярскихъ имѣній; на самомъ дѣлѣ имѣнія приносили значительно меньшій доходъ. Симеону Бекбулатовичу принадлежали въ Тверскомъ и Микулинскомъ уѣздахъ обширныя земли, въ которыхъ живущихъ вытей было 177, сошнаго письма почти $2^{2}/_{3}$ сохи; въ пустѣ было 397 вытей, сошнаго письма почти 6 сохъ, и съ такого огромнаго, можно сказать, имѣнія великій князь Симеонъ Бекбулатовичъ получалъ съ 177 вытей всего оброку 320 руб. съ небольшимъ, или менѣе 2 руб. съ выти, и 883 четчерти ржи и 1.334 четв. овса, т. е. еще около 170 руб. (по вышеприведенному расчету за четв. ржи 20 д., за четв. овса 12 д.) Всего около 500 р., а это съ имѣнія почти въ 9 сохъ или 9.000 четв. середней земли въ полѣ, т. е. 13.500 дес. пахатной земли [1]). У другихъ бояръ помѣстья и вотчины были несравненно меньше; напр., бояринъ кн. Одоевскій въ 1611 г., когда деньги цѣнились въ 10 разъ дешевле сравнительно съ временемъ царя Ѳеодора, просилъ дать ему вмѣсто отнятыхъ и разоренныхъ его вотчинъ Славятинскій погостъ, приносившій по книгамъ 115 года (1606—1607 гг.) 417 р. 11 алт. $4^{1}/_{2}$ деньги [2]).

Въ писцовыхъ книгахъ чаще всего встрѣчаются вотчины и помѣстья боярина Никиты Романовича Юрьева. Въ 70 и 80-ыхъ годахъ этотъ бояринъ владѣлъ въ Московскомъ, Коломенскомъ и Каширскомъ уѣздахъ 3.166 четвертями земли, пашни и перелогу. Вотчина князей Ивана и Андрея Ивановичей Голицыныхъ въ Дѣдиловскомъ уѣздѣ заключала въ себѣ 1.143 четверти; боярину Богдану Юрьевичу Сабурову въ 1593—1594 г. поземельный окладъ былъ 1.000 четвертей, у боярина Григорія Васильевича въ Вяземскомъ уѣздѣ было помѣстье почти въ 1.000 же четв., у боярина Ивана Васильевича въ Московскомъ уѣздѣ было 815 четв., у боярина князя Ивана Васильевича Сицкаго—137 чет. (изъ нихъ пашни только 15 четв., а 122 четв. перелогу), у кн. Вас. Ѳед. Скопина—Шуйскаго—118 четв., у Никиты Романовича Трубецкаго—только половина имѣнія въ 30 четв., у боярина кн. Ѳед. Мих. Троекурова—150 четв., у кн. Ивана Петровича Шуйскаго—117 четв., за Богданомъ Яковлевичемъ Бѣльскимъ—848 четв. и др. [3]).

---

[1]) Писцовыя книги XVI в., II, 359—360.

[2]) Д. А. И. I, 160.

[3]) Писцовыя книги I, 2, 133, 137, 178, 185, 186, 209, 216, 258, 379, 662; II, 14.

Вотъ, какія свѣдѣнія о землевладѣніи бояръ и знатнѣйшихъ князей мы встрѣтили въ писцовыхъ книгахъ XVI в. Разумѣется, вотчины и помѣстья ихъ были значительно больше, но то, что они владѣютъ такими незначительными помѣстьями въ 200—100 и даже менѣе четвертей, причемъ бо̀льшее число четвертей, обыкновенно, приходится на долю перелога, показываетъ, что земельные доходы ихъ были не велики и едва ли достигали до суммы въ 1.000 р.

Что касается до размѣра денежнаго жалованья, то, къ сожалѣнію, отъ XVI в. не сохранилось полной боярской книги, гдѣ было бы показано денежное жалованье бояръ. Боярская книга 1604 г. сохранила только имя одного боярина,—Михаила Михаиловича Салтыкова, денежный окладъ котораго показанъ въ 200 р.; изъ этого позволительно заключить, что minimum боярскаго жалованья при царѣ Борисѣ былъ 200 руб. По списку 1616 г., ближайшему по времени, высшій боярскій окладъ 700 р., который получали только 2 боярина: кн. Мстиславскій и кн. Воротынскій; низшій окладъ—въ 400 р. Къ тому же должно помнить, что Борисъ и самозванецъ отличались большою щедростью въ денежномъ жалованьѣ и могли значительно повысить оклады.

Только 2 лица получаютъ, по сказанію Флетчера, значительно больше: Борисъ Годуновъ и кн. Глинскій.

Борисъ Годуновъ получаетъ съ своихъ вотчинъ въ Вязьмѣ и Дорогобужѣ 6.000 р.; по должности конюшаго—12.000 р.; жалованья отъ царя—15.000 р.; съ области Ваги, данной ему во владѣніе и изъятой изъ посольской четверти—32.000 р., не считая дохода отъ продажи мѣховъ; съ Рязани и Сѣверской земли тоже 30.000 р. съ Твери и Торжка—8.000 р.; съ московскихъ бань—1.500 р.; затѣмъ доходы съ луговъ и пастбищъ по Москвѣ-рѣкѣ на 30 верстъ вверхъ и на 40 верстъ внизъ отъ столицы; затѣмъ доходы съ своихъ помѣстій и земель; всего Годуновъ получаетъ до 93.700 р. и даже больше ежегоднаго дохода (37).

Горсей былъ очень близокъ къ Годунову; Мершъ занялъ у него даже 2.500 р. денегъ; оттого Флетчеръ такъ обстоятельно и перечисляетъ доходы Годунова. Тѣмъ не менѣе, цифры, очевидно, не вѣрны, слишкомъ преувеличены; очень можетъ быть, онѣ такъ нарочно передавались довѣрчивымъ англичанамъ, чтобы внушить въ Англіи большее уваженіе къ Борису Ѳеодоровичу.

1) Тверь и Торжокъ, дѣйствительно, въ это время были изъяты изъ общегосударственнаго управленія, но владѣлъ ими царь Симеонъ

Бекбулатовичъ; 2) съ Важской области Флетчеръ полагаетъ доходу 32.000 р. (не считая доходовъ отъ продажи мѣховъ), между тѣмъ какъ царская грамота 1603 г. о доходахъ говоритъ такъ: «по окладу со всего Важескаго уѣзда денежныхъ всякихъ доходовъ восмь тысячъ сто тридцать восмь рублевъ и двадцать шесть алтынъ», далѣе грамотою царь приказываетъ на нынѣшній годъ собрать только 7.121 р. 14 ал. $3^{1}/_{2}$ д. «для хлѣбного недороду»; Флетчеръ преувеличилъ доходы съ Ваги почти въ четыре раза. Любопытно, что по разрядамъ Годуновъ получилъ доходы съ Ваги за отбитіе Казы-Гирея отъ Москвы въ 1591 г., когда книга Флетчера была уже издана. Очевидно, что это пожалованіе въ 1591 г. тремя городами въ Важской области было номинальнымъ, чтобы увеличить во мнѣніи народа значительность оказанныхъ Борисомъ услугъ, а на самомъ дѣлѣ доходами съ этой области Годуновъ пользовался и раньше. 3) Равнымъ образомъ, въ высшей степени сомнительно, чтобы Борису принадлежали доходы съ Рязанской и Сѣверской областей и притомъ въ количествѣ 30.000 р.; ниже самъ Флетчеръ говоритъ, что всѣхъ доходовъ съ Рязанской области поступало въ четвертной приказъ тѣ же 30.000 р. тягла и податей (50). По сохранившимся актамъ видно, что въ 1588—93 г. ямскія и полоняночныя деньги, за намѣстничь кормъ, поворотныя съ земель монастырей, расположенныхъ въ Рязанской области, поступали въ Большой Приходъ.

На основаніи всего этого слѣдуетъ отвергнуть цифру доходовъ Бориса, какъ слишкомъ высокую.

Изображеніе экономическаго положенія тяглаго класса русскаго населенія занимаетъ у Флетчера отдѣльную главу (XIII-ю); этотъ классъ составлялъ такое подавляющее большинство, что неудивительно, почему Флетчеръ съ большею сравнительно подробностью остановился на его экономическомъ положеніи. О политическихъ правахъ этого класса не можетъ быть, по словамъ Флетчера, и рѣчи. Къ разбору этого замѣчанія мы еще вернемся въ слѣдующей главѣ. Степень подчиненія простаго народа характеризуется для Флетчера тѣмъ, что лица этого состоянія въ подаваемыхъ ими челобитныхъ правительственнымъ лицамъ подписываются холопами этихъ послѣднихъ; при встрѣчѣ же съ сыномъ боярскимъ мужикъ долженъ свернуть съ дороги и пасть ницъ на землю.

Извѣстно, что у русскихъ вовсе не было обычая подписываться на челобитныхъ, какъ это и замѣтилъ Даніилъ Принцъ. Извѣстныя намъ грамоты и челобитныя обращены прямо къ царю; но на судѣ,

напр., крестьяне обращались къ судьямъ такъ: «жалоба мнѣ, господине на Троецкаго игумена на Ѳедосья», или «жалоба намъ, г-не, на Лопотовскихъ старцовъ». Безъ сомнѣнія, если крестьянинъ встрѣчалъ на дорогѣ сына боярскаго, то давалъ ему дорогу, но едва ли онъ падалъ передъ нимъ на земь. Поссевинъ отмѣчаетъ также обычай русскихъ привѣтствовать *иногда начальниковъ*, in salutandis primariis viris aliquando, падать при этомъ на землю и бить челомъ [1]). Флетчеръ обобщилъ, вѣроятно нѣсколько поспѣшно, видѣнные имъ случаи.

Положеніе простаго народа, особенно крестьянства, давно уже обратило на себя вниманіе изслѣдователей русской старины; немного вопросовъ, по которымъ мнѣнія были бы такъ согласны; общій выводъ тотъ, что положеніе крестьянства было крайне разстроено; новѣйшіе изслѣдователи этимъ объясняли отчасти и происхожденіе смуты и самое закрѣпленіе крестьянства. Слѣдовательно, когда Флетчеръ рисуетъ мрачными красками положеніе простаго народа онъ мало даетъ новаго: его показанія, такъ сказать, теряются въ массѣ другихъ, болѣе достовѣрныхъ, оффиціальныхъ показаній актовъ и писцовыхъ книгъ. Въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія Флетчеръ (8 и 9) указываетъ на то, что Россія страна чрезвычайно богатая всякими естественными произведеніями, что хлѣбъ въ Россіи чрезвычайно дешевъ. Маржеретъ и Даніилъ Принцъ точно также указывали на чрезвычайное изобиліе и дешевизну въ Россіи съѣстныхъ припасовъ и печальное все-таки положеніе крестьянъ. Герберштейнъ, говоря о положеніи русскаго крестьянина, замѣтилъ, что въ Россіи крестьяне шесть дней въ недѣлю работаютъ на своихъ господъ и только седьмой на себя. Поссевинъ съ своей стороны говоритъ, что праздники въ Россіи существуютъ только для богатыхъ, а простой народъ не знаетъ ихъ, кромѣ развѣ Благовѣщенья и другихъ немногихъ важнѣйшихъ праздниковъ [2]). Флетчеръ говоритъ, что крестьяне имѣютъ собственность только по имени; на самомъ дѣлѣ все, что имъ принадлежитъ, можетъ считаться собственностью дворянина. Въ помѣстьяхъ своихъ, въ областяхъ, гдѣ они поставлены начальниками, дворяне властны распоряжаться по своему произволу имуществомъ крестьянина. Подобное угнетеніе доводитъ крестьянъ до отчаянія: они не хотятъ

[1]) Даніилъ Принцъ, op. cit., 67—68; Поссевинъ, op. cit., 5 Акты Ѳедотова-Чеховскаго, I, 67.

[2]) Даніилъ Принцъ, 41; Поссевинъ, 22; Герберштейнъ, 85.

работать и прячутъ, что имѣютъ. Такимъ образомъ изъ показаній иностранцевъ выходитъ, что притѣсненіе землевладѣльцевъ и налоги были причиной бѣдственнаго положенія крестьянства, несмотря на природныя богатства страны.

И покойный Хлѣбниковъ, и М. Фл. Владимірскій-Будановъ полагали, что положеніе помѣщичьихъ и монастырскихъ крестьянъ дѣйствительно было таково, что всѣ ихъ заработки шли въ пользу владѣльцовъ земли [1]). Относительно того, что платили крестьяне дѣтямъ боярскимъ, помѣщикамъ средней руки, Хлѣбниковъ не можетъ привести какихъ-либо данныхъ, кромѣ заключающихся въ Новгородскихъ писцовыхъ книгахъ конца XV вѣка, но считаетъ ихъ положеніе тяжелымъ уже потому, что дѣти боярскіе не въ состояніи были давать имъ ссуды, а переходъ крестьянина отъ такого помѣщика рѣдко «не сопровождался грабежомъ его имущества, страшными налогами и даже побоями». Монастыри давали крестьянамъ больше подмоги, лучше обезпечивали ихъ личность и имущество, но и они, «съ своей стороны, старались выбрать изъ крестьянина все, что было можно». М. Фл. Владимірскій-Будановъ полагаетъ, что приведенное нами выше извѣстіе Герберштейна о шестидневной барщинѣ едва ли преувеличено. Крестьянинъ, обязанный исполнять разнаго рода повинности, платить государевы пошлины, оброкъ землевладѣльцу, работать на него, не можетъ уже расчитаться съ своимъ помѣщикомъ, разъ онъ взялъ у него ссуду, что дѣлало большинство крестьянъ. Но расчеты, приведенные обоими авторами, едва ли достаточно убѣдительны. Ни тотъ, ни другой не могли еще пользоваться данными писцовыхъ книгъ. Говоря о томъ, что хлѣбный и денежный оброкъ дополнялся поборами въ видѣ хозяйственныхъ продуктовъ, М. Фл. Владимірскій-Будановъ замѣтилъ, что высшее количество этихъ поборовъ понижало нормальный оброкъ и наоборотъ; но не принялъ во вниманіе того, что оброкъ и барщина или издѣльная повинность находились тоже въ тѣсномъ соотношеніи между собою, равно какъ на величину оброка и барщины имѣли сильное вліяніе количество государевыхъ податей и тѣ угодья, которыя давались крестьянамъ въ пользованіе. Напр., наивысшій платежъ съ выти, которое мы встрѣтили въ XVI в., это—три рубля, платимые крестьянами села Соболева Троицко-Сергіева монастыря; въ другихъ вотчинахъ крестьяне платили гораздо меньше; по уставная грамота крестьянамъ

[1]) Н. Хлѣбниковъ, op. cit., 54; Владимірскій-Будановъ, I, 165.

этого села совершенно молчитъ о государевыхъ податяхъ, слѣдовательно, мы имѣемъ полное право предположить, что село это было отарханено, и потому монастырь считалъ себя въ правѣ брать съ крестьянъ большій сравнительно оброкъ. Другая вотчина того же монастыря въ Дмитровскомъ уѣздѣ платитъ государевы подати, несетъ извѣстныя повинности: на выть пашетъ по 3 десятины и коситъ сѣно и за мелкіе поборы даетъ по 2 алт. 4 д., но оброка не платитъ, потому что то «село и деревни безугодны, сѣна и дровъ мало, а подводъ къ Москвѣ сходитъ со всякимъ запасомъ въ годъ съ выти по 10 и болши» [1]). Въ этой монастырской вотчинѣ крестьяне платятъ государевы подати и отбываютъ барщину, но оброка, ни денежнаго, ни хлѣбнаго, не даютъ; землевладѣльцы видимо въ каждой мѣстности сообразовались съ условіями, въ которыхъ приходилось жить крестьянамъ; ошибка Хлѣбникова и Владимірскаго-Буданова заключалась въ томъ, что они опредѣляли размѣры податей оброка и повинностей по даннымъ *разныхъ* хозяйствъ, между тѣмъ какъ на дѣлѣ въ одномъ хозяйствѣ преобладала издѣльная повинность, въ другомъ—ея почти не было.

Въ писцовой книгѣ Тверскаго уѣзда 1580—1581 годовъ, въ которой описаны дворцовыя села великаго князя Симеона Бекбулатовича, подробно перечислены всѣ обязанности крестьянъ [2]).

Въ этихъ селахъ крестьяне получали на выть 8—10 десятинъ худой земли или 7—9 средней земли, 27—63 копны сѣна, $^1/_2$ дес.—3 дес. лѣса. Въ селѣ Марьинѣ на выть приходилось 8 дес. худ. земли, 27 копенъ сѣна и 1 дес. лѣса. За это крестьяне платили съ выти: полтину денегъ, $4^1/_2$ четверти ржи, $7^1/_2$ четвертей овса, мелкаго дохода (живность, сыръ, масло, яица, поярки и т. п.) съ выти 26 алт., когда эти мелкіе сборы переводились на деньги; сборы въ пользу прикащика оцѣнены въ 2 гривны, т. е. всего они платили $1^1/_2$ руб. денегъ, $4^1/_2$ четв. ржи и $7^1/_2$ четв. овса. Издѣльная повинность для крестьянъ этого села заключалась въ томъ, что они возили съ выти по сажени дровъ, по мѣрной копнѣ сѣна, по 3 воза соломы и доставляли по 2 поярка шерсти; но эти повинности переложены въ деньги (за сажень дровъ—4 алт., за мѣрную копну сѣна—полуполтина, за 3 воза соломы—1 алт., за 2 поярка—4 деньги) и сосчитаны въ числѣ мелкаго дохода. Переводя хлѣбный оброкъ на деньги (полагая по 20 ден. четверть ржи и

[1]) А. Э. I, 307; Писцовыя книги I, 61[illegible].
[2]) Писцовыя книги II, 291—403.

по 12 ден. четв. овса), мы увидимъ, что хлѣбный оброкъ равнялся приблизительно, 180 деньгамъ, слѣдовательно помѣщикъ получалъ съ выти около $2^1/_2$ руб., считая и прикащиковъ доходъ. Теперь посмотримъ, каковы были доходы крестьянъ съ выти [1]). Крестьянская запашка была 8 дес. подъ озимое и 8 дес. подъ яровое; на десятину крестьяне могли сѣять по 6 четверти овса и по 6 четверти ржи: при урожаѣ самъ-три (мы не думаемъ, чтобы урожай былъ ниже) съ выти получалось 144 четверти ржи и столько же четвертей овса; если по тѣмъ же цѣнамъ переложить это количество хлѣба на деньги, то получимъ около 15 рублей дохода съ выти, не считая сѣменъ,—48 четвертей ржи и столько же овса. Конечно, крестьяне должны были продавать свой хлѣбъ дешевле, потому что въ рыночную стоимость входила какъ плата за провозъ, такъ и другіе накладные расходы по торговлѣ. Но, съ другой стороны, доходы крестьянъ далеко не ограничивались только пашней: они имѣли въ своемъ распоряженіи и лѣсъ, и пастбища, и изрядное количество домашняго скота; за пользованіе десятиной лѣса въ Марьинѣ они должны были доставить помѣщику сажень дровъ, или 24 д., за пользованіе 27 копнами сѣна — одну мѣрную копну, или 25 ден.; собственно за пользованіе пашней они должны дать помѣщику: 12 четвертей, полтину денегъ и 2 гривны дохода прикащика или должны были продать хлѣба еще на 140 денегъ; допустимъ, что при рыночной цѣнѣ хлѣба крестьянинъ выручалъ на немъ только по 12 денегъ за четверть ржи и около 8 денегъ за четверть овса; тогда, продавши еще 12—15 четвертей хлѣба, онъ могъ совсѣмъ расчитаться съ помѣщикомъ, и слѣдовательно въ селѣ Марьинѣ помѣщикъ бралъ въ свою пользу около $^1/_6$ урожая. Въ другихъ селахъ дворцоваго хозяйства великаго князя Симеона сборъ въ пользу помѣщика бывалъ и меньше. Въ селѣ Березникахъ, напримѣръ, на выть положено земли такое же количество, какъ и въ Марьинѣ: 8 десятинъ худой земли или 7 десятинъ середней: по 40 копенъ сѣна и по 3 десятины лѣса; оброкъ же они платятъ еще нѣсколько меньшій: именно не по $4^1/_2$ четверти ржи, а только по 4 четверти, и замѣчательно, что въ селѣ Березникахъ пустыхъ вытей значительно больше, чѣмъ въ Марьинѣ: въ послѣднемъ 12 живущихъ вытей прихо-

[1]) Расчетъ посѣвовъ сдѣланъ по „книгамъ посѣвнымъ, ужиннымъ и умолотнымъ въ имѣніи Морозова“. (Временникъ, VII). Тамъ сѣяли по 3 четв. на десятину, но четверть XVII в. вдвое больше четверти XVI вѣка.

*

дится на 18 пустыхъ; въ первомъ — только 5 живущихъ на 27 пустыхъ [1]).

Этимъ не ограничивались, конечно, платежи крестьянъ; сверхъ того они должны были платить государевы подати. Въ соху здѣсь клали 1.200 четвертей худой земли или 1.000 четвертей середней земли, и потому въ селѣ Марьинѣ 12 вытей составляли $^{1}/_{6}$ сохи. Подати въ дворцовыхъ селахъ Симеона Бекбулатовича состояли въ ямскихъ деньгахъ, вѣроятно, также въ полоняничныхъ

---

[1]) «А оброку крестьяномъ платити въ великого князя казну въ Дворцовой Приказъ 6 рубл. и 7 алт. съ денго(ю), съ выти по полтинѣ, да во лготѣ 4 алт. съ денгою, да посопного хлѣба 55 четьи и $1^{1}/_{2}$ осм. и полчетверника ржи, 93 четьи овса, съ выти по 4 чети съ осм. ржи, по 7 четьи съ осм. овса; да во лготѣ четв. съ четверикомъ ржи, 2 четьи безъ четверника овса; да мелкого доходу платити крестьяномъ во дворецъ съ 30 вытей яловиц(а), съ 15 вытей боровъ живой, съ выти по борану, по полтю мяса свиного, по 2 сыра кислыхъ, по 2 гривенки масла коровья, по двое куровъ, по 40 яицъ, съ дву вытей гусь живой, гусь битой, съ двужъ вытей порося живое, порося битое, да съ выти по сажени дровъ, по копнѣ по мѣрной сѣна, по 3 возы соломы ржаные, да 2 поярка ше(р)сти бѣлой и сѣрой. А коли князь великій не велитъ у нихъ мелкимъ доходомъ имати, и крестьяномъ платити въ великого князя казну въ Дворцовой Приказъ денгами: за яловицу съ выти по 7 ден., за боровъ съ выти по 3 ден. съ полуден., за боранъ съ выти по гривнѣ, за полоть мяса свиного по гривнѣ, за сыры съ выти по 4 ден., за масло съ выти коровья по 2 ден., за куря съ выти по 4 ден., за гусь живой и за битой съ выти по 7 ден., за порося живое и за битое порося съ выти по 3 ден., за 40 яицъ по 2 ден., за саж. дровъ съ выти по 4 алт., за коп. мѣрную сѣна съ выти по полуполтинѣ, за солому съ выти по алт., за 2 поярка ше(р)сти съ выти по 4 ден., и всего за мелкой доходъ 9 рублевъ и 22 алт. и полторы ден...; пошлинъ дворецкого и дьячихъ съ оброку и мелкого доходу 27 алт., съ рубля по 10 ден., а ямскіе денги платити имъ съ сошного писма по великого князя уложенью; а приказщику имъ давати доходу на три празники: на Рожество, на Великъ день, на Петровъ день алтынъ, на празникъ по 2 денги, да съ выти по осм. ржи и по осм. овса, по хлѣбу, по куряти, по десятку лну, а приказщику изъ тое пошлины давати на великого князя дворецъ за скатерти съ выти по полуденгѣ; а коли князь великій приказщику у нихъ быти не велитъ, и крестьяномъ платити за приказщиковъ доходъ съ выти по 2 гривны. А присудные пошлины старостамъ и цѣловалникомъ сбирати по великого князя уложенью по прежнимъ государевымъ грамотамъ. А кто продастъ или промѣнитъ лошедь или корову, и старостамъ и цѣловальникомъ имати съ купца съ лошади денга, а съ продавца денгажъ, а съ коровъ съ рога по ден. Кто выдастъ дочерь замужъ за волость, и старостамъ имати за выводную куницу 10 ден.; а кто сына женитъ въ иной волости, и съ того имати за убрусъ 4 ден.; а кто въ той волости сына женитъ, или дочерь замужъ дастъ, и имъ имати за убрусъ 4 ден. А кто про(да)стъ хоромину, и старостамъ и цѣловалникомъ имати поуголное—съ угла по денгѣ». (Писц. книги, II, 293—294).

и пищальныхъ. Въ такомъ случаѣ, судя по аналогіи, подати не превышали 30 рублей на соху [1]), а въ селѣ Марьинѣ приходилось на выть 83—84 деньги податей, что было не особенно тяжело. Въ другихъ мѣстахъ крестьянамъ жилось, кажется, еще легче. Въ волости Ѳедосьина городка крестьяне съ 18 вытей за ямскія деньги, посошную службу и городовое дѣло и за оброкъ должны были бить царевъ ѣзъ на Быстрой тонѣ недѣль шесть и доставлять во дворецъ опредѣленное количество рыбы и икры; а въ случаѣ, если рыба и икра не потребуется, то давать деньгами—17 р. 4 алт. Слѣдовательно, и здѣсь крестьяне, получавшіе на выть по 7 дес. середней земли или 8 дес. худой земли, должны были платить съ выти, приблизительно, по 1 рублю даже тогда, когда натуральная повинность перекладывалась на деньги. Остальные крестьяне этой же волости (составлявшіе 13½ вытей) должны были платить за оброкъ и за посошный кормъ по 20 алт., по 1½ четв. ржи, по 3 четв. овса съ выти, также менѣе 1 рубля съ выти [2]). Въ другомъ дворцовомъ же хозяйствѣ въ Веневскомъ уѣздѣ (1571—72 г.) крестьяне получали на выть по 6½ дес. доброй земли, изъ нихъ по 1½ дес. ржи и 1½ овса должны были пахать на государя, за мелкій доходъ давать 46 ден., да за дань давать медвянаго оброка по 40 ден., т. е. денежные сборы здѣсь не превышали полтины, считая и государевы подати, такъ какъ «дань» несомнѣнно относится къ области государственнаго хозяйства. Урожай здѣсь былъ, конечно, не менѣе самъ-6 [3]). Въ монастырскихъ вотчинахъ положеніе крестьянства было еще лучше. Въ усмерской вотчинѣ Коломенскаго уѣзда, Троицко-Сергіева монастыря крестьяне съ 16 вытей платили за «издѣлье» только по гривнѣ, да съ 13 вытей по 20 алт. оброку съ выти, и еще по овчинѣ съ каждой выти и по холсту съ каждыхъ двухъ вытей. Всей пашни въ этой вотчинѣ показано 255 четв. середней земли, 149 четв. худой и 109 пере-

---

[1]) Въ 1588 г. Ѳедоровскій монастырь платилъ ямскихъ денегъ въ размѣрѣ 20 р. съ сохи, въ такомъ же размѣрѣ платилъ Тереховскій-Рязанскій монастырь; но Покровскій монастырь съ вотчинъ въ Шуйскомъ уѣздѣ платилъ только въ размѣрѣ 10 рублей съ сохи (А. Ю. № 209, V и VI и № 214, VI), Строгановы въ 1578—79 годахъ платили съ сохи всякихъ податей: ямскихъ за городовое, засѣчное, ямчужное дѣло, дани,—по 15 р. съ сохи.

[2]) Писцовыя книги, II; списокъ съ писцовой книги волости Ѳедосьина городка, 411—417.

[3]) Тамъ же, 1542.

логу въ полѣ, всего 513 четвертей, т. е. на выть приходится 17 съ небольшимъ четвертей; лѣсу вовсе не показано, чѣмъ, вѣроятно, и объясняется слишкомъ малый размѣръ оброка; въ другихъ вотчинахъ монастыря, какъ мы уже видѣли, въ этомъ же уѣздѣ крестьяне платили государевы подати, а на монастырь пахали пашню на выть по 3 дес. и сѣно косили, да за масло и сыръ платили съ выти по 2 алт. 4 д., прикащику также давали по 9 ден. съ выти и другіе мелкіе сборы (съ судныхъ дѣлъ—по алтыну, за положенный убрусъ—тоже, за выводную куницу—по гривнѣ). Такой незначительный оброкъ объясняется въ книгѣ тѣмъ, что «село и деревни безугодны, сѣна и дровъ мало, а подводъ къ Москвѣ сходитъ со всякимъ запасомъ въ годъ съ выти по 10 и болши» [1]).

Сопоставленіе этихъ данныхъ приводитъ къ заключенію, что хуже всего относительно было положеніе крестьянства въ дворцовыхъ селахъ князя Симеона Бекбулатовича. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ данныхъ писцовыхъ книгъ о хозяйствѣ дѣтей боярскихъ, о томъ, какъ они брали оброкъ съ своихъ крестьянъ. Можно догадываться, что положеніе помѣщичьихъ крестьянъ ближе всего подходило къ положенію крестьянъ Симеона Бекбулатовича, такъ какъ этотъ великій князь все-таки былъ служилый человѣкъ, хотя и самой высшей категоріи; его крестьяне не избавлены были отъ ямскихъ денегъ, а должны были платить ихъ по сошному письму. Но мы видѣли, что нельзя назвать положеніе его тверскихъ крестьянъ тяжелымъ; оно было хуже, чѣмъ положеніе дворцовыхъ и монастырскихъ, но не было абсолютно тяжелымъ. Крестьяне оттого, можетъ быть, и стремились перейти на другія земли, что всякому человѣку свойственно искать мѣсто, гдѣ ему жить всего легче; многихъ уже изъ нихъ вывозили. Пользуясь тѣмъ, что въ книгѣ земель великаго князя Симеона Бекбулатовича указана, обыкновенно, причина, почему тотъ или другой дворъ пустъ, можемъ узнать, куда уходили крестьяне. Въ селѣ Березникахъ, напримѣръ, вовсе нѣтъ сбѣжавшихъ безъ вѣсти: 10 человѣкъ вышли сами, по сроку, заплативши пошлины; двое выбѣжали, т. е., вѣроятно, раньше срока, не расчитавшись какъ слѣдуетъ; пятерыхъ вывезли. Выходили и вывозили изъ этого села: за Никиту Романовича Юрьева, за Никиту Желнинскаго, за Веригу Давыдова, одинъ крестьянинъ—за владыку; въ другихъ селахъ вышедшихъ почти совсѣмъ нѣтъ, но очень много вывезенныхъ и притомъ за помѣщиковъ средней руки; въ селѣ

[1]) Тамъ же, I, 609—611.

Мигайловѣ вывезено 12 человѣкъ: за Матвѣя Мокшеева, Мирона Кузьмина, Василія Унковскаго, Степана Кузьмица, князя Ивана Горчакова, Илью Васаева, Кузьму Воеводина; въ селѣ Андреевскомъ вывезено 53 человѣка: за Рудака Дикова, Ивана и Василья Заборовскихъ, Угрима Погонина, Филимона Козпакова, кн. Ивана Морткина и др. лицъ; только два крестьянина вывезены въ село Троицкаго монастыря.

Оказывается, что помѣщики средней руки, изъ которыхъ нѣкоторые показаны въ тверскомъ спискѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ, успѣшно соперничали съ такимъ большимъ хозяйствомъ, какъ дворцовыя села князя Симеона Бекбулатовича; по списку же 1585 г. у князя Морткина показано 550 четей, у Матвѣя Ильина Восаева (сынъ Ильи Восаева)—350 четей [1]. Если такіе сравнительно не крупные землевладѣльцы могли перевозить къ себѣ крестьянъ, то не служитъ ли это показаніемъ того, что у помѣщиковъ этихъ крестьянамъ жилось легче, чѣмъ на земляхъ Симеона Бекбулатовича? Конечно, здѣсь играла видную роль и другая причина. Мы видѣли выше, что и государевы подати, налоги и разные сборы не были обременительны. Но эти сборы клались въ сошное письмо, и крестьяне должны уже были сами верстаться въ этихъ податяхъ; количество податей оставалось неизмѣннымъ до слѣдующаго письма. Поэтому мы думаемъ, что наилучшее положеніе крестьянъ было именно первое время послѣ описи; затѣмъ, если описанную мѣстность постигало какое-нибудь бѣдствіе, повѣтріе, неурожай, что въ XVI вѣкѣ случалось нерѣдко,—оставшимся крестьянамъ приходилось платить и за убѣжавшихъ или умершихъ товарищей; понятно, на сколько это ухудшало положеніе крестьянъ, оставшихся на этой землѣ. Предположимъ теперь, что у другихъ помѣщиковъ число крестьянъ почему-либо не уменьшилось; тогда они въ состояніи перевозить къ себѣ крестьянъ, облагая и ихъ меньшими сборами и облегчая сборы съ своихъ старыхъ крестьянъ. Это при благопріятныхъ условіяхъ позволяло помѣщикамъ небогатымъ соперничать съ крупными землевладѣльцами.

Въ Орловскомъ уѣздѣ, гдѣ испомѣщены были дѣти боярскіе ничтожными земельными окладами, показано на помѣщичьихъ земляхъ очень много приходцевъ-крестьянъ. Въ Вяземскомъ уѣздѣ у помѣстныхъ землевладѣльцевъ на 3.340 дворовъ крестьянскихъ и 720 дворовъ бобыльскихъ живущихъ приходилось въ 1594 г. 142

---

[1]) Акты Московскаго государства, I, 30.

двора и 1.418 мѣстъ дворовыхъ пустыхъ [1]), отношеніе во всякомъ случаѣ болѣе благопріятное, чѣмъ въ дворцовыхъ селахъ Симеона Бекбулатовича, гдѣ на 177 вытей живущихъ приходилось 397 пустыхъ вытей.

П. А. Соколовскимъ было высказано мнѣніе, съ которымъ нельзя не согласиться, что тогдашнія условія пользованія землей, сравнительно, не были обременительны; участокъ каждаго земледѣльца состоялъ изъ достаточнаго количества пахатной земли, луга, лѣса; орудія давались ему безвозмездно, владѣльцу земли крестьянинъ давалъ 4-ю, 5-ю часть всего продукта. По одному акту того времени можно видѣть, что считалось тогда нормальнымъ крестьянскимъ хозяйствомъ. Когда, въ 1590 г., отправляли изъ Устюга переселенцевъ въ Сибирь, то каждый изъ нихъ долженъ былъ имѣть по 3 мерина, 3 коровы, 2 козы, 3 свиньи, 5 овецъ, 2 гуся, 5 куръ, 2 утки, соху, телѣгу, сани, всякую житейскую рухлядь и на годъ хлѣба; кромѣ того, устюжане должны были дать переселенцамъ по 25 р. каждому подмоги; но они заявляли потомъ, что давали подмоги по 110 рублей человѣку, потому что тѣ люди собою обнищали, «тою подмогою, что было имъ указано, подняться до Сибири никому не мочно».

Крестьяне брали иногда цѣлыя помѣстья на оброкъ; такъ, въ Московскомъ уѣздѣ по книгѣ 1584—86 гг. взяли помѣстье на оброкъ крестьянинъ Ивана Пушкина Петрушка Яковлевъ, Гришка Афанасьевъ, крестьян. кн. Черкасскаго, Кирилка Ивановъ, Троицкій крестьянинъ Неупокойка Михайловъ «съ товарыщи», крест. Ивана Васильевича Годунова и др. [2]). Иногда же брали на оброкъ то или другое количество четвертей, причемъ оброкъ этотъ былъ очень не высокъ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ менѣе 1 алтына за четверть пахотной земли. Понятно, какъ сравнительно выгодно крестьянамъ было брать пашню на оброкъ; между ними и землевладѣльцами происходила борьба, не всегда безуспѣшная для первыхъ, какъ это видно изъ частаго упоминанія документовъ объ оброчной пашнѣ и «пашнѣ наѣздомъ».

Флетчеръ много говоритъ о притѣсненіяхъ, которымъ помѣщики подвергаютъ крестьянъ, живущихъ на ихъ земляхъ. Дѣйствительно, могъ ли быть надзоръ за помѣщикомъ, была ли даже выработана за-

[1]) Писцовыя книги, II, Орловскій уѣздъ; итоги описи Вяземскаго уѣзда, 820—822.

[2]) П. А. Соколовскій, Экономическій бытъ, 43; А. Э. 1, 307; Писцовыя книги, I, 156, 158 и 160.

конодательствомъ норма, которая опредѣляла бы отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ? До насъ дошелъ рядъ послушныхъ грамотъ этой половины вѣка; большая часть очень неопредѣленно говоритъ, обращаясь къ крестьянамъ: «и вы бъ всѣ крестьяне, которые въ томъ селѣ и въ деревняхъ живутъ (такого-то) слушали, пашню на него пахали и оброкъ ему платили, чѣмъ васъ изоброчитъ», или «чтили и слушали и оброкъ ему всякой хлѣбной и денежной давали, чѣмъ онъ васъ изоброчитъ, а онъ васъ вѣдаетъ и судитъ». Немногія, сравнительно, грамоты прибавляютъ: «по старинѣ, по тому жъ, какъ съ тѣхъ пустошей помѣщича доходу шло прежнимъ помѣщикамъ изстари» [1]). Конечно, такое ограниченіе,—платить оброкъ по старинѣ,—встрѣчающееся въ очень немногихъ послушныхъ грамотахъ, было слишкомъ неопредѣленнымъ, едва ли къ чему обязывающимъ помѣщика. Тѣмъ не менѣе, нельзя никакъ сказать, чтобъ не было никакой законодательной нормы въ данномъ случаѣ. Судебникъ точно опредѣляетъ, сколько помѣщикъ можетъ брать съ крестьянина пожилаго; грамота патріарха Іова Новинскому монастырю точнѣйшимъ образомъ опредѣляетъ всѣ обязанности крестьянъ [2]); въ писцовыхъ книгахъ также точно обозначено, что должны дѣлать крестьяне, сколько платить, доставлять того или другаго. Правда, что о помѣщичьихъ крестьянахъ мы подобныхъ свѣдѣній почти не имѣемъ; но одно то соображеніе, что помѣщики больше нуждались въ крестьянахъ, чѣмъ крестьяне въ помѣщикахъ, должно было удерживать большинство помѣщиковъ отъ злоупотребленій своимъ положеніемъ, а потому слѣдуетъ считать вполнѣ основательнымъ мнѣніе, что въ каждой области, сообразно мѣстнымъ условіямъ, была своя норма оброка, переступать которую землевладѣльцы не рѣшались [3]). Крестьянину, конечно, тяжело было разставаться съ тою мѣстностью, въ которой онъ родился и выросъ, но болѣе тяжелыя условія могли побудить его искать счастія въ другомъ мѣстѣ; и помѣщикъ, понимавшій собственную выгоду, долженъ былъ беречься отъ излишняго напряженія крестьянскихъ силъ.

Сказанное не исключаетъ, конечно, того, что были помѣщики, которые злоупотребляли своимъ положеніемъ. Когда какой-нибудь помѣщикъ жаловался царю, что его помѣстье запустѣло, то пра-

---

[1]) А. И., I, 167, 180, 182, 185, 186, 190, 201, 243 и 244.

[2]) Временникъ, II.

[3]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ, I, 113.

вительство предписывало допросить всѣхъ сосѣднихъ жителей, и священниковъ, и дѣтей боярскихъ, и крестьянъ, отчего то помѣстье запустѣло: отъ голода ли, отъ повѣтрія ли, отъ тягла ли (т. е. отъ слишкомъ тяжелаго обложенія), или отъ самого помѣщика. Если по обыску оказывалось послѣднее, то помѣщикъ оставался при старомъ помѣстьѣ [1]). Нечего и говорить, что бывали помѣщики, которые пустошили свои земли, и въ такомъ случаѣ крестьяне тяжело страдали. Во многихъ спискахъ дворянъ и дѣтей боярскихъ того или другаго уѣзда попадается графа: «дѣти боярскіе, которые государевы службы не служатъ, а помѣстья ихъ пусты, и хоромъ нѣтъ, а они ходятъ по дворамъ» или «которые сбѣжали, помѣстья запустошивъ». Въ Тверскомъ спискѣ такихъ дѣтей боярскихъ показано 20 изъ 79 лицъ, служащихъ по этому уѣзду [2]). Слѣдовательно, основаніе нѣкоторое для извѣстія Флетчера есть; но на основаніи приведенныхъ выше соображеній должно думать, что въ данномъ случаѣ онъ обобщилъ то, что дѣлалось нѣкоторыми помѣщиками, и вывелъ отсюда заключеніе, что правительство сознательно жертвуетъ интересами крестьянства въ пользу интересовъ дворянства, чтобы этимъ путемъ обезпечить себѣ политическое подчиненіе дворянства. Московское правительство не указывало, дѣйствительно, того, что именно имѣлъ право требовать помѣщикъ отъ крестьянъ, живущихъ на его землѣ. Но это происходило потому, что точная регламентація еще не вошла въ практику дѣйствій правительства: обычай выработалъ, какъ великъ долженъ быть крестьянскій оброкъ; размѣръ оброка одинаково былъ извѣстенъ и крестьянамъ и помѣщикамъ, и въ большинствѣ случаевъ соблюдался. Добросовѣстнаго соблюденія этихъ условій требовала прежде всего личная выгода помѣщика; при слабости средствъ своихъ правительство, если бы и хотѣло, не могло слѣдить за дѣйствіями помѣщиковъ; оно не наказывало помѣщиковъ, злоупотреблявшихъ своею властью, потому что эти помѣщики наказывали сами себя чрезвычайно строго: запустошивъ свои помѣстья, они не могли нести государевой службы, скитались межъ дворами и пропадали безслѣдно, т. е. они теряли всѣ права и преимущества, которыя получили при рожденіи.

Кромѣ помѣщиковъ, большой вредъ приносили крестьянамъ всякія проѣзжавшія лица, по своему общественному значенію сто-

---

[1]) Д. А. И. I, 52, VIII, XIV, XXIX.

[2]) Акты Московскаго государства I, 30; въ писцовыхъ книгахъ въ концѣ описи стана или волости указываются помѣстья и вотчины пустыя.

явшія выше крестьянъ. Въ данномъ случаѣ Флетчеръ едва ли значительно преувеличиваетъ, какъ это видно изъ свидѣтельства нашихъ актовъ. Въ 1591 г. Хутынскій монастырь жаловался царю Θеодору Ивановичу, что дѣти боярскіе, ихъ люди и крестьяне продаютъ напрасно монастырскихъ, крестьянъ бьютъ на нихъ челомъ ложно, обвиняя ихъ въ боѣ и грабежѣ; а ржевскіе приставы, пріѣзжая на разбирательство, берутъ съ крестьянъ кормъ, подводы и наметываютъ на нихъ сроки на весь годъ, такъ что отъ этихъ подводъ, кормовъ много крестьянъ разбѣжалось и пропало безъ вѣсти. Въ жалованной грамотѣ Стороженской пустынѣ, царь, освобождая слугъ и крестьянъ этого монастыря отъ вѣдѣнія Новгородскихъ намѣстниковъ, приказываетъ: «и наши князи и бояре, и воеводы ратные, и всякіе проѣзжіе люди, и наши всякіе посланники и гонцы, у нихъ въ монастырѣ и у ихъ слугъ и у крестьянъ подводъ и проводниковъ не емлютъ, и силно не ставятца». Другой новгородскій монастырь просилъ, какъ милостыни, взять отъ него вотчину Кушевѣрскую и дать вмѣсто нея другую, поближе къ Новгороду и къ ихъ монастырю, потому что та волость отъ Новгорода и отъ ихъ монастыря далеко, верстъ за 250, и въ сосѣдствѣ съ нею живетъ много дѣтей боярскихъ, и «отъ тѣхъ деи дѣтей боярскихъ, въ земляхъ и во всякихъ дѣлѣхъ, и отъ проѣзжихъ людей, хрестіанамъ тоѣ ихъ Кушевѣрскія волости чинятца насилства и обиды великіе», и несмотря на то, что монастырь поэтому постоянно даетъ льготы тѣмъ крестьянамъ, крестьяне все-таки обнищали. По одному судному дѣлу помѣщиковъ дѣтей боярскихъ съ монастыремъ Троицко-Сергіевымъ видно, что поземельныя ссоры доводили иногда спорящихъ до сраженій, причемъ крестьяне для побѣдителя были предметомъ добычи. Крестьяне братьевъ Чулковыхъ обвиняли старца Герасима и монастырскихъ крестьянъ въ томъ, что послѣдніе ихъ били, захватили 17 коней, крестьянскую одежду и взяли четырехъ крестьянъ. Съ своей стороны старецъ Герасимъ обвинялъ крестьянъ и людей братьевъ Чулковыхъ въ нападеніи, которое тѣ произвели на монастырскихъ крестьянъ, причемъ нападавшими взято было 30 лошадей съ сохами 100 топоровъ, 100 сермягъ и 100 колпаковъ и 4 крестьянина [1]).

Такія своевольства, причиняемыя болѣе сильными слабымъ, безъ сомнѣнія, ухудшали иногда положеніе крестьянъ и у добросовѣст-

[1]) Д. А. И. I, 228, 132, 113; А. И. I, 200; Акты Θедотова-Чеховскаго, I, 70.

наго помѣщика. Н. Д. Чечулинъ указалъ фактъ бѣгства тяглаго населенія изъ городовъ подмосковныхъ и по южной украинѣ государства; города эти, по своему населенію, все болѣе принимали видъ исключительно укрѣпленныхъ и вооруженныхъ пунктовъ. Такъ, въ Серпуховѣ (по описи 1552 г.) на 632 двора приходилось пустыхъ только 21 дворъ и 122 дворовыхъ мѣста; въ Коломнѣ (по описи 1577 г.) уже на 12 тяглыхъ дворовъ и 22 оброчныхъ приходится пустыхъ 54 двора и 249 дворовыхъ мѣстъ; въ Можайскѣ (въ 1595 г.) на 116 дворовъ въ посадѣ и 85 дворовъ въ слободѣ приходится пустыхъ 127 дворовъ и 1.446 мѣстъ дворовыхъ [1]). Слѣдовательно, увеличеніе военно-служилыхъ людей въ этихъ городахъ и уѣздахъ нетолько не вызвало оживленія края, а напротивъ, заставило прежнее тяглое населеніе уходить въ другія мѣста государства; несомнѣнное доказательство того, что сословія эти не могли еще ужиться вмѣстѣ мирно и разграничить сферы дѣятельности каждаго изъ нихъ. Флетчеръ увѣряетъ даже, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ, какъ торговцы, разложивши свои товары, постоянно смотрѣли на двери и оглядывались, чтобы къ нимъ не взошелъ невзначай какой-либо сынъ боярскій. Трудно предположить, чтобы своевольство дворянъ и дѣтей боярскихъ достигало такой степени. Флетчеръ не зналъ, что тогда продавцы и покупатели должны были платить пошлины съ каждой купленной вещи; торговцы оттого съ такимъ страхомъ и смотрѣли на двери, что имъ грозила жестокая пеня, если бы ихъ поймали на мѣстѣ преступленія, тайной продажи. Такое же бѣгство населенія отмѣчаетъ Флетчеръ и въ другомъ мѣстѣ страны. Онъ говоритъ, что по дорогѣ между Вологдой и Москвой онъ видѣлъ пустыя деревни, числомъ до 50, длиною въ версту и въ пол-версты, совершенно покинутыя жителями. Это происходитъ, по словамъ Флетчера, оттого, что нигдѣ притѣсненія крестьянамъ не бываютъ такъ велики, какъ въ ямахъ. Замѣтимъ, что Ричардъ Чанслоръ описываетъ именно эту часть дороги, какъ чрезвычайно богатую; на этомъ пути онъ встрѣчалъ ежедневно 700—800 саней, нагруженныхъ хлѣбомъ и соленой рыбой; мѣстность эта, какъ на него, такъ на другихъ англичанъ, произвела наилучшее впечатлѣніе страны богатой, густо населенной. Казалось бы, что мѣстность эта должна бы только выиграть оттого, что по ней пролегалъ важнѣйшій въ то время торговый путь къ сѣверному морю; а вмѣсто этого мы встрѣчаемъ жалобы на опустѣніе этого края.

[1]) Н. Д. Чечулинъ, Города Московскаго государства, 157—159.

Даніилъ Принцъ, описывая свою ѣзду по Россіи, хвалитъ ее; онъ говоритъ, что какъ только лошадь падетъ или устанетъ, то можно взять свѣжую лошадь у перваго встрѣчнаго крестьянина. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ проѣзжающіе не только не вносили оживленія, не только не служили источникомъ новыхъ доходовъ, а были чумой для населенія, которое бѣжало отъ нихъ въ такія дебри, куда они не могли заглянуть. Ульфельдъ проѣзжалъ въ 1578 году г. изъ Новгорода въ Москву по мѣстности, которая не поправилась послѣ Іоаннова похода 1570 года; онъ свидѣтельствуетъ, что въ какой бы городъ или село посольство ни въѣхало, жители забирали съ собою скотъ и убѣгали отъ пословъ, какъ отъ чумы. Въ словахъ этихъ, конечно, значительная доля преувеличенія; за два года по этой же мѣстности приблизительно проѣзжалъ Даніилъ Принцъ, и у него не находимъ подобныхъ жалобъ. А между тѣмъ во время еще Барберини ямская повинность не только не была тягостью для населенія; напротивъ, мѣстные жители ждали путниковъ и наперерывъ предлагали свои услуги. Но, какъ и предъидущій примѣръ, этотъ также нѣсколько сомнителенъ. Въ то время въ селахъ, не говоря уже о деревняхъ, число дворовъ сравнительно было очень незначительно (не болѣе 5—6 въ среднемъ на поселеніе), и села не могли занимать такого большаго пространства въ длину. Поэтому Н. Д. Чечулинъ предположилъ, что Флетчеръ «гнѣзда» деревень (т. е. мѣста, гдѣ деревни въ 2—3 двора очень близки другъ къ другу) принималъ за одно селеніе, а, слѣдовательно, и въ данномъ случаѣ онъ оказался наблюдателемъ довольно поверхностнымъ [1]).

Само оно сознавало, что злоупотребленія есть и будутъ, но рѣшительно было безсильно прекратить эти злоупотребленія: до такой степени они вошли въ плоть и кровь тогдашнихъ русскихъ людей. Правительство назначаетъ казаковъ сопровождать цесарскаго посла Варкоча и при этомъ даетъ такой наказъ: «и казаковъ Богдана Матова съ товарищи отъ воровства одноличио унимать накрѣпко чтобъ одноличио дорогою не воровали, не грабили и корму себѣ даромъ не имали, а учнутъ воровати, и Ивану ихъ бити батоги нещадно и въ тюрьму сажати; а что у кого даромъ возмутъ и Ивану за то, у кого что возмутъ, вдвое на нихъ доправливати и отдавати тѣмъ людемъ». Слѣдовательно, правительство не только принимало къ сердцу интересы населенія, но и дѣйствительно за-

[1]) Н. Д. Чечулинъ, Города, 310; Даніилъ Принцъ, 72; Ульфельдъ, 20—25.

ботилось объ охранѣ населенія отъ притѣсненій проѣзжающихъ, но въ какомъ оно было положеніи лучше всего видно изъ того, что оно, назначая казаковъ для охраны посла, должно заботиться, чтобы охрана эта не грабила мѣстное населеніе. Въ Можайскѣ мѣстные жители прямо отказались давать кормъ приставамъ, потому что прежде дали безъ денегъ, но денегъ не получили, хотя и ходили за ними въ Москву, «не вѣрятъ ни въ чемъ» [1]). Такія отношенія только и могли существовать тогда, когда мелкіе правительственные агенты не исполняли своихъ обязанностей и доступны были взяточничеству. Но было бы несправедливо видѣть какъ въ этомъ, такъ и въ злоупотребленіяхъ лицъ, управлявшихъ областями (о чемъ мы будемъ говорить ниже), какую-то систему правительственную, полагать, что угнетеніемъ низшихъ классовъ правительство вознаграждало высшіе классы за лишеніе ихъ политической свободы. Это просто было право сильнаго въ обществѣ молодомъ, въ которомъ чувство законности развито было чрезвычайно слабо; мы уже высказали раньше, что къ концу XVI вѣка подобныя явленія въ тогдашнемъ обществѣ усилились: продолжительная война и опричнина были главнѣйшими тому причинами.

Флетчеръ увѣряетъ, что собственность населенія до такой степени мало обезпечена, что простой народъ предпочитаетъ зарывать въ землю наиболѣе цѣнныя вещи.

Въ другомъ мѣстѣ своего труда Флетчеръ указываетъ также на незначительность ремесленной дѣятельности въ Россіи, какъ на одну изъ причинъ бѣдности ея населенія. Такого же мнѣнія держались П. А. Соколовскій и Хлѣбниковъ; Н. Д. Чечулинымъ собраны точнѣйшія данныя о развитіи ремесленной дѣятельности въ тогдашнихъ городахъ. Оказывается, что 20—25% всего городскаго населенія занималось ремеслами; но значительное большинство ихъ ограничивалось приготовленіемъ и выработкой наиболѣе необходимыхъ предметовъ домашняго обихода [2]). Также причиною экономическаго упадка Россіи

---

[1]) Памятники дипл. сношеній I, 1213 и X, 475.

[2]) П. А. Соколовскій, op. cit., 10; Хлѣбниковъ, op. cit., 70; Н. Д. Чечулинъ, op. cit., 338—341: авторомъ насчитано до 210 названій ремеслъ, которыя имъ раздѣлены на четыре группы: первая группа, наиболѣе многочисленная по числу занимавшихся лицъ, - приготовленіе продуктовъ питанія, 34 названія; вторая, 32 названія,—приготовленіе одежды и обуви; третья, 25 названій,—приготовленіе предметовъ домашняго обихода; четвертая, 119 названій, но по числу лицъ самая малочисленная, — приготовленіе предметовъ не первой необходимости. Авторъ отмѣчаетъ также, что ремесленная дѣятельность развита была особенно въ подмосковныхъ городахъ, слабѣе въ Новго-

Флетчеръ считаетъ войну и потерю Нарвскаго порта. С. М. Соловьевымъ уже указана значительная неточность сообщенія Флетчера: по его изложенію можно думать, что и въ царствованіе Өеодора была война и былъ закрытъ торговый путь на Западъ въ Литву и Польшу [1]). Флетчеръ не выяснилъ себѣ, какъ тяжело отозвалась на Московскомъ государствѣ продолжительная война предшествовавшаго царствованія. Онъ очень неопредѣленно говоритъ, что вслѣдствіе войны съ Польшей пресѣченъ путь черезъ Смоленскъ и Полоцкъ, и что съ недавняго времени простой народъ обремененъ невыносимыми налогами. По этому поводу С. М. Соловьевъ и замѣтилъ, что въ царствованіе Өеодора войны съ Польшей не было, и крестьяне вовсе не были обременены большими налогами сравнительно съ предшествовавшимъ царствованіемъ. Напротивъ, при вступленіи на престолъ Өеодора подати и налоги были понижены. Московскіе послы даже обязаны были говорить въ Литвѣ, что «всѣ сохи въ тарханахъ, во льготѣ, даней никакихъ не берутъ, ни посохъ ни къ какому дѣлу, городовыя дѣла всякія дѣлаютъ изъ казны наймомъ, а плотниковъ устроено больше 1.000 человѣкъ». Разумѣется, это значительное преувеличеніе: смѣшно было бы думать, что тогда не брали совсѣмъ податей. Въ концѣ Тульской писцовой книги 1587—1580 гг. читаемъ: «а сошного писма въ живущемъ 22 сохи съ полусохою, а въ пустѣ сошного писма и съ наѣзжею пашнею 46 сохъ съ четью и полполчети... и съ тѣмъ, что по государеву указу сложено изъ живущаго въ пусто съ Тулского и Дѣдиловского уѣздовъ $25^{5}/_{24}$ сохи» [2]). Если это сдѣлано было для Тульскаго и Дѣдиловскаго уѣздовъ, въ которыхъ въ это время не случилось никакихъ особенныхъ условій, которыя требовали бы пониженія налоговъ, то можно предположить, что подобное же сдѣлано было и для другихъ уѣздовъ: число сохъ, а слѣдовательно, платежей, значительно убавлено; равнымъ образомъ всѣ наши хронографы и лѣтописцы того времени единогласно говорятъ, что съ воцареніемъ Өеодора русская земля стала поустраиваться. Какъ опустошительно отозва-

родскихъ и Псковскихъ пригородахъ (344—346). Этимъ, конечно, устанавливается фактъ довольно значительнаго развитія ремесленной дѣятельности въ городахъ, хотя намъ кажется, что Н. Д. Чечулинъ считалъ ремесленниками иногда такихъ лицъ, которыхъ едва ли можно признавать таковыми, напр., мясниковъ, рыболововъ, прасоловъ, ветошниковъ, лодочниковъ, судовщиковъ, огородниковъ, конюховъ, пастуховъ, казаковъ и другихъ.

[1]) Соловьевъ, VII, 344—345.

[2]) Писцовыя книги, II, 1260.

лась война, лучше всего видно изъ результатовъ описи, произведенной въ 1585—1588 годахъ, въ Псковской области: въ Гдовѣ, гдѣ прежде было 209 человѣкъ населенія, осталось только 14; въ Островѣ отъ 204 дворовъ не осталось почти ничего, въ Опочкѣ 9 тяглыхъ людей, прежде 180 дворовъ; въ Себежѣ 3 посадскихъ человѣка на прежніе 54 тяглые дворы; въ Красномъ—2 черныхъ человѣка на 90 прежнихъ дворовъ. Пригороды: Володимеръ, Вревъ, Выборъ, Вышгородъ, Дубковъ и Кобылье—находились въ состояніи полнаго разоренья, «городища, что были города» [1]).

Въ видѣ примѣра, до чего доходятъ притѣсненія простому люду, Флетчеръ указываетъ на братьевъ Строгановыхъ, не называя ихъ фамиліи. Три брата, Яковъ, Григорій и Симеонъ, сыновья Аники, торговали на капиталъ около 300.000 рублей деньгами, не считая ихъ другаго движимаго и недвижимаго имущества. До 10.000 рабочихъ занимались у нихъ добываніемъ соли, перевозкою тяжестей, рубкою лѣса; около 5.000 крестьянъ обрабатывали ихъ землю; у нихъ служили свои доктора, хирурги, аптекаря и другіе ученые ремесленники,—все больше голландцы. Они платили въ казну царскую до 23.000 рублей ежегодно; они населили окраины страны отъ Вычегды до Перми, т. е. на 1.000 верстъ. Когда же они завоевали Сибирь, то правительство отняло у нихъ почти все, отбирая по частямъ, тысячъ по 20, такъ что теперь у ихъ дѣтей осталась только очень незначительная часть прежняго состоянія.

Сообщеніе это до такой степени невѣрно, что невольно набрасываетъ подозрѣніе и на другія сообщенія Флетчера. Въ жалованной грамотѣ Петра Великаго Григорію Димитріевичу Строганову исчислено, что въ междуцарствіе и при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ Строгановыми внесено въ царскую казну деньгами, хлѣбомъ, солью, драгоцѣнными металлами и каменьями на сумму — 423.706 руб.; когда въ 1614 г. брали съ гостей и торговыхъ людей пятую деньгу, то съ Строгановыхъ взяли всего 16.810 руб.; а пятая деньга, по объясненію П. Н. Милюкова, была 20% сборомъ съ дохода [2]). Грамотой 7099 года царь Ѳеодоръ Ивановичъ пожаловалъ Никиту Григорьевича велѣлъ ему владѣть по прежнему вотчиной, городомъ Орломъ; черезъ 6 лѣтъ вотчина Григорія Строганова была еще увеличена, причемъ ему дана была льгота на 15 лѣтъ. Можно ли послѣ этого говорить, какъ дѣлаетъ Флетчеръ

---

[1]) Н. Д. Чечулинъ, op. cit., III глава.

[2]) Ж. Мин. Нар. Пр. 1890, № 9.

что московское правительство не терпитъ, чтобы въ рукахъ мужика скопилось большое богатство. Далѣе Флетчеръ увѣряетъ, будто Строгановы прежде платили до 23.000 рублей въ годъ податей. Въ сотной съ книгъ писца Ивана Яхонтова съ товарищи 7087 года имущество и платежи Строгановыхъ опредѣлены такъ—въ Перми: 3 слободы, 8 деревень, 24 починка, въ нихъ крестьянскихъ дворовъ 113; платить дани и оброковъ и пошлинъ—144 р. 22 алт.; по Камѣ со слободы «Орелъ» приходилось платить 86 р. 1 алт. 3 д., т. е. всего въ 1578—1579 годахъ платежи Строгановыхъ составляли 230 р. съ небольшимъ; любопытно, что Флетчеръ преувеличилъ платежи Строгановыхъ ровно въ 100 разъ. Это показываетъ лучше всего, какъ осторожно должно относиться къ цифровымъ даннымъ нашего писателя. Въ 1558 Григорію Строганову пожалованы были земли по Камѣ и дана льгота до 1578 г., въ 1568 г. Якову Строганову пожалованы были земли по Чусовой, и льгота дана до того же 1578 г., а въ 1578—79 гг. и произведена была вышеупомянутая опись Иваномъ Яхонтовымъ [1]).

Извѣстіе Флетчера объ экономическомъ упадкѣ Россіи особенно интересны тѣмъ, что, не ограничиваясь общими замѣчаніями, онъ въ III главѣ даетъ нѣсколько цифръ, сколько отпускалось изъ Россіи ея произведеній въ прежнее время и сколько—теперь. Флетчеръ слышалъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ было вывезено изъ Россіи разными промышленниками мѣховъ на 400—500 т. рублей; воска въ прежнее время отправляли ежегодно до 50.000 пудовъ—теперь вывозятъ только до 10.000 п.; сала прежде ежегодно—до 100.000 п., теперь не болѣе 30.000 п.; кожъ также прежде до 100.000 штукъ, теперь не болѣе 30.000; льна и пеньки ежегодно отправляли изъ Нарвы до 100 большихъ и малыхъ кораблей, теперь не болѣе пяти кораблей. Прежде всего должно установить тотъ фактъ, что Флетчеръ сравнивалъ русскій отпускъ до войны съ Баторіемъ съ отпускомъ своего времени, потому что, какъ мы сейчасъ увидимъ, только при такомъ сравненіи можно говорить объ уменьшеніи отпуска. Въ 1554 г. вѣсчей пошлины собрали въ Новгородѣ у Ивана на Опокахъ 233 р. 13 алт.; между тѣмъ, какъ въ 1587 г. вѣсчая пошлина въ Новгородѣ же сдана на откупъ за 106 р. 6 алт. 3 д., причемъ 40 рублей наддачи сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ; равнымъ образомъ и другіе виды торговыхъ

[1]) «Именитые люди Строгановы». Жалованная грамота именитому человѣку Григорію Дмитріевичу Строганову; также Д. А. И. I, 117—120.

пошлинъ сданы на 1587 г. съ значительной наддачей: поворотная за 35 р. 7 алт. 4 д., что было собрано въ прошломъ году вѣрными цѣловальниками, + 6 р. руб. наддачи; явчая, пятенная и привозная за 89 р. 7 алт.+15 р. наддачи; помѣрная и покоречная за 350 р.+50 р. наддачи. Цифры эти явно свидѣтельствуютъ о томъ, какъ сравнительно быстро начала поправляться торговля въ царствованіе Ѳеодора; но съ другой стороны, что и въ 1587 г., она не достигла еще того уровня, на которомъ стояла въ 1554 г., а между тѣмъ послѣ завоеванія Нарвы русскими отпускная торговля значительно увеличилась. Во Псковѣ также (по описи 1585—88 гг.), напр., прежде откупа съ соленаго двора шло 20 р., а въ то время только 5 рублей.

Показаніе Флетчера о важности Нарвы для Россіи подтверждается вполнѣ данными, извлеченными Ганзеномъ изъ Нарвскаго архива. Такъ, въ 1566 г. адмиралъ Горнъ захватилъ 200 судовъ англійскихъ и голландскихъ съ разными товарами; затѣмъ шведскому же королю удалось въ два года взять свыше 60 кораблей [1]). Эти цифры показываютъ, что едва ли Флетчеръ преувеличиваетъ, когда говоритъ объ отпускѣ 100 кораблей со льномъ, 100.000 пуд. льна, 50.000 пуд. воска. Нарвская торговля была чрезвычайно обширна; между тѣмъ по отнятіи Нарвы у Россіи опять остался одинъ неудачный выходъ — черезъ Архангельскъ. Въ 1582 г. къ устьямъ Сѣверной Двины прошло только 9 англійскихъ кораблей, 5 кораблей нидерландца Бѣлоборода, да еще чей-то корабль. Хотя московское правительство, мотивируя свой отказъ предоставить англійской компаніи исключительное право приставать къ сѣвернымъ портамъ, писало, что кораблей другихъ иноземцевъ бываетъ 50 и даже 100, но это есть обычное при такихъ случаяхъ преувеличеніе.

Слѣдовательно, въ общемъ должно вполнѣ согласиться съ Флетчеромъ въ томъ, что русскій отпускъ послѣ войны съ Баторіемъ и Швеціей значительно упалъ сравнительно съ предшествовавшими годами.

1) О торговлѣ мѣхами Флетчеръ говоритъ (9), что разные торговцы и турецкіе, и персидскіе, и бухарскіе, и грузинскіе и др., равно какъ и христіанскіе, вывезли нѣсколько лѣтъ тому назадъ мѣховъ тысячъ на 400 или на 500. Торговая книга показываетъ, какъ обширна была торговля мѣхами съ западными народами.

---

[1]) Hansen, Geschichte der Narve, 39—40; Е. Е. Замысловскій, Сношенія Россіи съ Англіей (Др. и Нов. Росс. 1876 г., № 8). Д. А. И. I, 95 и А. Э. I, 331, 332, 334 и 335.

Составитель книги совѣтуетъ продавцу сговариваться на 500 песцовъ, 100 сороковъ куницъ, 8.000 россомахъ, 5.000 выдры, 100.000 бѣлки, 100.000 черной кошки, 5.000 бобра и т. д. Въ 1656 г. по сдѣланной Роде выпискѣ изъ Архангельской таможенной книги, мѣховъ было продано на сумму 98,059 рублей; конечно, цѣна мѣховъ въ XVII в., стояла уже значительно выше. Персидскіе послы и гонцы, бывавшіе въ Москвѣ, обыкновенно, привозили съ собой просьбу прислать шаху мѣховъ. Одинъ гонецъ, Хозя Искендеръ, просилъ взять у него его рухлядь и пожаловать его противъ того московскими товарами; а ему велѣно привезти съ собой московскихъ товаровъ: 20 портищъ соболей, 100 шубъ хребтовыхъ бѣлыхъ, 50 шубъ лисьихъ, 100 лисицъ хорошихъ красныхъ, 50 хорьковъ, 200 лисицъ обышныхъ и т. д. Торговая книга также отмѣчаетъ, что «лисицы черныя отъ Датскихъ идутъ къ Царюгороду, а красныя хонелыя въ Португальскую землю, а отвозятъ ихъ въ Гурмазъ и въ Кизылбашскую землю», т. е. датчане и португальцы были посредниками въ этой торговлѣ русскихъ съ восточными народами [1]).

2) Воскъ прежде вывозился въ количествѣ до 50.000 пудовъ, въ настоящее же время вывозится только до 10.000 пуд. По выпискѣ Роде изъ Архангельской таможенной книги 164 г. всего—только 3.500 пуд. Барберини цѣнитъ 1 пудъ воска въ 40 алт.; Мершъ въ своей челобитной показываетъ цѣну въ 61 алт. за пудъ. По письму Горсея видно, что въ 1576 г. пудъ воска стоилъ по 2 р. 4 гривны и 2 р. съ полтиною, «да мало его и пущають на ту цену, а началось і впередъ дорого, что купцовъ на него много». По торговой книгѣ воскъ стоилъ пудъ 2 р. 10 алт. и даже дешевле; но цѣну эту составитель книги считаетъ совсѣмъ убыточной: «нынѣ за посмѣхъ дешевъ, нѣтъ провоза. А воску безмѣнъ бывалъ по 10 алт. и дороже, а за пудъ по 4 р. съ полтиной, а нынѣ живетъ безмѣнъ въ 3 алт. съ деньгою, а пудъ въ полтора рубля 20 денегъ». Въ то время, когда въ Россіи пудъ стоилъ $2^1/_2$ р., въ Гамбургѣ берковецъ продавался по 22 р. 9 алт. 2 д. или пудъ по 2 р. $7^1/_2$ алт. [2]).

---

[1]) Торговая книга, З. А. О., I, 132—133; извѣстія Роде напечатаны Эверсомъ въ Beiträge, 253 стр. и слѣд. выписка изъ Архангельской таможенной книги; Н. И. Веселовскій, Памятники дипл. и торг. сношеній съ Персіей; также Н. И. Костомаровъ, Очеркъ торговли, 286—301.

[2]) Барберини, Сказ. иностр. пис., 56; Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ. XXXVIII, 203, 240, (письмо Горсея).

Очевидно, что спросъ на воскъ значительно превышалъ предложеніе. Еще въ 1555 г. наше правительство объявило воскъ заповѣднымъ товаромъ; въ 1588 г. снова было подтверждено, что воскъ можно продавать только въ обмѣнъ на селитру, сѣру и т. п., т. е. само правительство замѣтило, что усиленный вывозъ воска за границу совершается въ ущербъ внутренняго его потребленія. Очень вѣроятно, что въ промежуткѣ между этими постановленіями воскъ усиленно вывозился черезъ Нарвскій портъ. Упадокъ, весьма значительный, вывоза воска, въ виду сильнаго пониженія вѣсчихъ пошлинъ даже противъ 1554 г., неподлежитъ сомнѣнію. Во всякомъ случаѣ едва ли справедливо говорить на основаніи этого объ упадкѣ бортничества въ Россіи: его область значительно расширилась послѣ покоренія Казанскаго царства; вѣрнѣе предположить, что по открытіи Нарвскаго порта, когда иностранцы стали усиленно покупать воскъ и поднимать на него цѣны, вывозъ его достигъ такого размѣра, что прежніе запасы всѣ были вывезены, а ежегодная добыча не соотвѣтствовала еще размѣру вывоза; тогда, какъ разъ передъ пріѣздомъ Флетчера, правительство снова объявило его заповѣднымъ товаромъ, и вывозъ его значительно сократился [1]).

Медъ, по словамъ Флетчера, въ его время былъ также предметомъ вывоза; въ извѣстіяхъ XVII в. мало извѣстій о торговлѣ медомъ; очевидно, что иностранцы не особенно интересовались покупать русскій медъ: онъ значительно вздорожалъ въ цѣнѣ.

Слѣдующимъ тоже весьма важнымъ товаромъ было сало, котораго отпускалось въ годъ до 100.000 пуд., теперь же, по словамъ Флетчера, только 30.000 пуд. По выпискѣ Роде сала вывозилось 115,080 пуд. Поэтому едва ли справедливо замѣчаніе Н. И. Костомарова, который, приводя эти извѣстія Флетчера, отмѣчаетъ, что въ XVII вѣкѣ упадокъ вывоза сала былъ еще значительнѣе. *Но для времени Флетчера,* такъ какъ, сало тоже продавалось на вѣсъ, сильное пониженіе вѣсчей пошлины свидѣтельствуетъ объ упадкѣ вывоза сала. Въ 1556 г. откупщики вѣсчей пошлины объясняли свой недоборъ именно тѣмъ, что въ прошломъ году воскъ и сало не шли въ нѣмцы. Но съ пониженіемъ вывоза цѣна на сало значительно поднялась, больше, чѣмъ вдвое. Въ 1565 г., по свидѣтельству Барберини, 1 пудъ сала стоилъ $9^1/_2$ алт., въ 1576 (по свидѣтельству Горсея)—17 алт. 4 д., по торговой книгѣ: бѣлое сало—22 алт., желтое—19 алт. 5 ден. [2]).

---

[1]) Н. И. Костомаровъ, op. cit.. 318—322.

[2]) Очеркъ торговли, 312.

Въ такой же пропорціи Флетчеръ сокращаетъ вывозъ кожъ; прежде вывозилось 100,000 штукъ, теперь только 30,000. Но о вывозѣ кожъ онъ говоритъ недостаточно подробно; Флетчеръ отмѣчаетъ только яловичьи, лосины и козлиныя кожи, о юфти, объ овчинахъ онъ вовсе не говоритъ. По свидѣтельству Роде, въ XVII в. кожъ отпускалось изъ Архангельска на 370,866 р.; именно: 5,925 лосинъ, 9,278 козлиныхъ, 4,500 такъ называемыхъ соленыхъ кожъ, 75,000 свертковъ юфти; 31,060 тюленьихъ кожъ и т. д. Слѣдовательно, сокращеніе было только временное. То же слѣдуетъ сказать и о несомнѣнномъ упадкѣ вывоза льна, пеньки и конопли, которыя воздѣлывались преимущественно въ областяхъ Псковской и Смоленской, наиболѣе пострадавшихъ отъ войны съ Баторіемъ. Къ тому же, Флетчеру хорошо была извѣстна торговля въ Архангельскѣ, но сухопутная торговля гусскихъ, которая въ это время усилилась, едва ли была ему извѣстна, хотя бы приблизительно. Замѣтимъ еще, что 1588 годъ былъ неблагопріятнымъ годомъ для русской торговли по совершенно случайной причинѣ. Въ Ригѣ задержали русскаго торговаго человѣка Тимоху Выходца, котораго московское правительство посылало къ императору Рудольфу; боясь отместки, многіе рижскіе нѣмцы не поѣхали въ Псковъ: «а Рижскіе торговые люди съ большими товары во Псковъ не ѣдутъ для Тимохи, а пріѣхали во Псковъ Рижскіе два нѣмчина молодчіе съ невеликими товары» [1]).

---

[1]) Памятники дипл. снош., I, 1109.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отношенія государя къ подданнымъ и, наоборотъ, подданныхъ къ государю были настолько своеобразны въ Россіи сравнительно съ такими же отношеніями въ западной Европѣ, что невольно, такъ сказать, обращали на себя вниманіе западныхъ путешественниковъ. «Властью, которую онъ (Василій III) имѣетъ надъ своими, онъ превосходитъ едва-ли не всѣхъ монарховъ цѣлаго міра... Онъ имѣетъ власть какъ надъ свѣтскими, такъ и надъ духовными особами, и свободно, по своему произволу, распоряжается жизнью и имуществомъ всѣхъ. Между совѣтниками, которыхъ онъ имѣетъ, никто не пользуется такимъ значеніемъ, чтобы осмѣлиться въ чемъ-нибудь противорѣчить ему или быть другаго мнѣнія. Они открыто признаютъ, что воля князя есть воля Бога, и что князь дѣлаетъ, то дѣлаетъ по волѣ божіей; потому они даже называютъ его божьимъ ключникомъ или постельникомъ и наконецъ вѣрятъ, что онъ есть исполнитель воли божіей. Оттого самъ князь, когда его умоляютъ о какомъ-нибудь заключенномъ, или въ другомъ важномъ дѣлѣ, обыкновенно, отвѣчаетъ: будетъ освобожденъ, когда Богъ велитъ. Подобно тому, если кто-нибудь спрашиваетъ о какомъ-нибудь неизвѣстномъ или сомнительномъ дѣлѣ, —обыкновенно отвѣчаютъ: знаетъ Богъ и великій государь». Такъ отзывался о власти Василія III Герберштейнъ, и всѣ послѣдующіе иностранцы, знакомые и незнакомые съ трудомъ его, повторяютъ въ сущности почти его слова. По словамъ Даніила Принца, «воля великаго князя для всѣхъ законъ»; по словамъ Гейденштейна, «русскіе обнаруживаютъ это повиновеніе во всемъ... у нихъ существуетъ немного законовъ, и даже почти только одинъ — почитать волю князя закономъ. О князѣ у нихъ сложилось понятіе, укрѣпленію котораго особенно помогали митрополиты, что черезъ князя, какъ бы посредника, съ ними вступаетъ въ единеніе самъ Богъ».

Поссевинъ съ своей стороны для того, чтобы охарактеризовать власть царя, приводитъ рядъ поговорокъ русскаго народа: «Solus Deus et Magnus Dominus hoc scit; ipse noster Magnus Dominus novit omnia; is unico verbo nodos ac difficultates potest solvere. Quicquid habemus aut cum recte equitamus aut valemus, id clementia Magni Domini obtinemus». По его же словамъ, Московскій царь хочетъ быть властелиномъ нетолько надъ имуществомъ и тѣломъ подданныхъ, но и надъ ихъ душами и даже помыслами [1]).

Также характеризуетъ власть царя и нашъ писатель; онъ, впрочемъ, останавливается на этомъ вопросѣ подробнѣе, разсматриваетъ власть царскую во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Царю и его думѣ безусловно принадлежитъ власть законодательная, власть исполнительная и власть судебная. Изданіе и отмѣна законовъ, назначеніе должностныхъ лицъ, объявленіе войны, заключеніе союзовъ, право жизни и смерти надъ каждымъ подданнымъ; право апелляціи по всякимъ дѣламъ: гражданскимъ и уголовнымъ. По всѣмъ этимъ дѣламъ царь совѣтуется только съ думой, иногда онъ спрашиваетъ, но только для вида, совѣта у представителей духовенства.

Сообщая подобныя извѣстія о власти русскаго государя, иностранцы опирались съ одной стороны на факты, имъ извѣстные, съ другой стороны на оффиціальныя заявленія или отзывы частныхъ лицъ, съ которыми имъ приходилось бесѣдовать въ Москвѣ. Иноземные послы слышали въ Москвѣ рѣчи отъ бояръ въ такомъ родѣ: «у насъ государи прирожденные изначала, и мы ихъ холопи прирожденные», или «нашихъ великихъ государей вольное царское самодержство не какъ ваше убогое королевство», «великимъ государемъ не указываетъ никто, а тебѣ твои панове какъ хотятъ, такъ укажутъ», «отъ всемогущія Божія десницы на своихъ государствахъ самодержствуютъ,... и никто же инъ имъ чѣмъ не можетъ указа учинити, и вольны добрыхъ жаловати, а лихихъ казнити»; разъ Московскій государь неоднократно укорялъ своихъ западныхъ сосѣдей-государей въ томъ, что они не одни владѣютъ своими государствами, разъ даже по тогдашнимъ оффиціальнымъ русскимъ понятіямъ истиннымъ государемъ считался только государь, правившій неограниченно, и притомъ государь наслѣдственный, государь «Божію милостію»; то неудивительно, что у ино-

---

[1]) Герберштейнъ, op. cit., 26—28. Даніилъ Принцъ, op. cit., 65. Гейденштейнъ, op. cit., 25. Поссевинъ, у Старчевскаго, 276.

странныхъ пословъ и путешественниковъ сложилось такое представленіе о власти московскаго царя; а народныя поговорки и факты, которые случались на ихъ глазахъ, еще болѣе убѣждали ихъ въ томъ, что власть эта ничѣмъ не ограничена и произвольна; они часто, въ томъ числѣ и Флетчеръ, сравнивали власть Московскаго государя съ властью турецкаго султана; они какъ будто хотѣли уколоть этимъ самолюбіе русскихъ, но жестоко ошибались; по своеобразнымъ русскимъ понятіямъ, какъ это выяснено М. А. Дьяконовымъ, Московскій царь по полнотѣ власти и по прочности положенія могъ быть приравненъ именно только турецкому султану; всѣ же прочіе государи, не исключая и самого цесаря, уступали то въ томъ, то въ другомъ отношеніи русскому царю и потому въ глазахъ московскаго правительства считались честью ниже русскаго государя [1]).

---

[1]) Соловьевъ, VII, 251. Дьяконовъ, Власть Московскихъ государей, глава V. «Политическіе взгляды московскаго правительства». По мнѣнію автора, при Иванѣ Грозномъ въ Москвѣ уже возникаетъ совершенно опредѣленная система сравнительной оцѣнки международнаго значенія государей и государствъ... Это было своеобразное мѣстничество между государями, очень сходное, впрочемъ, и по исходнымъ точкамъ зрѣнія и даже по выраженіямъ съ мѣстничествомъ московскихъ служилыхъ людей. Какъ послѣдніе мѣстничались по родословцу и по разрядамъ, такъ и московскіе цари считались честью съ другими государями по родословіямъ и по государствамъ». «Но, продолжаетъ дальше М. А. Дьяконовъ, въ глазахъ московскаго правительства не одно родословіе государя опредѣляло его личную честь. Послѣдняя находилась еще въ зависимости отъ одного обстоятельства, характеризующаго собственно государственное устройство, московское правительство считало истиннымъ государемъ только государя съ неограниченною самодержавною властью и уклоненія отъ этого типа государственнаго устройства считало такого рода несовершенствомъ, которымъ обусловливалась гораздо болѣе сравнительная высота государевой чести, чѣмъ качества государственной организаціи... Такимъ образомъ, вся эта многотрудная борьба за честь московскаго государя привела московское правительство къ убѣжденію, что царю всея Руси можно быть въ братствѣ только съ «наипервшими господарями», хотя и это братство было не равное, такъ какъ по родословію, по полнотѣ власти и по прочности положенія онъ могъ быть приравненъ развѣ только *турецкому султану*; вообще же московскому государю по Божію изволенію никакое государство высоко не бывало. Таковъ былъ выводъ изъ всего царскаго мѣстничества». Русскимъ посламъ въ 1590 г. въ Грузіи говорили: «у насъ именуетца во всем свѣте под солнцом великих четыре цари: первой— великиі государь крестьянской бѣлой царь і великиі князь Ѳедор Івановичъ всеа Русіі, другой — Турской царь, третей—Шпанской король, четвертой— Индѣйской царь; а болши тѣх царей иные цари не именуютца». (Чт. Общ. Ист. и Др. 1888 г., № 3, Сношенія Россіи съ Кавказомъ, 202).

Соотвѣтствовало-ли подобное, сложившееся у иностранцевъ, представленіе дѣйствительности? Впродолженіи XVI вѣка вопросъ о власти государя былъ однимъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ; власть государя, какъ мы уже видѣли и какъ это признано, сдѣлала большія пріобрѣтенія въ продолженіе этого вѣка; но если мы сравнимъ слова Герберштейна со словами Флетчера, то не найдемъ существенной разницы: оба одинаково представляютъ Московскаго государя полнымъ распорядителемъ своей страны, неограниченнымъ властелиномъ. Это происходитъ оттого, что отъ всѣхъ иностранцевъ скрывалась внутренняя сторона жизни русскаго общества, что они судили русскихъ людей и русское государство исключительно съ своей точки зрѣнія; они вовсе не замѣчали того, что русскіе въ то время еще не вышли вполнѣ изъ патріархальнаго быта, что прикладывать къ такому обществу нормы западнаго права совершенно немыслимо. Царю, говорятъ они, принадлежитъ право изданія новыхъ законовъ и отмѣна старыхъ. Но что шло тогда впереди, жизнь или законодательство, и не было-ли законодательство только закрѣпленіемъ того, что выработано было жизнью народною и государственною?

Наслѣдственныхъ должностей нѣтъ, говоритъ Флетчеръ; царь назначаетъ по своему произволу на всѣ должности. Но Флетчеръ же въ другой, XV главѣ, гдѣ ему пришлось считаться съ порядкомъ назначенія воеводъ, замѣчаетъ, что въ настоящее время на должности главныхъ воеводъ назначаются лица четырехъ фамилій; въ этой главѣ Флетчеръ указываетъ также то, что въ Россіи положеніе сына обусловливается положеніемъ отца. Слѣдовательно, и онъ сознавалъ, что въ Россіи былъ правящій классъ, и только изъ людей, принадлежавшихъ къ этому классу, государь могъ набирать должностныхъ лицъ. Наслѣдственныхъ должностей въ Россіи, дѣйствительно, не было, такихъ, какія бывали въ то время на Западѣ. Но за то нигдѣ на Западѣ правящій классъ не былъ такъ замкнутъ, какъ въ Россіи, а изъ этого выходило то, что государи московскіе должны были править чрезъ посредство весьма немногихъ фамилій. Государь могъ положить опалу на кн. Шуйскаго или Голицына, но долженъ былъ поневолѣ обращаться къ ихъ ближнимъ родственникамъ. Говоря уже о взглядѣ Флетчера на опричнину, мы видѣли, что онъ вовсе не понималъ того, какъ еще Іоанну Грозному было далеко до демократическаго полновластія.

Какъ въ области законодательной неограниченная ничѣмъ власть

государя ограничена была самымъ существомъ законодательства, закрѣплявшимъ только выработанное жизнью, такъ въ дѣлѣ выбора своихъ ближайшихъ помощниковъ верховная воля стѣснена была строго аристократическимъ строемъ государства. Эти причины вызвали въ административномъ отношеніи рядъ явленій, непонятыхъ Флетчеромъ, какъ и другими иностранцами. Прежде всего это относится къ отношеніямъ царя и его думы. XI главу своего сочиненія Флетчеръ посвящаетъ боярской думѣ, но онъ вовсе не придаетъ ей политическаго значенія. Бояринъ, по его понятіямъ, какъ мы видѣли раньше, — царскій совѣтникъ. Но для многихъ — это только почетный титулъ, на совѣтъ ихъ никогда не приглашаютъ. Думныхъ бояръ гораздо меньше; Флетчеръ называетъ 31 человѣка, составлявшихъ въ его время царскую думу: кн. Ѳ. И. Мстиславскій, кн. И. Мих. Глинскій, кн. Вас. И. (Ѳед.) Скопинъ-Шуйскій, кн. В. И. Шуйскій, кн. Ѳ. Мих. (Трубецкой), кн. Ник. Ром. Трубецкой, кн. Тим. Ром. Трубецкой, кн. *Анд. Григ.* (Григ. Анд.) Куракинъ, кн. Дм. И. Хворостининъ, кн. Ѳ. И. Хворостининъ, Богд. *И.* (Юр.) Сабуровъ, кн. И. В. (Сицкій), кн. Ѳ. Дм. Шестуновъ, кн. Ѳ. Мих. Троекуровъ, И. Бутурлинъ, Дм. И. Годуновъ, Бор. Ѳед. Годуновъ, Ст. Вас. Годуновъ, Гр. Вас. Годуновъ, И. Вас. Годуновъ, Ѳ. Шереметевъ, Анд. П. Клешнинъ, Игн. П. Татищевъ, Р. Мих. Пивовъ, Ден. В. Черемисиновъ, Ром. Вас. Алферьевъ, Анд. Щелкаловъ, Вас. Щелкаловъ, Ел. Вылузгинъ, Друж. Петелинъ, Сап. Абрамовъ. Въ этомъ спискѣ думныхъ людей недостаетъ: 2 бояръ,—кн. Анд. П. Куракина и Ѳ. Ник, Романова-Юрьева; 7 окольничихъ, — И. И. Сабурова, И. П. Головина, И. В. Гагина, кн. Б. П. Засѣкина, И. Ѳ. Колычова, кн. П. Сем. Лобанова-Ростовскаго, Ник. Ив. Очина-Плещѣева; казначея, — Ив. В. Траханіотова; крайчаго, — Алек. Ник. Романова-Юрьева; 2 думныхъ дворянъ; Баима Вас. Воейкова и Ѳ. Анд. Писемскаго; оружничаго, Богд. Як. Бѣльскаго [1]).

---

[1]) По списку древней Вивліоѳики въ думѣ царя Ѳеодора въ 1588 г. сидѣли: 5 бояръ со времени Грознаго: кн. Ѳ. Мих. Трубецкой, Богд. Юр. Сабуровъ, кн. Ѳ. И. Мстиславскій, кн. Вас. Ѳед. Скопинъ-Шуйскій и Дм. Ив. Годуновъ; 11 бояръ, назначенныхъ въ 1584 г.: Бор. Ѳед. Годуновъ, кн. Гр. Ан. Куракинъ, Ст. Вас. Годуновъ, Ѳ. Вас. Шереметевъ, Дм. Ив. Хворостининъ, Гр. Вас. Годуновъ, кн. Вас. Ив. Шуйскій, И. Вас. Годуновъ, кн. Ник. Ром. Трубецкой, кн. Ѳ. Дм. Шестуновъ, кн. Анд. П. Куракинъ; 2 боярина 1585 г.: кн. Тим. Ром. Трубецкой и кн. И. Вас. Сицкій; 2 боярина 1586 г.: кн. Ѳед. Мих. Троекуровъ и кн. И. Мих. Глинскій и 1 боя-

Вышепоименованные бояре образуютъ думу, хотя очень немногіе и изъ нихъ приглашаются на совѣщаніе, потому что всѣ дѣла обсуждаются и рѣшаются Борисомъ Ѳедоровичемъ Годуновымъ съ тѣми пятью, шестью лицами, которыхъ онъ захочетъ пригласить; остальные бояре на засѣданіяхъ, если и бываютъ, больше молчатъ. Такимъ образомъ Флетчеръ различаетъ: 1) бояръ, которые въ думѣ не засѣдаютъ, 2) бояръ думныхъ, засѣдающихъ въ думѣ, но очень рѣдко туда призываемыхъ, и 3) пять, шесть бояръ, дѣйствительно царскихъ совѣтниковъ. На это запутанное изложеніе Флетчера обратилъ вниманіе В. О. Ключевскій въ своемъ изслѣдованіи о боярской думѣ. Онъ отмѣтилъ, что среди памятниковъ XVI в. только у Флетчера встрѣчается наименованіе «Боярская дума» (boarstva dumna), наименованіе, не разъ попадающееся въ памятникахъ позднѣйшаго времени. Далѣе, Флетчеръ, вѣроятно, слѣдуетъ неоффиціальному языку, когда называетъ боярами лицъ, въ думѣ не участвующихъ: въ противорѣчіи, какъ было уже указано, это слово имѣло значительно болѣе широкое примѣненіе. Наконецъ указаніе на то, что изъ думныхъ бояръ не всѣ принимаютъ участіе въ обсужденіи важныхъ правительственныхъ дѣлъ, а только 5—6 человѣкъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что Флетчеръ кое-что зналъ о существованіи «ближней думы» [1]).

Статейный списокъ посольства Боуса заключаетъ въ себѣ нѣ-

рииъ 1587 г. Ѳед. Ник. Юрьевъ. Окольничихъ по списку 10: И. И. Сабуровъ, кн. Ѳ. Ив. Хворостининъ, И. П. Головинъ, И. В. Гагинъ, И. Мих. Бутурлинъ, кн. Б. П. Засѣкинъ, И. Крюкъ Ѳед. Колычовъ, Анд. П. Клешнинъ, кн. П. С. Лобановъ-Ростовскій и Ник. Ив. Очинъ-Плещѣевъ; 1 казначей—И. В. Траханіотовъ, 1 крайчій,—Алекс. Ник. Юрьевъ; 6 думныхъ дворянъ: Ром. Вас. Алферьевъ, Дем. И. Черемисиновъ, Баимъ Вас. Воейковъ, Ром. Мих. Пивовъ, Игн. Петр. Татищевъ и Ѳед Ан. Писемскій; 1 оружничій Богд. Як. Бѣльскій. Всего 40 членовъ Думы (въ спискѣ показаны еще постельничій, — Истома Осиповъ Безобразовъ, и ловчій, — Дм. И. Замыцкій, но едва ли эти чины были членами Думы). У Флетчера же только 31 членъ, въ числѣ которыхъ онъ считаетъ и 5 дьяковъ, безъ дьяковъ же имъ указаны только 26 членовъ; изъ двухъ пропущенныхъ бояръ, кн. Андр. Пет. Куракинъ былъ, по нашему мнѣнію, въ опалѣ (стр. 103); въ XXVII главѣ крайчимъ показанъ какой-то Ѳедоръ Александровичъ; можетъ быть, изъ двухъ братьевъ «Никитичей», изъ которыхъ одинъ былъ бояриномъ, а другой крайчимъ, Флетчеръ и сдѣлалъ «Ѳедора Александровича»; изъ думныхъ дьяковъ пропущенъ Аѳ. Демьяновъ (Ср. Лихачевъ, op. cit., 157).

[1]) В. О. Ключевскаго, Боярская Дума древней Руси, изд. 2-е, М. 1883 г., 326—327.

сколько любопытныхъ указаній на ближнюю думу и сферу ея дѣятельности. Какъ извѣстно, Боусъ велъ переговоры и о торговыхъ сношеніяхъ обоихъ государствъ и о женитьбѣ царя на родственницѣ Елизаветы. Еще до перваго представленія царю къ Боусу отправленъ былъ дьякъ Савва Фроловъ сказать ему, «чтобъ посолъ на посолстве говорилъ гдрю посолские рѣчи, а о тайномъ дѣле гдрю на посолстве ничего не говорилъ; а вышлетъ къ нему гдрь съ отвѣтомъ *ближнихъ* своихъ думныхъ людей». Дѣйствительно, для переговоровъ съ Боусомъ назначены были: Никита Романовичь Юрьевъ Захарьинъ, Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій, Андрей Щелкаловъ и Савва Фроловъ. Эти лица говорили Боусу отъ имени царя: «и что съ тобою отъ сестры нашие Елисаветкоролевны приказъ естъ о любви и о докончанье, и ты тобѣ объявилъ нашие *ближние* думы боярину и намѣстнику великаго Новагорода Миките Романовичу Юрьевича Захарьину, да боярину и оружейничему и намѣстнику Ржевскому Богдану Яковличю Бельскому, да діакомъ нашимъ Ондрѣю Щелкалову, да Саве Фролову, что съ тобою приказъ отъ сестры нашей люб.-ные отъ Елисавет-королевны, какъ съ нами сестрѣ нашей люб.-ной Елисавети королевни быти въ любви и въ докончанье и въ соединенье на всякихъ нашихъ недруговъ за одинъ». Эти четыре лица, по государеву указу, совѣщались между собою, какія морскія пристанища можно уступить англичанамъ въ исключительное ихъ пользованіе. 13 декабря 1583 г. Боусъ опять былъ у царя, при этомъ присутствовало 11 думныхъ лицъ; но черезъ нѣсколько времени царь подозвалъ къ себѣ вышеупомянутыхъ четырехъ лицъ и Боуса и началъ разговоръ о Маріи Гастингсъ.

На аудіенціи 18 декабря царь по прежнему оставилъ боярина кн. Ѳед. Мих. Трубецкаго съ товарищи, но «выслалъ кликнулъ къ себѣ» все тѣхъ же 4 лицъ, Боуса и толмача, «а бояромъ князю Ѳедору Михайловичю Трубецкому съ товарищи велѣлъ сидѣти *подале*, а дьякомъ стояти у печи». Разговоръ шелъ опять о женитьбѣ царя на одной изъ родственницъ королевы [1]).

По этому статейному списку значеніе ближайшей думы обрисовывается довольно ясно. Она состояла изъ наиболѣе близкихъ къ государю лицъ; она вела переговоры по дѣламъ особо деликатнымъ, которыя неудобно было отдать на обсужденіе всей бояр-

[1]) Сбор. Им. Русс. Ист. Общ., XXXVIII, 72—144.

ской думы,—она обсуждала вопросъ о женитьбѣ царя и о заключеніи тѣснаго союза съ Елизаветой; но во время этихъ переговоровъ затронутъ былъ и вопросъ, очень важный для всей земли,—о предоставленіи англичанамъ монополіи на торговлю съ Россіей. Вопросъ этотъ сначала обсуждала ближняя дума, но, очевидно, онъ былъ сообщенъ потомъ и всей боярской думѣ, потому что рѣшеніе о морскихъ пристанищахъ объявлено было Боусу въ присутствіи всей думы.

Слѣдовательно, ближняя дума обсуждала вопросы, особо близкіе царю съ одной стороны, а съ другой—служила какъ бы подготовительнымъ совѣтомъ царя. Такое значеніе ближней думѣ и придано В. О. Ключевскимъ главнымъ образомъ по даннымъ XVII в., почему, по авторитетному его мнѣнію, ближняя дума не только не уничтожала значенія боярской думы, но напротивъ, самый фактъ существованія ближней думы былъ показателемъ политическаго значенія боярской думы; образуя вокругъ себя совѣтъ изъ наиболѣе близкихъ лицъ, государи московскіе этимъ не уничтожали значенія боярской думы, но признавали въ извѣстной степени ея самостоятельный характеръ.

Выводъ этотъ, раздѣляемый также и М. Фл. Владимірскимъ-Будановымъ, идетъ въ разрѣзъ съ большинствомъ воззрѣній, существующихъ на этотъ предметъ у ученыхъ юристовъ. Необходимо помнить, что В. О. Ключевскій власть боярской думы ставитъ рядомъ, около государевой власти. Обѣ власти живутъ и дѣйствуютъ до такой степени нераздѣльно, что какъ въ сознаніи государя и бояръ, такъ и въ сознаніи подданныхъ,—обѣ власти представляютъ единую политическую силу. Провести границы между сферами дѣятельности той и другой власти нѣтъ поэтому возможности; обѣ власти не понимали, какъ одна изъ нихъ можетъ жить безъ другой; государь могъ дѣлать и приказывать все, но онъ начиналъ дѣйствовать лишь тамъ, гдѣ не могли дѣйствовать подчиненныя ему орудія, а послѣднія руководились въ своей дѣятельности закономъ и обычаемъ и исполняли все то, что допускалось тѣмъ или другимъ. Между тѣмъ многіе юристы (Н. П. Загоскинъ, Н. И. Хлѣбниковъ, Романовичъ-Славатинскій) посмотрѣли на этотъ вопросъ глазами иностранцевъ, свидѣтельствомъ которыхъ (въ томъ числѣ, конечно, и Флетчера) они охотно пользовались въ данномъ вопросѣ. Недоразумѣніе вытекало само собой: если власть государя неограничена,—логическій выводъ изъ этой посылки будетъ: слѣдовательно, всякое учрежденіе подчинено вполнѣ этой власти, и

Боярская дума имѣетъ значеніе лишь совѣщательное и вспомогательное. Но на Боярскую думу слѣдуетъ смотрѣть такъ же, какъ на земскіе соборы, не съ точки зрѣнія права, а съ точки зрѣнія факта. Если впродолженіи двухъ столѣтій (за исключеніемъ времени Грознаго) мы видимъ государя и его думу работающими вмѣстѣ надъ укрѣпленіемъ государства, если обѣ эти силы дополняютъ одна другую, а не контролируютъ и не ограничиваютъ другъ друга, то такъ на нихъ и слѣдуетъ смотрѣть: «государь безъ думы и дума безъ государя были одинаково явленіями ненормальными» [1]).

[1]) Къ этому вопросу относится преимущественно XVI глава сочиненія В. О. Ключевскаго «Ближняя или комнатная дума государя была косвеннымъ признаніемъ съ его стороны политическаго значенія боярской думы», также 441—442 стр. Н. П. Загоскинъ во II т. своей «Исторіи права Московскаго государства» не хочетъ допустить политическаго значенія боярской думы: «какъ учрежденіе совѣщательное, а не ограничительное, Московская Боярская Дума на столько лишь обладала правомъ окончательныхъ рѣшеній по дѣламъ предоставлявшимся ея обсужденію,—на сколько предоставлялъ ей это право государь, какъ представитель верховной государственной власти». Дума получала политическое значеніе либо въ случаѣ вакантности престола, либо въ случаѣ несовершеннолѣтія государя. Въ обычное же время Дума уже со времени Василія III потеряла свое значеніе и сведена была на степень пассивно-совѣщательнаго учрежденія. Формулы: «приговоривъ съ бояры», «поговоря съ бояры», «совѣтовавъ съ бояры»,—скрываютъ за собою безцвѣтныя формальныя совѣщанія, на которыхъ воля великаго князя не смѣла быть оспариваема никѣмъ изъ думныхъ людей, за исключеніемъ развѣ только государевыхъ любимцевъ. Послѣ извѣстныхъ событій, послѣдовавшихъ за смертью Василія III, Іоанномъ IV положенъ былъ завершающій камень въ зданіе, въ теченіе трехъ вѣковъ возводившееся его предшественниками. Дума Боярская окончательно выяснила свою будущую физіономію: она получила значеніе высшаго совѣщательнаго учрежденія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова безъ всякаго ограничительнаго для представителя верховной государственной власти начала; правительственная же функція ея, во всемъ подчиненная волѣ государя, свелась къ значенію высшей судебно-административной инстанціи. «Если впослѣдствіи и встрѣчаются стремленія боярства поднять Думу до значенія ограничительнаго учрежденія, то это объясняется особыми обстоятельствами (избраніемъ новыхъ династій), и къ тому же подобныя стремленія были чисто-сословными, боярскими (отдѣлъ первый, историческій очеркъ развитія Думы Боярской, особ. 24—26 и 36—37 стр.). В. И. Сергѣевичъ такое воззрѣніе на Боярскую Думу считаетъ наиболѣе, близкимъ къ истинѣ. (Лекціи исторіи русскаго права. изд. 1888 г., 520—521). Еще дальше въ этомъ отношеніи пошелъ Романовичъ-Славатинскій (Система русскаго государственнаго права въ его историко-догматическомъ развитія, 51—52 и 55); уже при Іоаннѣ III вполнѣ слагается царская власть по типу власти Византійскихъ императоровъ; позднѣйшее противодѣйствіе бояръ авторъ припи-

Флетчеръ узналъ, что Θеодоръ Іоанновичъ и Борисъ Годуновъ сначала совѣщаются съ немногими боярами, а потомъ уже передаютъ рѣшенныя дѣла въ боярскую думу, которая обыкновенно безмолвно соглашается съ состоявшимися уже рѣшеніями; изъ этого Флетчеръ и вывелъ заключеніе, что боярская или царская дума есть учрежденіе pro forma, не имѣющее никакого политическаго значенія. Упрекать особенно за это Флетчера нельзя: во-первыхъ, едва-ли часто бывало, чтобы боярская дума отвергала рѣшенія, заранѣе подготовленныя ближней думой, и во-вторыхъ, Флетчеръ наблюдалъ политическую жизнь Московскаго государства не въ совсѣмъ нормальное время: Борисъ Годуновъ только что передъ пріѣздомъ Флетчера, года за два, сломилъ сопротивленіе наиболѣе упорныхъ враговъ своихъ,—членовъ боярской думы; къ тому же, въ самой думѣ сидѣло 5 бояръ Годуновыхъ, и, конечно, въ это время она менѣе замѣтно проявляла свою дѣятельность, чѣмъ въ обычное, нормальное время. Оттого Флетчеръ какъ будто и не подозрѣваетъ политическаго значенія боярства. Выше мы уже видѣли, что даже въ оцѣнкѣ дѣятельности Грознаго нашъ писатель остановился исключительно на отношеніяхъ царя къ княжатамъ и совсѣмъ обошелъ отношенія Грознаго къ боярству.

сываетъ иноземному вліянію, сочувствію бояръ польско-литовскому идеалу; свидѣтельство Флетчера о царской власти служитъ для автора доказательствомъ того, что формулированная (Грознымъ) теорія царской власти не исчезла вмѣстѣ съ нимъ. По мнѣнію Н. И. Хлѣбникова (О вліяніи общества на организацію государства, 166—171) во время Грознаго даже самые смѣлые изъ бояръ думали только о правѣ совѣщательномъ; на основаніи фразы: «царь указалъ, а бояре приговорили», Хлѣбниковъ полагаетъ, что бояре приговаривали только о тѣхъ дѣлахъ, на которые указывалъ царь. Всего рельефнѣе ничтожность Боярской Думы выражается въ томъ, что всѣ финансовые вопросы, касающіеся количества податей и пошлинъ, рѣшались безъ всякаго совѣта съ Думой Боярской, черезъ приказы. Дѣятельность Думы, дѣйствительно, очень незамѣтна для насъ; ея роль, какъ мы видимъ теперь изъ труда В. О. Ключевскаго, въ вопросахъ законодательныхъ и финансовыхъ была гораздо значительнѣе, чѣмъ это кажется обыкновенно. Мы такъ смѣло отвергаемъ мнѣнія историковъ-юристовъ, потому что всецѣло опираемся на превосходное изслѣдованіе В. О. Ключевскаго. Кромѣ того, всѣ поименованные историки-юристы слишкомъ большое значеніе придаютъ такъ называемой «борьбѣ съ боярствомъ»; мы уже высказались раньше, что едва ли эпизодъ этотъ изъ русской исторіи не преувеличиваютъ. При Грозномъ скорѣе шла борьба съ потомствомъ князей удѣльныхъ, владѣвшимъ обширными землями, чѣмъ борьба съ боярской думой, на которой она отразилась косвенно.

Все значеніе боярства Флетчеръ перенесъ на государя, потому что въ Англіи подобнаго явленія въ то время уже не было; были власти, взаимно ограничивающія другъ друга, но властей различныхъ, но тѣмъ не менѣе живущихъ рядомъ, работающихъ вмѣстѣ, этого въ Англіи не было, и кромѣ того дѣятельность думы была для посторонняго наблюдателя малозамѣтна: сверху ее заслонялъ государь, снизу приказы. Флетчеръ, очевидно, даже не могъ понять, чтобы царь сталъ держать около себя политическій совѣтъ, довольно самостоятельный; въ его головѣ не укладывалось представленіе о власти, которая безконтрольно и безапелляціонно можетъ лишить чина, имущества и самой жизни любаго боярина и которая тѣмъ не менѣе станетъ терпѣливо выслушивать самостоятельныя мнѣнія боярства и предоставитъ послѣднему самостоятельную роль въ законодательствѣ и управленіи страной

Дѣятельность думы осталась поэтому невыясненною у Флетчера. Онъ говоритъ, что право объявлять войну, заключать союзы всецѣло принадлежитъ государю. Это совершенная правда, но рѣшительно всегда даже, при Грозномъ, дума принимала живѣйшее участіе въ обсужденіи вопросовъ внѣшней политики. Даже изслѣдователи, не признающіе за думой значенія политическаго учрежденія, и тѣ согласны, что боярамъ принадлежало всегда активное участіе при веденіи переговоровъ. Такія формулы, какъ «Царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи приговорилъ съ бояры послати къ Цесарю», не разсматриваются, какъ безсодержательныя фразы, потому что по всѣмъ статейнымъ спискамъ видно живѣйшее участіе бояръ въ переговорахъ съ иноземными послами. Конечно, большинство данныхъ по этому вопросу относится къ XVII вѣку, но въ XVI в. можно найти много указаній на значительную роль Боярской думы въ внѣшней политикѣ. Вопросъ о Ливонской войнѣ былъ предметомъ горячихъ споровъ въ думѣ, указано уже, что собору 1566 г. заявлено было, что предметъ, для обсужденія котораго онъ созванъ, былъ уже разсматриваемъ въ Боярской думѣ; польско-литовскіе радные люди обыкновенно писали прямо московскимъ боярамъ и получали отъ нихъ отвѣты. Царь Іоаннъ Грозный велъ, какъ извѣстно, тайные переговоры съ Англіей. Переговоры эти, дѣйствительно, велись безъ участія и вѣдома бояръ; но они во-первыхъ касались вопросовъ личныхъ, а не земскихъ: именно, насчетъ предоставленія царю убѣжища въ Англіи и насчетъ его брака. Вести подобные переговоры черезъ Боярскую думу было, конечно, чрезвычайно неудобно.

къ тому же, самая обстановка, въ которой шли эти переговоры Грознаго, показываетъ, что царь хотѣлъ скрыть ихъ отъ своихъ подданныхъ. Царь принялъ Рандольфа въ торжественной аудіенціи; Рандольфъ велъ переговоры въ одной изъ палатъ дворца, съ важнымъ бояриномъ о торговыхъ дѣлахъ. Но затѣмъ Грозный, надѣявшійся получить отъ него отвѣтъ Елизаветы на пункты, включенные въ тайную инструкцію Дженкинсону, пожелалъ говорить съ нимъ секретно и прислалъ за Рандольфомъ ближняго боярина. «Мѣсто свиданія было далеко, ночь холодная, и я (пишетъ Рандольфъ), перемѣнивъ свое платье на русское, испытывалъ отъ этого большое неудобство. Я говорилъ съ царемъ около 3 часовъ; къ утру я былъ отпущенъ домой».

Черезъ два года Дженкинсона Грозный принималъ въ Слободѣ; Боусу, какъ мы уже указали выше, прямо дано было предостереженіе, чтобъ онъ на аудіенціи не проговорился какъ-нибудь о тайномъ дѣлѣ. Посредниками царя въ его тайныхъ переговорахъ съ Елизаветой спачала служили англичане же, Дженкинсонъ, Даніилъ Сильвестръ, потомъ Горсей.

Если такой царь, какъ Грозный, считалъ нужнымъ скрывать нѣкоторые свои переговоры съ Елизаветой отъ бояръ и для этого принималъ пословъ ночью, переодѣтыхъ въ русское платье, это, по нашему мнѣнію, служитъ доказательствомъ того, что Боярская дума вѣдала иностранныя сношенія, и что не въ обычаѣ было обходиться въ этихъ дѣлахъ безъ ея участія [1]).

Въ области законодательной дума дѣйствовала еще самостоятельнѣе. Въ Судебникѣ порядокъ законодательства опредѣленъ былъ такъ: новые законы приписываются къ Судебнику, «съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору». Приговоры думы получали силу даже безъ царскаго утвержденія. По замѣчанію В. О. Ключевскаго, въ XVI в., несмотря на натянутыя отношенія, которыя были между государемъ и боярами, рѣшены были думой безъ участія государя вопросы о прекращеніи войны, объ устройствѣ Казанскаго царства, о преобразованіи земскаго управленія, равно какъ и приговоръ 1597 г. о сыскѣ и возвратѣ бѣглыхъ крестьянъ. Вообще же, по мнѣнію В. О. Ключевскаго, «въ устройствѣ высшаго московскаго управленія всего труднѣе обозначить предѣлы власти государя и его совѣта. Это по-

[1]) Н. П. Загоскинъ op. cit., II, 126—128; Владимірскій-Будановъ, op. cit., 140—141. Извѣстія англичанъ о Россіи (Чт. Общ. Ист. и Др. 1884, № 4, 95).

тому, что государь и его совѣтъ не были двумя разными властями, а составляли одно властное, верховное цѣлое. Политическое значеніе и правительственная дѣятельность думы основывались на томъ глубоко укоренившемся въ московскомъ обществѣ воззрѣніи, лучше сказать, на томъ предположеніи, что дума не дѣйствуетъ безъ государя и государь не дѣйствуетъ безъ думы» [1]).

[1]) В. О. Ключевскаго, op. cit., глава XXIV: «Правительственная дѣятельность думы при видимомъ разнообразіи дѣлъ имѣла собственно законодательный характеръ». Тоже у Владимірскаго-Буданова (139): Дума есть учрежденіе не отдѣльное отъ царской власти. Въ отношеніи къ законодательству нормальный процессъ творчества закона указанъ въ Судебникѣ царскомъ такой: «а которые будутъ дѣла новые, а въ семъ Судебникѣ не написаны, и какъ тѣ дѣла, съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору вершатся, и тѣ дѣла въ семъ Судебникѣ приписывати». Это понятіе о законѣ, какъ результатѣ нераздѣльной дѣятельности царя и думы, доказывается всею исторіею законодательства въ Московскомъ государствѣ... Царскіе указы безъ боярскихъ приговоровъ объясняются или случайностью борьбы съ боярствомъ (при Грозномъ), или незначительностью разрѣшаемыхъ вопросовъ, не требовавшихъ коллегіальнаго рѣшенія, или поспѣшностью дѣла... Полнота законодательной власти думы во время междуцарствія всего больше указываетъ на думу, какъ на нормальный и постоянный элементъ законодательной власти, ибо во время междуцарствій дума не получала особыхъ полномочій регентства, а проявляла лишь въ отдѣльности и полнотѣ тѣ права, которыя принадлежали ей и при царяхъ. Напротивъ Н. П. Загоскинъ (op. cit., II, гл. 2-я) согласно съ воззрѣніями своими вообще на значеніе Думы, полагаетъ, что Дума Боярская, въ нормальномъ теченіи государственной жизни, не обладала *правомъ* законодательства въ собственномъ смыслѣ этого слова; какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, она и въ дѣлѣ законодательства не выходила изъ рамокъ учрежденія вспомогательнаго, совѣщательнаго. Она обсуживала и разрѣшала извѣстные вопросы текущаго законодательства не въ силу права своего на это, не въ силу какого либо основнаго закона,—но единственно въ силу добровольнаго предоставленія ей участія въ законодательной дѣятельности со стороны представителя верховной государственной власти, который въ извѣстномъ конкретномъ случаѣ всегда могъ отказать ей въ этомъ участіи» (132—133). Повторяемъ, что здѣсь уважаемымъ авторомъ слишкомъ большое значеніе придано «праву»; авторъ самъ согласенъ, что Дума Боярская служила нормальнымъ установленіемъ для разсмотрѣнія и рѣшенія вопросовъ текущаго законодательства. Только Н. П. Хлѣбниковъ, соглашаясь, что большая часть законоположеній была сдѣлана по совѣту съ Думой Боярской, находитъ, что многія необыкновенно важныя мѣры рѣшены были безъ всякаго совѣта съ боярами, напр. постановленіе Государя 1558 г., что всѣ должники отнынѣ могутъ выплачивать свои долги безъ процентовъ отъ 1558—1563 г., а такое уничтоженіе процентовъ равнялось за 5 лѣтъ стоимости капитала. Указъ этотъ, дѣйствительно, начинается такъ: Лѣта 7066 г. Генваря въ 11 день, память Государя Царя и Великаго Князя бояриму князю Дмит-

Флетчеръ, какъ мы видѣли, совсѣмъ не разобрался въ этомъ вопросѣ и не замѣтилъ вовсе политическаго значенія думы. Но обычную административную дѣятельность думы онъ обозначилъ довольно вѣрно. Начальники областныхъ и судныхъ приказовъ представляютъ въ думу полученныя ими донесенія и дѣла, относящіяся къ этимъ учрежденіямъ. Дума рѣшаетъ какъ эти дѣла, такъ и поступающія въ нее частныя челобитныя; изъ послѣднихъ, впрочемъ, нѣкоторыя направляются въ судебныя мѣста, куда они должны бы идти сначала. Въ этомъ описаніи правительственной роли думы вѣрно подмѣчено отсутствіе инціативы думы; случаи, чтобы члены думы сами возбуждали вопросы, бывали, но крайне рѣдко; дума разрѣшала вопросы, которые передавалъ на ея обсужденіе царь, или которыхъ не могли разрѣшать начальники приказовъ [1]).

рею Ивановичу Нѣмово съ товарищи. Посланъ къ нему прежъ сего Царевъ и Великого Князя указъ въ старыхъ долгѣхъ и новыхъ займѣхъ, и въ рос тѣхъ...» Но самый этотъ «Царевъ указъ» состоялся съ боярскаго приговора (см. А. И. I, 154, VII); мы привели впрочемъ въ текстѣ объясненіе подобныхъ случаевъ М. Фл. Владимірскимъ-Будановымъ, съ которымъ нельзя не согласиться; законъ 1597 г. еще важнѣе, но онъ изложенъ въ формѣ только боярскаго приговора. Что же касается до незначительности роли Думы въ финансовыхъ вопросахъ, то въ противовѣсъ мнѣнію Хлѣбникова можемъ сослаться на болѣе авторитетное мнѣніе В. О. Ключевскаго. «Дума разрѣшала дѣло, чтобы показать, какъ надобно впредь рѣшать подобныя дѣла: ее судебный или административный приговоръ становился прецедентомъ, получалъ силу закона. Значитъ, дума законодательствовала и тогда, когда судила и рѣшала дѣла текущей администраціи. Этимъ объясняются нѣкоторыя особенности въ дѣятельности думы, которыя съ перваго взгляда кажутся странными. Однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ дѣятельности законодательныхъ учрежденій обыкновенно служатъ вопросы государственнаго хозяйства, дѣла финансовыя. Но эти дѣла всегда составляли сравнительно мало замѣтный элементъ въ вѣдомствѣ московской боярской думы, сколько можно судить о томъ по сохранившимся памятникамъ ея законодательныхъ трудовъ. Напротивъ, эти памятники переполнены дѣлами по службѣ и служилому землевладѣнію, иногда удивительно мелкими на нашъ взглядъ. Это потому, что теченіе государственнаго хозяйства рано вошло въ твердо установившееся русло и могло быть въ большей степени отдано въ руки исполнительныхъ органовъ управленія, чѣмъ дѣла служилыя и поземельныя, требовавшія постояннаго надзора и заботливаго руководства со стороны законодателя».

[1]) Ключевскій, op. cit., 444: «Думные люди, какъ государственные совѣтники, а не какъ начальники приказовъ, сами очень рѣдко возбуждали въ думѣ вопросы, подлежавшіе ея обсужденію. Это возбужденіе обыкновенно шло сверху или снизу, а не изъ среды самого совѣта». Ср. Н. П. Загоскина, op. cit., II, 133, три источника возбужденія законодательныхъ во-

*

О засѣданіяхъ думы Флетчеръ сообщаетъ немного: засѣданія начинались, обыкновенно, въ семь часовъ утра; присутственными днями въ Думѣ считались понедѣльникъ, среда и пятница, но случалось, что требовалось назначить экстренное засѣданіе, о которомъ члены думы увѣдомлялись черезъ одного подъячаго Разряда—Дороѳея Бушева. Въ третьей главѣ II тома Н. П. Загоскинъ подробно разсматриваетъ мѣсто и время думныхъ засѣданій. Отъ XVI в. о времени засѣданій думы только и сохранилось одно это свидѣтельство Флетчера. Маржеретъ (1606 г.) уже говоритъ о двухъ засѣданіяхъ думы: утреннемъ, которое оканчивалось около 9 часовъ утра, и послѣобѣденномъ, около 5 часовъ пополудни; позднѣе, въ XVII в., дума обыкновенно собиралась два раза ежедневно. Назначеніе, когда собираться въ думу, въ XVII в. исходило изъ Разряда. Тѣмъ сомнительнѣе представляется извѣстіе Флетчера о томъ, что въ обыкновенное время дума собирается только по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, если свидѣтельства XVII в. говорятъ о двухъ ежедневныхъ засѣданіяхъ; тѣмъ болѣе, что изъ числа весьма немногихъ боярскихъ приговоровъ, сохранившихся отъ XVI в. съ обозначеніемъ даты, два, напр., приговора 8 февраля 1588 г. о 15-лѣтней давности кабалъ и извѣстный приговоръ 24 ноября 1597 г. о сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ, состоялись въ четвергъ.

Не выяснивъ себѣ какъ слѣдуетъ отношеній царя къ думѣ, не понявши и политическаго значенія ея Флетчеръ единственнымъ представительнымъ учрежденіемъ, которое могло бы ограничивать царскую власть, считаетъ соборъ,—парламентъ, какъ онъ его называетъ. Этой главой Флетчера пользовались многіе наши историки, и со стороны нѣкоторыхъ изъ нихъ она вызвала рядъ незаслуженныхъ нареканій на нашего автора; другимъ дала возможность сдѣлать выводы, которые не оправдываются содержаніемъ ея. Главная ошибка въ пользованіи этой главой заключалась

просовъ и законодательной дѣятельности: a) личное усмотрѣніе государя, b) челобитья отдѣльныхъ частныхъ лицъ, общинъ и классовъ населенія и c) указанія приказной практики. Только В. О. Ключевскій, признавая, что это обстоятельство составляло одну изъ слабыхъ сторонъ политическаго положенія стараго московскаго боярства, находитъ, что отсутствіе обычая (возбуждать самимъ боярамъ законодательные вопросы) не вытекало изъ отсутствія права или возможности, а только указывало на недостатокъ потребности въ боярскомъ почвнѣ, на возможность обойтись безъ него при другихъ средствахъ возбужденія дѣлъ въ думѣ (456).

въ томъ, что не всѣ поняли, что именно описываетъ Флетчеръ: большинство думало, что Флетчеръ описываетъ земскій соборъ.

Вотъ разсказъ Флетчера: Высшее учрежденіе для публичныхъ совѣщаній о государственныхъ дѣлахъ есть соборъ, т. е. общественное собраніе (the Labore that is the publike assembly). На соборѣ присутствуютъ: 1) царь, 2) человѣкъ 20 изъ знати (nobilitie), всѣ принадлежащіе къ царской думѣ, 3) приблизительно столько же духовныхъ лицъ съ патріархомъ во главѣ. Представителей отъ городовъ, какъ и вообще представителей народныхъ, нѣтъ вовсе. Въ XIII гл. Флетчеръ снова возвращается къ этому предмету и объясняетъ угнетенія простонародья тѣмъ, что отъ него представителей не бываетъ на соборахъ.

Засѣданіе собора обыкновенно назначается на пятницу. Въ назначенный день духовныя лица собираются въ указанномъ мѣстѣ и ожидаютъ прибытія царя съ думой. Какъ только покажется царь, духовенство спѣшитъ къ нему на встрѣчу, причемъ патріархъ благословляетъ царя. Затѣмъ всѣ идутъ въ приготовленную палату и занимаютъ мѣста по опредѣленному порядку: государь садится на тронѣ, около него за четыреугольнымъ столомъ— патріархъ, митрополиты, другія важнѣйшія духовныя особы, равно какъ и самые знатные бояре и два думныхъ дьяка, которые должны записывать все, что говорится. Остальныя лица размѣщаются на лавкахъ вокругъ компатныхъ стѣнъ. Флетчеръ называетъ это мѣсто «столъ» (Stollie), вѣроятно, вмѣсто «Столовой палаты», въ которой иногда происходили подобныя засѣданія. Когда всѣ разсядутся, тогда одинъ изъ дьяковъ объявляетъ причины, вызвавшія назначеніе засѣданія. Членамъ собора не позволяется самимъ поднимать вопросовъ объ общественныхъ нуждахъ. Патріархъ и духовенство первые подаютъ голоса. Отвѣты ихъ всегда одни и тѣ же, точно они говорятъ приготовленный урокъ: что вѣдаетъ Богъ да великій государь, какъ укажетъ ему Богъ; что не дѣло духовенства указывать государю, дѣло духовенства — молиться за государя, и такъ далѣе въ этомъ родѣ. Почти всѣ духовныя лица отвѣчаютъ приблизительно въ такомъ смыслѣ; наконецъ, одинъ изъ нихъ, болѣе смѣлый (назначенный къ этому заранѣе) проситъ государя, чтобы тотъ приказалъ объявить царское мнѣніе по обсуждаемому вопросу. На это думный дьякъ отвѣчаетъ, что государь, обсудивъ такое-то дѣло вмѣстѣ съ членами своей думы, считаетъ его полезнымъ для государства, но что государь проситъ мнѣнія ихъ,

людей благочестивыхъ и опытныхъ, чтобы утвердить или исправить это дѣло; если же они вполнѣ согласны, то пусть заявятъ объ этомъ, и тогда вопросъ будетъ считаться окончательно утвержденнымъ. Немедленно же духовенство даетъ свое полное согласіе, благословляетъ государя, удаляется въ палату, гдѣ оно предъ открытіемъ засѣданія ожидало прибытія царя.

Дьяки излагаютъ рѣшеніе собора въ формѣ приговора и разсылаютъ копіи по важнѣйшимъ городамъ, гдѣ они обнародываются мѣстными правителями.

Царь же по окончаніи засѣданія приглашаетъ духовенство къ себѣ на торжественный обѣдъ (20—31).

Флетчеръ называетъ это учрежденіе соборомъ, парламентомъ, высшимъ государственнымъ мѣстомъ, гдѣ обсуждаются общественныя дѣла. Но несомнѣнно, что то, что онъ описываетъ, вполнѣ подходитъ къ соединенному засѣданію боярской думы и освященнаго собора, синклита и синода. «Самое названіе *собора*, говоритъ В. О. Ключевскій, спеціально усвоялось духовнымъ собраніямъ или коллегіямъ. Земскій совѣтъ разныхъ чиновъ государства тогда носилъ это названіе, когда въ немъ принимали участіе представители церкви. *Соборомъ* называлась и боярская дума, когда въ ней присутствовалъ глава русскаго духовенства, одинъ или съ освященнымъ соборомъ» [1]. Поэтому В. О. Ключевскій пришелъ къ тому заключенію, что Флетчеръ описываетъ засѣданіе думнаго собора (такъ называетъ В. О. Ключевскій соединенное засѣданіе думы и освященнаго собора); только Флетчеръ смѣшиваетъ это учрежденіе по сходству названій съ соборомъ всѣхъ чиновъ [2]). Это заключеніе вполнѣ правильно въ первой своей половинѣ и даетъ надлежащую точку зрѣнія для оцѣнки извѣстій Флетчера. Въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича намъ извѣстно нѣсколько

---

[1]) Тамъ же, 494—496; М. Фл. Владимірскій-Будановъ называетъ (I, 142) такое соединенное засѣданіе думы и духовенства распространеннымъ засѣданіемъ думы.

[2]) В. О. Ключевскій, op. cit., 501—504; здѣсь же приведены свидѣтельства, показывающія, что духовенство не всегда отвѣчало на предложенія царя и бояръ своимъ затверженнымъ урокомъ. Тоже у М. Фл. Владимірскаго-Буданова, I, 142: «и въ эпоху земскихъ соборовъ засѣданія распространенной думы иногда смѣшиваются (иностранцами) съ земскими соборами какъ по названію, такъ и по сущности дѣла; такъ, Флетчеръ описываетъ подъ именемъ земскаго собора засѣданіе распространенной думы (за что и подвергается незаслуженнымъ упрекамъ отъ нашихъ историковъ»).

такихъ соборовъ: 1584 г. объ отмѣнѣ тархапъ, 1591 г. по дѣлу о смерти царевича Димитрія и 1594 г. объ учрежденіи въ Москвѣ поповскихъ старость и десятскихъ священниковъ и діаконовъ.

На первыхъ двухъ соборахъ присутствовалъ царь, духовный соборъ и боярская дума; на послѣднемъ—изъ духовенства былъ только патріархъ. «Лѣта 7102 Іюня въ 1 день, боговѣнчанный, благочестивый и христолюбивый Великій Государь Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, поговоря съ отцемъ своимъ и богомолцомъ святѣйшимъ Іевомъ, патріархомъ Московскимъ и всеа Русіи, приговоря съ своими Государевы боляры». Или «Іюня во 2 день Государь Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи, слушевъ Угалицкова обыску... приказалъ бояромъ и дьякомъ съ Углецкимъ обыскомъ итить на соборъ къ Иеву Потриярху всеа Русіи, и к Митрополитомъ, и к Архіепискупомъ, и ко Владыкамъ, и ко всему освещенному собору», и велѣлъ государь передъ патріархомъ на соборѣ тотъ обыскъ прочесть [1]). Соборы эти продолжались только одинъ день, соборъ въ 1591 г. приходился на среду, соборъ 1594 г. на пятницу.

Слѣдовательно, Флетчеръ далъ описаніе засѣданія думнаго собора или распространенной думы; большинство же нашихъ историковъ и юристовъ смотрѣло на эту главу Флетчера, какъ на описаніе земскаго собора. Н. П. Загоскинъ находитъ невозможнымъ вѣрить вышеприведенному свидѣтельству Флетчера о пятницѣ, какъ о днѣ, предпочтительно выбираемомъ для засѣданій собора. Затѣмъ въ заключеніи обзора организаціи земскихъ соборовъ, Н. П. Загоскинъ считаетъ не лишнимъ привести въ переводѣ свидѣтельство Флетчера, почти всю VIII главу, и находитъ, конечно, что Флетчеръ совершенно не понялъ земскихъ соборовъ. Вѣрно передавая нѣкоторыя подробности ихъ, онъ смѣшалъ ихъ съ думою боярскою; это могло случиться тѣмъ легче, что онъ писалъ о земскихъ соборахъ не какъ очевидецъ, но только по наслышкѣ [2]). В. И. Сергѣевичъ, пытаясь найти какъ можно болѣе сходныхъ чертъ въ устройствѣ нашихъ соборовъ и западноевропейскихъ представительныхъ учрежденій, склоненъ видѣть въ словахъ Флетчера лишь описаніе верхней палаты. «Различное общественное положеніе духовныхъ властей и высшихъ чиновъ служилыхъ людей, по степени приближенія ихъ къ государю, и у насъ, подобно Англіи,

---

[1]) А. Э. I, 360; С. Гос. Гр. и Дог. II, № 60.

[2]) Н. П. Загоскинъ, op. cit., I, 322 и 334—336.

проявилось въ томъ, что иногда бояре, окольничіе и думные люди вмѣстѣ съ духовными властями составляютъ особое засѣданіе, а выборные дворяне и посадскіе—особое». Такой порядокъ онъ нашелъ на соборѣ 1649 г. и кромѣ того указываетъ на свидѣтельство Флетчера о томъ, что на соборѣ участвуютъ только представители знати и духовенства; въ общемъ такое сужденіе В. И. Сергѣевичъ считаетъ невѣрнымъ, но полагаетъ, что въ боярское правленіе Өеодора Ивановича, когда Флетчеръ былъ въ Россіи, представители дворянъ и городовъ, по всей вѣроятности, не созывались [1]). Наконецъ, новѣйшій историкъ земскихъ соборовъ В. Н. Латкинъ защищаетъ Флетчера отъ упрека, сдѣланнаго ему Н. П. Загоскинымъ, въ томъ, будто онъ смѣшалъ соборъ съ боярской думой; но сравниваетъ Флетчерово описаніе засѣданій собора съ своимъ описаніемъ засѣданій земскихъ соборовъ, сдѣланнымъ по сохранившимся памятникамъ, и, конечно, находитъ очень много отличій. Ошибка Флетчера, по мнѣнію В. Н. Латкина, заключалась въ томъ, что онъ со словъ Горсея принялъ порядокъ засѣданій, бывшій на неполномъ соборѣ 1584 г., за обыкновенный порядокъ, имѣвшій мѣсто на всѣхъ земскихъ соборахъ и, такимъ образомъ, смѣшавъ признаки видоваго и родоваго понятій, возвелъ первое на степень втораго [2]).

На самомъ же дѣлѣ Флетчеръ вовсе не описываетъ земскаго собора и не называетъ его (въ русскомъ переводѣ слово parliament—переведено «земскій соборъ»); онъ по всей вѣроятности и не зналъ о существованіи земскихъ соборовъ, а слѣдовательно и не могъ даже смѣшивать думнаго собора съ земскимъ соборомъ. Предполагаютъ, что онъ могъ знать о земскихъ соборахъ, потому что Горсей упоминаетъ о соборѣ 1584 г., но и Горсей говоритъ о «parliament», на которомъ присутствовали духовенство и знать (nobilitie). Не было ли это просто соединенное присутствіе думы и освященнаго собора, необходимое, конечно, передъ вѣнчаніемъ новаго царя? Дѣйствительность этого собора все-таки, несмотря на собранныя В. Н. Латкинымъ свидѣтельства, кажется не совсѣмъ доказанной В. О. Ключевскому, потому что наши лѣтописцы выражаются слишкомъ неопредѣленно объ этомъ событіи. Догадка Н. И. Костомарова, что избирательный соборъ 1584 г. совпалъ съ

[1]) В. И. Сергѣевичъ, въ Сборникѣ государственныхъ знаній, II, ст. «Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ».

[2]) В. Н. Латкинъ, «Земскіе соборы древней Руси» 271—273 и 279—280.

соборомъ 1584 же года, отмѣнившимъ тарханы, должна быть отвергнута, потому что изъ соборнаго приговора 1584 г. о тарханахъ видно, что это было постановленіе думнаго, а не земскаго собора: актъ этотъ такъ рѣзко отличается отъ актовъ соборовъ 1566 и 1598 г.; къ нему привѣсили печати только духовные члены собора, а остальные даже не подписались. Царь совѣтовался съ «преосвященнымъ Деонисьемъ Митрополитомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и со всѣми Бояры и со всѣмъ синклитомъ», но намъ кажется, что здѣсь слово «синклитъ» нельзя понимать въ смыслѣ собранія представителей дворянства и дѣтей боярскихъ; слово «синклитъ» скорѣе обозначаетъ здѣсь боярскую думу, изъ которой выдѣлены сначала наиболѣе знатные ея члены,—бояре; а если въ 1584 г. не было земскаго собора, то ни Горсей, ни Флетчеръ тѣмъ болѣе, не могли знать о земскихъ соборахъ, потому что о соборѣ 1566 г. имъ обоимъ ничего не было извѣстно: этотъ соборъ былъ еще до пріѣзда Горсея въ Россію, и ни одинъ англичанинъ не упоминаетъ о немъ [1]).

Поэтому на VIII главу Флетчера слѣдуетъ смотрѣть исключительно, какъ на описаніе засѣданій думнаго собора.

Это учрежденіе Флетчеръ считаетъ высшимъ въ государствѣ; въ немъ, по его понятіямъ, засѣдали представители отъ двухъ высшихъ классовъ общества: отъ дворянства и духовенства. Какъ ни стѣснены они въ своихъ рѣчахъ, все-таки они могутъ говорить и дѣйствовать въ интересахъ своихъ сословій; третье же или городское сословіе (commons) совершенно не имѣютъ тамъ своихъ представителей, почему этотъ классъ общества подвергается въ Россіи наибольшимъ притѣсненіямъ, какъ со стороны правительства, такъ и со стороны дворянства и духовенства. Такое сужденіе Флетчера,—объ отсутствіи представителей третьяго сословія,—казалось совершенно ошибочнымъ вышеназваннымъ историкамъ-юристамъ, указывавшимъ на составъ собора 1566 г., на которомъ, по ихъ понятіямъ, засѣдали выборные представители отъ служилаго и тяглаго классовъ. Сравнительно очень недавно В. О. Ключевскимъ въ статьяхъ «Составъ представительства на земскихъ

---

[1]) Русская Мысль, 1891 г. № 1. В. О. Ключевскій колеблется признавать неопредѣленныя выраженія русскихъ извѣстій за подтвержденіе иностранныхъ извѣстій о соборѣ, избравшемъ на престолъ Θеодора Іоанновича. В. Н. Латкинъ (op. cit., 85—89) считаетъ существованіе этого собора несомнѣннымъ. Также М. Фл. Владимірскій-Будановъ (op. cit., I, 143) и Н. П. Загоскинъ (op. cit., I, 226). С. Г. и Д, I, 202.

соборахъ» выяснено, что не можетъ быть и рѣчи для XVI в. о представительствѣ на соборахъ, какъ это слово понимаемъ мы. Тогда соборный представитель былъ не столько уполномоченнымъ какой-либо корпораціи, сколько призваннымъ правительствомъ отъ корпораціи. Онъ являлся на соборъ не для того, чтобы заявить передъ властью о нуждахъ и желаніяхъ своихъ избирателей и потребовать ихъ удовлетворенія, а для того, чтобы отвѣчать на запросы, какіе ему сдѣлаетъ власть, дать совѣтъ, по какому дѣлу она его потребуетъ, и потомъ воротиться домой отвѣтственнымъ проводникомъ рѣшенія, принятаго властью на основаніи наведенныхъ справокъ и выслушанныхъ совѣтовъ. Чтобы обезпечить себѣ точность справокъ, основательность совѣтовъ и надежное исполненіе принятыхъ рѣшеній, власть призывала на соборъ не людей, пользовавшихся довѣріемъ общества по своимъ личнымъ качествамъ и отношеніямъ, а людей стоявшихъ во главѣ общества и имѣвшихъ возможность знать его дѣла и мнѣнія. Поэтому В. О. Ключевскій называетъ соборъ 1566 г. совѣщаніемъ правительства съ своими собственными агентами; по его изысканіямъ оказалось, что члены собора изъ дворянства всѣ принадлежали къ столичнымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ; большая часть соборныхъ представителей сохраняла тѣсную связь съ уѣздными дворянами и дѣтьми боярскими, потому что они и по рожденію принадлежали къ уѣзднымъ обществамъ и обыкновенно предводительствовали дворянами и дѣтьми боярскими своихъ уѣздовъ въ качествѣ головъ; а другіе, участники собора, были воеводами пограничныхъ съ Литвой городовъ; большинство представителей служилаго класса явились на соборъ прямо съ похода. Точно также и «смольняне», присутствовавшіе на соборѣ вовсе не торговые люди Смоленска, какъ думали раньше, а представители особаго разряда столичнаго купечества, соотвѣтствовавшаго явившейся нѣсколько позднѣе суконной сотнѣ; на двухъ высшихъ разрядахъ купечества (тогдашнихъ москвичахъ и смольнянахъ, гостинной и суконной сотняхъ) лежала, по преимуществу, *вѣрная* служба по сбору разныхъ пошлинъ и налоговъ. Эти торговые люди руководили главными финансовыми операціями правительства и потому самому стояли въ ближайшихъ отношеніяхъ къ тогдашнему провинціальному торговому люду, почему они и были призваны на соборъ. Такимъ образомъ «соборъ 1566 г. былъ въ точномъ смыслѣ совѣщаніемъ правительства съ своими собственными агентами». На соборѣ 1598 года появился выборный, представительный по

нашему, элементъ въ лицѣ 40 выборныхъ представителей уѣзднаго дворянства. Но такихъ представителей выбирали только уѣздныя общества, въ данную минуту почему-либо не имѣвшія у себя во главѣ предводителей, которыхъ можно было бы призвать на соборъ; такія уѣздныя общества выбирали своими представителями либо своихъ земляковъ изъ столичнаго дворянства, либо окладчиковъ, либо своихъ дворянъ выборнаго чина, т. е. изъ такихъ лицъ, изъ среды которыхъ и правительство назначало походныхъ предводителей уѣзднаго дворянства. Поэтому и присутствіе этихъ выборныхъ лицъ на соборѣ 1598 года вовсе не измѣняло общей физіономіи собора: въ общемъ значеніе представителя и основы представительства остались тѣже, что на соборѣ 1566 г. [1]).

Таковы выводы двухъ статей В. О. Ключевскаго, выводы, сколько мы можемъ судить, несомнѣнные, основанные на крайне точныхъ пріемахъ изученія: прослѣжены генеалогіи всѣхъ тѣхъ участниковъ этихъ соборовъ, которыхъ можно прослѣдить. Мы остановились такъ подробно на выводахъ этого ученаго, потому что они уничтожаютъ почти все, что было писано раньше о представительномъ началѣ на соборахъ XVI в.; а для насъ этотъ выводъ особенно интересенъ, потому что разбираемый нами писатель подвергался нападкамъ за то, что не замѣтилъ представительнаго начала или вовсе не понялъ проявленій его на Руси.

Но если у насъ не было представительнаго начала въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ его теперь, то значитъ ли это, что правительство и земля представляли изъ себя два враждебныхъ лагеря, какъ пишетъ Флетчеръ; правительство думало какъ бы побольше собрать денегъ съ народа, народъ ждалъ даже будто бы иноземнаго нашествія, такъ какъ только это одно могло избавить его отъ невыносимыхъ тягостей.

И раньше еще замѣчено было, что земскіе соборы не обладали никакими прерогативами съ точки зрѣнія формальнаго права, что въ основѣ этого явленія лежалъ фактъ, а не право, что имъ принадлежала лишь сила мнѣнія. Выводы В. О. Ключевскаго, уничтожающіе такъ сказать представительное начало, тѣмъ не менѣе не уменьшаютъ значенія голосовъ, подаваемыхъ на соборѣ, для правительства.

Правда, мы должны будемъ отказаться отъ аналогіи соборовъ XVI в. и соборовъ XVII в.; и если на соборахъ XVII в. «смѣло,

[1]) Русская Мысль 1890 г. № 1 и 1891 г. № 1.

довѣрчиво, открыто звучали заявленія (о нуждахъ и желаніяхъ народныхъ), наивно-откровенно обличали выборные передъ царемъ притѣсненія правительственныхъ должностныхъ лицъ, мздоимство дьяковъ, волокиту московскихъ судовъ, жаловались на неравномѣрность службы, на тягость податей и повинностей, на обширныя привилегіи духовенства[1]), то должно признать дѣятельность соборовъ XVI в. гораздо болѣе скромною,—вызванные правительствомъ его низшіе агенты давали ему только отвѣты на заданные вопросы. Но эти сами агенты были очень тѣсно связаны съ провинціальнымъ обществомъ и смѣло могли отвѣчать за него. Вотъ чего Флетчеръ вовсе не понялъ. Московское правительство само обращалось за справками и за совѣтомъ къ своимъ агентамъ. Изъ описанія Флетчера, впрочемъ, читатель можетъ подумать, что спрашивали мнѣнія только у духовенства, потому что государь приходилъ съ рѣшеніемъ, заранѣе выработаннымъ его думой, и при томъ изъ думы на соборѣ присутствовали только тѣ ея члены, которыхъ угодно было назначить царю. Роль духовенства на соборѣ Флетчеръ описываетъ почти юмористически. Духовныя особы во всемъ поддакиваютъ государю, открыто заявляютъ, что разсуждать о земскихъ дѣлахъ не ихъ дѣло,—имъ прилично только молиться за государя, и наконецъ только самый смѣлый изъ духовныхъ членовъ собора проситъ царя приказать объявить имъ, какъ объ этомъ рѣшила его дума. Выходитъ, какъ будто царь и духовныя власти разыгрываютъ комедію. Флетчеръ и думалъ, что такъ оно и есть въ дѣйствительности. Царь спрашивалъ совѣта и требовалъ согласія духовныхъ лицъ, потому что до-нельзя набожный и суевѣрный народъ считаетъ все святымъ, что сдѣлано съ согласія духовенства; церковь же русская находится теперь въ упадкѣ, государь не требуетъ ея исправленія, но даже поддерживаетъ подобный порядокъ и награждаетъ духовенство и монастыри большими привилегіями, чѣмъ, такъ сказать, и покупается согласіе или молчаніе духовенства.

Прежде всего необходимо замѣтить, что подобное описаніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. На думномъ соборѣ 1591 г. по случаю смерти царевича Димитрія, сначала прочли все дѣло, затѣмъ митрополитъ Геласій говорилъ о признаніи царицы Маріи и подалъ членамъ собора челобитную городоваго приказщика Русина Ракова. Выслушавъ все это, патріархъ Іовъ говорилъ: «В томъ во

[1]) В. Н. Латкинъ op. cit., 285.

всемъ воля Государя Царя і Великого Князя Өедора Івановича; а преже сего такова лихова дѣла и такие убойства сстались и кровипролитье отъ Михаила отъ Нагова и отъ мужиковъ, николи не было. А передъ Государемъ Царемъ і Великимъ Княземъ Өедоромъ Івановичемъ всеа Русіи, Михаила и Григорья Нагихъ и углетцкихъ посадцскихъ людей измѣна явная... и за тое великое измѣнное дѣло Михайло Нагой з братьею и мужики, углечане, по своимъ винамъ, дошли до всякого наказанья. А то дѣло земское градцское, в томъ вѣдаетъ Богъ, да Государь Царь і Великій Князь Өедоръ Івановичь всеа Русіи; все въ его Царьской рукѣ, и казнь, и опала, и милость; о томъ Государю какъ Богъ известитъ: а наша должная молити..: о государскомъ здравіи и тишинѣ межусобной брани...» Изъ этого акта мы видимъ, что духовенство дѣйствительно говорило тѣ слова, которыя влагаетъ ему Флетчеръ; и на земскомъ соборѣ 1566 г. мнѣніе духовенства начинается и оканчивается такими же приблизительно словами [1]); мы допускаемъ, что иностранецъ, услыхавшій подобныя слова, легко могъ подумать, что духовные чины отказываются отъ подачи мнѣнія, что они присутствуютъ на соборѣ только для приданія въ глазахъ народа большаго авторитета рѣшенію, принятому соборомъ.

Оттого Маржеретъ и Гейденштейнъ повторяютъ слова Флетчера. Но каждому, хоть немного знакомому съ условіями древнерусской жизни, станетъ ясно, что эти слова представителей духовенства лишь формы общежитейской вѣжливости. На самомъ дѣлѣ духовенство выслушало обыскъ, признаніе вдовы-царицы, челобитье городскаго приказщика, и тогда очень опредѣленно высказало свое мнѣніе о поступкѣ Нагихъ и Угличанъ. Совершенно также чины духовные поступили и ранѣе, на соборѣ 1566 г.: воевать слѣдуетъ, потому что иначе будетъ разореніе православныхъ церквей въ Ливонскихъ городахъ и убытокъ торговымъ интересамъ Новгорода и Пскова. Скажутъ, что въ томъ и другомъ случаѣ мнѣнія, поданныя духовными чинами, вполнѣ совпадали съ царскимъ желаніемъ на соборѣ 1566 г. и съ желаніемъ правителя въ 1591 г., но это уже совсѣмъ другой вопросъ, рѣшеніе котораго отвлекло бы насъ совсѣмъ въ сторону, дѣйствительно ли борьба за Ливонію не была національной войной, какъ смотрѣть на слѣдственное дѣло о смерти царевича Димитрія, или почему и въ 1566 г. и въ 1591 г. духовные чины безмолвно слѣдовали указанію верховной власти. Мы приводили выше разсказъ Горсея о засѣданіи собора, разсматривав-

[1]) С. Г. Гр. и Дог. I, 192 и II, 60.

шаго вопросъ о частной секуляризаціи монастырскихъ имѣній; по этому разсказу видно, какъ это уже отмѣчено В. О. Ключевскимъ, что засѣданія думныхъ соборовъ не всегда были такими молчаливыми, какъ описываетъ Флетчеръ. Но Флетчеръ, къ русскому духовенству питавшій совершенно особаго рода ненависть, не ограничивается тѣмъ, что заставляетъ его играть черезчуръ уже странную роль на соборѣ, онъ даетъ объясненіе подобнаго поведенія. Сама церковь находится въ состояніи полнаго упадка, народъ уважаетъ еще іерархію, но это будетъ продолжаться только до тѣхъ поръ, пока просвѣщеніе не проникнетъ въ Россію; государи и держатъ народъ свой въ невѣжествѣ, старательно предохраняютъ его отъ всякихъ сношеній съ иноземцами; мало того, они позволяютъ церкви владѣть обширными недвижимыми имуществами; иначе говоря, рука руку моетъ: правительство сквозь пальцы смотритъ на упадокъ церкви, на вкравшіяся въ вѣроученіе и богослуженіе злоупотребленія, а за это пользуется всецѣло тѣмъ большимъ еще вліяніемъ, которымъ духовенство располагаетъ въ народѣ. Если Флетчеръ такъ много говоритъ объ упадкѣ русской церкви, о незаконности, чуть-ли не преступности для церкви владѣнія поземельными имуществами, то въ этомъ прежде всего виденъ протестантъ, ревностный поборникъ реформы. Для его односторонняго ума кажется непонятнымъ, какъ это русское правительство не замѣчаетъ заблужденій православнаго ученія, злоупотребленій іерархіи? По представленію Флетчера, это такъ ясно, что не замѣтить этого нельзя; если же московское правительство не видитъ этого, такъ только по тому, что оно не хочетъ видѣть, а не хочетъ видѣть по тому, что самой верховной власти это на руку. Вотъ какой силлогизмъ построилъ Флетчеръ; въ вѣкъ страстной религіозной борьбы подобныя воззрѣнія были вполнѣ естественны; мало того, то, что наблюдалъ Флетчеръ въ Россіи, могло натолкнуть его на подобный отзывъ: тѣсная дружба соединяла тогда главу русской церкви съ правителемъ государства, Годуновымъ; въ борьбѣ съ своими врагами Годуновъ опирался на поддержку патріарха и духовенства; съ своей же стороны правительство Годунова не соблюдало рѣшеній, принятыхъ соборами 1573 и 1581 гг. о монастырскихъ имуществахъ. Участь митрополита Діонисія еще была свѣжа въ памяти русскихъ людей, да и англичанъ, проживавшихъ тогда въ Москвѣ, и болѣе чѣмъ вѣроятно, что до Флетчера доходили чрезъ Горсея и другихъ англичанъ жалобы и сѣтованія побѣжденной партіи на поведеніе патріарха Іова. Остается пожа-

лѣть, какъ мы уже высказали, что Флетчеръ наблюдалъ московскую жизнь не въ совсѣмъ обычную эпоху. Борисъ Годуновъ въ это время становится уже правителемъ и, если сомнительно, пробивалъ ли онъ тогда уже дорогу къ престолу, то во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ держаться на высокомъ посту, съ котораго очень многіе считали себя вправѣ его сбросить; а это, конечно, заставляло Годунова прибѣгать къ такимъ пріемамъ, какими всегда пользовались и будутъ пользоваться временщики. Флетчеръ же не могъ различить этого; мы уже видѣли, что онъ смѣшалъ въ одно и борьбу Грознаго съ потомствомъ удѣльныхъ князей, и борьбу Годунова съ Мстиславскими и Шуйскими. Для Флетчера Борисъ Годуновъ вкупѣ со всѣми его присными былъ только похитителемъ правъ верховной власти, именемъ которой онъ дѣйствовалъ; а потому поступки и образъ дѣйствій Годунова для Флетчера были обычными пріемами московскаго правительства; конечно, болѣе наблюдательный авторъ разобрался бы въ этихъ обстоятельствахъ, но Флетчеръ, какъ мы уже видѣли не разъ, спѣшитъ всегда подхватить какое-нибудь явленіе, чтобы обобщить его. Такимъ путемъ, опираясь къ тому же на извѣстныя ему взаимныя отношенія общественныхъ классовъ на Западѣ, Флетчеръ пришелъ къ основной мысли своего труда, которая проходитъ чрезъ все его сочиненіе, которая освѣщаетъ автору и должна освѣщать читателямъ важнѣйшія явленія жизни русскаго народа. Идея эта—маккіавелева политика московскихъ государей. Въ русскомъ обществѣ онъ видитъ три класса (Флетчеръ забываетъ здѣсь то дѣленіе, которому онъ слѣдуетъ въ IX гл.): духовенство, дворянство и простой народъ;—интересы этихъ общественныхъ классовъ противоположны, на этомъ противорѣчіи и основано могущество верховной власти; она dividit et imperat: она пользуется вліяніемъ духовенства на народъ, за это снисходительно смотритъ на упадокъ церкви и недостатки ея іерархіи; она позволяетъ дворянству угнетать простой народъ, горожанъ и крестьянъ, такъ какъ только изъ дворянства назначаются областные правители, и этотъ классъ владѣетъ помѣстьями, но зато дворянство лишено всякаго политическаго значенія, за то оно ненавидимо простымъ народомъ, и, слѣдовательно, оба эти класса не могутъ соединиться вмѣстѣ, не могутъ возстать противъ верховной власти; наконецъ, народъ (въ узкомъ значеніи слова) владѣетъ землей и свободно распоряжается своимъ имуществомъ въ духовныхъ завѣщаніяхъ. Эта мысль о нарочно раздуваемой враждѣ общественныхъ классовъ нигдѣ не оставляетъ Флет-

чера: говоритъ ли онъ о верховной власти и ея правахъ, о соборахъ, о судѣ и администраціи, о финансахъ, о торговлѣ, о войскѣ,—вездѣ темныя стороны государственной и народной жизни объясняются сознательной политикой правительства, не только небрегущаго интересами государства, но прямо держащаго народъ въ угнетеніи. Интересы власти и интересы страны представлены прямо противоположными.

Флетчеръ пріѣхалъ въ Россію съ совершенно готовою мѣрою для сужденія; мѣра эта была ему хорошо извѣстна; это—законъ. Но онъ попалъ въ страну, гдѣ не было законовъ. (Онъ съ презрѣніемъ упоминаетъ вскользь, что въ Россіи есть только маленькая книжка законовъ, да и то больше правилъ судопроизводства). Онъ узнаетъ, что личность и собственность не ограждены въ Россіи никакими законами; населеніе само открыто говоритъ, что всѣ и все въ рукахъ Бога и Великаго Государя, что если кто что имѣетъ, такъ имѣетъ только по милости Бога да Царя. Онъ слышитъ жалобы на притѣсненія начальства, онъ видитъ самъ беззаконные проступки, совершаемые чуть не на глазахъ власти, равной которой, думаетъ онъ, нѣтъ на свѣтѣ. Почему же эта власть терпитъ подобные недостатки? Одна ошибка всегда влечетъ за собою другую, болѣе крупную. Флетчеръ не понялъ строго аристрократическаго строя русскаго государства; не понялъ, что московскій государь не могъ править иначе, какъ чрезъ посредство лицъ служилаго класса, не разобрался (увидимъ ниже), какими ничтожными, сравнительно съ потребностями государства, средствами располагало московское правительство; и отсюда для него явился неизбѣжнымъ выводъ, что верховная власть поступаетъ такъ умышленно, чтобы разъединить сословія и упрочить свое положеніе. Для насъ, конечно, ясно, что Флетчеръ слѣдствіе принялъ за причину: вражда между общественными классами въ то время несомнѣнно была, областное управленіе было дурно, но это было не слѣдствіемъ неограниченной власти государя, а эти обстоятельства были условіями, создававшими, между прочими, неограниченное самодержавіе, которое утвердилось на Руси [1]). Правящій, боярскій классъ погубилъ себя именно своимъ отношеніемъ къ народу, который искалъ защиты у подножія трона, и такимъ путемъ еще въ XVI в. началось разрушеніе аристократическаго строя государства.

---

[1]) Б. Н. Чичеринъ. Народное представительство, 387.

Государственоый строй складывался на Руси совершенно инымъ путемъ, подъ вліяніемъ другихъ условій, чѣмъ въ Англіи.

Англія узнала неограниченное правленіе тогда, когда подверглась Норманнскому завоеванію. Тогда настало время господства грубой силы, произвола; для королей-завоевателей очень важно было не допустить или, по крайней мѣрѣ, отдалить сліяніе побѣжденныхъ и побѣдителей въ одну націю. Для англійскаго народа время неограниченнаго правленія было періодомъ наиболѣе унизительнымъ въ исторіи, временемъ народнаго бѣдствія. Но такая своекорыстная политика англійскихъ королей (Норманской династіи и первыхъ Плантагенетовъ) продолжалась около 150 лѣтъ; время взяло свое, и два, родственные по происхожденію и религіи, народа слились въ одну націю, интересы тѣхъ и другихъ стали общими, и національная гордость самаго самолюбиваго народа находила себѣ полное удовлетвореніе въ томъ фактѣ, что черезъ 150 лѣтъ короли должны были дать сословіямъ Великую Хартію. Съ этого времени для англичанъ понятіе о неограниченной власти соединилось съ представленіемъ о времени, крайне бѣдственномъ для народа, оскорбительномъ для его самолюбія, ибо эта власть была слѣдствіемъ завоеванія, означало господство чужаго народа [1]).

Какъ Англія въ XI в. отъ норманновъ узнала неограниченную власть, такъ Россія въ XIII в.—отъ татаръ. Какъ и для

---

[1]) «Если, говоритъ знаменитый историкъ англійскаго государственнаго права, всѣ правовыя отношенія вели къ абсолютному режиму, то, съ другой стороны, тотъ же результатъ получался изъ всѣхъ общественныхъ положеній, взятыхъ каждое въ отдѣльности, и изъ розни, существовавшей между двумя національностями. Эта рознь, дѣйствуя снизу вверхъ, насквозь разъѣла связь, соединявшую графства, и, вполнѣ послѣдовательно, лишила и крупныхъ вассаловъ всякой опоры снизу. Правда, это были почти тѣ же самые крупные землевладѣльцы, что и въ англосаксонскія времена, съ внѣшней стороны даже блестящѣе и притязательнѣе: но имъ не доставало внутренней взаимной связи, составляющей корень политическаго могущества и свободы» (Рудольфъ Гнейстъ, Исторія государственныхъ учрежденій Англіи, 222). Но — корни абсолютизма незамѣтнымъ образомъ были подорваны *сліяніемъ* нормано-франкской и англо-саксонской національностей. Пять поколѣній прожили совмѣстно подъ властью единой церкви, единой королевской власти, при общей системѣ управленія, при одинаковомъ мирѣ и подъ равнымъ гнетомъ. Періодъ кулачнаго права при Стефанѣ и особенно церковный споръ при Ѳомѣ Бекетѣ выдвигали на первый планъ другіе вопросы, стоявшіе выше національнаго разлада (Тамъ же, 265).

англо-саксовъ, для русскихъ господство татаръ, безусловное подчиненіе волѣ хана было временемъ угнетенія, впрочемъ, еще сильнѣйшаго, порабощенія, еще болѣе тяжкаго. Очевидно, однако, что ходъ историческихъ событій на Руси долженъ былъ быть совсѣмъ инымъ, чѣмъ въ Англіи: русскій народъ не могъ соединиться, слиться въ одно съ своими завоевателями, чтобы ограничить потомъ произволъ хана! Сильнымъ своимъ единствомъ, слѣпою покорностью татарамъ должно было противопоставить Русь объединенную, сплоченную. Въ силу различныхъ историческихъ условій это удалось сдѣлать государямъ московскимъ,—соединить вокругъ себя великорусскую народность и свергнуть постыдное иго азіатскихъ варваровъ. Ясное дѣло, что такого благопріятнаго результата можно было достигнуть только усиленіемъ верховной власти, предоставленіемъ въ ея распоряженіе народныхъ средствъ въ томъ расчетѣ, что верховная власть будетъ располагать жизнью и имуществомъ каждаго не ради личныхъ интересовъ государя, а общественныхъ. Затѣмъ англичане, въ силу островнаго положенія своего государства увѣренные въ своей безопасности, могли обратить особое вниманіе на развитіе внутреннихъ учрежденій; они могли даже не особенно бояться внутреннихъ раздоровъ, потому что главному, чѣмъ больше всего дорожитъ каждый историческій народъ,—независимости ихъ ничто не угрожало. Между тѣмъ для Московскаго государства внѣшняя политика осталась первенствующимъ факторомъ; самые насущные интересы народа, интересы его торговли, образованія и религіи требовали продолжительныхъ и труднѣйшихъ войнъ съ сильнѣйшими государствами; успѣхъ этихъ предпріятій зависѣлъ прежде всего отъ единства государства, полнымъ выраженіемъ котораго и сталъ государь. Въ XVII в., когда окончательно сложилось русское самодержавіе, ясно обозначился и будущій успѣхъ русскаго государства. Около государей во время этой борьбы стояли, какъ ближайшіе помощники, церковь и боярство. Естественно было, что два эти класса награждены были по преимуществу. И это вовсе не составляетъ какой-либо особенности русской исторіи: таково вообще вездѣ происхожденіе привиллегій, выпавшихъ на долю церкви и дворянства. Когда нужно было защищать народъ и отъ нападеній случайныхъ враговъ, и отъ нападеній хищныхъ звѣрей, тогда естественно выдвинулись роды, отличавшіеся большимъ благородствомъ, большею храбростью; за это долго и потомки ихъ

пользовались особыми преимуществами. «Современники и потомки, говоритъ французскій историкъ, рѣдко отличаются благодарностью; если люди уступаютъ духовенству свою волю и свои имущества, то лишь пропорціонально его заслугамъ, и чрезмѣрность ихъ преданности духовенству можетъ свидѣтельствовать только о громадности его заслугъ» [1]). На западѣ въ XVI в. многіе уже не признавали какихъ-либо существенныхъ заслугъ за церковью, въ силу которыхъ она имѣла бы право на исключительное положеніе въ государствѣ; равнымъ образомъ и сословіе горожанъ поднимало свой голосъ противъ привиллегій дворянства. Но заслуги русской церкви и боярства по отношенію къ государству были гораздо ближе по времени, онѣ даже еще не отошли въ область воспоминаній; еще важнѣе по отношенію къ церкви было то, что на западѣ въ большинствѣ государствъ церковная іерархія была учрежденіемъ антинаціональнымъ; въ Россіи же она слилась вполнѣ съ государствомъ.

Въ привиллегированномъ положеніи боярства и духовенства нѣтъ поэтому ничего страннаго, Флетчеръ отмѣчаетъ, что привиллегіи эти даны были насчетъ народной массы. Къ сожалѣнію, народный (крестьянскій) трудъ былъ главною добычей, къ которой стремилось боярство, но отъ котораго не отказывалось и духовенство. Государство не могло вознаграждать ничѣмъ инымъ: потому, во-первыхъ, что земля представляла еще слишкомъ малую цѣнность; деньгами, понятно, государство еще не располагало. Нашимъ предкамъ XVI в. предстояло такимъ образомъ разрѣшить очень трудную соціальную задачу. Государство страдало, по чьему-то счастливому выраженію, болѣзнью роста: потребности его росли, предѣлы увеличивались, бороться приходилось съ народами сильнѣйшими своимъ искусствомъ и образованіемъ. Чтобы выйти изъ этого положенія, надо было напрячь всѣ силы государства: при Грозномъ правительство какъ будто дѣлаетъ попытку посягнуть на неприкосновенность церковныхъ имуществъ, но слишкомъ дорога была русскимъ людямъ эта святыня; къ тому же, услуги церкви государству въ смутное время сдѣлали немыслимыми надолго покушенія на ея собственность. Оставалось такимъ образомъ еще сильнѣе натянуть народныя силы въ другихъ мѣстахъ,

[1]) И. Тэнъ, Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи, I, гл. 1.

привлечь все остальное населеніе къ службѣ землѣ и государству. Труднѣйшая эта задача рѣшена была въ XVII в. прикрѣпленіемъ населенія; наше теперешнее поколѣніе рѣшило бы эту задачу, конечно, иначе; но изъ того, что задача разрѣшена была неудовлетворительно, вовсе не слѣдуетъ, что такой результатъ получился изъ своекорыстныхъ расчетовъ.

ГЛАВА IV.

I.

X глава сочиненія Флетчера посвящена управленію областями. Авторъ мимоходомъ разсматриваетъ центральныя учрежденія, затѣмъ говоритъ объ областномъ управленіи: Въ XII гл. «о царскихъ доходахъ» Флетчеръ даетъ еще нѣсколько дополненій, потому что здѣсь онъ также указываетъ нѣсколько приказовъ.

Флетчеръ называетъ слѣдующіе приказы: Посольскій, Разрядъ, Помѣстный, Казанскаго Дворца, Большаго Дворца, Казну, Большой Приходъ, Стрѣлецкій, Иноземскій, Пушкарскій, Разбойный, Земскій и Четверти.

Уже давно въ нашей ученой литературѣ утвердилось мнѣніе, что главные приказы,—Посольскій, Помѣстный, Разрядъ и Казанскаго Дворца, назывались въ то время «Четями». Мнѣніе это высказано было еще Н. М. Карамзинымъ, повторено С. М. Соловьевымъ, въ новѣйшее время принято Н. П. Загоскинымъ, В. О. Ключевскимъ и Н. П. Лихачевымъ. Для объясненія же нѣсколько страннаго названія «четь» сдѣлано было предположеніе, что при Боярской Думѣ существовала, говоря нашимъ языкомъ, канцелярія, раздѣлявшаяся на эти четыре отдѣленія.

Въ недавнее время П. Н. Милюковымъ обращено было вниманіе на то, что вышеупомянутые четыре приказа никогда не носятъ названія Четвертей, и потому высказано было предположеніе, что Флетчеръ потому назвалъ эти приказы Четвертями, что дьяки, управлявшія названными приказами, завѣдывали также и финансовыми «четями»; затѣмъ авторомъ дано новое толкованіе происхожденія Четвертей, къ которому мы сейчасъ вернемся [1]).

---

[1]) Н. М. Карамзинъ: «Главные Приказы, или Чети, именовались Посольскимъ, Розряднымъ, Помѣстнымъ, Казанскимъ: первый особенно вѣдалъ дѣла

Обращаясь прежде всего къ тексту Флетчера, нельзя не пожалѣть, что именно это мѣсто передано въ русскомъ переводѣ весьма неточно, а между тѣмъ большинство историковъ пользовалось переводомъ (Н. П. Лихачевъ привелъ даже дословно это мѣсто Флетчера по русскому переводу). Флетчеръ говоритъ такъ:

«The whole countrie of Russia (as was said before) is divided into foure parts, which they call chetfirds or tetrarchies. Every chetfird conteineth divers shires, and is annexed to a severall office, whereof it takes the name. The first chetfird or tetrarchie beareth the name of Pososkoy chetfird, or the jurisdiction of the office of the ambassages, and at this time is under the chiefe secretarie and officer of the ambassages, called Andreas Shalcalove. The standing fee or stipend that he receiveth yearely of the emperour for this service, is 100 rubbels or markes.

The second is called the Roseradney chetfird, because it is proper to the roserade or high constable. At this time it perteineth by vertue of office to Basile Shalcalove, brother to the chancellor, but

---

внѣшнія или дипломатическія, второй воинскія, третій земли, розданныя чиновникамъ и дѣтямъ боярскимъ за ихъ службу, четвертый дѣла Царства Казанскаго, Астраханскаго, Сибирскаго и всѣхъ городовъ Волжскихъ; первые три приказа, сверхъ означенныхъ должностей, также занимались и расправою областныхъ городовъ. Смѣшеніе странное», при этомъ ссылка (прим. 775) на Флетчера (т. IX, 262). С. М. Соловьевъ высказывается не совсѣмъ опредѣленно: «для управленія дѣлами внѣшними и внутренними существовали приказы и нѣкоторые изъ нихъ носятъ названіе четвертей или четей: первый Посольскій, находившійся въ вѣдѣніи думнаго дьяка Андрея Щелкалова, получавшаго 100 рублей жалованья; второй Разрядный, въ вѣдѣніи Василія Щелкалова, за котораго управлялъ Сапунъ Абрамовъ; жалованье и здѣсь было тоже—100 рублей; третій Помѣстный, въ вѣдѣніи думнаго дьяка Елизара Вылузгина, получавшаго 500 рублей жалованья; четвертый Казанскаго Дворца, въ вѣдѣніи думнаго дьяка Дружины Пантелѣева, человѣка замѣчательнаго по уму и расторопности; онъ получалъ 150 рублей въ годъ. Въ царскихъ грамотахъ четверти называются по имени дьяковъ, ими управлявшихъ, напримѣръ: «Четверть дьяка нашего Василія Щелкалова» (VII, 341). Въ примѣчаніи ссылки на Флетчера; сейчасъ увидимъ, что это и есть передача русскаго перевода нашего автора. В. О. Ключевскій приказамъ этимъ тоже усваиваетъ наименованіе Четвертей: «самое названіе четвертей, какое носили приказы Посольскій, Помѣстный, Большой Разрядный и Казанскій въ концѣ XVI в. мы объясняемъ въ смыслѣ четырехъ частей или отдѣленій думской канцеляріи» (Боярская Дума, 408). Н. П. Лихачевъ признаетъ это предположеніе вполнѣ основательнымъ. (Разрядные дьяки, 75). П. Н. Милюкова, «Государственное хозяйство Россіи въ связи съ реформой Петра Великаго» (Жур. Мин. Нар. Пр. 1890, № 9).

it is exucuted by one Zapon Abramove. His pension is an hundred rubbles yearely.

The third is the chetfird of Pomestnoy, as perteining to that office. This keepeth a register of all lands given by the emperour for service to his noblemen, gentlemen and other, giveth out and taketh in all assurances for them. The officer at this time is called Eleazar Wellusgine. His stipend is 500 rubbels a yeare.

The fourth is called Cassanskoy dworets, as being appropiat to the office that hath the jurisdiction of the kingdomes of Cazan and Astracan, with the other townes lying upon the Wolgha, now ordered by one Druzhine Penteleowe, a man of very speciall account among them, for his wisdome and promptness in matters of pollicie. His pension is 150 rubbels a yeare (39—40).

Это мѣсто Флетчера должно быть переведено:

Вся Россія (какъ сказано раньше,—въ I главѣ) раздѣлена на четыре части, называемыя русскими Четвертями, или тетрархіями Каждая Четверть заключаетъ въ себѣ нѣсколько областей и приписана къ какому-нибудь приказу, отъ котораго и получаетъ свое названіе. Первая Четверть носитъ названіе Посольской Четверти или области (юрисдикціи) Посольскаго приказа, и въ настоящее время ею завѣдуетъ главный секретарь (думный дьякъ) и начальникъ Посольскаго приказа, Андрей Щелкаловъ. Онъ получаетъ за эту службу отъ царя ежегоднаго жалованья 100 р. или марокъ.

Вторая Четверть называется Разрядною, потому что она присоединена (is proper) къ разрядному или верховному конетаблю. Теперь по должности эта Четверть принадлежитъ Василію Щелкалову, брату канцлера (т. е. печатника), но завѣдуетъ ею Сапунъ Абрамовъ. Его ежегодное жалованье 100 рублей.

Третья Четверть—Помѣстная, какъ принадлежащая этому приказу. Этотъ приказъ ведетъ списки всѣхъ земель, розданныхъ царемъ за службу знати, дворянству и другимъ лицамъ, выдаетъ и принимаетъ всѣ крѣпости на земли. Начальникомъ въ настоящее время состоитъ Елизаръ Вылузгинъ, получающій 500 р. жалованья.

Четвертая—называется Казанскимъ Дворцомъ, потому что она присоединена къ приказу, управляющему царствами Казанскимъ и Астраханскимъ, равно какъ и другими городами, лежащими по Волгѣ; теперь она управляется Дружиною Петелинымъ, человѣкомъ очень уважаемымъ русскими за его умъ и расторопность въ правительственныхъ дѣлахъ. Жалованье его—150 р. въ годъ [1]).

[1]) Переведено же это мѣсто такъ: Вся Россія (какъ было сказано выше

Ясно, что Флетчеръ не называетъ Посольскій, Разрядный, Помѣстный Приказы и Казанскій Дворецъ Четвертями, а говоритъ только, что съ вѣдѣніемъ каждаго изъ этихъ приказовъ соединено также управленіе четвертою частью Россіи; Флетчеръ полагаетъ, что каждая Четверть приписана, присоединена къ одному изъ этихъ приказовъ. Въ нашихъ актахъ находимъ выраженія: «Четь дьяка нашего Андрея Щелкалова», «Четь Василія Щелкалова», «Четь Дружины Петелина»; но никакимъ образомъ нельзя толковать эти выраженія, какъ равнозначущія Посольскому Приказу, Разряду или Казанскому Дворцу. По тѣмъ же актамъ очень легко установить точное различіе между Четью Андрея Щелкалова и Посольскимъ Приказомъ, Четью Василія Щелкалова и Разрядомъ, Четью дружины Петелина и Казанскимъ Дворцомъ. Мы имѣемъ отъ второй половины XVI в. достаточно разнообразныхъ дипломатическихъ бумагъ, описаній переговоровъ съ иноземными послами,—всегда въ такихъ случаяхъ упоминается посольскій приказъ, посольская палата, посольская изба, но никогда ни Четь; съ другой стороны, многія волости въ 80-хъ годахъ XVI ст. должны доставлять подати и пошлины, судные списки, обращаться за разрѣшеніемъ трудныхъ дѣлъ, присылать памяти —въ Четверть дьяка Андрея Щелкалова. То же самое должно сказать и о дѣятельности Разряда и Чети Василія Щелкалова:

раздѣляется на четыре части, называемая *Четвертями или тетрархіями.* Каждая *Четверть* завѣдываетъ нѣсколькими областями и несетъ опредѣленную обязанность, отъ которой заимствуетъ свое названіе. Первая *Четверть* или *тетрархія* называется Посольскою Четвертью или *Приказомъ Посольскимъ*, и находится въ настоящее время подъ вѣдѣніемъ главнаго секретаря, управляющаго посольскими дѣлами, Андрея Щелкалова. Онъ ежегодно получаетъ отъ Царя за службу 100 рублей или марокъ опредѣленнаго жалованья или оклада.

Вторая Четверть называется Розрядною, отъ Розряднаго или верхняго констабля. Теперь это мѣсто по должности занимаетъ Василій Щелкаловъ, братъ канцлера, а управляетъ имъ нѣкто Сапунъ Абрамовъ. Жалованья получаетъ онъ 100 рублей въ годъ.

Третья четверть называется Помѣстною, по роду дѣлъ, сюда принадлежащихъ. Она ведетъ списокъ всѣмъ помѣстьямъ, жалуемымъ Царемъ за службу боярамъ, дворянамъ, и инымъ, также вѣдаетъ и принимаетъ всякія на нихъ крѣпости. Ею завѣдываетъ въ настоящее время Елеазаръ Вылузгинъ. Оклада назначено ему 500 рублей въ годъ.

Четвертая извѣстна подъ именемъ Казанскаго Дворца, такъ какъ въ ея вѣдѣніи находятся Царства Казанское и Астраханское съ другими городами, лежащими по Волгѣ. Теперь ею управляетъ нѣкто Дружина Пантелѣевъ, человѣкъ весьма замѣчательный между туземцами по уму и расторопности въ дѣлахъ политическихъ. Онъ получаетъ окладу 150 рублей въ годъ.

расписаніе полковъ, назначеніе воеводъ по полкамъ и городамъ, памяти о постройкѣ крѣпостей,—все это исходитъ изъ Разряда; Четверть же дьяка Василія Щелкалова вѣдаетъ совершенно такія же дѣла, какъ и Четверть Андрея Щелкалова, только другихъ городовъ. Впрочемъ, относительно этихъ двухъ приказовъ можно было бы еще возразить, что одно и то же учрежденіе называлось двояко: Посольскимъ Приказомъ, поскольку оно вѣдаетъ иностранныя дѣла, и Четвертью, какъ завѣдующее управленіемъ извѣстной части Россіи; то же самое и другое вѣдомство называлось и Разрядомъ,—когда оно вѣдаетъ военныя дѣла, и Четвертью, когда оно вѣдаетъ дѣла, приписанныхъ къ нему городовъ и волостей. Но подобное различеніе едва ли могло имѣть мѣсто въ то время, когда и вообще не было точнаго разграниченія дѣлъ между приказами, но акты никогда не смѣшиваютъ не только Четей Щелкаловыхъ съ управляемыми ими приказами, но не смѣшиваютъ и Казанскаго Дворца съ Четью Дружины Петелина, хотя здѣсь смѣшать было гораздо легче: тотъ и другая были учрежденіями территоріальными, въ вѣдомствѣ обоихъ было очень много совершенно одинаковыхъ дѣлъ. Однако деньги и дѣла изъ приволжскихъ городовъ поступаютъ въ Казанскій Дворецъ, а изъ Соли Вычегодской въ Четверть дьяка Дружины Петелина.

Такъ какъ ни въ одномъ актѣ ни одинъ изъ четырехъ упомянутыхъ приказовъ даже не названъ Четвертью, такъ какъ даже и Флетчеръ не называетъ ихъ Четвертями, а названы они такъ только явно по ошибкѣ въ русскомъ переводѣ, то слѣдуетъ навсегда отказаться отъ наименованія ихъ Четвертями; съ этимъ конечно, падаетъ и объясненіе Четвертей, какъ отдѣленій думской канцеляріи. Уже М. Фл. Владимірскій-Будановъ считалъ Четверти учрежденіями самостоятельными отъ приказовъ, также смотритъ на нихъ и П. Н. Милюковъ, какъ на учрежденія, не имѣющія никакого прямаго отношенія къ упомянутымъ приказамъ. Первый изслѣдователь далъ такое объясненіе происхожденія Четвертей: при присоединеніи удѣловъ къ Москвѣ, ихъ центральныя учрежденія (дворы) переносились въ Москву, сохраняя за собою тотъ же районъ вѣдомства. Такимъ образомъ въ Москвѣ возникли учрежденія, мѣстныя по району дѣятельности и центральныя по степени власти, а именно сначала три (т. н. трети), а затѣмъ 4, отчего и приказы названы Четвертями, которыхъ къ XVII в. образовалось уже 5 и даже присоединена 6-я (новая). По присоединеніи Нижняго Новгорода къ Москвѣ составилось (вѣроятно) особое управленіе для

этой области, которое затѣмъ перешло въ Четверть Нижегородскую и т. д. [1]). Но противъ такого объясненія говоритъ прежде всего слишкомъ позднее сравнительно упоминаніе нашими документами Четвертей — только съ конца XVI вѣка, а между тѣмъ области, бывшія потомъ подъ вѣдомствомъ Четвертей, были управляемы въ половинѣ вѣка въ Москвѣ казначеями и дьяками особыми; такъ что, какъ мы увидимъ ниже, нѣтъ возможности установить связь между переносимыми въ Москву дворами удѣльныхъ княжествъ и Четвертями. Второй изслѣдователь, П. Н. Милюковъ, въ своемъ объясненіи выходилъ изъ сдѣланнаго имъ наблюденія, что государственные доходы въ началѣ XVII в. еще распредѣлялись между двумя учрежденіями: Большимъ Дворцомъ и Большимъ Приходомъ, и что доходы послѣдняго суть тѣ же, что и «четвертные»; если они и различаются, т. е. одни сборы поступаютъ въ Большой Приходъ, другіе въ Четверти, то это происходитъ оттого, что впослѣдствіи произошла дифференціація внутри самого Большаго Прихода: въ немъ появилось нѣсколько отдѣльныхъ Четей. Съ 1585 г. Большой Приходъ становится уже не тѣмъ учрежденіемъ, какимъ онъ былъ въ 1575—1585 годахъ: сохраняя наблюденіе надъ всѣми своими Четями, онъ непосредственно завѣдывалъ только тѣми областями, которыя еще не распредѣлились окончательно по ихъ вѣдомствамъ. Конечный выводъ автора таковъ: Московскій Большой Дворецъ первоначально одинъ вѣдаетъ всѣ доходы Московскаго государства; къ послѣдней четверти XVI в., однако, находимъ доходы государственные уже выдѣленными изъ доходовъ дворцовыхъ; вмѣстѣ съ нимъ выдѣляется и Дворцовый Большой Приходъ. Затѣмъ, въ теченіе послѣдней четверти столѣтія происходитъ дальнѣйшее раздѣленіе государственныхъ доходовъ на спеціальные общегосударственные, — продуктъ новыхъ государственныхъ потребностей, — и отчасти изстари сложившіеся, отчасти вновь переведенные на деньги, или вновь обращенные на государственное употребленіе доходы; и опять соотвѣтственно этому раздѣленію выдѣляются изъ Большаго Прихода областные приказы, долго сохраняющіе связь съ Большимъ Приходомъ, какъ и самый Большой Приходъ сохраняетъ продолжительную связь съ Большимъ Дворцомъ». Полное подтвержденіе своихъ словъ П. Н. Милюковъ находитъ въ свидѣтельствѣ Маржерета, говорящаго, что государственныя подати взимаются пятью вѣдомствами (Четвертями), надъ

[1]) М. Фл. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ, I, 156—157.

которыми наблюдаетъ Большой Приходъ [1]. Это объясненіе происхожденія Четвертей—значительный шагъ впередъ сравнительно съ тѣми объясненіями, которыя давались раньше, но съ нимъ согласиться, однако, трудно, и, кажется, самъ П. Н. Милюковъ встрѣтился въ дальнѣйшемъ ходѣ своей работы съ нѣкоторыми затрудненіями по этому вопросу. Здѣсь, въ первой главѣ своего изслѣдованія, онъ отнесъ выдѣленіе Большаго Прихода изъ Большаго Дворца къ началу послѣдней Четверти XVI в., а выдѣленіе Четвертей приблизительно къ 1585 г.; это совпадаетъ съ датами, подъ которыми упоминаются Большой Приходъ (первый разъ подъ 1573 г.) и Четверти,—съ конца 70-хъ годовъ (первое упоминаніе въ 1576 г.), но въ 5-й главѣ онъ относитъ это выдѣленіе ко времени, нѣсколько болѣе раннему; объясняя, почему одни города вѣдаются въ Разрядѣ службою и финансами, а другіе только службою, а финансами въ какой-нибудь изъ Четвертей, г. Милюковъ высказываетъ мнѣніе, что между Четями распредѣлились всѣ тѣ города, которые существовали въ Россіи въ то время, когда складывалось, по его мнѣнію, дѣленіе на Чети,—то-есть, къ послѣдней трети или четверти XVI ст.; Епифань напр., (основанъ въ 1567 предположительно) и Данковъ (1569 г.) не вошли ни въ какую Четь. Въ такомъ случаѣ образованіе Четвертей мы должны отнести ко времени болѣе раннему и признать, что сохранившіеся документы молчатъ о нихъ довольно долго [2]. Но это еще возможно допустить; труднѣе допустить предположеніе автора, что Четверти были подвластны, подчинены Большому Приходу; что они были первоначально его отдѣленіями. Авторъ указываетъ, что справка о вотчинѣ одной вдовы татарскаго царевича присылалась въ Дворовой Большой Приходъ къ дьякамъ Андрею Арцыбашеву и Тимоѳею Ѳедорову, что затѣмъ приказъ, гдѣ показаны эти же дьяки, называются,—Дворцовымъ Четвертнымъ Приказомъ, Четвертнымъ Приказомъ, Четвертью и опять Дворовымъ Большимъ Приходомъ (по актамъ 1581—1583 г.), отсюда онъ выводитъ заключеніе, что дьяки Андрей Арцыбашевъ, Тимоѳей Ѳедоровъ, Андрей Щелкаловъ сидѣли въ то время въ Большомъ Приходѣ, и, такъ какъ Большой Приходъ называется и Четвертнымъ, то, очевидно, это одно и тоже учрежденіе; названіе, «Дворовый» или «Дворцовый» указываетъ на его тѣсную связь съ Приказомъ Большаго Дворца [3]. По нашему мнѣ-

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1890 г., № 9, 34—35.
[2]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1891 г., № 2, 38—39.
[3]) Едва-ли можно доказать, что Андрей Щелкаловъ былъ діакомъ Боль-

нію, слово Дворовый Большой Приказъ и Дворцовый Четвертной Приказъ, конечно, несомнѣнно одно и то же; но то же ли самое Дворовый Большой Приходъ и Большой Приходъ? Не забудемъ, что наименованіе Дворовый Большой Приходъ встрѣчаемъ только въ актахъ послѣднихъ годовъ царствованія Грознаго, когда «Дворъ» едва-ли не замѣнилъ «опричнины». Г. Милюковъ замѣтилъ, что разные сборы идутъ иногда съ одного и того же города и въ Большой Приходъ и въ какую-нибудь Четверть; но въ такихъ случаяхъ никогда Большой Приходъ не называется Дворовымъ; различіе поступленій авторъ объясняетъ тѣмъ, что потомъ Большой Приходъ только наблюдалъ надъ Четвертями да вѣдалъ мѣстности, которыя не распредѣлились между послѣдними. Но вѣдь часто (какъ указываетъ самъ г. Милюковъ) сборы поступаютъ въ оба приказа изъ одного и того же мѣста; въ одномъ изъ наиболѣе раннихъ указаній о Четвертяхъ 1579 г.,—въ писцовой книгѣ города Каширы и его уѣзда—часть таможенныхъ пошлинъ идетъ въ Большой Приходъ, часть въ Четверть Василія Щелкалова; откупъ съ одного перевоза въ Четверть, вѣрный сборъ съ другаго—въ Большой Приходъ. Что за обстоятельства могли заставить московское правительство придумать такой порядокъ, что одни сборы поступаютъ въ центральное учрежденіе, а другіе въ одно изъ его отдѣленій, бывшее тоже въ Москвѣ? Авторъ говоритъ, что Четверти были подчинены Большому Приходу на томъ основаніи, что Чети получаютъ иногда деньги на расходъ изъ Большаго Прихода, что денежныя ассигновки дѣлаются изъ Разряда на Большой Приходъ, тогда какъ позже онѣ обыкновенно даются на Чети; что при оффиціальныхъ перечисленіяхъ приказовъ Чети не упоминаются, а называется обыкновенно Большой Приходъ.

Деньги на расходъ изъ Большаго Прихода получали очень многіе приказы, и это показываетъ только, что у нихъ не хватало по тѣмъ или другимъ причинамъ своихъ денегъ, и то обстоятель-

---

шаго Прихода; подпись его подъ жалованной грамотой Астраханскому Троицкому монастырю скорѣе можетъ служить доказательствомъ того, что онъ былъ тогда дьякомъ Казанскаго Дворца (ср. Н. П. Лихачевъ, op. cit., 193—194), потому что впослѣдствіи жалованную грамоту этому монастырю подписалъ Дружина Петелинъ, бывшій въ то время дьякомъ Казанскаго Дворца (А. И. I, 223); вообще же подписи дьяковъ на грамотахъ иногда совершенно случайны: Соль Вычегодская находилась въ Четверти діака Дружины Петелина (А. Э. I, 343 и 349, 1589 и 1590 г.), однако въ томъ же 1590 г. туда пришла одна грамота за приписью Елиз. Вылузгина (А. Э. I, 349).

ство, что деньги по приговору пересылаются изъ Большаго Прихода въ Новгородскую Четверть показываетъ скорѣе самостоятельность послѣдней. Авторъ говоритъ, что не дается ассигновокъ на Четверти, но это невѣрно. Жалованье служилымъ людямъ называется иногда «четвертное», и думаемъ потому, что извѣстнымъ лицамъ оно выдавалось изъ Четвертей. Уже въ 1577 г. бояре отказали Тульскимъ, Рязанскимъ и Мещерскимъ станицамъ въ жалованьѣ проѣзжемъ и за изроны между прочимъ и по тому, что «денежное жалованье головы емлютъ годовой оброкъ изъ Чети, а товарищи ихъ станичники емлютъ съ городомъ» [1]). Не совсѣмъ ясное это выраженіе «изъ Чети» поясняется актами послѣдующаго времени. Въ 1595 г. лица, отправляемыя въ посольство въ Персію, просили себѣ, конечно, подмоги,—въ видѣ жалованья и особой суммы. На челобитной дьяка Семейки Емельянова находимъ любопытнѣйшую помѣту: «объ однихъ о подможнихъ послати ко князю Ивану, и къ Елизарью...» Очевидно, о подмогѣ послать къ князю Ивану Васильевичу Сицкому, начальнику Большаго Прихода, а о жалованьѣ Елизару Вылузгину, начальнику Помѣстнаго Приказа и одной изъ Четвертей, потому что на слѣдующей памяти дьяку Вылузгину по челобитью князя Тюфякина, главнаго посла въ Персію, помѣта «о жалованьи послати къ Дружинѣ, а о подмоге ко князю Ивану»; и въ силу этого того же числа дана память боярину князю Ивану Васильевичу Ситцкому. «По государеву ц. и в. кн. Федора Ивановича в. Р. указу велено послати въ Кизылбаши въ послѣхъ князя Василья Тюфякина да діака Семейку Емельянова, а государева царева и в. кн. Федора Ивановича в. Р. жалованья на подмогу вы, бояре, приговорили имъ дати: князю Василью Тюфякину триста рублевъ, діаку Семейке Емельянову жалованья на подмогу двѣсте рублевъ. И боярину князю Ивану Васильевичу Ситцкому велѣти имъ то государево царево и в. кн. Федора Ивановича в. Р. жалованье на подмогу князю Василью и дьяку Семейке дати. *Подпись*: Діякъ Василій Щелкаловъ. *Внизу*: А государево годовое жалованье Семейке на 103 да на 104 годъ для кизылбашскіе службы велено дати діаку Дружине Петелину по 100 рублевъ на годъ» [2]). Другимъ лицамъ, подмоги и жалованья

---

[1]) А. М. Г., 19.

[2]) Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей, изд. Н. И. Веселовскимъ, I, Посольство князя Вас. Вас. Тюфякина, 334—338.

освобожденіе ихъ помѣстій на время ихъ службы въ посольствѣ давались изъ Большаго Прихода, жалованье дьяками, либо изъ управляемыхъ ими Четвертей, либо изъ Казанскаго Дворца. Поминки шаху велѣно было взять у дьяка Ивана Вахрамѣева, управлявшаго въ то время Четью, которой раньше завѣдывалъ Андрей Щелкаловъ и которая нѣсколько позже обратилась въ Новгородскую Четь. По актамъ 1604 г., государь указалъ дать денежное жалованье дѣтямъ боярскимъ Рязанскаго Архіепископа изъ Новгородской Чети, «изъ своей государевы, царевы и великаго князя Бориса Ѳеодоровича всеа Русіи казны изъ Новгородскіе Чети». Въ 1605 г. раздавали награды отсидѣвшимся въ Новгородѣ Сѣверскомъ; оставшіяся за расходомъ монеты и вещи частью взяты въ Московскій Разрядъ, частью (большею) въ Новгородскую Четверть [1]).

Однимъ словомъ, находимъ рядъ указаній на то, что Четверти дѣйствуютъ самостоятельно, что сборы съ однихъ и тѣхъ же городовъ поступаютъ и въ Большой Приходъ и въ Четверти, что въ случаѣ выдачи одному лицу жалованья и подмоги памяти имъ даются самостоятельно, какъ разнымъ учрежденіямъ, что при упоминаніи рядомъ Четверти и Большаго Прихода, послѣдній никогда не называется Дворовымъ,—его доходы какъ бы противополагаются четвертнымъ.

Наконецъ, Большой Приходъ съ самаго начала является учрежденіемъ финансоваго характера, Четверти же не только собираютъ доходы, но и принимаютъ также судныя и другаго рода дѣла въ подвѣдомственныхъ имъ округахъ, т. е. сфера ихъ дѣятельности иная, чѣмъ у учрежденія, изъ котораго онѣ будто бы выдѣлялись [2]). Все это приводитъ насъ къ тому заключенію, что едва ли можно согласиться съ выводами П. Н. Милюкова о происхожденіи Четвертей, несмотря на всю заманчивость его предположеній.

Для рѣшенія этого вопроса лучше всего разобрать въ хронологическомъ порядкѣ извѣстія о Четвертяхъ и тѣхъ мѣстностяхъ, которыя были имъ подвѣдомственны.

Первое указаніе (указаніе XVII в.) изъ писцовой книги Суздаля: «А по старому дозору Я. Наумова съ товарищи противъ платеж-

[1]) А. М. Г., 41 и 42.

[2]) Планы и чертежи постройки новаго города, Архангельска, присылаются въ Четвертной Приказъ; Коряжемскій монастырь тягался въ Новгородской чети съ Аѳанасіемъ Строгановымъ (Н. П. Лихачевъ, op. cit., прил. 100—101).

ныхъ книгъ 81 г. въ Суздалѣ на посадѣ въ живущемъ было сошнаго письма 2 сохи съ Четью сохи, а денежныхъ доходовъ платили... въ Большой Приходъ пищальныхъ денегъ (столько-то), да оброчныхъ денегъ платили въ Большой Приходъ (столько-то), да въ Галицкую Четь платили съ 2 сохъ съ Четью сохи за присудъ оброку и пошлинъ» [1]). Показанію этому нельзя придавать особаго значенія, потому что оно записано отчасти по платежнымъ книгамъ, отчасти же по сказкамъ цѣловальниковъ и старостъ, а эти послѣдніе легко могли называть учрежденія тѣми именованіями, которыя установились за ними уже въ XVII в. Въ мѣстническомъ дѣлѣ Зюзина съ Нагимъ въ 1576 Н. П. Лихачевымъ указано упоминаніе о Четвертяхъ,—въ отвѣтной грамотѣ дьяка Андрея Щелкалова: «а о жаловальной о Галицкой грамотѣ, какъ дявана Оѳонасью Шетневу въ которыхъ книгахъ, сыскиваютъ Четвертые (вмѣсто четвертные) дьяки во всѣхъ Четвертяхъ, и что, государь, въ которой Четверти сыщутъ и язъ, государь, въ тотъ часъ выписавъ къ тобѣ къ государю пришлю» [2]). Въ писцовой книгѣ г. Каширы 1578—79 гг. указано, что оброкъ съ дворовъ поступаетъ «въ Четверть дьякомъ»; таможенныя пошлины съ Каширы поступаютъ частью въ Четверть дьяка Василія Щелкалова, частью въ Большой Приходъ [3]). Затѣмъ царскою грамотою 1580 года въ Хлыновѣ предписывается досмотрѣть пустоши въ Хлыновѣ, отводимыя къ монастырю, измѣрить въ десятины, написать въ книги и прислать «къ намъ къ Москвѣ въ Четверть дьяка нашего Андрея Щелкалова»; по изслѣдованію А. А. Спицына, произведенному по мѣстнымъ актамъ, это единичное упоминаніе вполнѣ подтверждается: Вятка съ 1580 — 1589 г. вѣдалась въ Чети дьяка Андрея Щелкалова [4]). Грамотой 1581 г., приведенной уже выше, въ Ростовѣ приказывается осмотрѣть вотчину вдовы татарскаго царевича, и узнать, отчего она запустѣла, и о результатахъ написать въ Дворовый Большой Приходъ. По откупной грамотѣ 1582 г. откупщики рыбныхъ промысловъ на р. Варзугѣ должны платить откупъ въ Государеву казну въ Государевѣ Дворцовомъ Четвертномъ Приказѣ, «а не похотятъ они тое десятые рыбы за собою въ откупу впередъ держати, и имъ дати откупная десятая рыба отказати въ Чет-

[1]) Н. Д. Чечулинъ, Города Московскаго государства, 79.

[2]) Н. П. Лихачевъ, op. cit., 468.

[3]) Писцовыя книги, II, 305.

[4]) А. Э. I, 308; А. А. Спицына, «Мѣстное и областное управленіе на Вяткѣ до XVIII в., 9».

верти дьякомъ до своего откупного сроку за два мѣсяца»; пенныя деньги откупщики должны привозить къ Москвѣ въ Четвертной Приказъ, къ дьякамъ Андрею Арцыбашеву да къ Тимоѳею Ѳедорову. Затѣмъ грамотою Двинскому воеводѣ предписывается списки и смѣты по постройкѣ Архангельскаго города присылать въ Дворовый Большой Приходъ, къ дьякамъ Андрею Арцыбашеву и Семейкѣ Сумарокову [1]). (Построеніе крѣпостей и городовъ въ другихъ мѣстахъ государства лежало на обязанности Разряда, кромѣ области Казанскаго Дворца). Слѣдующими по времени грамотами устанавливается тотъ фактъ, что Двинская область вмѣстѣ съ другими поморскими областями вѣдается въ Четверти дьяка Андрея Щелкалова: таможенной Двинской грамотой приказывается: «а собравъ таможенную пошлину сполна, по сей нашей грамотѣ, привозити къ намъ къ Москвѣ, въ Четверть дьяка нашего Андрея Щелкалова, на срокъ на Срѣтеньевъ день, вмѣстѣ съ данными и съ оброчными деньгами», равнымъ образомъ въ 1591 г. по таможенной грамотѣ Соловецкаго монастыря видно, что монастырь долженъ былъ платить таможенныя, оброчныя и данныя деньги въ Чети дьяка Андрея Щелкалова [2]).

Такимъ образомъ кругъ дѣйствій Четверти дьяка Андрея Щелкалова, впервые упоминаемой въ 1580 году, нѣсколько измѣняется: Двинская область переходитъ въ завѣдываніе этого дьяка, можетъ быть, потому что дьяковъ Арцыбашева и Семейку Емельянова, раньше завѣдовавшихъ Двинскою областью, въ 1586—87 гг. видимъ на службѣ въ Новгородѣ.

Одновременно съ существованіемъ Четверти Андрея Щелкалова можно указать существованіе Четвертей Василія Щелкалова и Дружины Петелина.

Царскою грамотою 1585 г. въ Галичъ приказывается рыболовамъ платить оброкъ за рыбную ловлю «въ Четверть дьяка нашего Василья Щелкалова» [3]). Въ 1589 же и въ 1590 годахъ находимъ указанія и на Четверть Дружины Петелина: Соль Вычегодская находилась въ вѣдѣніи Четверти этого дьяка. Первая грамота на имя Аѳанасія Вельяминова предписываетъ ему вмѣстѣ съ старостами, цѣловальниками и добрыми людьми отписать отъ посадскихъ черныхъ дворовъ земли Коряжемскаго монастыря и при-

---

[1]) Д. А. И. I. 225; А. Э. I, 312 и 318.
[2]) А. Э. I, 338 и 352.
[3]) А. Э. I, 326.

слать книги въ Москву въ Четверть дьяка Дружины Петелина; изъ второй грамоты на имя Максима и Никиты Строгановыхъ видно, что игуменъ Коряжемскаго же монастыря, тягаясь съ посадскими людьми Соли Вычегодской, выпись о деньгахъ «въ Четверти, передъ дьякомъ нашимъ передъ Дружиною Петелинымъ положилъ» [1]).

Совсѣмъ нѣтъ указаній за это же время на четвертую Четверть, на Четверть дьяка Елизара Вылузгина. Флетчеръ говоритъ, что и Вылузгинъ управлялъ Четвертью, и самое названіе этихъ приказовъ заставляетъ искать четвертый. Единственно, что мы можемъ указать—это вышеприведенную помѣту 1595 г.: «объ одинхъ о подможнихъ послати ко князю Ивану, а къ Елезарью», и затѣмъ слѣдующая память: Лѣта 7103 г. Іюня въ 28 день по государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русіи указу память діаку Елизарью Вылузгину. По государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русіи указу и по боярскому приговору велено послати въ Кизылбаши въ послѣхъ князя Василья княжъ Васильева сына Тюфякина. И билъ челомъ государю царю и великому князю Федору Ивановичю всея Русіи, чтобъ государь его пожаловалъ своимъ государевымъ годовымъ жалованьемъ впередъ для кизылбашскіе службы. И по государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русіи указу бояре приговорили: для кизылбашскіе службы князю Василью *дати* жалованье четвертное на два года, на 104-й годъ да на 105-й годъ. И дьяку Елизарью Вылузгину князю Василью Тюфякину для кизылбашскіе посылки государево жалованье на 104-й да на 105-й годъ окладъ его сполна велѣти дати. Подпись: Діякъ Василій Щелкаловъ. *Помѣта*: о жалованьи послати къ Дружинѣ, а о подмоге ко князю Ивану» [2]). Изъ этой памяти видно, что Ел. Вылузгинъ, бывшій въ то время думнымъ дьякомъ, управлявшимъ Помѣстнымъ Приказомъ, долженъ былъ дать князю Тюфякину четвертное жалованье. Такъ какъ Помѣстный Приказъ денежнаго жалованья никогда не раздавалъ,—за этимъ служилые люди обращались въ Разрядъ, и этотъ послѣдній писалъ тогда памяти въ Большой Приходъ, то само собой является предположеніе, что Елизарій Вылузгинъ долженъ былъ дать жалованье князю Тюфякину изъ подвѣдомственной ему Четверти. Жалованья онъ князю Тюфякину не выдалъ, какъ это видно изъ помѣты на

[1]) А. Э. I, 343 и 349.

[2]) См. примѣчаніе 2-е стр. 253.

памяти; это сдѣлалъ Дружина Петелинъ, діакъ Казанскаго Дворца, тоже управлявшій Четвертью. Однако это не уничтожаетъ нашего предположенія, что въ этомъ заключается указаніе на Четверть Елизара Вылузгина. Почему онъ не выдалъ жалованья, а выдалъ другой дьякъ, на это можно подыскать нѣсколько объясненій: во-первыхъ, можетъ быть, у него въ приказѣ въ данный моментъ не оказалось денегъ, что въ то время могло случиться; во-вторыхъ, можетъ быть у него съ Четвертью Дружины Петелина или съ Казанскимъ Дворцомъ были несведенные счеты, и онъ самъ сдѣлалъ эту помѣту, воспользовался случаемъ, чтобы покончить счеты: наконецъ, можетъ быть, послѣ отправки памяти найдено было, что расходы по снаряженію этого посольства должны лечь на Казанскій Дворецъ.

Въ 1596 и 1597 гг. съ вотчины Ипатьевскаго монастыря въ Костромскомъ уѣздѣ взяты дьяками Семейкой Сумароковымъ и Семейкой Емельяновымъ деньги кормовыя, хлѣбныя, поворотныя, присудныя въ Четвертной Приказъ [1]).

Съ 1596 г. въ актахъ появляется уже Четверть дьяка Ивана Вахрамѣева; сюда приказано привозить книги и деньги съ Устюжны Желѣзопольской. Въ 1597 г. по случаю тяжбы Соловецкаго монастыря съ крестьянами Кольской, Кандалашской и Керецкой волостей приказано отписать изъ Кольскаго острога въ Четверть Ивана Вахрамѣева, «чтобъ намъ про то было вѣдомо, и мы о томъ о всемъ указъ свой учинили».

Одновременно съ указаніемъ на то, что бывшая Четь Андрея Щелкалова переходитъ въ завѣдываніе Ивана Вахрамѣева, встрѣчаемъ два оффиціальныхъ свидѣтельства, что Новгородъ и его область вѣдаются Четью дьяка Ивана Нармацкаго [2]).

Въ 1600 г. велѣно оброчныя деньги изъ Соли Вычегодской прислать въ Москву въ Четь окольничаго Михаила Михаиловича Салтыкова да дьяковъ Ивана Вахрамѣева и Богдана Иванова; въ гра-

---

[1]) А. Ю., 216. II и III.

[2]) Акты Θедотова - Чеховскаго, I, 86: «Да въ нынѣшнемъ въ 107 г. въ Чети діяку нашему Ивану Нарматцкому подали Климецкого монастыря старецъ Варсонофей грамоту, какову дали вы имъ въ Вел. Новѣгородѣ за нашею за Новгороцкою печатью...» (изъ грамоты царя Бориса Θеодоровича въ Великій Новгородъ); также Д. А. И. I, 144: «Били намъ челомъ изъ Великого Новагорода Савы чюдотворца, что на рѣкѣ на Вишерѣ, игуменъ Θеогнастъ съ братьею, и положили въ Чети діяковъ нашихъ Ивана Нарматцкаго да Посника Дмитреева...» (изъ грамоты царя Бориса въ Новгородъ 1598 г.).

мотѣ 1604 г. находимъ любопытное указаніе; «и которые пожни у Коряжемскаго монастыря и у Гриши Проскурнина в купчей написаны, а в прошломъ 108 году Сент. въ 24 день (т. е. въ 1599 г.) *въ Новгоротцской Чети перед околничимъ нашим перед Михайломъ Михайловичем Салтыковым да перед діакомъ нашимъ перед Иваномъ Вахрамѣевымъ...»* [1]). Такимъ образомъ въ 1599 г. появляется уже названіе Новгородской Четверти; здѣсь оканчивается первый періодъ исторіи Четвертей, періодъ ихъ возникновенія и образованія. Въ 1599 г. первый разъ въ актахъ встрѣчаемъ названіе Чети не по имени дьяка, ею управлявшаго, а мѣстное; въ ней сидитъ уже окольничій, и вѣдомство новой Новгородской Чети нѣсколько иное—въ вѣдѣніи ея и тѣ земли, которыя были въ завѣдываніи у Андрея Щелкалова, и тѣ (Соль Вычегодская), которыя были у Дружины Петелина.

Изъ разбора приведенныхъ извѣстій можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Одновременно въ 1589 — 90 годахъ несомнѣнно существовали три Четверти: дьяковъ Андрея и Василія Щелкаловыхъ и Дружины Петелина; около того же времени можно найти косвенное указаніе на Четверть дьяка Елизара Вылузгина; отсутствіе точныхъ извѣстій о послѣдней не даетъ права отвергать ея существованія, потому что и о тѣхъ Четвертяхъ мы имѣемъ по одному, по два упоминанія.

Затѣмъ Флетчеромъ вѣрно указано, что Андрей Щелкаловъ управлялъ Посольскимъ Приказомъ и Четвертью, что Василій Щелкаловъ — Разрядомъ и Четвертью, и совершенно вѣрно, что его замѣнялъ въ должности Разряднаго дьяка Сапунъ Абрамовъ; что Дружина Петелинъ управлялъ Казанскимъ Дворцомъ и Четвертью; вѣрно же Флетчеромъ Елизаръ Вылузгинъ показанъ, какъ дьякъ Помѣстнаго Приказа; слѣдовательно, имѣемъ полное право допустить, что и онъ управлялъ Четвертью, и тогда въ царствованіе Ѳеодора Ивановича должно считать четыре Четверти, а Новая Четверть является уже пятою [2]).

---

[1]) Н. П. Лихачевъ, op. cit., приложенія, 98—101.

[2]) Біографіи всѣхъ указанныхъ Флетчеромъ пяти дьяковъ: Андрея и Василія Щелкаловыхъ, Сапуна Абрамова, Елизара Вылузгина и Дружины Петелина находимъ въ неоднократно уже цитированномъ нами трудѣ Н. П. Лихачева: о братьяхъ Щелкаловыхъ, 191—217; Сапунѣ Абрамовѣ—495—496; объ Елизарѣ Вылузгинѣ, 183—184; о Дружинѣ Петелинѣ, 492—494; на 158—159 стр. приведено два списка, показывающіе старшинство этихъ дьяковъ.

*

2) Должно признать соединеніе Четвертей съ приказами Посольскимъ, Разряднымъ, Помѣстнымъ и Казанскаго Дворца не постояннымъ, а случайнымъ, зависѣвшимъ отъ личности того или другаго дьяка: по удаленіи отъ дѣлъ Андрея Щелкалова управленіе Посольскимъ Приказомъ перешло къ брату его Василію Щелкалову, но Четвертью его сталъ завѣдывать дьякъ Иванъ Вахрамѣевъ.

3) Можно допустить, что Четверть Андрея Щелкалова вошла въ составъ образовавшейся впослѣдствіи Новгородской Четверти, Четверть Василія Щелкалова — Галицкой, Четверть Дружины Петелина — Устюжской; въ такомъ случаѣ Четверть Елеазара Вылузгина должна соотвѣтствовать Костромской Четверти.

4) Нѣкоторыя области были подвѣдомственны Четвертямъ всѣми своими сборами: данными, оброчными, таможенными и т. п.; эти области обращались въ Четверти также по судебнымъ и административнымъ вопросамъ, съ другихъ же городовъ и уѣздовъ въ Четверти поступали только опредѣленные сборы, обыкновенно: данныя, за намѣстничъ кормъ, присудныя; подати же ямскія, полоняничныя, таможенныя съ этихъ городовъ поступали въ Большой Приходъ.

Въ этомъ отношеніи очень любопытенъ документъ 1587 года: въ Дорогобужѣ былъ намѣстникъ Дмитрій Салтыковъ; дьяку Алябьеву велѣно отставить намѣстника, самому судить посадскихъ людей, сбирать съ нихъ пошлины и присылать ихъ въ Четь дьяка Андрея Щелкалова. Также въ сосѣднемъ городѣ Можайскѣ доходы за намѣстничъ кормъ и данныя шли въ Четвертной Приказъ [1]).

5) Изъ того, что Четверти во все время царствованія Θеодора назывались именами дьяковъ слѣдуетъ предположить, что кругъ вѣдомства ихъ былъ недостаточно опредѣленъ, равно какъ и области, подвѣдомственныя имъ, не разъ переходили отъ одного дьяка въ завѣдыванье другаго; это вполнѣ понятно, такъ какъ система управленія посредствомъ лицъ, а не учрежденій играла и въ концѣ XVI вѣка еще очень замѣтную роль въ управленіи Московскимъ государствомъ.

Одни изъ первыхъ (по времени) извѣстій о Четвертяхъ относятъ къ такъ называемымъ поморскимъ волостямъ, о которыхъ вообще сравнительно сохранилось гораздо больше извѣстій за XVI

[1]) Русская Историческая Библіотека, II, № 39; Н. Д. Чечулинъ, op. cit., 185—186.

вѣкъ, чѣмъ о какихъ-либо другихъ въ собраніяхъ нашихъ актовъ (за исключеніемъ Новгорода).

Если мы обратимся ко времени уничтоженія намѣстниковъ, то увидимъ, что первыми уставными грамотами выборнымъ судьямъ и старостамъ предписывается обращаться по дѣламъ къ казначеямъ и дьякамъ, называемымъ по имени. Въ уставной Важской грамотѣ (1552 г.) — къ казначеямъ и дьяку Истомѣ Ноугородову или иному дьяку, кому «язъ Царь и Великій Князь Вагу прикажу». Жалованною грамотою Арскимъ князьямъ (въ предѣлахъ нынѣшней Вятской губ.) 1553 г. приказывается привозить оброкъ къ дьякамъ Юрью Сидорову и Павлу Никифорову. Переяславскимъ рыболовамъ въ 1555 г. указаны казначеи и дьякъ Угримъ Львовъ, къ которымъ они должны обращаться. Уставною Двинскою 1556 г. предписывается обращаться по дѣламъ и оброкъ привозить дьяку Путилѣ Нечаеву. Изъ Бѣжецкаго Верха въ 1563 и 1564 гг. дѣла, списки, тамга доставлялись дьякамъ Меньшому Мелентьеву и Ивану Булгакову. Строгановымъ въ 1564 г. тоже велѣно было становиться на срокъ предъ казначеями. Въ 1566 г. владѣнія Строгановыхъ, по ихъ просьбѣ, взяты были въ опричнину вслѣдъ за отписаніемъ туда же Соли Вычегодской; тогда имъ приказано было привозить оброкъ въ Москву въ опричнину и «отдавати въ нашу казну, гдѣ вамъ велимъ». Въ 1568 г. имъ же приказано было становиться на срокъ уже не предъ казначеями, а предъ царемъ [1]).

Изъ этихъ извѣстій становится яснымъ, что по уничтоженіи намѣстниковъ во многихъ волостяхъ и вслѣдъ за введеніемъ тамъ самоуправленія кругъ дѣйствій центральныхъ учрежденій расширяется, что понятно само собой, разъ уничтожена была инстанція, черезъ которую до сихъ поръ правительство сносилось съ областнымъ населеніемъ. Ясно также, что въ 50-хъ годахъ XVI ст. еще не существовало въ Москвѣ учрежденія, которое вѣдало бы эти области.

Отмѣтимъ, что правительство не отдало ихъ въ вѣдомство Большаго Дворца, который упоминается уже въ 1547, а слѣды котораго находятъ и въ болѣе раннее время. Сначала казначеи, сфера дѣятельности которыхъ тогда была сравнительно съ позднѣйшимъ временемъ очень велика, завѣдывали этими областями; въ помощь имъ начали назначать дьяковъ, приказывать область тому или другому дьяку; Двинская область, напр., подчинена была только дьяку.

---

[1]) А. Э. I, 234, 236, 242, 243, 250, 262, 263, 269; Д. А. И. I, 117—119.

Затѣмъ въ актахъ слѣдуетъ перерывъ въ извѣстіяхъ по управленію областями до 80-хъ годовъ; одиноко стоятъ только грамоты Строгановымъ, владѣнія которыхъ взяты были въ опричнину, изъяты поэтому изъ вѣдомства казначеевъ, но которымъ въ 1566 г. еще не указано было точно, куда именно въ Москвѣ они должны были обращаться; затѣмъ имъ и ихъ истцамъ приказано было становиться на срокъ предъ самимъ царемъ. Но должно же было возникнуть учрежденіе, которое вѣдало бы весьма значительныя области въ Москвѣ, отписанныя въ опричнину. Скажутъ, что приличнѣе всего быть такимъ учрежденіемъ Большому Дворцу. Но этого не видимъ; какъ раньше въ 50-хъ годахъ правительство обходитъ Большой Дворецъ, такъ точно и въ 60-хъ годахъ Строгановымъ не приказываютъ становиться передъ дворецкимъ, хотя этотъ послѣдній, напримѣръ, всегда замѣнялъ царя въ качествѣ верховнаго судьи для монастырей, занимавшихъ привиллегированное положеніе. Можетъ быть, по тому, что сфера дѣятельности этого приказа и безъ того была уже значительна и увеличивать ее признавалось неудобно; можетъ быть, по тому, что этотъ приказъ управлялъ землями, принадлежащими царю на частномъ правѣ, чего никакъ нельзя сказать о городахъ, взятыхъ въ опричнину; можетъ быть, и по тому, что во главѣ Большаго Дворца стояли конюшіе и дворецкіе,—лица, принадлежавшія къ высшей московской аристократіи, по какимъ-бы то ни было причинамъ, но вѣдомство Большаго Дворца не было расширено; между тѣмъ всѣ города, взятые въ опричнину, оказались потомъ въ вѣдѣніи Четвертей. По показанію лѣтописи, «на свой обиходъ повелѣлъ царь и великій князь, да и на дѣтей своихъ, царевичевъ Ивановъ и царевичевъ Ѳедоровъ обиходъ, городъ и волости: городъ Можаескъ, городъ Вязму, городъ Козельскъ, городъ Перемышль два жеребья, городъ Бѣлевъ, городъ Лихвинъ обѣ половины, городъ Ярославецъ и съ Суходровью, городъ Медынь и съ Товарковою, городъ Суздаль и съ Шуею, городъ Галичь, со всѣми пригородки, съ Чюхломою, и съ Унжею, и съ Коряковымъ и съ Бѣлогородьемъ, городъ Вологду, городъ Юрьевецъ Поволской, Балахну и съ Узолою, Старую Русу, городъ Вышегородъ на Поротвѣ, городъ Устюгъ со всѣми волостьми, городъ Двину, Каргополь, Вагу, а волости: Олешню, Хотунъ, Гусъ, Муромское, селце Аргуново, Гвоздну, Опаковъ на Угрѣ, Кругъ, Клинской, Числяки, Ординскія деревни, и станъ Пахрянской въ Московскомъ уѣздѣ, Бѣлгородъ на Кашинѣ, да волости Вселунъ, Ошту, порогъ Ладожской, Тотму, Прибужь. И иные волости госу-

дарь поималъ кормленымъ окупомъ, съ которыхъ волостей имати всякіе доходы на его государьской обиходъ, жаловати бояръ и дворянъ и всякихъ его государевыхъ дворовыхъ людей, которые будутъ у него въ опришнинѣ. А съ которыхъ городовъ и волостей доходу не достанетъ на его государьской обиходъ, и иные городы и волости имати» [1]).

За исключеніемъ городовъ Перемышля, Медыни, Корякова и Балахны всѣ остальные были въ вѣдѣніи Четвертей, какъ это видно изъ списковъ, приложенныхъ къ сочиненію А. С. Лаппо-Данилевскаго [2]). Кое-какія измѣненія должны были произойти: нѣкоторые города и волости были присоединены къ опричнинѣ впослѣдствіи (напр., Соль Вычегодская, земли Строгановыхъ, земли и дома англійской московской компаніи); нѣкоторые, можетъ быть, были почему либо впослѣдствіи исключены изъ нея. По актамъ 80-хъ годовъ XVI ст. оказывается, что съ Четвертями тѣснѣйшую связь имѣютъ именно области, взятыя въ опричнину: Вага, Двина, Галичъ и Соль Вычегодская. Для управленія этими областями нужно же было особое учрежденіе; мы видѣли у Горсея разсказъ о томъ, какъ Іоаннъ учредилъ особую казну для себя, фискъ, что-ли, московскихъ государей. Мы уже видѣли, что П. Н. Милюковымъ установленъ фактъ, что города, основанные послѣ 1567 года, не попали въ вѣдѣніе Четвертей, а вѣдались во всѣхъ отношеніяхъ Разрядомъ.

Это обстоятельство служитъ лишнимъ доказательствомъ въ пользу нашего мнѣнія: въ 1565 г. извѣстные города были отобраны въ опричнину, для нихъ создано было особое учрежденіе; города же, возникшіе нѣсколько позже, хотя бы и по сосѣдству съ ними, остались въ вѣдѣніи земства: первое время особенно это были почти исключительно укрѣпленные пункты, требовавшіе расходовъ. Наше предположеніе объясняетъ также, почему Четверти или Четвертной Приказъ противополагается иногда Большому Приходу: государь поималъ города и волости кормленымъ окупомъ; ему съ однѣхъ областей и шли главнымъ образомъ доходы кормленщика, съ другихъ—всѣ доходы. Оттого и въ Четверти поступаютъ иногда всѣ сборы, иногда же только нѣкоторые изъ нихъ. Оброчныя деньги распредѣлялись между обоими

[1]) Русск. Историческая Библіотека, III, 255—256.

[2]) См. XI приложеніе: «Списокъ городовъ, вѣдаемыхъ въ главнѣйшихъ центральныхъ учрежденіяхъ Московскаго государства»; Балахна и Перемышль вѣдались позже (указаніе 1681 года) въ Большомъ Дворцѣ.

учрежденіями, почему это было такъ—объяснить труднѣе; можетъ быть, здѣсь поможетъ аналогія съ Большимъ Дворцомъ,—именно Большому Дворцу во многихъ мѣстахъ оброчныя статьи принадлежали. Если однѣ области вполнѣ зависѣли отъ Четвертей, другія же, кажется, зависѣли отъ нихъ только въ финансовомъ отношеніи, да и то не вполнѣ, если въ числѣ подвѣдомственныхъ Четямъ областей были и такія уже въ XVI в., которыя въ опричнинѣ не бывали (напр. Хлыновъ), то это объясняется тѣмъ, что мы составляемъ себѣ сколько-нибудь полное представленіе о вѣдомствѣ Четвертей по актамъ 80-хъ годовъ XVI столѣтія, когда опричнина была уничтожена или когда она доживала послѣдніе свои годы (до вступленія на престолъ Θеодора), переименованная во Дворъ.

Такимъ образомъ мы пришли къ давно уже высказанному Θ. М. Дмитріевымъ положенію, что центральныя учрежденія возникли въ Москвѣ только послѣ того, какъ общинѣ дано было самоуправленіе [1]). Уничтоженіе намѣстниковъ во многихъ волостяхъ и городахъ дало первый толчекъ къ образованію центральныхъ учрежденій, на первый разъ, главнымъ образомъ, расширеніемъ вѣдомства казначеевъ. Выдѣленіе значительной части государства изъ подъ вѣдѣнія бояръ заставило поставить на болѣе прочныхъ основахъ управленіе изъятыми областями. Тогда, скоро послѣ 1566 года и возникъ въ Москвѣ Дворовый или Дворцовый Четвертной Приказъ, Четверть, вѣдавшая всѣ опричные города и области; въ приказѣ этомъ сидѣли дьяки, кормившіе государя половиной, по образному выраженію того вѣка; боярамъ, конечно, не было мѣста въ такомъ учрежденіи; оно же не подчинялось и Боярской Думѣ. Дьяки, сидѣвшіе въ этомъ приказѣ, вѣдавшіе доходы на царя, завѣдывали каждый извѣстными областями; завѣдываніе это осталось за ними и тогда, когда они подвинулись по службѣ, заняли мѣста начальниковъ приказовъ; единство Четвертнаго Приказа нарушается, да болѣе ничто (со времени царя Θеодора) и не требовало сохраненія этого единства. Когда Грозный бралъ себѣ эти города въ опричнину, тогда онъ имѣлъ въ виду содержать на доходы съ этихъ городовъ опричниковъ, своихъ служилыхъ людей; и послѣ Грознаго четвертные доходы служили, главнымъ образомъ, источникомъ жалованья служилому классу, отчего и самое

---

[1]) Исторія судебныхъ инстанцій и гражданскаго апелляціоннаго судопроизводства отъ Судебнаго до Учрежденія о губерніяхъ.

жалованье называлось четвертнымъ [1]). Но причина, вызвавшая къ жизни Четвертной Приказъ, отходила все дальше въ область прошлаго; это вызвало извѣстныя перемѣны въ вѣдомствѣ Четвертей; съ 90-ыхъ годовъ XVI ст. онѣ переживаютъ много перемѣнъ, что объясняется, впрочемъ, въ значительной степени личностью дьяковъ. Какъ неустойчиво было въ концѣ XVI и въ началѣ XVII центральное управленіе областями, можно видѣть по нѣкоторымъ областямъ: Вагу мы видѣли въ Четверти Андрея Щелкалова, затѣмъ она находилась въ Борисовомъ владѣніи, затѣмъ въ вѣдѣніи Казанскаго и Мещерскаго Дворца. Сибирь была въ Приказѣ дьяка Андрея Щелкалова,—она подчинялась Посольскому Приказу; затѣмъ, по удаленіи отъ дѣлъ Андрея Щелкалова, его преемникомъ по управленію Посольскимъ Приказомъ сталъ Василій Щелкаловъ, но видимъ Сибирь черезъ нѣсколько лѣтъ уже въ четверти Ивана Вахрамѣева, въ 1601—1604 она въ вѣдѣніи Казанскаго и Мещерскаго Дворца [2]). Андрей Щелкаловъ поражалъ иностранцевъ, вообще относившихся къ нему очень недружелюбно, своимъ трудолюбіемъ, ненасытимостью въ работѣ; «онъ работалъ, какъ мулъ», говоритъ Масса; при его преемникѣ, уступавшемъ ему въ трудолюбіи, вѣдомство его значительно съузилось [3]).

[1]) Ср. уничтоженіе намѣстничества въ Дорогобужѣ и поступленіе сбора за намѣстничьи доходы въ Четверть.

[2]) А. Ю. 337: Велѣно волостнымъ судейкамъ отписать: сколько и по чему въ Важскомъ уѣздѣ платили Государевъ оброкъ и всякіе Государевы доходы въ Четверть діяку Андрею Щелкалову, и послѣ того почему платили Борису Годунову въ его владѣньѣ дань и оброкъ и всякіе доходы, и послѣ Борисова владѣнья—въ Казанскій и Мещерскій Дворецъ. О Сибири у Н. П. Лихачева, op. cit., приложеніе, 97.

[3]) Кромѣ Бориса, отъ котораго зависѣли всѣ дѣла государственныя, въ Москвѣ (имѣлъ важное значеніе) думный дьякъ Андрей Щелкаловъ—человѣкъ необыкновенно пронырливый, умный и злой. Борисъ, считая его необходимымъ для управленія государствомъ, былъ очень расположенъ къ этому дьяку, стоявшему во главѣ всѣхъ прочихъ дьяковъ въ цѣлой странѣ. Во всѣхъ областяхъ и городахъ ничего не дѣлалось безъ его вѣдома и желанія. Не имѣя покоя ни днемъ, ни ночью, работая какъ безгласный мулъ, онъ былъ не доволенъ тѣмъ, что у него мало работы и желалъ еще больше работать. Борисъ не могъ достаточно надивиться (его трудолюбію) и часто говорилъ: «я никогда не слыхалъ о такомъ человѣкѣ и полагаю, что весь міръ былъ бы для него малъ. (Этому человѣку) было бы прилично служить Александру Македонскому». (Андрея Щелкалова) Борисъ считалъ своимъ другомъ. Онъ умеръ еще въ царствованіе Ѳеодора Ивановича. Братъ Андрея, Василій Щелкаловъ заняль его мѣсто, но далеко уступалъ (своими дарованіями) брату. (Сказанія Массы и Геркмана о Смутномъ времени въ Россіи, 55).

Серьезное возраженіе противъ нашего предположенія о возникновеніи Четей изъ того Четвертнаго Приказа, который вѣдалъ опричнину, можетъ представить ссылка Н. П. Лихачева, изъ которой явствуетъ какъ будто, что Новгородская Четверть существовала уже въ 1558 г.; въ одной рукописной родословной есть указаніе: «а сынъ его Низовцевъ 7066 году въ Нижегородцкой Четверти былъ въ подъячихъ»; сопоставляя это извѣстіе съ упоминаніемъ о Новгородскомъ приказѣ въ описи царскаго архива Іоанна Грознаго, Н. П. Лихачевъ и думаетъ, что въ рукописной идетъ рѣчь о Новгородской Четверти. Вотъ, однако, это мѣсто описи: «Ящикъ 108. А въ немъ розные грамоты присылные изъ Наугородцкаго Приказу Новагорода Нижнего, изъ Смоленска, и изъ Новагорода изъ Великого, и изъ Пскова, и изъ иныхъ изо многихъ городовъ» [1]). Намъ, кажется, что сдѣланныя по этому поводу П. Н. Милюковымъ возраженія вполнѣ основательны [2]). О Новгородскомъ управленіи мы имѣемъ, сравнительно конечно, вполнѣ достаточно данныхъ, и очевидно, что Новгородъ не былъ въ вѣдомствѣ Четвертей; упоминаніе же о Новгородскомъ приказѣ не удивительно, потому что и въ XVII в. существовалъ еще Новгородскій Разрядъ, въ царствованіе Θеодора Ивановича встрѣчается Новгородскій Дворецъ. Составитель частной родословной легко могъ употребить слово «Четверть» не точно, въ смыслѣ приказа.

Новгородъ и его пригороды состояли въ связи съ Посольскимъ приказомъ, въ который поступали, частью по крайней мѣрѣ, доходы съ этой области, чѣмъ и объясняется связь, замѣчаемая въ XVII вѣкѣ между Новгородскою Четвертью и Посольскимъ Приказомъ. (Въ дѣлахъ этого приказа много отписокъ изъ Новгорода, хранящихся въ приказныхъ дѣлахъ, Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ). Связь эта, вѣроятно, и была причиной превращенія Четверти Андрея Щелкалова и потомъ Ивана Вахрамѣева въ Новгородскую Четверть. Въ прежнее время (1580—1590 годъ) Андрей Щелкаловъ, занимавшій двѣ должности,—думнаго дьяка Посольскаго Приказа и управлявшій Четвертью, имѣлъ отношеніе къ Новгородской области; его отношенія къ этой области были иныя, чѣмъ отношенія къ областямъ, вѣдаемымъ его Четверью; въ послѣднихъ земскіе старосты и судьи обращались къ Щелкалову непосредственно; онъ докладывалъ дѣла по этимъ областямъ Царю, обходя

---

[1]) Н. П. Лихачевъ, op. cit., 274; А. Э. I, 289, ящикъ 108.

[2]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1890 г., № 9, 31.

Боярскую Думу. Изъ Новгорода онъ получалъ деньги, отписки отъ воеводъ или отъ дьяковъ Новгородскихъ, назначаемыхъ тоже правительствомъ и игравшихъ большую роль въ управленіи Новгородомъ; лица эти получали приказанія и отъ другихъ приказовъ, часто, напримѣръ, изъ Разряда, потому что въ Новгородской области было испомѣщено много служилыхъ людей. Съ теченіемъ времени не только одна изъ причинъ, вызвавшихъ обособленіе части государства, опричнина, все больше уходила въ область преданія, но стала падать (со времени царя Ѳеодора) и другая причина, вызвавшая нѣкогда правительство на учрежденіе центральныхъ органовъ—земское самоуправленіе; во многихъ городахъ появляются воеводы; теперь уже не было надобности обходить Боярскую Думу; эти обстоятельства сближали области, которыми завѣдывалъ часто одинъ и тотъ же дьякъ, въ качествѣ начальника Приказа и начальника Четверти. Новгородская область и Сибирь, которыя раньше вѣдались дьякомъ Посольскаго Приказа, соединяются въ одно съ бывшею Четью Андрея Щелкалова, и образуется Новгородская Четь, во главѣ которой появляется членъ Думы,—окольничій Салтыковъ. Очевидно, что по удаленіи отъ дѣлъ Андрея Щелкалова его Четью сталъ завѣдывать дьякъ Иванъ Вахрамѣевъ, для управленія Новгородской областью возникъ новый приказъ—дьяка Ивана Нормацкаго, а Посольскій приказъ вѣдалъ Василій Щелкаловъ. Затѣмъ Чети Ивана Вахрамѣева и Ивана Нормацкаго слились въ одну Новгородскую Четь; потому Сибирь, напр., легко переходитъ въ вѣдѣніе Казанскаго Дворца; отъ такихъ перемѣнъ только расширяется одно вѣдомство насчетъ другаго, но никакихъ перемѣнъ въ отношеніи между правительствомъ и областнымъ населеніемъ отъ этого не происходитъ.

Возвращаясь теперь къ извѣстіямъ о Четвертяхъ нашего писателя, мы должны признать, что онъ вѣрно указалъ ихъ число и управлявшихъ ими дьяковъ; онъ считалъ ихъ соединенными съ Приказами; это, напротивъ, слѣдуетъ признать случайностью; въ его время оно такъ было на дѣлѣ. Увѣреніе же Флетчера, что вся Россія дѣлится на четыре части и каждою завѣдуетъ одна изъ Четвертей,—совсѣмъ невѣрно. Флетчеръ былъ введенъ въ заблужденіе самимъ словомъ «Четверть» и придалъ такое толкованіе, а затѣмъ, дѣйствительно, четыре названныхъ имъ дьяка завѣдывали почти всѣмъ Московскимъ государствомъ: Андрей Щелкаловъ городами, имѣвшими отношеніе къ Посольскому Приказу, и своею Четью, Василій Щелкаловъ городами, зависѣвшими отъ Раз-

ряда и своею Четью, Дружина Петелинъ—низовыми городами, областью Казанскаго Дворца и своею Четью, и наконецъ Елизаръ Вылузгинъ,—но объ его вѣдомствѣ извѣстно меньше. Помѣстному приказу принадлежало завѣдываніе тѣми помѣстьями, которыя не были розданы дѣтямъ боярскимъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать на основаніи Каширской писцовой книги; въ этомъ уѣздѣ помѣщики, имѣвшіе земли болѣе своего оклада, платили оброки въ Помѣстный приказъ [1]).

Разоренными, запущенными помѣстьями, которыхъ никто не хотѣлъ брать, впослѣдствіи завѣдывалъ Большой Приходъ.

Къ тому же, у Горсея есть сообщеніе, что отецъ Грознаго оставилъ ему Россію, раздѣленную на четыре части.

Однако, необходимо отмѣтить, что самъ Флетчеръ въ XII главѣ противорѣчитъ этому своему сообщенію. Въ X главѣ, равно какъ и въ I, онъ категорически говоритъ о раздѣленіи всей Россіи, за исключеніемъ царскихъ вотчинъ и вотчинъ Бориса Годунова, на четыре части; но по изложенію въ XII главѣ финансоваго управленія оказывается что есть города и области, подвѣдомственные разнымъ приказамъ,—Разряду, Стрѣлецкому, Пушкарскому, Иноземскому, и притомъ, какъ мы увидимъ ниже, область этихъ приказовъ, судя по получаемымъ съ нихъ доходамъ, должна была представляться Флетчеру никакъ не маловажнѣе городовъ и областей, находившихся въ завѣдываніи Четвертей. Приписывали четыремъ главнымъ приказамъ, упоминаемымъ Флетчеромъ въ X главѣ,—Посольскому, Разряду, Помѣстному и Казанскому Дворцу, исключительное положеніе, потому что они-де управлялись думными дьяками, черезъ которыхъ проходили какъ всѣ рѣшенія Боярской Думы, указы царя, такъ и донесенія начальниковъ приказовъ. Такое положеніе 4 главныхъ приказовъ какъ бы подчиняло имъ остальные приказы; но если остальные приказы и получали царскіе указы, боярскіе приговоры и памяти черезъ думныхъ дьяковъ—то это не означало еще подчиненія ихъ думнымъ дьякамъ. Боярская Дума, не имѣвшая своей собственной канцеляріи, пользовалась обыкновенно служащими въ Разрядѣ, что, однако, не подчиняло Разряду всѣ остальные приказы; во многихъ приказахъ—Конюшенномъ, Большаго Дворца, Большомъ Приходѣ, Разбойномъ и при царѣ Ѳеодорѣ сидѣли бояре,—члены Думы, а по запискѣ 1610—1611 годовъ бояре сидѣли въ Стрѣлецкомъ, Пушкарскомъ и Суд-

[1]) Писцовыя книги, II, 1330 и 1348.

ныхъ Приказахъ; говорить же, что бояре—начальники приказовъ—подчинялись думнымъ дьякамъ едва ли можно: изъ того, что въ настоящее время дѣла изъ министерствъ поступаютъ въ Государственный Совѣтъ и возвращаются по обсужденіи въ министерства чрезъ канцелярію Государственнаго Совѣта, не слѣдуетъ, чтобы эта канцелярія считалась выше министерствъ, или чтобъ государственный секретарь занималъ высшее положеніе сравнительно съ министрами. Мы не имѣемъ, отъ XVI в. по крайней мѣрѣ, данныхъ, какъ докладывались дѣла Думѣ; засѣдавшіе въ ней начальники приказовъ могли сами докладывать Думѣ о нуждахъ или затрудненіяхъ по своимъ вѣдомствамъ; на основаніи извѣстій XVII в. В. О. Ключевскій считаетъ возможнымъ допустить извѣстіе Флетчера, что въ Думѣ встрѣчались иногда съ докладами и не думные люди, такъ какъ начальнику всякаго судебнаго мѣста дозволялось докладывать Думѣ [1]).

Такимъ образомъ слѣдуетъ признать, что города и волости въ XVI в. расписаны были уже по многимъ приказамъ и управлялись черезъ нихъ. Въ какихъ отношеніяхъ стояли начальники приказовъ къ областямъ и какъ они управляли послѣдними?

Флетчеръ представлялъ себѣ это дѣло такъ: Россія дѣлится на четыре части, каждою Четвертью управляетъ дьякъ. Каждая Четверть состоитъ изъ нѣсколькихъ областей [2]); во главѣ области ставится на годъ одинъ изъ князей, т. е., поясняетъ Флетчеръ лицъ низшаго разряда московской аристократіи. Въ помощь или, вѣрнѣе, въ руководство князю назначается дьякъ. Областнымъ намѣстникамъ (dukes) подчинены губные старосты, судьи и сотскіе старосты (gubnoi starust, soudie, sotskoy staruts). Грубѣйшей ошибкой Флетчера въ данномъ вопросѣ слѣдуетъ считать то обстоятельство, что онъ вовсе не замѣтилъ самоуправленія общинъ. Флетчеръ прямо не высказывается здѣсь, кѣмъ и какъ назначаются губные старосты, судьи и сотскіе. Но онъ и раньше (28) объ административныхъ и судебныхъ должностяхъ категорически говоритъ, что всѣ они зависятъ отъ государя, который одинъ и назначаетъ лицъ на эти должности; судей и губныхъ старостъ Флетчеръ считаетъ во всемъ подчиненными об-

---

[1]) На основаніи этого мѣста Флетчера можно допустить, что онъ зналъ о существованіи Судныхъ приказовъ.

[2]) Мы уже видѣли выше (128—129), что Флетчеръ ошибочно полагалъ, что Россія дѣлится на 28 областей.

ластнымъ правителямъ; наконецъ, описывая управленіе столицы Земскимъ Приказомъ Флетчеръ прямо говоритъ, что государь назначаетъ двухъ дворянъ (gentlemen) и двухъ дьяковъ, которые образуютъ Земскій Дворъ (Zempskie house), эти лица назначаютъ старостъ (aldermen), завѣдующихъ отдѣльными общинами, старосты назначаютъ сотскихъ, эти послѣдніе десятскихъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что и въ другихъ мѣстахъ Флетчеръ считаетъ губныхъ старостъ и судей за лицъ, назначаемыхъ правительствомъ.

Вслѣдствіе этого, онъ построилъ весьма простую систему управленія Россіей.

Начальникъ Четверти отдаетъ приказанія областнымъ начальникамъ, принимаетъ оттуда всякаго рода дѣла и жалобы и вноситъ ихъ въ Думу, собираетъ подати и налоги, которые передаетъ въ казну. По окончаніи годоваго срока начальникъ Четверти считаетъ намѣстника. Но по изложенію Флетчера не совсѣмъ ясно представляли ли для тяжущихся начальники Четвертей высшую инстанцію, сравнительно съ областными начальниками, или они были только передаточнымъ пунктомъ; кажется, скорѣе второе, потому что верховную инстанцію образовывалъ, по словамъ Флетчера, высшій судъ (high court), который находился въ Москвѣ, гдѣ жили и начальники Четвертей; въ XI главѣ (47) «о царской Думѣ» заявлено Флетчеромъ, что думные дьяки докладываютъ Думѣ всѣ получаемыя ими бумаги и отписки отъ областныхъ начальниковъ, что съ донесеніями въ Думу могутъ входить и начальники всѣхъ судебныхъ мѣстъ, что Дума разбираетъ много судебныхъ дѣлъ и по частнымъ искамъ. Изъ этого должно заключить, что высшей инстанціей Флетчеръ считалъ все-таки Думу. В. О. Ключевскій полагаетъ, что именно такой порядокъ и былъ: въ текущихъ дѣлахъ управленія между Думой и областью стоялъ приказъ, какъ посредствующая инстанція, пользовавшаяся извѣстной долей самостоятельности; но въ вопросахъ, касавшихся самого порядка управленія или правильности дѣйствій областнаго управленія, этотъ посредникъ превращался въ простой передаточный пунктъ, черезъ который проходили донесенія изъ области въ Думу и распоряженія Думы въ области [1]).

Повидимому, такого же мнѣнія и Ѳ. М. Дмитріевъ, который въ заключеніе своего обзора устанавливаетъ фактъ, отмѣченный и Флетчеромъ, что правильнаго порядка инстанцій нельзя ожидать

---

[1]) Боярская Дума, 488 и 489.

ни въ XVI в., ни въ XVII в. Въ областяхъ была одна инстанція— намѣстники или выборные земскіе судьи; воеводы впослѣдствіи образовали уже въ XVII вѣкѣ вторую инстанцію. Въ Москвѣ первоначально тоже была одна инстанція,—государь. Когда же образовались приказы, они заняли по отношенію къ областному суду мѣсто непосредственно второй инстанціи; относительно приказовъ государь вмѣстѣ съ Боярскою Думой и Челобитнымъ Приказомъ продолжалъ составлять вторую инстанцію. Оттого «въ періодъ отъ Судебника до Уложенія замѣтно слѣдующее измѣненіе въ числѣ инстанцій. Въ первую половину, т. е. до появленія воеводъ, ихъ постоянно было двѣ, какъ для слѣдственнаго, такъ и для апелляціоннаго порядка, ибо единственной главою всей администраціи былъ одинъ государь. Въ XVII в. двѣ инстанціи сохранились только для доклада и для московскихъ приказовъ, выше которыхъ были только Боярская Дума и государь. Но для областныхъ жителей число апелляціонныхъ инстанцій увеличилось. На областнаго начальника можно было жаловаться сначала приказу, затѣмъ самому государю»[1]). Такимъ образомъ Ѳ. М. Дмитріевъ призналъ приказы высшею инстанціею надъ областнымъ судомъ, но отнесъ это уже къ XVII вѣку, потому что полное образованіе приказовъ и въ частности четвертныхъ, онъ относилъ къ XVII в. А. Д. Градовскій, соглашаясь, что въ области осталась только низшая инстанція и притомъ одна, полагаетъ, что въ Москвѣ въ XVI в. постепенно образовались двѣ инстанціи, слѣды которыхъ замѣтны еще въ Судебникѣ Іоанна III, который уже различаетъ докладъ великому князю отъ доклада боярамъ, окольничимъ и тѣмъ лицамъ «которому которые люди приказаны вѣдать». Въ Царскомъ Судебникѣ эти лица указаны уже гораздо точнѣе; онъ говоритъ уже о судѣ бояръ, окольничихъ, казначеевъ, дворецкихъ и дьяковъ, которымъ поручены приказы. Жалобы на рѣшенія воеводъ и на злоупотребленія ихъ въ Московскіе приказы въ XVII в. и разбирательство тамъ судныхъ дѣлъ,—было обычнымъ явленіямъ [2]).

По нашему мнѣнію, самый текстъ уставныхъ грамотъ не оставляетъ

---

[1]) Исторія судебныхъ инстанцій, 130—131, 152—155.

[2]) Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи, II, 239—246; приказъ становился высшей инстанціей для области постепенно: 1) въ приказъ поступали доклады областнаго начальства, т. е. тѣ случаи, въ которыхъ послѣднее затруднялось, 2) приказъ судилъ привиллегированныхъ лицъ, изъятыхъ изъ подъ вѣдомства мѣстнаго суда, 3) приказу принадлежалъ судъ между иногородцами.

сомнѣнія въ томъ, въ какомъ отношеніи возникавшіе приказы въ Москвѣ могутъ быть названы второй инстанціей для областей, гдѣ введено было самоуправленіе. Уставная Важская грамота 1552 г. запрещаетъ земскимъ головамъ выдавать головой истцамъ безъ «Царя и Великаго Князя докладу» и указываетъ, что которыхъ дѣлъ излюбленнымъ головамъ «безъ нашего вѣдома кончать немочно», списки и обыски этихъ дѣлъ присылать на Москву къ казначеемъ нашимъ Ивану Петровичу Головину да Ѳедору Ивановичу Сукину да ко діяку нашему Истомѣ Ноугородову, или иному діяку, кому язъ Царь и Великій Князь Вагу прикажу, и казначеи наши да діякъ нашъ о тѣхъ дѣлѣхъ докладываютъ меня Царя и Великого Князя, и язъ велю тому указъ учинити». По смыслу прямому этой грамоты выходитъ, что казначеи и дьяки были только передаточной инстанціей, дѣло же рѣшалъ самъ царь. Но уставная Переяславская рыболовамъ 1555 г. указываетъ: «а въ чемъ имъ (излюбленнымъ старостамъ) будетъ управити невозможно, и имъ въ томъ суда своего списки и обоихъ исцовъ присылати къ докладу на Москву, къ нашимъ казначеемъ, къ Ѳедору Ивановичу Сукину да къ Хозяину Юрьевичу Тютчину, да къ дьяку нашему Угриму Львову, и они имъ указъ чинятъ безволокитно и списки подписываютъ безпошлинно».

Въ этой грамотѣ, равно какъ и въ Устюжской уставной того же года ничего не говорится о судѣ царя, а дѣла разрѣшаютъ казначеи и дьякъ. Уставная Двинская 1556 г. приказываетъ такія дѣла присылать «къ намъ на Москву», вмѣстѣ съ казною, и «мы имъ въ тѣхъ дѣлѣхъ велимъ управу учинить безпошлинно»; здѣсь опять скорѣе должно думать, что судъ будетъ производить не самъ царь; но если на жителяхъ этой области будутъ искать «опричные» люди, т. е. иногородцы, то въ такомъ случаѣ обѣ стороны должны обращаться къ дьяку Путилѣ Нечаеву, который «докладываетъ меня Царя и Великого Князя и управу имъ чинитъ». Слѣдовательно, эта уставная грамота говоритъ какъ о судѣ дьяка, такъ и о судѣ самаго царя. Грамота въ Бѣжецкій Верхъ 1563 г. на имя Ширяя Андреева Лопакова, занимавшаго, очевидно, какую-то должность въ Бѣжецкомъ Верху, приказываетъ виновныхъ въ нарушеніи таможенныхъ привиллегій мѣстнаго монастыря поставить на срокъ «на Москвѣ передъ нашими дьяки, передъ Меньшимъ Мелентьевымъ да передъ Иваномъ Булгаковымъ». Такое же приказаніе повторяется грамотою тому же лицу въ 1565 г. Мы уже приводили указаніе на то, что въ 1599 г. въ Новгородской

Четверти старецъ Коряжемскаго монастыря и Григорій Проскурнинъ положили передъ начальниками Четверти «отводный списокъ».

Изъ этихъ данныхъ несомнѣнно слѣдуетъ, что раньше дьяки, а потомъ сложившіеся приказы разбирали дѣла, которыя затруднялись рѣшить областные судьи. Почти несомнѣнно изъ этихъ же грамотъ, что рѣшенія приказныхъ судей докладывались царю, хотя объ этомъ говорятъ не всѣ грамоты.

Очевидно также, что уставныя грамоты вовсе не говорятъ объ апелляціи; о томъ, что мѣстные жители имѣютъ право жаловаться на своихъ земскихъ судей, уставныя грамоты и позднѣйшіе по времени акты того-же рода совершенно молчатъ. Это объясняется тѣмъ явленіемъ древней русской жизни, которая осталась совершенно непонятна для Флетчера: судъ былъ больше правомъ намѣстниковъ и ихъ людей, чѣмъ обязанностью. Въ XVI в. намѣстники требовали, чтобы населеніе шло къ нимъ судиться, они вчиняли совершенно напрасные иски, чтобы увеличить число дѣлъ, а слѣдовательно, и доходы свои. Общины же сельскаго и городскаго населенія мало нуждались сами по себѣ въ судѣ постороннихъ людей, онѣ могли легко обходиться безъ нихъ; и само правительство смотрѣло на предоставленіе кому-либо права суда, какъ на жалованье ему, а тяглое населеніе должно было даваться подъ судъ служилымъ людямъ въ видахъ болѣе равномѣрнаго распредѣленія государственныхъ тягостей между всѣми общественными классами. Давая такимъ образомъ общинамъ самоуправленіе, правительство этимъ самымъ освобождало себя отъ всякихъ жалобъ на земскихъ судей: если послѣдніе судятъ неправо, то виновата сама община, выбравшая ихъ. Оттого уставныя грамоты и молчатъ объ апелляціи; и это не только относительно общинъ, такое же право предоставлялось очень часто монастырямъ, настоятели которыхъ судили и вѣдали своихъ крестьянъ; такое право дано было Строгановымъ, этимъ правомъ пользовались далѣе всѣ помѣщики и вотчинники по отношенію къ крестьянамъ, живщимъ на ихъ земляхъ (за исключеніемъ душегубства и татьбы съ поличнымъ, т. е. такихъ уголовныхъ дѣлъ, вѣдѣніе которыхъ должно принадлежать государству). Дать такое право значило обезпечить населеніе отъ притѣсненія намѣстниковъ и ихъ тіуновъ; а въ то, что, напр., Строгановъ будетъ судить неправо, правительство не считало нужнымъ входить; съ своей стороны лица или учрежденія, получавшія право освобожденія ихъ слугъ и крестьянъ

отъ суда намѣстниковъ и воеводъ, предоставляли крестьянамъ самое широкое самоуправленіе и самосудъ. Прикащикъ монастырскій производитъ судъ въ присутствіи мѣстнаго священника и крестьянъ, человѣкъ пяти—шести; крестьяне должны сами распредѣлять между собою всякаго рода подати и налоги; для этого игуменъ Филиппъ, напр., совѣтуетъ имъ всякій разъ выбирать человѣкъ восемь окладчиковъ: двоихъ изъ лучшихъ людей, двоихъ изъ середнихъ, двоихъ изъ молодшихъ и двоихъ изъ казаковъ; онъ даетъ имъ право силою заставлять выбранныхъ въ окладъ исполнять свою должность, равно какъ и взыскивать съ ослушниковъ. При этомъ игуменъ Филиппъ даетъ имъ цѣлый рядъ указаній, какія подати какъ справедливѣе разложить, т. е. какія подати платить по обжамъ, какія по обжамъ, животамъ (имуществу), промысламъ и головамъ [1]). Равнымъ образомъ въ дворцовыхъ селахъ Симеона Бекбулатовича крестьяне сами должны верстаться землями, лугами, лѣсами и всякими угодьями, равно какъ и оброками; въ селѣ Андреевскомъ, напр., былъ дворъ «безпашенной, а приходятъ на него Ондреѣвского села крестьяне на совѣтъ ежопятницъ, а живетъ въ немъ дворникъ» [2]). Крайне интересное указаніе на то, что у крестьянъ этого села былъ особый дворъ и назначено время для совѣщаній о мірскихъ дѣлахъ. Такимъ образомъ въ монастырскихъ и помѣщичьихъ земляхъ сохранялось крестьянское самоуправленіе, хотя оно и было здѣсь подъ присмотромъ прикащиковъ. Дѣла между дворцовыми, помѣщичьими и монастырскими крестьянами рѣшались на мѣстѣ; апелляціонной инстанціей могли здѣсь быть только владѣльцы земель. Слѣдовательно, въ Московскіе приказы подобныя гражданскія дѣла со всѣхъ мѣстностей, гдѣ было самоуправленіе не поступали, и даже Московскимъ приказамъ запрещено было давать управу жителямъ одного города; такихъ тяжущихся они должны были раньше отсылать къ намѣстникамъ. Напротивъ того, тяжущимся разныхъ уѣздовъ и городовъ судъ давали въ Москвѣ, и дьякамъ и боярамъ запрещено было отсылать отъ себя такихъ истцовъ [3]). Если же дѣло необходимо было рѣшать на мѣстѣ (земельныя дѣла), то назначали имъ судей особыми грамотами. Этимъ и объясняется,

---

[1]) А. Э. I, 268. Уставная грамота крестьянамъ Соловецкаго монастыря Сумской волости.

[2]) Писцовыя книги, II, 294 и 305.

[3]) Указная книга казначеямъ, XIV (Владимірскій - Будановъ, Христоматія, III).

что въ Москву являлась судиться масса лицъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей [1]). Но, судя по любопытнымъ судебнымъ дѣламъ, исключительно поземельнымъ, собраннымъ А. Ѳедотовымъ-Чеховскимъ, иначе трудно было и поступить. Само правительство замѣтило въ 1556 году, что въ обыскахъ многіе люди лжутъ семьями и заговорами великими. Дѣйствительно, къ этому времени поле и крестное цѣлованіе потеряли, кажется, для судей всякое значеніе [2]). Обѣ стороны выставляли въ поземельныхъ дѣлахъ своихъ старожильцевъ, утверждавшихъ діаметрально - противоположное, но всегда готовыхъ за свое показаніе «кресть цѣловать и лѣзть биться на поле». По актамъ того времени видно, что достаточно было землямъ двухъ владѣльцевъ быть въ сосѣдствѣ, чтобы эти владѣльцы считались другъ другу недругами, и всѣ, которые, по тогдашнему образному выраженію, ѣли и пили вмѣстѣ съ ними, будутъ показывать на судѣ непремѣнно въ пользу своихъ пріятелей. Въ виду этого, правительство должно заботиться особенно о такихъ дѣлахъ, и такія дѣла центральныя учрежденія разсматривали въ качествѣ первой инстанціи. Что же было второй инстанціей? Очень часто судъ, произведенный въ первой инстанціи, въ приказѣ, утверждался царемъ, и приговоръ произносился послѣ доклада царю.

Въ поземельныхъ дѣлахъ противная сторона часто не признавала какъ бы приговора и продолжала нарушать установленныя грани и межи. Въ поземельномъ спорѣ между Пречистенскимъ монастыремъ и сыномъ боярскимъ Третьякомъ Гнѣвашевымъ въ Бѣлозерской области монастырь получилъ правую грамоту отъ дворецкаго князя Кубенскаго, по докладу, въ 1533 г., а затѣмъ черезъ три года и разъѣзжую грамоту. Это не помѣшало Третьяку Гнѣвашеву бить челомъ на старцевъ монастырскихъ да на прежнихъ судей, по обыску и списку которыхъ онъ былъ обвиненъ. Великій князь пожаловалъ, далъ ему новыхъ судей, по списку которыхъ онъ, Гнѣвашевъ, оправданъ былъ (т. е. дѣло рѣшено было въ его пользу) тѣмъ же дворецкимъ княземъ Иваномъ Иван. Кубенскимъ въ 1539 г.: монастырь и прежніе судьи должны были заплатить ему 1000 четвертей хлѣба съ той пашни, которая отписана была отъ него 6 годами раньше. Но монастырь опять билъ

[1]) Маржеретъ, op. cit., 267.

[2]) Указная книга казначеямъ. V. Ср. Акты Ѳедотова - Чеховскаго, I, № 57, 65, 67 и 70.

*

челомъ, и велѣно было снова тогдашнимъ Бѣлозерскимъ писцамъ произвести судъ; писцы составили обыскъ дѣла, которое опять разбиралъ все тотъ же дворецкій князь Ив. Ив. Кубенскій, и на этотъ разъ дѣло рѣшено было въ пользу монастыря. Такимъ образомъ, одно и то же учрежденіе три раза пересматривало одно дѣло, а рѣшить было трудно, потому что споръ сводился къ тому, какъ называется оврагъ и ручей, Бараній или Дороватый? не говоря уже о Московскихъ судьяхъ, и пріѣхавшимъ писцамъ трудно было узнать названія урочищъ [1]).

Въ 1540 г. дворецкій кн. Ив. Ив. Кубенскій разсудилъ споръ между дворцовымъ Борисовскимъ селомъ и Суздальскимъ Спасо-Евфиміевскимъ монастыремъ, присудивъ спорные луга монастырю (монастырь утверждалъ, что луга называются Круглый и Рубленикъ, а дворцовые крестьяне, что это лугъ—Запечужье). На основаніи этого рѣшенья по указу царскому проведена была граница въ этой мѣстности между Владимірскимъ и Суздальскимъ уѣздами и между землями Борисовскаго дворцоваго села и Спасо-Евфиміевскаго монастыря въ 1542 году. Однако, въ 1551 г., по челобитью крестьянъ, былъ новый судъ передъ дворецкимъ Даниломъ Романовичемъ (Юрьевымъ), который почему-то не кончился; и только въ 1556 г., послѣ новаго разбора дѣла на мѣстѣ писцами и потомъ дворецкимъ, царь приказалъ опять отдать лугъ монастырю и доправить на крестьянахъ за сѣно, которое они косили съ этого луга «силою» [2]).

Спорныя дѣла со многими монастырями разбирались въ то время дворецкимъ; это было привиллегіей многихъ монастырей, что ихъ съ сторонними людьми судилъ самъ царь или его бояринъ введенный или дворецкій; въ грамотахъ позднѣйшаго времени всегда почти стоитъ «Дворецкій» въ такихъ случаяхъ. Слѣдовательно, для подобныхъ исковъ судъ царя или дворецкаго, по указу царя, былъ единственной инстанціей; но это не мѣшало проигравшей дѣло сторонѣ черезъ нѣсколько лѣтъ даже опять возбудить дѣло, которое разсматривалось тѣмъ же дворецкимъ по существу; для этого достаточно было обвинить прежнихъ судей въ томъ, что они «поровили» противной сторонѣ, доказывать, что судъ былъ, да не «таковъ», какъ написанъ въ судномъ спискѣ; доказывать свое alibi во время производства обыска и т. п. Въ дѣлахъ по долго-

---

[1]) Акты Ѳедотова-Чеховскаго, № 55.

[2]) Тамъ же, № 56 и № 67.

вымъ обязательствамъ, напримѣръ, подобныя увертки были, конечно гораздо труднѣе, чѣмъ въ разобранныхъ нами поземельныхъ дѣлахъ.

Въ такомъ же положеніи, какъ монастыри, находились и тѣ общины, которыя откупались отъ суда намѣстниковъ; казначеи и дьяки разбирали дѣла между членами этихъ земскихъ общинъ съ иногородными, докладывали царю и по его указанію постановляли приговоръ. Для такихъ исковъ, очевидно, Четверти впослѣдствіи стали тоже единственной инстанціей, что однако же не исключало возможности пересмотра дѣла въ той же инстанціи.

Нѣсколько въ иномъ видѣ представляется дѣло въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оставался еще судъ намѣстниковъ или гдѣ уже введено было воеводское управленіе. Намѣстники и воеводы писали отписки на имя царя, по отписки эти разбирались въ Боярской Думѣ [1]). На намѣстниковъ, а впослѣдствіи на воеводъ мѣстные жители искали въ Московскихъ приказахъ, обвиняя этихъ лицъ въ неправомъ судѣ, равно какъ заявляя объ ихъ злоупотребленіяхъ. Извѣстно, что отношенія между намѣстниками и подчиненнымъ имъ населеніемъ разсматривались, въ большинствѣ случаевъ, гражданскимъ порядкомъ [2]); здѣсь московскіе приказы въ этихъ случаяхъ дѣйствовали въ качествѣ высшей инстанціи, они судили намѣстниковъ и кормленщиковъ съ жаловавшимися на нихъ, и приговоры поступали въ Боярскую Думу, но едва ли утверждались царемъ; въ такомъ случаѣ жалобщики могли снова бить челомъ царю, который приказывалъ разсмотрѣть дѣло въ Думѣ; слѣдовательно, здѣсь дѣло проходило три инстанціи, изъ которыхъ двѣ были въ Москвѣ. Порядокъ для лицъ, которыя вѣдались въ Судныхъ приказахъ, т. е. для лицъ служилаго класса, былъ въ XVI в. такимъ же, вѣроятно, какъ и въ XVII в.: Приказъ— первая инстанція, Дума и Государь—вторая.

Таково было дѣлопроизводство по дѣламъ гражданскимъ. Въ этого рода дѣлахъ приговоры постановлялись на мѣстѣ земскими судьями между членами общины; между иногородными—въ Москвѣ, въ Приказахъ. По отношенію къ земскимъ судьямъ приказы могутъ быть названы высшей инстанціей только потому, что разсматривали тѣ дѣла, рѣшить которыя почему либо затруднялись выборные судьи; по дѣламъ уголовнымъ земскимъ судьямъ

[1]) А. М. Г. I, 32 и 36.

[2]) Статья 7-я Судебника; В. О. Ключевскаго, «Составъ представительства на земскихъ соборахъ» (объясненіе, что означаетъ: «примиреніе бояръ и народа по требованію царя въ 1550 г.»). Русск. Мысль, 1890, № 1, 151.

указаны были ограниченія, напр., они не имѣли права выдавать головой безъ доклада; въ большинствѣ уѣздовъ наиболѣе важныя уголовныя дѣла вѣдались тоже выборными,—губными старостами. Флетчеръ считаетъ губныхъ старостъ (gubnoy staruts) помощниками воеводъ, ольдерменами (alderman), на обязанности коихъ лежитъ поимка разбойниковъ и производство предварительнаго слѣдствія. Въ XVII в. губные старосты стали, дѣйствительно, въ подчиненное воеводамъ положеніе; но въ XVI в. они занимали совершенно самостоятельное положеніе. Въ 1586 году дана губная грамота Троицко-Сергіеву монастырю (грамота эта есть подтвержденіе прежней губной грамоты Іоанна Грознаго). Села этого монастыря въ 21 уѣздѣ получали право выбрать себѣ прикащиковъ, старостъ, цѣловальниковъ, сотскихъ, пятидесятскихъ, десятскихъ, а также прикащиковъ, губныхъ цѣловальниковъ и дьячковъ; и черезъ этихъ лицъ крестьяне должны сами «сыскивати и имати разбойниковъ и татей». Губной староста, Измира Амосовъ, утвержденъ былъ въ своей должности царемъ. Онъ имѣлъ право наказывать татей и разбойниковъ, пытать ихъ и казнить смертью. Онъ зависѣлъ только отъ Разбойнаго Приказа; зависимость выражалась въ томъ, что онъ долженъ былъ представлять списки имущества, оставшагося или распроданнаго послѣ казни разбойниковъ, въ Разбойный Приказъ; онъ не имѣлъ права раздавать, «розвычивать», имущества разбойниковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда тати и разбойники сознаются въ кражѣ и разбоѣ, но скажутъ, что не помнятъ, «что у кого татьбы и на розбоѣ всякого живота взяли»,—въ такихъ случаяхъ губной староста долженъ былъ писать въ Москву въ Разбойный Приказъ, и Государь учинитъ свой указъ объ этихъ искахъ; равнымъ образомъ губной староста Троицкаго монастыря получалъ право сноситься съ иными губными старостами, а если послѣдніе не исполняли его требованій по высылкѣ оговоренныхъ людей, то онъ долженъ былъ писать въ Москву, въ Разбойный Приказъ. Наказъ приказываетъ, такимъ образомъ, губному старостѣ удовлетворять иски изъ имущества разбойниковъ на мѣстѣ же; въ Москву же присылать только остатки отъ имущества послѣ удовлетворенія мѣстныхъ истцевъ, или тогда, когда истцы не всѣ еще извѣстны. Сравнивая этотъ наказъ съ первыми по времени губными грамотами (Бѣлозерскою 1539 г.), мы замѣчаемъ различіе между ними только въ послѣднемъ обстоятельствѣ. Бѣлозерская грамота приказываетъ удовлетворить истцевъ на мѣстѣ, а оставшееся переписать и хранить,

«гдѣ будетъ пригоже», и дать знать въ Москву къ боярамъ, которымъ разбойныя дѣла приказаны [1]). Очевидно, что нѣсколько болѣе точная регламентація относительно имущества вызвана самою практикою: когда дѣлалась извѣстною казнь разбойниковъ, изъ разныхъ губъ впослѣдствіи являлись истцы съ явками и требовали своей доли. Правительство не признавало еще возможнымъ давать судъ между иногородними мѣстнымъ судьямъ, а предпочитало давать имъ судъ въ Москвѣ; тоже оно сдѣлало и въ разбойныхъ искахъ. Флетчеръ же, какъ и нѣкоторые другіе иностранцы, не только очень плохо понялъ губныя учрежденія, но въ изложеніи своемъ совершенно извратилъ смыслъ и значеніе этихъ учрежденій.

Онъ вѣрно говоритъ, что въ Россіи ни одинъ областной начальникъ (объ исключеніяхъ мы скажемъ ниже) не имѣетъ права казнить преступника, а долженъ произвести слѣдствіе и прислать таковое въ Москву, гдѣ уже постановляется приговоръ [2]). Это сдѣлано было въ видахъ доставленія большей безопасности народонаселенію: при крайне слабомъ развитіи въ то время чувства законности областные начальники легко могли бы злоупотреблять предоставленнымъ имъ правомъ жизни и смерти. Но правительство нисколько не постѣснилось предоставить это право въ самыхъ широкихъ размѣрахъ мѣстнымъ жителямъ: «да тѣхъ бы естя розбойниковъ бивъ кнутьемъ да казнили смертью; то есми положилъ на душахъ вашихъ»; правительство требуетъ только, чтобъ мѣстное населеніе дѣйствовало безъ хитрости, по крестному цѣлованію; рѣшающее значеніе въ такихъ дѣлахъ имѣетъ обыскъ. Тоже повторено было въ грамотѣ 1586 г.; «то Государь Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи положилъ на его душѣ». Флетчеръ же не знаетъ вовсе, что мѣстное населеніе черезъ своихъ выборныхъ людей расправлялось съ разбойниками и ворами, и увѣряетъ, что изъ за недовѣрія къ областнымъ начальникамъ, изъ за подозрительности правительства отнято у нихъ право рѣшать уголовныя дѣла, кромѣ самыхъ незначительныхъ. Мало того, онъ же увѣряетъ, что изъ Разбойнаго Приказа, который вѣдаетъ *всѣ такія преступленія*, половина имущества преступника поступаетъ въ казну, а половина раздается доносчикамъ и чиновникамъ.

---

[1]) Губная грамота крестьянамъ Троицко-Сергіева монастыря въ А. Э. I, 330; Бѣлозерскія, 187 и 281; Каргопольская, Д. А. И. I, 32.

[2]) Ср. Маржеретъ, op. cit., 267.

Конечно, это еще разъ показываетъ, какъ поверхностно наблюдалъ Флетчеръ,—одинъ, однако, изъ наиболѣе обстоятельныхъ иностранцевъ,—русскую жизнь. Онъ узналъ, что есть Разбойный Приказъ, что этотъ приказъ вѣдаетъ такія дѣла, что въ него поступаетъ имущество преступниковъ; узналъ, можетъ быть, нѣсколько случаевъ, что имущество послѣ нѣкоторыхъ преступниковъ осталось не розданнымъ, и вывелъ отсюда столь поспѣшное заключеніе, будто потерпѣвшіе не получаютъ никакого вознагражденія. По указной книгѣ Разбойнаго Приказа ясно видно, что при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ уничтожена была круговая порука за разбойниковъ, вознаграждать истцевъ велѣно было только изъ имущества преступниковъ, оставшееся имущество велѣно было раздавать доносчикамъ, «оговорнымъ людямъ», но нигдѣ ни слова не сказано, чтобы имущество преступниковъ или часть его поступала въ пользу казны. По законодательству этого времени можно заключить, что всякіе люди усердно, даже, пожалуй, слишкомъ усердно, искали на разбойникахъ и татяхъ, потому что именно въ это царствованіе приказано было давать истцамъ только то, что разбойникъ скажетъ съ пытки; а если разбойникъ скажетъ что не помнитъ, то давать четверть иска [1]).

Въ тѣхъ мѣстахъ, и городахъ, гдѣ губныхъ старостъ не было, тамъ порядокъ производства дѣлъ, указанный Флетчеромъ, ближе къ истинѣ: областное начальство не рѣшало само уголовныхъ дѣлъ, а препровождало такія дѣла въ Москву въ Разбойный Приказъ.

Флетчеръ говоритъ, что воеводы четырехъ городовъ пользуются значительно большею властью: Новгорода, Пскова, Смоленска и Казани, а въ XVIII главѣ къ воеводамъ этихъ городовъ онъ прибавилъ также и Астраханскихъ воеводъ; что въ эти города воеводами назначаются лица наиболѣе знатныхъ фамилій; объясняется это тѣмъ, что въ этихъ городахъ, какъ пограничныхъ, встрѣчаются дѣла, требующія немедленнаго разрѣшенія. Б. П. Чичеринъ еще, приведя извѣстное раздѣленіе кормленій—съ судомъ боярскимъ, и безъ таковаго, замѣчаетъ, что намѣстники Новгорода и Пскова стояли еще выше первыхъ [2]). Это подтверждается разрядами и другими соображеніями: Новгородскіе намѣстники и воеводы сносились,

---

[1]) Указная книга Разбойнаго приказа, 29, 45 и 46. По Бѣлозерскому наказу губнымъ старостамъ велѣно было давать вполы противъ иска.

[2]) Областныя учрежденія въ Россіи въ XVII в., 38—39; Судебникъ Іоанна Грознаго, ст. 77, предоставляющая Новгородскимъ и Псковскимъ намѣстникамъ и дьякамъ давать отпускныя.

напримѣръ, отъ своего имени съ Шведскимъ королемъ. Въ этихъ городахъ первыми воеводами почти всегда бывали бояре, нѣкоторые изъ пригородовъ, которые въ другихъ мѣстахъ государства были самостоятельны, въ Новгородской и Псковской областяхъ подчинялись намѣстникамъ Новгородскимъ и Псковскимъ [1]).

Въ 1588 г. отправленъ былъ изъ Москвы посолъ Григорій Васильчиковъ къ шаху,—Худобендѣю; но воеводы узнали, что сынъ этого шаха Аббасъ-мирза свергнулъ своего отца съ престола и самъ занялъ его мѣсто; въ виду этого Астраханскіе воеводы, бояринъ князь Ѳедоръ Михайловичъ Троекуровъ съ товарищи, и дьяки приговорили: переписать государеву грамоту, посылаемую съ Григорьемъ Васильчиковымъ, па имя новаго шаха и придѣлать къ ней печать «отъ другіе государевы грамоты, которая послана о бологодѣти, въ запасъ для турскихъ людей» [2]).

Частыя смѣны воеводъ и намѣстниковъ Флетчеръ, какъ можно догадаться, объясняетъ тѣмъ, что правительство боится долго держать въ области однихъ начальниковъ, дабы они какъ-нибудь не завязали сношеній и связей съ мѣстнымъ населеніемъ; только лицъ, къ которымъ государь питаетъ особое довѣріе, онъ оставляетъ еще на годъ или на два; этимъ же объясняется Флетчеромъ и число назначаемыхъ воеводъ. Частая смѣна намѣстниковъ, годовая,

---

[1]) Въ 1584—1589 годахъ въ Смоленскѣ воеводами были: въ 1584 г.—6 человѣкъ, изъ нихъ два вылазныхъ воеводы, первымъ воеводой,—бояринъ князь Вас. Юр. Голицынъ; въ 1585 г.—4 воеводы, первымъ бояринъ князь Василій Ив. Шуйскій; въ 1587 г.—трое воеводъ, на смѣну князю Вас. Ив. Шуйскому отправленъ былъ бояринъ князь Тим. Ром. Трубецкой, вторымъ воеводой былъ бояринъ Богд. Юр. Сабуровъ; въ 1588 г. только два воеводы, кн. Мих. Петр. Катыревъ-Ростовскій и бояринъ князь Ѳед. Дмитр. Шестуновъ. Въ Казани воеводы были менѣе знатны: въ 1585 г.—воеводы, первый—бояринъ князь Григ. Андр. Куракинъ, въ 1588 г.—два воеводы: бояринъ Богд. Юр. Сабуровъ и казначей Черемиссиновъ. Несмотря, однако, на знатность Смоленскихъ воеводъ, слѣдуетъ отмѣтить, что по наказу, данному лицамъ, отправленнымъ въ 1595 г. строить крѣпость въ Смоленскѣ, они должны были дѣйствовать помимо Смоленскихъ воеводъ, самостоятельно и обо всемъ, относящемся до постройки, писать прямо въ Москву (А. Э. I, 365). По покореніи Казани архіепископу Гурію велѣно было «держать ему намѣстниковъ Казанскихъ и Свіяжскихъ честно, потому же какъ и въ Новѣгородѣ архіепископъ чествуетъ намѣстниковъ Новгородскихъ и Псковскихъ» (А. Э. I, 241). Въ 1593 г. Казанскимъ воеводамъ приказано было принять рядъ мѣръ, дабы не допускать впредь замѣченныхъ случаевъ обратнаго перехода новокрещенцовъ въ магометанскую вѣру (А. Э. I, 358).

[2]) Памятники сношеній съ Персіей, I, 17.

объясняется гораздо проще: это было своего рода жалованье, вознагражденіе за службу; нельзя было оставлять одно лицо, потому что другія лица безпокоили правительство просьбами покормиться. Для воеводъ годовой срокъ былъ тоже обычнымъ, разряды такъ и употребляютъ выраженіе: «въ Смоленску годовали воеводы», «послалъ царь і великиі князь въ Казань годовать», такихъ-то; хотя нѣкоторыя лица сидѣли значительно дольше: князя Василія Ивановича Шуйскаго видимъ три года подрядъ первымъ воеводой въ Смоленскѣ отъ 1585—1587 г.; князь Троекуровъ въ Астрахани съ 1588 г. до 1594 г. (Въ 1591 г. уже назначенъ былъ князь Сицкій на мѣсто кн. Троекурова, и Сицкому данъ былъ наказъ, указывавшій многія упущенія кн. Троекурова, но судя по разрядамъ и актамъ это распоряженіе не было приведено въ исполненіе, и князя Троекурова оставили въ Астрахани еще три года).

Но воеводы больше пользовались номинальною властью, чѣмъ дѣйствительною, которая была въ рукахъ дьяковъ, по словамъ Флетчера. Замѣчаніе это вполнѣ оправдывается многочисленными указаніями нашихъ актовъ; воеводамъ принадлежало собственно ратное дѣло, а финансовое и судебно-административное вѣдомства подлежали ближайшему надзору дьяковъ [1]).

Москва, какъ извѣстно, не имѣла самоуправленія; очень можетъ быть, что для Флетчера это послужило основаніемъ отрицать самоуправленіе въ Московскомъ государствѣ вообще. По его представленіямъ столица должна имѣть никакъ не меньше привиллегій, чѣмъ областные города. Онъ вѣрно отмѣтилъ, что управленіемъ Москвы завѣдуетъ Земскій Дворъ, Zempskey house; Вѣдомство Земскаго Двора Флетчеръ опредѣлилъ какъ учрежденія, завѣдующаго благоустройствомъ города и, кромѣ того, производящаго предварительныя разслѣдованія по преступленіямъ. Въ то время было 2 Земскихъ Двора, старый и новый; Флетчеръ говоритъ, что на Земскомъ Дворѣ сидятъ два дворянина (gentlemen) и 2

[1]) Значеніе дьяковъ, какъ въ областномъ, такъ и въ центральномъ управленіи выяснено въ нашей литературѣ. Наиболѣе сильныя доказательства могущества дьяковъ собраны Н. П. Лихачевымъ: значеніе Щелкаловыхъ онъ справедливо считаетъ апогеемъ могущества дьячества въ Москвѣ, op. cit., 194—217; роль Новгородскихъ дьяковъ вполнѣ выясняется царскими грамотами въ Новгородъ 1555—1556 гг. (Д. А. И. I, 51 и 52); въ Казань и Астрахань грамоты адресуются на имя воеводы (только главнаго, остальные упоминаются подъ «съ товарыщи») и дьяка; въ Казани за это время былъ дьякомъ извѣстный Битяговскій, въ Астрахани—Дюрбеневъ.

дьяка; составъ присутствія онъ зналъ точно. Записка о Московскомъ государствѣ такъ опредѣляетъ вѣдомство Земскаго Двора: «Два Приказа Земскихъ. Повинность ихъ по посаду оберегать, чтобъ огней и корчомъ не было; а гдѣ посадского человѣка увидятъ пьяного, изымавъ, въ тюрму посадятъ. И отъ питья великое береженье: не смѣть никому изъ посадскихъ людей безъ явки и безъ печати сварить, и то на урочные праздники. Дѣтямъ боярскимъ то волно про себя; а толко бъ свѣдали, кто продаетъ, и дворъ и помѣстья отоймутъ: устроены кабаки Государевы по всѣмъ городомъ. А гдѣ на Москвѣ появится пожаръ, повинность Земского Двора: тотчасъ крюки, и трубы, и наметы для огня. А въ двухъ Земскихъ Приказахъ по боярину да по 2 діяка».

Первый разъ «Земскій Дворъ» упоминается въ разрядахъ Синбирскаго Сборника подъ 1572 г. «на земскомъ дворѣ Іванъ Мятлевъ, да Семенъ Нагой, да Михайло Горской». Такъ какъ и въ XVII в. на Земскомъ Дворѣ сидѣли дворяне и дьяки, то выраженіе записки «по боярину» не точное, слово «бояринъ» употреблено здѣсь въ широкомъ, общенародномъ значеніи. М. Фл. Владимірскій-Будановъ по указной книгѣ Земскаго Приказа опредѣлилъ кругъ вѣдомства этого двора для XVII вѣка значительно шире: для Москвы онъ замѣнялъ тогда и губныя учрежденія. По Флетчеру судебное вѣдомство Земскаго Приказа ограничивалось только производствомъ слѣдствій, а дѣла рѣшались въ Думѣ [1]).

Въ итогѣ сообщенія Флетчера объ областномъ управленіи Московскаго государства не отличаются ни особенною точностью, ни достовѣрностью; лучше онъ усвоилъ себѣ устройство центральнаго управленія. Недостатокъ его извѣстій по этому вопросу происходитъ отчасти отъ его привычки слишкомъ поспѣшно обобщать подмѣченные имъ факты и стремленія сейчасъ же создать извѣстную систему. Уложить тогдашнее московское управленіе въ сколько-нибудь стройную систему дѣло чрезвычайно трудное; Флетчеръ же, какъ мы видѣли, далъ своимъ читателямъ такую систему, обобщивъ нѣсколько замѣченныхъ имъ фактовъ. Въ отзывахъ объ управленіи областями Флетчеръ остается вѣренъ себѣ; впрочемъ, въ этомъ вопросѣ онъ стоитъ на довольно твердой почвѣ: непригодность намѣстничьей системы открыто засвидѣтельствована была еще въ первой половинѣ столѣтія; однако, эта система не была повсюду

---

[1]) А. И. II, 355; Синбирскій Сборникъ, 34. Указная книга Земскаго приказа въ III выпускѣ Христоматіи М. Фл. Владимірскаго-Буданова.

уничтожена, а появившіеся къ концу вѣка воеводы по своимъ дѣйствіямъ во многомъ напоминали народу прежнихъ намѣстниковъ. Отношенія правительства къ злоупотребленіямъ областныхъ и приказныхъ судей и другихъ начальныхъ лицъ, конечно, должны были показаться странными Флетчеру, какъ они кажутся странными на первый взглядъ и намъ теперь. Во многихъ грамотахъ, особенно монастырямъ, правительство жалуетъ изъятіемъ изъ вѣдомства намѣстниковъ, а впослѣдствіи и воеводъ, объясняя это изъятіе злоупотребленіемъ, чинимымъ начальствующими лицами. Въ другихъ грамотахъ оно указываетъ воеводамъ цѣлый рядъ правонарушеній, отъ которыхъ страдаютъ интересы государства и казны, не говоримъ уже о частныхъ, и тѣмъ не менѣе погрѣшившія лица не привлекаются ни къ какой, повидимому, отвѣтственности. Относительно намѣстничьяго управленія можно привести два любопытныхъ случая: князь Александръ Ивановичъ Воротынскій, Каширскій намѣстникъ, проѣзжалъ мимо Каширы и видѣлъ посадскихъ людей со священниками, вооруженныхъ дубинами, ослопами, собравшихся разметывать мельницу монастырскую, построенную на землѣ, изъ за которой посадская община тягалась раньше съ монастыремъ. Князь намѣстникъ спокойно проѣхалъ къ себѣ и послѣ свидѣтельствовалъ на судѣ, что мельница была уничтожена дѣйствительно толпой; ни намѣстникъ не вздумалъ уговаривать посадскихъ успокоиться и отказаться отъ своего намѣренія, ни посадскіе даже не скрывали своихъ замысловъ отъ намѣстника, но правительство не осуждало намѣстника за его, по нашимъ понятіямъ, бездѣйствіе.

Въ 1580 г. царь пишетъ грамоту въ Пермь Великую, въ Чердынь старостамъ, цѣловальникамъ и всѣмъ чердынцамъ, лутчимъ, середнимъ и молодчимъ людямъ, что онъ пожаловалъ такія-то угодья Пермскому Богословскому монастырю; но что игуменъ ему жалуется на продажи и убытки, чинимые монастырю и крестьянамъ монастырскимъ Пермскими намѣстниками и ихъ людьми; поэтому царь освобождаетъ Богословскій монастырь отъ суда намѣстниковъ, кромѣ душегубства и татьбы съ поличнымъ, и приказываетъ Пермскому населенію не чинить обиды и насильства монастырю и беречь монастырь во всемъ отъ Пермскихъ намѣстниковъ, ихъ тіуновъ и доводчиковъ. Слѣдовательно, правительство напередъ убѣждено въ томъ, что намѣстники будутъ чинить насилія и неправды, и приказываетъ населенію оберегать монастырь отъ представителей власти. Игуменъ Астраханскаго Троицкаго монастыря жалуется

на притѣсненія въ судѣ со стороны Астраханскихъ воеводъ и дьяковъ и проситъ, какъ милости, права самому судить старцевъ, слугъ и всякихъ монастырскихъ людей. Государь жалуетъ его этимъ правомъ, объясняя: такъ какъ воеводы и дьяки не будутъ вѣдать монастырскихъ людей ни въ чемъ, кромѣ душегубства и татьбы съ поличнымъ, то и не будутъ чинить имъ «насильства и убытковъ никоторыхъ», какъ по этой, такъ и по многимъ жалованнымъ грамотамъ выходитъ, что вѣданье судомъ во всѣхъ отношеніяхъ и чиненіе обидъ почти что синонимы. Можно подумать, что выраженія эти, встрѣчающіяся во всѣхъ жалованныхъ грамотахъ, суть только обычныя формы, необходимыя для того, чтобы получить выгодную привиллегію. Но вотъ царскій наказъ вновь назначаемымъ въ 1591 г. Астраханскимъ воеводамъ князю Сицкому и Пушкину. Этотъ наказъ указываетъ новымъ воеводамъ цѣлый рядъ упущеній и злоупотребленій старыхъ воеводъ, но указываетъ чрезвычайно спокойно, и не видно, чтобы прежній воевода, бояринъ князь Ѳеодоръ Михайловичъ Троекуровъ, пострадалъ, онъ оставался еще три года воеводой въ Астрахани до 1594 г. а дьякъ Меньшикъ Дюрбеневъ, обвиняемый въ тѣхъ же упущеніяхъ, по наказу долженъ былъ оставаться въ своей должности. А между тѣмъ наказъ обвиняетъ князя Троекурова и дьяка Дюрбенева: 1) въ притѣсненіяхъ торговыхъ людей, которые бьютъ челомъ Государю по вся годы; отъ притѣсненій этихъ былъ большой убытокъ царской казнѣ, потому что торговые люди обнищали и многіе перестали ходить на промыслъ въ Астрахань; 2) Казанскіе воеводы и дьяки замѣтили, что въ Астрахани показывали меньшее количество соли въ судахъ, чѣмъ каковое было въ дѣйствительности, что происходило отъ нерадѣнья воеводы и дьяка; 3) недослали государевыхъ запасовъ на Терку, довели терскихъ служилыхъ людей до того, что у нихъ хлѣба въ житницахъ ни четверти, потому что тамъ уже въ 1590 году жалованье и руга хлѣбныя даны были не сполна, что они «учинили великою оплошкою», за это «къ нимъ писано отъ Государя съ великою опалою». Однимъ словомъ, видимъ цѣлый рядъ нарушеній закона, отъ которыхъ страдали государственные интересы, и однако бояринъ князь Троекуровъ послѣ этого наказа оставался въ Астрахани на службѣ еще три года. Въ подобныхъ же правонарушеніяхъ Іоаннъ Грозный, очень спокойно, сравнительно, обвинялъ Казанскихъ воеводъ и дьяка въ 1574 г.: 1) въ томъ, что они даютъ Илантову монастырю ругу неисправно, переволачивая года въ два; 2) доз-

воляли мѣстнымъ помѣщикамъ брать съ крестьянъ пожилаго по пяти рублей вмѣсто полтины и двухъ алтынъ, указанныхъ въ Судебникѣ; 3) даже квасъ поставить не давали монахамъ, какъ поставятъ монахи, такъ воеводы приказывали вынимать и брали съ монастыря заповѣдное. Грамота приказываетъ прекратить всѣ эти правонарушенія, «гдѣ то слыхано, что въ монастырѣ питье вынимать»? [1]) Подобныхъ примѣровъ можно привести достаточно, т. е. такого спокойнаго, повидимому, отношенія правительства къ прямому нарушенію закона со стороны областныхъ начальниковъ. Флетчеръ очень легко могъ знать и слышать жалобы на притѣсненія воеводъ и намѣстниковъ.

И у другихъ иностранцевъ, особенно у Даніила Принца [2]), можно найти отзывы, очень близкіе по разсказываемымъ фактамъ къ отзыву Флетчера; но ни у одного изъ нихъ нѣтъ такихъ объясненій, прямо чудовищныхъ, которыя даетъ Флетчеръ, игнорируя или неправильно освѣщая дѣйствія правительства. Что касается до самыхъ фактовъ, указываемыхъ имъ и другими писателями, въ томъ числѣ и русскими, которымъ казалось, что въ русской землѣ есть и вѣра, есть и красота церковная, но нѣтъ правды, то фактовъ подобныхъ, какъ мы видѣли, можно найти сколько угодно. Но то, что сказалъ Н. Д. Сергѣевскій о XVII вѣкѣ, вполнѣ приложимо, пожалуй, даже въ еще большей степени къ данному вопросу, что нельзя писать исторію изъ отдѣльныхъ случаевъ, собранныхъ односторонне, что вездѣ въ каждую эпоху мы можемъ указать массу самыхъ возмутительныхъ случаевъ; это—отрицательная сторона, которая, конечно, имѣетъ значеніе и, скажемъ, большое; но историкъ долженъ раскрыть и положительныя стороны; а положительная сторона Московскаго управленія наиболѣе полно раскрыта

---

[1]) А. И. I, 191, 207, 223 и 230. Ѳедотова-Чеховскаго, I, 57.

[2]) Даніилъ Принцъ отзывается объ управленіи почти такъ же, какъ Флетчеръ: «Надъ крѣпостями, особенно пограничными, ставятся два, иногда даже три начальника, которые называются воеводами съ тѣмъ, чтобы одинъ другаго держалъ въ повиновеніи. Но и ихъ для того, чтобы преградить всякій случай къ переворотамъ, посылаютъ иногда въ другое мѣсто. По большей части начальниками надъ гражданами поставляются бояре (nobiles), которые свирѣпствуютъ надъ несчастнымъ простымъ народомъ съ величайшею жестокостью: и очень часто за самые легкіе проступки бьютъ батогами, бросаютъ въ темницы, или наказываютъ денежными пенями. Невозможно сказать, какъ они обдираютъ несчастныхъ людей и лишаютъ почти всего имущества, кои, среди всякихъ несправедливостей, не смѣютъ даже пикнуть. (Op. cit., 65).

А. Д. Градовскимъ, указавшимъ на то высокое политическое значеніе самоуправленія общинъ, столь энергически вводимаго Іоанномъ Грознымъ, дѣйствительно разрозпившимъ общественные классы, лишившимъ мѣстную аристократію всякаго значенія и установившимъ вообще тяготѣніе къ Москвѣ; весьма важнымъ моментомъ московской политики А. Д. Градовскій считаетъ то, что Москва съумѣла поднять значеніе народонаселенія, издавна къ ней тянувшаго. Она умѣла поддержать тѣхъ, кто къ ней тянулъ, инстинктивно не любила мѣстностей съ особыми учрежденіями и крупнымъ административнымъ центромъ; уничтожая политическое значеніе этихъ городовъ, она весьма логически не окружала ихъ никакимъ административнымъ блескомъ, не ставила это начальство въ независимость отъ общаго государственнаго управленія. И она была совершенно права. *Только* такимъ образомъ создается и поддерживается государственное единство [1]).

Флетчеръ понялъ, можетъ быть изъ внушеній аристократіи московской, это стремленіе къ централизаціи; онъ увидѣлъ дурныя стороны тогдашняго областнаго и приказнаго управленія и сталъ на сторону, разумѣется, аристократической партіи. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что его сочиненіе проникнуто любовью, и если не любовью, то сожалѣніемъ къ русскому народу, страдающему подъ бременемъ невыносимыхъ налоговъ и притѣсненій; но онъ на самомъ дѣлѣ къ народу относится съ сожалѣніемъ, потому что народъ этотъ управлялся совершенно иначе, на особыхъ началахъ, чѣмъ должно бы управляться благоустроенное государство; онъ не столько сожалѣетъ народъ, сколько клеймитъ систему того произвола, который царилъ, по его понятіямъ, въ Московскомъ государствѣ. Такое враждебное отношеніе къ чуждому образу управленія не составляетъ специфической особенности нашего писателя, ни даже вѣка, въ который онъ жилъ; худо съ его стороны то, что онъ не замѣтилъ, потому что не хотѣлъ замѣтить, разницы между намѣреніями правительства и исполненіемъ его предписаній его агентами. Правительство предоставляетъ областямъ право жаловаться на своихъ прежнихъ начальниковъ, тѣ пользуются своимъ правомъ, дьяки считаютъ въ приказахъ намѣстниковъ и воеводъ; Флетчеръ объясняетъ это жадностью правительства, позволяющаго сперва своимъ агентамъ награбить, а потомъ отбирающаго награбленное въ свою пользу, забывая, что вездѣ

[1]) Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи, 215—216.

въ постановленіяхъ правительственныхъ прежде всего—возвратить истцамъ искъ, а потомъ уже пеня. Маржеретъ [1]) разсказываетъ, какъ сильно наказываютъ въ Москвѣ провинившихся въ лихоимствѣ, какъ ихъ публично сѣкутъ кнутомъ при позорящихъ обстоятельствахъ: привязываютъ имъ на шею вещь, которую они взяли, какъ взятку, и Маржеретъ въ этомъ видитъ заботы правительства объ охранѣ народныхъ интересовъ, но указываетъ и на то, какъ трудно искоренить такой общественный порокъ, какимъ было взяточничество. Флетчеръ знаетъ о такихъ казняхъ; но, по его словамъ, это дѣлается лишь для того, чтобы обмануть народъ, показать ему, что будто правительство преслѣдуетъ лихоимство. Воеводы назначались, также какъ прежде намѣстники, на годъ—на три года. Впослѣдствіи, когда они дольше сидѣли на мѣстахъ, населеніе стало жаловаться, что воеводы ихъ притѣсняютъ больше прежняго, и еще императрица Анна Іоанновна назначила опять 2-хъ-годовой срокъ для воеводской службы, потому что разъ у правительства не было средствъ для правильнаго контроля, частая смѣна замѣняла отчасти контроль, потому что преемнику своему воевода сдавалъ должность, да и населенію легче было жаловаться на ушедшаго воеводу, чѣмъ на находившагося въ должности. Флетчеръ объясняетъ это подозрительностью правительства, боявшагося, какъ бы областные начальники не завязали тѣсныхъ сношеній съ управляемымъ населеніямъ и не подняли бы бунта. Такъ перевертывать объясненія, основываясь на собранныхъ фактахъ, всегда можно и не особенно трудно. Непростительной ошибкой Флетчера въ этихъ его главахъ является, какъ уже было указано, то, что онъ не замѣтилъ самоуправленія общинъ; что этотъ способъ управленія былъ гораздо лучше предшествовавшаго—посредствомъ намѣстниковъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, и впослѣдствіи населеніе не разъ вспоминало земское самоуправленіе и противополагало его воеводскому управленію XVII вѣка.

За такія крупныя ошибки, за такое невѣрное освѣщеніе фактовъ мы имѣли бы полное право примѣнить къ Флетчеру тѣ слова Крижанича, которыми Н. Д. Сергѣевскій характеризовалъ сочиненія иностранцевъ XVII вѣка: пишутъ они «обшальную пѣснь», «недостатки величать, выдумуютъ и лгутъ», «срамотныя и солганныя повѣсти объ насъ пишутъ», «нельзя такъ гнусно расписать никакихъ баснословныхъ кентавровъ, никакихъ циклоповъ

---

[1]) Op. cit., 266.

и демоновъ, какъ расписываютъ они насъ» [1]). Но, къ счастью, русская историческая наука теперь не въ такомъ состояніи, чтобъ она стала повторять сужденія Флетчера; она возьметъ у него тѣ лишь данныя, которыя освѣщаютъ и самую систему управленія XVI в., и способы ея примѣненія.

Управленіе инородцами, равно какъ и въ мѣстахъ недавно завоеванныхъ, Флетчеръ выдѣляетъ въ особую главу совершенно основательно, и эти его сообщенія не лишены интереса. Въ такихъ мѣстахъ Московское правительство дѣйствовало крайне осторожно; Флетчеръ и здѣсь много говоритъ о маккіавелевыхъ пріемахъ правительства, но въ мѣстахъ только что покоренныхъ иначе и быть не могло. Этому вопросу посвящена XVIII глава сочиненія.

Въ пограничныхъ мѣстахъ Псковѣ, Смоленскѣ, Астрахани и Казани воеводы назначаются изъ бояръ съ большими сравнительно полномочіями, чтобы придать ихъ дѣйствіямъ больше авторитета; но и этихъ правителей очень рѣдко держатъ на мѣстахъ дольше трехъ лѣтъ изъ боязни, чтобъ они не завязали сношеній съ непріятелемъ. Затѣмъ пограничные города очень хорошо укрѣплены и снабжены всѣмъ необходимымъ, чтобы выдержать даже продолжительную осаду (справедливость этого замѣчанія мы увидимъ ниже, въ отдѣлѣ о военномъ управленіи); по завоеваніи Смоленска, Василій III, по словамъ Флетчера, сначала было оставилъ всѣхъ жителей на старыхъ мѣстахъ, но затѣмъ заговоры новыхъ подданныхъ принудили его, перебивъ многихъ, выселить значительную часть тамошняго населенія; причемъ Василій сдѣлалъ, будто бы, большую ошибку, выселивъ и простонародье и заселивъ эти мѣста русскими, потому что земля долго оставалась необработанною, и государь нѣсколько лѣтъ долженъ былъ тамъ кормить городское населеніе. Событія эти указаны вѣрно, и много смольнянъ было переведено въ Москву, но кормить хлѣбомъ пришлось страну вѣроятнѣе, потому что много и долго въ этихъ мѣстахъ воевали. Наказъ 1563 г. [2]) Полоцкимъ воеводамъ хорошо обрисовываетъ положеніе города на военномъ положеніи. Необыкновенно строги были предписанія въ пожарномъ отношеніи, доходившія до того, что лѣтомъ въ сухую погоду варить себѣ пищу могли только воеводы и большіе дворяне; далѣе приказывалось: литовскихъ людей въ городъ не пускать, — только въ самые большіе праздники, и то пе-

[1]) Н. Д. Сергѣевскій, Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка, 60—61.
[2]) А. И. I, 169.

много, да учинить тогда въ городѣ великое береженье; устроить свѣтлицу гдѣ почевать по очереди воеводамъ (за исключеніемъ двухъ главныхъ—бояръ—князей П. И. Шуйскаго и Вас. Сем. Оболенскаго-Серебрянаго); по ночамъ объѣзжать городъ съ фонарями; городничіе сами должны замыкать городъ и приносить ключи первому воеводѣ; по разнымъ дорогамъ выставить сторожи; смотрѣть, чтобы ни у кого изъ населенія не было никакого ратнаго оружія, ни саадака, ни меча, ни сабли; а замѣтятъ воеводы въ тамошнихъ людяхъ шатость какую, то такихъ людей осторожно отправлять чрезъ Псковъ и Новгородъ въ Великія Луки, а оттуда въ Москву; осторожность велѣно усилить, если пойдетъ слухъ, что появилось литовское войско. Съ другой стороны воеводы должны судить населеніе безволокитно, по тамошнимъ обычаямъ; въ судѣ должны участвовать бурмистры и земскіе дьяки изъ Полочанъ; посылать воеводамъ по черныхъ людей, чтобъ приходили къ нимъ безстрашно и только, если двухъ посылокъ не послушаютъ, призывать силой; развѣдывать у мѣстныхъ жителей о податяхъ, оброкахъ и т. п.

По отношенію къ инородцамъ сѣверо-восточнымъ политика была, конечно, нѣсколько иная. Флетчеръ справедливо говоритъ, что Пермь, Печора и часть Сибири покорены и держатся въ подчиненіи болѣе грозою меча, чѣмъ его употребленіемъ (85). Прежде всего русское правительство поселяетъ тамъ столько же русскихъ, сколько туземцевъ, и содержитъ гарнизоны, немногочисленные правда. Колонизація края русскими переселенцами начиналась, дѣйствительно, вслѣдъ за его покореніемъ, но никоимъ образомъ нельзя думать, чтобы русскихъ селили тамъ столько же, сколько было инородцевъ; гарнизоны, дѣйствительно, были очень незначительны. По наказу князю Петру Горчакову Пелымскихъ Вогуличей не велѣно было пускать въ городъ, чтобъ «имъ людей государевыхъ не смѣчати» [1]); 2) начальниками назначаются все русскіе, и ихъ смѣняютъ очень часто, по два, по три раза въ годъ; но это за-

---

[1]) Русская Историческая Библіотека, II, № 56. Въ томъ же наказѣ князю Горчакову видно, на сколько правительство *боялось* измѣны своихъ служилыхъ людей въ тѣхъ краяхъ: нѣкоего Алферьева велѣно забрать изъ Ржевскаго уѣзда съ семействомъ и животы, препроводить подъ присмотромъ въ Вологду, гдѣ его долженъ былъ взять съ собой князь Горчаковъ, и Алферьеву быть вмѣстѣ съ Горчаковымъ; только послѣдній долженъ былъ смотрѣть, чтобъ Алферьевъ не уѣхалъ оттуда; назначеніе воеводой въ Пустозерскъ считалось опалой

мѣчаніе во второй своей половинѣ невѣрное; 3) народецъ раздѣляютъ на нѣсколько мелкихъ управленій, чтобы разъединить ихъ: дѣйствительно, Башкирцы, напр., приписаны были къ 4 городамъ, Вогуличи къ тремъ; кромѣ того при постройкѣ городовъ Московское правительство, по замѣчанію Ѳирсова [1]), руководилось по преимуществу военными соображеніями; 4) стараются, чтобъ у инородцевъ не было ни оружія, ни денегъ, для чего и налагаются на нихъ большія подати. Вогуличи били въ 1599 г. челомъ, что имъ воеводы запрещаютъ продавать даже топоры, ножи и котлы [2]); ясакъ на этихъ людей накладывали, но первое время правительство и здѣсь заботилось больше приласкать, «примолыти» черныхъ ясашныхъ людей. Съ людьми болѣе значительными, пользовавшимися въ странѣ авторитетомъ, поступали иначе; ихъ, какъ видно, по актамъ, старались забрать и потомъ или держали въ качествѣ заложниковъ или, если они раньше бунтовали сильно, заманивъ, предавали казни вмѣстѣ съ нѣсколькими лучшими людьми. Флетчеръ указываетъ на брата Сибирскаго царя, привезеннаго въ Москву, гдѣ съ нимъ хорошо обращаются. Онъ разумѣетъ, вѣроятно, Магметъ-Куля.

Церковное управленіе изложено Флетчеромъ также невполнѣ удовлетворительно: онъ не отмѣтилъ тѣхъ чертъ этого управленія, которыя составляли характерную сторону русской церковной жизни.

Болѣе всего это относится къ епархіальному раздѣленію. Изложивъ совсѣмъ неправильно дѣло о возведеніи Іова въ патріаршій санъ, Флетчеръ говоритъ, что вслѣдъ за тѣмъ поставлены были *два* митрополита: Новгородскій и Ростовскій; митрополиты, управляя каждый своей епархіей, служатъ въ то же время посредниками между патріархомъ и архіепископами; архіепископовъ четыре, Смоленскій, Казанскій, Псковскій и Вологодскій; обязанности ихъ тѣ же, что и митрополитовъ; кромѣ того имъ принадлежитъ особая судебная власть, какъ викаріямъ митрополитовъ. Епископовъ—шесть, Крутицкій, Рязанскій, Тверскій и Новоторжскій, Коломенскій, Владимірскій, Суздальскій.

На дѣлѣ по учрежденіи патріаршества въ Россіи было 12 епархій: одна—патріаршая; четыре митрополіи,—въ Новгородѣ, Ростовѣ, Казани и Москвѣ,—митрополитъ Сарскій и Подонскій (Флетчеръ называетъ митрополитами только двухъ первыхъ, потому что посвященіе митрополита Казанскаго состоялось лишь 13

---

[1]) Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи, 171—190.

[2]) Русская Историческая Библіотека, II, № 64.

*

мая, затѣмъ уже и митрополита Сарскаго и Подонскаго, а Флетчеръ уѣхалъ изъ Москвы еще 6 мая); пять архіепископій, — въ Смоленскѣ, Вологдѣ, Суздалѣ, Рязани и Твери; двѣ епископіи,—въ Псковѣ и Коломнѣ. Впослѣдствіи Іовъ учредилъ еще одну архіепископію въ Астрахани (въ 1602 г.) и епископію въ Корелѣ (упоминается съ 1598 г. [1]). Патріархъ, по словамъ Флетчера, получалъ дохода со своихъ имѣній до 3,000 рубл., митрополиты и архіепископы — до 2,500 р.; но митрополитъ Новгородскій получаетъ отъ 10,000 до 12,000 р. въ годъ; епископы получаютъ отъ 500 до 1,000 р. ежегодно. Источники доходовъ епархіальныхъ архіереевъ въ XVI в. указаны подробно преосв. Макаріемъ, но какъ была велика сумма получаемыхъ ими доходовъ, на это очень трудно дать отвѣтъ. Архіепископъ Гурій получалъ въ Казани жалованья государева 865 р., десятую деньгу изъ таможенной пошлины, что составляло 155 р. 11 алт., 4,185 четв. хлѣба и крупъ, 500 п. меда и затѣмъ и другихъ припасовъ. Такъ какъ въ этомъ краю правительство старалось поставить архіерея сколь возможно лучше, такъ какъ, съ другой стороны, приписанныя къ архіерейскому дому въ этой мѣстности угодья едва ли на первое время приносили значительный доходъ, то, по нашему мнѣнію, назначенное архіеп. Гурію жалованье можно считать за средній доходъ епархіальнаго архіерея въ XVI в. Въ такомъ случаѣ цифры Флетчера не далеки отъ истины. Странно только, что онъ считаетъ доходъ патріарха значительно ниже дохода Новгородскаго владыки. Въ XVI в., по исчисленію М. И. Горчакова, митрополиту Московскому принадлежало въ 15 уѣздахъ 1,825 дв., въ которыхъ жило 1,818 людей; но почтенный изслѣдователь, извлекшій эти данныя изъ писцовыхъ книгъ, совершенно основательно полагаетъ, что во владѣньѣ митрополита было много такихъ имѣній, которыя не значились въ писцовыхъ книгахъ: при первыхъ патріархахъ (Іовѣ и Гермогенѣ) имѣнія не увеличивались, а между тѣмъ въ половинѣ XVII в. они составляли уже 6,432 двора [2]).

Но, именно русская церковь не знала іерархической лѣстницы въ отношеніяхъ между архіереями. Каждый архіерей былъ самостоятеленъ вполнѣ въ своей епархіи и подчинялся только надзору патріарха, но и патріархъ (раньше митрополитъ) не вмѣшивался во

[1]) Преосв. Макарія, Исторія русской церкви, X, 59—61.

[2]) Тамъ же, VIII, 280—308; А. Э. I, 241; М. И. Горчакова, О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. синода 54—60, 63, 81—82, прилож., 88.

внутреннее управленіе чужой епархіи. Порядокъ, господствовавшій въ западной церкви, гдѣ митрополиты часто имѣли право суда надъ епископами, примѣненъ былъ Флетчеромъ и къ устройству русскаго церковнаго управленія.

О раздѣленіи епархіи Флетчеръ не говоритъ, но приходы онъ зналъ и замѣтилъ, что города раздѣляются на приходы, и притомъ очень неравномѣрно, отчего происходитъ недостатокъ средствъ у духовныхъ лицъ для безбѣднаго существованія. Флетчеръ не считаетъ это свойственнымъ только Россіи; такъ бываетъ вездѣ, гдѣ не обращаютъ вниманія на распространеніе истинныхъ познаній о Богѣ. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что Флетчеръ въ этомъ отношеніи совершенно правъ; церквей было, какъ замѣтилъ Стоглавый соборъ, очень много, но многія изъ нихъ не были достаточно обезпечены, отчего и происходило, что церкви «въ малѣ времени оскудѣваютъ и пусты стоятъ» [1]).

Обычный годовой доходъ священника, получаемый имъ отъ прихожанъ, состоитъ по словамъ, Флетчера, изъ 30 — 40 р., изъ которыхъ десятую часть священникъ долженъ дать епископу. П. Знаменскій, спеціально изслѣдовавшій этотъ вопросъ, пришелъ къ такому неутѣшительному выводу, что «внимательно, пересматривая древніе акты и другіе памятники церковной жизни, мы даже приблизительно не можемъ свести приходъ съ расходомъ въ экономіи клира». Денежную ругу (жалованье), выдаваемую священникамъ отъ правительства, почтенный изслѣдователь опредѣляетъ отъ 2—6 р. Такіе же размѣры денежной руги указаны и Н. Д. Чечулинымъ; только соборные протопопы получали значительно больше: въ Казани—протопопъ получалъ 15 р., въ Свіяжскѣ 11 р. 11 алт., въ Можайскѣ протопопъ (церкви на государевомъ дворѣ)—8 р.; священники отъ $5^1/_2$ р. (если не считать еще 1 р. за сукно) до 2 р. Кромѣ того священнослужители получали значительную хлѣбную ругу. П. И. Знаменскій полагаетъ (и съ этимъ нельзя не согласиться), что казенная руга должна была быть значительно меньше доходовъ, собираемыхъ съ паствы, и

---

[1]) Н. Суворовъ, Курсъ церковнаго права, 165; тамъ же, 186—187. И. Перовъ, Епархіальныя учрежденія въ русской церкви въ XVI—XVII вв., 9—14 и 16—17. Въ 1554 г. епископъ Рязанскій Кассіанъ жаловался на митрополита Макарія царю Ивану Васильевичу въ томъ, что онъ, митрополитъ Макарій, освятилъ нѣсколько церквей въ Рязанской епархіи чрезъ своихъ священниковъ. Царь, разсмотрѣвъ это дѣло, запретилъ митрополиту вмѣшиваться въ епархіальныя дѣла Рязанской епархіи (10—11).

приводитъ случай, когда одному священнику назначена изъ казны была руга въ 6 р. вмѣсто прежнихъ 15 р., которые обязались ему платить прихожане, да перестали почему-то.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что Флетчеръ привелъ, какъ образецъ, доходы столичнаго духовенства; въ такомъ случаѣ онъ едва ли особенно погрѣшилъ; но духовенство небольшихъ городовъ и, особенно, сельское получало гораздо менѣе [1]).

Вѣдомство церковнаго суда опредѣлено вѣрнѣе: кромѣ дѣлъ, подсудныхъ церкви и въ другихъ христіанскихъ государствахъ, кромѣ власти надъ духовными лицами, церковному суду подлежать также дѣла брачныя, по завѣщаніямъ, разборъ жалобъ на нѣкоторыя обиды.

Суду церковному тогда подлежали: 1) всѣ лица бѣлаго и чернаго духовенства по дѣламъ духовнымъ, гражданскимъ и уголовнымъ, исключая татьбъ съ поличнымъ, разбоя и убійства; 2) жены и дѣти духовенства, если они жили вмѣстѣ съ отцомъ; 3) лица, причислявшіяся къ церковнымъ: паломники, сироты, нищіе, слѣпые, хромые (этого разряда лицъ Флетчеръ не отмѣтилъ); 4) всѣ мірскіе люди по преступленіямъ противъ вѣры, противъ нравственности, въ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ, въ дѣлахъ по наслѣдству [2]).

Своеобразную сторону русскаго церковнаго управленія составляло участіе въ немъ лицъ свѣтскихъ, не духовныхъ: архіерейскихъ бояръ, дьяковъ, десятинниковъ. Извѣстія Флетчера о нихъ не лишены интереса. Институтъ этотъ, по авторитетному мнѣнію Н. Ѳ. Каптерева, составляетъ нѣчто совершенно самостоятельно выработанное русскою жизнью, развился и пріобрѣлъ въ половинѣ XVI в. законодательную санкцію только подъ усиленнымъ покровительствомъ архіереевъ, по многимъ причинамъ находившихъ болѣе удобнымъ для себя управлять епархіями черезъ свѣтскихъ чиновъ: здѣсь играли свою роль и подражаніе князьямъ, окружавшимъ себя придворною свитою, и необходимость нести со своихъ земель военную повинность, управленіе обширными помѣстьями, что удобнѣе было дѣлать, раздавая ихъ въ пожизненное или временное пользованіе, наконецъ, собираніе податей съ духовенства и

---

[1]) П. И. Знаменскаго, Матеріальныя средства приходскаго духовенства на Руси (Прав. Обозрѣніе, 1867, I); Н. Д. Чечулина, op. cit., 165, 229—230.

[2]) Н. Каптеревъ, Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси, 41, у И. Перова, op. cit., подробно перечислены такого рода дѣла, 135—141, 148—154, 165—167.

надзоръ за нимъ удобнѣе было поручить людямъ свѣтскимъ, не только не связаннымъ общностью интересовъ съ духовенствомъ, но и прямо заинтересованнымъ въ возможно болѣе частомъ привлеченіи духовныхъ лицъ къ суду, потому что судебныя пошлины шли въ ихъ пользу. Однимъ словомъ, институтъ этотъ созданъ былъ самими архіереями, и, конечно, управленіе епархіей черезъ свѣтскихъ лицъ носило характеръ частью владѣльческій, по выраженію г. Каптерева. Флетчеръ наблюдалъ его тогда, когда высшею властью введены были такія въ него измѣненія, которыя и были впослѣдствіи главной причиной его уничтоженія по просьбѣ самихъ же представителей церкви. Раньше, архіерей назначалъ и отставлялъ бояръ по своему произволу. Стоглавый соборъ въ значительной степени ограничилъ права архіереевъ въ этомъ дѣлѣ,—отнынѣ архіереи не имѣли права отставлять своихъ бояръ, за исключеніемъ провинившихся въ лихоимствѣ; на открывавшіяся мѣста святители должны были назначать «отъ тѣхъ же родовъ», а если такихъ не было, то спрашивать у царя; вообще бояре, дворецкіе и дьяки должны быть у архіереевъ съ вѣдома царя. Впослѣдствіи, къ патріарху бояръ прямо уже назначали [1]).

Бояре производили судъ, который представляли на утвержденіе архіерея; они судили бѣлое духовенство и мірскихъ людей во всѣхъ дѣлахъ, «опричь духовныхъ дѣлъ». Хотя, какъ сказано, бояре и представляли свой судъ на утвержденіе архіерея, но, кажется, контроль послѣдняго ограничивался только разспросомъ, былъ ли тяжущимся сторонамъ судъ такой, какой написанъ въ спискѣ? Флетчеръ утверждаетъ, что безъ бояръ епископъ ничего не смѣетъ сдѣлать, что они отдаютъ отчетъ только царю. Вѣрно понявши значеніе мѣръ, принятыхъ Стоглавомъ, онъ преувеличилъ зависимость церкви отъ государства; такихъ отношеній между боярами и епископами не было [2]).

По отношенію къ земельнымъ имуществамъ духовенство, въ томъ числѣ и епископы, находилось также въ вѣдѣніи правительства; дворецкій Большаго Дворца считалъ монастырскую казну.

Изъ обоихъ этихъ фактовъ Флетчеръ и вывелъ заключеніе, справедливо, конечно, о большой зависимости церкви отъ свѣтской власти. Но только, такъ какъ онъ не зналъ исторіи происхожденія свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ, то и не обратилъ внима-

[1]) Происхожденіе и значеніе этого института Н. Ѳ. Каптерева, op. cit., 1—60. А. И. I, 155.

[2]) Н. Ѳ. Каптеревъ, op. cit., 85.

нія на то, что ограниченіе епископской власти съ этой стороны было сдѣлано въ интересахъ духовнаго сословія, для котораго даже и намѣстники архіерейскіе были то же, что намѣстники для областей; Флетчеръ мимоходомъ упоминаетъ о соборахъ, священниковъ, повсемѣстное учрежденіе которыхъ рѣшено было еще въ 1551 г., какъ болѣе приличное для лицъ духовнаго званія, чтобы надъ ними и за ихъ дѣйствіями наблюдали духовныя же лица. По словамъ Флетчера, при каждомъ епископѣ соборъ состоялъ изъ 24 членовъ. Откуда Флетчеръ взялъ эту цифру, трудно догадаться. Въ 1551 г. велѣно было выбрать въ Москвѣ 7 поповскихъ старостъ, въ 1594 г.—8 старостъ и къ нимъ 40 десятскихъ священниковъ и 4 діаконовъ; эти 52 лица должны были ежедневно сходиться въ избѣ, нарочно для этого выстроенной у Покрова на рву [1]).

Къ вѣдомству церкви въ то время относились и заботы о народномъ просвѣщеніи. Изъ всѣхъ нашихъ общественныхъ классовъ духовенство враждебнѣе всѣхъ относилось къ иностранцамъ и по мѣрѣ силъ своихъ удерживало народъ отъ общенія съ ними. Послѣ этого будетъ понятно, что всѣ иностранные писатели представляютъ русское духовенство не только опорой консервативной партіи, но и прямо стремящимся держать народъ во тьмѣ невѣжества. Флетчеръ не составляетъ исключенія; даже пожаръ дома, гдѣ помѣщалась первая типографія, Флетчеръ (хотя и съ оговоркой) приписываетъ проискамъ духовныхъ лицъ.

Наши церковные историки согласны въ томъ, что духовенство не двигалось впередъ по пути образованія, скорѣе оно шло назадъ. Недостатокъ средствъ былъ главною причиной равнодушія духовенства къ просвѣщенію народа и поддержки, которую оно продолжало оказывать, не смотря на пастырскія увѣщанія, суевѣрнымъ обычаямъ народа.

Духовенство, дѣйствительно, противилось образовательнымъ стремленіямъ Бориса Годунова; раньше оно враждебно отнеслось и къ первымъ типографщикамъ въ Москвѣ, которые «много терпѣли, по ихъ собственнымъ словамъ, презельнаго озлобленія отъ многихъ начальникъ и священноначальникъ и учитель, которые, зависти ради, умышляли на нихъ многія ереси, хотячи благое во зло превратити, и Божье дѣло въ конецъ погубити». На основаніи этого преосв. Макарій принимаетъ показаніе Флетчера о сожженіи типографіи въ Москвѣ. Только не слѣдуетъ смотрѣть на эти факты,

[1]) А. Э. I, 232 и 360.

какъ на свидѣтельства невѣжества духовенства. Среди духовныхъ лицъ господствовало крайне непріязненное отношеніе къ иностранцамъ и иностранному не потому только, что духовенство хотѣло затормозить успѣхи народнаго образованія, а и потому, что духовенство надѣялось вести народъ русскій впередъ самобытнымъ путемъ, не заимствуя ничего у Запада, на который оно смотрѣло, какъ на царство антихриста, отъ соприкосновенія даже съ которымъ должно охранять православный народъ. Представителями этого направленія явились позднѣе Стефанъ Вонифатьевъ, Іоаннъ Нероновъ и Аввакумъ. Въ глазахъ иностранцевъ эти люди были представителями отчаянной реакціи, а между тѣмъ въ Москвѣ на нихъ смотрѣли, какъ на новаторовъ, какъ на людей, хлопотавшихъ объ обновленіи и возрожденіи русскаго общества [1]).

II.

XIV глава сочиненія «объ отправленіи правосудія» составляетъ прямое дополненіе къ только-что разобраннымъ извѣстіямъ объ управленіи. Флетчеръ, докторъ правъ, съ презрѣніемъ смотритъ на русское законодательство, все собранное въ небольшой книжкѣ, въ которой изложены только правила, коими судьи должны руководиться въ судебномъ процессѣ, но вовсе нѣтъ постановленій, въ силу которыхъ судья долженъ бы признать дѣло правымъ или нѣтъ. Speaking law, устный законъ,—вотъ ихъ руководство т. е. произволъ царя и судей.

Мы уже не разъ отмѣчали, что именно эта сторона русской жизни,—право обычное,—осталась совершенно недоступною Флетчеру. Замѣтимъ только, что многимъ иностранцамъ, даже враждебно относившимся къ Россіи, эта сторона русскаго суда нравилась [2]).

О самомъ судебномъ процессѣ Флетчеръ сообщаетъ свѣдѣнія довольно вѣрныя, но въ общемъ мало интересныя, потому что эта

[1]) Преосв. Макарій, op. cit., VII, 122, X, 224; П. И. Знаменскій, op. cit., 479—480; ср. Н. Ѳ. Каптерева «Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ». Вып. I, 62—64, гдѣ онъ защищаетъ духовенство XV—XVI вв. отъ взводимыхъ обвиненій въ поголовномъ невѣжествѣ; также у Н. Д. Чечулина, Нѣсколько данныхъ о книгахъ, 5—6.

[2]) Отзывъ Чанслора (Извѣстія англичанъ, 8); отзывъ Горсея (см. стр. 67).

сторона жизни русскаго народа выясняется по нашимъ же актамъ гораздо обстоятельнѣе, что и исполнено Ѳ. М. Дмитріевымъ. Гражданское судопроизводство происходитъ такъ (65—66):

1) Истецъ подаетъ жалобу—челобитную; по этой челобитной онъ получаетъ приказъ о задержаніи отвѣтчика; истецъ вручаетъ эту выпись (wepis) приставу (pristave or surgeant), на обязанности котораго и лежитъ или взять съ отвѣтчика удостовѣреніе о явкѣ въ судъ или принять для задержанія отвѣтчика необходимыя мѣры.

Недѣльщики (surgeants), которыхъ очень много, крайне жестоко обращаются съ отвѣтчиками, часто заковываютъ ихъ въ цѣпи, чтобы получить съ нихъ взятку, такъ что иногда можно видѣть человѣка, обвиняемаго въ 5—6 пенсахъ и тѣмъ не менѣе закованнаго въ цѣпи.

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что недѣльщикъ могъ заковать отвѣтчика только въ томъ случаѣ, если по немъ не будетъ поруки, да и то по Судебнику недѣльщикъ долженъ былъ сначала явить такого отвѣтчика выборнымъ властямъ, иначе онъ платилъ какъ искъ, такъ и безчестье [1]).

На судѣ, говоритъ Флетчеръ, каждый самъ ведетъ свое дѣло, такъ какъ здѣсь нѣтъ ни адвокатовъ, ни ходатаевъ, ни повѣренныхъ. Это подтверждаютъ и Барберини и Маржеретъ; послѣдній, впрочемъ, дополняетъ это извѣстіе тѣмъ, что можно прибѣгать въ такихъ случаяхъ къ помощи родственниковъ или возлагать такія дѣла на служителей.

Званія такого «стряпчій», «ходатай» въ то время не существовало, но судебное представительство несомнѣнно было, и не только родственники и лица, находившіяся въ подчиненіи у тяжущихся, вели дѣла за своихъ родныхъ или господъ, но также и люди свободные нанимались ходатайствовать на судѣ. Указъ 1582 г., приведенный Ѳ. М. Дмитріевымъ, не оставляетъ въ этомъ сомнѣнія; въ немъ говорится о дѣтяхъ боярскихъ, которые, «бѣгая отъ службы, ходятъ въ суды за другихъ»; указъ считаетъ этихъ ябедниковъ одной изъ причинъ вчинанія пустыхъ исковъ и грозитъ имъ строгимъ наказаніемъ, если окажется, что жалуются по пустому [2]).

Какъ ни строго смотритъ Флетчеръ на русскихъ судей, однако

---

[1]) Ѳ. М. Дмитріевъ, op. cit., 207.

[2]) Любичъ-Романовичъ, Сказанія иностранцевъ, 21. Маржеретъ, 267. Христоматія Владимірскаго-Буданова, III, Указная книга казначеевъ, XX.

онъ признаетъ, что долго тянутся только дѣла, въ которыхъ нѣтъ прямыхъ доказательствъ или письменныхъ документовъ; въ противномъ случаѣ, по его словамъ, рѣшаются скоро и удовлетворительно. Какъ образецъ письменнаго обязательства Флетчеръ приводитъ слѣдующую кабалу (67—68). «J Ivan Vasileo have borrowed of Alphonasse Dementio the summe of one hundred rubbels of going money Mosco from the Kreshenea untill the Saburney voscreschenea without interest. And is the money rest unpayed after that day, there he shall give interest upon the said money after the common rate, as it goeth among the people, viz, for every five the sixth rubbel. Upon this there are witnesses, Micheta Sydróveskoy etc. Subscribed, This bill have I written Gabriel Jacovelesni in the year 7096». (Се язъ Иванъ Васильевъ сынъ занялъ есми у Аѳонасья Дементьева сына сто рублевъ денегъ Московскихъ ходячихъ, отъ Крещенья до Сборнаго Воскресенья, безъ росту. А полягутъ денги по сроцѣ, и мнѣ ему давати ростъ, по расчету, какъ ходитъ въ людѣхъ, на пять шестой. А на то послуси: Никита Сидоровъ сынъ, и пр., А кабалу писалъ Гаврилко Яковлевъ сынъ, лѣта 7096,—такъ переведена была эта кабала съ сохраненіемъ техническихъ терминовъ документовъ этого рода, стр. 50). Въ тѣхъ же случаяхъ, когда письменныхъ доказательствъ нѣтъ, тогда дѣло тянется гораздо долѣе и доставляетъ судьѣ и другимъ должностнымъ лицамъ большія выгоды. За неимѣніемъ доказательствъ, судья прибѣгаетъ къ крестному цѣлованью, т. е. предлагаетъ принять обѣимъ сторонамъ присягу; въ случаѣ, если обѣ стороны готовы дать крестное цѣлованіе, то бросается жребій. Церемонія эта происходитъ такъ (66): того, кто даетъ присягу, ведутъ въ церковь, деньги, составляющія искъ, вѣшаютъ на гвоздь или кладутъ подъ образъ, и истецъ, поцѣловавъ крестъ предъ этимъ образомъ, сейчасъ же получаетъ деньги. Флетчеръ говоритъ, что русскіе считаютъ этотъ обрядъ равнымъ клятвѣ, что никто не рѣшается нарушить или осквернить его ложнымъ показаніемъ. Флетчеръ, какъ мы уже указывали, вовсе не упоминаетъ о полѣ, между тѣмъ не только Ричардъ Чанслоръ, но и у Барберини (1565 г.) подробно описываютъ еще этотъ обычай; слѣдовательно, этотъ видъ судебнаго доказательства исчезъ между 1565—1588 годами. Также и крестное цѣлованіе въ это время было доказательствомъ, къ которому судьи должны были прибѣгать въ крайнихъ случаяхъ. Уже въ 1552 г. царскимъ указомъ велѣно было на торгахъ внушать людямъ, между прочимъ, и то, чтобы именемъ Божіимъ во лжу

не клялись и накривѣ креста не цѣловали. Вѣроятно, злоупотребленія этого рода доказательствомъ были чаще, чѣмъ предполагаетъ Флетчеръ, потому что въ 1556 году новымъ указомъ примѣненіе поля и крестнаго цѣлованія значительно ограничено: велѣно производить хорошенько обыски, въ случаяхъ разногласія по обыску, производить его вторично, расправшивая иныхъ людей; послѣ вторичнаго обыска, если будетъ открыта солгавшая половина, изъ 100 виноватыхъ выбирать 5—6 приказчиковъ и лучшихъ людей и наказывать ихъ за ложь кнутомъ; владѣльцы селъ должны смотрѣть, чтобы люди ихъ и крестьяне въ обыскахъ не лгали; въ противномъ случаѣ имъ самимъ быть въ опалѣ, а крестьянамъ ихъ въ казни, какъ и въ разбойныхъ дѣлахъ; одновременно съ этимъ судьямъ позволено было вершить дѣла на основаніи показаній людей, заслуживающихъ довѣрія, напр. боярина, діака или приказнаго человѣка [1]). Въ указанныхъ уже нами поземельныхъ дѣлахъ судьи постоянно предлагаютъ сторонамъ и ихъ свидѣтелямъ подтвердить свои показанія полемъ и крестнымъ цѣлованіемъ; но, кажется, что это обратилось въ одну формальность, которая ни разу не переходитъ въ дѣйствительность. Получивши всегда утвердительный отвѣтъ, судья спрашиваетъ, нѣтъ ли у стороны другихъ доказательствъ; стороны, обыкновенно, указываютъ на своихъ свидѣтелей и старожильцевъ, и уже на новое требованіе судьи предъявляютъ письменные документы, которые и служатъ главнымъ основаніемъ приговора. Только въ одномъ дѣлѣ, Третьяка Гнѣвашева съ Пречистенскимъ монастыремъ, очень запутанномъ, велѣно было по указу царя (въ 1540 году) старожильцамъ съ иконою отвести спорную землю; вынется жребій старцевъ, то должны отводить ихъ старожильцы (т. е. показывавшіе въ ихъ пользу), вынется жребій противной стороны, пойдутъ съ иконой старожильцы Третьяка Гнѣвашева. Назначенъ былъ срокъ, но Т. Гнѣвашевъ не явился на этотъ срокъ, заявивъ, что онъ ѣдетъ въ Москву съ собранными имъ ямскими деньгами; въ назначенный тогда второй срокъ не явились ни самъ Тр. Гнѣвашевъ, ни человѣкъ его Кириллъ, который велъ все это дѣло за своего хозяина, на томъ основаніи, что самъ Третьякъ теперь городовой приказчикъ въ Бѣломъ озерѣ, слуга его боленъ: его представителями были какіе-то Ѳомка да Сергѣйка, малоизвѣстные, очевидно, въ той мѣстности, потому что монастырскіе старцы отказались съ ними

[1]) Тамъ же, II и IV.

вынимать жребій, и тогда дѣло окончательно рѣшено было въ пользу монастыря, потому что Третьякъ Гнѣвашевъ, очевидно, уклонялся отъ выниманія жребія. Это единственный случай изъ нѣсколькихъ за это время, когда присяга должна была рѣшить дѣло [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ случай показываетъ, что тяжущіеся не охотно шли на присягу.

Флетчеръ говоритъ, что если обѣ стороны согласны на крестное цѣлованіе, то дѣло рѣшается жеребьевкой между ними, чей жребій вынется, тотъ и считается правымъ. (The better lotte is supposed to have the right and beareth away the matter). Но въ данномъ случаѣ онъ нѣсколько спуталъ; въ такихъ случаяхъ жребій вынимали только для того, чтобы рѣшить, кому слѣдуетъ цѣловать крестъ; въ другихъ же случаяхъ выниманіе жребія было самостоятельнымъ доказательствомъ, но имѣвшимъ примѣненіе только въ искахъ малоцѣнныхъ [2]).

Описаніе самого обряда крестнаго цѣлованія, конечно, цѣнно и, сколько мы можемъ судить, вѣрно. Русскіе цѣловали крестъ въ началѣ XVII в. въ церкви Николы Стараго; но иноземцы и русскіе въ искахъ съ иноземцами—въ приказахъ; на то, что деньги клались здѣсь же около креста, находимъ указаніе въ самой 27-й статьѣ царскаго Судебника «а̂ которой чужеземецъ взыщетъ чего на чужеземцѣ жъ, ино того воля, на комъ взыщетъ: хочетъ, самъ отцѣлуется, что въ томъ не виноватъ, *или у креста положитъ чего на немъ взыщутъ*, и истецъ, поцѣловавъ крестъ, да возметъ. А которой человѣкъ здѣшнего государьства взыщетъ на чужеземцѣ, или

---

[1]) Ѳедотова-Чеховскаго, № 55.

[2]) Описаніе бросанія жребія находится у Лана (Lane), который самъ судился такъ съ однимъ московскимъ купцомъ, хотѣвшимъ взыскать съ него двойную сумму долга,—1,200 рублей вмѣсто 600 рублей. Судьи кинули жребій, вынутъ былъ жребій Лана, и дѣло рѣшено въ его пользу. Въ этомъ случаѣ Ѳ. М. Дмитріевъ видитъ (262—263) противорѣчіе съ приводимой ниже въ текстѣ 27-й ст. Судебника, которая требуетъ послѣ жребія крестнаго цѣлованія; жребій и впослѣдствіи къ тому же имѣлъ значеніе самостоятельнаго доказательства только въ искахъ ниже рубля (по Уложенію, см. Владимірскаго-Буданова, Обзоръ, II, 277, а за это время о жребіи, какъ самостоятельномъ доказательствѣ, русскіе источники совсѣмъ молчатъ); объясняется этотъ случай привиллегированнымъ положеніемъ иностранцевъ, англичанъ въ частности, которыхъ сочли возможнымъ избавить отъ присяги. Въ духовныхъ судахъ жребій замѣнялъ крестное цѣлованіе и поле (А. И. I, 156). Показаніе же Флетчера никоимъ образомъ принято быть не можетъ, въ виду того, что и крестное цѣлованіе мало сдерживало ябедниковъ, а разъ они знали бы, что дѣло кончится жребіемъ, искамъ не было бы конца.

чужеземецъ на здѣшнемъ человѣкѣ, и въ томъ имъ давати жеребей: чей ся жеребей выйметъ, *тотъ, поцѣловавъ, свое возметъ*, или отцѣлуется» [1]).

Затѣмъ Флетчеръ описываетъ правежъ, которому подвергался обвиненный, если онъ не могъ заплатить истцу требуемой суммы. Правежемъ (praveusch or righter of justice) онъ называетъ мѣсто, на которомъ неисправныхъ должниковъ бьютъ батогами по икрамъ ежедневно отъ восьми часовъ утра до одиннадцати. Флетчеръ увѣряетъ, что на правежѣ обыкновенно стоитъ человѣкъ сорокъ или пятьдесятъ, испускающихъ жалобные стоны. Такое же описаніе правежа встрѣчаемъ также у Барберини, Даніила Принца и Маржерета [2]); послѣдніе, впрочемъ, говорятъ, что правежъ продолжается до тѣхъ поръ, пока должникъ не выплатитъ долга; Флетчеръ же говоритъ о годичномъ срокѣ правежа, послѣ котораго заимодавецъ можетъ продать вовсе или на опредѣленное число лѣтъ жену и дѣтей должника, а если вырученная сумма не покроетъ долга, то онъ самъ можетъ взять ихъ къ себѣ въ рабы на извѣстное число лѣтъ или на всегда.

Извѣстно описаніе правежа, сдѣланное Татищевымъ; нѣкоторое сомнѣніе возбуждаетъ у М. Фл. Владимірскаго-Буданова память казначеямъ, которою приказывается съ неслужилыхъ людей править долю по расчету 100 рублей въ мѣсяцъ, а съ служилыхъ по 100 рублей въ два мѣсяца, изъ чего онъ заключаетъ, что понятіе о правежѣ, только какъ о наказаніи прутьями предъ приказомъ, есть понятіе ошибочное [3]). Странная эта, на первый взглядъ, привилегія служилаго сословія стоять на правежѣ въ той же суммѣ два мѣсяца тамъ, гдѣ неслужилые стоятъ за это же мѣсяцъ, становится вполнѣ понятной сопоставленіемъ съ указомъ 1555 г., изъ котораго видно, что люди били челомъ о переводѣ, «ино дати срокъ денги перевести и на другой мѣсяцъ, а болши того срока не давати, для волокиты людскія». Дѣло въ томъ, что послѣ мѣсячнаго стоянія на правежѣ слѣдовала выдача головой, а подвергшемуся

[1]) Эти слова судебника ближе подходятъ къ извѣстію Флетчера, чѣмъ къ словамъ Ричарда Чанслора, который такъ описываетъ этотъ обрядъ: «въ нѣкоторыхъ тяжбахъ о долгахъ истецъ можетъ давать клятву; если отвѣтчикъ бѣденъ, онъ помѣщается подъ крестомъ, истецъ же долженъ клясться надъ его головой». (Извѣстія англичанъ, 9).

[2]) Маржеретъ, 267; Даніилъ Принцъ, 66; Барберини, 21—22 (у Любича-Романовича).

[3]) Хрестоматія, III, 49-е примѣчаніе къ Указной книгѣ казначеевъ.

такой мѣрѣ трудно было избѣжать холопства; въ виду этого, при тогдашнемъ взглядѣ на тѣлесное наказаніе и постоянное его употребленіе, многіе охотно постояли бы лишній мѣсяцъ, въ который можно было бы какъ-нибудь обернуться съ деньгами, и если правительство отказывало въ этомъ другимъ, то только для «волокиты людскія»; а къ обращенію въ холопство людей служилыхъ оно не было равнодушно въ виду того, что отъ этого страдала прежде всего военная служба. Самое же стояніе при небольшихъ средствахъ можно было сдѣлать не особенно тягостнымъ: «у каждаго обвиненнаго стоялъ по сторону приставъ съ прутомъ и билъ вдоль по ногѣ такъ крѣпко, какъ ему отъ истца или отвѣтчика за трудъ заплачено; слѣдственно одни на правежѣ стоя, бою не чувствовали, другіе были изувѣчены»[1]).

Если, продолжаетъ Флетчеръ, должникъ не можетъ и послѣ годоваго стоянія на правежѣ, заплатить долгъ, то кредитору предоставлено право продать жену и дѣтей должника на вѣчное время или на опредѣленное число лѣтъ; если же предлагаемая за нихъ сумма не покрываетъ долга, то онъ самъ можетъ взять ихъ къ себѣ въ рабы (bondslaves) на всегда, или тоже на опредѣленное число лѣтъ. Сообщеніе очень неточное, по тому: 1) что Флетчеръ ни слова не говоритъ объ участи самого должника, 2) продажа на *всегда*, т. е. въ полное холопство тогда уже была запрещена закономъ. В. О. Ключевскій въ этихъ словахъ Флетчера видитъ намекъ на дѣйствія кредиторовъ послѣ того, какъ въ 1560 году запрещено было имъ обращать въ полное холопство неисправныхъ должниковъ и этимъ послѣднимъ самимъ проситься въ полные,— тогда кредиторы и стали продавать семьи должниковъ, оставляя ихъ самихъ у себя на службѣ[2]).

Въ уголовныхъ дѣлахъ (68—69) допросъ обвиняемаго начинался пыткой: преступника или сѣкли кнутомъ, или поджаривали, ломали руку или ногу и т. п. Какъ губныя грамоты, такъ и уставная книга Разбойнаго приказа, дѣйствительно, прежде всего требуютъ пытки, чтобы принудить преступника сознаться, узнать всѣ преступленія его и сообщниковъ; но въ чемъ состояла пытка, мы можемъ только догадываться[3]).

---

[1]) Слова Татищева, которыя цитирую по Ѳ. М. Дмитріеву, op. cit., 279.

[2]) Русская Мысль, 1885 г. № 8, 23.

[3]) Ср. извѣстный разсказъ, какъ въ Астрахани арабъ, по приказанію воеводъ, пыталъ вѣдуновъ, яко бы испортившихъ кровь татарскаго царевича; крайняя жестокость этой пытки объясняется, конечно, нравами татаръ. М. Фл.

О наказаніяхъ извѣстія Флетчера не выдерживаютъ сравненія съ извѣстіями другихъ иностранцевъ: онъ очень неясно говоритъ, что попавшіеся въ преступленіяхъ въ родѣ измѣны, убійства, воровства и т. п. и признанные виновными, подвергаются смертной казни. Чанслоръ, однако, зналъ уже, что въ Москвѣ казнили только за третье воровство; Даніилъ Принцъ говоритъ, что воры, прелюбодѣи и всѣ совершающіе подобныя преступленія, обыкновенно, подвергаются по усмотрѣнію наказанію, которое никогда почти не доходитъ до смерти, а за болѣе легкіе проступки ихъ обнажаютъ до пояса и, выведши на улицу, бьютъ кнутомъ, въ то же время сильно ударяя двумя или тремя батогами, какъ бы по наковальнѣ. Указная книга Разбойнаго приказа не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что за первую татьбу били кнутомъ и сажали въ тюрьму до тѣхъ поръ, пока обвиненнаго не брали на поруку; за вторую татьбу били кнутомъ и отсѣкали руку, и уже за третью, четвертую татьбу казнили смертью. Разбойниковъ казнили смертью; тѣхъ, впрочемъ, которыхъ по обыску называли лихими людьми, и которые сознавались въ преступленіи послѣ пытки; если же обвиняемый переносилъ пытку, то долженъ былъ сидѣть въ тюрьмѣ до смерти; а если по обыску его назовутъ добрымъ человѣкомъ, то его отпускали на поруку [1]).

За болѣе важныя преступленія казнили. Флетчеръ перечисляетъ (69) слѣдующіе способы смертной казни: повѣшеніе, обезглавленіе, умерщвленіе ударомъ въ голову, утопленіе, погруженіе подъ ледъ, сажаніе на колъ. Въ другомъ мѣстѣ Флетчеръ говоритъ о сожженіи двухъ еретиковъ, мужа и жены. За такія преступленія, обыкновенно, смертная казнь производилась такимъ способомъ. Флетчеръ только говоритъ, что ихъ сожгли въ небольшомъ домикѣ, который нарочно для того сдѣлали. Вѣроятно, онъ назвалъ срубъ маленькимъ домикомъ, какъ это дѣлали иностранцы XVII вѣка [2]). Самый употребительный способъ казни — это умерщвленіе ударомъ въ голову и пусканіе преступниковъ въ прорубь подъ ледъ, отчего, по словамъ Флетчера, лѣтомъ преступниковъ не казнятъ, а ждутъ до зимы. За какое преступленіе какая казнь, Флетчеръ не объясняетъ, хотя и говоритъ, что пре-

Владимірскій - Будановъ (Обзоръ, II, 279) полагаетъ, что именно съ царствованія Θеодора Ивановича пытка дѣлается главнымъ средствомъ розыска.

[1]) Чанслоръ, op. cit., 10; Даніилъ Принцъ, 65 — 66; Указная книга Разбойнаго Приказа въ Христоматіи Владимірскаго-Буданова (III).

[2]) Н. Д. Сергѣевскій, Наказанія въ русскомъ правѣ XVII вѣка, 118.

ступниковъ приговариваютъ къ смертной казни, смотря по роду преступленія. Въ нашихъ актахъ встрѣчаемъ лишь выраженія: «казнити», но какъ,—нигдѣ не указывается; только у Даніила Принца можно найти такое указаніе: «человѣкоубійцы и совершившіе, кромѣ того, какое-нибудь преступленіе, лишаются жизни по римскому обычаю, т. е. топоромъ на плахѣ. Если кто-нибудь оскорбитъ Величество Великаго Князя, того, по большей части, разсѣкаютъ въ кусочки» [1]).

Н. Д. Сергѣевскимъ указаны четыре вида простой (не квалифицированной) смертной казни: отсѣченіе головы, повѣшеніе, утопленіе и разстрѣляніе; послѣднее введено только Петромъ Великимъ [2]). Такъ какъ изъ описанія самого Флетчера видно, что умерщвленіе ударомъ по головѣ и утопленіе есть только процессы одного и того же рода казни, то изъ видовъ мучительной казни имъ указанъ одинъ способъ,—сажаніе на колъ. О посаженіи на колъ въ царствованіе Θеодора Іоанновича упоминаетъ также Масса: «въ это время посолъ, ѣхавшій изъ Персіи въ Москву, былъ ограбленъ на Волгѣ степными казаками: но ихъ всѣхъ схватили и атамана посадили на колъ» [3]). Также, какъ Флетчеръ, описываетъ утопленіе Масса [4]); такимъ способомъ казнили въ Москвѣ при Шуйскомъ участниковъ въ движеніи Болотникова. Н. Д. Сергѣевскій думаетъ, что эта казнь примѣнялась именно въ такихъ случаяхъ, когда сразу надо было казнить многихъ.

На казнь преступника возили съ завязанными руками и съ зажженной восковой свѣчею. На нѣсколько торжественное шествіе къ казни указываютъ статьи 18-я и 19-я указной книги Разбойнаго Приказа, которыми не велѣно давать вѣры показаніямъ лицъ, идущихъ къ казни, равно какъ и примѣры изъ XVII в., указанные Н. Д. Сергѣевскимъ [5]).

Флетчеръ увѣряетъ, что эти наказанія существуютъ только для простолюдиновъ; что же касается до дворянъ, то ихъ развѣ за убійство крестьянина засадятъ въ тюрьму или въ случаѣ большой огласки преступленія высѣкутъ; такъ легко смотрятъ на эти преступленія, потому что простонародье считается холопами или крѣпостными дворянства (kolophey or bondslaves).

---

[1]) Даніилъ Принцъ, 66.

[2]) Наказанія въ русскомъ правѣ XVII в., 98—103.

[3]) Сказанія Геркмана и Массы, 55.

[4]) Тамъ же, 234, 249—250.

[5]) Наказанія въ русскомъ правѣ, 93—95.

Въ законодательствѣ Іоанна Грознаго дѣйствительно ничего не было сказано о дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ, попавшихся въ разбоѣ, и потому въ статьѣ 14-й кн. Разб. Пр. М. Фл. Владимірскій-Будановъ указываетъ литературную прибавку, характеризующую составленіе книги: «А про самихъ дворянъ и приказныхъ людей и про дѣтей боярскихъ въ уставной книгѣ имянно не написано, и отъ иныхъ воровъ *ничемъ не отведены*».

Такъ оно, вѣроятно, и слѣдовало понимать, т. е. что ихъ ожидала участь, назначенная обыкновеннымъ разбойникамъ; при Θеодорѣ Іоанновичѣ, въ виду возбужденнаго вопроса, состоялся боярскій приговоръ (статья 15-я), которымъ указывалось: въ случаѣ оговора дворянина, приказнаго человѣка или сына боярскаго, опечатывать ихъ дворы и имущество, пытать сначала ихъ людей или крестьянъ, и если эти будутъ говорить на своихъ хозяевъ съ пытки, то самихъ дворянъ пытать и «указъ имъ чинити потомужъ, какъ инымъ воромъ, кто до чего доведется». Слѣдовательно, въ наказаніи они сравнены были съ обыкновенными преступниками. Въ 1594 г. до царя Θеодора Ивановича дошелъ слухъ, что отправленные въ Сибирь дѣти боярскіе, атаманы и казаки по пути въ Устюжскомъ уѣздѣ грабили и били, а одного крестьянина даже—до смерти; за это дѣтей боярскихъ велѣно бить батоги больно передъ воеводами, атамановъ и казаковъ пущихъ воровъ—бить кнутомъ по торгомъ; привиллегія, данная дѣтямъ боярскимъ, очень незначительна [1]).

Такое извѣстіе Флетчера о безнаказанности дѣтей боярскихъ тѣмъ болѣе странно, что ниже онъ же самъ говоритъ, что господинъ, убившій *своего* холопа, почти не отвѣчаетъ; самое большое наказаніе—это денежная пеня, которую господинъ долженъ заплатить. Уставная Двинская грамота 1397 г. оставляла еще господина безнаказаннымъ, если онъ «огрѣшится» и убьетъ своего холопа; но по Уложенію уже господину запрещается убивать своихъ холопей [2]). Изъ словъ Флетчера мы можемъ заключить, что суровое обыкновеніе въ концѣ XVI в. было уже значительно смягчено и, главное, преслѣдовалось общественнымъ мнѣніемъ.

---

[1]) Русская Историческая Библіотека, II, № 56.

[2]) М. Фл. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ, II, 80.

III.

XII-я глава Флетчера посвящена царскимъ доходамъ въ Россіи. Нечего и говорить, что глава эта интереснѣйшая во всемъ сочиненіи; она болѣе всего содѣйствовала упроченію за сочиненіемъ Флетчера репутаціи первостепеннаго источника по русской исторіи.

Мы видѣли, однако, въ предъидущихъ главахъ нашего сочиненія, что нашему автору трудно было уловить особенности русскаго строя, общественнаго и административнаго; что у него часто встрѣчается желаніе втиснуть русскую жизнь въ западно-европейскія рамки. Если въ главѣ объ областномъ управленіи онъ не замѣтилъ разнообразія, странной смѣси самыхъ различныхъ формъ тогдашняго управленія, то тѣмъ труднѣе было ему усвоить финансовую организацію московскаго государства. XVI вѣкъ въ этомъ дѣлѣ былъ вѣкомъ созиданія и организаціи, вѣкомъ, когда большая часть повинностей изъ натуральныхъ перекладывались въ денежные сборы. Трудно представить себѣ что-либо болѣе хаотическое, чѣмъ финансовую организацію того времени. Совершенно напрасно было бы искать учрежденій съ опредѣленнымъ вполнѣ кругомъ вѣдомства, налоговъ опредѣленной величины. Каждый приказъ имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи города, или нѣкоторые доходы съ городовъ. Большой Приходъ, Четверти, Большой Дворецъ, Казанскій Дворецъ и другіе приказы взимали доходы. Только относительно Большаго Дворца можно сказать, что вѣдомство его было опредѣленнѣе: онъ управлялъ царскою вотчиною, т. е. городами и селами дворцовыми, изъятыми изъ общегражданскаго управленія; ему же принадлежали по всему государству нѣкоторыя оброчныя статьи: рыбная ловля и бортничество. Затѣмъ ближе къ Большому Дворцу стоятъ Четверти, принимающія поступленія за оброчныя статьи, главное основаніе которыхъ составляли деньги за намѣстничъ кормъ, за присудъ и за пошлинныхъ людей доходы, но вмѣстѣ съ ними поступали туда и другаго рода подати, разъ онѣ были положены въ оброкъ. Наконецъ, прямыя подати и налоги, какъ-то деньги ямскія, полоняничныя, данныя, пищальныя поступали въ Большой Приходъ, когда онѣ взимались съ сохъ, а не были переложены въ оброкъ. Таможенныя и торговыя пошлины поступали въ большинствѣ случаевъ въ Большой Приходъ, хотя

здѣсь отдѣлить вѣдомство Четвертей отъ вѣдомства Большаго Прихода труднѣе, потому что оброчныя деньги съ лавокъ поступаютъ и въ Четверти, и въ Большой Приходъ, равно какъ иногда таможенныя деньги поступаютъ въ Четверти; въ большинствѣ случаевъ, однако, тѣ и другія поступаютъ въ Большой Приходъ. Историческая записка о Московскомъ государствѣ говоритъ, что въ Большой Приходъ поступаетъ большая тамга; вѣроятно, это должно понимать такъ, что тамъ, гдѣ таможенныя статьи составляли значительныя поступленія,—онѣ вѣдались Большимъ Приходомъ; небольшія же таможенныя деньги могли поступать и въ другіе приказы.

Такое совпаденіе вѣдомствъ Большаго Прихода и Четвертей станетъ понятнымъ, если мы вспомнимъ, что вѣдомство ихъ первоначально было одно; первый вѣдалъ въ земщинѣ то, что вторая—въ опричнинѣ. Къ концу вѣка замѣтно, что оброчныя статьи во всѣхъ видахъ становятся достояніемъ Четвертей, прямыя подати и таможенныя деньги поступаютъ въ Большой Приходъ. Такъ, съ Можайска оброчныя статьи поступаютъ въ Четвертной Приказъ, деньги пищальныя, ямскія, полоняничныя въ Большой Приходъ. Въ 1588 г. въ Ярославскомъ уѣздѣ, въ селѣ Еремѣйцовѣ учрежденъ новый торгъ, и тамга сдана на откупъ, который платитъ въ Приказѣ Большаго Прихода; тоже повторилось въ 1595 г.; равнымъ образомъ, когда, по просьбѣ Василія Щелкалова, у него въ помѣстьѣ учрежденъ торгъ, то тамгу должно было платить въ томъ же Приказѣ Большаго Прихода. Въ 1589 г. Ипатьевскій монастырь платитъ деньги «ямскимъ охотникомъ на подмогу» также въ Приказѣ Большаго Прихода; памятями изъ Большаго Прихода освобождаютъ земли лицъ, отправленныхъ въ 1595 г. въ Персію, отъ платежа данныхъ, посошныхъ и ямскихъ денегъ [1]). Такъ, что къ концу вѣка какъ будто вѣдомства этихъ учрежденій разграничиваются: подати, переложенныя въ оброкъ взимались Четвертями, подати и тамга взимались Большимъ Приходомъ [2]).

[1]) Объ учрежденіи новаго торга: А. Э. I, 342, 362 и 366. О невзиманіи податей: Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній съ Персіей. I, 338; Н. П. Лихачевъ, Разрядные дьяки XVI в., 472 (неизданная грамота изъ Большаго Прихода о невзысканіи податей съ одного сельца въ Муромскомъ уѣздѣ въ 1576 г.). О платежѣ монастырями полоняничныхъ и ямскихъ денегъ въ Большомъ Приходѣ, А. Ю. 211, 214; за намѣстничъ кормъ и поворотное въ Четвертный Приказъ,—А. Ю., 216, I—III. Поступленія съ Можайска у Н. Д. Чечулина, Города Московскаго государства, 185—187. Записка—А. И. II, 355.

[2]) Помѣстья запустошенныя отдавались на оброкъ, этими дѣлами завѣды-

Еще большее разнообразіе мы встрѣчаемъ въ наименованіи разнаго рода податей: «за намѣстничъ кормъ, за присудъ, за корчму, за поборъ (праветчиковъ, доводчиковъ) за пятно, за бѣлку, горностая, ямскія, пищальныя деньги, за посоху, за городовое, засѣчное дѣло, полоняничныя, запросъ, за черные соболи, приметныя деньги, поворотныя и т. д.

Всѣ эти многоразличныя подати правились въ наибольшей полнотѣ съ черныхъ волостей, платежи которыхъ можно свести къ четыремъ основнымъ группамъ: 1) оброкъ за намѣстничъ кормъ (въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ намѣстники были отмѣнены); 2) полоняничныя деньги: 3) ямскія, съ которыми вмѣстѣ очень часто взыскивались данныя, приметныя, за городовое и засѣчное дѣло; 4) пищальныя деньги.

Оттого оброкъ и получаетъ такое широкое распространеніе къ концу вѣка, что онъ объединялъ многочисленные виды податей. Если бы мы попытались опредѣлить размѣры податей, то встрѣтились бы еще съ большими затрудненіями. Разнаго рода деньги взимаются: съ сохи, обжи, выти, со двора, и съ четверти [1]). Важская уставная грамота, налагая общую сумму въ 1,500 р. оброка за отмѣну намѣстниковъ и ихъ людей, приказываетъ взимать по 18 алт. съ посадскаго двора или съ обжи въ уѣздѣ. Двинская уставная—взимать оброкъ по 20 руб. съ сохи. Переяславскимъ рыболовамъ и нѣкоторымъ волостямъ Устюжскаго уѣзда положены суммы, которыя они должны заплатить, безъ указанія, какъ крестьяне разведутъ ихъ между собой. Въ Соли Вычегодской всѣ подати переложены были на оброкъ и платились по сошному письму [2]).

валъ Большой Приходъ: «Въ Горетовѣ жъ стану оброчные земли, что имали на оброкъ на Москвѣ изъ Болшого Приходу» (Писцовыя книги I, 155). Тамга, собираемая на Холмогорахъ, въ Емьцѣ, въ Унѣ, въ Неноксѣ и на Кулуѣ привозилась въ Четверть дьяка Андрея Щелкалова (А. Э. I, 388). Сравн. стр. 268, въ Каширскомъ уѣздѣ за оброчныя земли платили помѣщики въ Большой Дворецъ медомъ и деньгами, въ доимку сколько государь укажетъ.

[1]) О платежныхъ единицахъ см. Лаппо-Данилевскаго, Организація прямаго обложенія въ Московскомъ государствѣ отъ временъ смуты до эпохи преобразованій, гл. II, 2 (Измѣреніе податныхъ объектовъ податною единицей).

[2]) Важская уставная (А. Э. I, 234): «за намѣстничь и за тіуновъ кормъ, и за присудъ, и за корчмы, и за пятно, и за праветчиковъ и за доводчиковъ поборъ, и за всѣ намѣстничьи пошлины, и за всѣхъ пошлинныхъ людей поборы, и за всякіе доходы, полторы тысячи рублевъ на годъ, опричь нашего Царя и Великого Князя оброку и иныхъ нашихъ пошлинъ» и дальше, «а обжа противу посадского двора, розметомъ въ намѣстничь оброкъ ровна,

Въ Коломнѣ также тяглые люди давали оброку по 12 алт. со двора, да по 2 алт. пошлины. Въ Дѣдиловѣ посадскіе черные люди, владѣвшіе пашней, платили за всякія подати по $2^1/_2$ алт. съ четверти пашни. Наконецъ, иногда правительство огуломъ назначало какую-нибудь мѣстность платить извѣстный оброкъ. Жители Глотовой Слободки съ 55 дворовъ должны были давать за все 25 рублей; Соловецкій монастырь съ 40 обжей въ Сумерской волости за данныя и оброчныя платилъ по 50 руб. въ годъ. Въ Орѣшкѣ въ 1563 г. вмѣстѣ за оброкъ и тамгу, платили 125 р. [1]). Ясное дѣло, что не были еще выработаны не только оклады налоговъ, но сами налоги и подати, способы ихъ взиманія, нисколько не были приведены въ систему. Наиболѣе постояннымъ является налогъ, для выкупа плѣнниковъ,—полоняничныя деньги. Онѣ взимались въ размѣрѣ 2 рублей съ сохи. Такъ платили эти деньги въ Устюжнѣ, Можайскѣ, такъ брали ихъ съ земель Ѳедоровскаго и Тереховскаго монастырей. Правда, въ 1582 г. Тереховскій монастырь далъ въ три пріема полоняничныхъ денегъ по расчету 18 р. 13 алт. 2 д. съ сохи, но это легко объясняется окончаніемъ продолжительной и неудачной войны,

---

опричь нашего оброку, за бѣлку и за горностали, и ямскихъ и пищалныхъ и полоняничныхъ денегъ, и посошные службы, и городового дѣла, и иныхъ нашихъ пошлинъ». Совершенно также Двинская уставная (А. Э. I, 250): «а за намѣстничи и за ихъ пошлинныхъ людей и за всякіе доходы велѣлъ есмя ихъ пооброчити, давати имъ въ нашу казну на Москвѣ, діаку нашему Путилѣ Нечаеву, съ сохи по двадцати рублевъ въ Московское число, да пошлины по два алтына съ рубля, опричь ямскихъ денегъ, и посошныя службы и обежныя дани, и городового дѣла, и иныхъ нашихъ пошлинъ».

Переяславскіе рыболовы, «черные сохи люди», должны были платить въ 1555 г. по 27 р. 20 алт. 5 д. въ годъ; (А. Э. I, 243); крестьяне Усецкихъ и Заецкихъ волостей Устюжскаго уѣзда—318 р. 4 ал. 1 д.

Въ Соли Вычегодской указаны слѣдующія подати: за намѣстничъ кормъ и за присудъ и ихъ пошлинныхъ людей доходъ, дани, запросу, за поминочные за черные соболи, и ямскихъ и приметныхъ денегъ, и за посошные люди, и за городовое и за засѣчное и за ямчюжное дѣло, и за поплужную пошлину, и соколья оброку, и казначеевыхъ и дьячихъ и подъячихъ пошлинъ, и за праветчикову за поворотную пошлину и пищальныя деньги (А. Э. I. 343).

[1]) Писцовыя книги I, 314 (Коломна): «за намѣстничьи и за ихъ пошлинныхъ людей кормы и за ямскіе денги и за охотные и за бражные и за луговые и за весь денежной за мелкой доходъ, опричь городоваго дѣла, оброку давати» (по грамотѣ еще 7064 г.); тамъ же, II, 1267 (Дѣдиловъ): «а оброку платятъ съ тое земли за дань и за посоху и за всякіе подати въ государеву казну въ Болшой Приходъ по полутретья алтына съ четверти Глотова Слободка—А. Э. I, 350; Орѣшекъ—Д. А. И. I, 116.

послѣ которой должно было выкупить многочисленныхъ плѣнниковъ; очевидно, это былъ чрезвычайный сборъ [1]).

Оброкъ «за намѣстничъ кормъ, за тіуновъ кормъ и ихъ пошлинныхъ людей доходъ, за праветчиковъ и доводчиковъ поборъ» происхожденіемъ своимъ обязанъ реформѣ Грознаго, въ силу которой общины могли освободиться отъ намѣстниковъ и ихъ людей; но за это онѣ должны были платить въ казну оброкъ довольно высокій, такъ что многія общины предпочли остаться при старой системѣ управленія. Подать эта называется оброкомъ, потому что этимъ путемъ объединялись самые разнообразные сборы; по характеру же своему она ничѣмъ не отличается отъ тягла.

На Вагѣ, со всей области платили 1,500 р. въ годъ; при этомъ указанъ былъ порядокъ, какъ мѣстное населеніе должно разложить этотъ оброкъ: со двора на посадѣ или съ обжи въ уѣздѣ по 18 алт., т. е. по 108 денегъ. Три обжи составляли на сѣверѣ сошку, малую соху; судя по одному акту изъ Новгородской области [2]) 10 сошекъ составляли московскую соху; если и здѣсь былъ такой же расчетъ, то съ сохи брали 16 р. 40 ден. Въ Двинской области оброкъ этотъ назначенъ былъ въ 20 р. съ сохи (1556 г.); въ Новгородскихъ пригородахъ брали со двора на посадѣ въ такихъ размѣрахъ: въ Каргополѣ (1560 г.) по 107 д. со двора, въ Корелѣ (1568 г.)—70 д. со двора, въ Ладогѣ (1568 г.)—47 д. и въ Орѣшкѣ (того же года)—всего 16 д. со двора. Въ Вышнемъ Волочкѣ (1582 г.) по 27 денегъ со двора, въ Соли Вычегодской (1589 г.) съ сохи по 36 р. 13 алт. $2^1/_2$ д.; въ соху положено $66^1/_{12}$ двора, слѣд. по 110 ден. со двора. Въ Устюжнѣ (1598 г.) по 26 ден. со двора и въ Можайскѣ (того же года) по 16 ден. со двора [3]).

---

[1]) А. Ю. 209, III и IV: Ѳедоровскій монастырь съ $^7/_{16}$ сохи платилъ въ 1588 г. 29 алт. 1 д. Тереховскій монастырь съ $^1/_8$ сохи—8 алт. 2 д.; у Н. Д. Чечулина, Города Московскаго государства, 77 и 187: въ Устюжнѣ съ $1^7/_8$ сохи—3 р. 25 алт., въ Можайскѣ съ $2^1/_4$ сохи—4 р. 16 алт. 2 д. (въ 1598 г.). Въ 1582 г. взято въ Большой Приходъ полоняничныхъ денегъ съ земель Тереховскаго же монастыря Мещерскаго уѣзда, съ $^1/_{12}$ сохи и $^1/_{32}$ сох., по расчету съ начала—10 р. 12 алт. 2 д. съ сохи, взято 1 р. 6 алт. 2 д.; потомъ къ тому же разводу въ прибавку въ 5 р. 8 алт. съ сохи—20 алт. 1 д., да въ третій разводъ въ 2 р. 26 алт. 2 д. съ сохи,—10 алт. 4 д. (А. Ю. 211).

[2]) Д. А. И. I, 78: «а Михалю есмя Семичеву по тѣмъ книгамъ, которыя ему списавъ отдадите, велѣли со всего Холмского уѣзда въ живущихъ сбирати бѣлой кормъ, съ Московскія сохи, а съ Наугородцкихъ съ десяти сошекъ».

[3]) См. прим. 2 на стран. 309; у Н. Д. Чечулина, op. cit., 39—41, 49—50, 76, 122 и 186. Цифры для городовъ Орѣшка, Корелы, Ладоги, Каргополя, Мо-

Оброкъ колеблется между 110 д. и 16 д. со двора; равнымъ образомъ, нельзя сказать, чтобы онъ развивался съ теченіемъ времени.

Ямская подать взималась въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эта повинность переложена была на деньги. Ямскія деньги обыкновенно являются вмѣстѣ съ приметными, городовыми, засѣчными и ямчужными.

Въ 1556 г. въ Новгородской области взимали ямскихъ денегъ и приметныхъ по $7^1/_2$ р. съ сохи, вмѣстѣ же съ посошными, ямчужными, засѣчными и за городовое дѣло по 10 р. съ сохи. Въ 70-хъ годахъ въ Перми со Строгановскихъ владѣній эти деньги взимались по 15 р. съ сохи. Въ Соли Вычегодской (1589 г.), гдѣ такъ высокъ былъ оброкъ за намѣстничъ кормъ, ямскія деньги составляли незначительную часть платежа: онѣ терялись въ массѣ другихъ, и всего ямскихъ вмѣстѣ съ данными, запросными, за черные соболи, приметными, посошными—брали по 6 р. 12 алт. 2 д. съ сохи.

Къ девяностымъ годамъ, кажется, эти деньги возросли во многихъ мѣстахъ до 20 р. съ сохи: въ такомъ размѣрѣ онѣ взяты съ Ѳедоровскаго монастыря въ 1588 г., съ Рязанскаго Терехова на 1589 г.; въ такомъ же размѣрѣ онѣ указаны въ книгѣ Можайска [3]).

Мало того, въ 90-хъ годовъ столѣтія появляется рубрика: «ямскимъ охотникомъ на подмогу» (то, что послѣ называлось малая ямщизна). Эти деньги взимались по 10 р. съ сохи; въ такомъ размѣрѣ онѣ взяты съ земель монастырей: Костромскаго Ипатьевскаго (1582 г.), Рязанскаго Терехова (1590 г.), Егорьевскаго въ Заонежьѣ (1594 г.) и съ Спасо-Прилуцкаго Вологодскаго монастырей.

жайска и Устюжны получены путемъ раздѣленія суммы оброка на число тяглыхъ дворовъ въ городѣ; въ отдѣльныхъ случаяхъ не всѣ дворы платили одинаково; лучшіе дворы больше, середніе—меньше, а молодшіе—еще меньше. Въ Орѣшкѣ сказано не за намѣстничъ кормъ, а «государеву оброку», намъ кажется, что это можно считать за равносильныя выраженія: иначе документъ непремѣнно указалъ бы, за что именно положенъ оброкъ.

[3]) Д. А. И. I, 94: «собрати ямскихъ и приметныхъ денегъ, съ сохи по полуосма рубля, да съ Ноугородцкихъ же со всѣхъ сохъ собрати, на 64 же годъ за посошные люди и за всякіе городовые дѣла по 40 алт. съ сохи, да за ямчюжное дѣло съ сохи по 1 р. 10 алт., съ ямскими денгами вмѣстѣ, для подводъ розныхъ посланниковъ». А. Ю. 209, V и VI: съ земель Ѳедоровскаго монастыря, $^7/_{16}$ сохи взято 8 р. 25 алт., съ $^1/_8$ сохи земель Терехова монастыря взято $2^1/_2$ р.

Столько же съ сохи взято ихъ и въ Можайскѣ, а въ книгѣ Устюжны сказано про ямскія деньги: «сколько государь укажетъ» [1]).

Можно видѣть, что ямскія деньги къ концу вѣка увеличиваются и какъ будто взимаются по 30 р. съ сохи.

Пищальныя деньги въ нѣкоторыхъ городахъ составляли главный видъ государственныхъ сборовъ; въ другихъ городахъ этотъ налогъ былъ едва замѣтенъ. Въ 1556 г. въ Новгородѣ и области его собрано было пищальныхъ денегъ—5236 р. [2]); потомъ въ Новгородскихъ пригородахъ пищальныхъ денегъ платили: въ Корелѣ по 80 д. со двора, въ Орѣшкѣ по 44 д., въ Ладогѣ по 66 д.; въ Вышнемъ Волочкѣ—очень много по 131 д. со двора; напротивъ, въ Соли Вычегодской съ сохи по 10 алт. 2 д. или (при $66^{1}/_{12}$ двор. въ сохѣ) менѣе 1 д. съ двора; въ Устюжнѣ по 25 д., въ Можайскѣ по 31 д. со двора.

Колебаніе налога очень значительно между 10 д. — 131 д. со двора.

Отсюда видно, какъ неравномѣрны были налоги въ разныхъ мѣстахъ государства; но при этомъ нельзя не замѣтить, что тамъ гдѣ документы полнѣе говорятъ о разныхъ сборахъ, общая сумма платежа въ казну была довольно близка; то же, что мы замѣтили въ частныхъ хозяйствахъ, повторяется и въ государственномъ. Сравнительно очень высокій оброкъ за намѣстничъ кормъ въ Соли Вычегодской уравновѣшивается крайне низкимъ размѣромъ ямскихъ, пищальныхъ и другихъ денегъ. Высокій размѣръ пищальныхъ денегъ вызывалъ въ Вышнемъ Волочкѣ крайне незначительный размѣръ присудныхъ денегъ.

Всего въ Соли Вычегодской приходилось въ 1589 году на соху 43 р. 16 д.; о полоняничныхъ не упомянуто, если мы прибавимъ ихъ въ размѣрѣ двухъ рублей на соху, то получимъ 45 р. 16 д. съ сохи. Въ Можайскѣ приходится 47 р. на соху, въ Устюжнѣ—21 р. на соху, но не упомянуты ямскія деньги, составлявшія въ Можайскѣ главную статью сборовъ; если прибавимъ ихъ въ томъ же размѣрѣ, что въ Можайскѣ, — выйдетъ около 51 р. на соху.

---

[1]) А. Ю. 214, II: съ $^{22}/_{24}$ сохи Ипатьевскаго монастыря взято 8 р. 32 алт. (выходитъ не 2,000 денегъ, какъ бы слѣдовало, а только 1,955 д.); III: съ $^{1}/_{8}$ сохи Терехова монастыря—1 р. 8 алт. 2 д.; IV: съ $1^{1}/_{3}$ сохи (и еще $^{1}/_{2}$ обжи) Егорьевскаго монастыря—13 р. 15 алт. $4^{1}/_{2}$ д.; V: съ $3^{23}/_{24}$ сохи Спасо-Прилуцкаго монастыря—39 р. 19 алт. $2^{1}/_{2}$ д.

[2]) Д. А. И. I, 89: пищальныя деньги велѣно было сбирать со дворовъ въ Новгородѣ и пригородахъ.

Крестьяне Глотовой Слободки, люди все «молодшіе», составлявшіе 55 дворовъ, обложены были, какъ мы видѣли, оброкомъ въ 25 р. за всѣ подати. Тогда обыкновенно 100 молодшихъ дворовъ составляли на посадѣ соху, слѣдовательно и съ нихъ взяли въ размѣрѣ 50 р. съ сохи. Переяславскіе рыболовы платили въ 1588 г., приблизительно, съ $^3/_4$ сохи 43 р. 163 д., но въ этотъ платежъ включенъ и оброкъ съ рыбныхъ ловель, сосчитанный здѣсь вмѣстѣ съ деньгами за посошный кормъ, всего въ размѣрѣ 10 р. 30 алт. 5 д.; Соловецкій монастырь съ 40 обежъ, что составляло 400—480 четв., платилъ въ 1584 г. 50 р.; Спасо-Прилуцкій Вологодскій монастырь съ $^5/_{24}$ сохи за всѣ подати, кромѣ полоняничныхъ, 8 р. 17 алт. $^1/_8$ д., или 40 р. 26 алт. 4 д. съ сохи; прибавивъ полоняничныя, получимъ почти 43 р. съ сохи.

Это позволяетъ думать, что сборы съ черныхъ сохъ равнялись, приблизительно, 50 р. съ сохи къ концу вѣка; притомъ несомнѣнно, что подати возростали и возростали довольно скоро. Та же самая, Глотова Слободка, платившая по письму 1586 г. 25 р. по прежнему письму платила только 3 р. 25 алт.; Юрьевскій монастырь въ 1564 г. сталъ платить 2 р. 6 алт. 4 д. вмѣсто прежняго 1 рубля; мы видѣли размѣръ ямскихъ денегъ въ 1556 г. и въ 1598 г., когда появилась новая рубрика: «ямскимъ охотникомъ на подмогу».

Но если мы даже примемъ, что черныя сохи и посадскія платили около 50 рублей въ годъ податей, то это очень мало подвинетъ насъ въ изученіи финансоваго положенія Московскаго государства. Сколько было сохъ и иныхъ платежныхъ единицъ? Какъ платили подати крестьяне, жившіе на дворцовыхъ, на монастырскихъ и помѣщичьихъ земляхъ?

На первый вопросъ отвѣта быть не можетъ, на второй можно отвѣтить, что крестьяне владѣльческіе платили меньше, чѣмъ крестьяне черныхъ волостей или посадскіе люди. Напримѣръ, въ дворцовыхъ селахъ Тверскаго уѣзда Симеона Бекбулатовича, кромѣ оброка ему, должны были платить еще ямскія деньги съ сошнаго письма, по уложенью великаго князя. Платили-ли они другія подати? Вѣроятно, крестьяне не платили оброка «за намѣстничъ кормъ» уже потому, что владѣльцы земель, на которыхъ они сидѣли, замѣняли имъ въ отношеніи суда кормленщиковъ [1]). Но остальныя

---

[1]) На жалобу одного Новгородскаго помѣщика о запустѣніи его имѣнія велѣно произвести дознаніе о причинахъ и узнать, сколько съ этого помѣстья въ тѣ годы брали ямскихъ и приметныхъ и полоняничныхъ денегъ, и посошнаго корма, и городоваго дѣла, и всякихъ нашихъ мелкихъ годовыхъ роз-

подати на нихъ падали, также какъ и на посадскихъ и черныхъ крестьянъ, облегченіе имъ, въ владѣльческихъ земляхъ даваемое, заключалось въ томъ, что въ соху клали гораздо больше четвертей, чѣмъ въ черныхъ волостяхъ.

Затѣмъ оброчныя статьи (съ рыбныхъ ловель, съ мельницъ, съ пасѣкъ, съ луговъ, съ лавокъ) были такъ разнообразны, само собою разумѣется, что нечего и пытаться путемъ какихъ-либо расчетовъ вывести общую сумму этого рода платежей.

Съ другой стороны, эти данныя имѣютъ несомнѣнное значеніе для того, чтобы осторожнѣе сравнивать государственное хозяйство XVI вѣка съ XVII вѣкомъ; а это вопросъ очень существенный, такъ какъ многія цифры, сообщенныя Флетчеромъ, оправдывали цифрами Котошихина. Если же мы обратимся къ даннымъ XVII вѣка, то сейчасъ же увидимъ величайшія измѣненія; людей, привыкшихъ къ цифрамъ XVI в., цифры XVII в. поражаютъ своей величиной. Мы опредѣлили средній размѣръ податей, падавшихъ на соху въ XVI в. въ 50 рублей; въ XVII в. вводится новая подать, стрѣлецкія деньги, сразу въ размѣрѣ 160—90 рублей на соху въ посадахъ и черныхъ уѣздахъ; ко времени Котошихина стрѣлецкая подать поднимается до 228 рублей съ сохи, а было время когда она достигала до 800 рублей слишкомъ съ сохи.[1]) Мы видѣли, какъ поднимались ямскія деньги въ XVI в. съ 7½ рублей до 30 рублей подъ конецъ вѣкѣ; въ 1616—1618 годахъ эта подать сбиралась въ размѣрѣ *800 руб.* съ сохи, по 1 р. съ четверти; въ 1619 г., въ видахъ облегченія — 584 руб. съ сохи, 24 алт. съ четверти; затѣмъ въ 1621 году ямскихъ денегъ сбирали уже съ сохи по 468 руб., съ четверти пашни по 19 алт. 3 деньги[2]). Такіе огромные налоги можно объяснить только тѣмъ, что и доходность земли значительно поднялась, юфть хлѣба, т. е. четверть ржи и овса, оцѣнивалась въ эти годы 1 рублемъ, тогда какъ рыночная цѣна ей при царѣ Θеодорѣ была не свыше 32 денегъ (20 денегъ за рожь и 12 денегъ за овесъ)[3]).

метовъ (Д. А. И. I, 52, XXIX); въ описаніи Строгановскихъ владѣній этотъ оброкъ «за намѣстничъ кормъ» не упомянутъ, равно какъ и въ приведенныхъ грамотахъ объ освобожденіи отъ податей помѣстій лицъ, отправляемыхъ въ Персію на время ихъ посольства (см. прим. 1 на стр. 308).

[1]) О стрѣлецкой подати и размѣрахъ ея см. П. Н. Милюкова «Государственное хозяйство Россіи» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1890, № 9, 55—91).

[2]) Н. П. Хлѣбниковъ, О вліяніи общества на организацію государства, 267; указанные имъ акты въ А. Э. Ш, 116, 121.

[3]) В. О. Ключевскаго, Русскій рубль, 52—55; цѣна четверти ржи сильно

Это показываетъ, до какой степени трудно сравнивать государственные доходы XVI в. и XVII в.; такая сильная перемѣна, такое возвышеніе окладовъ должно служить очевиднымъ доказательствомъ, что въ XVI в. государственные доходы должны быть гораздо ниже, потому что то, что замѣчено о податяхъ, приложимо и къ оброчнымъ статьямъ; когда была возможность, правительство всегда старалось сдать эти статьи съ «наддачей»; невозможно допустить, чтобы, при такомъ повышеніи податей, оброчныя статьи остались неповышенными. Вотъ что мы считали своимъ долгомъ изложить прежде, чѣмъ перейти къ оцѣнкѣ XII-й главы Флетчера и отмѣтить:

1) Крайнюю сложность системы государственныхъ сборовъ, разбросанность городовъ, хотя бы сосѣднихъ, по различнымъ вѣдомствамъ, и въ однихъ городахъ различныхъ статей доходовъ по различнымъ вѣдомствамъ; узнать, сколько платитъ такой-то городъ можно было только послѣ справокъ въ нѣсколькихъ приказахъ.

2) Государственные сборы XVI вѣка не сравнимы съ сборами XVII вѣка, такъ какъ первые гораздо ниже вторыхъ.

Въ виду невозможности опредѣлить сумму доходовъ Московскаго правительства данными нашихъ архивовъ, цифры, сообщенныя Флетчеромъ, явились главнымъ источникомъ по этому вопросу. Оттого ихъ можно найти въ каждомъ сочиненіи, касающемся этого вопроса. Доходъ, и притомъ чистый доходъ, за покрытіемъ всякихъ издержекъ, Флетчеръ опредѣлилъ въ 1.430,000 рублей; цифра, конечно, изумительная; но она была принята нашими историками, съ существеннымъ, впрочемъ, со стороны большинства ограниченіемъ; эта цифра выражаетъ собою только валовые доходы правительства; сколько же изъ нихъ расходывалось, на это сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта не было [3]).

колебалась отъ 40 д. до 140 д., не считая голодныхъ цѣнъ. Рубль 1551—1600 г. В. О. Ключевскій считаетъ равнымъ 60 — 74 нынѣшнимъ рублямъ; рубль 1613—1636 г. — 14 нынѣшнимъ рублямъ, рубль 1651—1700 гг. — 17 нынѣшнимъ рублямъ (72).

[3]) Н. П. Хлѣбниковъ (op. cit., 177—178), приведя цифры Флетчера, находитъ ихъ очень вѣроятными, соображаясь съ доходами временъ Алексѣя Михайловича. Но о расходахъ государства нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Вѣроятно, что огромная часть доходовъ, по крайней мѣрѣ $^3/_4$ всей суммы, уходила на содержаніе войскъ и $^1/_4$ на содержаніе двора и администраціи. М. Фл. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ, I, 168. Соловьевъ VII, (изд. вт.), 396 приводятъ цифры Флетчера.

Между тѣмъ изложеніе Флетчера таково, что оно уже само по себѣ не можетъ внушать особаго довѣрія читателю.

Напомнимъ, что мы не разъ уже указывали на то, какъ легко впадаетъ Флетчеръ въ преувеличеніе и какъ скоръ онъ на обобщенія. Три вѣдомства, говоритъ Флетчеръ, занимаются сборомъ денежныхъ поступленій и передаютъ ихъ въ главную казну (head treasurie): Приказъ Большаго Дворца, Четверти и Приказъ Большаго Прихода, но дальше оказывается, что и другіе приказы имѣли въ своемъ вѣдѣніи земли, съ которыхъ сбирали доходы и передавали ихъ въ Большой Приходъ.

Главнымъ казначеемъ Флетчеръ считаетъ Степана Васильевича Годунова, надзиравшаго подъ высшимъ наблюденіемъ Бориса за царскою казною (53), куда поступали доходы, собираемые Большимъ Дворцомъ, Четвертями и Большимъ Приходомъ. На самомъ дѣлѣ въ то время Казна, Казенный дворъ завѣдывали лишь сохраненіемъ драгоцѣнныхъ вещей, одежды, мѣховъ и т. п., и казначеемъ былъ Ив. Вас. Траханіотовъ; извѣстіе Флетчера можно объяснить въ томъ смыслѣ, что Борисъ приставилъ своего родственника наблюдать за денежными поступленіями въ различныя учрежденія, за расходомъ этихъ денегъ и за сбереженіемъ ихъ.

1) Приказъ Большаго Дворца (the office of steward) собираетъ всѣ доходы съ царскихъ вотчинъ (vochine), которыя изъяты изъ общегражданскаго управленія. Царскую вотчину составляютъ 36 городовъ съ ихъ округами. Значительнѣйшими изъ нихъ Флетчеръ называетъ Alexandriska (Александровская слобода), Corelska (Корела), Otfer (Тверь), Slobodey (Слободы;—московскія слободы: Барашская, Басманная, Гончарная, Котельная, Красное Село, Напрудная, Огородная, Садовая, Таганная), Danielska (Данилово), Moisalskoy (Мосальскъ), Chara (Черкизово?), Sametska (Семчинское), Stara rousse (Старая Руса), Bransowe (Воронцово) (48)[1].

[1]) Для XVII в. списокъ городовъ, вѣдаемыхъ въ Большомъ Дворцѣ, у А. С. Лаппо-Данилевскаго, Организація прямаго обложенія, 542—543 (перечислено 20 городовъ); для XVI в. можно воспользоваться завѣщаніемъ Іоанна Грознаго (Д. А. И. I, 222), въ которомъ указано много селъ, полученныхъ Грознымъ отъ отца или вымѣненныхъ имъ отъ разныхъ князей и другихъ вотчинниковъ. Не всѣ они остались въ дворцовомъ вѣдомствѣ, многія были отданы потомъ монастырямъ или подъ помѣстныя земли, но, по крайней мѣрѣ, села около Москвы и въ XVII в. оставались, большею частью, въ Дворцовомъ вѣдомствѣ. Около Москвы въ завѣщаніи названы села: Добрятинское, Числяки, Ординцы, Семчинское, Воробьево, Аминево, Хорошово, Волынское, Воронцово, слобода Калычевская съ селами; царевичу Θеодору около Москвы завѣщаны

Замѣтимъ, что Тверь и Старая Руса не принадлежали дворцовому управленію; что, впрочемъ, знаетъ и Флетчеръ, такъ какъ нѣсколькими строками ниже Тверь оказывается платящею подати въ Четверти и пошлины въ Большой Приходъ. Въ то время великій князь Симеонъ Бекбулатовичъ носилъ титулъ князя Тверскаго, и въ этомъ уѣздѣ у него были обширныя дворцовыя села; въ Тверскомъ и Новоторжскомъ уѣздахъ испомѣщены были дѣти боярскіе его двора. Затѣмъ вѣдомство Большаго Дворца далеко не ограничивалось царскими дворцовыми селами, оно было раскинуто по всей Россіи, такъ какъ въ разныхъ мѣстахъ ему принадлежали оброчныя статьи. Населеніе царской вотчины платитъ подати во дворецъ, доставляетъ туда хлѣбъ, сѣно, всевозможные припасы или обработываетъ на государя землю. Повинности указаны совершенно вѣрно: мы имѣемъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ, что рыболовы должны доставлять во Дворецъ рыбу; если же она не понадобится, должны давать деньгами; то же самое съ бортнями, оброчники получаютъ право въ такихъ лѣсахъ ходить со «знаменемъ», и за это доставлять во Дворецъ опредѣленное число пудовъ меда; горностаи, бѣлки, куницы на сѣверѣ также составляли оброчныя статьи Дворца, замѣняемыя часто деньгами. Въ Веневскомъ уѣздѣ крестьяне дворцовыхъ селъ получали на выть $6^1/_2$ десятинъ доброй земли; изъ этого числа $1^1/_2$ дес. обработывались на государя; они же должны были платить за мелкій доходъ и за медвяной оброкъ [1]).

были села: Крылецкое, Татарово, Сорочино, Раманцово, Озерецкое, сельца: Кузяево, Бѣлой Растъ и др.

Къ сожалѣнію, трудно разобрать въ этомъ памятникѣ, какіе города и села передаются царевичу Іоанну и царевичу Ѳеодору на частномъ правѣ, какіе на государственномъ.

1) Писцовая книга волости Ѳедосьина городка: «а съ того ѣзу и съ тоней давати имъ царю и великому князю оброку 15 осетровъ, а давать имъ тое рыбу 6 осетровъ семерниковъ, а 9 осетровъ пятерниковъ вислыхъ, а икры осетрьи давать имъ 2 пуда безъ 5 гривенокъ, да 100 стерлядей вислыхъ, а давать имъ тѣхъ стерлядей 20 болшихъ, 30 стерлядей середнихъ, 50 стерлядей меншихъ, да бочка стерляди просолные; а возити имъ та рыба къ Москвѣ въ годъ на два срока... а въ которомъ году царь и великій князь не велитъ у нихъ тое рыбы и икры имати, и имъ за тое рыбу и за икру давати денгами 17 р. 4 алт. $3^1/_2$ д., а хрящи, пупки осетрьи и вязига и клей возити къ Москвѣ съ рыбою вмѣстѣ и отдавати во Дворецъ, ..съ прибылныхъ вытей давать денежной оброкъ и посыпной хлѣбъ (Писц. книги, II, 415—417). Дворцовыя села въ Веневскомъ уѣздѣ, гдѣ крестьяне, получая на выть по $6^1/_2$ десятинъ, $1^1/_2$ десятины пахали на государя, и 5 на себя (тамъ же, 1548—1549).

Флетчеръ говоритъ, что припасовъ этихъ свозится ежегодно во Дворецъ такое огромное количество, что, за удовлетвореніемъ всѣхъ потребностей Дворца, за раздачей жалованья, остается громадный излишекъ, который продается и отъ продажи выручается до 230,000 рублей. Далѣе онъ продолжаетъ, что значительная часть этого излишка (overplus) идетъ на жалованье дворцовымъ чинамъ. Не совсѣмъ ясно, какимъ же образомъ въ итогѣ онъ считаетъ опять 230,000 рублей?

2) Четверти (ихъ четыре, оговаривается Флетчеръ, но, по тождественности круга дѣйствій, можно разсматривать ихъ, какъ одно вѣдомство) собираютъ тягло и подати. Тягло (tagla) есть ежегодный налогъ, взимаемый съ каждой выти присяжными цѣловальниками и доставляемый въ приказъ. Выть есть хлѣбная мѣра, содержащая въ себѣ 60 четвертей, а четверть равняется тремъ англійскимъ бушелямъ или немного менѣе. Подать—ежегодный денежный сборъ, взимаемый съ сохи или съ сотни по всему государству (49—50).

Такимъ образомъ Четверти взимаютъ прямые налоги. Самый способъ взиманія этихъ налоговъ, черезъ присяжныхъ (sworne men) указанъ вѣрно; нельзя того же сказать объ опредѣленіи Флетчеромъ этихъ налоговъ. Позже, въ XVII в. встрѣчается довольно часто выраженіе, что въ такомъ-то приказѣ вѣдомы извѣстные города тягломъ и податьми; изъ такого указанія Флетчера должно видѣть, что въ разговорной рѣчи подобныя выраженія употреблялись и въ XVI в.

Прежде тягло противополагалось оброку; въ настоящее время выяснено (особенно А. С. Лаппо-Данилевскимъ), что оброкъ и тягло вовсе не были исключающими другъ друга понятіями; напротивъ, они смѣшивались и носили характерное названіе тяглооброка. Мы видѣли, что и въ XVI в. многія подати перекладывались въ оброкъ въ видахъ большаго удобства какъ для казны, такъ и для плательщиковъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти всѣ подати взимались оброкомъ. Оброчные платежи во многихъ мѣстахъ значительно превосходили разнаго рода деньги: ямскія, пищальныя и полоняничныя, тамъ, гдѣ эти деньги не были положены въ оброкъ (что всего рѣже бывало съ полоняничными деньгами,—не имѣемъ ни одного указанія), для населенія за оброкомъ сохранилось названіе тягла по преимуществу, за деньгами же, не вошедшими въ оброкъ, утвердилось названіе подати.

Подати взимались въ XVI в., преимущественно, съ сохи, по

сошному письму; но и оброкъ, какъ мы видѣли уже, часто платили тоже съ сошнаго письма. Флетчеръ, вѣроятно, былъ введенъ въ заблужденіе нѣсколькими примѣрами частныхъ хозяйствъ или дворцоваго хозяйства, въ которыхъ оброкъ взыскивали по вытно, съ выти, а подати указывалось платить съ сошнаго письма.

Самымъ неудачнымъ слѣдуетъ признать опредѣленіе выти, какъ хлѣбной мѣры, содержащей въ себѣ 60 четвертей. Можетъ быть, Флетчеръ, зная уже два значенія слова «четверть»—хлѣбной мѣры и учрежденія,—положился на свои знанія и не подозрѣвалъ третьяго значенія этого слова, а шестьдесятъ четвертей въ выти не явилось ли вмѣсто шестнадцати четвертей въ выти, какое количество четвертей худой земли часто клалось на выть? Приблизительно, 60 четвертей зерна засѣвалось на тогдашнюю выть.

Во всякомъ случаѣ это опредѣленіе выти остается крайне неудачнымъ и неполнымъ.

Затѣмъ нельзя считать вѣрнымъ и указаніе, что Четверти собираютъ всѣ прямые налоги, — тягло и подати; мы уже видѣли, что сборы ямскихъ, полоняничныхъ и пищальныхъ денегъ съ сохъ принадлежали Большому Приходу.

Четверти собираютъ всего 400,000 р.

3) Также слишкомъ спеціализируетъ Флетчеръ вѣдомство Большаго Прихода, какъ учрежденія, въ которое поступаютъ торговыя пошлины (customes) со всего государства, разные мелкіе сборы, взимаемые другими приказами, и суммы, оставшіяся у приказовъ за удовлетвореніемъ всѣхъ расходовъ текущаго года.

Торговыхъ пошлинъ въ Большой Приходъ поступаетъ до 340.000 р.

Эти пошлины тѣмъ легче исчислить, что онѣ раньше кладутся въ окладъ и должны быть собраны непремѣнно полностью; въ противномъ случаѣ недостатокъ взыскивается на отвѣтственныхъ лицахъ; если же будетъ собрано больше, то излишекъ поступаетъ въ казну.

Въ то время такія пошлины собирались двумя способами: онѣ отдавались или на вѣру, или на откупъ. Флетчеръ знаетъ только одинъ, первый способъ, состоявшій въ томъ, что мѣстное тяглое населеніе выбирало вѣрныхъ (т. е. давшихъ присягу) цѣловальниковъ, которые должны были собирать таможенныя пошлины. Такой порядокъ въ это время былъ, напр., на Двинѣ, и какъ старательно собирали вѣрные цѣловальники тамъ эти сборы, видно изъ того, что недоборъ, происходившій отъ своевольства «сильныхъ» людей,

цѣловальники разводили по окладу, по сошкамъ. Когда въ концѣ 1596 г. правительство всѣ мыты и перевозы взяло въ свое вѣдѣніе, такъ какъ владѣльцы перевозовъ чинили разнаго рода насильства и вымогательства проѣзжающимъ людямъ, то велѣно было на всѣхъ перевозахъ учинить вѣрныхъ цѣловальниковъ [1]).

Съ другой стороны, таможенныя пошлины отдавались и на откупъ. Такой порядокъ видимъ въ 1586—1587 г. въ Новгородѣ, въ уѣздахъ Ярославскомъ и Мещевскомъ въ 1595 и 1596 гг. [2]).

Затѣмъ въ Большой Приходъ поступаютъ сборы съ бань, кабаковъ, которые, по словамъ Флетчера, не поддаются точному исчисленію, но не могутъ быть незначительны, также судебныя пошлины, около 3000 р. ежегодно, и деньги, выручаемыя отъ продажи рухляди въ Разбойномъ Приказѣ [3]).

Крупную статью поступленій въ Большой Приходъ составляютъ деньги, доставляемыя военными приказами. Въ завѣдываніи этихъ приказовъ (Разряда, Стрѣлецкаго, Иноземскаго, Prechase of Shishivoy

---

[1]) А. Э. I, 338 и 367. Въ 1556 г., хотя жаловались откупщики вѣсчей пошлины, что недобрали 77 р. 13 алт., потому что сало и воскъ не шли въ Нѣмцы, тѣмъ не менѣе приказано взять съ нихъ все сполна. Д. А. И. I, 95.

[2]) А. Э. I, 331, 332, 334 и 335, 342, 362 и 366. Флетчеръ говоритъ, что всѣ пошлины должны поступать въ Большой Приходъ къ 1 сентября. На самомъ дѣлѣ сроковъ указывалось очень много: 1 сент. (Д. А. И. I, 49, 74; также указанные въ этомъ примѣчаніи первые четыре №№; напротивъ, по № 362 тамга отдана съ 25 марта 103 (1595 г.) по 25 марта 104 г.; по № 366, тамга отдана съ 15 августа 104 года по 15 авг. 105 года; послѣднія грамоты прямо говорятъ: «на *свой* откупной срокъ», т. е. откупщикъ могъ взять на откупъ, когда хотѣлъ. Вѣрные цѣловальники должны были привозить деньги, «на срокъ, на Срѣтеньевъ день» (А. Э. I. 338).

[3]) Въ приказныхъ дѣлахъ посольскаго приказа въ связкѣ II (Ар. Мин. Ин. Д.) намъ встрѣтилась отписка воеводы Нохтева и дьяка Алабьева о томъ, что сборы съ двухъ бань въ Новгородѣ на Софійской и Торговой сторонахъ отданы были цѣловальникамъ на вѣру съ 24 іюня 101 г. по 24 іюня 102 г.. по выбору пяти конецкихъ старостъ. Они собрали 79 р. 23 алт. 1 д.; а прошлые цѣловальники собрали 161 р. слишкомъ; а на будущій 103 г. банный сборъ отданъ откупщику за 140 р., да пошлинъ съ него взято 7 р. и полтина подписныхъ, всего 147 р. 8 алт. 2 д. Цѣловальники свой малый сборъ объясняли тѣмъ, что въ прошломъ году въ Новгородѣ было много «прибылныхъ» ратныхъ людей, а новые откупщики опять надѣются на тоже.

Размѣръ судебной пошлины въ гражданскихъ дѣлахъ Флетчеръ опредѣляетъ въ 10%, 20 денегъ съ рубля, поступающихъ въ царскую казну. Такой размѣръ указанъ 8-ю ст. Царскаго Судебника: бояринъ (дворецкій или казначей) беретъ *себѣ* 11 денегъ съ 1 рубля, дьякъ *себѣ*—7 ден., подъячій *себѣ же*—2 д. По другимъ дѣламъ пошлины были меньше, ср. ст. 33—44.

Nemshoy, и Пушкарскаго) находятся земли, доходами которыхъ они покрываютъ расходы на жалованье войскамъ, артиллерію, порохъ и т. п.; такъ какъ въ мирное время жалованье выдается на половину и другихъ расходовъ меньше, то эти приказы сберегаютъ большія суммы, напр. Разрядъ около 250,000 р., такъ что всего въ Большой Приходъ поступаетъ ежегодно 800,000 р.

Изъ этого слѣдуетъ, что военные приказы всѣ вмѣстѣ доставляютъ не меньше 400,000 р. своихъ сбереженій, такъ какъ раньше Флетчеръ указалъ только 340,000 р. поступленій въ Большой Приходъ и затѣмъ перечислялъ мелкія статьи поступленій.

Несомнѣннымъ, по нашему мнѣнію становится, что Флетчеръ нѣкоторыя оборотныя суммы считалъ два раза. Если военные приказы доставляютъ до 400,000 р. (одинъ Разрядъ 250,000 р.), то ихъ доходы должны равняться 800,000 р., такъ какъ они сберегаютъ, приблизительно, половину. Но мы уже видѣли, что Четверти и Большой Приходъ собираютъ со всего государства только свыше 740,000 р., т. е. что подъ вѣдомствомъ военныхъ приказовъ находится бо̀льшая часть государства. Но послѣднее невозможно.

Разрядъ и другіе военные приказы имѣли города подъ своимъ управленіемъ, но число этихъ городовъ было не велико, и сами города были очень незначительны, такъ что доходовъ съ нихъ едва хватало на приказныя нужды, т. е. на дѣлопроизводство.

Мы уже приводили рядъ свидѣтельствъ, изъ которыхъ видно, что жалованье выдавалось изъ Большаго Прихода и Четвертей; Разрядъ давалъ памяти на эти приказы [1]). Конечно, на обыкновенные расходы военные приказы заранѣе получали деньги изъ Большаго Прихода и изъ Четвертей, и по заключеніи года остатки, очень можетъ быть, возвращались въ Большой Приходъ. Флетчеръ же изъ того, что у этихъ были свои земли и даже города вывелъ то, что насчетъ этихъ земель содержалось все военное управленіе. Въ XV главѣ онъ опредѣляетъ расходы Разряда на жалованье войскамъ, когда оно выдается полностью, въ 95,000 р.; въ этой же главѣ Разрядъ дѣлаетъ сбереженія изъ жалованья, выдавая его въ половинномъ или даже меньшемъ количествѣ, на 250,000 р.! Для насъ ясно, что онъ совершенно запутался въ цифрахъ.

[1]) А. М. Г. I. 21.

Такимъ путемъ Флетчеръ получаетъ свой итогъ *чистаго* дохода:

Изъ Большаго Дворца	. . .	230,000 р.
» Четвертей		400,000 »
» Большаго Прихода	. . .	800,000 »
	Итого . . .	1.430,000 р.

чистаго дохода, за покрытіемъ всѣхъ издержекъ.

Въ эту сумму дохода, по Флетчеру, не входятъ деньги, очень большія, выручаемыя отъ продажи мѣховъ, отъ конфискаціи имущества опальныхъ, отъ чрезвычайныхъ налоговъ и поборовъ.

Такая сумма чистаго дохода показалась, какъ мы уже видѣли, сомнительной и Н. П. Хлѣбникову и М. Ф. Владимірскому-Буданову. У нихъ обоихъ сдѣлано предположеніе, что это не чистый доходъ, а валовой. Но, по нашему мнѣнію, нельзя принимать эту сумму и за валовой доходъ, потому что Флетчеръ очевидно считаетъ нѣкоторыя цифры два раза. Если черезъ 100 лѣтъ доходъ Московскаго государства былъ около 2.000,000 рублей, то этимъ доказывается невозможность цифры 1.430,000 для XVI в. Налоги увеличились, народонаселеніе и предѣлы государства также, цѣнность денегъ упала въ 4 раза, а бюджетъ возросъ только на треть? Вся исторія финансовъ XVII в., столь обстоятельно теперь разработанная, служитъ доказательствомъ противнаго. Военныя потребности, содержаніе войска было главнымъ расходомъ правительства: а между тѣмъ расходъ на войска до Смоленской войны по исчисленіямъ П. Н. Милюкова, скорѣе преувеличеннымъ, не превышалъ 275,000 р. [1]). Всѣ же другіе расходы въ то время сравнительно съ военными были незначительны и легко удовлетворялись мѣстными средствами. Увеличеніе же арміи вызвало введеніе новой подати и затѣмъ чрезмѣрное повышеніе ея оклада. О какихъ же 1.400,000 р. мы имѣемъ право говорить для XVI в.

О томъ, какъ не велики были, сравнительно, запасы и сбереженія Московской казны, свидѣтельствуетъ крайне интересный документъ, напечатанный въ Исторической библіотекѣ,— расходъ казнѣ за 1611—1612 [2]). Исчислены-ли здѣсь всѣ расходы государства, сказать нельзя: вѣроятно, нѣтъ, потому что вовсе не показано жалованье служилымъ людямъ; изъ общегосударственныхъ статей расхода указано только жалованье стрѣльцамъ, деньги, выданныя на приказные расходы, на подмогу боярамъ, отправ-

[1]) Ж. Мин. Нар. Просв. 1891, № 9.

[2]) Русская Историческая Библіотека, II, № 95.

*

леннымъ послами къ королю Сигизмунду подъ Смоленскъ. Самой крупной статьи расхода нѣтъ; очень можетъ быть, что въ эти тяжелые для государства годы служилые люди, дворяне и дѣти боярскіе и другіе чины, жалованья не получали, такъ какъ въ то время имъ не полагалось жалованье ежегодно. Во всякомъ случаѣ эта статья обыкновеннаго расхода съ избыткомъ покрывается тѣми выдачами, которыя сдѣланы для удовлетворенія Нѣмцевъ (нѣмецкаго войска) и, особенно, Польскаго и Литовскаго войска и Сапѣгина полка. Стрѣльцамъ было выдано всего 7,392 р. или 11,392 р. (въ подлинникѣ документа двѣ суммы); на приказные расходы 13,823 р., по королевскимъ грамотамъ на разныя нужды—6,545 р. Нѣмецкому войску дано было деньгами 14,493 р. (по нашему счету—15,493 р.), Литовскимъ и Польскимъ людямъ на кормъ 64,968 р.

Всего *деньгами* дано:

Нѣмцамъ.	14,493 р.
Польско-Литовскимъ людямъ .	61,488 »
Стрѣльцамъ.	11,392 »
На приказные расходы. . . .	7,779 »
По королевскимъ грамотамъ. .	7,169 »
Въ додачу Литовцамъ.	8,804 »
Меньшихъ выдачъ.	2,040 »
	113,165

И всего въ расходѣ, заключаетъ роспись, денегъ 111,584 р. 31 ал. 3 д., и не дойдетъ передъ приходомъ 4-хъ р. 17 ал. 4 д. [1]).

Изъ этого можно заключить, что годовой приходъ 1611—1612 г. былъ всего 111,589 р. 15 алт. 5 д.; конечно, приходъ этого года былъ ниже нормальнаго; но какъ не велики были запасы московской казны видно изъ того, что недостающая сумма на содержаніе Нѣмецкихъ и Литовскихъ воиновъ пополнена была продажей драгоцѣнностей царской казны; казна эта несомнѣнно пострадала раньше отъ щедрости и даже мотовства перваго самозванца, теперь она съ трудомъ могла доставить сумму въ 232,273 р., которую пришлось выдать въ дополненіе къ денежному расходу: однимъ польско-литовскимъ войскамъ, по королевскому приказу, выдано было вещами на сумму 161,000 слишкомъ рублей, по оцѣнкѣ Московскихъ гостей; депутаты же Литовско-Польскаго войска

[1]) У насъ показано больше, потому что въ нѣкоторыхъ случаяхъ—нельзя точно разобрать, дано ли деньгами или вещами на указную сумму.

оцѣнили эти вещи лишь въ 120,000 р. слишкомъ, а для выручки этой суммы проданы были дорогіе мѣха, образа, цѣпи, ковши, чарки, блюда, момаи, судки, запоны, плащи, кресты, окладни, перстни, каменья и жемчугъ, «что спорывано съ платья»; «что снимано съ наузовъ и съ тясемъ»; потребовалось даже снять каменья съ шубы, которая была на гробу царя Θеодора.

Послѣ же на содержаніе польско-литовскихъ войскъ потребовалось отправить на Денежный Дворъ для передѣлки въ монету: потиры, лжицы, блюдечки изъ церквей снимать золото съ трехъ покрововъ въ церкви Михаила Архангела, которые «были на гробѣхъ великого князя Василія и царя и великого князя Ивана и царевича Ивана».

Такъ не велики были доходы Московскаго правительства; ни о какомъ милліономъ даже доходѣ мы не можемъ говорить, потому что не можемъ представить себѣ и милліоннаго расхода правительства. Н. П. Хлѣбниковъ полагаетъ, что $^{3}/_{4}$ расходовъ шло на содержаніе арміи, $^{1}/_{4}$ на содержаніе двора. Въ XVI в. расходы на войско были еще меньше, чѣмъ въ первой трети XVII в.; поэтому, если мы даже исключимъ изъ итога Флетчера—400,000 р. сбереженій военныхъ приказовъ, то и то у насъ остается сравнительно очень большая сумма дохода въ 800,000 р.+230,000 р. дворцовыхъ доходовъ, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ по содержанію Дворца. Въ виду этого, мы попытаемся теперь разобрать, какъ получились у Флетчера указанныя имъ цифры: 230,000 р. Большаго Дворца, 400,000 р. Четвертей и 340,000 р. слишкомъ Большаго Прихода.

Начнемъ съ дворцоваго хозяйства, чистаго дохода царя.

Возможно ли допустить такую сумму, какъ 230,000 р., выручаемыхъ отъ продажи дворцовыхъ припасовъ (мѣховъ Флетчеръ не считаетъ здѣсь, о нихъ онъ говоритъ особо). Флетчеръ прибавляетъ, что при Грозномъ сумма продажи излишковъ была около 60,000 рублей, а теперь она стала гораздо выше, потому что дворъ скромнѣе, и Годуновъ тщательно блюдетъ интересы казны, считая ихъ за свои собственные. Для того, чтобы выгоднѣе продать товары Дворца, искусственно повышаютъ на нихъ цѣну, запрещая всѣмъ другимъ лицамъ продавать предметы того же рода, пока не будутъ проданы царскіе товары (57—58). Замѣчаніе вѣрное, но оно все-таки не можетъ убѣдить, чтобы продавалось хлѣба на 200,000, лѣсу и сѣна и проч. на 30,000 р.

Когда мы обратимся къ тѣмъ немногимъ даннымъ, изъ ко-

торыхъ должна сложиться сумма въ 230,000 р., то они окажутся слишкомъ ничтожными сравнительно съ итогомъ.

Рыболовы Борисоглѣбской слободы давали во Дворецъ за рыбную ловлю 20 алт., да оброку за дань и за всѣ пошлины—2 р. Въ 1577 г. въ Можайскѣ отдаютъ мельницу на оброкъ, платить 10 руб., изъ нихъ 2 р. наддачи противъ прежняго оброка; въ 1587 г. крестьянинъ беретъ на оброкъ лѣсъ по Унжѣ, за это онъ доставляетъ во дворецъ 1 пудъ меда, да 5 денегъ пошлинъ; въ 1585 г. изъ тѣхъ же мѣстъ 10 пуд. меда; съ Переяславской рыбной слободы должно поступать во Дворецъ 43 руб. слишкомъ; съ Ѳедосьина городка поступало, если рыба не требовалась, немного менѣе 20 р.; въ Веневскомъ уѣздѣ крестьяне дворцовыхъ селъ, 5 слишкомъ сохъ, 514 дворовъ,—177 р. 12 алт. 3 д.; въ Каширѣ въ 1579 г. давали 5 руб. во Дворецъ за рыбную ловлю, если не понадобится рыба; тамъ же съ оброчныхъ луговъ—6 р. 22 алт.; въ Каширскомъ уѣздѣ очень подробно описаны всѣ угодья въ помѣстьяхъ, тамъ многимъ дѣтямъ боярскимъ и дворянамъ отведены порядочныя пространства лѣсу и земли, за что они платили во Дворецъ медвяной оброкъ,—съ Раставскаго стана 63 п. меда, въ другихъ станахъ такихъ помѣстій по одному, по два, и медвянаго оброка всего 1 п., 2 п. Объ этомъ оброкѣ писано въ книгѣ такъ: «а платити ему на государевъ на Болшой Дворецъ медомъ съ живущего $1^1/_2$ пуду меда и 3 гривенки, а пошлинъ дворетцкаго и дьячихъ по 5 ден. съ пуда, да къ меду въ доимку денгами почему государь велитъ въ коемъ году взяти».

Въ Тулѣ оброчныя статьи (мельница и пашни) давали 6 р. 6 алт. 4 д. [1]).

Разумѣется этимъ далеко еще не все исчерпано, приведенныя

---

[1]) А. Ю., 171, 359, I и П. А. Э. I, 324, 341; Писцовыя книги, II, Ѳедосьина городка 415—416; Тула, 1096; Кашира, 1303, 1307.

Въ Раставскомъ стану у многихъ помѣщиковъ были пруды, озерки, въ которыхъ водилась рыба; писцовая книга вездѣ отмѣчаетъ это, но во многихъ случаяхъ прибавлено: «а рыба въ немъ (озерѣ) щуки, окуни, плотицы и лещи, дано ему въ угодье» (1307—1436); медъ же изъ этого стана доставляли тѣ въ Большой Дворецъ, у которыхъ кромѣ помѣстія были еще земли на оброкѣ сверхъ оклада; излишекъ и давался въ «медвеной оброкъ»; всего въ медвяномъ оброкѣ было въ этомъ стану въ живущемъ почти три сохи, $2^5/_6$ сохи (1436). Въ писцовой книгѣ Полоцкаго уѣзда также подробно указаны рыбныя ловли и бортни у помѣщиковъ, но мы, разумѣется, не принимали въ расчетъ этого уѣзда; итоги описи дворцовыхъ селъ въ Веневскомъ уѣздѣ (1548—1549).

оброчныя статьи могутъ служить только примѣромъ; у Дворца были владѣнія гораздо болѣе значительныя, но мы едва насчитали въ разныхъ мѣстахъ на 300 рублей; невольно является сомнѣніе, если бы Дворецъ имѣлъ такое огромное хозяйство, сталъ ли бы онъ заниматься такими мелкими статьями оброка, какъ назначать 1 пудъ меда; если бы во Дворцѣ былъ, дѣйствительно, такой огромный избытокъ на 230,000 р., отчего бы эти мелкіе сборы въ нѣсколько рублей, а иногда и въ полтину не полагать прямо на деньги? Къ этому должно прибавить, что Дворецъ изъ своихъ запасовъ давалъ хлѣбное жалованье всѣмъ служащимъ при Дворцѣ, многочисленнымъ церквамъ также шла изъ Дворца руга какъ хлѣбная, такъ и денежная. Слѣдовательно, расходъ хлѣба самъ по себѣ уже былъ очень значителенъ. Наконецъ обратившись къ даннымъ XVII в., мы увидимъ полную несообразность данныхъ Флетчера. Въ 1680 г. Большой Дворецъ долженъ былъ собрать всего 206,341 р., изъ нихъ 45,042 р. были экстреннымъ сборомъ; обычный доходъ Дворца составляли—161,768 р., тогда какъ на дворцовое управленіе въ 1680 г. истрачено было 224,366 р. [1]).

Котошихинъ считалъ въ вѣдомствѣ Дворца 40 городовъ, а доходъ его какъ съ этихъ городовъ такъ и другихъ оброчныхъ статей простирались до 120.000 р., не считая пошлины, которыя всѣ расходовались на дворовыя нужды [2]). Болѣе близкія по времени къ Флетчеру свидѣтельства не даютъ никакой возможности предполагать о значительной выручкѣ отъ продажи припасовъ; извѣстная записка такъ опредѣляетъ вѣдомство Дворца: «На Дворцѣ дворецкой, да съ нимъ два діяка, вѣдаютъ дворцовые села, и хлѣбъ, и всякой дворцовой доходъ что Государю на обиходъ по-

---

[1]) § 7 I главы ст. П. Н. Милюкова «Государственное хозяйство Россіи»—балансъ государственныхъ доходовъ и расходовъ въ 1680 г.: Большой Дворецъ получаетъ доходовъ: таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ: 63,706 р., стрѣлецкой подати—13,353 р., ямскихъ и полоняничныхъ — 12,583 р., данныхъ и оброчныхъ — 71,657 и запросныхъ, экстренныхъ сборовъ (десятая, пятинная деньга и за перехожіе дворы — 45,042; всего — 206,341, а безъ экстренныхъ сборовъ 161,299 р.; вотъ окладъ денежныхъ доходовъ Большаго Дворца; поступило же всего 66,289 р.; расходъ же на дворцовые расходы—161,768 р., а на все дворцовое управленіе—224,366.

[2]) О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, гл VII, 4. Собственно сборовъ натурою далеко не хватало при царѣ Алексѣѣ для дворцовыхъ потребностей, такъ что вино, ягоды, покупали: вино на 30,000, другихъ припасовъ на 30,000 — 40,000 р.; только рыбу продавали за излишествомъ (гл. VI).

надобѣтъ на весь годъ, и хлѣбъ стрѣлцомъ и пушкаремъ и всякимъ оброчникомъ» [1]).

Расходныя книги денежной казны 1613—1614 гг. вполнѣ подтверждаютъ, что у Дворца получаемыхъ имъ припасовъ едва хватало на свои издержки. Къ 1-му сентября 1613 г. денегъ въ денежной казнѣ оставалось всего 1,403 р. 7 д. Такая небольшая сумма объясняется, конечно, исключительностью обстоятельствъ предшествовавшихъ лѣтъ. Но затѣмъ, государство начало входить въ обычную колею. Однако, во Дворцѣ съ 1-го сентября 1613 г. по 31-го августа 1614 г. израсходовано было 9,762 р. 6 алт. осталось на слѣдующій годъ всего 916 р. 29 алт., т. е. денежный расходъ превышалъ таковой же доходъ, и притомъ въ числѣ денежныхъ доходовъ ни разу не показано, чтобы поступили какія бы то ни было суммы отъ продажи припасовъ: самыя значительныя поступленія, — деньги, взятыя изъ другихъ приказовъ, всего на 7,453 р.; затѣмъ доходъ отъ перечеканки старыхъ денегъ въ новыя; деньги, поднесенныя царю съ челобитьемъ. Напротивъ того, въ числѣ расходовъ постоянно указывается, что столько-то дано на харчъ, квасы, муку и сало казеннымъ мастеровымъ, портнымъ, скорнякамъ, шапочникамъ; нѣсколько разъ указаны случаи покупки для этихъ лицъ дровъ, свѣчей у московскихъ и другихъ торговцевъ [2]).

Зная, въ какіе годы и при какихъ обстоятельствахъ была царская казна въ 1613—1614 г., нельзя отсюда выводить, что Флетчеръ совсѣмъ не правъ; при царѣ Ѳеодорѣ дѣло это обстояло гораздо лучше; всякихъ припасовъ не только хватало, но значи-

---

[1]) А. И. II, 355. Къ сожалѣнію, Маржеретъ объ этомъ говоритъ недостаточно опредѣленно; онъ считаетъ, что во Дворцѣ хранится обыкновенно отъ 120—150 т. р. наличныхъ денегъ, болѣе или менѣе, судя по издержкамъ на посольства и другіе чрезвычайные случаи, которыми онъ завѣдываетъ. По его словамъ, съ жителей, хотя нѣсколько удаленныхъ отъ столицы, вмѣсто естественныхъ произведеній, собираютъ деньги, и притомъ по очень высокой цѣнѣ, напримѣръ, съ выти или участка земли обработанной въ семь или восемь десятинъ, изъ которыхъ на каждой можно насѣять двѣ четверти хлѣба, крестьяне платятъ по 10, 12, 15 рублей и даже по 20, смотря по качеству хлѣба» (Сказанія современниковъ, 269). Хотя по этому свидѣтельству доходъ Дворца на 100,000 ниже дохода по Флетчеру, но и эта сумма намъ кажется сомнительна и для XVI в. невѣроятна уже по тому, что высшій оброкъ съ выти мы видѣли въ 3 р., а по Маржерету 20 р.

[2]) Русская Историческая Библіотека, IX, Приходо-расходныя книги Казеннаго Приказа.

тельная часть ихъ и продавалась; только не такъ много, какъ думаетъ Флетчеръ.

Переходя теперь къ разбору поступленій въ Четверти, мы прежде всего должны отмѣтить, что нѣкоторые изъ названныхъ городовъ (Москва, Новгородъ, Псковъ, Тверь, Казань) въ то время вовсе не были въ завѣдываніи Четвертей, а Москва вѣдалась Земскимъ Приказомъ, что зналъ и самъ Флетчеръ; чтобы разобрать, однако, цифры Флетчера по существу, мы на нихъ должны бы смотрѣть, какъ на цифры поступленій прямыхъ налоговъ, а на цифры Большаго Прихода, какъ поступленій косвенныхъ и отчасти прямыхъ (ямскія, полоняничныя и др. деньги).

Четверти собираютъ до 400,000 тягла и податей; Флетчеръ перечисляетъ 13 городовъ съ областями, очевидно вносящихъ наибольшія суммы: Псковъ—18,000; Новгородъ (вѣроятно Великій)—35,000; Тверь и Торжокъ—8,000; Рязань—30,000; Муромъ—12,000; Холмогоры и Двина—8,000; Вологда—12,000; Казань—18,000; Устюгъ—30,000; Ростовъ—50,000; Москва—40,000; Сибирь—20,000; Кострома—12,000. Эти города вносятъ подати на сумму 293,000 р.; на долю остальныхъ приходится 107,000 р. Не совсѣмъ ясно, какъ надо понимать городъ съ областью (50—51) [1].

Мы видѣли, что Флетчеръ представлялъ себѣ Россію раздѣленною на нѣсколько провинцій; въ такомъ случаѣ, въ этомъ перечнѣ не указаны области (shires): Нижегородская, Смоленская, Бѣлозерская, Каргопольская, Мещерская, Галичская, Астраханская, Черниговская, Пермская, Вятская, Югорская, Булгарская, Удорская, Обдорская и Кондійская, и названы Муромская, Вологодская и Костромская, которыхъ раньше Флетчеръ въ числѣ областей не считалъ. Что Флетчеръ понималъ слово область (province) въ томъ же смыслѣ и въ этой главѣ, можно думать потому, что: 1) очень значительны суммы для 13 городовъ на 293,000 р., тогда какъ на долю всѣхъ остальныхъ городовъ, а ихъ было около 100, приходится только 107,000 р.; 2) названа Рязанская область, когда города Рязани собственно не было; но противъ этого толкованія говоритъ появленіе городовъ Мурома, Костромы и Вологды, которые раньше въ числѣ областныхъ городовъ не были показаны; а затѣмъ и то обстоятельство, что узнать, сколько платитъ городъ N съ уѣздомъ, Флетчеръ могъ еще, но узнать, сколько платятъ

---

[1]) 50: The towne and province of Vobsko pay yeerely for tagla and podat about 18,000 r., Novogrod about 35,000 r...

города, расположенные на территоріи бывшаго княженія Ярославскаго или Рязанскаго, онъ не могъ, такъ какъ города распредѣлены были между различными учрежденіями, и только путемъ справокъ во многихъ приказахъ Флетчеръ могъ бы узнать, сколько поступаетъ платежей съ городовъ данной области.

Поэтому остается предположить, что областными могутъ быть считаемы только Новгородъ Великій и Псковъ; остальные же даютъ эти взносы со своихъ уѣздовъ. Но чѣмъ можно объяснить, что Ростовъ, незначительный городъ, даетъ больше всякаго другаго, больше Москвы, больше Новгородской и Псковскихъ областей, взятыхъ вмѣстѣ? Сравнительно больше давали уѣзды, гдѣ большинство населенія было черное, но про Ростовскій уѣздъ этого сказать никакъ нельзя. Сибирь даетъ податей 20,000 р. Флетчеръ былъ въ Москвѣ 1588—89 г.; между тѣмъ вторичное завоеваніе Сибири началось только съ 1586 г., о какихъ нибудь прямыхъ налогахъ въ Сибири можно говорить только съ XVII вѣка (ясакъ, сборъ мѣхами, какъ мы уже видѣли, Флетчеръ считаетъ особо); только съ 1590 г. началась правительственная колонизація Сибири, и долго впродолженіи всего царствованія Михаила Θеодоровича доходы правительства съ Сибири состояли исключительно изъ таможенныхъ кабацкихъ пошлинъ и оброчныхъ статей. Первые же поселенцы ничего не платили, а первоначально получали еще вспомоществованіе отъ правительства; торговля первые годы только что еще начиналась [1]).

[1]) П. Буцинскій, Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ. А. С. Лаппо-Данилевскаго, Организація прямаго обложенія, 412 — 416, Сибирскіе отпуски; такъ какъ первые поселенцы Сибири заняты были военнымъ дѣломъ, не имѣли возможности предаваться земледѣльческому труду, то въ Сибирь посылали хлѣбъ, который взимался съ поморскихъ городовъ и уѣздовъ и другихъ; этотъ сборъ отмѣненъ былъ лишь въ 1683 — 1684 г., но уже въ первой половинѣ XVII в. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири было достаточно своего хлѣба, напр., въ Тобольскѣ въ 1628 г., въ Тюмени въ 1630 г. Пушной ясакъ съ Сибири Флетчеръ отказывается опредѣлить точно, но приводитъ, какъ примѣръ, прошлогодній (1587—1588 гг.) сборъ, который далъ казнѣ 466 сороковъ соболей, 5 сорокъ куницъ и 180 чернобурыхъ лисицъ. Это сообщеніе Флетчера должно быть принято; правда, еще недавно подтверждено старое мнѣніе, что уже въ первые годы царствованія Θеодора Ивановича наложенъ былъ на занятый край ясакъ—въ 5,000 сороковъ соболей, въ 10,000 черныхъ лисицъ и полмилліона бѣлокъ. Но достовѣрно извѣстно, что на князя Лугуя, владѣвшаго 6 городками, наложена была дань всего въ 7 сороковъ лучшихъ соболей; трудно предположить, чтобы уже тогда правительство налагало столь большую подать. Въ 1588 г. только еще отправили въ Москву хана Сейдяка съ семействомъ, еще вели упорную борьбу съ Кучумомъ.

Новгородъ, по Флетчеру, платилъ въ Четверть 35,000 р. и въ Большой Приходъ 6,000 р., всего 41,000 р. Цифра 6,000 р. торговыхъ пошлинъ кажется баснословною, потому что главнѣйшіе виды торговыхъ пошлинъ по нашимъ актамъ: въ 1586—1587 г. въ Новгородѣ сданы: поворотная за 41 р. 7 алт. 4 д.; явчая, пятенная и привозная — за 104 р. 7 алт.; вѣсчая — за 106 р. 6 ал. 3 д., помѣрное и покоречное за 400 р.; итого торговыя пошлины (если не всѣ, такъ главнѣйшіе виды) сданы на 1587 — 1588 г. за 651 р. 21 ал. 1 д. Въ 1620 г. Новгородъ платилъ данныхъ и оброчныхъ 1,376 р., таможенныхъ и кабацкихъ и др. 4,368 р., всего 5,745 р., въ 1625 г.—данныхъ и оброчныхъ—2,659 р., таможенныхъ и кабацкихъ и др. 7,657 р., всего 10,316 р., въ 1677 всякихъ сборовъ 11,318 р. [1]). Псковъ, по Флетчеру, платилъ тягла и податей—18,000 р., пошлинъ въ Большой Приходъ—12,000 р., итого 30,000 р. По писцовой книгѣ въ Псковѣ лавочный оброкъ на 1586 г. былъ 259 р. 2 ал. 3 д., да пошлинъ 12 р. 31 алт. 5 д.; но это даетъ понятіе о лавочной торговлѣ; болѣе обширныя торговыя операціи происходили на гостинныхъ дворахъ, съ которыхъ въ Псковѣ раньше шло въ казну царскую 70 р.; но здѣсь же взимались всякія подати вѣсчія, помѣрныя и т. п., количество которыхъ намъ совсѣмъ неизвѣстно.

Въ 1677 г. со Пскова получалось всякихъ сборовъ 13.329 р. [2]).

Устюгъ, по Флетчеру, платилъ однихъ четвертныхъ 30,000 р., о пошлинахъ Флетчеръ ничего не говоритъ: въ 1677 г., черезъ 90 лѣтъ, съ Устюга и его уѣзда поступило:

данныхъ и оброчныхъ	6,038 р.
полоняничныхъ	232 »
съ таможенъ и кабаковъ	6,782 »
Итого .	13,052 р. [3]).

[1]) Уже указанные въ примѣч. 2 на стр. 321 №№ А. Э.; Ж. Мин. Нар. Просв. 1890 г., № 9, 23—24 (цитированная ст. П. Н. Милюкова); С. М. Соловьева, XIII, 107, Д. А. И. III, 36: «Съ Великого Новгорода съ Новгородцкихъ пригородовъ, съ посадовъ и съ уѣзду, данныхъ и оброчныхъ и таможенныхъ и кабацкихъ денегъ иметца собрати по окладу, противъ 154 году, 11,318 р. 5 алт. 3½ д., оприче того, что съ Заонѣжскихъ погостовъ доходовъ взяти, а съ заонѣжскихъ погостовъ доходы велѣно платить на Москвѣ».

[2]) Н. Д. Чечулинъ, Города Московскаго государства, 129 и 135; Соловьевъ, XIII, 108, въ Д. А. И. III, 36. Со Пскова и Псковскихъ пригородовъ и съ уѣздовъ государевыхъ четвертныхъ денежныхъ всякихъ доходовъ, на нынѣшней на 156 годъ, собрати по окладу, толко сберетца противъ 154 году, 13,327 р. 32 алт.

[3]) С. М. Соловьевъ, XIII, 107.

Сборы казанскихъ пошлинъ Флетчеръ опредѣляетъ въ 11,000 р. Однако, въ актахъ, напечатанныхъ изъ сборника Строева, подъ названіемъ «акты объ отпускѣ въ Казань тамошняго Архіепископа Гурія» [1]), подъ 1555, есть прибавка несомнѣнно позднѣйшаго времени: «пло прежнему Архіепископу Гурью Государева жалованья (архіеп. Гурій скончался въ 1564 г.), 865 рублевъ, *да Казанскіе и Свіяжскіе и Чебоксарскіе изъ таможенные пошлины десятые дени 155 р. 11 алт.*». Слѣдовательно, въ 60-хъ годахъ столѣтія таможенныя пошлины въ трехъ городахъ, — Казани, Свіяжскѣ и Чебоксарахъ составляли 1,553 р. 10 алт. Конечно, казанская торговля росла довольно скоро, но едва-ли такъ быстро. Въ 1591 г. отправляемымъ въ Астрахань воеводамъ приказано было строить тамъ каменный городъ, и на это дѣло они должны были брать деньги: въ Казани взять 1,500 р., въ Свіяжскѣ—1,500 р., въ Нижнемъ Новгородѣ—1,000 р. для Шевкалскіе службы [2]). Эти цифры значительнѣе первой, но уже то, что 4,000 рубл. набирались по частямъ въ трехъ городахъ, можетъ служить доказательствомъ того, что ни въ одномъ изъ названныхъ городовъ неудобно было взять сразу такую именно сумму денегъ.

Затѣмъ у Флетчера цифры четвертныхъ поступленій во всѣхъ городахъ ниже цифръ торговыхъ пошлинъ. Между тѣмъ, это совсѣмъ не такъ: сравненіе съ XVII в. убѣждаетъ насъ, что косвенные сборы должны быть гораздо выше прямыхъ налоговъ и оброчныхъ денегъ; развитіе прямыхъ налоговъ относится къ позднѣйшему времени, съ введенія и усиленія окладовъ стрѣлецкой подати.

Итогъ поступленій въ Большой Приходъ подсчитанъ довольно поспѣшно:

Москва платитъ пошлины — 12,000 р., Смоленскъ—8,000 р., Псковъ—12,000 р., Новгородъ Великій—6,000 р., Старая Руса—18,000 р., Торжокъ—800, Тверь—700 р. Ярославль—1,200 р., Кострома—1,800 р., Нижній Новгородъ—7,000 р., Казань—11,000 р., Вологда 2,000 р.

Всего указано только на 80,500 р.

И затѣмъ Флетчеръ продолжаетъ: можно утверждать, что съ этихъ трехъ статей, когда онѣ даютъ minimum, Большой Приходъ получаетъ: по первой статьѣ—160,000 р., по второй—90,000 р.,

[1]) А. Э. I, 241.
[2]) А. И. I, 230.

и по третьей—70,000 р., такъ что, какъ съ этихъ, такъ съ другихъ городовъ Большой Приходъ получаетъ не менѣе 340,000 р.

По какимъ это тремъ статьямъ? Раньше указаны были, собственно, двѣ статьи: пошлины, поступающія изъ большихъ торговыхъ городовъ, и налоги и сборы, собираемые низшими приказами, передающими поступленія въ Большой Приходъ. Почему, далѣе, такая большая недостача до 340,000 р., такъ какъ перечислено всего на сумму 80,500 р., а между тѣмъ указаны всѣ важнѣйшіе русскіе торговые города, даже вносящіе такія суммы, какъ 700 р. Это тѣмъ болѣе странно, что относительно Четвертей Флетчеръ былъ аккуратнѣе; онъ перечислилъ на сумму 293,000 р., только 107,000 р. отнесъ на другіе города. Предполагать значительныхъ поступленій изъ низшихъ приказовъ мы не имѣемъ никакого права, потому что судебныя пошлины, пошлины за совершеніе разнаго рода крѣпостей, поступленія изъ Разбойнаго Приказа, сборы съ бань и кабаковъ, Флетчеръ считаетъ ниже, сверхъ этой суммы въ 340,000 р.

Въ другихъ городахъ таможенныя пошлины были очень невелики, тѣ же тамги, которыя собирались по уѣздамъ, отдавались на откупъ за 1½ и 2 р. въ царствованіе Θеодора Ивановича, а между тѣмъ такой новый торгъ учреждался только послѣ удо-

[1]) Вотъ текстъ Флетчера (50 — 51): The thirde (that is called the bulsha prechod, or great income) receyveth all the customes that are gathered out of all the principall townes and cities within the whole realme. Besides the fees and other dueties which rise out of divers smaller offices, which are all brought into this off ce of bulsha prechod. The townes of most trade that doe yeelde greatest customes, are these heere sette downe: Mosko, Smolensko, Vobsko, Novogrod Velica, Stararouse, Torshocke, Otfer, Yaruslave, Castrome, Nesna Novogrod, Cazan, Vologda. This custome out of the great townes is therefore more certaine and easie to be reckoned, because it is set and rated precisely what they shal pay for the custome of the yeere. Which needes must bee paide into the saide office, though they receive not so much. If it fal out to be more, it runneth al into the emperours advantage (перечислены города, указанные въ текстѣ). This may bee saide for certaine that the three tables of receipts belonging to this office of bulsha prechod, when they receive lest, account for thus much, viz.: The first table, 160,000 r. The second table, 90,C00 r. The third, 70,000 r, So that there commeth into the office of bulsha prechod, at the least reckoning (as appeareth by their bookes of customes) out of these and other townes and maketh the summe of 310,000 r. a yeere. Besides this custome out of the townes of trade, there is received by this office of bulsha prechod the yeerely rent of the common bathstoaves, and cobacks, or drinking houses, which perteine to the emperour.

стовѣренія, что отъ этого не будетъ недобора въ тамгѣ и даже другихъ сборахъ уѣзднаго города.

Маржеретъ, тоже болѣе склонный къ преувеличенію относительно царскихъ доходовъ, приводитъ такія цифры:

Большой Дворецъ хранитъ. . .	120,000—150,000 р.
Четверти, Новая и Казанская .	160,000—200,000 »
Остальныя три.	120,000—180,000 »
Итого	400,000—530,000 р.,

не считая пошлинъ и другихъ поступленій [1]).

Эти цифры недалеки отъ minimum'а поступленія въ Большой Приходъ; увеличеніе легко объясняется появленіемъ новаго вѣдомства (Новой Четверти), кругъ дѣйствій котораго (кабацкіе сборы) расширился, а Флетчеръ ихъ не включилъ въ свой итогъ.

Не сгруппированы ли Флетчеромъ здѣсь всѣ поступленія подъ названіемъ трехъ статей: доходы дворцовые, данныя и оброчныя и таможенныя поступленія?

Флетчеръ все время вертитъ суммой въ 400,000 р.; столько поступаетъ въ Четверти, въ томъ числѣ показаны города въ Четвертяхъ неподвѣдомственные (Москва, Псковъ, Новгородъ, Казань); около этой же суммы (340,000 р.) поступаетъ въ Большой Приходъ, а съ прибавкой пошлинъ, банныхъ и кабацкихъ 400,000 р. наберутся почти полностью; 400,000 же поступаетъ въ Большой Приходъ остатковъ изъ расходовъ военныхъ приказовъ. Раньше (на стр. 322) мы указали уже, что послѣдніе 400,000 р., по нашему убѣжденію, несомнѣнно, сосчитаны два раза, да такихъ большихъ остатковъ и не могло быть. Является подозрѣніе, что суммы таможенныхъ пошлинъ городовъ заключались уже въ показанныхъ суммахъ тягла и податей, тѣмъ болѣе, что послѣдняя цифра всегда ниже первой въ поступленіяхъ тѣхъ городовъ, относительно которыхъ указаны доходы и Четвертей и Большаго Прихода:

	Четвертныхъ поступленій.	Пошлины Большаго Прихода.
Москва	40,000 р.	12,000 р.
Новгородъ . . .	35,000 »	6,000 »
Псковъ	18,000 »	12,000 »
Казань	18,000 »	11,000 »
Вологда	12,000 »	2,000 »
Тверь и Торжокъ.	8,000 »	1,500 »

[1]) Сказанія современниковъ, 269—270.

А потому въ суммѣ поступленія Большаго Прихода не указаны ли, послѣ того, какъ перечислены на 80,000 р. торговыя пошлины, поступленія—данныя, оброчныя, ямскія и другія подъ тремя таблицами?

На разспросы Флетчера о доходахъ казны ему отвѣчали, можетъ быть, люди и знавшіе дѣло, сколько получается доходовъ съ отдѣльныхъ областей; далѣе онъ интересовался, въ какія учрежденія деньги поступаютъ; узналъ, что главнымъ образомъ поступленія идутъ въ Четверти, Большой Приходъ, а въ другіе приказы въ гораздо меньшемъ количествѣ.

Обработывалъ свое сочиненіе онъ уже, уѣхавъ изъ Россіи, на возвратномъ пути (уѣхалъ онъ лѣтомъ 1589 г., книга издана въ 1591 г.); при свойственной ему поспѣшности, онъ запутался въ цифрахъ, названіяхъ учрежденій и одной и той же суммой вертѣлъ нѣсколько разъ.

Если мы признаемъ, что, кромѣ дворцовыхъ доходовъ, московское правительство получало ежегодно около 400,000 р. дохода, то и эта сумма не покажется намъ малою, такъ какъ и расходы были совсѣмъ не очень велики, и этихъ 400,000 р., какъ мы сейчасъ покажемъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ этой главы, было болѣе чѣмъ достаточно на содержаніе войска и высшихъ чиновъ.

IV.

Вопросъ о численности Московскаго войска XVI вѣка до сихъ поръ еще нельзя считать рѣшеннымъ удовлетворительно въ нашей исторической литературѣ. Цифры, сообщенныя иностранными писателями, особенно цифры Флетчера, дали возможность опредѣлить численный составъ русской арміи того времени въ 300,000 человѣкъ коннаго войска, не считая стрѣльцовъ, казаковъ, иноземные отряды и даточныхъ людей. Такія и даже большія цифры можно найти не только у Карамзина, но у С. М. Соловьева, у П. О. Бобровскаго, въ недавно вышедшемъ III томѣ исторіи Д. И. Иловайскаго, такія же цифры находятся и въ двухъ очень обстоятельныхъ иностранныхъ сочиненіяхъ по исторіи русскаго войска: у Brix'а и

Stein'a [1]). Между тѣмъ уже г. покойный Хлѣбниковъ заподозрилъ сообщенія Флетчера; ему онѣ показались чрезвычайно преувеличенными. Основаніемъ для такого замѣчанія послужило сравненіе данныхъ Флетчера съ данными разряда 1578 года. Это обстоятельство заставляетъ насъ обратиться къ разрядамъ, изъ которыхъ три разряда второй половины XVI вѣка сохранили намъ довольно полное перечисленіе войскъ, участвовавшихъ въ походахъ. Выводы же ученыхъ, построенные на цифрахъ, сообщаемыхъ иностранцами, и крайне неопредѣленныхъ показаніяхъ русскихъ лѣтописцевъ, едва ли соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Мы попытаемся сначала на основаніи нашихъ оффиціальныхъ данныхъ того времени опредѣлить приблизительно число русскаго войска и такимъ путемъ найти надежное мѣрило для провѣрки многочисленныхъ иностранныхъ показаній [2]).

Данныя о числѣ дѣтей боярскихъ и дворянъ мы имѣемъ въ разрядахъ трехъ походовъ: 1563, 1577 и 1578 годовъ.

Во время борьбы за Ливонію Іоаннъ Грозный развертывалъ всѣ силы своего государства, особенно Полоцкій походъ отличался громадностью собранныхъ войскъ. Подробный разрядъ этого похода напечатанъ въ приложеніяхъ къ IV тому Витебской Старины. Какъ и всѣ, впрочемъ, оффиціальные документы XVI в., разрядъ этого похода страдаетъ невѣрностью подведенныхъ итоговъ; невѣрность эта не превышаетъ, однако, нѣсколькихъ десятковъ людей; затѣмъ, иногда въ разрядѣ написано: «опричь людей такогсто», но число такихъ людей тоже не велико, и для рѣшенія вопроса, считалось ли тогда дѣтей боярскихъ 20,000—30,000 человѣкъ или 300,000 человѣкъ, не только нѣсколько пропущенныхъ десятковъ, но и даже и сотень не можетъ имѣть никакого значенія.

Въ Полоцкомъ походѣ войско дѣлилось на восемь главныхъ частей: Царскій полкъ, Большой, Правая рука, Передовой, Лѣвая рука, Сторожевой, Нарядъ и Ертоулъ.

Въ Царскомъ полку, «со царемъ и вел. кн. въ полку» показано:

[1]) Карамзинъ, X, гл. IV; Соловьевъ, VII, 355—356 (изд. 3-е); П. О. Бобровскій, Военное право въ Россіи при Петрѣ Великомъ, часть 2-я, гл. II (особ. 74 стр.) Д. И. Иловайскій III, 455; Н. П. Хлѣбниковъ, op. cit., 178—180; Brix, Geschichte der alten Russischen Heeres Einrichtungen, 41; Stein, Geschichte des Russischen Heeres 26—27.

[2]) Сводъ иностранныхъ показаній о Московскомъ войскѣ см. въ IV главѣ «Сказаній иностранцевъ о Московскомъ государствѣ» В. О. Ключевскаго.

царь Александръ и съ нимъ 20 дѣтей боярскихъ; бояръ, окольничихъ и приказныхъ людей—41 чел.; стольниковъ, стряпчихъ и жильцевъ—144 чел., затѣмъ, князей служилыхъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ,— дворовыхъ и городовыхъ, московскихъ городовъ—2,726 чел. (по нашему счету, лишь 2,380 чел.); и Новгородскихъ помѣщиковъ—1,436 чел., изъ Нѣмецкихъ городовъ—443, разныхъ городовъ, «съ малыхъ статей»—200 чел., людей князей Воротынскихъ—160 чел., всего по счету разряда—4,965 чел., не считая бояръ, приказныхъ людей и царевыхъ людей Александра, по нашему же счету 4,824 чел. со всѣми, или 4,763 безъ бояръ, приказныхъ и людей царя Александра.

Въ Большомъ полку: дѣтей боярскихъ съ тремя воеводами—2,929 чел. (по наш. сч. 2865 чел.), «опричь княжь Володимеровыхъ Андрѣевича».

Въ Правой рукѣ: дѣтей боярскихъ—1,922 (по наш. сч. 1,899), «опричь царевыхъ Семіоновыхъ дѣтей боярскихъ, а по смотрѣню 105 чел.», всего, слѣдовательно, съ дѣтьми боярскими царя Симеона—2,027 чел. или 2,004 [1]).

Въ Передовомъ полку дѣтей боярскихъ—1,900 чел. (по наш. сч. 1,866 чел.).

Въ Лѣвой рукѣ—1,900 чел., «опричь царевичевыхъ Кайбулиныхъ. А со царевичемъ Кайбулою: кн. Юрьи княжь Өедоровъ сынъ Борятинского, а людей царевичевыхъ казаковъ 80 чел., да Русаковъ 28 чел.» (Ниже, въ общемъ итогѣ мы не будемъ считать этихъ людей, такъ какъ не видно, чтобы они были дѣти боярскія).

Въ Сторожевомъ полку дѣтей боярскихъ—1,855 чел., «опричь царевичевыхъ (Ибака) людей, а людей его 60 чел.».

У Наряда дѣтей боярскихъ 1,433 чел. (по наш. сч. 1,391).

Въ Ертоулѣ дѣтей боярскихъ 1,016 чел. (по наш. сч. 1,012).

Всего, слѣдовательно, по итогамъ разряда 18,025 чел. бояръ и дѣтей боярскихъ, по нашему счету 17,658 чел. (Въ этотъ итогъ нами не включены ни 108 человѣкъ царевича Кайбулы, ни 60 чел. царевича Ибака).

Казаковъ въ этомъ разрядѣ показано: въ Большомъ полку—1,295 чел., въ Правой рукѣ—1,009 чел., въ Передовомъ полку—1,046, въ Лѣвой рукѣ—605 чел., въ Сторожевомъ полку—569 чел.

[1]) Роспись считаетъ такъ, напр.: съ воеводою княземъ Ив. Өед. Мстиславскимъ—748 чел., съ княземъ Анд. Ив. Ногтевымъ—648 чел., съ княземъ П. Сем. Серебрянымъ—504 чел., а всего 1,922 чел. (вмѣсто 1,900).

у наряда—1,048 чел., въ Ертоулѣ—482 чел., всего, слѣдовательно, 6,054.

Татаръ показано: въ Большомъ полку—1,629 чел., въ Правой рукѣ—966 чел., въ Передовомъ полку—260 чел., въ Лѣвой рукѣ—825 (кадомскихъ мурзъ и казаковъ, но такъ какъ дальше показаны 605 чел. атамановъ и казаковъ, то эти 825 чел. должны быть отнесены къ числу татарскихъ войскъ), въ Сторожевомъ полку—1,111 чел., въ Ертоулѣ—383 чел.; всего, 5,174 чел.

Сборныхъ людей изъ разныхъ городовъ показано: въ Царскомъ полку—1,165 чел. и въ Передовомъ—940 чел.; всего—2,105 чел.

Въ разрядѣ похода 1577 г. дѣтей боярскихъ и дворянъ показано:

въ Государевомъ полку	1,444	ч.	(не сч. бояръ и придвор. чиновъ).
» Большомъ полку	1,475	»	(въ томъ числѣ 32 прик. людей).
» Передовомъ полку	960	»	
» Правой рукѣ	1,030	»	(по нашему сч. только 730 чел.).
» Лѣвой рукѣ	700	»	
» Сторожевомъ полку	780	»	
у Наряда	486	»	(по наш. сч. 446, изъ нихъ только 70 дѣтей боярскихъ, остальные псари, охотники, сокольники).

Всего показано 7,279 чел., хотя выходитъ только 6,875 чел., а по нашему счету 6,535, но здѣсь не сосчитаны бояре и придворные чины. Стрѣльцовъ и казаковъ показано—7,905 чел., татаръ и черемиссы—4,327 чел., посошныхъ—12,724 чел.: 8,600 конныхъ и 4,124 чел. [1]).

Такое сильное уменьшеніе числа дѣтей боярскихъ сравнительно съ числомъ ихъ въ походѣ 1563 г. объясняется тѣмъ, что въ этотъ походъ назначены были по преимуществу дѣти боярскіе Новгородскіе, Тверскіе, заволжскихъ городовъ и западныхъ уѣздовъ; напротивъ совершенно отсутствовали дѣти боярскіе южныхъ уѣздовъ,—по крымской украйнѣ, и Московскихъ городовъ.

Въ походѣ 1578 года было:

Князей служилыхъ и выборныхъ дворянъ	212	чел.
Дворянъ и дѣтей боярскихъ Московской земли	9,211	»
Новгородскихъ и Юрьевскихъ помѣщиковъ	1,109	»
Татаръ и новокрещеновъ	6,461	»

---

1) Вельяминовъ-Зерновъ, Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, II, 38—48.

Стрѣльцовъ и казаковъ Государева Двора. . . . . . . 2,000 чел.
Стрѣльцовъ и казаковъ изъ дворовыхъ и земск. город. 13,119 »
Людей изъ разныхъ городовъ показано. . . . . 4,513 »
и прибавлено, «и обоего тѣхъ людей 7,580 ч.» (очевидно, въ документѣ пропускъ не замѣченный издателемъ); общій итогъ опять совсѣмъ невѣренъ: «и всего всякихъ людей 27969»; можно предположить, что эта цифра есть итогъ числа татаръ, стрѣльцовъ и собранныхъ изъ городовъ людей, которыхъ выходитъ на дѣлѣ 29,160 [1]).

Наибольшая цифра почти 18,000 дѣтей боярскихъ относится къ 1563 г.; конечно, не слѣдуетъ предполагать, чтобы все число дѣтей боярскихъ равнялось въ 60-хъ годахъ XVI ст. 18.000 ч., далеко не все войско было двинуто на Полоцкъ: часть оставлена была для защиты южной границы государства, часть гарнизонами по городамъ. Въ XVII в., по изслѣдованію П. Н. Милюкова [2]), 10.000 чел. было обычнымъ числомъ украинскаго войска; если же войска требовались въ другомъ мѣстѣ, то число это упадало до 5,000 чел.; по этому расчету мы не можемъ считать болѣе 23,000—25,000 дѣтей боярскихъ, числившихся въ спискахъ Разряда. Въ семидесятыхъ годахъ этого же столѣтія число ихъ уменьшилось, судя по разрядамъ 1577 г. и особенно по разряду 1578 г., хотя въ послѣднемъ дѣтей боярскихъ и дворянъ значительно больше, чѣмъ въ разрядѣ 1577 г. (10,532 противъ 7,279—1577 г.), но, какъ мы видѣли разрядъ 1577 г. далеко не исчерпываетъ, такъ сказать, всѣхъ силъ государства, между тѣмъ разрядъ 1578 (роспись составлена въ декабрѣ этого года) составленъ на походъ, которымъ Грозный надѣялся сокрушить Баторія: трудная и неудачная борьба за Ливонію, бѣдствіе постигавшія Россію съ конца шестидесятыхъ годовъ, были причиной того, что государство пустѣло. Ко времени пріѣзда Флетчера въ Москву, оно успѣло нѣсколько поправиться; по даннымъ XVII в. дѣтей боярскихъ и дворянъ въ 1625 г. числилось по спискамъ — 31.690 чел., въ 1631 г.—24.000 [3]), слѣдовательно и для времени царя Θеодора Ивановича мы не можемъ допустить болѣе 25,000 дѣтей боярскихъ.

Дѣти боярскіе должны были являться въ походъ не только конны, оружны, но и людны. Съ каждыхъ 100 четвертей

---

[1]) Древняя Вивліоѳика, XIV, 349—357.
[2]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1890, № 9, 47.
[3]) Тамъ же, 48; списокъ 1631 г. напечатанъ въ Временникѣ, IV.

*

помѣщикъ долженъ былъ привести одного человѣка, въ полномъ вооруженіи на конѣ, а въ дальній походъ на двухъ коняхъ; по памятникамъ нашимъ не совсѣмъ ясно, считался ли самъ владѣлецъ помѣстья въ числѣ лицъ, которыя онъ долженъ былъ выставить съ своей земли, или онъ не входилъ въ это число; напр. владѣлецъ 200 четв. долженъ ли былъ явиться въ сопровожденіи одного слуги, или въ сопровожденіи двухъ слугъ? Судя по Боярской книгѣ 1556 г. несомнѣнно первое предположеніе: владѣлецъ всегда считается въ числѣ лицъ, которыя требуются съ помѣстья, судя по нѣкоторымъ десятнямъ, сохранившимся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, — владѣлецъ не входитъ въ это число, онъ не считается, и съ помѣстья въ 400 четв., должно явиться самому и привести 4 лицъ.

По напечатаннымъ писцовымъ книгамъ нѣкоторыхъ уѣздовъ, равно какъ и по десятнямъ можно привести нѣсколько примѣровъ, какова была средняя величина помѣстій служилыхъ людей, дворянъ и, особенно, дѣтей боярскихъ.

Въ Веневскомъ уѣздѣ испомѣщено было (по книгѣ 1571—1572 г.) 142 человѣка, пашни имъ дано въ половину ихъ окладовъ,—13,969 четв., по 98 четв. на человѣка; очевидно, полный окладъ предполагался въ 200 четв. Въ Каширскомъ уѣздѣ за 448 дѣтьми боярскими, старыми и новиками, было 63,149 четвертей (въ томъ числѣ 1,292 четв. въ другихъ уѣздахъ) или около 141 четв. на человѣка; за 41 служившими съ отцовскихъ помѣстій—6,516 четв. или почти по 160 ч. на человѣка, въ Коломенскомъ уѣздѣ за 213 дѣтьми боярскими было 42,050 четвертей или почти по 200 четв. за каждымъ (197 чет.). Въ Звенигородскомъ уѣздѣ дѣти боярскіе дворцовыя раздѣлены были на четыре статьи:

I ст.	13	человѣкъ	по	200	четв.
II »	8	»	»	150	»
III »	11	»	»	100	»
IV »	7	»	»	70	»

Дѣти боярскіе городовые раздѣлены были на 5 статей:

I ст.	6	человѣкъ	по	150	четв.
II »	5	»	»	100	»
III »	29	»	»	70	»
IV »	21	»	»	60	»
V »	17	»	»	50	»

Новики раздѣлены были на три статьи:

I	ст.	9	человѣкъ	по	70 четв.
II	»	22	»	»	60 »
III	»	20	»	»	50 »

Но испомѣщены они были далеко не сполна. Въ Орловскому уѣздѣ помѣстья были очень невелики,—четей по 40. Въ Тверскомъ уѣздѣ изъ городовыхъ дѣтей боярскихъ только 7 владѣло помѣстьями въ 300 четв., 20 по 250 четв., 9 по 150 четв.; въ Торжкѣ одно лицо владѣло 350 четв., остальныя отъ 230 четв.—150 четв. [1]).

Въ общемъ у громаднаго большинства помѣстья ниже 200 четвертей земли.

---

[1]) По итогу книги Коломенскаго уѣзда (Писцовыя книги, I, 603 — 608) за 213 дѣтьми боярскими старыми и новыми 42,050 четвертей въ полѣ. За однимъ, служащимъ съ отцовскаго помѣстья, за 10 вдовами, за 33 недорослями, за 14 дѣвками, за 1 прожиточнымъ, за 2 губными старостами, за 2 городовыми прикащиками, за 2 приказными, всего за 65 лицами—3,483 четв , почти по 54 четв. (вдовы, дочери, прожиточные и занимавшіе другіе служебные мѣста получали гораздо меньшія помѣстья). За 2 «греченами», за 5 новокрещенами, за 105 служилыми татарами, за 3 вдовами-татарками, за 3 толмачами, за 6 нѣмцами и «литвеками», всего за 124 иноземцами—7.725 четв. или по 62 четв. на каждаго. За казначеемъ, дворянами и дѣтьми боярскими, которые служатъ изъ разныхъ городовъ, за 40 людьми, 7,464 четв. или по 186 четв. слишкомъ на человѣка (очевидно, это люди высшихъ статей); за 4 діаками и 2 подьячими 1,169 четв., всего за 459 людьми пашни, перелогу, лѣсомъ и кусторемъ поросло—доброю землею 50,385 четв., не считая порозжихъ и вотчинныхъ земель.

Итогъ книги Звенигородскаго уѣзда гдѣ испомѣщены были бояринъ и дѣти боярскіе царя Симеона Касаевича, тамъ-же, 728—730. Эта книга отнесена издателемъ къ 1592—1593 г., но какъ видно уже изъ упоминанія царя Симеона Касаевича, какъ живого, она должна быть отнесена къ болѣе раннему времени (царь Симеонъ умеръ въ 1565 г.).

Въ Каширскомъ уѣздѣ (Писцовыя книги, II, 1534—1537) за 394 старыми помѣщиками и 54 новиками было доброю землею 61,857 четв., да за 8 чел. въ другихъ городахъ было 1,292 четв.; за 41 чел., которыя служатъ съ отцовскихъ помѣстій—6,516 четв.; за губнымъ старостой и за другими должностными лицами (прикащиками, сторожами, разсылщиками) и за прожиточными, всего за 19 чел.—1,176 четв.; за недорослями, вдовами—10,015 четв.; за 35 татарами—1,208 четв.

Итоги Веневскаго уѣзда—тамъ же, 1579.

Писцовая книга помѣстныхъ земель Орловскаго уѣзда, 853 — 1,073; ср. А. С. Лаппо - Данилевскаго, Организація прямаго обложенія, 52—53 и 96—98: именно, въ этихъ уѣздахъ, гдѣ испомѣщены были самыми мелкими земельными дачами дѣти боярскіе, и образуется классъ однодворцевъ.

Тверской списокъ въ А. М. Г. I, 30.

Этими данными писцовыхъ книгъ должно пользоваться пока съ чрезвычайной осторожностью; одно и то же лицо могло владѣть землями въ разныхъ станахъ и уѣздахъ, и потому, пока не изучены писцовыя книги обстоятельно съ этой стороны, ихъ данныя могутъ служить только примѣромъ, но не больше.

Такимъ образомъ хотя мы и можемъ съ большою вѣроятностью полагать число дѣтей боярскихъ для царствованія Ѳеодора Іоанновича тысячъ въ 25, но только съ очень большимъ рискомъ можно допустить, чтобы число это должно быть увеличено въ три раза, такъ какъ считать помѣстье въ 200 четей среднимъ помѣстьемъ служилаго человѣка будетъ скорѣе значительнымъ преувеличеніемъ. Въ такомъ случаѣ Московская конница состояла всего, приблизительно, изъ 75,000 человѣкъ.

Но, конечно, данныя эти все-таки гадательны. Поэтому иностранныя показанія получаютъ особый интересъ; иностранцы даютъ обыкновенно число войска, не различая часто дѣтей боярскихъ отъ ихъ людей. Къ сожалѣнію, иностранныя показанія, въ большинствѣ случаевъ, такъ противорѣчивы и очевидно преувеличены, что едва ли на нихъ можно полагаться. Напр., какъ извѣстно, тотчасъ вслѣдъ за избраніемъ своимъ Годуновъ вышелъ съ войскомъ въ Серпуховъ, будто бы, для отраженія крымскихъ татаръ. По Петрею съ Годуновымъ было 200,000 ч., по Маржерету — 500,000, по Март. Беру — 800,000 [1]), наконецъ Густавъ Адольфъ, извѣщая шведскій сеймъ о заключеніи Столбовскаго мира, писалъ, для возвеличенія, конечно, своихъ заслугъ, что съ Борисомъ въ Серпуховѣ было 1.500,000 чел. [2]). Адамсъ Климентъ полагалъ, что войско Грознаго состоитъ изъ 900,000; даже Маржеретъ, самый, такъ сказать, обстоятельный авторъ относительно военнаго дѣла въ тогдашней Россіи, и тотъ о числѣ конницы замѣчаетъ, что собирается невѣроятное количество народа. Напротивъ того, осторожный Антоній Поссевинъ считалъ извѣстія Альберта Кампензе и Іовія сильно преувеличенными и указывалъ на то, что населенность Московскаго государства далеко не соотвѣтствуетъ ея обширности [3]). Польскіе писатели, отъ которыхъ можно бы ожидать большей точности, еще болѣе сбивали съ толку Западную Европу, такъ какъ въ ихъ расчеты входило преувеличить

---

[1]) Сказанія современниковъ, 1, 17 и прим. 12.

[2]) Г. В. Форстенъ «Политика Швеціи», Ж. М. Нар. Пр. 1890.

[3]) Старчевскій, Hist. Ruth. Script. ext. II, 289—290.

сколь возможно и русскія силы, и русскія потери. О пораженіи русскихъ подъ Уллою въ 1564 г. самъ Гетманъ писалъ, что изъ русскаго войска въ 17—18,000 пало 9,000. Почти также доносилъ папскій нунцій Комендоне. Въ хроникѣ Бѣльскаго убитыхъ русскихъ въ этой битвѣ показано уже 20,000, у Стрыйковскаго — 25,000, у Гваньини даже 30,000 человѣкъ.

Мы привели выше числовыя данныя Полоцкаго разряда; вотъ, какъ объ этомъ же писалъ одинъ иностранецъ-современникъ на нѣмецкомъ языкѣ:

Московскій государь отправился къ Полоцку семью отрядами:

1) Отрядъ изъ безчисленной конницы и пѣхоты.

2) Отрядъ изъ 7,000 человѣкъ конницы, одѣтыхъ въ кафтаны, которые состояли изъ кожи и крѣпкаго холста, съ набитою внутри ватою, были такъ плотно стянуты, что едва ли можно и прострѣлить ихъ.

3) Отрядъ изъ 12,000 пѣхоты, изъ котодыхъ 2,000 были съ пищалями, а остальные были, такъ называемые по-польски, драби.

4) 200 орудій, изъ которыхъ 4 стѣнобитныхъ и 36 огнеметательныхъ и камнеметательныхъ; орудія эти тащило 40,000 человѣкъ крестьянъ. Около этихъ орудій шло 6,000 шанцехоповъ для исправленія дорогъ и прочаго необходимаго, чтобы нигдѣ не встрѣчалось препятствій.

5) За орудіями слѣдовало 14,000, а по флангамъ 32,000 пищальниковъ.

6) Самъ великій князь съ отрядомъ въ 40,000 конницы.

7) 20,000 пѣшихъ драбовъ [1]).

Что касается прочей пѣхоты и конницы, а также провіанта и проч., то таковые были безчисленны.

Само московское правительство отчасти виновато въ этихъ преувеличеніяхъ; оно всегда старалось внушить представителямъ западныхъ государствъ сколь возможно большее почтеніе къ русскому государству, и потому пристава или русскіе послы заграницей должны были сообщать самыя преувеличенныя извѣстія о русскомъ войскѣ и вообще о силѣ русскаго государства.

Тьеполо, Руджіеро опредѣляютъ русскую конницу въ 100,000, но прибавляютъ, что въ случаѣ нужды, царь можетъ выставить до 200,000 [2]); Горсей также численность русской конницы считаетъ въ 100,000 чел.

---

[1]) Витебская Старина, IV, прил. №№ 24, 34, 37 и 39.

[2]) Hist. Russ. Mon. I, № 136 и 148.

Флетчеръ русскую конницу считаетъ въ 80,000 чел., но эти 80,000 всѣ дѣти боярскіе; когда же царю надо больше народа, тогда каждый помѣщикъ долженъ выставить опредѣленное число людей, сообразно съ его помѣстьемъ. Въ Россіи, говоритъ Флетчеръ, всѣ солдаты дворяне, и каждый дворянинъ воинъ. Званіе это наслѣдственное, дворянинъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только военнымъ. Войска, получающія жалованье, слѣдующія:

1) 15,000 человѣкъ, составляющихъ царскую гвардію. Эти 15,000 человѣкъ раздѣляются на три статьи: а) дворяне большіе, получающіе отъ 100—70 р. ежегодно каждый, б) середніе дворяне, получающіе отъ 60—40 р. ежегодно каждый, и в) дѣти боярскіе, получающіе отъ 30—12 р. жалованья каждый. Половина жалованья выдается въ Москвѣ, остальныя деньги они получаютъ въ полѣ отъ военачальниковъ. Сумма жалованья, когда оно уплачивается имъ сполна, доходитъ до 55,000 р.

Въ послѣдней суммѣ (55,000 р.) либо надо предполагать опечатку (вмѣсто 550,000 р.), либо явный недосмотръ Флетчера: 55,000 р. на 15,000 ч., даетъ человѣку менѣе 4 р., между тѣмъ какъ minimum жалованья опредѣленъ въ 12 р. человѣку. Но, кромѣ того, когда эти 15,000 ч. составляли царскую гвардію, преторіанцевъ, какъ называетъ ихъ Флетчеръ? Въ Полоцкомъ походѣ въ Царскомъ полку дворянъ и дѣтей боярскихъ было 4,610 ч., въ походѣ 1577 только 1,444 ч., а по списку того же года бояръ, окольничихъ и дворянъ, и выборныхъ, всего 524 лица; въ спискѣ 1616 года всего 391 ч. (неполный списокъ), въ спискѣ 1631 года—2,535 ч. Слѣдовательно, имѣемъ полное право сказать, что никогда въ Москвѣ при царѣ не жило 15,000 дворянъ и дѣтей боярскихъ, что даже въ большихъ походахъ въ Царскомъ полку бывало гораздо меньше дѣтей боярскихъ, и, вѣроятно, Флетчеръ спуталъ въ одно дѣтей боярскихъ и ихъ людей. При такомъ предположеніи цифра 15,000 не будетъ велика: при царѣ жили въ Москвѣ лица лучшихъ, наиболѣе богатыхъ фамилій; въ боярской книгѣ 1556 года, которая начинается съ лицъ 11-й статьи, поименовано только около 100 лицъ: изъ числа ихъ одно лицо приводило съ собой 25 людей, одно—17, одно—15, одно—12 чел. и т. д.

2) 65,000 человѣкъ, главное назначеніе которыхъ—защита южной границы. Это войско набирается такъ. Царь выбираетъ 110 наиболѣе довѣренныхъ и знаменитыхъ лицъ. Эти 110 лицъ и выставляютъ отъ себя 65,000 всадниковъ въ полномъ вооруженіи, за что они получаютъ отъ царя 40,000 р. Не совсѣмъ ясно изъ

изложенія Флетчера, 65,000 дѣти ли боярскіе или набираемые 110 дворянами лица всякихъ состояній. Но такъ какъ выше, въ началѣ главы, Флетчеръ категорически заявилъ, что всякій воинъ въ Россіи дворянинъ (gentleman), такъ онъ соединяетъ этихъ 65,000 съ 15,000 гвардейцевъ въ одинъ классъ всадниковъ, получающихъ постоянное жалованье, а ниже Флетчеръ говоритъ, что если этого числа 80,000 царю мало, то онъ беретъ на службу дѣтей боярскихъ, не получающихъ жалованья; если же надобно еще больше, тогда только онъ приказываетъ помѣщикамъ выставить опредѣленное число людей, то очевидно, что всѣ эти 80,000, по мнѣнію Флетчера, были дѣти боярскіе.

Цифра эта противорѣчитъ оффиціальнымъ даннымъ разрядовъ и, конечно, никоимъ образомъ не должна быть принимаема. Самое изложеніе Флетчера таково, что не можетъ внушить себѣ довѣрія. Никогда въ Московскомъ государствѣ не было 110 лицъ, которыя бы выставляли отъ себя 65,000 всадниковъ. Выдумавъ этихъ лицъ, Флетчеръ считаетъ своимъ долгомъ объяснить, почему царь можетъ не бояться ихъ, по видимости столь могущественныхъ: 1) ихъ много и царь можетъ мѣнять ихъ, когда ему заблагоразсудится; 2) получаемыя деньги они тотчасъ же раздаютъ воинамъ, у самихъ же остается очень немного; 3) эти лица живутъ близь царя, такъ какъ принадлежатъ къ его думѣ и вообще къ приближеннымъ къ нему лицамъ; 4) они собственно только плательщики жалованья, а вовсе не военачальники. Изъ этихъ объясненій не трудно догадаться, что подъ этими 110 лицами должно разумѣть тѣхъ лицъ, которыя смотрѣли дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ, раздавали имъ жалованье денежное, верстали новиковъ.

Запутанное изложеніе Флетчера, конечно, уничтожаетъ цѣнность его показанія; на основаніи такого изложенія мы видимъ, что военное дѣло осталось для Флетчера не вполнѣ выясненнымъ; особенно къ тому же цифры жалованья въ обоихъ случаяхъ несоразмѣрно малы. Эта несоразмѣрность, которая не бросилась почему-то въ глаза автору, наводитъ на мысль, не спуталъ ли Флетчеръ дѣтей боярскихъ и ихъ людей въ одно? Только этимъ предположеніемъ можно объяснить высокую цифру 80,000 конницы. Флетчеръ говоритъ, что дворяне и дѣти боярскіе, живущіе въ Москвѣ при царскомъ дворѣ, получаютъ 55,000 р. Г. Милюковъ полагаетъ для времени Михаила Θеодоровича возможнымъ допустить расходъ на этихъ чиновъ въ 100,000 р. Разсчетъ этотъ сдѣланъ по списку 1631 г., когда всѣхъ чиновъ при дворѣ числи-

лось 2,535, когда было два великихъ государя; не будетъ удивительнымъ, если при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ расходъ этотъ не превышалъ 55,000 р., такъ какъ жалованье въ XVI в. значительно ниже жалованья XVII в. На остальныхъ дѣтей боярскихъ, городовыхъ, т.-е. Флетчеръ считаетъ только 40,000 р. Такая незначительная сумма показываетъ опять-таки, что число ихъ было гораздо меньше 65,000 ч., потому что сынъ боярскій послѣдней статьи и тотъ получалъ 4—5 р. жалованья, а 1-й ст. получалъ 10—12 р., второй отъ 6—8 р.

Изъ всѣхъ иностранныхъ показаній цифра Флетчера самая меньшая; если наше толкованіе вѣрно, то его цифра очень близка къ истинѣ, и мы можемъ полагать, что 80,000 человѣкъ были обыкновеннымъ числомъ русскаго войска. Затѣмъ оставались, конечно, еще дѣти боярскіе «охочіе», можетъ быть не записанные или вычеркнутые изъ списковъ Разряда.

Кромѣ русской конницы, въ составѣ русскаго войска находились, обыкновенно, значительные татарскіе отряды. Иностранцы также сильно преувеличиваютъ число татаръ; можетъ быть, и въ этомъ случаѣ слова русскихъ пословъ и приставовъ оставались не безъ вліянія. Аѳанасію Нагому велѣно было говорить въ Крыму, что на государевой службѣ въ Литвѣ было казанскихъ людей 50,000, астраханскихъ 2,000 [1]). Горсей говоритъ (181), что завоеваніе Казани и Астрахани и бракъ Іоанна Грознаго на Маріи Темрюковнѣ очень усилили царя, что русское войско состоитъ изъ двухъ армій: русской и татарской. Маржеретъ считаетъ въ русскомъ войскѣ 27—28 т. татарскихъ всадниковъ [2]). Разрядами эти показанія не подтверждаются; въ Полоцкомъ походѣ татаръ показано—5,174 ч., въ походѣ 1577 г.—4,397 ч., въ походѣ 1578 г.—6,461 ч., считая за одно съ татарами черемиссу и мордву. Къ тому же, по изложенію разрядовъ нельзя заподозрить, что разрядъ считаетъ только однихъ служилыхъ татаръ, «а съ нимъ царева двора Шигалѣева Раи князь съ товарищи и съ ихъ людьми 688 ч.». У татаръ, кажется, число лошадей значительно превышало число людей; при проходѣ татарскаго отряда царевича Кайбулы въ 1555 г., состоявшаго изъ 1,500 человѣкъ, кормъ велѣно было готовить для 4,000 лошадей [3]); можетъ быть, большое число татарскихъ лошадей и вводило въ заблужденіе иностранцевъ. Флетчеръ

[1]) Соловьевъ, VI, 250.
[2]) Сказанія Современниковъ, 281.
[3]) Д. А. И. I, № 70.

не даетъ цифры татаръ; онъ ограничивается замѣчаніемъ, что ихъ иногда нанимаютъ, но только на время, для военныхъ дѣйствій на западной границѣ; замѣчаніе невѣрное, потому что были татары служилые, входившие въ составъ русскаго войска, употреблявшагося и на западной, и на юго-восточной украинѣ государства, напр. Касимовскіе татары [1]). Въ числѣ татаръ Флетчеръ считаетъ и черемиссъ, и мордву, и черкесъ, и кавказскіе народы. Они различаются, по его мнѣнію, болѣе по имени, чѣмъ по характеру или образу жизни. То, что говоритъ Флетчеръ о татарахъ, подтверждается и другими авторами, Герберштейномъ, отъ котораго Флетчеръ въ данномъ вопросѣ кое-что заимствовалъ, Михалономъ Литвиномъ и Вижинеромъ [1]).

Татары всѣ сражаются на коняхъ; въ походъ они берутъ съ собой, по крайней мѣрѣ, по двѣ лошади на каждаго: одну для ѣзды, другую на убой. Михалонъ Литвинъ утверждаетъ даже, что почти каждый татаринъ беретъ съ собой по пяти лошадей и не столько для убоя, сколько, чтобы можно было чаще мѣнять подъ собой лошадей и быстрѣе совершать набѣги. Де-Вижинеръ, подтверждая общіе отзывы о необыкновенной выносливости татаръ, утверждаетъ, что въ крайнемъ случаѣ татаринъ надрѣзываетъ кожу своей лошади и выпиваетъ добрый глотокъ крови, отчего лошадь, по ихъ словамъ, становится еще лучше.

Совершенно, какъ Михалонъ Литвинъ, Флетчеръ описываетъ способъ татаръ переправляться черезъ рѣки: привязываютъ къ хвостамъ 3—4 лошадей бревна, на которыя садятся сами, или держатся сами за гривы лошадей, а на бревна кладутъ свой багажъ.

Вооруженіе татаръ, по общимъ отзывамъ, состояло изъ лука, колчана со стрѣлами и сабли. Михалонъ Литвинъ говоритъ, что даже такое вооруженіе въ его время (1550 г.) встрѣчалось только у десятаго или двадцатаго татарина, изъ остальныхъ же,—одни имѣли только палки костяныя или деревянныя, другіе были препоясаны пустыми ножнами или даже вовсе безъ оружія. Флетчеръ тоже упоминаетъ о пикахъ, похожихъ на рогатины, которыя татары берутъ съ собой въ походъ.

Всѣ писатели говорятъ согласно объ умѣньѣ татаръ вести бой въ открытомъ мѣстѣ и ихъ отчаянной храбрости.

---

[1]) Вельяминовъ-Зерновъ op. cit. Касимовскіе татары употреблялись и противъ ногайцевъ, и при покореніи Казани, и при усмиреніи черемисъ.

[2]) Мемуары, относящіеся къ исторіи южной Руси, вып. I, 11—12, 78—82.

Пѣхота въ XVI в. служила еще вспомогательнымъ отрядомъ русскаго войска. По Флетчеру пѣхоту составляли 12,000 стрѣльцовъ и 4,300 иностранцевъ. Въ разрядѣ Полоцкаго похода о стрѣльцахъ почему-то вовсе не упомянуто, въ разрядахъ 1577 и 1578 гг. они сосчитаны вмѣстѣ съ казаками: въ 1577 г.—7,905 ч., въ 1579 г.—15,119 ч. Маржеретъ также казаковъ и стрѣльцовъ считаетъ лучшею пѣхотой русскаго войска. По его словамъ, 10,000 ихъ жило въ Москвѣ; кромѣ того, что въ каждомъ городѣ, отстоявшемъ не болѣе 100 верстъ отъ границы Татаріи, были стрѣлецкіе гарнизоны отъ 60—150 ч. каждый [1]). Флетчеръ раздѣляетъ стрѣльцовъ на три категоріи: 1) 2,000 стремянныхъ, 2) 5,000 живутъ въ Москвѣ или тамъ, гдѣ пребываетъ царь, и 3) остальные размѣщены гарнизонами по городамъ. Названія стремянныхъ стрѣльцовъ не встрѣчаемъ въ XVI в.; въ разрядѣ 1578 г. сказано: «да съ государемъ же быть стрѣльцамъ и казакомъ его двора 2,000 чел.» [2]). Маржеретъ, какъ сказано выше, считаетъ въ Москвѣ 10,000 ч.; записка о Московскомъ государствѣ—только пять приказовъ, по 500 ч. каждый [3]). Относительно стрѣлецкихъ гарнизоновъ наиболѣе точныя данныя собраны Н. Д. Чечулинымъ. Напр., въ Казани стрѣльцовъ было 613 чел., въ Свіяжскѣ—417 ч., въ Лаишевѣ—25 чел., въ Тулѣ—30 чел., въ Дѣдиловѣ—60 ч., въ Веневѣ—43 чел., въ Епифани—126 чел., въ Пронскѣ—106 ч., въ Переяславлѣ Ряз.—100 [4]). Флетчеръ, равно какъ и Маржеретъ, считаютъ стрѣльцовъ пѣхотой; оффиціальные акты XVI в. различаютъ какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ стрѣльцовъ.

О казакахъ Флетчеръ не говоритъ; но въ числѣ иноземныхъ воиновъ онъ считаетъ 4,000 поляковъ, т. е. черкасъ, подвластныхъ Польшѣ. Разряды, какъ мы уже видѣли, упоминаютъ о казакахъ на ряду со стрѣльцами; разрядъ 1572 г. упоминаетъ о Донскихъ казакахъ въ Рязани. Н. Д. Чечулинъ нашелъ черкасовъ въ нѣкоторыхъ украинныхъ городахъ (въ Тулѣ, Коломнѣ); имена ихъ, по замѣчанію уважаемаго автора, неправославныя: Мазуръ, Матусъ, Мартинъ, Янъ, Михаилъ Лехъ; очевидно, что они польскаго происхожденія. Вѣроятно, черкасами называли польскихъ плѣнниковъ или выходцевъ изъ Польши, поселенныхъ на южной украинѣ

---

[1]) Сказанія современниковъ, 278—285.
[2]) Древняя Вивліоѳика, XIV, 351.
[4]) А. И. II, № 355.
[3]) Н. Д. Чечулинъ, Города Московскаго государства, 203, 207 и др.

государства. Кромѣ того, черкасами называли тогда и малороссовъ; въ приказныхъ дѣлахъ встрѣчается упоминаніе о Путивлскихъ черкасахъ, состоявшихъ на службѣ [1]).

Другихъ иностранцевъ въ русскомъ войскѣ тогда было еще очень мало; если вѣрить Флетчеру, только около 300, именно голландцевъ и шотландцевъ—150 чел. грековъ, датчанъ, турокъ шведовъ около 100 чел. Горсей тоже считаетъ въ русскомъ войскѣ немного поляковъ, шведовъ, голландцевъ и шотландцевъ; но мимоходомъ онъ упоминаетъ, какъ при его посредствѣ организованъ былъ иноземный отрядъ изъ 400 шотландцевъ.

Такимъ образомъ численный составъ Московскаго войска того времени около 75,000 конницы дворянъ, дѣтей боярскихъ и ихъ слугъ; затѣмъ не больше 10,000 татаръ, 20,000 стрѣльцовъ и казаковъ, и наконецъ 4,000 иностранцевъ, всего около 110,000 чел. Въ случаѣ надобности собирались даточные, посошные, число которыхъ было очень различно.

Могущество русскаго царя тѣмъ болѣе поражало иностранцевъ, что огромная армія, о численности которой они имѣли преувеличенное понятіе, почти не требовала расходовъ по ихъ представленію. Иностранцы, въ большинствѣ случаевъ, полагали, что денежное жалованье платилось сравнительно очень немногимъ наемнымъ отрядамъ, остальные же русскіе подданные, не получая денежнаго жалованья, должны были являться въ походы съ своими припасами. Такимъ образомъ, по мнѣнію иностранцевъ, война ничего почти не стоила московскому государю. Во время Герберштейна такъ и было, но съ того времени многое измѣнилось. Съ половины XVI в. дѣтямъ боярскимъ назначено было денежное жалованье разъ въ четыре года, придворные же чины, дворяне, во времена царя Θеодора получали уже жалованье ежегодно. Конечно, главное вознагражденіе для служилыхъ людей составляла еще земля. Помѣстная система хорошо была усвоена англичанами. Уже Рич. Чанслоръ обратилъ на этотъ предметъ вниманіе. Великій князь, по его словамъ, раздаетъ участки земли подданнымъ; владѣющій такимъ участкомъ долженъ быть всегда на готовѣ и по первому требованію явиться съ такимъ числомъ людей, какое указано княземъ. Въ случаѣ смерти какого-либо дворянина или помѣщика бездѣтнымъ, Государь беретъ землю на себя и раздаетъ ее другимъ, выдѣливъ небольшую часть дочерямъ умершаго до

---

[2]) Тамъ же, 217 и др.

замужества ихъ. Если помѣщикъ получитъ увѣчье и станетъ неспособнымъ къ службѣ, другіе дворяне, нуждающіеся въ землѣ, немедленно подаютъ челобитную великому князю: «вотъ у Вашей милости есть такой-то неспособный нести службу, но очень богатый помѣщикъ»; земля тогда отбирается отъ увѣчнаго, кромѣ небольшой части, оставляемой для прокормленья его и его жены: и онъ все-таки не станетъ жаловаться, а скажетъ: все въ рукахъ Бога да Великаго государя [1]).

Уже въ этомъ описаніи помѣстной системы виденъ намекъ на то, что земли какъ будто не хватало для служилаго сословія. Флетчеръ не останавливается подробно на помѣстной системѣ. Онъ мелькомъ замѣчаетъ, что дворянинъ, достигнувшій положеннаго закономъ возраста, является въ разрядъ, гдѣ имя его вносятъ въ списки и даютъ ему землю, обыкновенно принадлежавшую его отцу; земли, назначенныя на содержанія войскъ, остаются однѣ и тѣ же, не уменьшаясь и не увеличиваясь. Поэтому часто, такъ какъ всѣ земли уже заняты, молодымъ дворянамъ не даютъ земель, кромѣ небольшаго участка земли, который къ тому же дѣлятъ пополамъ. Отъ этого въ странѣ происходятъ безпорядки, ибо если у сына боярскаго нѣсколько дѣтей, то часто только одинъ содержится царскимъ жалованьемъ; остальные же, не имѣя ничего, живутъ на счетъ мужиковъ, грабя и притѣсняя ихъ (70). Верстанье происходило не всегда такъ, какъ описываетъ Флетчеръ. Въ 1590 г. бояринъ кн. Трубецкой и дьяки Посникъ Дмитріевъ смотрѣли въ Новгородѣ дѣтей боярскихъ Переславцовъ всего города: «а которые въ нихъ новики служилые, служили лѣтъ по пяти и по пяти, а иные по два и по три, а денежнаго жалованья не имывали и не верстаны, и бояринъ князь Никита Ив. Трубецкой да діакъ Посникъ Дмитреевъ тѣхъ верстали государевымъ денежнымъ жалованьемъ... А новиковъ неслужилыхъ, которые прежъ того не служивали, а пріѣхали на государеву службу въ Великій Новгородъ впервые, и тѣхъ поверстали государевымъ помѣстнымъ жалованьемъ первую статью въ 250 ч., другую въ 200 ч., третью 150 ч., выпрося тѣхъ же окладчиковъ, кто кому въ версту, а денежнымъ жалованьемъ не верстаны [2])». Точно также въ 1591 г. Алексѣй Третьяковъ, Никита Путиловъ и дьякъ Алексѣевъ верстали въ Переяславлѣ Рязанскомъ дѣтей боярскихъ Ряжанъ, «а

---

[1]) Чт. Общ. Ист. и Др. Росс. 1884, № 4.
[2]) А. М. Г. I, 33 и 35.

иныхъ новиковъ служилыхъ и новиковъ не служилыхъ верстали помѣстьемъ и государевымъ денежнымъ жалованьемъ, выпрашивая окладчиковъ дѣтей же боярскихъ Ряшанъ».—По этимъ актамъ мы можемъ установить нѣсколько иной порядокъ верстанья: молодые дѣти боярскіе начинали службу, большей частью, безъ всякихъ окладовъ, затѣмъ ихъ верстали «по отечеству» помѣстнымъ жалованьемъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ службы и денежнымъ жалованьемъ. Притомъ, конечно, верстанья не могли же происходить ежегодно въ каждомъ городѣ; между верстаньями дѣтей боярскихъ одного города проходило нѣсколько лѣтъ, напримѣръ, лица, верставшія Ряжанъ въ 7100 г., давали сначала жалованье дѣтямъ боярскимъ, Ряжанамъ, по старымъ окладамъ, по десятнѣ 92 г. Достигнувшіе, между тѣмъ, положеннаго возраста въ промежуткѣ между верстаньями, дѣти боярскіе проживали или съ отцовскихъ помѣстій или получали пока, на время, до верстанья первыя попавшіяся свободныя земли, большей частью, очень незначительныя. Такой порядокъ, по крайней мѣрѣ, можно прослѣдить по Новгородскимъ помѣстнымъ грамотамъ 1555—1556 гг.; напримѣръ, по смерти помѣщика владѣльца 39 обежъ, 7 обежъ выдѣлено матери, третій сынъ получилъ раньше еще помѣстье во Псковѣ, остальнымъ троимъ велѣно служить съ отцовскаго помѣстья; 2) 4 сына по смерти ихъ отца получили прибавки къ отцовскимъ 22$^1/_2$ обж. еще 10 обж.; одинъ изъ братьевъ померъ, велѣно до верстанья оставить за тремя 35 обж.; 3) сыну, по смерти отца, пожалованы были отцовскія 22$^1/_2$ обж., но онъ не успѣлъ взять грамоты, какъ помѣстье это было уже роздано другимъ, осталось только 1$^1/_4$ обжа, что и дано ему, согласно просьбѣ, до верстанья; 4) у помѣщика 23 обж., пять сыновей непрпущенныхъ и въ отводъ непожалованныхъ; велѣно старшему сыну дать 7 обеж. изъ помѣстья умершаго дяди; 5) отцу—помѣщику 11 обж. назначена была прибавка 14 обж., но придачи этой не дано; у него 3 сына; по смерти отца и одного брата, 11 обж. оставлены за 2 братьями, и то потому, что умершій братъ оставилъ 50 р. долга [1]).

Грамотами этими подтверждаются слова Флетчера о затрудненіяхъ, которыя испытывались многосемейными дѣтьми боярскими: взрослыя дѣти должны были жить и служить съ отцовскихъ помѣстій, по крайней мѣрѣ, до верстанья. Вѣрно ли его замѣчаніе о недостаткѣ уже въ XVI в. въ земельныхъ надѣлахъ, т. е., что

[1]) Д. А. И. I, 52; II, V, VII, IX, XV и XVI.

и верстанья не удовлетворяли потребностямъ многочисленнаго служилаго сословія. Обыкновенно полагаютъ, что въ XVI в. земли у насъ было еще слишкомъ достаточно [1]). Земли, конечно, свободной было еще очень много, но годилась ли эта свободная земля для цѣлей помѣстной системы? Въ половинѣ XVI в. въ центральныхъ уѣздахъ черныя волости исчезаютъ совсѣмъ, онѣ сохраняются на сѣверѣ, за Волгой; селить тамъ дѣтей боярскихъ, въ областяхъ Устюжской, Важской, Двинской, Пермской едва ли было выгодно и удобно для государства; подвигаться на югъ и юговостокъ въ началѣ царствованія Θеодора Іоанновича тоже было еще неудобно: построеніе новой, болѣе южной линіи городовъ относится ко времени нѣсколько позднѣйшему. Утвержденіе Флетчера, что помѣстныя земли постоянно однѣ и тѣ же, несправедливо: по завоеваніи Казани, напр., тамъ испомѣщены были дѣти боярскіе; тоже сдѣлано было впослѣдствіи и въ Полоцкомъ уѣздѣ, и въ Ливонскихъ городахъ; подъ конецъ царствованія Θеодора дѣтямъ боярскимъ стали раздавать дикое поле.

Тѣмъ не менѣе, указаніе на недостаточность помѣстныхъ земель для начала царствованія Θеодора Іоанновича справедливо. Въ предъидущее царствованіе, когда число дѣтей боярскихъ едва ли увеличивалось вслѣдствіе продолжительныхъ неудачныхъ войнъ, скорѣе даже уменьшалось, во многихъ уѣздахъ дѣти боярскіе испомѣщены были далеко несполна. Такъ, въ Веневскомъ уѣздѣ они были испомѣщены только въ половину своихъ окладовъ, въ Каширскомъ уѣздѣ старымъ помѣщикамъ и новикамъ окладъ былъ 84,150 четв., на дѣлѣ же въ окладъ не дошло 21,001 четв. или почти 25%. Въ Звенигородскомъ уѣздѣ сполна испомѣщены были только: 1 бояринъ царь Симеона Касаевича и 32 чел. дѣтей боярскихъ, а исполна испомѣщено было 90 чел. дѣтей боярскихъ; всего дано имъ 3,422 четв. доброй, середней и худой земли, оставалось додать еще 3,593 четв. доброй земли; наконецъ 1 боярину и 50 чел. дѣтямъ боярскимъ вовсе не дано было помѣстій, «а дати было имъ доброй земли 4,440 четв». Всего 2 боярамъ и 172 чел. дѣтямъ боярскимъ дано было 7,547 четв., додать оставалось 7,433 четв.

Съ 1582 г. военныя дѣйствія прекратились, ничто не препятствовало естественному увеличенію лицъ военнослужилаго класса; а между тѣмъ отказъ отъ Ливоніи и Полоцка заставилъ прави-

---

[1]) Соловьевъ, VII, 351.

тельство вывести поселенныхъ тамъ дѣтей боярскихъ; многихъ изъ нихъ надо было испомѣстить вновь въ пограничныхъ уѣздахъ государства; помѣстья свободныя были во многихъ уѣздахъ, но эти помѣстья были, обыкновенно, такъ запустошены, что даже новики отказывались ихъ брать. Въ Коломенскомъ уѣздѣ «дѣти боярскіе новики безпомѣстные тѣхъ порозжихъ земель въ помѣстья въ раздачю не емлютъ за пустомъ», несмотря на то, что правительство давало имъ льготу въ податяхъ, кромѣ городоваго дѣла, на 8 и даже на 10 лѣтъ и давало имъ на хоромную ставку по 2 р. на каждыя 100 четв. Въ каждой десятнѣ упоминаются дѣти боярскіе, которые государевы службы не служатъ, а ходятъ по дворамъ. По Тверскому списку 1585 г. на 88 служащихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ царя Симеона Бекбулатовича показаны 41 чел., которые службы не служатъ, помѣстья свои запустошили, сами или сбѣжали, или ходятъ межъ дворъ [1]). Правительство верстало даже новиковъ окладами не менѣе 150 ч., но въ дѣйствительности эти правительственныя приказанія далеко не всегда исполнялись. Писцовыя книги такой же оффиціальный документъ, какъ и записи о верстаньѣ, въ этомъ вопросѣ служатъ источникомъ болѣе надежнымъ, потому что онѣ, по мѣткому замѣчанію г. Чечулина, показываютъ то, что было въ дѣйствительности, а не то, что должно было бы быть, и именно въ писцовыхъ книгахъ часто читаемъ «не дошло въ его окладъ столько четей». Писцовая книга Орловскаго уѣзда свидѣтельствуетъ о крайней незначительности помѣстій дѣтей боярскихъ, напр., «пашни паханые добр. земли четь, да перелогу 2 чети въ полѣ, а въ дву потому-жъ, а окладъ Богдану 40 четьи и не дошло въ его окладъ 37 четьи»; или «окладъ Ромашку 50 ч., и не дошло въ его окладъ 33 ч.»; «окладъ Епишкѣ 50 ч., и не дошло въ его окладъ 30 ч.». Изъ массы помѣщиковъ Орловскаго уѣзда очень немногіе владѣли помѣстьями болѣе 100 ч. [2]); наконецъ и въ другихъ оффиціальныхъ актахъ упоминаются дѣти боярскіе безпомѣстные; въ 1576 состоялся приговоръ: «а будетъ которые дѣти боярскіе неиспомѣщены и тѣмъ приговорили денежное жалованье ежъ годъ», въ слѣдующемъ году тѣже дѣти боярскіе,—путивльцы и рыляне опять били челомъ о жалованьѣ, и по справкѣ изъ помѣстнаго приказа оказалось, что изъ

---

[1]) Писцовыя книги, I, 607 и 729—730; II, 1534—1535 и 1579; А. М. Г. I, 30.

[2]) Писцовыя книги II, 853 и 965.

челобитчиковъ 99 вовсе непомѣщены, а 69 только испомѣщенныхъ да и «тѣ испомѣщены по окладомъ несполна, иные вполы, а иные въ третей и въ четвертой жеребей, а инымъ дано на усадища понемногу»; въ томъ же году дѣти боярскіе рязанцы, что и бывали мѣсячные сторожи, 300 ихъ человѣкъ, били челомъ, что помѣстья за ними старыя по 50 ч., а денежного жалованья не имывали 10 лѣтъ» [1]).

По словамъ Флетчера, такіе дѣти боярскіе кормились, главнымъ образомъ, на счетъ крестьянъ. Наши акты также отзываются о такихъ дѣтяхъ боярскихъ, что они ходятъ по дворамъ, что они сбѣжали безвѣстно. Новыя верстанья XVI в. производились уже строже, чѣмъ предъидущія—знакъ того, что предложеніе превышало спросъ. Новики должны были прослужить нѣсколько лѣтъ съ отцовскихъ или съ прожиточныхъ помѣстій безъ всякаго вознагражденія; только послѣ исправной службы имъ давали денежное жалованье, а потомъ и помѣстное. Въ 1599 г. приказано только такихъ новиковъ поверстати денежнымъ жалованьемъ, которые были въ Серпуховѣ «и впередъ имъ государева, царева и великаго князя Бориса Өеодоровича *служба служити мочно*», но денегъ еще не дали, «потому что они лѣты молоды», тѣхъ же, которые начали служити ново въ 107 году, деньгами даже и не верстали, но велѣли службу служити по прежнему. Въ 1601 г. окладчикамъ приказано было смотрѣть, «чтобъ въ нихъ (новикахъ) не было худыхъ, которыхъ впередъ въ службу не будетъ, и поповыхъ и мужичьихъ дѣтей, и холопей боярскихъ, и слугъ монастырскихъ, и которые были верстаны изъ иныхъ городовъ, или которые будетъ за воровство выкинуты изъ службы». Въ 1604 г. опять-таки окладчикамъ велѣно было смотрѣть, «кто каковъ отечествомъ и службою, и прожитки, и кто въ которую статью пригодится, *и государева служба ему впредь служити мочно ль*» [2]). Очевидно, что правительство принимаетъ на службу съ нѣкоторымъ разборомъ, избѣгаетъ худыхъ, какъ въ нравственномъ отношеніи, такъ и бѣдныхъ, и такихъ, которые съ самаго начала неисправно несли службу; но при этомъ дѣти боярскіе, которые хорошо начинали службу, даже съ самыхъ незначительныхъ помѣстій, довольно скоро получали денежное жалованье.

Флетчеръ, полагалъ, что денежное жалованье выдается служи-

---

1) А. М. Г. I, 16, 21 и 24.
2) Тамъ же, №№ 39—41.

лымъ людямъ ежегодно; полностью, впрочемъ, оно выдается въ случаѣ похода, войны, въ мирное же время выдается или половина оклада или и того меньше. Высшіе чины, придворные, дворяне, головы, тѣ получали, дѣйствительно, жалованье ежегодно; о нѣкоторыхъ же дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ писалось, что они получаютъ «годовыхъ» столько-то, про другихъ же, большую часть, что они вмѣстѣ съ городомъ—столько-то [1]). Большая часть дѣтей боярскихъ получала жалованье въ 4 года разъ; но это не было закономъ: мы уже имѣли примѣры, что нѣкоторые, несшіе впрочемъ болѣе легкую службу, не получали жалованья и 10 лѣтъ. Записка о Московскомъ государствѣ также говоритъ, «коли службы нѣтъ, въ пятой годъ даютъ и болши» [2]). Очевидно, что строго опредѣленнаго порядка еще не было, выдача жалованья съ одной стороны зависѣла отъ состоянія казны государства, отъ щедрости государевой, съ другой—отъ службы. Такъ, тѣмъ дѣтямъ боярскимъ, которые въ 1590 г. не были подъ Ругодивомъ, денежное жалованье за ругодивскіе нѣты дано было съ вычетомъ, тѣмъ же, которыя не были въ 1591 г. въ приходъ крымскаго царя и въ 1592 г., денежное жалованье вовсе не дано; тѣмъ, которыя сбѣжали съ государевы службы въ Воронежѣ, тѣмъ недодано 2 р. Также при верстаніи каширскихъ новиковъ въ 1599 г. принималось во вниманіе, были ли они въ прошломъ году въ Серпуховѣ. Новиковъ верстали обыкновенно при царѣ Ѳеодорѣ такъ: первую статью 7 р., вторую 6 р., третью 5 р. [3]); въ Тверскомъ спискѣ дворяне получали по 12 р.—8 р. годовыхъ, другіе же дворяне 14—12 р. «съ городомъ», дѣти боярскіе отъ 12 р.—8 р.; въ Торжкѣ дворовые—14 и 13 р., городовые 13—8 р. Дворяне, служившіе по московскому списку, получали значительно больше; такъ, по боярской книгѣ 1556 г. (извѣстны только отрывки) 15-я статья получала по 50 р., 16-я ст. по 45 р., 17-я ст.—по 40 р. и т. д. Сохранилась еще боярская книга 1604 г., къ сожалѣнію, безъ начала, потому что находимъ тамъ только одного боярина, вѣроятно, получавшаго наименьшій окладъ, Мих. Мих. Салтыкова—250 р., затѣмъ: 2 лица по 130 р., 2 по 120 р., 4 по 100 р., 3 по 80 р. (въ томъ числѣ 2 дьяка), 3 по 70 р., 8 по 60 р. (напр., кн. Черкасскій, кн. Татевъ, кн. Засѣкинъ, кн. Катыревъ-Ростовскій, кн.

---

[1]) Тамъ-же, №№ 16 и 21.
[2]) А. И. II, № 355.
[3]) А. М. Г. № 35 и № 39.

Мих. Вас. Скопинъ-Шуйскій и др.), 24 по 50 р., 17 по 40 р., 5 по 35 р. и т. д., меньшій окладъ—5 р.

Поэтому едва ли справедливо утвержденіе Флетчера, что дворяне большіе получаютъ отъ 100—70 р., середніе отъ 60 до 40 р. и дѣти боярскіе отъ 30—12 р.; въ данномъ случаѣ Флетчеръ грѣшитъ свойственнымъ ему часто преувеличеніемъ; болѣе низкія цифры Маржерета ближе къ дѣйствительности; по его извѣстію московскіе дворяне получали 10—20 р., выборные дворяне 15—8 р., городовые дворяне 12 р.—5 р.; дѣти боярскіе 6—4 р.; въ извѣстіи этомъ только жалованье дѣтей боярскихъ понижено противъ дѣйствительности [1]).

Еще болѣе преувеличиваетъ Флетчеръ жалованье стрѣльцамъ: по его словамъ, они получали по 7 р. и 12 четв. ржи и столько же овса. По Маржерету рядовые стрѣльцы получали только отъ 4—5 р. ежегодно и по 12 четв. ржи и столько же овса; между тѣмъ по писцовымъ книгамъ Епифани и Венева пѣшіе стрѣльцы получали тамъ отъ 100 ден. до 25 алт., хлѣба по 8—10 четв. ржи, по 10 четв. овса и по 1 пуд. соли; конные стрѣльцы всѣ по 25 алт. и по 10 четв. ржи, по 10 четв. и по 1 пуд. соли. Въ 1593 г. Елецкимъ стрѣльцамъ положено было по 3 р. жалованья и по 6 четв. ржи и столько же овса. По мнѣнію г. Милюкова, и въ XVII ст. содержаніе городоваго стрѣльца стоило отъ 4—3 р., московскаго отъ 5—6 р. [2]). Казакамъ жалованье было еще меньше: въ 1591 г. отправляемымъ въ Астрахань новымъ воеводамъ велѣно было набрать для шевкальской службы 1,000 волжскихъ и 500 Яицкихъ казаковъ и давать имъ на кормъ по осьминѣ муки человѣку, да десяти людямъ по четверти крупъ и толокна. «А будетъ они, для нужи, учнутъ просити денегъ, и имъ дати по полтинѣ человѣку на нужу, а о досталномъ о денежномъ жалованьѣ и о хлѣбномъ запасѣ, для шевкальскія службы, Государевъ указъ будетъ впереди».

Очень жаль, что Флетчеръ не даетъ цифры жалованья иностранцамъ, служившимъ въ русскомъ войскѣ. Они должны были и въ то время получать жалованье, такъ какъ по писцовымъ книгамъ городовъ, въ которыхъ они жили, видно, что дряби, напр., поселенные въ Казани, не имѣли земли и не занимались ни реме-

[1]) Сказ. соврем. I, 281.

[2]) Тамъ же, Н. Д. Чечулинъ op. cit. 292; Ж. М. Нар. Пр. 1890, № 9. А. И. I, 230.

слами, ни торговлей. Горсей, разсказывая, какъ, по его совѣту, устроенъ былъ отрядъ изъ плѣнныхъ шотландцевъ, неопредѣленно выражается, что имъ пожалованы были деньги, платье, оружіе, кормъ и т. д. Маржеретъ, вполнѣ компетентный въ данномъ случаѣ свидѣтель, говоритъ, что иноземцы эти получали отъ 12—60 р., нѣкоторые капитаны даже до 120 р., кромѣ помѣстій. Во время Ѳеодора Іоанновича жалованье было ниже; извѣстно, какъ благоволилъ къ иностранцамъ царь Борисъ. По хвастливому увѣренію Бера, Борисъ обѣщалъ нѣмцамъ быть по отношенію къ нимъ не государемъ, а отцомъ, будто онъ обѣщалъ дворянъ нѣмецкихъ сдѣлать князьями, гражданъ—боярами, обѣщалъ одарить ихъ землею, слугами и работниками, обѣщалъ одѣть въ бархатъ, шелкъ и золото; обѣщалъ наполнить деньгами ихъ пустые кошельки; но жалованье нѣмцамъ, по Беру, Борисъ назначилъ почти такое же, какъ и по свидѣтельству Маржерета: нѣмцы были раздѣлены на четыре статьи: I—50 р. ежегоднаго жалованья, 800 четв. земли, 100 душъ крестьянъ; II—30 р. жалованья, 500 четв. земли 50 душъ крестьянъ, III—20 р. и помѣстье съ 30 крестьянами, IV—15 р. жалованья 300 чет. земли и 20 душъ крестьянъ, не считая подарковъ [1]).

Продовольствіе во время войны, по словамъ Флетчера, всецѣло лежало на обязанности самихъ же воиновъ. Правительство, по его словамъ, вовсе не приготовляетъ запасовъ для войска, развѣ иногда только, но и то за деньги военныхъ. Всякій обязанъ запастись матеріаломъ мѣсяца на четыре, если же не хватитъ, то долженъ приказать доставить себѣ провіантъ отъ своихъ крестьянъ. Ясно, что Флетчеръ разумѣетъ дѣтей боярскихъ, которые дѣйствительно должны были запасать сами себѣ продовольствіе. Когда предстоялъ большой походъ, имъ объявлялось это заранѣе; такъ, въ Полоцкомъ походѣ дѣтямъ боярскимъ велѣно было запасъ пасти на всю зиму и до весны; отправившимся въ 1585 г. дѣтямъ боярскимъ подъ Ругодивъ, опять велѣно имѣть запасы съ собою на все лѣто и на зиму. Въ исключительныхъ случаяхъ, когда войска долго стояли въ непріятельской землѣ, правительство отправляло имъ хлѣбъ: такъ, въ 1579 г. отправленъ былъ хлѣбъ для прокормленія войска, стоявшаго въ Ливоніи; въ 1582 г. какой-то Терехъ Ситниковъ возилъ хлѣбъ, 2,500 чет. муки и толокна въ Астрахань; на Терку

---

[1]) Н. Д. Чечулинъ, op. cit., 217 и 218; Горсей, 183; Сказан. совр., 282; тамъ же, 25 и 27.

посылали государевы запасы: муки, крупы, толокна въ 4 года 13,587 ч. муки, 2,248 ч. крупы, 2,248 чет. толокна. Это объясняется, конечно, отдаленностью края. Вспомогательные отряды, татары, казаки, стрѣльцы, тѣ чаще получали продовольствіе отъ правительства. Въ 1556 г. царскою грамотой предписано заготовить кормъ—для людей и конской—для лошадей татаръ: именнона всякомъ яму на 80 человѣкъ заготовлялись: яловица, 1/2 осьмины крупъ, 1/2 крынки соли или на 10 чел.—баранъ, крупъ и соли па деньгу; стрѣльцамъ и казакамъ кормъ ихъ и конской велѣно было готовить, сколько пригоже. Для постройки Валуйки отправлены были стрѣльцы, литва, нѣмцы и черкасы; они должны были взять запаса своего на 3 мѣсяца; но на четвертый мѣсяцъ имъ велѣно давать государева запаса человѣку по осьминѣ сухарей, на 10 чел. осьмина крупъ, да осьмина толокна [1]).

Надо замѣтить, что трудно себѣ представить людей менѣе прихотливыхъ, чѣмъ русскіе воины XVI вѣка. Обыкновенно дѣти боярскіе довольствовались очень немногимъ; по Герберштейну, у русскаго воина бывало толченое просо, фунтовъ 8—10 солен. свинаго мяса, соли, перцу иногда, топоръ, трутъ и кастрюля. Если нѣтъ никакихъ плодовъ, разведутъ огонь, наполняютъ горшокъ водою, прибавляютъ соли и варятъ—господинъ и холопъ живутъ, довольствуясь этою пищей. Р. Чанслоръ пришелъ въ удивленіе отъ невзыскательности русскихъ воиновъ: «думаю подъ солнцемъ нѣтъ людей, способныхъ къ столь суровой жизни, какую ведутъ русскіе. Хотя они проводятъ въ полѣ два мѣсяца, послѣ того какъ земля замерзнетъ уже на аршинъ, рядовой воинъ не имѣетъ ни палатки, ни чего-либо иного надъ головой, обычная ихъ защита противъ непогоды—войлокъ, выставляемый противъ вѣтра и бури; когда навалитъ снѣгу, русскій воинъ сгребетъ его, разведетъ себѣ огонь, около котораго ложится спать. Такъ поступаетъ большинство изъ нихъ, за исключеніемъ знатныхъ, доставляющихъ себѣ на собственный счетъ другіе припасы. Но и эта жизнь въ полѣ не такъ изумительна, какъ ихъ суровость: каждый долженъ добыть и привезти кормъ для себя и для своей лошади на мѣсяцъ или на два; хозяинъ живетъ на водѣ и овсяной мукѣ, перемѣшанной съ холодомъ; лошадь его должна питаться вѣтвями и т. п. Спрошу я васъ, много ли

---

[1]) Витебская Старина, IV, прилож. № 3, 30. А. М. Г. I, № 30. Д. А. И. I, 70 и 125; А. Э. I, № 314; А. И. I, № 230; Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьковской губ. № 1.

мы найдемъ среди нашихъ хвастливыхъ воиновъ такихъ, которые могли бы пробыть въ полѣ съ ними хотя бы одинъ мѣсяцъ. Чтобы можно было сдѣлать съ этими людьми, если бы они были выучены порядку и познаніямъ цивилизованныхъ войскъ». Флетчеръ говоритъ почти тоже,—русскіе воины питаются толокномъ, ветчиной, сушенымъ мясомъ, рыбой. Если бы русскій солдатъ съ такою же твердостью духа исполнялъ тѣ или другія предпріятія, съ какою онъ переноситъ нужду и трудъ, или столько же былъ бы способенъ и навыченъ къ войнѣ, сколько равнодушенъ къ своему помѣщенію и пищѣ, то далеко превзошелъ бы нашихъ солдатъ, тогда какъ теперь много уступаетъ имъ и въ храбрости и въ самомъ исполненіи военныхъ обязанностей.

Вооруженіе русскаго войска составляло, безспорно, самую слабую его сторону. По нѣкоторымъ десятнямъ, лица первой статьи должны были являться на войну въ панцырѣ, саадакѣ, шеломѣ, съ саблей и копьемъ, у другихъ лицъ вооруженіе состояло только изъ саадака и сабли.

Подробнѣе о вооруженіи говоритъ боярская книга 1556 года. Книга эта различаетъ вооруженіе въ доспѣхѣ и тегиляхъ: съ полныхъ 100 четей требовали человѣка въ доспѣхѣ, владѣлецъ 147 четей приводилъ съ собой одного человѣка въ тегилѣ, съ 200 одного—въ доспѣхѣ, съ 250 четей—одного въ доспѣхѣ, другого въ тегилѣ и т. д. Но судя по свидѣтельству Флетчера и Маржерета, едва-ли на самомъ дѣлѣ предъявлялись слишкомъ строгія требованія къ являвшимся дѣтямъ боярскимъ; скорѣе напротивъ. По словамъ Флетчера, простые всадники брали съ собою лукъ со стрѣлами, мечъ, и только очень немногіе—небольшія копья или кинжалы; по Маржерету, простые дѣти боярскіе могутъ имѣть только добрыхъ коней, лукъ, стрѣлы и саблю. У людей состоятельныхъ, по извѣстіямъ иностранцевъ, вооруженіе отличалось большою роскошью и великолѣпіемъ. Флетчеръ говоритъ, что военачальники надѣвали на себя булатную броню, поверхъ которой была еще одежда изъ золотой парчи съ опушкой горностаева мѣха; да также изукрашены были ихъ сѣдла и лошадиныя сбруи, передъ военачальниками возили такъ называемые «шестоперы». Послѣ пораженія подъ Уллой врагамъ достался лагерь, полный роскоши; въ немъ было, по иностраннымъ извѣстіямъ, до 5,000 повозокъ; среди этой роскоши особенно выдѣлялись своимъ великолѣпіемъ колчанъ и мечъ Шереметева. Во время Псковской осады изъ Пскова выѣзжали воеводы въ золоченыхъ шлемахъ, въ атласѣ и бархатѣ.

Филонъ Кмита прислалъ Баторію въ знакъ своей побѣды московскую хоругвь и позолоченную сбрую съ коня убитаго воеводы [1]). Въ той же боярской книгѣ встрѣчаемъ указанія: «на панцырѣ тегилей толстый камчатъ», «бехтерецъ, съ бермицами», «тегилей отласенъ» «бархатенъ», «камчатъ съ горностаи», «приволока бархатная», «тегилей тонкій съ горностаями», сверхъ доспѣха «ферязи бархатны» и т. д.; шапки были желѣзныя, мѣдныя, бумажныя, турскія и др. [2]).

Эта роскошь, разумѣется, мало помогала дѣлу, и вооруженіе русской конницы вовсе не годилось уже для войны съ западными сосѣдями. Нѣкоторые дѣти боярскіе, по десятнямъ, вооружены уже были пищалями; но они составляли самое незначительное меньшинство среди массы, не имѣвшей огнестрѣльнаго оружія. Оно было въ то время почти исключительнымъ достояніемъ стрѣльцевъ. Флетчеръ не хвалитъ русскія пищали, которыя онъ называетъ самопалами: онѣ были очень тяжелы и стрѣляли небольшою пулею; заряжались очень неудобно. Но если иностранцы не хвалятъ русскаго ручнаго оружія, то всѣ они изумляются русской артиллеріи того времени. Флетчеръ, всегда столь неблагосклонный къ Московскому правительству, полагаетъ, однако, что ни у одного христіанскаго государя нѣтъ такой прекрасной артиллеріи, какъ у Московскаго царя. Гейденштейнъ неоднократно упоминаетъ о массѣ снарядовъ и орудій, найденныхъ въ крѣпостяхъ, взятыхъ Баторіемъ, въ Полоцкѣ, Великихъ Лукахъ, Невли; о послѣдней Гейденштейнъ дѣлаетъ любопытное замѣчаніе: «найдены были въ ней значительные запасы пушекъ и другихъ военныхъ орудій; пороха же найдено было не больше половины бочки, чего до сихъ поръ ни въ какой крѣпости не бывало». Полякамъ, по словамъ другаго польскаго дневника, Невль сдалась отъ недостатка пороха.

При осадѣ Пскова поляки, по свидѣтельству авторовъ дневниковъ, удивлялись количеству и качеству Московской артиллеріи; «не

---

[1]) А. П. Барсукова, родъ Шереметевыхъ I, 261; Acta historica res gestas Poloniae illustrantia, XI, 257; Дневникъ послѣдняго похода. Переводъ съ польскаго Милевскаго.

[2]) Описаніе русскаго стариннаго вооруженія см. въ «Историческомъ описаніи одежды, вооруженія россійскихъ войскъ», часть 1-я, стр. 44 и сл., тѣмъ же въ IV гл. описаніе музыкальныхъ инструментовъ того времени, а въ V гл. описаніе знаменъ, въ томъ числѣ и знамени Іоанна Грознаго. Также П. Савваитова, «Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора».

понимаю, откуда у нихъ такое изобиліе ядеръ и пороху; когда наши выстрѣлятъ разъ, они въ отвѣтъ выстрѣлятъ десять разъ и рѣдко безъ вреда». Въ очеркѣ, посвященномъ 500-лѣтію русской артиллеріи, г. Бранденбургъ, приведя указаніе Кобенцеля 1576 г., что великій князь московскій имѣетъ въ изобиліи запасы всякаго рода оружія, а огнестрѣльный снарядъ такой, что кто не видалъ его—не повѣритъ описанію, что у русскихъ всегда на готовѣ до 2,000 орудій, находитъ, что нельзя это показаніе считать преувеличеннымъ, такъ какъ изъ воеводскихъ донесеній половины XVII столѣтія, составленныхъ одновременно и присланныхъ изъ 96 разныхъ мѣстъ Россіи, можно насчитать 2,730 орудій; въ это число не вошли свѣдѣнія о числѣ орудій въ Москвѣ и другихъ мѣстностяхъ [1]).

Боевое устройство русскаго войска XVI вѣка въ настоящее время прекрасно выяснено по разрядамъ: войско дѣлилось обыкновенно на пять полковъ: Большой, Правая рука, Передовой и Сторожевой и Лѣвая рука; въ небольшихъ походахъ было только три полка: Большой, Передовой и Сторожевой; напротивъ, въ исключительныхъ случаяхъ, напр. въ Казанскомъ походѣ, въ Полоцкомъ походѣ, Ругодивскомъ походѣ, когда во главѣ войска шелъ самъ царь, тогда прибавлялись еще Царскій или Государевъ полкъ и Ертоулъ—передовой отрядъ, на обязанности котораго лежала развѣдочная часть и улучшеніе путей, по которымъ двигалось главное войско. Отдѣльныя части, имѣвшія самостоятельныхъ воеводъ, были также: нарядъ (артиллерія) и обозъ или Гуляй-городъ. Роль нынѣшняго генеральнаго штаба принадлежала разряду; къ разряду назначали дьяка или двухъ дьяковъ.

Развѣдочная часть лежала, главнымъ образомъ, на татарахъ; по свидѣтельству одного изъ дневниковъ войны Баторіевой, Грозный даже запретилъ татарамъ запираться въ крѣпостяхъ [2]). Странно, что Флетчеръ допускаетъ грубую ошибку въ своему изложеніи; онъ пропустилъ Большой полкъ, такъ какъ Воеводу Большаго считалъ за главнокомандующаго; поэтому, по его словамъ, русское войско раздѣлялось на четыре полка: правый полкъ, лѣвый полкъ, рушной (Rusnoy) и сторожевой. Въ этомъ перечисленіи любопытно еще наименованіе передоваго полка «рушнымъ», т. е. разъединяемымъ, такъ какъ изъ этого полка, по Флетчеру, посылаютъ подкрѣпленія въ

[1]) Гейденштейнъ, «Записки о Московской войнѣ», 72, 141, 146; Дневникъ послѣдняго похода: 93, 121, 211; Acta hist. res gest. Pol. ill. XI, 262; Артиллерійскій журналъ 1889, № 5. (Статья г.-м. Бранденбурга).

[2]) Acta hist. res gest. Poloniae ill. XI, 224.

ту или другую часть. Въ разрядахъ, которыхъ сохранилось отъ XVI вѣка очень много, ни разу не встрѣчается такого названія.

Надъ каждымъ полкомъ начальствовалъ воевода; это же званіе носили и второй и третій воеводы полка. Флетчеръ опять ошибается, когда говоритъ, что званіе воеводы принадлежитъ только главноначальствующему, да еще воеводамъ нарядному и гулевому; воеводы гулевые въ разрядахъ всегда называются воеводами у «обоза»; какъ изъ словъ дьяка Тимоѳеева такъ и Авраамія Палицына можно видѣть, что Гуляй-городъ было старинымъ названіемъ, которое мало по малу выходило изъ употребленія. Вѣроятно, вслѣдствіе непониманія слова «Гуляй», «гулевой», Флетчеръ сообщаетъ что гулевой воевода начальствовалъ и надъ Гуляй-городомъ и надъ развѣдочнымъ отрядомъ.

У каждаго начальника полка, которыхъ Флетчеръ называетъ генералъ-лейтенантами, было по два помощника, генералъ-маіора: по разрядамъ число воеводъ въ полкахъ бывало разное,—но большею частью ихъ было по два.

Подъ воеводами стояли головы, которые начальствовали отрядами въ 1,000, 800 и 100 человѣкъ, по словамъ Флетчера; имъ подчинялись пятидесятники и десятники. Маржеретъ, вѣроятно, головъ называетъ капитанами; по его словамъ, въ русскомъ войскѣ только были воеводы да капитаны, другихъ офицеровъ нѣтъ. Относительно конницы дѣтей боярскихъ извѣстія Маржерета справедливѣе; извѣстіе Флетчера приложимо къ стрѣлецкому войску, гдѣ были головы,—начальники стрѣлецкихъ приказовъ или приборовъ, сотники, пятидесятники и десятники. Въ походѣ 1577 г. царскій полкъ состоялъ изъ 1,444 дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые были подъ начальсвомъ 14 головъ; у двухъ головъ,—князей Трубецкихъ, было подъ начальствомъ—167 чел. у кн. Никиты Романовича Трубецкаго и 185 чел. у кн. Тимоѳея Романовича; у послѣдняго по списку головы—Михаила Ив. Головина показано всего 55 чел.; у остальныхъ головъ отъ 120—98 чел. Обычнымъ числомъ было, вѣроятно, 100 чел., какъ это видно изъ перваго извѣстія о головахъ, относящагося къ Казанскому походу [1]).

[1]) Вельяминовъ-Зерновъ, loc. cit. «И приказываетъ государь да урядятъ въ полку въ его царскомъ коемуждо сту бранныхъ дѣтемъ боярскимъ голову изъ великихъ отцовъ дѣтей, изячныхъ молодцовъ и искусныхъ ратному дѣлу для большого дѣла супротивнаго и для разныхъ посылокъ; да коежды сынъ боярскій своего голову знаютъ и приближатся къ дѣлу»—см. А. П. Барсукова, op. cit., I, 148.

Что касается до порядка назначенія воеводъ, то Флетчеръ подтверждаетъ, что выборъ ихъ дѣлается не по степени храбрости или опытности въ дѣлахъ воинскихъ, а, напротивъ, главный воевода назначается изъ знатнѣйшихъ дворянскихъ фамилій. Флетчеръ называетъ слѣдующихъ четырехъ лицъ, которыя въ его время обыкновенно занимали эту почетную должность: кн. Ѳ. Ив. Мстиславскій, кн. Ив. Мих. Глинскій, Черкасскій и Трубецкой; «а воеводъ Государь прибираетъ разсуждая ихъ отечество; и кто того дородился, то можетъ ратный обычай содержати». Названныя Флетчеромъ лица, дѣйствительно, въ началѣ царствованія Ѳеодора обыкновенно стояли во главѣ войска.

Въ 1584 г. кн. Ѳ. Мих. Трубецкой; въ 1585 г. кн. Бор. Камбулатовичъ Черкасскій, въ 1586 г. опять Черкасскій, въ 1587 г. кн. Ив. Мих. Глинскій; въ 1588 г. кн. Ѳед. Ив. Мстиславскій, въ 1589 г. опять кн. Ѳед. Ив. Мстиславскій; въ 1590 г. въ шведскомъ походѣ—опять кн. Ѳед. Ив. Мстиславскій [1]).

Относительно этихъ лицъ Флетчеръ замѣчаетъ, что всѣ они знатны родомъ, но не отличаются никакими особенными дарованіями, и только Глинскій (какъ говорятъ) обладаетъ нѣсколько лучшими качествами. Должно отмѣтить, что раньше о Глинскомъ Флетчеромъ было сказано какъ-разъ противное—онъ названъ почти идіотомъ — beinge himselfe verie simple and almost a naturall (p. 37—38); но назначаютъ ихъ, потому что вслѣдствіе своей знатности они пользуются особымъ распоряженіемъ въ войскѣ.

Важное значеніе воеводъ вполнѣ подтверждается и другими извѣстіями. По словамъ Гейденштейна, воеводы осажденныхъ крѣпостей дольше всѣхъ упорствовали въ сдачѣ.—Въ Полоцкѣ владыка Кипріанъ и воеводы, бывшіе въ крѣпости, одни отговаривали отъ сдачи и настаивали, что лучше умереть, нежели отдаться живыми въ руки непріятелей; они уже раньше пытались поджечь порохъ и за одинъ разъ взорвать крѣпость, убить себя и всѣхъ находившихся въ ней, но были удержаны ратными людьми. Тоже было въ Заволочьѣ, гдѣ, по словамъ дневника, гарнизонъ выслалъ даже парламентеровъ, заключившихъ договоръ, но воеводы отказались утвердить его [2]). Роль кн. Ив. Петр. Шуйскаго при защитѣ Пскова достаточно извѣстна,—по словамъ Гейденштейна же, въ день приступа онъ разъѣзжалъ всюду на конѣ; угрозами, просьбами и даже

[1]) Разряды за эти годы въ Симбирскомъ Сборникѣ.

[2]) Гейденштейнъ, 36, Acta Pol. XI, 262 и 268; Дневникъ послѣдняго похода 215.

слезами онъ, при помощи епископа, успѣлъ остановить бѣгство своихъ. То же говоритъ авторъ дневника послѣдняго похода: «сообщаетъ также (лазутчикъ), что стрѣльцы и чернь рады бы передаться намъ, но ихъ не пускаютъ воеводы».

Такъ какъ, однако, большинство лицъ наиболѣе знатныхъ не отличалось военными дарованіями, то, по словамъ Флетчера, помощниками ихъ назначаютъ далеко не столь знатныхъ родомъ, но выдающихся храбростью и знаніемъ военнаго дѣла. Это замѣчаніе Флетчера, совершенно вѣрное, многое объясняетъ. Напр., Гейденштейнъ говоритъ, что «хотя Василій (Шуйскій) былъ старше Ивана, однако главное начальство въ Псковѣ поручено было Ивану». Также сказано въ повѣсти «о прихожденіи лит. кор. Стефана», но по разрядамъ первымъ названъ Вас. Ѳед. Скопинъ-Шуйскій. «Того жъ году, во Пскове: бояринъ, кн. Вас. Ѳед. Скопинъ-Шуйской да бояринъ, кн. Іванъ Петр. Шуйской» и др.; по случаю мѣстничества Бутурлина и Салтыкова прислана грамота «отъ царя и великаго князя... бояромъ і воеводамъ, князю Василью Ѳедоровичу Скопину Шуйскому» [1]). Первымъ воеводой былъ В. Ѳ. Скопинъ-Шуйскій, но на дѣлѣ-то защитою распоряжался кн. Ив. П. Шуйскій, что и ввело въ заблужденіе не только иностранцевъ, но и русскаго составителя «повѣсти о прихожденіи лит. кор. Стефана». Такую же роль не разъ игралъ славный воевода Иванъ Меньшой Васильевичъ Шереметевъ, напр., въ походѣ на Ревель 1576 г., гдѣ первымъ воеводой Большаго полка былъ кн. Ѳед. Ив. Мстиславскій, а Ив. Вас. Шереметевъ вторымъ, но онъ клялся Грозному взять во что бы то ни стало этотъ городъ. Во время Флетчера такимъ значеніемъ, по его словамъ, пользовался кн. Дм. Ив. Хворостининъ, старый и опытный воинъ, много послужившій противъ татаръ и поляковъ. Имя этого воеводы, дѣйствительно, очень часто встрѣчается въ разрядахъ и другихъ памятникахъ. При нападеніи хана въ 1571 г. Дм. Ив. Хворостининъ былъ съ государемъ въ передовомъ полку; по «повѣсти о бою воеводъ московскихъ» Дм. Ив. принималъ самое дѣятельное участіе въ битвѣ при Лопаснѣ съ передовымъ полкомъ. Въ 1590 г. 20-тысячный шведскій отрядъ Густ. Банера былъ разбитъ кн. Хворостининымъ близь Нарвы.

Въ 1588 г. кн. Дм. Ив. Хворостининъ былъ вторымъ воеводой въ Большомъ полку—первымъ кн. Тим. Ром. Трубецкой (разрядъ только па три полка); нѣсколько князей,—Хилковъ, Кашинъ и Сал-

---

[1]) Гейденштейнъ, 200 и 291 (примѣчаніе); Симбирскій Сборникъ, 70.

тыковъ били челомъ, что имъ меньше кн. Хворостинина быть нельзя; если государевы грамоты учнутъ приходить къ одному кн. Тим. Ром. Трубецкому съ товарищи,—они на государеву службу готовы; а учнутъ грамоты приходить кн. Тим. Ром. Трубецкому да кн. Дм. Ив. Хворостинину, жалобщикамъ быть меньше кн. Хворостинина невмѣстно [1]).

Флетчеръ, какъ и большая часть другихъ иностранцевъ, говоритъ, что русскіе гораздо лучше защищаются въ крѣпостяхъ, чѣмъ сражаются въ открытомъ полѣ. Это общее мнѣніе всѣхъ иностранцевъ. Прекрасное объясненіе этого явленія дастъ Гейденштейнъ. По его словамъ, московскій государь ни на одно средство не полагается такъ много, какъ на укрѣпленія, построенныя въ самыхъ удобныхъ мѣстахъ между извилинами рѣкъ и озеръ. Такой способъ веденія войны русскіе, вѣроятно, усвоили себѣ еще съ того времени, когда при незначительности своей они еще имѣли мало возможности бороться открытою силою съ болѣе могущественными сосѣдями и потому искали защиты, большею частью, въ свойствахъ мѣстности; а затѣмъ они удержали этотъ образъ войны, видя свои постоянныя неудачи въ сраженіяхъ съ сосѣдями, особенно съ поляками, и что не могутъ они много расчитывать на храбрость своихъ въ битвѣ. У Гейденштейна очень много подробностей, какъ русскіе защищали крѣпости. Деревянныя крѣпости, покрытыя дерномъ, снабженныя больверками и башнями, окруженныя рвами, валомъ и заборомъ до послѣдней войны (1579—81 гг.) считались неприступными и даже имѣли преимущества предъ каменными, такъ какъ представляли большее сопротивленіе дѣйствію орудій, чѣмъ тогдашнія каменныя: пробитыя онѣ не такъ скоро разрушались, какъ каменныя. Но Стефанъ Баторій приказалъ стрѣлять калеными ядрами, отчего обыкновенно загорались стѣны; тогда русскіе воеводы начали было обмазывать стѣны глиною; но это оказалось неудобнымъ: ядро легко пробивало глину, бревна воспламенялись, а тушить ихъ стало еще труднѣе. Тогда Сабуровъ, воевода въ Заволочьѣ, «придумалъ средство, чтобы невозможно было при осадѣ пользоваться калеными ядрами. Наученный исходомъ другихъ осадъ, онъ сломалъ стѣну, гдѣ она была слишкомъ толста и, оставивъ только одинъ рядъ бревенъ, которыми она держалась, внутреннюю часть прикрылъ довольно широкою насыпью, которую онъ скрѣпилъ плетнемъ, вслѣдствіе того ядра,

[1] Карамзинъ, пр. IX, 353 и 391; Соловьевъ, VII, 279; Синбирскій Сборн., 98.

быстро проходя чрезъ тонкую стѣну, оставались въ насыпи и тамъ сами собой потухали». Въ другихъ мѣстахъ для тушенія пожара употребляли воловьи кожи. Поляки не разъ пытались подъ Псковомъ подвести подкопы подъ стѣны, но русскіе повсюду провели «слухи» и открывали всѣ подкопы [1]).

Сами русскіе сознавали свою несостоятельность въ открытомъ полѣ. Этимъ, конечно, и объясняется появленіе подвижной крѣпости Гуляй-города или обоза. По описанію Флетчера, Гуляй-городъ состоялъ изъ двухъ деревянныхъ стѣнъ, защищавшихъ воиновъ какъ спереди такъ и сзади; разстояніе между стѣнами равнялось тремъ ярдамъ, въ стѣнахъ сдѣланы были отверстія, въ которыя выставляли дула орудій и пищалей. Гуляй-городъ или вежу возили за войскомъ, разобравъ на составныя части, наложивъ на телѣги, запряженныя лошадьми, которыхъ, впрочемъ, совсѣмъ не было видно изъ за поклажи. Ставятъ Гуляй-городъ очень скоро, не употребляя при этомъ никакихъ инструментовъ. У діака Ивана Тимоѳеева находимъ такое описаніе Гуляй-города: «въ простой рѣчи глаголемый обозъ, древнимъ же званіемъ—гуляй. Его же существо зримо, яко градъ, бяше, подобаю, древоестественъ, тончайшими дщками содѣланъ, щитоподобно имъ сограждение градозабралнимъ устроеніемъ въ защищеніе вѣрнымъ. Мѣру же долготы каяждо часть забралъ тѣхъ имяху трилакотну, ли вяшше что мало, широты же въ высоту сажень едина; друга друзѣй соткмени составы тѣхъ, яко члены нѣкіе животныхъ плотяными жилами, между себе сосвязаеми бываху желѣзныхъ веригъ укрѣпленми. Отъ мѣста же на мѣсто преходъ по движеніемъ пошественымъ состроенъ: егда ему поступати, идетъ, и егда стояти, стоитъ. Колесничио же его прохожденіе бысть: внутрь всеа круглости его въ колесница многи впряженіе мсковъ, поступающихъ тѣхъ силою движенія на иже мѣсто архиначальника воемъ и строитися ратемъ повелитъ двинутти или статн слово; животные въ немъ вся отнюдь незримы внѣшнихъ очесы. Обоимательство же таково того величество о себѣ имать, яко и велію рать всю съ потребами всѣми, вмѣщая въ себѣ, ему затворяти, и оружества многи, елико довлѣти. Къ сраженію же въ прямного противленія ратныхъ исхожденіе нашихъ полкодвижнѣхъ силъ свободно бѣ въ коеяждо страны ему, противу бо потребѣ своя отверзая забрало, егда въ мѣру сопрс-

[1]) Гейденштейнъ, 29 и 30, 160, 213; Дневникъ послѣдняго похода, 122; Acta XI, 233.

тивныхъ навѣтъ будетъ. Твердость же тѣлесного того основанія толика: токмо лукопущенѣхъ стрѣлъ устремленіе въ себѣ удержати вѣсть, возбраняетъ суровство тѣхъ единѣхъ въ себѣ и притупѣваетъ удобь, развѣ прочихъ и мелчайшихъ огнепалныхъ стрѣленій громоподобнѣ рыканіе проиэносныхъ страшнѣ гласовъ. Сихъ къ себѣ яростнаго приблеженіе летящихъ невидимо воздухомъ стенобитвеныхъ желѣзокалемосердецъ того тончайшая тѣлеса не стерпѣваютъ о всемъ, и множае величайшихъ, оного состроеніе тонкости удобнѣ, яко же сткленичное естество, разсыпаютъ, ли паче рещи, песочное» [1]).

Это описаніе современника вполнѣ согласно съ описаніемъ Флетчера; Флетчеръ говоритъ, что Гуляй-городъ употребляли противъ татаръ, на западной же границѣ русскіе его не употребляли. Судя по писцовой книгѣ Коломны, тамъ хранили Гуляй-городъ; Гуляй-городъ впервые введенъ былъ въ княженіе Василія Іоанновича. Противъ татаръ это изобрѣтеніе было вполнѣ цѣлесообразно: отбитый въ 1572 году, крымскій ханъ съ раздраженіемъ писалъ Грозному: «на Окѣ на берегу хворостомъ сдѣлали дворъ, да около того ровъ копали»; по словамъ же повѣсти объ этомъ бою, князь Воротынскій велѣлъ стрѣлять, именно, изъ за Гуляй-города. Въ 1591 году въ приходъ къ Москвѣ Кизы-Гирея государь велѣлъ воеводамъ со всѣми людьми стать въ обозѣ; воеводы такъ и поступали. У обоза были, обыкновенно, свои воеводы; въ разрядахъ походовъ противъ шведовъ, нѣмцевъ и поляковъ обозъ не упоминается [2]).

Почему же русскія войска, которыя такъ храбро защищали крѣпости, которыя переносили такія невзгоды и лишенія, что возбуждали завистъ и удивленіе иностранцевъ, почему же они терпѣли постоянныя пораженія въ открытомъ полѣ? Флетчеръ даетъ объясненіе этому явленію, но объясненіе нѣсколько одностороннее: рабское состояніе, въ которомъ держатся русскіе и недостатокъ въ наградахъ, отличіяхъ; лица, наиболѣе отличавшіяся, получали въ награду золотые съ изображеніемъ св. Георгія. Дѣйствительно, пожалованье золотыми наиболѣе распространенная награда: кому жаловали золотой португальскій, на «чепь золоту», кому золотой угорской, корабельный, московку золотую, иногда даже золоченую. За отбитіе Казы-Гирея Годуновъ получилъ золотой португальскій,

[1]) Временникъ Ивана Тимоѳеева, 305—307.

[2]) Карамзинъ, пр. IX, 391; Сибирскій Сборникъ, 115—116, 59 и др.

кромѣ того званіе слуги, три города въ Важской землѣ [1]), шубу въ 1,000 рублей, золотую цѣпь и такой-же сосудъ. Ѳ. И. Мстиславскій получилъ также золотой португальскій, пригородъ Кашинъ съ уѣздомъ, шубу, кубокъ съ золотою чаркою; другіе воеводы и ратные люди получили шубы, сосуды, вотчины, помѣстья, деньги и т. п. Сохранилось также отъ XVI одна царская похвальная грамота, выданная Кипріану Аничкову. Въ публицистическомъ произведеніи XV вѣка «повѣсть о взятіи Царь-града» можно указать сужденіе, очень близкое къ сужденію Флетчера. «Въ которомъ царствѣ люди порабощены, въ томъ царствѣ люди не храбры, и въ бою противъ недруга не смѣлы, ибо пораженный человѣкъ срама не боится и чести себѣ недобываетъ, а говоритъ такъ: хоть богатырь иль не богатырь, однако я холопъ государевъ и ко мнѣ имени не прибудетъ» [2]). Весь строй Московскаго государства того времени слишкомъ мало давалъ простора для дѣятельности одного лица. По боярскимъ, напр., понятіямъ, государь жаловалъ деньгами и землями, а не честью. Честь сына обусловливалась честью отца. Только въ опричнину или позже въ смутное время даровитые люди могли пробиться наверхъ и играть значительную роль.

Но эти слова Флетчера не объясняютъ всего, почему одни и тѣ же лица были прекрасными защитниками крѣпостей, почему тамъ они держались до послѣдняго издыханія, смерть предпочитали сдачѣ, и почему они же такъ неумѣло дѣйствовали въ открытомъ полѣ. Ричардъ Чанслоръ вѣрно замѣтилъ: «если бы этотъ князь имѣлъ въ своей странѣ людей, которые могли научить вышесказаннымъ (порядку и дисциплинѣ) вещамъ, то я думаю, что два лучшихъ и сильнѣйшихъ христіанскихъ государя не могли бы соперничать съ нимъ вслѣдствіе его могущества, суровости и выносливости его народа и лошадей и тѣхъ незначительныхъ издержекъ, которыхъ стоитъ ему война» [3]). Неумѣнье сражаться, отсутствіе искусныхъ вождей, отсутствіе дисциплины, вооруженіе, отжившее свой вѣкъ — вотъ главныя причины русскихъ военныхъ неудачъ XVI и XVII вѣковъ. Какъ иногда собирали дѣтей боярскихъ, видно изъ царской грамоты 1578 г. Михаилу Внукову: ему велѣно было ѣхать въ Водскую пятину, всѣхъ встрѣчныхъ дѣтей боярскихъ давать на поруки съ записьми, а остальныхъ отыски-

[1]) Ср. стр. 191.

[2]) Николаевскій, Русская проповѣдь XV и XVI в. в. Ж. М. Н. Пр. 1868 № 4. Чт. Об. Ист. и Др. росс. 1884, № 4.

вать, бить кнутомъ и высылать на службу во Псковъ; которые же дѣти боярскіе убѣгутъ со службы, снова ихъ отыскивать, бить кнутомъ и отправлять за поруками на службу. Послѣ этого не покажется преувеличеннымъ и разсказъ Гейденштейна, что Хвостову, который велъ отрядъ въ 7,000 чел. на помощь осажденному Пскову, приходилось идти самому сзади для того, чтобы чуть не силой удерживать разбѣгавшихся воиновъ. Напротивъ того, Борисъ Годуновъ, только-что избранный въ цари и не чувствовавшій еще подъ собою твердой почвы, велѣлъ въ городахъ только разглашать о своемъ прибытіи въ Серпуховъ; воеводы должны были собрать дѣтей боярскихъ, а присланные къ воеводамъ жильцы должны были сперва спросить дѣтей боярскихъ отъ имени царя объ ихъ здоровьѣ. Потому, можетъ быть, не явиться на службу или уѣхать со службы раньше, вовсе не считалось важнымъ преступленіемъ; только самыхъ упорныхъ нѣтчиковъ наказывали лишеніемъ помѣстьевъ; въ менѣе важныхъ случаяхъ, т. е. въ случаѣ своевольнаго отъѣзда, или вовсе не наказывали или наказывали уменьшеніемъ денежнаго жалованья [1]). Кромѣ того и число войскъ, которымъ располагало Московское правительство, вовсе не было такъ велико какъ думали иностранцы.

О военномъ искусствѣ русскіе не имѣли въ то время надлежащаго понятія; сраженіе начинали всѣ за разъ, безъ всякаго порядка; достаточно было пасть въ началѣ битвы воеводѣ или дрогнуть какой-нибудь части, чтобы все войско обратилось въ бѣгство.

---

[1]) Д. А. И. I, 124. А. М. Г. I, № 35. Русск. Ист. Библ. II, 4[illegible].

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Длинный рядъ извѣстій Флетчера, разобранныхъ выше, свидѣтельствуетъ, что сочиненіе его по праву занимаетъ высокое мѣсто среди источниковъ русской исторіи XVI вѣка.

Лучше всего, конечно, удались Флетчеру тѣ мѣста сочиненія, гдѣ онъ просто, безъ всякихъ разсужденій, описываетъ или разсказываетъ, какъ очевидецъ,—впечатлѣнія, вынесенныя имъ отъ русской природы, внѣшній бытъ народа,—его постройки и одежду, портреты царя Θеодора и его супруги, царицы Ирины. Изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ объ этихъ предметахъ и объ этихъ лицахъ больше подробностей, больше характерныхъ чертъ, но ни откуда мы не вынесемъ такого цѣльнаго впечатлѣнія, какъ изъ сочиненія Флетчера.

Въ тѣхъ сообщеніяхъ, которыя онъ передаетъ со словъ другихъ лицъ, болѣе частые промахи уже неизбѣжны; сравнительно лучше излагаетъ Флетчеръ факты по политической исторіи Россіи (со времени Іоанна IV) и описанія сѣверныхъ ея окраинъ. Онъ раздобылъ хорошія свѣдѣнія о Сѣверѣ Россіи и тамошнихъ инородцахъ; несомнѣнно эти его извѣстія—значительный шагъ впередъ въ географической наукѣ, но изъ сочиненій его предшественниковъ—англичанъ мы почерпнемъ болѣе богатыя свѣдѣнія. Онъ вѣрно подмѣтилъ основную цѣль политики Грознаго, но судилъ объ ней уже по ея слѣдствіямъ и потому придалъ ей такой послѣдовательный характеръ, каковаго въ дѣйствительности она не имѣла; во всякомъ случаѣ намъ интересно знать, что уже при Θеодорѣ въ Москвѣ понимали, какіе удары нанесъ Грозный княжеской аристократіи, сильной своими связями съ населеніемъ удѣльныхъ княженій ея предковъ; эти извѣстія Флетчера въ значительной степени отголосокъ ходившихъ въ Москвѣ разговоровъ, равно

какъ и сообщенія его объ отношеніяхъ Бориса Годунова къ царевичу Димитрію; при недостаткахъ, свойственныхъ всѣмъ политическимъ разговорамъ-сплетнямъ, эти сообщенія будутъ далеко не лишни для будущаго изслѣдователя, который займется все еще нерѣшеннымъ вопросомъ о событіи 15 Мая 1591 года.

Труднѣе, чѣмъ факты историческіе, было усвоить Флетчеру современное ему положеніе русскаго общества и государства. Въ этихъ сообщеніяхъ Флетчера уже больше ошибокъ, встрѣчаются противорѣчія, что затрудняетъ въ значительной степени толкованіе ихъ. Однако, именно эти-то сообщенія Флетчера и придаютъ столь цѣнный характеръ всему сочиненію. Они касаются наиболѣе интересныхъ сторонъ жизни народа и государства, о которыхъ, съ другой стороны, сохранились въ источникахъ свѣдѣнія, далеко неполныя, отрывочныя; поэтому къ этимъ извѣстіямъ Флетчера относились всегда съ наибольшимъ вниманіемъ. Его сообщенія о раздѣленіи населенія на сословія, вмѣстѣ съ другими источниками позволяютъ точнѣе опредѣлить, какіе именно разряды лицъ выдѣлялись въ 80-хъ годахъ XVI вѣка въ московскомъ обществѣ; его извѣстія о Четвертяхъ помогаютъ разобраться въ характерѣ этихъ учрежденій, ихъ отношеній къ другимъ приказамъ; цифры сбираемыхъ съ государства доходовъ очень преувеличены, но это единственное показаніе, какое мы имѣемъ по столь важному вопросу; мы постарались указать, какъ можно было бы, на нашъ взглядъ, распутать эти сообщенія Флетчера и низвести 1.430,000 р. чистаго дохода до 400,000 р. съ небольшимъ валоваго дохода; совершенно то же приходится сказать и о числѣ войскъ въ Московскомъ государствѣ: нельзя полагать, чтобы было именно 80,000 чел. дѣтей боярскихъ, но можно допустить, что дѣтей боярскихъ и ихъ слугъ, съ которыми они являлись на войну, было около этого числа. Часто заблуждаясь въ общемъ, Флетчеръ въ этихъ своихъ извѣстіяхъ даетъ, тѣмъ не менѣе, очень много мелкихъ подробностей и чертъ, далеко не лишенныхъ интереса, — какъ-то: о засѣданіяхъ думы и собора, о вѣдомствѣ нѣкоторыхъ приказовъ, о числѣ вспомогательныхъ отрядовъ въ русскомъ войскѣ, о вооруженіи войска, о судопроизводствѣ.

Главнымъ недостаткомъ этихъ извѣстій Флетчера, съ фактической стороны, служитъ стремленіе автора—обобщать и систематизировать узнанное или видѣнное имъ, между тѣмъ какъ, именно, эти стороны тогдашней жизни труднѣе всего было привести въ какую-нибудь систему: и управленіе административное, и церков-

ное, и финансовое, и формы судопроизводства, и налоги, и пошлины,—все это было такъ разнообразно, такъ измѣнялось согласно условіямъ мѣстности и состава населенія; Флетчеръ не замѣтилъ разнообразія и потому допустилъ въ своемъ изложеніи довольно крупныя ошибки: онъ не замѣтилъ вовсе самоуправленія общинъ, неправильно опредѣлилъ вѣдомства отдѣльныхъ приказовъ (Четвертей, Большаго Прихода). Съ другой стороны, конечно, многаго онъ и не могъ понять,—онъ недостаточно зналъ русскій языкъ; а многія ошибки именно этимъ должно объяснить (волокъ, Бѣлый царь, четверть, выть); затѣмъ должно сказать въ извиненіе Флетчера, что онъ покинулъ Россію лѣтомъ 1589 г., а издалъ книгу въ Лондонѣ въ 1591 г., слѣдовательно, онъ обработывалъ матеріалъ въ Англіи, гдѣ едва ли онъ могъ найти людей, способныхъ помочь ему, если онъ и чувствовалъ кое-гдѣ неясность сдѣланныхъ въ Москвѣ и на обратномъ пути записей; многія данныя ему доставилъ Горсей, который, какъ мы видѣли, не можетъ похвалиться ни достовѣрностью своихъ сообщеній, ни ясностью изложенія, ни даже грамотностью; неудивительно, что Флетчеру очень трудно было разобраться въ полученныхъ отъ Горсея матеріалахъ.

Однако, несмотря на то, что ясность изложенія и пониманія были несомнѣнно характерными свойствами ума Флетчера, мы не думаемъ, чтобы его можно было вполнѣ оправдать въ тѣхъ ошибкахъ и противорѣчіяхъ, которыя отмѣчены нами. Въ «Введеніи» мы уже указали, какъ мало извлекъ Флетчеръ изъ сочиненій тѣхъ авторовъ, на которыхъ онъ ссылается, какъ онъ къ нимъ отнесся пренебрежительно и поверхностно; указаны были случаи, гдѣ онъ и самъ также поспѣшно, наскоро наблюдалъ русскую жизнь, — внимательное отношеніе къ предмету своего сочиненія какъ будто несвойственно Флетчеру. Думаемъ, что отчасти это объясняется характеромъ самого сочиненія, на что мы намекали еще во «Введеніи»; здѣсь мы невольно соприкасаемся съ тѣми сообщеніями Флетчера, въ которыхъ разсужденія автора занимаютъ первенствующее положеніе, а факты, сообщенные тутъ же, должны служить подтвержденіемъ для разсужденій; конечно, это самыя слабыя извѣстія Флетчера, — власть и отношенія ея къ населенію и церкви, экономическій бытъ, нравственная и религіозная жизнь народа.

Мы не разъ въ своемъ изложеніи указывали на крайне враждебное отношеніе Флетчера къ русскому правительству и отчасти къ народу; выше мы указали также отчасти на причины такого

отношенія Флетчера, находящія себѣ объясненіе въ біографіи нашего автора: недовольство его малоуспѣшностью своего посольства и оказаннымъ ему въ Москвѣ пріемомъ, желаніе (оказавшееся неудачнымъ) обратить на себя вниманіе англійскаго правительства, какъ на человѣка, способнаго стать исторіографомъ Генриха VIII и Елизаветы. Кромѣ того изъ разбора самаго сочиненія должно замѣтить, что многаго онъ не понялъ, по причинамъ, отъ него независящимъ, во многомъ былъ введенъ въ заблужденіе окружавшими его лицами, въ томъ числѣ и русскими, жаловавшимися на дѣйствія правительства; наконецъ и то, что онъ наблюдалъ русское общество подъ управленіемъ временщика—Годунова, пріемы котораго по отношенію къ его врагамъ безспорно были исполнены подозрительности и жестокости. Но наиболѣе серьезной причиной такого отношенія къ государству русскому мы считаемъ то, что Флетчеръ не понялъ, не разгадалъ, что за народъ онъ видитъ передъ собой, — ошибка, которую такъ часто допускаютъ относительно новичковъ.

Когда западно-европейцы въ концѣ XV вѣка ознакомились съ Москвой, они не могли сразу понять, что это за народъ русскіе? какъ должно относиться къ этому народу? Есть ли это народъ въ родѣ персовъ, татаръ, турокъ, т. е. народъ варварскій, который можно будетъ выгодно эксплоатировать какъ въ торговомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи? Или это народъ европейскій, судя по его религіи, который не позволитъ себя эксплоатировать, а который захочетъ догнать своихъ болѣе счастливыхъ собратій и потребуетъ своей доли участія и вліянія въ общеевропейскихъ дѣлахъ. Если послѣднее справедливо (а оно было такъ въ дѣйствительности), то у русскаго народа должны бы быть уже сознанныя потребности, государственныя и общественныя, идеалы, завѣщанные ему исторіей; передъ Западной Европой онъ являлся не tabula rasa. Чтобы понять государственное устройство, взаимныя отношенія классовъ общества, отношенія къ сосѣдямъ,—для всего этого должно было проникнуть въ душу народную, ознакомиться съ прошлою его исторіей. Первое дѣло трудное, для иностранца почти недостижимое, второе—дѣло вполнѣ возможное.

Флетчеръ, какъ и очень многіе другіе, не разглядѣлъ характера русскаго народа, не предугадалъ его будущей роли въ дѣлахъ Европы. Онъ посмотрѣлъ на русскихъ, какъ на народъ, самою судьбою обреченный на низшія роли. Ему жалко было, до извѣстной степени, населенія, отъ котораго такъ много требовало

правительство; онъ желалъ бы, чтобы это населеніе, не лишенное умственныхъ способностей, благоденствовало, чтобы оно постепенно становилось европейскимъ, перенимая все, даже вѣроученіе, отъ болѣе просвѣщенныхъ народовъ; пусть правительство русское сбавитъ налоги, русскимъ не для чего вести войны съ западными сосѣдями,—тамъ всѣ мѣста уже заняты; пусть русскіе остаются въ тѣхъ предѣлахъ, гдѣ ихъ застали англичане, или воюютъ съ татарами на востокѣ и юго-востокѣ, расчищая безопасный путь въ Персію, Китай и Бухару англичанамъ. Если же вмѣсто этого русскіе ведутъ постоянныя войны съ Польшей и Швеціей,—это, полагалъ Флетчеръ, происходитъ отъ алчности правителей, желающихъ захватить какъ можно болѣе земель подъ свою власть; если они не даютъ монополіи англійскимъ купцамъ, если не позволяютъ имъ вести по всему государству безпошлинную розничную торговлю, это, по убѣжденію Флетчера, оттого, что боятся знакомства русскаго народа съ европейцами, боятся, что онъ выйдетъ изъ обычнаго своего послушанія власти; если не только не подчиняются требованіямъ и условіямъ англійскимъ, а англичанъ самихъ заставляютъ исполнять и уважать обычаи московской жизни,—это несомнѣнный, въ глазахъ Флетчера, признакъ крайняго самомнѣнія и невѣжества народа и его правителей.

Такъ понималъ русское общество Флетчеръ, и такое пониманіе наиболѣе серьезная причина его заблужденій. Еще разъ повторяемъ: напрасно было бы строго осуждать его за это. Какъ трудно правильно оцѣнить по первымъ шагамъ дѣятеля, впервые появляющагося на аренѣ; какъ враждебно отнесутся къ нему, если онъ совсѣмъ чужой, если его пріемы не похожи вовсе на пріемы другихъ многихъ, уже извѣстныхъ лицъ, если его дарованіе прежде всего оригинально, если онъ, чувствуя свою силу, потребуетъ себѣ мѣста тамъ, гдѣ, кажется, уже все занято своими!

Такимъ непріязненнымъ чувствомъ было встрѣчено появленіе русскаго народа на исторической сценѣ; раздѣленная политическою враждою и религіозною рознью Западная Европа поняла, что новый народъ можетъ стать виднымъ дѣятелемъ въ ея дѣлахъ; люди болѣе проницательные спѣшили уже воспользоваться богатыми силами русскаго народа для того, чтобы доставить торжество своимъ государствамъ надъ врагами; они торопились завязать сношенія съ Москвой и готовы были льстить ей; но и они смотрѣли на русскихъ, какъ на удобное орудіе, которое надо захватить въ свои руки, пока еще не успѣли этого же сдѣлать ихъ враги. Всѣ

разноплеменные и разновѣрные народы Европы сходились въ томъ, что русскіе варвары, пускать которыхъ въ Европу не слѣдуетъ.

Такія сужденія не должны удивлять ни тогда, когда они высказываются массой, ни тогда, когда они выходятъ изъ устъ людей, стоящихъ на стражѣ интересовъ своей родины. Думаемъ, однако, что отъ писателя, хотѣвшаго ознакомить своихъ соотечественниковъ съ малоизвѣстнымъ народомъ, можно требовать, если не болѣе сердечнаго, то болѣе внимательнаго отношенія къ изучаемому имъ обществу. Флетчеръ не видѣлъ, что русскій народъ готовъ былъ на очень и очень многія матеріальныя жертвы, чтобы возвратить себѣ все, что утрачено имъ было въ долгій періодъ тяжкаго бѣдствія, и обезпечить себѣ выгодное и почетное положеніе среди другихъ христіанскихъ народовъ Европы. Не понимая цѣлей правительства, раздѣляемыхъ и народною массою, преувеличивая очень силы государства, Флетчеръ объяснялъ всѣ дѣйствія правительства исключительно его узко-эгоистическими побужденіями. Мы думаемъ даже, что если неправильное, преувеличенное представленіе о силахъ и средствахъ государства способствовало возникновенію господствующей идеи автора, съ другой стороны и эта идея не осталась безъ вліянія на изложеніе Флетчеромъ его данныхъ о власти и управленіи Московскимъ государствомъ. Мы далеки отъ мысли обвинять его въ сознательной подтасовкѣ фактовъ; мы полагаемъ только, что разъ у Флетчера подъ вліяніемъ полученныхъ имъ въ Москвѣ впечатлѣній, подъ вліяніемъ данныхъ ему записей сталъ образовываться основной взглядъ на характеръ отношеній власти къ населенію, онъ незамѣтно для себя подводилъ факты подъ господствующую идею и не замѣчалъ тѣхъ противорѣчій, которыя кинулись бы ему въ глаза, если бы умъ его былъ свободенъ отъ предвзятой тенденціи.

Таковъ крупнѣйшій недостатокъ его сочиненій, который не остался безъ вліянія даже на фактическую сторону его работы, сообщивъ ей столь односторонній характеръ.

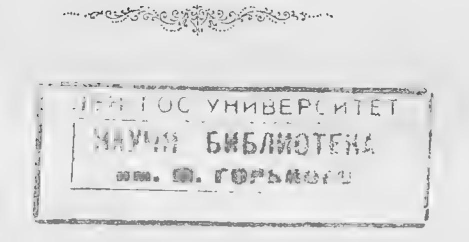
Стройно и ясно изложилъ Флетчеръ механизмъ государственный и общественный конца XVI вѣка въ Московскомъ государствѣ; подробное изученіе отдѣльныхъ сторонъ этого механизма показало, что онъ былъ гораздо сложнѣе, чѣмъ думалъ Флетчеръ; отдѣльныя части оказались не всегда вѣрно начертанными; но если и теперь еще можно найти у Флетчера много интереснѣйшихъ подробностей, то неудивительно, что за нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ сочиненіе Флетчера было важнѣйшимъ источ-

никомъ по вопросу о внутреннемъ состояніи государства въ концѣ XVI в.

Но, хорошо изложивши самый механизмъ, Флетчеръ вовсе не понялъ, чѣмъ онъ приводится въ движеніе; оттого у читателя (какъ и у самого Флетчера) получается превратное представленіе о всемъ строѣ государства.

Во всякомъ случаѣ русская историческая наука будетъ благодарна Флетчеру за сохраненіе массы интересныхъ фактовъ.

Непонятое и спутанное имъ, можетъ быть возстановлено въ истинномъ свѣтѣ; та же сторона русской жизни, которая вовсе не была понята имъ, легко доступна каждому, кто, не говоримъ уже съ любовью, а съ большимъ вниманіемъ и безпристрастіемъ взглянетъ на прошедшую судьбу русскаго народа.

I. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

А.

Б.

В

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

Л.

Р.

С.

*

Т.

II. УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ ИМЕНЪ.

В.

Г.

Д.

Е.

З.

И.

К.

Л.

М.

Н.

ПОПРАВКИ.

Стр. 3. На послѣдней строкѣ вмѣсто «Временникъ VII», должно читать «Временникъ VIII».

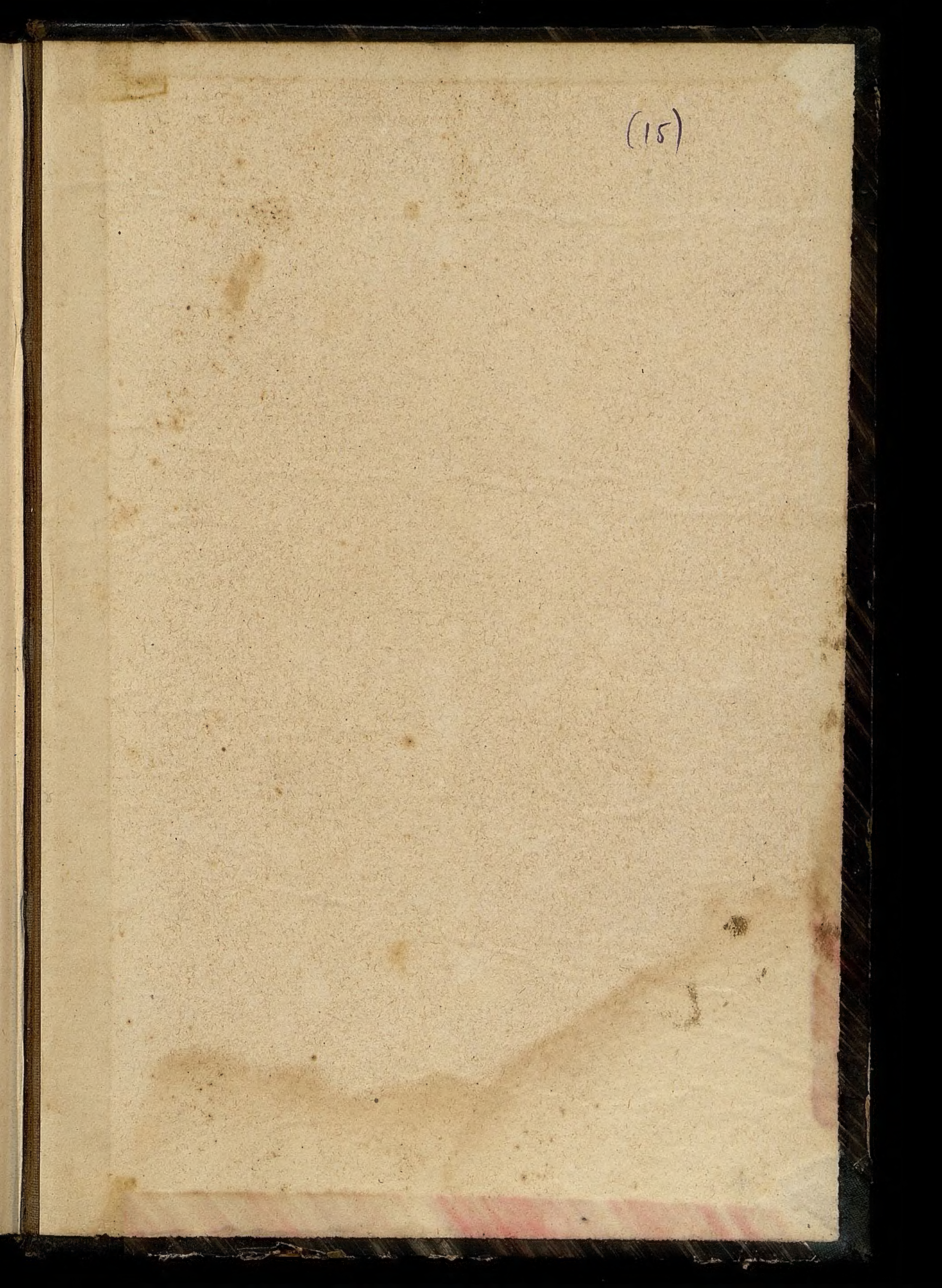
Стр. 58, 13-я стр. снизу, вмѣсто: «that are the choy men» слѣдуетъ: «that are the choyce men».

Стр. 158, послѣдняя строка, вмѣсто: «Барберини, Библ. ин. пис.» слѣдуетъ: «Барберини, Сказанія ин. пис.».

Стр. 189, 13-я стр. сн. «у боярина Григорія Васильевича» и 11-я стр. сн. «у боярина Ивана Васильевича», слѣдуетъ: «у боярина Григорія Васильевича Годунова» и «у боярина Ивана Васильевича Годунова».

Стр. 229, 5-я стр. св., вмѣсто «the Labore» слѣдуетъ «the Zabore».

Стр. 352, 11-я стр. сн., вмѣсто «исполна» слѣдуетъ «несполна».

(15)

